ПОСМЕРТНЫЕ ВЕЩАНИЯ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА МИРОТОЧИВОГО АФОНСКОГО

Древняя икона преподобного Нила, находящаяся в келлии Безбрадых (в храме Успения Богоматери); у преподобного в руках хартия, на которой написано (в переводе с греческого): "Братие! оружие монаха есть размышление, молитва, различение помыслов, смиренномудрие и послушание о Боге".

ПОСМЕРТНЫЕ ВЕЩАНИЯ

ПРЕПОДОБНОГО

НИЛА МИРОТОЧИВОГО АФОНСКОГО

Перевод с греческой рукописи

НИ-КА
Житомир
2002

Печатается по изданию:

ПОСМЕРТНЫЯ ВѢЩАНІЯ
преподобнаго
Нила Мνроточиваго
Аѳонскаго

переводъ съ греческой рукописи

Редактировалъ и составилъ
подстрочныя изъяснительныя примѣчанія
старшій членъ
С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета
архимандритъ Александръ

Изданіе
Келліи Благовѣщенской старца Парѳенія
на Аѳоне
1912

Отъ С.-Петербургскаго
Духовнаго Цензурнаго Комитета
печатать дозволяется

СПб. 5 августа 1911 г.

Изготовлено издательским отделом НІ-КА
СМП «Житомир-РИКО-ПРЕСС-РЕКЛАМА»
Тел. (0412) 36-63-21, 34-34-73
E-mail: nika@com.zt.ua

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не обличай злых, да не возненавидят тебе;
обличай премудра и возлюбит тя;
даждь премудрому вину и премудрший будет,
сказуй праведному и приложит приимати.

Притч. 9, 8-9

В книге сей описаны чудесные события, совершившиеся во Святой Горе в промежуток времени от 1813 до 1819 года, а именно: ряд чудесных явлений преподобного отца нашего Нила Мироточивого одному иноку афонскому, именем Феофан, ради спасения которого, находившегося в безвыходном положении, святой многократно являлся наяву и во сне, причем исцелил его вначале от грыжи и беснования, поселил его в пустынной каливе, поучал, спасал неоднократно от сетей диавольских и от явных нападений на него бесов, наказывал его и, наконец, что особенно важно для нас, передал ему слова обличительные для монашествующих[1] и указующие истинный путь спасения. Также передал и некоторые пророчества.

Судьбы Божии неисповедимы и, поэтому, мы не можем с точностью сказать, что именно вызвало божественное и небесное посольство на землю святого Нила, но из слов преподобного можно заключить, что, во-первых, ближайшим поводом к сему было покаяние Феофана, который, низринувшись в бездну тягчайших грехов, возымел благое намерение положить начало покаянию, исправиться и с этой целью вторично прибыл во Святую Гору, которую, было, покинул, но, по действию диавольскому, встретил столько препятствий для осуществления своего благого намерения, что поневоле был зынужден отказаться от этого намерения, стал собираться покинуть Святую Гору и отправиться в Царьград.

Феофан был уже накануне отъезда и пошел в лес собрать укропу, чтобы выменять его на хлеб для дороги, когда встретил святого в лесу в образе неизвестного старца, святой показал ему заброшенную пустынную хижину и

---

[1]Замечательное совпадение: русский подвижник, преподобный Нил Сорский (XV в.), несколько лет подвизавшийся на Св. Горе Афонской, был обличителем недостатков русского монашества, а живший столетием позднее его (XVI в.) афонский подвижник, прп. Нил Мироточивый, обличает недостатки монашества афонского.

повелел ему поселиться в ней, обещая заботиться о всем необходимом для его жизни. Феофан не знал, что с ним говорит святой, но послушал его, явив здесь свое благое произволение. С тех пор началось необычайное промышление и попечение небожителя о земном и глубоко падшем Феофане.

Как видно из откровенной исповеди Феофана, он был преисполнен пороков, был легкомыслен, непостоянен, сластолюбив, вспыльчив, мечтателен, подвержен блудной страсти, нерадив к подвигам, ленив к молитве, но зато в нем были и некоторые добродетели, а именно — великое простосердечие, искренность и глубокое сознание своего недостоинства. Кроме того, несомненна, чиста и православна была его вера в Бога и велико упование на Него. Эти добродетели заставляли взирать на сего величайшего грешника не как на чадо диавольское, но как на заблудшую овцу стада Христова.

Эту-то заблудшую овцу, которую преследовали не только демоны, но и своя братия-люди, и сошел с неба, чтобы спасти, святой Нил; с великим долготерпением, мало-помалу очищая его, делая его победителем над врагом и страстями, успел святой, наконец, довести Феофана до того, что повелел ему принять высший ангельский образ-схиму, причем в схиме повелел принять имя *Эхмалотос*, т. е. Пленник, в знак того, что он есть пленник святого, ибо святой восхитил Феофана из рук пленившего его диавола.

Происходившие с ним чудесные события Феофан, по просьбе некоторых из скитской братии Кавсокаливского скита, записывал, а потом и сам святой Нил повелел ему записать без утайки и сокращения все его слова. Так как Феофан был малограмотным, то записывать помогал ему один иеромонах, именем Герасим, из Царьграда.

Феофана, которого и без того уничижали и презирали гордые и злые, еще больше возненавидели, когда он начал передавать обличения святого. Нечестивцы, не желая отстать от пороков своих, которые так явно обличал прп. Нил, для оправдания своего неверия, стали хулить и воздвигать клеветы на самого Феофана, причем чудесные явления называли "прелестью" или вымыслом Феофана ради корыстных целей, просто и не литературно передаваемые Феофаном слова святого — безграмотной и безсмысленной болтовней, пророчества же св. Нила о грядущем бедствии на Св. Гору, в случае нераскаяния и неисправления, — ложью.

Особенно сильно враждовал против Феофана некто Дионисий, владелец келлии Спанон, т. е. Безбородых, которая расположена над самою пещерою св. Нила. Дионисий увлекся морским промыслом, завел парусную лодку, а также развел пчел на острове Тассо. Так как это было не богоугодно, ибо от сего страдала духовная жизнь братии, опускалось богослужение, то святой приказал Феофану в одном из самых первых своих явлений передать Дионисию, чтобы он продал лодку и пчел, чтобы братия его занималась бы рукодельями по примеру древних отцов, в противном же случае — угрожал большими убытками. Но Дионисий не желал покинуть излюбленный предмет своей страсти, похулил даже слова святого и распространял среди прочих святогорцев

неверие к словам, передаваемым Феофаном. Второй причиной небесного посланничества Феофана было, как он сам высказал, призвать святогорцев к возвращению на путь жизни святых отцов, от которой они начали отступать, пренебрегая духовными подвигами и безмолвием, увлекаясь же суетою и многостяжанием. Вследствие пренебрежения духовною жизнью, развились среди них и другие тяжкие пороки; все это неизбежно навлекало на себя гнев Божий.

В то время монастыри и обители Святой Горы были многолюдны и по внешности благоденствовали; преобладающим элементом среди национальностей монашествующих были греки.

Святой передавал через Феофана, что он послан Богом, как Ной к допотопным людям и как Иона к Ниневии, что Бог готов принять покаяние и тягчайших грешников, как готов был принять покаяние Иуды, вися на кресте, ждал его обращения и скорбел о его гибели. Святой говорил, что главное зло происходит от многословия, празднословия, осуждения, а также от многопопечений, многостяжаний и многозаботливости, которые убивают монашеский дух, открывая дверь прочим страстям и порокам. Святой обличал также пороки духовников, старцев, общежительных, скитян, послушников, открывал истинную картину современного монашества и возвещал то, что должно ожидать к концу века, а также предвозвещал грядущий в ближайшем будущем меч и воду, что и сбылось через три с небольшим года после его последнего пророчества, и что могло бы быть предотвращено, если бы святогорцы приняли слова его, которые им передавал Феофан.

Так как одним из главных виновников поразительного неверия святому, которым заразилось большинство тогдашних насельников Святой Горы, был Дионисий, яростно хуливший Феофана, то, по пророчению святого, он погиб от укушения ехидной, в знак возмездия за то, что он, как выразился святой, "ехидным ядом своей клеветы" — отравил святогорцев. Сей Дионисий скончался и погребен не на своей келлии — в знак возмездия и кары за то, что чрез него столько монашествовавших тогда на Афоне должно было бежать вскоре с Афона от нашествия агарян и скончать жизнь не на Афоне.

Такова была вторая причина небесного посольства святого Нила.

Третьей же промыслительной причиной чудесных откровений Феофану было, как видно из слов святого, раскрытие для будущих монашествующих поколений диавольских сетей, которыми враг усиленно старается ныне опутать покинувших мир, вступивших на путь покаяния и богоугождения, чтобы поругаться над их благим намерением и заставить их в монашестве еще более, чем в миру, работать себе, т. е. греху.

Так как грядут времена лютые, про которые Господь говорит: "Обаче Сын Человеческий пришел, обрящет ли веру на земли?" — то святой возвещает ищущим спасения в убежище Афона, под покровом Божией Матери, чтобы они не смущались, не ужасались, не теряли бы веры в покров Матери Божией и не покидали бы Афон, пока икона Иверской Матери Божией не покинет Афон, но чтобы пребывали в покаянии и надежде спасения, в безмолвии,

смирении и послушании, стараясь хранить нерушимо то малое, что еще останется от прежней высокой монашеской жизни, особенно же целомудрие. Открывает святой также о печати антихриста, о всемирной анархии, которая будет предшествовать пришествию антихриста, о насилиях над убогими земледельцами, о времени, когда надо ожидать сего, о степени развращенности последнего поколения, об умалении роста людей, о том, как ожесточительно будет действовать на сердца человеческие принятие ими печати антихриста, о проповеди Эноха и Илии против печати, о призыве их к людям знаменовать себя крестным знамением и еще много тому подобного[1].

Итак, третьей причиной небесного посольства святого были мы и те, которые грядут по нас. Если с этой стороны размыслим, почему святой выбрал для своей проповеди такого глубоко падшего человека, как Феофан, то, думается, нам несколько уяснится сокровенный смысл его.

Падший Феофан, впавший в тяжкие грехи, но сохранивший православную веру несомненной, простоту сердечную, а также сокрушение о своих грехах и сознание своего падения — такой, чуждый лукавства, Феофан есть прообраз монашества последних веков. Бог не дал Феофану быть пожертым диаволом, но послал святого Нила на взыскание его. Посему современное и последующее монашество не должно отчаиваться в спасении, лишь бы только, при всех падениях, сохраняло оно неповрежденной свою православную веру, нелукавый нрав, смирение и сокрушение о грехах своих. На самом деле, как свидетельствуют духовные наши наставники, например, епископ Игнатий Брянчанинов, епископ Феофан Затворник, иеросхимонах Амвросий Оптинский и прочие, мы так же далеко отступили от древней святоотеческой жизни, как Феофан отступил от заповедей Божиих; несмотря на это, милосердый Бог, видя искренность его желания совершить покаяние, посылает ему на помощь угодника с неба. Это свидетельство о неизреченной любви к нам Бога должно служить для нас утверждением упования нашего, отгнанием уныния и отчаяния и побуждением к духовной брани со врагом.

Четвертой причиной необычайного попечения о Феофане, святой Нил поясняет, была великая греховность Феофана, в пример чего святой приводит из жития Иоанна Богослова его продажу себя в рабство самой ужаснейшей женщине, которая когда-либо существовала, Романе. Вследствие необычайной ее греховности отдал себя ей в рабство Иоанн, чтобы исхитить ее из рук диавола[2]. Еще приводит в пример род иудейский, самый жестоковыйный и неблагодарный, который когда-либо существовал, но именно его избрал Господь и к нему пришел спасать его.

---

[1]Итак, "Посмертные вещания" непрестанно говорят о борьбе с сатаной. Отсюда: нелепо говорить и думать, будто Феофану являлся сатана вместо св. Нила. Разве сатана станет говорить против себя, изгонять самого себя (ср.: Мф. 12, 24—26)?!

[2]Преподаваемое здесь св. Нилом сообщение о св. апостоле по духу и характеру вполне совпадает с другими фактами из жизни св. апостола Иоанна Богослова (например, попечение апостола о падшем юноше).

Люди, говорит святой, не в силах постичь духовного состояния человека, судя его по внешности, как невозможно по внешности различить гнилого плода граната от хорошего; только когда разрежешь гранат, тогда узнаешь по нестерпимому смраду, что он согнил. Тем труднее человеку судить человека, ибо страсти в человеке бывают не от одних и тех же причин, но есть страсти, в которых всецело виновен сам человек, и есть страсти, промыслительно попускаемые Богом ради того, чтобы человек не возмечтал или не впал бы еще в большие грехи. Эту притчу велел святой передать тем скитянам, которые смущались тем, что святой являлся именно Феофану, а не кому другому.

После пострижения в схиму в 1819 году Феофан по повелению святого должен был совместно с Герасимом покинуть Афон, причем одним из главных поводов к этому было: ненависть обличаемых к Феофану и их злобный умысел подстеречь и убить его, чтобы потом воспользоваться этой смертью для распространения клеветы, будто Феофан был в сношении с бесами, которые являлись ему, выдавая себя за св. Нила, а потом его удушили.

С другой стороны, повеление преподобного Феофану оставить Афон и переселиться на другое место напоминало повеления Господа ветхозаветным пророкам выполнить те или иные символические действия. Например, Господь повелевает пророку Иеремии купить льняной пояс, препоясать им чресла свои и спрятать его в расселину скалы (Иер. 13, 1-4); в другой раз Господь повелевает Иеремии купить кувшин у горшечника и в присутствии старейшин, пред вратами города, разбить сей кувшин в знак отвержения Богом еврейского народа (Иер. 19, 1-13). А вот еще более близкий и подходящий к уходу Феофана с Афона пример. Господь повелевает пророку Иезекиилю взять свои вещи и переселиться с своего местожительства на другое (Иез. 12, 1-12), в знаменование будущего разрушения Иерусалима и переселения евреев в Вавилон. Равным образом, уход Феофана с Афона, по повелению прп. Нила, символически знаменовал грядущее Божие наказание Афону — его разгром и запустение при нашествии иноплеменников, когда множество иноков, по своей слабости не могущих претерпеть мученический венец и восприять мученическую кончину, разбегутся с Афона в более спокойные города и селения, а, может быть, и за границу...

Но прежде, чем покинуть Афон, святой повелел Феофану записать его 18-часовую беседу с ним 18 января 1817 года, которая не была еще записана. Однако Феофан упустил это исполнить и, как только освободился от эпитимии, которую возложил на него святой, выехал с Афона вместе с Герасимом. Но святой возбранил ему выполнить эту поездку, которая лишила бы все будущие поколения монашествующих на Афоне духовного сокровища, которое принес с неба Божий посланник, и, как ни старались Феофан с Герасимом достичь Царьграда, это им никак не удавалось. Тогда Феофан понял, что это не есть случайность, но запрещение святого Нила, и, раскаявшись в нерадении своем, поспешил возвратиться обратно на Афон и здесь в течение целого года, диктуя изо дня в день Герасиму, списал без утайки и без сокращения все,

что совершилось с ним от 1817 года, и все, что сказал святой. Все это вместе с прежними записями составило книгу приблизительно в 1000 страниц полулистового формата, т. е. около 400 страниц книги обыкновенного формата.

По окончании списания Феофан и Герасим покинули благополучно Афон и уехали в Палестину, в обитель св. Саввы[1], книгу же списали многие лица и приобрели монастыри, в библиотеках которых и поныне она хранится.

Афонцы воспользовались сим сокровищем так же различно, как воспользовались иудеи сошествием с неба Христа: одни уверовали и спаслись, другие ожесточились и отвергли призыв ко спасению, пока не нашло на них всегубительство римского меча...

Так сбылось пророчество святого, ибо через несколько лет мера долготерпения Божия исполнилась, нашел на Святую Гору агарянский меч, многолюдная Гора запустела, умалилось преобладание эллинов по численности над прочими и умножилось неожиданно монашество славянское, в частности, русское. Поэтому нам подобает ныне особо тщательно бдеть и поучаться из примеров церковной истории, чтобы не впасть в те же грехи, чтобы не навлечь и на себя гнева Божия, ибо "аще Бог естественных ветвей не пощаде, да не како и тебе не пощадит". "Некие от ветвей отломишася... неверием отломишася, ты же верою стоиши, не высокомудрствуй, но бойся..." (Рим. 11, 20-21). Кроме меча, святой угрожал еще Афону водою; эта угроза также сбылась в те же годы, ибо лил 30 дней страшный дождь; недавно отшедшие от нас старожилы, одни из немногих пребывшие в Святой Горе во время нашествия, например, известный подвижник Хаджи Георгий, говорили, что все малые потоки обратились в бурные реки, даже вид поверхности скатов горы изменился, небольшой ручей, который протекает в Карее около соборного храма, так переполнился водою, что наводнил храм и на воде плавали деревянные формы (стасидии). Часть зданий в монастыре Ивере унесло в море.

Исполнение этого пророчества есть прообраз той кары, которую возвестил святой последним насельникам Святой Горы. За нечестия нечестивых Святая Гора погрузится в море, когда, наконец, Матерь Божия отымет покров Свой от удела Своего. Тогда благочестивые должны поспешить покинуть Афон, как только уйдет Чудотворная Иверская Икона.

О покрове же Матери Божией над Святою Горою Феофану было замечательное видение 20 августа 1816 года.

Тогда за грехи нечестивых Святой Горе угрожал меч албанцев и римлян, погибель была близка, если бы святые отцы афонские, как то видел Феофан, не умолили Владычицу и Она не дала Сыну произнести Свой грозный суд. Враги были воспящены и еще около семи лет после того мирствовала Святая Гора, пока, наконец, умножившиеся беззакония и неверие святому Нилу не

---

[1]Вместе с собою они увезли "первотип", т. е. главную рукопись, писанную рукою Герасима, которая и доныне хранится в библиотеке монастыря св. Саввы. Это нам удалось узнать от одного инока обители св. Саввы, по повелению игумена переписывавшего ту рукопись для своей обители.

навлекли меч агарянский, который нечестивых потребил, а благочестивых увенчал мученическими венцами, как о том свидетельствует святой.

Страшны знамения гнева Божия, но увы! Наше нечувствие предает все забвению. С такой поразительной истинностью сбылись пророчества святого Нила, возвещенные чрез Феофана, но мы, частью, нерадим о том, чтобы познакомиться с ними, частью; продолжаем являть то же неверие и хулу, какую явили предшественники наши. Громадное большинство насельников Афона знают по преданию некоторые пророчества преподобного, но не имеют возможности, при всем желании, познакомиться с книгой, сокрытой в нескольких монастырских библиотеках.

Господь сподобил нас познакомиться с этою редкою книгой, потрудиться над переводом и литературным изданием её на русском языке. Мы исповедуем несомненно и глубоко веруем в истинность небесного явления святого Нила и божественность вещаний его, несмотря на то, что форма, в которой Феофан передал содержание беседы его со святым, весьма несовершенна; встречаются места труднопонятные, встречается немало повторений, в других же местах недомолвки, но, при внимательном рассмотрении, с помощью Божией усматриваются следы благодати, которая вещала устами Феофана, ибо в грубо и малосвязно высказанных словах обретается тончайшая и истиннейшая духовная нить, анализ духовной брани и тому подобные мысли, которых Феофан сам не понимал и потому несколько затемнил смысл, но, несмотря на сие, эти духовные сокровища не потерялись[1].

Каждый читатель легко усмотрит, что вся книга, от первой строки до последней, представляет собою одно тесно связанное, неразрывное, логически и органически целостное духовное созерцание величия благодати Божией, излитой на христиан новозаветных вообще и на афонских священномонахов в частности, отсюда — о великой ответственности пред Богом сих избранников Божиих, о великой каре праведного гнева Божия, грядущего на них, если они начнут пренебрегать сими великими благодатными дарами Бога, закопают их в землю, в грязь греховности, лености, нечистоты духовной и не покаются в своем нечестии. Эта истина, подобно душе, оживляющей в человеческом организме каждую самомалейшую каплю крови, дышит и движется в каждой строке, каждом слове огромной книги "Вещаний".

Для смиренномудро взыскующего истины сама книга послужит несомненным доказательством божественности происхождения ее, смиренномудрый не соблазнится тем, что Феофан малограмотно изложил то, что сказал ему святой Нил, ибо он вспомнит, что и апостолы были рыбари и что их простым учением

---

[1]Посредником или вестником своих откровений прп. Нил избрал малограмотного Феофана, конечно, для того, чтобы чрез его "смиренный ум" удобнее вещать небесную истину, ибо "разум кичит"; если бы Феофан был богословски образован, то сия книга, т. е. "Посмертные вещания", не могла бы иметь серьезного значения: стали бы говорить, что все это Феофан сочинил сам от себя. Теперь же чудо воочию: малограмотный "заика" Феофан и книга "Посмертные вещания", для написания которой, кажется, и богословской образованности не хватит, а надо быть "гением"...

тоже соблазнялись эллины (1 Кор. 1-23). Восемнадцатичасовую беседу со святым Феофан изложил на пространстве нескольких сотен печатных страниц. Некоторые, указывая на сей объем, сомневаются, чтобы в течение 18 часов возможно было столько наговорить. Для нас же именно это обстоятельство служит наилучшим доказательством того, что Феофан не забыл ничего из слов святого и ничего не утаил, ибо, если отнять неизбежные повторения при изложении такой длинной беседы, которую записывали под диктовку изо дня в день в течение года, причем списчик Герасим относился с благоговением к словам Феофана, не смея даже исправлять их, хотя и мог бы это сделать, ибо был хорошо грамотен, итак, если отнять повторения, что в общем составит около 100 страниц, то получится именно такой объем, сколько в разговорном собеседовании можно проговорить в течение этого времени. Приведем пример из учебной жизни: студенты, готовясь к экзаменам, свободно и не торопясь прочитывают по 30 страниц обыкновенных печатных в час, идут отвечать экзаменатору и получают успешные баллы. Если принять во внимание, что они все-таки несколько скорее читают, чем можно проговорить голосом, то окажется и получится около 400 печатных страниц, которые вполне возможно проговорить в течение 18 часов.

Другое обстоятельство служит также удостоверением истинности Феофана: мы видим, что он, не дерзая преступить повеления святого о том, чтобы не умалять его слов, откровенно пишет не только то, что сказал святой и что относится ко всем, но и те слова, в которых святой обличает Феофана в тайных его, никому неведомых, крайне позорящих его, грехах скудных и смертных. Если бы воистину не явился бы ему святой и не говорил ему всего того и не повелел передать обо всем письменно последующим родам, то неужели сам Феофан стал бы так себя позорить?

Не говоря о всем прочем, несомненно удостоверяющем смиренномудрого и спасающегося в истинности божественного послания на землю святого Нила, укажем еще на одно обстоятельство. Книга, списанная Феофаном, по содержанию своему представляет изложенный в замечательной последовательности ряд глубочайших духовных истин, раскрывающих все стороны монашеской духовной брани. Здесь с поразительной обстоятельностью раскрываются все причины падения монашествующих, раскрыты приемы действия вражиего, с которым сатана устремляется на монашество, даны образцы добродетелей, указан путь к стяжанию их, высказан ряд обличений всех слоев монашества, от старцев до послушников и от пустынников до монастырей, предложен ряд предостережений для подвизающихся. Одним словом, по богатству материала из области аскетической психологии "Вещания" с полным правом могут занять видное место в ряду таких знаменитых святоотеческих творений этого рода, как, например, "Лествица", слова прп. Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макария Великого и других. Во многих местах речь преподобного полна дивной художественности, чудного лиризма, блещет огнем высокой поэзии, благодатного вдохновения, напоминая то огненный язык библейских пророков (при обличении

нечестивцев), то чудные новозаветные вдохновенные песнопения Иоанна Дамаскина (при изображении, например, глубочайших таин домостроительства Божия о спасении людей). Для уяснения библейских событий преподобный иногда высказывает такие подробности библейского факта, о которых в Библии ничего не говорится. Это расширение (так называемая амплификция) подробностей того или иного библейского факта имеет целью наилучшее уяснение тех или иных библейских событий, наилучшую, так сказать, наглядную, рельефно выпуклую обрисовку действующих библейских лиц и т. п.

Некоторые святогорцы, смущаясь якобы чрезмерным, подавляющим преобладанием меланхолии, скорби, грусти, разочарованности и плача в "Посмертных вещаниях", говорили такие слова: "Когда читаешь святых отцов и, вообще, писания древнехристианских подвижников, то так и проникаешься веянием небесного утешения, благодатного веселия, мира и радости о Дусе Святе. Здесь же в "Посмертных вещаниях" одна скорбь, одна подавленность, одна меланхолия; невольно задыхаешься в этой удушливой атмосфере. После сего будет ли полезна для читателя такая книга?"

На такое недоумение весьма охотно даем следующий ответ. Благодать Божия, входя в соприкосновение с человеком, которого избирает своим сосудом и посредником, не подавляет свободной воли этого человека, не стесняет его духовного облика, но, возвышая и поднимая его дух в области высшие, заоблачные, надземные и сверхчувственные, она, при всем том, действует в связи со складом личности (с духовным типом) этого человека. Феофан по своей природе был склонен к меланхолии; нравственные потрясения и треволнения жизни эту меланхолию в нем усилили и закрепили; она сделалась неизменной подругой и спутницей Феофана, положив неизгладимый отпечаток на все его существо. Отсюда меланхолический оттенок, весьма ясно ощущаемый почти на каждой странице "Посмертных вещаний", — дело вполне понятное и естественное; иначе и быть не могло. Прп. Нил говорил чрез меланхолика; отсюда меланхолическая окраска "Вещаний". Далее, совершенная неправда, будто в "Посмертных вещаниях" одно сплошное разочарование, одна меланхолия, одно отчаяние. В этой книге немало и радостных, ободряющих мест, например, при изображении искупления, совершенного Господом Иисусом Христом, или хвалебная песнь "Возмите врата князи ваша", изображающая победу Христа над силами ада, и прочее. Сам Феофан, при всех своих падениях, житейских треволнениях и искушении, — "с кораблем потопляемый грехи", — как бы совсем опрокидываемый волнами греховного моря, все-таки, в конце концов, "выплывает", спасается, торжествует над этими волнами, восходя даже на высшую ступень монашеской жизни и принимая схиму по заповеди преподобного и богоносного отца нашего Нила, — восходя "от смерти к жизни, от земли к небеси". Разве это безнадежная меланхолия?

Разве это — безпросветное отчаяние?! Наконец, как много в "повестях", сообщаемых прп. Нилом Феофану, изображено и обрисовано светлых образов истинного подвижничества!.. «Но, все-таки, — скажут нам, — в "Посмертных

вещаниях" немало найдется мест, навевающих грусть, скорбь, тоску и меланхолию»...

Не будем спорить. Однако необходимо принять во внимание следующее. А церковные молитвословия и песнопения, разве они целиком состоят из одной радости и ликования, из одного ликующего пасхального канона Иоанна Дамаскина "Воскресения день"?! А великопостный покаянный канон св. Андрея Критского. "Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний?!" "Увы, мне, окаянная душе!" "Согрешихом, беззаконновахом!" "Душе моя! душе моя! возстани! что спиши? Конец приближается и имаши смутитися!" Или, например, вот слова из общеизвестной молитвы: "Не ввери мя человеческому предстательству". Здесь находим следующее.

"Скорбь одержит мя, терпети не могу демонскаго стреляния, покрова не имам, ниже где прибегну окаянный", всегда побеждаем и т. д. Значит, в самом церковном Богослужении есть не одна лишь "Светлая Пасха", но и святая Четыредесятница, Великий пост... С другой стороны, в "Посмертных вещаниях", как подробно изъяснено выше, не одна сплошная скорбь и меланхолия. За густыми облаками скорби, за темными тучами меланхолии здесь легко заметить царственное сияние лучей небесного утешения, легко заметить просвет, озаряющий и указывающий путь к выходу из мрака безпросветного отчаяния, — это призыв к покаянию, одухотворяющий каждую строчку, можно сказать, каждую букву "Вещаний". Вы грешите и не приносите покаяния в грехах. Горе вам за это! Гнев Божий близок к вам! Покайтесь и тогда гнев Божий не постигнет вас! Вот кратко выраженная общая мысль, идея "Вещаний"! Какая же здесь меланхолия?! Так может говорить некающемуся грешнику всякий православный пастырь, конечно, не наемник, а именно такой пастырь, которому дорого спасение овец, искупленных Честною Кровию Христовой. Наконец, в аскетической святоотеческой письменности немало найдем мест меланхолических, плач о грехах и призыв к покаянию (например, у прп. Ефрема Сирина). В духовной жизни христианина не должно быть ни постоянной скорби, ни постоянной радости. Когда нападает гордость, самодовольство и самомнение, полезно углубляться в "меланхолические" места аскетической литературы; когда, наоборот, душа терзается безпросветною скорбью, унынием и отчаянием, — необходимо читать, преимущественно, утешительные места из св. отцов (особенно св. Иоанна Златоуста о покаянии и т. п.). "Воспалительные болезни лечатся прохладительными лекарствами, а противоположные им — горячительными", — сказал один из древних подвижников. Для лиц, недугующих воспалительною болезнью тщеславия, фарисейской гордости, надменности и т. п., "Посмертные вещания" будут прекрасным прохладительным лекарством!..

Мысли "Вещаний" проникнуты строгоправославным характером и направлением. Преподобный очень часто и очень усиленно внушает истину о необходимости живого духовно-нравственного союза с православною церковию, о необходимости частого приобщения св. Таин, исповеди пред духовником, о великом значении благодати священства, коему дано высокое право совершения

безкровной евхаристийной жертвы и т. п. Когда означенная книга еще печаталась, многие афонцы были недовольны этим и говорили: "Зачем ее печатать?! Пусть бы оставалась она в афонских библиотеках в качестве рукописи!" Какие же доводы высказывали афонские иноки против печатания? Первый довод — тот, что эта книга якобы может произвести "раздоры и разделения между афонцами..." На это скажем следующее. А до печатания сей книги, а сейчас, а после — разве не было, нет и не будет разделения между афонцами?! Конечно, афонцы стремятся жить в мире и единении, но яко человецы не чужды и греха разъединения; келлиоты не всегда мирны на крупные обители и обратно; греки не всегда мирны на русских и обратно; одним словом, раздоров и разделений на Афоне хоть отбавляй, и напрасно тут возводить вину на "Посмертные вещания прп. Нила".

Далее, афонцы делают еще и такое возражение: "В книге часто обличается грех мужеложства (особенно с юными), а сего омерзительного греха на Св. Горе и слухом не слыхано и видом не видано; монах Феофан был просто душевнобольной, меланхолик, надиктовавший о. Герасиму много лжи и клеветы на святогорцев". Конечно, грехопадения (особенно тайные, наподобие мужеложства), кто их видал? Грехопадения кто разумеет? (Пс. 18, 13), — скажем словами псалмопевца, но были, конечно, серьезные основания у Вселенского патриарха, еще не так давно, издавать по Св. Горе афонской распоряжение об удалении из афонских монастырей и скитов юных и безбрадых.

Конечно, дело шло тут не о пустяках и не о мелочах. Вселенский патриарх, не ограничиваясь письменным распоряжением, даже командировал сего ради на Афон одного из своих архиереев для приведения в исполнение вышеуказанной патриаршей грамоты (очевидно, дело было серьезное и животрепещущее). Архиерей даже взял себе в помощь представителя гражданской власти (турецкого чиновника); они вместе отправились по монастырям и келлиям "изгонять юных". Кое-кого изгнали... Впрочем, из сего патриаршего распоряжения и сего "ревизорского объезда" афонских обителей не вышло никакого толку. Доброе дело, как это часто бывает на свете с добрыми делами, сошло на "нет". Ревизоры, с великим почетом, вниманием и гостеприимством принимаемые в афонских обителях, скоро закончили свой объезд, весьма довольные "исполнением патриаршего поручения". Юные же не только не исчезли "с лица земли афонской, но стали приумножаться" (особенно по келлиям), "а юные изгнанники" снова вернулись назад и все пошло по-старому. Ни о каких административных мероприятиях на Афоне против юных теперь уже не слышно... Ясное дело, что "Вещания прп. Нила" заслуживают самого серьезного внимания афонцев...

Примечание: Мы говорим лишь о недавних, современных патриарших распоряжениях против юных, не касаясь древних афонских узаконений и патриарших на сей счет распоряжений, им же несть числа и о них же не леть есть ныне глаголати подробно. Все эти узаконения и распоряжения во множестве собраны у епископа Порфирия в его книге "Второе путешествие по Афону" (Москва, 1880 г., приложения 271-529 стр.). Отсылаем туда любителей документальных

справок. Там они найдут много подтверждающего "Посмертные вещания прп. Нила". Все-таки мы и здесь делаем из вышеуказанного места епископа Порфирия выписку, именно из текста Завещания Иакова Приканы, игумена лавры св. Афанасия (1363 года) во дни царя Иоанна Кантакузена и Константинопольского патриарха Филофея: "Вы, допускающие дружбу с юными, — читаем здесь, — должны много остерегаться безбородых юношей, никого из них не впускать в обитель, во избежание соблазнов... ради великой немощи людей. Ибо Содом и Гоморра, эти пять городов, за все это погибли от огня и покрыты водою (т. е. здесь читаем почти буквально то же самое, что в "Посмертных вещаниях" (гл. XVII). Далее Прикана говорит, что прежде в монастырях и лаврах сияла благодать Божия, пока они имели страх Божий и целомудрие, и продолжает: "Когда же в них воцарилось презрение духовных старцев и непослушание им, появились любования с мужчинами, пиршества с молодыми и безбородыми, стихотворства, стремления к запрещенному, разжигания и осязания удов, сочетания для неестественного совокупления, когда омрачение, выказавшееся в таких делах, охватило многие и различные души, беззаконие осталось неисправляемым — тогда Бог оставил сии места; обитающие тут, по причине многих приражений и скорбей, скончали житие свое, а места сии с той поры опустошаются варварами за недостоинство настоящего рода. Внимайте, прошу вас, святые отцы мои и братие, да за невнимательность и непослушание отеческим уставам не впадите и вы в пропасть безпутий, да не разгорится у вас неестественное зло и да не разгневается на вас Господь, так что святое место сие осквернится и запустеет ради недостоинства вашего..." Одним словом, здесь находим те же мысли, даже почти те же выражения, что и в "Посмертных вещаниях прп. Нила". Такие же читаем обличения, такие же угрозы. Отсюда: странно объяснять обличения афонцев в "Посмертных вещаниях" меланхолией и душевною болезнью Феофана, как странно было бы обвинять в меланхолии и психической ненормальности вселенских патриархов, вышеупомянутого игумена лавры св. Афанасия Иакова Прикану (XIV в.) и других духовных ратоборцев, добре на Св. Горе Афон против "юных и безбрадых" подвизавшихся?!

Однако иные святогорцы не успокаиваются и на этом. Против "Вещаний прп. Нила" они выставляют вот еще какие возражения: "Эта книга может подорвать в корне уважение русского народа к Афону, а, самое главное, может иссушить поток денежных лепт, широкой рекой льющийся на Св. Гору"!.. На это отвечаем следующее. Издатели приняли меры, чтобы эта книга распространялась только на Афон. В России же будет распространяться лишь сокращенное издание "Вещаний прп. Нила", в каковом сокращенном издании заботливо и предусмотрительно выпущено все то, что имеет отношение лишь к Св. Горе (особенно насчет афонских грехов). Значит, опасаться нечего. Да хотя бы эта книга вся целиком и полностью ходила по всей Руси Православной, по всему белому свету и где угодно — будет ли от этого какой-либо убыток для афонцев?! Да ровно никакого!

Давно напечатаны и широко распространены по всей России многотомные сочинения архим. Порфирия об Афоне. В этих объемистых, толстых книгах покойный епископ Порфирий (не тем будь помянут он на том свете), шаг за шагом осмеивает и отрицает путем научных данных чуть не каждое афонское предание о том или ином чуде, проявляет очень мало благоговения к афонским святыням, осмеивает святогорцев в их подвигах и т. д.; эти книги в России можно встретить в каждой духовной библиотеке, во многих церквах, есть они и на Афоне в монастырских библиотеках. Одним словом, книги епископа Порфирия, по-видимому очень способные подорвать уважение к Св. Горе, по Росии широко распространены; однако отразилось ли это сколько-либо на отношении православной Руси к Афону, на размерах денежных лепт, идущих на Афон?! Нисколько! Св. Гора Афонская находится под особым покровом Царицы Небесной. Сама Богоматерь, Царица неба и земли, печется об Афоне, Сама Она, Пречистая, как прекрасно изъясняет прп. Нил Феофану, направляет отовсюду поток денежных лепт на Афон! Может ли громадная, каменная афонская скала поколебаться от прибоя морской волны?! Может ли ослабнуть любовь Руси к Афону, любовь, вдохновляемая самой Царицей Небесной, может ли эта любовь ослабнуть от ничтожных писаний либерального богослова епископа Порфирия?! Тем более не следует афонцам опасаться по поводу появления в печати "Вещаний прп. Нила"! Все это чудное творение, от первой строки до последней, проникнуто какой-то пламенной, неземной любовью к Афону, как особому уделу Царицы Небесной. Если эту книгу прочтет лицо постороннее Афону, но лицо верующее и любящее Афон, то не только не охладеет к Афону от чтения сей книги, а, наоборот, возымеет великое уважение к святогорцам, которые с истинно христианским мужеством открыто исповедуют пред Господом грехи своя, нисколько не заботясь о том, будет ли это кому-либо приятно или неприятно. В древней христианской Церкви широко было развито публичное исповедание грехов, каковое обстоятельство не только не вело к чему-либо дурному, а, наоборот, способствовало подъему христианской жизни (вспомним "общую исповедь" у приснопамятного о. Иоанна Кронштадтского). Так и афонцы, смиренные и кающиеся о них же соделаша согрешениях, не только не потерпят урона, убытка, оскудения денежных лепт и т. п., а, напротив, по Евангелию, *смиряяй себе вознесется* (Лк. 18, 14), Господь еще более увеличит их славу на земле, а Царица Небесная отовсюду, как перепелов, нагонит им много денежных лепт...

Конечно, обличения во грехах не всякому приятно слушать. "Вещания прп. Нила" переполнены обличениями; отсюда многие немощные афонцы не любят сию книгу, обзывая монаха Феофана душевно больным и меланхоликом... Иное дело, если бы в этой книге, в каждой строке, в каждой букве, сыпались одни лишь похвалы и одобрения!..

Тогда с восхищением афонцы встретили бы сию книгу, не помышляя вовсе о том, насколько будут полезны для духовной их жизни такие похвалы... Наоборот, "имеющий мудрость от Бога" с любовию приимет обличения, как

это прекрасно выражено в тексте из книги Притч. 9, 8-9, приведенном вначале сего предисловия.

Многие из русских обвиняют афонцев в самообольщенности, ставят им в вину усиленное зазывание русских на обитание в афонских обителях[1]; недовольны многие русские монахи, паломничающие на Афон, тем, что афонцы усиленно зазывают их зачем-то вторично приехать на Афон, заманивают перейти из России к афонцам — мало того, даже выступают предсказателями и прорицателями, с важным видом предсказывая: "Вот эта келлия со временем будет местом ваших подвигов на Афоне" и т. д. и т. д. (конечно, и "вклад денежный" тут молчаливо подразумевается). Такая самообольщенность, нередко наблюдаемая у афонцев, легко объясняется тем, что к ним постоянно едут отовсюду (наипаче из России) богомольцы... Трудно тут удержаться от самодовольства, самообольщения, превозношения над св. Русью Православной; поневоле забывается, что и св. Русь с безчисленным множеством чудотворных икон Царицы Небесной, есть тоже "удел Богоматери" (пусть удел младший, позднейший, а все-таки — удел). Издаваемые смиренными афонцами "Посмертные вещания прп. Нила", где афонцы откровенно каются "о них же соделаша согрешениях", красноречиво докажут, что далеко не все афонцы грешат самообольщением, что далеко не все афонцы подобятся самообольщенным фарисеям, к которым Господь послал обличителем Иоанна Крестителя, наименовавшего их "порождениями ехидны", запретившего гордым фарисеям именоваться чадами Авраама и предвозвестившего, что "секира при корене дерева лежит" (Мф. 3, 7-10)... Эта книга покажет, что среди афонцов есть и смиренные мытари, которые чужды самообольщенного взгляда на себя, как людей превосходящих россиян, как на особо великих избранников Царицы Небесной, смиренные афонцы, памятующие, что и из сих камней, из сих скал Царица Небесная, если захочет, может воздвигнуть Себе избранных духовных чад, смиренные афонцы, памятующие, что за грехи, не омытые покаянием, катастрофа, гнев Божий грозит и секира при корене дерева лежит... Вспомним покойного "святогорца" (Царство ему Небесное!), проводившего в своих "Письмах" ошибочную мысль, будто все, живущие на Афоне (уже из-за того, что живут на Афоне) непременно спасутся!.. Этою мыслью "святогорца" был весьма недоволен московский митрополит Филарет.

Когда явился к богоизбранному народу еврейскому с обличениями Иоанн Креститель, то иудеи отнеслись двояко к его обличениям — одни, смиренные мытари, воздав славу Богу, крестились от Иоанна, другие, фарисеи и законники, отвергли волю Божию и не крестились от Него (Лк. 7, 30), даже более — говорили, что Иоанн Креститель одержим бесом (Мф. 11, 18). Не сомневаемся, что "Вещания прп. Нила" встретят двоякое отношение со стороны афонцев: смиренные афонцы, подобно мытарям — "воздав славу Богу", с любовию

---

[1]Для доказательства рекомендуем почитать вышедшую в 1911 году книгу архимандрита Евгения (Александро-Невская лавра) "Мое бытие", где описано его путешествие на Афон.

приимут сию книгу и немало извлекут из нее "на пользу душевную"; другие же отвергнут сию книгу и внушительно заявят, что Феофан был "одержим бесом".

Во всяком случае, утешительно, что еще раньше предлагаемого издания стали появляться печатные издания "Вещаний" на русском языке. Очевидно, нужда в таком издании живо сознавалась и чувствовалась всеми смиренными афонцами. Настоящее издание отличается от предшествующих своею полнотою, а также тем, что оно редактировано православными учеными богословами, которые составили здесь же и свои подстрочные изъяснительные примечания.

Данная книга предназначается автором для распространения среди насельников Афона, ибо к ним-то она преимущественно и относится. Но, так как в книге содержится немало ценного и для русского монашества, то, одновременно с этим изданием, выпускается печатное издание и для России, но значительно сокращенное, сравнительно с этим изданием, предлагаемым благосклонному вниманию святогорцев. В русском издании предусмотрительно выпущено все то, что имеет отношение исключительно к Афону, вообще, все неудобоприемлемое для слуха россиян. В греческом подлиннике рукописи нет никаких делений и подразделений. Здесь же, для лучшего усвоения, книга разделена на 5 частей и каждая часть на главы. А именно: в первой части изложены те вещания 18-часовой беседы святого, которые имеют общепоучительный духовный смысл; во второй — те части 18-часовой беседы, которые особо поучительны для монашествующих, в третьей помещаем относящееся только до святогорцев прошлого столетия, в четвертой — поучительную повесть о ските Сервия. В пятой части помещено житие прп. Нила и описание самих явлений его Феофану. Издатель, приступая к сему великому и ответственному делу и дерзая на это ради благословения старца, смиренно просит читателей, отцов и братии простить ему невольные его погрешности в сем многотрудном деле.

Благословение преподобного и богоносного отца нашего Нила Мироточивого да пребудет на всех почитающих и читающих его и поучающихся словесам его! Аминь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ПРЕДМЕТАХ ДУХОВНЫХ ВООБЩЕ

Глава I

Толкование того, как неверие и похоть рождают грех, а грех рождает смерть. Изъяснение грехопадения прародителей

Чувства души человека имеют двух мысленных охотников, которые, один перед другим, стараются завладеть чувствами души и безпрестанно гоняются за душою. Один охотник есть вера, а другой – неверие; говорим: надежда и отчаяние. Эти благие охотники[1] с чрезвычайною ревностью гоняются за душою, стремясь сочетаться с нею браком; когда восторжествует вера над неверием и сочетается с душою, тогда воспоминает душа Бога и рождает надежду. Так победила вера душу благоразумного разбойника, родила ему надежду спасения, и он воскликнул: «Помяни мя, Господи», – и поминается церковию до скончания века сего. Напротив, другой разбойник был побежден неверием, родил в себе отчаяние, похулил Христа, но похулен остался сам до скончания века сего. Так бывает и со всяким человеком, обуреваемым страстью неверия; тогда же он пребывает и в отчаянии, пото-

[1]Разумеются вера и надежда, по отношению к которым полною противоположностью являются «охотники злые» — неверие и отчаяние. Эти злые охотники вдохновляются диаволом, который ходит как лев рыкающий, ищущий кого поглотить (1 Петр. 5, 8)

му что за неверие оставляется Богом, в нем рождается отчаяние и упорная хула на Бога, которая, как боль в язве телесной, не может прекратиться, пока существует и не исцелеет сама язва, т. е. пока сия язва душевная не исцелится покаянием.

Почему же человек впадает в бездну отчаяния, неверия и в блато нечистоты? Из-за[1] «псилафизма», т. е. из-за мысленного прельщения чувственностями и небрежения о небесных благах. (Иначе говоря, из-за того, что в молитвах церковных часто именуется «лукавым и плотским мудрованием»).

Каким же образом псилафизм превращается в отчаяние? Вера, уловляя человека, привлекает его и удерживает надеждою благ небесных; неверие же, чтобы уловить человека, прельщает его похотением благ земных, чувственных и, так как удовлетворение их связано с нарушением заповеди Божией, то, прельстив человека и возбудив в нем похотение запрещенного, неверие возбуждает затем в нем сомнение в истинности слов Божиих, наводит на вопросы: так или нет? истинно ли или нет? Вожделенна похоть для человека, но удовлетворить его она не может. Прельщается человек похотением и напрягает свои усилия к тому, чтобы удовлетворить плотскую похоть. Но, сколько ни насыщает ее, остается неудовлетворенным; видя свои напрасные труды и старания достичь счастия, удовлетворяя страстям и похотям, ввергает мысль свою в пропасть и болотную тину отчаяния. Таким же образом и хулитель разбойник, не веруя (в небесные блага) и не доставив душе удовлетворения чрез наслаждения чувственные, вверг свою мысль в благо хулы на Господа, распятого на кресте.

Так точно и ныне все прочие[2], находящиеся во власти неверия

---

[1]На последнем выражении необходимо остановиться. Слова *псилафизм* мы не нашли в словарях, по корню же и смыслу оно означает похоть наслаждения чувственными благами, в противоположность исканию духовных благ; очевидно, псилафизм означает похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, или «любовь мира, которая есть вражда Богу» (Иак. 4, 4); все это святой Нил выражает одним словом псилафизм, т. е. чувственность. Чувственная похоть является источником всякого греха, как учит св. апостол Иаков: «Кийждо же искушается от своея похоти влеком и прельщаем. Таже похоть заченши раждает грех, грех же содеян раждает смерть» (Иак. 1, 14-15). От существительного *псилафизмос* святой Нил производит еще и глагол, означая им плотские помыслы, плотское мудрование — словом, выражает то, что мы можем выразить словами: похотствование, сладострастное мечтание, увлечение страстями грубочувственными (блуд, гнев) и более тонкими — сребролюбием, славолюбием и самолюбием.

[2]Итак, плотская похоть и неверие (или духовная похоть) неразрывно связаны между собою; этот закон подтверждается и явлениями, современными нам. Теперь в культурных государствах на книжных рынках распространяется много книг безбожных, сеющих неверие, а вместе с сим, — много книг порнографических (проповедующих разврат).

(т. е. уловленные неверием), терзаются вместе с сим и страстию отчаяния, которое, как мы сказали, произошло в них от похотения и неверия.

Так исторгла эта страсть праотца нашего Адама из тех великолепных обителей рая, в которых вселил его Зиждитель Бог.

С подобною страстию приступил змий и к Еве, стремясь уловить ее в сеть неверия похотливым мудрованием и удержать в этой сети отчаянием, успел змий в этом, ибо Ева приняла его весть, что они могут сделаться как боги; с великою радостию и с такою же стремительною радостию приступила к Адаму; но радость вести змия превратилась в великую печаль, пребывающую на людях и поныне. Адам же еще до прихода Евы, слушая ее беседу со змием, начал (плотски и лукаво) мудрствовать касательно (обязательности) заповеди Божией, стал сомневаться в заповеди Божией и говорить в помысле своем: да так ли на самом деле должно быть, как Бог сказал (т. е. неужели умрем); да истинно ли то, что Бог сказал? И вот, когда Адам мудрствовал в себе таким (плотским) мудрованием (досл.: псилафизовался такими псилафизмами), приступила к нему с соблазнами змия Ева и окончательно отравила его советом змия. Когда же он (т. е. змий) отравил Адама своим советом, переданным Адаму через Еву, то змию так же (легко было совершенно овладеть Адамом), как рыбаку, ловящему рыбу на отраву, бросаемую в воды озера, легко уловить ее без помощи рыболовных снастей.

Так чрез Еву диавол, как отраву, вкинул в мысль Адама совет змия, и Адам воспринял мыслию сей псилафизм (т. е. плотское мудрование или обольстительную мечту); они поступили с Евой по совету змия – и тотчас же отравились; говорим: отчаялся Адам. Как рыба, отравившись, выбрасывается из воды на берег озера и легко, без всяких снастей и труда, завладевает ею рыболов – так случилось и с Адамом, когда Ева отравила его советом змия. Адам подвигся тогда против заповеди Божией и, подобно рыбе, выбросился из недосязаемых рыбаком вод на берег, в руки ловящего; говорим: отступил (Адам) от заповеди Божией и последовал совету змия. Когда же Адам исполнил совет змия, то сейчас же обнажился от благодати Божией: совет Божий презрели прародители и заповеди Божией не поверили, совет же змия приняли, – и тотчас стали прокаженными, говорим: тотчас ослепли их очи благодатные (т. е. духовное зрение), – и отверзлись в них очи лукавства (т. е. лукавое мышление, эта проказа ума); и доныне семена сих страстей пребывают в людях.

И со всяким так бывает: как только душа слукавствует,

сейчас же она совлекается благодати Божией, благодать, ниспосланная человеку от Бога, утрачивается.

Так и у Адама: как только родилось в нем похотение чувственностей (псилафизм), он тотчас же излукавился, мысленно сочетавшись с обольстительной мечтой; мгновенно отступило от него сияние Солнца Солнц, и Адам, обнажившись от благодати (т. е. утратив благодатное осияние), стал тьмою (т. е. темным, не сияющим, каковы[1] люди и поныне).

Бог до грехопадения Адама даровал ему владеть всеми благами рая, но возбранил плоды лишь одного древа; для того воспретил Бог Адаму древо сие, чтобы сохранил Адам сознание (т. е. не забылся бы, как Денница, и не возмечтал бы о себе, но, видя себя ограниченным во владении чрез сию заповедь, всегда помнил бы своего Владыку и Творца и смирялся перед Ним). Но Адам не внял повелению Божию, а внял вести змия, вследствие похоти и неверия, – и чрез сие оказался возбранен прекраснейших благ рая, обнажен, лишен благодати Божией и облечен в одежду лукавства.

Бог же, Иже бе Сый и Грядый, ведущий вся происходящая, Творец Неба и Земли, сотворивший и сердце Адама, – познал обнажение Адама и долготерпеливо стал ожидать того, чтобы люди припали к Богу с молением о прощении и исповедали бы пред Ним свое преступление, которым нарушили заповедь Божию. За сие Бог готов был дать им первую их одежду (т.е. свет благодатного сияния) и все то, что имели раньше, но люди не пожелали того, что угодно было Богу, а пребыли во тьме, что угодно было ненавистнику и начальнику зла...

...Ибо Адам во всем винил Бога и, пребывая во тьме лукавого плотского мудрования (псилафистического лукавства), говорил в себе так: я не виноват в этом; Бог Сам виноват: зачем дал Он мне такую заповедь, а если запретил плод, то зачем дал (запретному плоду) такую красоту? Будь я один, я соблюл бы заповедь, но так как Бог присовокупил мне сию, говорим: Еву, – то по совету ее я преступил заповедь, данную мне Богом, ибо красота плода и совет помрачили меня, и я преступил заповедь Божию. И другие, подобные сему, плотские мудрования (псилафизмы) кружились стаей в Адаме.

Бог, призывавший Адама к покаянию, услышав его лукавые

---

[1]Итак, по учению прп. Нила, праотец Адам до грехопадения был «светлым», т. е. от него исходило видимое чувственными очами некое сияние божественного света. По грехопадении Адама это сияние утратилось. Данное положение подтверждается Фаворским светом, которым возблистал Новый безгрешный Адам (1 Кор. 15. 45), Господь Иисус Христос во время Преображения (Мф. 17, 2) и словами Господа, что в Царстве Небесном праведники просияют, как солнце (Мф. 13, 43).

мудрования (псилафизмы), стал усиленно призывать его к покаянию. Услыхав, Адам должен был выйти в сретение Богу, исповедать свое преступление и испросить прощения. Когда Бог приблизился к Адаму, Адам, услыхав звук шагов Божиих, спрятался и не вышел навстречу Богу, спрятался от Бога со своим беззаконием и преступлением.

Бог же (сойдя в рай) все еще ничего не говорил, выжидая первых слов Адама, чтобы он вышел навстречу Богу, как тот блудный сын, и сказал: согрешил, моя вина... Тогда Бог, услыхав сие вожделенное покаяние, принял бы Адама в объятия, говорим: совлек бы с него ризу беззакония и облек бы его в первую одежду. Готов был Бог и желал сделать это Адаму, но Адам не восхотел выйти навстречу Богу и произнести слова покаяния.

В то время, как Бог призывал Адама к покаянию, Адам думал лишь о том, где бы ему спрятаться от Бога с беззаконием своим. Бог, конечно, знал, где находится Адам и где укрылся с беззаконием своим, но желал, чтобы Адам вышел навстречу и произнес вожделенные слова покаяния.

Но покаяния Бог от Адама не услышал и приближения его навстречу не увидел.

Тогда Бог весьма опечалился сему безсмыслию Адама, т. е. его прельщению и лукавому мудрованию (псилафизму), ибо от чувственного похотения (псилафизма) рождается безумие; обезумев, человек не понимает, что с ним происходит, помрачается и не весть, что творит.

Так похотение чувственных (псилафизм) вовлекает человека в безумие, безумие же вводит во тьму, тьма же доводит до возделывания всех тех злых дел. Поэтому и Адам, обезумевший и омрачившийся чрез похотение и лукавство, услыхав звук (приближения) Бога, не вышел к Нему навстречу и не отвергся плотского и лукавого мудрования неверия.

Тогда Бог, видя все это, воскликнул и сказал Адаму сии слова: «Адам, где ты?» Адам же, не будучи в силах вынести гласа Божия, воскликнул и сказал: «Здесь я, но я наг и не могу предстать Божеству Твоему». Подождал еще Бог слов покаяния от Адама, но ничего подобного и никакого гласа от Адама не услыхал.

Тогда Бог опять вопросил Адама: «Отчего ты обнажился? Не преступил ли того, что тебе было заповедано (досл.: не погубил ли ты той споспешницы, или пособницы, т. е. заповеди)? Так сказал Бог для того, чтобы Адам не таил более греха и явил бы покаяние.

Этим вопросом Бог несколько пособствовал Адаму покаяться и сознать свою вину и (это снисхождение Бог оказал) ввиду

того, что Адам был весьма помрачен чрез свою похоть и лукавство.

Псилафистическое лукавство прародителей (т. е. лукавство их плотского мудрования) не допускало их открыть болезнь свою Врачу, чтобы Он излечил их. В высшей степени Врач вожделевал их излечения, но сила действовавшего в них плотского мудрования омрачила их духовное око, оглушила их духовный слух, так что они не могли со своею глухотою и тьмою внимать повелениям Божиим, но внимали лукавому и плотскому мудрованию змия и от этого безумствовали. Бог первоначально сотворил их всемудрыми, потом же лукавство плотского мудрования (псилафистическое лукавство), соделало их всебезумными и они, обезумев, соизволяли змию.

Следуя гласу лукавого мудрования, Адам ответил Богу так: «Да, не соблюл, ибо Ева ввела меня в соблазн и я прельстился; Твоя вина, ибо Ты дал мне ее в сожительницу»; только это одно и сказал Адам Богу и никакого более исповедания и просьбы о прощении не принес своему Творцу.

Бог, услыхав эти слова и видя такое ожесточение Адама, отвратился от Адама и стал взыскивать таким же образом покаяния от Евы. Ждал Бог от Адама вожделенного покаянного исповедания, но не услыхал его, посему обратился к Еве, не услышит ли Он сего от нее.

Мы знаем, что многие жены (своими мольбами) высвободили мужей своих из темничных уз[1]. Тем более всеблагий Бог мог простить Адама ради молитв Евы.

Но Ева, услыхав шаги Божии, стала еще более скрываться, чем Адам, ибо женщины боязливее (более хоронятся), чем мужчины. Вследствие этого, Ева горевала и имела большую скорбь, нежели Адам, как и ныне жены опечаливаются сильнее мужей.

Сострадая горю Евы, Бог пошел к ней, как к Адаму, чтобы услышать от нее то вожделенное покаянное исповедание, которое Бог столь желал услышать от Адама и не услышал. Ева не шла навстречу Богу.

Не возмогла вынести Ева гласа[2] Божия и ответила: «Здесь я, но нага и не смею явиться пред Тобою». Сказал Бог: «Отчего вы обнажились?» Не сказал Бог: «Отчего ты обнажилась?», а сказал: «Отчего вы обнажились?» – ибо, если бы сказал:

---

[1] Разумеются «узы» гнева Божия, наказания за грех. Отсюда справедливо присловье «Жена за мужа умолит».

[2] Библейское повествование передает речь Бога к согрешившей прародительнице несколько иначе, но надобно иметь ввиду, что прп. Нил стремится не просто повторять Феофану библейские события, но уяснить их внутренний смысл.

отчего ты обнажилась, то из этого явствовало бы, что Адам оправдывается и одна только Ева осуждается, потому-то и сказал Бог: почему вы обнажились? Все же это сказал Бог для того, чтобы (в случае их нераскаяния) одинаково осудить обоих на сию презренную жизнь, что и произошло.

Это сказал Бог, чтобы вызвать Еву на многожелаемое покаянное исповедание, но Ева не произнесла покаянного признания Богу, а вместо этого сказала: «Змий соблазнил меня, и я прельстилась сим». Пождал еще Бог, чтобы услышать от нее слова покаяния, но Ева больше ничего не произнесла.

Итак, Бог, видя, какою погибелью погибли люди по совету змия, сказал Адаму: «За то, что ты послушался голоса жены твоей и съел от древа, которое одно Я тебе не позволил от него есть, ты же съел, – да будет проклята земля в делах твоих, в скорби будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терние и волчцы произведет она тебе; в поте лица твоего будешь есть хлеб твой, пока не возвратишься в землю, из которой ты взят, потому что ты земля и в землю пойдешь».

Также сказал Бог Еве: «Умножая, умножу скорби твои и воздыхания твои; в болезни будешь рождать детей; к мужу твоему обращение твое и он будет господствовать над тобою». Змия же осудил трижды (т. е. сугубо больше): «За то, что сотворил ты сие, проклят ты от всех скотов и от всех зверей земных» и пр. Обоим же вместе сказал: «Уйдите от Меня, но приимите сие обетование от Меня (благовещение о Спасителе); а также еще сказал: «С трудами и с трудами будете возделывать пищу, в поте будете вкушать хлеб свой, с печалью будете одеваться в одежду свою и со страхом возделывать путь свой»... (Быт., гл. 3).

Глава II

Как велика была утрата людьми рая и блаженства. Первое убийство

Посему Бог опять сказал: «Изыдите от Меня», – и тотчас шестокрылый херувим с огненным мечом изгнал их из тех прекраснейших красот райских, они остались вне рая и переселились на место, находящееся против рая. Там горько восплакали они, взирая на красоты рая (т.е. взирая в сторону утраченного рая и вспоминая райские блага). О том же, сколь прекрасен был рай, – суди по следу-

ющему сравнению. Если и ныне человек сильно восхищается красотою неба, безпредельностью небесного свода, сиянием солнца, стройностью движения звезд, светом луны, блистанием сверкающей молнии, грохотом грома из грозовой тучи – то сколь же было восхитительно для первозданного человека созерцание третьего неба, взирание на Бога, созерцание вечности и безграничности Его сияния, воинства ангельского Его и силы Его?..

Если ныне, по грехопадении, как свидетельствует Псалмопевец, душа человеческая может просветиться и убедиться, паче снега: «Окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя и паче снега убелюся» (Пс. 50, 9), то, следовательно, как сияли радостию и блаженством души первозданных людей в раю?!

Если ныне, после зимней стужи, земля, покрытая снегом, после весенних дождей расцветает и делается подобной по красоте раю и благам его, столь украшается от солнечных лучей... – то как же она должна была расцвести тогда в раю, будучи осияваема светом благодати Божией!..

Итак, если ныне столь великие блага доступны человеку, который подобен траве и дни которого подобны полевому цвету (Пс. 102, 15), – то каковы же должны были быть блага райские?.. Если ныне души грешников, окропившись иссопом, столь убеляются и столь великих созерцаний достигают, – то каково же было блаженство в раю прародителей и как расцветали души их?.. Какие блага вкушали (досл.: цветособирали) они?.. Следовательно, может ли кто познать те прекраснейшие блаженства рая, которых око не виде, – первозданный же человек видел все эти красоты рая, которые несравнимы ни с блистанием молнии, ни с сиянием солнца... И кто может уразуметь сие (т. е. неописуемость красот райских и степень блаженства человека в раю)? Только верующий (могущий веровать). Кто верит, что сверкание молнии есть сила сотворенная, того эта вера побудит размыслить и сказать: если свет молнии, которая есть тварь, имеет такую силу, то какова же сила сияния самого Творца, Который сотворил молнию. Каков же был тот, который мог взирать на такое сияние? Сколь великою благодатию был облечен тот, который беседовал с таким Творцом, сотворившим такое сияние? Никто другой не видел Бога и не беседовал с Ним, один только Адам видел Бога и беседовал с Ним. И как мог бы он так беседовать с Ним (т. е. с Богом), если бы сам не был облечен в свет, ибо Бог есть молниесиянный свет светов?..

Примечание. Святая Церковь в некоторых песнопениях свидетельствует, что не только души первых людей были облаго-

датствованы, но и самые их тела светились сиянием благодатного света, как ныне сие и дает нам уразуметь св. Нил. В одной из стихир малой вечерни на праздник Преображения поется: «Иже с Моисеем глаголавый древле на горе Синайстей образы... днесь на горе Фаворстей преображся, началообразное показа лучами облистаяся», т. е. показал то началообразное сияние, которым сиял Адам. И еще там же: «Днесь Христос на горе Фаворстей, Адамово пременив очерневшее естество, просветив богосодела...» Также в третьей песни канона: «Во всего Адама облекся Христе, очерневшее изменив, просветил еси древлее естество» – (очерневшее), следовательно, оно раньше было светлым.

Также на стиховне великой вечерни говорится: «На сию бо возшед гору со ученики Твоими, очерневшее Адамово естество, преображся, блистати паки сотворил еси». Итак, причина, почему люди не видели до грехопадения своей наготы, заключалась не только в непорочности их чистой души, для которой все было чисто, но также и в том, что они были облечены в свет, как в ризу... Так же толкует сие и Симеон Новый Богослов («Обнажился Адам от нетленного оного одеяния и славы»... (4, I стр. 371).

Бог же (не желая лишать людей сих благ райских) вожделевал от Адама и Евы лишь покаяния, но Адам и Ева ответили ему словом погибели и этим сами погубили (свое обладание) всеми благами и сиянием рая!.. И от таких-то благ рая отреклись они, несчастные!.. И такою проклятою жизнью осчастливили себя несчастные (т. е. желавшие по совету змия сами себя осчастливить еще более, чем их осчастливил Бог, и за это обретшие проклятие). Итак, уступили они свое наследство (небесное) и, взамен его, наследниками сделались столь проклятой земли, и пребывает (сие наследие уделом людей) столькие годы!.. Потом, в свое время, стали чадотворить, народили детей, и семя от семени расплодилось; детям рождаемым давали различные имена. Первыми же из всех имен были два имени, говорим: Каин и Авель. Со временем же, летом, по собрании жатвы, от приплода стали люди выделять части; каждый из своего сбора или приплода, по своему усмотрению, брал и возносил ее в жертву... Один (из сих первых двух детей Адама) был добродушный и праведный; такова же была и его жертва, как сказано: «Жертва правды, возношение и всесожигаемая»(Пс. 51, 21); говорим: жертва его приносилась им от избытка любви к Богу, о которой говорится: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона» (Пс. 50, 20) (т. е. жертву истинного боголюбца, в нем же, как в истинном израильтянине – «льсти нет» (Ин. 1, 47).

Каин же душою мудрствовал плотская и лукавая (досл.: Каин с псилафистическим лукавством); это породило в нем зависть; зависть же породила убийство, как говорится: зависть есть зародыш убийства. Какая же была причина тому, что Каин позавидовал брату своему и убил его? Зависть произошла так. Однажды летом, во время жертвоприношений, принес и Каин жертву, но для жертвы оставил лишь негодное (из отделенной части плодов), плоды же отобрал.

И явился дым этой жертвы смрадом лукавства и псилафистического неверия (т. е. лукаво и плотски мудрствующего неверия).

Так мудрствуя, Каин говорил: соберу я сначала плоды в житницу мою, а ненужное, то есть солому, принесу в жертву мою: так и сотворил, с таким лукавым и плотским мудрованием совершил жертвоприношение. Бог же сказал Каину: «Не приноси больше подобной жертвы; приноси жертву с простотою, да не приносишь жертвы Богу с лукавством»[1]. Однако Каин не перестал приносить в жертвоприношение подобной мерзкой жертвы, ибо мерзость есть пред Богом жертва лукавства. Сего ради Бог отверг жертву ради ее лукавства, жертву же брата принял, так как она была жертвой правды перед Богом, как говорится: «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). И, так как брат Каина, т. е. Авель, совершал жертвоприношение и приносил Богу часть свою без всякого лукавства, то Бог выразил благоволение Авелю за жертву (т. е. дал знамение благоугодности жертвы тем, что дым ее взошел к небу), Каину же не явил сего. Этим Бог (как бы) говорил Каину: «Перестань приносить такую жертву, не приноси больше такой жертвы». Но Каин не внял тому, что говорил Бог, и не послушал Его, вместо же этого послушал своего плотского и лукавого мудрования (псилафистического лукавства) и приумножил свое зло.

Когда Бог увидел такое превратное расположение Каина, Он опечалился о нем и сказал брату его Авелю: «Пожалей брата своего, ибо он находится в погибельном состоянии и чрез него народится погибель человеку» (т. е. для человечества). Ответил Авель Богу: «Господи, кто же меня жалеть будет?» (Т. е. слово *пожалей* означает *помолись*; ибо основание молитвы за ближних есть сострадание к ним. Авель же ответил: кто меня пожалеет, – потому что сознавал собственное недостоинство и глубину своего падения.)

---

[1] В Библии мы не находим такой речи Господа к Каину, но должно помнить, что прп. Нил имеет здесь целью не повторять общеизвестный библейский рассказ, но живописать и отчетливо обрисовать греховное настроение Каина.

Сказал Бог: «Аз есмь оправдание печали твоей» (т. е. молись за брата, и Я вменю молитву тебе). Ибо, если будешь жалеть о погибели брата твоего, то и Я буду жалеть о тебе. Тогда возымел Авель дерзновение печаловаться пред Богом о погибели брата своего[1].

Говорим: возлюби брата твоего и Бог возлюбит тебя; ибо любовь рождает сострадание; если не любишь брата твоего, не можешь печаловаться о нем.

Так произошло и с Каином. Не возлюбив брата своего, он не мог и сострадать ему; вследствие ненависти к брату возникла безжалостность, и взамен любви (Авеля, Каин) воздал безжалостностию, и взамен печали его о нем (т. е. вместо молитвы взаимной, которую впервые заповедал Бог Авелю), совершилось убийство.

Плотское мудрование (псилафизм) порождает лукавство; лукавство же – неверие, неверие же возращает безжалостность (т. е. нечувствие, безстрашие, ожесточение), ожесточение же опьяняет человека и представляет ему убийство, как ничто[2]. Так и сотворил Каин: произвел в себе ожесточение и, опьянев им, совершил братоубийство.

Как постепенно образуется опьяняющее вино из зерна, посеянного на земле, так постепенно развился грех в душе Каина и завершился убийством. Виноградная лоза сначала пускает почку с листьями, потом рождает цвет, цвет же мало-помалу наливается, зреет и рождает грозды, грозды же рождают вино, а человек, пив то вино, возвеселяется сердцем и опьяняется. Так и зло в человеке сначала пустило почку лукавого, злого, плотского мудрования (псилафизм), плотское же мудрование породило лукавство, лукавство же, мало-помалу, наливаясь и созревая, возросло в неверие. Грех сначала веселит сердце человека, как вино, потом овладевает им, лишая человека сознания. И неверие, в конце концов, порождает отчаяние: человек пьет отчаяние, впадает в нечувствие, наконец, выгоняет из виноградных выжимков еще сильнейший спирт и окончательно упивается им.

Взяв из потатира выжимки, человек заставляет их бродить, перегоняет через огонь, извлекает из выжимок спирт, пьет его, опьяняется и не ведает, что творит; так и Каин: сорвал плоды с лозы зла, выжал вино в потатире, выпил водку отчаяния и отчаялся (сперва возвеселившись прелести любостя-

---

[1] И сего в Библии мы не находим, но из дальнейших слов прп. Нила ясно видно, что он стремится напечатлеть в сердце Феофана христианскую заповедь о любви к ближнему.

[2] Психологическая картина, как из маленького греховного семени (нечистого, еле ловимого помысла), развивается целое древо тяжких грехов.

жания); и не знал, что с ним сделалось (вернее: что ему делать); он собрал все выжимки, которые были собраны в потатире, говорим: внутренняя своя, – перебродил их на лукавом и плотском мудровании (псилафистическом лукавстве), выгнал спирт отчаяния, выпил его, опьянел, впал в зависть и безжалостность. Помрачила его зависть и объяло ожесточение, он подвигся на убийство брата своего и убил его, братоубийца Каин!

Так он положил начало братоубийству, закончить же его имеет и конец его есть противообразный, говорим: антихрист. (Противообразным называет его св. Нил потому, что в нем ни малейшего подобия Богу не будет, будут лишь одни пороки в совершеннейшей степени). Каин есть начало возделывателей убийства, противообразный же (антихрист) соделается концом возделывания убийства. (Т. е. превзойдет всех убийствами, и сам будет последний, убитый на земле, ибо по Писанию, Сам Господь убьет его духом уст Своих (2 Сол. 2, 8).

ГЛАВА III

Как из первых грехов Адама и Каина развились все прочие страсти. Уподобление греха плющу, противление людей Богу, желавшему очистить Свой виноградник. Воплощение Господа и учреждение Им Церкви как тела Своего и питание ее Телом и Кровию Своею. Союз со Христом чрез веру и союз с диаволом чрез неверие и восприемлемое от сего пятиобразное подобие диаволу. 33 ветви греховного плюща. Уподобление страстей алфавиту. Совокупление добродетелей со страстями. Книга мира и Страшный суд. Как вера и неверие соперничают из-за обладания душою человека

Итак, от Каина день ото дня, год от года, век от века умножалось возделывание зла; от поколения к поколению умножалось беззаконие Каина, оно распространило свои ветви, эти ветви затмили собою все мысленные способности человека, и помрачился человек.

Как плющ (взойдя на дерево) распространяет ветви свои поверх его, покрывая ими все дерево и затмевая его совершенно, так и преступление, насадившись на земле в Адаме, постепенно, с течением времени, распространило ветви свои. Говорим: родил (Адам братоубийцу) Каина, и этим рас-

простерлась ветвь (тьма) над мыслью человека. Как плющ, когда прострет только одну ветвь свою на дерево, то восходит и наверх его, выпускает ветвь плюща отростки, охватывая ими все дерево и тремя ветвями своими покрывает все существо его, говорим: природную зелень, – дерево лишается сущности своей (т. е. присущей естеству своему зелени), так точно лишается свойственного существу своему (т. е. свойственных человеку добродетелей) и тот, кто воспринимает в мысль свою ветвь плюща (греховного). Дерево, наконец, высыхает, остается во власти плюща и истощается среди плющевых ветвей. Вместо дерева возрастает на нем естество плюща, говорим: его зелень, – которою он охватывает дерево, объятое им, говорим: естество плюща берет господство над деревом[1].

Подобие греха плющу еще в следующем: как сущность всех трех ветвей – одна, хотя и различаются ветви между собою, так и грех (всякий по существу) есть одинаковое отречение (отступление от Бога), но мучения в аду за разные грехи – различаются.

Свойства плюща сходны со грехом еще в следующем. Плющ наименьшую имеет силу производить вверх (т. е. расти в вышину), но в высшей степени способен распространяться по поверхности и овладевать всем тем, что находит перед собою. Он больше всех дерев приносит плодов; но плод его не потребен на вид, не сладок на вкус, питательность его мала, по упругости он не крепок, хотя ширина плюща и являет его якобы сильным (т. е. с виду он довольно раскидист и ветвист).

Когда же представится ему какой-либо вид (т. е. случай овладеть деревом), то он так искусно оплетает его своими тридцати тремя отростками, что не может дерево избавиться от него. Для этого плющ охватывает тремя главными ветвями вид (т. е. ствол дерева), который обрел перед собою, овладевает им, и передает 30 отросткам, а те тридцать ветвей схватывают его своими когтями, говорим – побегами, и, чтобы господствовать над ним, производят столь искусное плетение, какое рукодел-искусник не может сотворить. Говорим: и грех так искусно оплел человечество (как плющ дерево), что ни мудрый художник руками не может то произвести, ни паук сетями соделать.

Бог же, видя такое порабощение людей грехом, неоднократно хотел освободить их чрез посланников Своих. Послал Перводелатель (Бог) рабов Своих истребить мнимосильные, но не-

---

[1]Как тонкий плющ губит толстое и могучее дерево, так тонкий греховный помысл (прилог, приражение) может погубить душу человека. Отсюда: как важно вести борьбу и с тончайшими греховными «приражениями»...

мощные (по существу) ветви, которые столь дерзко распространились поверх дерева, овладели им и иссушили его, но искусники (т. е. великие мира сего, стоящие во главе народов и племен) не дали освободить себя и истребить мнимые и безсильные ветви плюща, но обезчестили посланников Божиих и отослали назад. И возвестили рабы Перводелателю все происшедшее, Перводелатель же, выслушав, долго терпел. Но вот посему видит Перводелатель, как (еще более) распространился плющ своими тридцатью ветвями в винограднике и как глушит деревья, чтобы господствовать своими безсильными ветвями над всею площадью виноградника, говорим: над всею мыслию человека (греч.: *обнесение* и *выражение мысли, перифраз*, – тут игра слов и выражение того, что как плющ покрывает листву, так враг все помыслы человеческие из благих перефразирует во злые). Увидав таковой замысел, Перводелатель опять послал других рабов, говорим: пророков, – защитить виноградник. И опять искусники, говорим: книжники и фарисеи, – увидев тех рабов, смутились весьма, схватили и заключили их, совещаясь между собою, что им предпринять по поводу происшедшего и что сотворить. Совещавшись, рассудили сотворить следующее: извели их из темницы и поступили с ними, как со злодеями; говорим: сначала мучили, а потом казнили.

Когда же придет Сам Перводелатель, то увидит, как виноградником Его овладел плющ, как плющ в винограднике охватил лозы своими 33-мя ветвями и взошел на деревья, так что, наконец, засохло естество (т. е. природные листья и плоды) лоз и деревьев. Говорим: взошел псилафизм (плотское, лукавое и злое мудрование) со всеми своими 33-мя ветвями на органы чувств человека и замолкла природа в человеке (т. е. свойственное человеку влечение к духовным благам и к Богу), человек стал безчувственным (духовно), женский род и мужской... Что сотворит тогда Перводелатель с искусниками? Злых зле погубит их от виноградника[1] Своего.

И передал Он искусство речения (т. е. хранения закона и служение Слова) иному искуснику; говорим: передал виноградник другому народу (т. е. даровал ему способность произрастать те плоды, которые раньше получал лишь от первого виноградника), говорим: римлянам (т. е. язычникам).

Говорим: пришел Перводелатель (вернее по смыслу – первоучитель) именем Иисус, и дал нам виноградник, говорим: дал нам Церковь вместе с Телом Своим и вместе с Кровию Своею, как и Сам о сем сказал: «Приимите, ядите, сие есть

---

[1] Воспроизведена притча Спасителя о винограднике (Мф. 21, 33-43).

Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Дал же нам сии три, говорим: Церковь Свою, Тело Свое и Кровь Свою, – трем чувствам нашим[1] (вере, надежде и любви), чтобы мы восчувствовали и хранили благодать Христову несомненно и верно, были бы чувствительны ко Христу, а не уподоблялись иноверцам, вавилонянам, которые чувствительны к Еосфору (т. е. падшему ангелу, Деннице). (Т. е. да любим Христа в заповедях Его, и да не любим Денницу в пороках и греховных сладостях, внушаемых им).

Безутешен всякий, который лишится этих трех чувств, говорим: веры, надежды и любви, – ибо (тем самым) отступает от Христа всеми своими тремя чувствами, презирает существо Христа (т. е. Тело и Кровь Его) и не верит в Церковь; таковой тотчас делается добычей плюща, который охватывает его 33-мя ветвями, утверждая свое господство над ним искусным плетением.

Когда же растением овладеют три ветви плюща, и обхватят его тридцать других ветвей плюща и возгосподствуют над ним своею сетью, то каким насилиям подвергается это растение, пока оно обладается плющом? Никто другой не знает, одно растение знает, каким насилиям оно подвергается от плюща. Говорим: тот, который презрит те три чувства (веру, надежду и любовь) и сущность закона, того тотчас похитят три нечувствия. Три нечувствия суть: а) псилафизм ума – мудрование плотское, злое, лукавое, не духовное, прелестное, б) лукавство ока и в) нечувствие неверия (т. е. нечувствие сердца).

Следовательно, кто похищается этими тремя отраслями (первых трех) ветвей Денницы (т. е. кого окружат и обовьют прелесть, неверие и лукавство, как плющ), тот становится затем пленником и прочих тридцати ветвей ада (овладевают им и прочие страсти). Тотчас беззакония восхитят этого беззаконного человека, схватят его тридцать ветвей ада, говорим: предстоятели тирана, Денницы, – и будут господствовать над ним, оплетя его насильственным своим плетением... Какие насилия понесет тот беззаконный человек ради нечувствия своего?..

Эти орудия адских пыток какими волнениями сердечными изнурят его?.. Какими ухищренными мучительствами будут они мучить его (досл.: ухищренными тиранствами тиранить, что может иметь смысл и насилия греховного)? Никто другой не знает сего, кроме того, который находится в возделывании этих 33-х дел беззакония...

---

[1] Господь даровал нам полноту благодатных даров для того, чтобы дать нам спасение и освящение во всей полноте – «спасл еси всего мя человека» – Октоих, гл. 2, ирмос 4.

Говорим: эти 33 ветви беззакония суть следующие: прежде всего пять, воспринятых человеком: *во-первых,* – псилафизм ума (земное и вещественное мудрование, как говорится в вечерней молитве); *во-вторых,* – лукавство; *в-третьих,* – неверие в заповеди; *в-четвертых,* – преступление заповедей; *в-пятых,* – закоснение в преступлении заповедей и презорство. Таковые пять ветвей (из числа 33-х) отростков суть пятиобразие змия, которое он внушил Еве, передал Адаму и чрез принятие которых Адам утратил блага рая. [Пятиобразием называет святой Нил эти пороки потому, что в полной мере обладает ими диавол, человек же грешный воспринимает лишь подобие диавола, «ибо сперва диавол согрешает» (1 Ин. 3, 8), – как сказано в Писании].

Затем на первенце Адама (Каине) произрасли (следующие побеги): *первое* – зависть, *второе* – хищение, *третье* – безжалостность (братоненавидение) и *четвертое* – убийство.

Говорим: Каин позавидовал (богоугодной) жертве брата, святотатствовал свою собственную жертву и явил безжалостность к брату, которого убил.

Бог же (и сие грехопадение готов был простить и восставить Каина, если бы Каин покаялся, и) спросив его: «Где брат твой» (ожидал от Каина покаяния и просьбы о помиловании)? Но, так как тот надменный (оказался нераскаянным и дерзко) ответил: «Разве я пастырь брату моему», – то отверг его Бог и предал Каина духу беззаконному (т. е. злому духу), дабы (злой дух как) ветр (потрясал его), дабы убийца согласно Слову (Божию) был преследуем им и (проводил жизнь) скрываясь, несчастный!..

Потом же (в-третьих), произрасли те прочие 24 ветви и оттоле (начали) плетение, потому что способ действия первых девяти заключается в том, чтобы подыскать себе кого-нибудь и, подкравшись, уловить в погибель (или погибелью, т. е. мудрованием, лукавством и законопреступлением), чтобы затем поразить его копьем о 24-х душепагубных зубьях погибели...

(В переплетении же сих душепагубных 24-х ветвей они) уподобляются буквам письма. Ибо, как разнообразные содержания всех письмен изображает азбука (своими 24-мя) буквами, так точно и 24 ветви беззакония производят всевозможные побеги погибели...

Например, страсть осуждения, возбуждая в человеке[1] стремление осуждать, производит в осуждающем злопамятство к

[1]Эта страсть понуждает осуждать других людей, считать их худшими, чем сам осуждающий, смотреть на них с презрением и, в конце концов, ненавидеть, как худших, чем осудитель. Осуждение — прямая дорога к ненависти.

осужденному. И все те 24 ветви зла повсюду усиленно стараются возбуждать (подходящие страсти и, если не успевают возбудить одну страсть, то стремятся возбудить другую, ей противоположную); например, похоть и отчаяние (кого не успевают увлечь к деятельной погоне за сладострастными наслаждениями, того пытаются истомить унынием).

Страстное влечение (ко греху) – есть альфа, уныние – омега; то есть – начало и конец (во всяком грехе). Начало похоти, начинающая похоть возбуждает деятельность, конец же похоти есть начало уныния. Поэтому, мудрование ума и лукавство ока (которые возбуждают греховную деятельность в человеке) начало имеют, а конца не имеют (т. е., возбудив однажды похоть и внушив человеку грех, они этого грешника, если он не освободится от них раскаянием, – поражают унынием, которое по смерти превращается в муку вечную); так и слоги письмен: начало имеют, но конца не имеют (т. е. сложившееся однажды из букв слово никогда не утратит своего смысла и всегда сохранит тот же смысл, пока существуют письмена).

Говорим: *альфа* есть первая буква, *омега* – последняя, *вита* – вторая, *пси* – предпоследняя, *ламбда* и *кси*, равно как *ми* и *ни*, следуют (попорядку) одна за другой; так и страсти, хотя произошли некогда последовательно, вписавшись как алфавит на хартии человечества, но потом конца уже не имеют, соединяясь во всевозможные взаимосочетания, как буквы в слогах и словах, между собою. Так и псилафизмы (т. е. мудрования греховные), которые суть начало (т. е. подобно первой букве азбуки – альфе, написались первыми на хартии души человека), конца не имеют. Одинаково с мудрованием, и лукавство начало имеет, а конца не имеет... Все (24) ветви (греха), как буквы азбуки, означают все беззакония мира и не имеют конца...

Мир для человека есть как бы книга, которую он исписывает своими делами, как письмена – слогами, которые имеют начало, но конца не имеют; отнюдь не забудется во веки веков (все, что ни сотворит) человек от самого рождения до своей смерти, потому что от самого рождения какие слоги письмена ни изобразит человек в книге мира, по смерти человека все они имеют быть разобраны по слогам, будет прочитано каждое сложение так, как сложил его человек, и каждое сложение получит свою часть, воздаяние.

Как в слогах письмен (одним звуком выражается слог, сложенный из нескольких букв, из которых каждая имеет свое особое) выражение и нисколько не соприкасаются (по месту нахождения в азбуке) между собою, (в слоге же выговариваются

вместе), где одна, там и другая; (так и в делах человеческих соединяются в одном и том же деле разные и противоположные побуждения, добрые и худые, несмотря на свою несовместимость). Например, альфа и омега, или вита и пси, (хотя стоят на разных, противоположных концах азбуки, но совместно могут встретиться в одном слове); подобно сему и псилафизмы, то есть греховные плотские мудрования человека, подмешиваются к добрым начинаниям его.

Злой и благой подразумевается: ангел-хранитель и злой дух, подвизающие человека один на добро, а другой на зло. Они суть чрезвычайные противники между собою; если добрый старается направить человека к благому, то злой, в свою очередь, всеми силами стремится расслабить энергию (человека, направленную к осуществлению) благого произволения; так старается сделать растлитель благих произволений для того, чтобы человек не взирал ни на что благое, не предпринимал бы ничего благого; подобным образом и благой старается и расслаблять злую энергию (в человеке), желает, чтобы человек не взирал на зло (т. е. не желал бы зла) и не стремился ко злу.

Души людей подобны семьям юных двоеженцев, причем у одной из молодиц родился мальчик, а у другой – девочка. Одна любит девочку так, как злой любит зло, другая так любит своего сына, как благой любит добродетель. Имеющая девочку не любит сынка, а имеющая сына не любит девочку... Подобно сему, взаимно стараются превозмочь друг друга в глубинах человеческого произволения благой дух и злой, стремясь вписать свои победы в книге жизни всего мира (т. е. побудить человека к соответственному делу).

Человек ныне не остерегается от беззаконий мира сего, не понуждает себя взывать о помощи к Богу, чтобы Он избавил его от сих беззаконий, как сказано: «Яко Той есть Бог наш, избавлей нас от беззаконий наших»... (Октоих, глас 1, стихиры).

Избавитель избавляет человека от злых, но желает, чтобы и сам человек имел чувство к Сигору (т. е. к небу, как говорится в великом каноне: «В Сигор угонзай»), сознавал бы (в себе) те тридцать три ветви беззаконных письмен жизни и не вплетался бы в те 24 буквы погибели.

Говорим: эти 24 буквы суть: происходящие от похоти плоти: 1 – прелюбодеяние; 2 – блуд (в том числе объедение и пьянство); 3 – разжение; 4 – обольщение; 5 – наряжение, (возбуждающее) блудное похотение; 6 – изнеженность (ласкосердство) взаимного обращения, роскошь и человекоугодие; 7 – расслабление (или разленение) ума; 8 – утучнение плоти и услаждение прочих органов чувств; 9 – безумная любовь; 10 – чародеяние; 11 – кровосмешение; 13 – мужеложство.

Эти 24 ветви плотских похотей для всякого, кто поддастся им, становятся темным покрывалом, всецело затмевая его, так что человек не видит Солнца Солнц. Делатели этих 24 ветвей сладострастий не узрят лица Божия, предадутся смерти и в пучине сладострастия потонут...

Похоть же ока лукавого (производит следующие ветви): уныние, которое развивает отчаяние; отчаяние же возжигает ярость (гнев или злобу).

(Злоба же) влечет человека в следующие девять: 1 – осуждение; 2 – злоречие; 3 – клевета; 4 – презорство (и вместе с тем возношение, гордость и пр.); 5 – алчность; 6 – хищение; 7 – ложь и несправедливый донос (т. е. клевета); 8 – притворство добродетелей или лицемерие; 9 – коварное советование. Сим подвергаются осуждающие ближнего своего..

От корней всех этих 33-х ветвей зачинается один корень травы отвратительной на вид (досл.: непотребной зрению); она называется ядом и отравляет все, чего бы ни накопил (благого, или какие бы благие дела ни сотворил) человек. Если окажется посреди посева, то препятствует произрасти плодам; люди ныне называют его – волчец; (примечание первых списателей: этот волчец есть растение, которое имеет свойство, когда находится среди посеянной пшеницы, погублять пшеницу).

Посреди корней 33-х ветвей произрастает еще одно противоестественное беззаконие, говорим: хуление. Оно произносит хулу на книгу закона и на тех, которые учат согласно закону веры; у кого оно окажется, тому препятствует быть слушателем закона и плодоприносить согласно учению веры.

Глава IV

О том, как пал Денница, какие свойства приобрели павшие духи и какую брань ведут они с человеком

Итак, вот каковы суть два разряда страстей и (страсти) трех возделываний (т. е. происходящие от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, приводящей к братоненавидению).

Говорим: поскольку добродетели суть (сияние образа Божия в человеке) и дары Божии человеку, постольку же все перечисленные пороки суть дарование Денницы.

Сияние Божие есть: вера, надежда и любовь, очищающие от всех беззаконий; сияние же Денницы следующее: неверие,

отчаяние, вражда и памятозлобие. Если спросишь, каким образом приобрел такое сияние Денница, то послушай и увидишь.

(Возмечтал некогда Денница присвоить себе все свойства Божии, достичь такой) же красоты, как Солнце Солнц[1], говорим: (превзойти высоту) диска, (силу) луча и (свет) сияния, которые суть (нераздельны), – ибо, если не будет круга солнечного, то откуда будут исходить лучи вокруг? И, если не будет лучей, как возможно сиянию распространяться до концов вселенной? Также, если не будет сияния у лучей, как возможно будет сиять сиянию дня? С этим подобием сияния Божества (и попытался Денница) сравняться. Говорим: пожелал утвердить свой трон выше трона Божия.

Когда же начало обнаруживаться сие мудрование (псилафизм) лукавства, помысл неверности и лживая мечта нечувственности (т. е. нелюбви), то возмутились тотчас небеса небес, отверзлись врата небесные, и Денница немедленно низвергся со своим проклятым троном, т. е. со своим оскверненным полчищем. Число всех отвратившихся (от Бога) и отпавших с Денницею есть тридцать три тысячи тысяч мириад мириадов. Каждого праведника борют тридцать три тьмы тем отпавших вельзевулов, т. е. аггелов сатаны. Вид их отвратителен, существо неисправимое[2]; в вышину имеют рост наималейший, в ширину широту наибольшую, обладают глубиною[3], во власти своей – безсильны, насилуют со своим безсилием грешника, подобного тебе (Феофану), который прельщается безсилием диавола (т. е. наслаждениями страстей, воображает диавола якобы сильным, боится его, покоряется ему, столь безсильному); овладевают сим человеком безсильные злые духи, закрепляя его в своей власти посредством безнадежья (иначе, отчаяния[4]).

ГЛАВА V

Греховное обольщение и упоение благодатию Св. Духа. Сравнение греховного обольщения с опьянением от вина. Упоение благодатию Св. Духа и его превосходство пред греховным опьянением[5]

[1] Под «Солнцем Солнц» прп. Нил именует Бога.

[2] Т. е. не способны к покаянию и вступлению на путь добра.

[3] Т. е. адом, преисподней.

[4] Отчаяние есть «смертный грех». Никогда не должно отчаиваться в своем спасении.

[5] Прп. Исаак Сириянин благодатное состояние именует «духовным упоением». «Сим духовным упоением, – говорит он, – упоевались апостолы и мученики». Добротолюбие, т. III, стр. 164.

Мириада мириад, мнящая себя быть сильной, расставляет три западни (для уловления греховными приманками людей), у каждой западни свой особый тайный крючок, говорим: воображение, гордость и осуждение (т. е. диавол, прельщая людей, старается извратить в них правое разумение о сущем или через воображение, т. е. превратное представление об окружающем, или через гордость, т. е. превратное мнение о самом себе, или через осуждение, превратное отношение к ближнему; все это суть крючки диавольских удочек, ибо во всех мыслях, внушаемых человеку врагом, всегда скрыто что-либо или горделивое и враждебное Богу, или злое и братоненавистное, или что-либо мечтательное, похотное и вредное для самого человека).

Как пьяницу влечет вино в корчемницу, так и грешника влечет грех в западни диавольские. В корчемницу идут упиться соком хмельной лозы. Грешник идет в западню диавольскую, чтобы упиться вином греховной лозы; как только выпьет, опьяневает; когда же пьет и опьяневает, то, пока не отрезвится, не ведает, что с ним происходит, – царских повелений не боится, безчестия себе не вменяет, презрения не избегает, на поругание не глядит; он единственно поглощен упоением той лозы, одного только (желая) – иссушить то существо лозное, говорим: вино, – которое нынешние люди называют – краси. (*Краси* – значит вино разбавленное; святой употребляет это название для противоположения силы опьяняющего вина греховного – вину духовному, которым, когда бывает упоен человек, то ничто не в силах отрезвить его, ни время, ни страдания и т. п.).

(Итак, если то) разбавленное вино доставляет пиющим его столь сильное упоение (что они теряют всякий страх человеческий, не тем ли паче сильнейшее действие должно быть от упоения духовного?) Говорим: обретший вожделенное упоение (Св. Духа) не боится тех трех обольщений человеческих (т.е. похотения плоти, очес и гордости китайской), не боится никаких страданий, не устрашается ни ввержения в огонь, ни ввержения в воду. Какими бы ухищренными мучительствами его не изнуряли, он не уловляется в те дела, к которым принуждают его люди.

Если существо тленного вина способно столь упоять человека и опьянять его, то не тем ли паче (должно в превосходнейшей степени обладать этим свойством, упоять, приводить к забвению о земном) вино лозы небесных виноградников?! Если упившиеся земным вином люди находят столь великое упоение в пьянстве, что перестают страшиться повелений царей земных, то (упоенный небесным упоением, каких прещений земных царей может

убояться)? Какую славу земных царей может во что-либо вменить? Каких тем людей и мысленных князей может устрашиться? Какая сила безсильных мириад мириадов может его (подвигнуть), какая похвала (т. е. лесть) отверженных и мерзких вельзевулов (может его усладить)? Какие диавольские ловушки (могут его уловить)? Если упивающийся существом лозным человек столь упояется им, что не ведает и не помышляет о западнях вражиих, если пьющий разбавленное вино столь опьяняется, то сколь упояюще должно действовать растворение небесное? Пиющие небесное растворение упояются упоением Святаго Духа; следовательно, находящегося в таком упоении кто может разочаровать, кто может одолеть? И, на самом деле, никто и никогда не был побежден из таковых, но только всегда были ими побеждены 33 тысячи тысяч ангелов Денницы и мириады мириадов мириад веельзевулов...

(Так восстало это множество на брань против упоенных Святым Духом людей, вообразилось в человеке, вселившись в царя земного), т. е. некогда восстал диавол на христиан, вооружив против них род человеческий и царя земного), говорим: Диоклитиана и Максимиана, – дабы принудить христиан и питаться плодом погибели нечестивых, и отречься духовного упоения. Таким образом, эта пара служителей диавольских хотела было истребить в человечестве род христианский. Так до самой кончины мира будет неистово преследовать Церковь диавол, чтобы уничтожить род христианский; так же каждого отдельно человека, до самой ночи, т. е. смерти его, преследует враг, чтобы лишить преследуемого всех плодов добродетелей его.

Говорим: выступили некогда на брань против рода христианского Диоклетиан и Максимиан, чтобы низложить его, лишить млекопитания плодом жизни и ввергнуть в погибель нечестивых, т. е. принудить отречься от Христа, – но (вместо этого, достигли совершенно противоположного); сколько людей тогда в течение тех дней и ночей приняли крещение и (вместо того, чтобы принуждать христиан отрекаться от Христа, сами в купели отреклись от диавола и дел его), прославили и возблагодарили Бога за действие крещения (т. е. за дарование им свободы от рабства греховного). Благодатное действие Крещения они сподобились познать, увидев силу его на упоенных Духом Святым мучениках и, вместо того, чтобы принуждать христиан отрекаться от Христа и принести жертву идолам, сами отреклись от идолов, от жертв богам эллинским, вознесши жертву Богу по реченному: «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19).

И я говорю, что упоенный человек не может быть объят страхом и убояться. Такого упоенного всуе будет пытаться мир привлечь к себе, противники всуе будут стараться пробудить его от упоения, множества тысяч и мириады веельзевулов всуе будут стараться устрашить его страхом своего множества, ибо он ни во что вменяет их тысячи и не будет устрашен тьмами тем язык, согласно сказанному: «Не убоюся от тем людей окрест нападающих на мя. Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой, яко Ты поразил еси вся враждующие ми всуе, зубы грешников сокрушил еси; Господне есть спасение и на людех Твоих благословение Твое» (Пс. 3, 7-9).

Упоенный человек подобен преподобной Марии (Египетской), стяжавшей высшую меру совершенства монашеской жизни. Она сильно была борима тысячами и тьмами веельзевулов, которые старались привлечь ее ко греховному миру, чтобы заставить творить первые (греховные) ее дела, – но всуе потрудились над ней...

Упоенный человек подобен еще тому учителю, ревностно охранявшему апостольское учение (и проповедовавшему поклонение иконам), который не убоялся прещения царя Конона быть сожженным со своею школою (т. е. с великою библиотекою), ни во что вменил его сожжение, и сгорел.

Упоенный человек подобен и св. Иакову Персянину, который сперва было погрузился в корчемницу, испил все растворение лозы нечестивых, лишился соединения с нетленной лозой – Церковию, но хмельность не до конца удержала его в сем погружении, он весьма быстро отрезвел, отверг от себя упоение хмельное, отверзлись очи его, уразумел он свое нечувствие (т. е. неблагодарность Богу), узрел свою неверность (Богу), восплакал горько, как Петр, и чрез многое пролитие слез погрузился в погружение Всесвятаго Духа.

Ибо слезы, изливаемые в праведность (т. е. скорбь о грехах) – погружают мысль человека в погружение Всесвятаго Духа[1]. Даже плачущих перед заптиями (магометанскими местными судьями) судьи прощают, видя слезы подсудимых. Если заптия, тленный человек, отпускает вину ради слез, то не наипаче ли Нетленный Бог призирает на таковые слезы (изливаемые) пред Ним ради оправдания и спасения души? Господь помогает таковому, посылая ему помощь свыше, и кающийся погружается в погружение слез покаяния.

Посему внял (Бог) воздыханиям сего Иакова, призрел на его покаянные слезы и послал ему помощь свыше. Иаков ок-

---

[1] Ср.: 2 Кор. 7, 10 – «Печаль ради Бога производит неизменное покаяние во спасение».

реп в помощи Вышнего и столь упоился упоением помощи сей, что не устрашился великих страданий и не малодушествовал, когда ему один за другим отрезали все члены тела.

Сначала ему срезали все пальцы на руках и не сразу весь палец, но все три сустава пальца, один за другим, порознь; отрезали и ступни до щиколотки, голени до колен, руки до плеч, начиная с кистей, отрезали порознь все кости до ключиц; отрезали и все ребра; наконец, отрезали бедра; осталась одна плоть его как голый ствол дерева, говорим: как обстриженная лоза.

Упоение же его, которым он упоился от помощи свыше, было столь велико, что св. Иаков даже не замечал того, что стал подобен обстриженному винограду, не взирал и на члены свои, которые, как ветви у обстриженного винограда, были разбросаны на земле, помышляя лишь о том, каким бы даром покаяния воздать за помощь Всесильному Помощнику своему, и говорил: «Владыко, Господи Иисусе Христе, Отче Вседержителю, и Святый душе! Благодарю Тебя, укрепившего меня, и что я потерпел сие имени ради Твоего Святаго. Мне отрезали все мои члены, нет у меня ног, чтобы восстать и поклониться державе Твоей за силу, ниспосланную мне в помощь свыше, ни рук нет у меня, дабы благодарно воздеть их к Тебе за помощь Твою, которою Ты дал мне превозмочь сию жесточайшую муку»...

И другие многие умилительные слова ко Всесвятому Духу он произнес и склонил честную свою главу, которая и была отсечена; сам же стал наследником жизни вечной.

Увидали злые духи такое исповедание и содрогнулись; узрели присутствующие и подивились; мучители, отрезавшие члены Иакова, изнемогли; верные же христиане, зря терпение и стойкость Иакова непоколебимого, – утвердились.

Постарались было мучители пробудить Иакова от его благодатного упоения, чтобы заставить упиться ревностию о царе (земном), но не возмогли разлучить его от упоения Всесвятаго Духа, хотя и растерзали тело его... Постарались было отторгнуть от лозы живота вечного, чтобы предать его вечной смерти, как и душу каждого человека диаволы стараются уловить, дабы развенчать ее от ее славы и ввергнуть во тьму, постарались (злые духи сделать то же и с Иаковом), чтобы посрамить погружение (восхищение) Всесвятаго Духа, но сами были посрамлены.

Денница же, за то, что дерзнул попытаться восхитить образ (трисиянной славы) Святыя Троицы, был присужден к сим трем (греховным) славам; говорим: к мудрованию (вместо премудрости), к лукавству (вместо простоты) и к неверию

(т.е. к слепоте, вместо созерцания Божия). Денница, дерзнув восхитить подобие (т. е. свойства) Святыя Троицы, уготовал себе трон, чтобы вознестись на нем превыше трона Божия (т. е. склонил, отторгнув от Бога, часть ангелов, которые суть престол Божий, дабы сделать их своим престолом и принудить прочих ангелов присоединиться к Деннице); как только стал он осуществлять свой нечистый замысел в духовном мире, то потряслися небеса, поколебались ангелы (досл.: закружились); не поддержи их Михаил-архангел могучим гласом своим к сопротивоборству (единодушных с ним) словами: «Станем добре, станем со страхом Божиим»[1], не предвари он сказать сих слов, утвердивших единодушных с ним, – единый Бог весть, что могло бы тогда произойти с небесами небес; единому Богу то известно. По гласе же Михаила-архангела очутился (досл.: остановился) Денница в бездне ада вместе со своим проклятым троном; говорим: вместе со своим оскверненным полком.

Глава VI

Неверие, нечистота и отчаяние суть три двери, открывающие для диавола доступ в душу человека. Двоякий способ искушения диаволом людей: немощных – похотями, а праведников – лестию

Душа человеческая, подобно дому, имеет три двери, чрез которые вор может проникнуть в нее; одна называется – порта, т. е. главная дверь, другая – парапорта, т. е. боковая дверь, и третья – боковая дверца (калитка) – парафири. Если хотя одна из этих дверей будет открыта, то вору открыт доступ и в дом, ибо, если будет закрыта только боковая дверца, то будет освещать вторая дверь (т. е. открывать взору врага то, что находится внутри дома); если же окажется закрытой и вторая дверь, то будет освещать главная дверь. Если же закрыть и главную дверь, то совершенно скроется (от взоров врага) внутренность дома, вор не увидит ни единой самомалейшей вещицы в нем, не будет знать, что ему украсть, как проникнуть, не увидит, что и в какой щели припрятано, чтобы нащупать пальцами,

[1] Эти факты передаются в «Прологе» и «Четьи-Минеях» за 8 ноября о св. архистратиге Михаиле.

разыскать, похитить и убежать, ибо сокровенность охраняет жилище неокраденным. Зажечь же свет, чтобы чрез окно разглядеть внутренность, достать что-либо рукой и, ощупав, похитить, – боится, чтобы не увидал сосед его огня, не пришел бы и не поймал бы его. Поэтому и боится вор света лампады, при наружном же свете не боится... [В этих словах – намек на слово Господне (Мф. 6, 6) о молитве в заключенной от наружного света храмине души; наружного света диавол не боится, это означает рассеянную внешними впечатлениями душу, которая делается приступной диаволу]. Ибо тогда видит он, в каком уголке жилища драгоценности, ворует, похищает, убегает, и дом остается пуст.

Подобно сему и у человека есть три мысленные двери: одна называется неверием, другая – нечистотою, а третья – отчаянием. (Неверие святой называет главной дверью, ибо чрез неверие в заповеди Божии и чрез забвение Бога люди больше всего согрешают, нечистота же открывает двойной доступ диаволу, усиливая его власть над человеком, а отчаяние совершенно предает человека врагу. Следует заметить, хотя человек и будет нравственно жить и, следовательно, закроет доступ врагу чрез дверь нечистоты, но если не уверует как должно, то не закроется доступ диаволу чрез дверь неверия и не избежать человеку окрадения).

Если же затворится дверь нечистоты, то будет показывать диаволу ход дверца отчаяния, если же и дверца отчаяния заключится, то все-таки будет освещать путь главная дверь неверия. Когда же затворится и главная дверь неверия, тогда сердце озаряется благодатию Всесвятаго Духа, просветляется мысль человека, и он начинает творить заповеди Христа своего, Распятого Иисуса.

Тогда благодать Всесвятаго Духа становится для бесов как бы тьмою, скрывающею душу от (взора бесов) проныр и всех клеветников (диаволов), скажем лучше – от всех неверующих (т. е. ослепших духовным зрением, которое есть вера, и не могущих взирать на сияние Всесвятаго Духа).

Если же, наоборот, найдут проныры все три двери отверстыми, что способны они тогда наделать с душой? Не обнажат ли они дом тот, не оставив в нем и гвоздя? Не ограбят ли его совершенно и отымут рассудок, так что человек начнет творить сам для себя безумие (т. е. сам себя губит); не так ли? Коварные же проныры есть полк Денницы (которых мы так называем по следующей причине): когда Денница преткнулся, превратился в веельзевула, очутился в аду с полчищем своим, где пребывает и поныне, с того самого времени, как Михаил-архангел воскликнул: «Станем добре, станем со страхом

Божиим»[1], – тогда падшие духи, свергшись с неба, одни остановились на высотах (надземных), другие – в воздухе, третьи – в водах, прочие же вместе с Денницею – в земле (т. е. в безднах ее). Пребывающие же вне ада (т. е. на поверхности земли, в водах, воздухе и на высотах) называются коварными пронырами, ибо они и наверх восходят[2], и наниз опускаются (т. е. восходящих в добродетелях преследуют, подражая добродетелям, павшим же соделывают явное зло).

Восхождение бесов наверх означает следующее (т. е. восходящую в добродетелях душу они искушают следующим образом). Как только душа праведника начнет восходить (к совершенству), шествовать путем Господним, тотчас устремляются за нею и коварные проныры, говорим – клеветники (диаволы), чтобы запнуть душу праведника и свергнуть вниз, во ад. Стараются же они так усиленно из-за того, чтобы не дать (человеку) преуспеть и взойти на ту высоту, с которой сами низверглись. В этой зависти своей они поступают так, как какой слуга, раньше служивший царю или вельможе, или архиерейский диакон, или какой подмастерье мастеру, изгнанные от своих господ за дерзкое безчиние; одним словом, как убежавшие: ученик от мастера, диакон от архиерея, слуга от вельможи... Диакон, убежавший от своего архиерея, злословит и осуждает его, чтобы никто другой не стал бы с архиереем жить; когда же кто поступит к архиерею, убежавший диакон всячески старается, чтобы другой не ужился у архиерея, дабы тем оправдать себя перед людьми, что не он, диакон, виноват, но архиерей, и что-де другие люди тоже не могут ужиться с архиереем.

Так поступает и прогнанный слуга по отношению к господину своему; подобное творит и подмастерье мастеру своему. Подобно сему и злые духи оклеветывают во всем судьбы и заветы Божии, дабы из зависти не дать людям унаследовать то место, которое они утратили, и дабы явить себя правыми, Бога же неправым, а выполнение заповедей Его якобы невозможным...

Если злые духи видят человека, имеющего благодать Всесвятаго Духа, говорим: незлобивого, не воздающего злом за зло, возделывающего все добродетели, – то, следовательно, (какой завистию распаляются) против души сего праведника, сколь сильно колебать, сотрясать в подвигах должны они ее, будучи злоборцы по естеству, и сколь злобна должна быть брань их?

---

[1] См. подстрочное примечание в конце предшествующей (пятой) главы.

[2] Св. ап. Павел именует злых духов миродравителями тьмы века сего, духами злобы поднебесной (Еф. 6, 12),

С одинаковою яростью преследуют эти проныры душу, как при восхождении, так и при нисхождении (т. е. праведников стараются запнуть в восхождении по ступеням духовных подвигов, а грешников ввести в тягчайшие грехи), чтобы не дать ни единой душе взойти и возобладать задатком праведных (т. е. чтобы не дать человеку приобрести благодать, когда же приобретет, – не дать ему удержать дара Святаго Духа – задатка будущего блаженства). Какой бы (благодати) ни сподобился праведный, проныры устремляются (за праведным и на сию степень), стараясь и здесь отторгнуть его руки от рук праведных (т. е. ангелов) и свергнуть во ад следующим способом: сначала стараются нацепить его на свой крючок гордости, приучить творить дела погибели, чтобы, таким образом, сама душа заклала бы себя в жертву аду своею погибельною гордостию, чтобы сею погибелью принудить руки праведных (т. е. ангелов, защищающих душу человеческую, приявшую благодать), отвратиться от нее (т. е. перестать защищать и путеводить возгордившегося праведника и предоставить его во власть врагов).

С этою целью злые духи искусно льстят праведнику, начиная велиим гласом восхвалять его (когда все попытки иначе запнуть праведника окажутся безуспешными); бесы говорят: «Победила ты нас, о душа; праведностию твоею в конец низложила нас; боролись мы со тьмами душ, одолели их, обладаем ими; вступили мы и с тобою в борьбу, чтобы завладеть тобою, как завладели теми душами; но не успели и начала положить, как ты уже одолела нас, взошла на высшую степень праведности; ныне мы не можем больше бороться с тобой, ибо теперь Праведник держит тебя на руках Своих с праведностию твоею, а посему мы бежим от тебя, продолжай восходить безпрепятственно, ибо никто не в силах помешать твоему восхождению в добродетели, ты окрепла в добродетелях, как никто другой. Никто другой не совершал такого пощения, какое ты совершала и совершаешь; никто не имел такого смирения, какое ты имела и имеешь; за это Бог даровал тебе разум и мудрость, чтобы ты поучала погибающие души душевному спасению и тем отвращала бы их от погибели, избавляла от кары. Радуйся, о, душа! Радость тебе (сугубая), ибо ты не только свою душу спасла, но еще и другие многие души спасешь славою твоих добродетелей; слава о тебе разгласилась до концов вселенной, и призывающие имя твое тотчас исцеляются от всякой болезни и всякой немощи. Отныне не подвизайся больше о своем спасении, ибо душа твоя стала господствовать над страстями, ибо Бог держит ее на руках Своих; ничто для нее больше не опасно; подвизайся лишь о

том, чтобы совершенствовались души других, так как они прослышали о тебе, о славе твоей, и нуждаются в тебе, желают видеть твой ангельский лик, дабы ты отверз свои всемудрые уста, подвиг бы свой спасительный язык, и силою слова твоего умудрил бы слушателей, внимающих тебе. Когда же они уйдут, то, пока не придут другие слушатели, ты позаботься о том, чтобы приготовиться, что сказать им, ибо сильно желают послушать тебя. Поэтому, отныне не прилагай усердия к совершению дневных служб и канона твоего, – твои службы и твой канон будут теперь состоять в заботе о приготовлении поучений слушателям, ибо ты получил от Бога дар возвещать великие изречения слушателям и словом твоим просвещать их!»... Также и другие преславные дела внушают они творить, дабы вложить ему в мысль свой сильнейший яд погибельного мудрования (псилафизмов погибели, т. е. самомнения), чтобы он, прияв их, погиб бы. Ради этого они на время отступают от подвижника (т. е. перестают возбуждать в нем греховные помыслы и похотения, как то делали раньше, когда пытались ввергнуть его в грех явного беззакония), отходят, отстраняются, пока не успеют во всем (т. е. пока тот не поверит их лести и не примет их лестных предложений). Когда примет несчастный человек в мысль свою сей бесовский яд, начинает прельщаться самим собою (псилафизоваться) и, если совершил какие-либо, хотя незначительные подвиги, то, в мудровании своем и в погибельной мысли своей (т. е. в гордостном помысле), мнит о себе, что достиг будто верха совершенства в добродетели, не давая себе отчета в том, в каком состоянии находится душа его. Мудрования ложные объемлют его (т.е. помыслы самомнения); он соглашается со всем, что бы они (лукавые помыслы) ни сказали, верит им и пускает душу свою стремглав низвергаться в пекло адское, воображая, что восходит якобы на верх совершенства...

Он начинает учительствовать, заботиться о поучениях, что сказать и как поучать слушателей своих, внимающих ему. Приходит к нему один из его слушателей и говорит: «Радуйся, отче! Радость тебе! Ты славою своею спас стольские души и наши души украсил венцами с каменьями безценными; какими же, следовательно, многоценными драгоценностями украшаешь ты собственную душу твою? Лик твой ангельский, подобный херувимам и серафимам, свидетельствует о великой благодати, которую ты приял!..» Сказавшие это слушатели, получив благословение, уходят – льстец же остается с ним в доме его (т. е. дух льстящий остается с ним в мысли его); праведника объемлют помыслы; эти обольстительные помыслы совершенно увлекают его, он мнит, что взошел на верх совершенства и

повторяет за диаволом: «Не только одну свою душу украсил я столькими венцами добродетелей, возделанных мною, но и многие души других, вне, в миру, украсил я многоценными камнями, за что и исплетается мне славою моею драгоценнейший венец, как о том свидетельствуют восхваляющие меня слушатели мои, получившие пользу для душ своих. Не будь меня, в миру, чтобы спасти их, надо было бы вторично прийти Христу. Христос же, придя в первый раз, хотя и сотворил столькие чудеса, однако не мог исправить мира; в довершение всего, Его Самого на древе распяли, а я славою своих совершенств спас столькие души, и слава моя исплела драгоценные венцы этим душам»...

Отступило чадо гордости от подвижника, приступила мать лености, и вот он начинает сосать молоко матери лености, повторяя за ней: «Подвизавшись добрыми подвигами с самых юных лет моих, я ныне завершил себе венец совершенств со столькими многоценными камнями, славою моей праведности спас столькие души за время от преполовения лет моих до нынешней старости моей; ныне же, на старости моей, да упокою несколько на ложе тело мое, ибо тело сие приобрело мне славу с великими трудами; да почиет же ныне плоть сия на старости своей». И впадает он в нерадение лености.

Отступает от него мать лености, приступает дочь блуда, и повторяет он за ней следующее: «Я, стяжавший столь великую славу и спасший столькие души, не обрету блага для души своей, если сам не рожду чад и не спасу их; тогда лишь буду я вполне уверен, что спас душу свою». И начинает он псилафизоваться (т. е. обуреваться помыслами) о плоти своей, ищет много – разнообразных снедей, дабы укрепить плоть свою для деторождства; наконец, впадает в блато нечистоты, как свинья в грязь...

Тогда отступает от него дочь блуда, приступает сын злобы (досл.: враждоборства); праведник злословит Церковь и говорит: «Не признаю я ни Церкви, ни установлений церковных.., ибо славою моих совершенств я спас столькие души в миру...»

Ради этого всего я и говорю тебе: когда проныры найдут все три двери открытыми (т. е. дверь неверия, дверцу нечистоты и дверцу отчаяния), то не оставят ни дощечки, ни гвоздя. Говорим: не допустят проныры тогда ни пребыть покорным Церкви, ни целомудрие сохранить неоскверненным, но разобручат подвижника с Церковию Христовою, осквернят его целомудрие сладострастными делами, обнажат человека от даров Божиих, окончательно удалят его от руки Божией, низведут к Деннице; станет он тогда подвластным Деннице,

хотя будет считать себя находящимся «в руце Божией» (т. е. думать, что имеет ту благодать, которую стяжал прежде и, прельстившись самомнением, теперь утратил).

Глава VII

Подвижник, хотя и впадает в грех, не должен отчаиваться. Бог приемлет покаяние от всякого, и почему невозможно покаяние для злых духов

Когда подвижник (или иной человек) усмотрит свое падение, поймет, где он был, т. е. на какой духовной высоте и в какой близости к Богу, и куда ниспал, то отчаивается подобно мухе, летавшей по воздуху, избежавшей всех внизу разостланных тенет, но попавшейся в разостланные поверху и впавшей в отчаяние. Так и проныры, как пауки, ткут свои тенета не только по низу, но и на высочайших пределах бранного пути, чтобы, как муху, миновавшую нижние сети, уловить подвижника, захватить в верхних плетениях и там опутать его мысленной своей паутиной. Когда же подвижник запутается в паутине, как муха или как рыба, пойманная в сеть, то отчаивается и говорит: «Нет у меня теперь тела (т. е. сил телесных), чтобы летать, нет у меня крыльев, чтобы удержаться на воздухе, нет у меня больше непорочного тела, которое было порабощено душе; нет у лица моего очей (т. е. прежнего дерзновения в молитве), дабы возвести их на небо, чтобы умолять за мою несчастную душу; теперь мне не спастись, ибо поработился я греху; поэтому не стану дольше и стараться достигнуть спасения, ибо это для меня невозможно...»

О, человече, почему ты решил, что невозможно тебе достичь спасения? Почему ты думаешь, что не следует тебе больше подвизаться, а не решаешь наоборот, что тебе тем паче следует подвизаться о спасении? Воспряни, не бойся, ибо Бог претерпел крест ради спасения твоего! Как же после сего ты утверждаешь, что для тебя больше нет спасения? Зачем страшишься безсильных? К чему считаешь их сильными? Крест Господень сокрушит всю силу их ухищрений, все хвастовство, которым они, безсильные, кичились быть сильными!

(Затем, в ответ на часто рождающуюся мысль: возможно ли покаяние для злых духов, святой приводит известный пример из жития св. Антония Великого, как явился ему бес и вопросил, возможно ли для беса покаяние, и как бесу по-

мешало воспользоваться сею возможностию кичение своею греховною властью над людьми. Подобное кичение проявил диавол, когда приступил к Господу на сорокадневной горе и показал ему «царства мира», т. е. свое греховное владычество) (Мф. 4, 8).

Попытались было однажды безсильные хитро, кичением и хулою поругаться над одним преподобным отцем[1]. Чтобы прехитро ввергнуть преподобного в кичение и хулу, сказал подвижнику явившийся ему бес: «Каким образом, отче, возможно мне спастись?»

Это вопрошение беса о возможности для него покаяния есть коварный умысел ввести преподобного в кичение или хулу, ибо, если бы он поддался на сие коварство и принял бы к сердцу столь неслыханное дело, как спасение беса, то неизбежно впал бы в тщеславное самомнение и кичение сим небывалым делом, а, с другой стороны, если бы отверг, как невозможное, то похулил бы Творца, Который оказался побежденным тварию Своею в милосердии.

Понял преподобный, которому открыла сие благодать Всесвятаго Духа, что это один из обольстителей, проныр-веельзевулов. Преподобный отвечал ему: «Иди на высокую гору, обнажись, стань совсем наг и изливай мольбы к Богу, Царю Небесному, чтобы Он отпустил тебе твое лукавое мудрование» (досл.: псилафистическое лукавство). Отвечал проныра преподобному: «Какую же молитву творить мне на высокой горе и как мне обнажиться? Я и без того одежды не ношу? Как же ты говоришь, чтобы мне обнажиться?»

Святой же отвечал ему: «На высокой горе сотворись наг, обнажив себя от ухищрений своих и лукавого мудрования, да не имеешь никакого коварства в сердце твоем. Так стой совершенно нагим на высокой горе 40 дней и 40 ночей (в житии сказано три года, может быть, здесь Феофан ошибся), не имея никакого покрывала на главе своей, т. е. никакой хитрости в мыслях, воздевай руки свои горе и повторяй безпрестанно в течение сорока дней: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя, меня – мерзость запустения во царствии Твоем!.. Яко к Тебе, Господи, Господи, очи мои; на Тя уповах, не отрини душу мою!..»

Не успел преподобный закончить своей речи, как демон, весьма разгневавшись, воскликнул: «Замолчи, гнилой старик! Ничтожному ли царю поклониться мне? Кто другой имеет такое царство, какое мы имеем? В руках наших находится третья часть Его царства, и что осталось у Него, чтобы нам кланяться Ему, как Царю?..» Ясно тогда стало преподобному,

---

[1]Т. е. Антонием Великим.

что это есть дух хулы; вспомнил тогда преподобный, что и Христа бес также пытался в пустыне обольстить и кичился перед Ним грехами человеческими...

Вспомнив все это, преподобный сотворил молитву к Богу, проклял демона, и тот как дым исчез от него. Воздал преподобный славу Богу за избавление свое от духа хулы, который лукавством своим намеревался ввести подвижника в хулу или в гордость и чрез то ввергнуть в бездну адскую, как свергнул множество монахов...

Но Бог не имеет ненависти к этим погибшим монахам, которые еще могли и по падении иметь надежду на спасение. Ненавистны Богу лишь сии четыре: говорим – хула, блудная нечистота, неверие закону и ложь, именуемая идолослужением; всякий, говорящий ложь, именуется идолослужителем у Бога. Итак, бесы безвозвратно погибают не оттого, чтобы для них не было прощения, но оттого, что они не только не каются, но еще и гордятся своими богомерзкими делами...

Глава VIII

Чем был вызван потоп. Проповедь Ноя о покаянии. Ожесточение людей и ненависть их к Ною. Знамения, предшествовавшие потопу. Умысел людей с ковчегом погубить Ноя, как виновника всех бедствий

Ради этих-то всенизменных, земных страстей и излился потоп, которому подобало бы перейти во всеконечное затопление, если бы не предуспело и не превзошло пред Богом покаяние Ноя.

Скорбел Ной, плакал пред Богом о предстоящей кончине всего мира и молился так: «Долготерпеливе, Долготерпеливе; подолготерпи, подолготерпи еще до сорока лет; не покаются ли они и не отвратятся ли от своего превратного влечения к таковым грехам. Если же не сотворят покаяния и не отвратятся от своего пристрастия к погибельной страсти блуда, то да будет воля Твоя и сотвори с ними как Ты судил...»

И сказал Бог Ною: «Се кротость долготерпения Моего будет долготерпеть им, и не сорок лет да долготерпит, но трижды сорок лет буду долготерпеть; долготерпит еще Мое долготерпение и пождет их покаяния, но нет в них склонности к покаянию...»[1].

[1] Преподобный Нил сими подробностями живописует величие долготерпения Божия.

И сказал Бог Ною: «Уготовься ты, дабы не подпал бы и ты под сей гнев Мой, ибо до 120 лет буду ожидать, давая время на покаяние, дабы они покаялись; если придут к покаянию, то благо им будет и благосотворю им на земле сей; если же нет, если не обратятся они к покаянию во оставление грехов, то имеет найти на вселенную потоп, весь мир потонет в водах, и подымется вода высоко, превыше гор и холмов...»

Выслушав эти слова Божии, праведный Ной сказал Богу: «Милосерднейший мой и долготерпеливый! Какое уготовление желаешь Ты, дабы я сделал?» И сказал Бог Ною: «Возвести людям, к какой каре Моей они присуждены, и сотвори сооружение, дабы оно шествовало поверх воды...» Это сооружение Ной наименовал ковчегом.

И начал Ной проповедовать, как сказал ему Бог; превратные же люди, которым Ной проповедовал, слушая проповедь Ноя, – одни поносили его, другие безчестили, иные мучили, и все вместе, в противность Богу и наперекор проповеди Ноя, удвоили свои беззакония.

Таким образом, в продолжение 17 лет подвизался Ной своею проповедью, дабы привести их к обращению в покаяние, – но не возмог...

И ожидал Бог 17 лет покаяния от этих превратных людей, но не только никакого покаяния не услыхал от них, но увидал, что они впали еще в худшее. Подобным же образом и с нынешними людьми бывает так: Бог ожидает от них покаяния, они же низвергают свою мысль в еще худшее блато и в бездну многозаботливости...

По истечении 17 лет объявил Бог Ною и изрек гневное решение: «Ной, Ной! Сотвори, как Я сказал тебе: поспеши, поспеши и не медли в деле сем» (т. е. поспеши строить ковчег и не теряй больше времени на проповедь).

И сотворил Ной кивот в 103 года, как повелел ему Бог, семнадцать же лет потратил он на проповедь, увещевая покаяться тех превратных людей, которые, вместо этого, стали делать еще худшие беззакония, как то творят и нынешние люди; вследствие сего отступился от них тогда Ной и обратился к постройке ковчега; стал прилежать к построению ковчега и крепко сколачивать его скрепами, скажем: гвоздями. Слыша стук сей, превратные люди говорили: «Это Ной для Безсмертного безсмертную постройку делает, творит же толикий труд, чтобы осуществилось его желание (т. е. чтобы умолить Бога исполнить его пророчество погубить землю потопом)».

Великим гневом прогневался Бог (т. е. совершился гнев Божий на людях), и сказал Бог Ною: «Ной, Ной! Поспеши, поспеши и войди в ковчег с семейством твоим, как Я сказал;

исполни то, что Я приказал, ибо у людей сих распространилось дело невыносимое и, вместо покаяния, они все творят в противность Божеству Моему...» Услыхав от Бога таковые слова, Ной, воздохнув из глубины сердца своего, сотворил, как сказал ему Бог, устремился в ковчег вместе с семейством своим, взявши с собою всех животных, какие повелел ему Бог, двадва от каждых животных; когда все вошли, то Бог затворил их в ковчеге; тогда исполнилось 103 года сверх скончания неоконченного дела, т. е. 103 года по окончании Ноем семнадцатилетней безплодной проповеди; все же вместе составит 120 лет или три сорока, которые Бог продлил людям ради молитвы Ноя.

Так и ныне, не в силах человек сам собою свершить своего канона, т. е. одного покаянного подвига не достаточно для того, чтобы обезпечить монаху спасение, как и труды Ноя, несмотря на продолжительность и на величие их, оказались недостаточными для его спасения; потребовалось для сего еще особое содействие Бога, Который Сам закрыл крышу ковчега, как о том свидетельствует Писание.

И теперь, не в силах человек скончать своего канона, чтобы он ни делал, т. е. каких бы подвигов ни совершал, не может он завершить его (сколько бы времени ни подвизался), но завершает его Церковь в среде заключения литургийного (т. е. во всеобъемлемости Жертвы литургийной, где Сам Христос отпускает грехи ради искупительной Жертвы Своей и тем возглавляет ковчег спасения, который для подвижника заключается в каноне и подвигах покаяния, как некогда Бог возглавил ковчег Ноя...).

Тогда сотворил Бог знамения ужасные и страшные, дабы люди покаялись, отверз водные бездны небесные (досл.: катаракты небесные, т. е. «воды яже превыше небес», как о них гласит Писание, воды, существование которых открыто было некоторым святым в видениях, как о том повествуется в житиях святых, например, в житии св. Киприана, 2 октября) – до трех часов; но и посем те люди, которые уцелели, скрывшись в своих жилищах, продолжали творить скверные дела.

Тогда огонь ниспал на их селения, разливаясь со страшным шипением (разумеется огненная масса или лава), потрясаясь со страшным треском, гремела земля, камни распадались, солнце померкло – люди же склонились еще низменнейше, т. е. стали повально развратничать еще более неистово, разврат преумножили, блуд ублажили, мужеложство совершали, многостяжательности всеми своими силами поклонялись; видя те знамения страшные и ужасные, умозаключили безумные,

что это все чарования Ноя, что все это он им наворожил, и сотворили они совет разбить ковчег и казнить Ноя!..

В этом деле тех превратных людей проявилась та же страсть зависти к праведникам, которая есть и ныне: когда кто-либо делает какое-либо богоугодное дело, то в другой части (т. е. части диавольской) возгорается зависть; бес старается разрушить то богоугодное дело и убить того, который усердствует в нем.

Такая же зависть возникла в развращенных душах и тех древних людей; они устремились на разрушение богоугодного дела, постройки Ноя, которая была ради их же пользы? Польза же – привести их к покаянию постоянным напоминанием самой той постройкой о грядущей каре Божией за их превратную жизнь. Это, однако, ни к какому покаянию не привело их, но возбудило в них ярость; они яростно устремились к ковчегу, дабы разрушить его и казнить Ноя!..

Когда Бог увидел такую ярость, с которою они устремились на ковчег, чтобы разбить его, то повелел, дабы отверзлись бездны вод небесных, – они отверзлись, и сказал Бог земле, дабы отверзлись ее источники (подземные) и устремились бы кверху (так о сем писано и в Библии). И сказал Бог водам небесным и водам земным: «Совокупитесь на высоте и посем рассеивайтесь по поверхности земли до 40 дней» (т. е. дождите)...

Когда совокупились воды небесные с земными, то (столкнувшись) остановились в верхних пределах, образовав, как бы второй небосклон (над поверхностию земли), и так до семи дней совокуплялись в своем противоустремлении; число семь знаменует отмщение семи смертных грехов, которые и вызвали потоп.

Число же тех превратных людей, которые выступили разрушать ковчег, – мужей и жен с детьми было 7000. Подобно семиглавому зверю (беззакония, устремляющемуся против праведников), устремились они против постройки Ноя, дабы разрушить и истребить ее вместе с Ноем, – но сами были истреблены и исчезли от лица земли...

Когда они толпой двинулись на ковчег Ноя, постиг их гнев Божий... Они потеряли дорогу к ковчегу,[1] бродили, бросались, ища спасения от вод, туда и сюда, погружаемые водами!..

[1] Потеряли дорогу к ковчегу – потеряли путь спасения.

ГЛАВА IX

Невозможно не прийти искушению... Как был соблазняем Несоблазняемый. Кто блажен и кто треблажен

Нет греха, когда человек бывает искушаем, но есть грех, когда человек бывает побеждаем.

О соблазне, которым был соблазняем Несоблазняемый. Если спросишь, каким искушением Он был искушаем, – послушай и увидишь.

Понял доброненавистный дух Денницы, что пришел Иисус Христос на сию проклятую землю, но кто Он таков, не знал. Делал он столькие и столькие испытания, чтобы найти Несоблазняемого, дабы соблазнить Его, но разыскать Его не мог: (ибо) Иисус Христос, нас ради снизшедший, сделался совершенным человеком и скончал (т. е. до конца подверг Себя) всем человеческим ощущениям, говорим – гонению, алчбе, жажде, презрению и всем другим... (ибо скорби необходимы каждому человеку, как огонь для пищи). Повар (когда хочет) что сварить, то, положив в котел что бы то ни было, говорим: воду, овощи, масло, – становит котел на очаг, разводит огонь, варит кушанье, снимает с огня (когда сварится), опорожняет котел и подает в трапезу; когда старшая братия сядет (за стол), то охотно ест это произведение кухни, ибо оно прекрасное кушанье (так как хорошо сварилось)... Однако, когда в нем нет соли, то оно невкусно и его нисколько не пользует (то, что оно сварилось; т. е. и человека, хотя бы он претерпел искушения и скорби, не попользуют оне, если в нем не будет «соли»). Таково есть искушение для человека. Человек, хотя бы и все добродетели исправил, – искушения же не имел, – не имеет еще никакого прибытка, ибо искушение есть возглавление добродетели (т. е. совершение крыши в здании доброго подвига).

Блажен, имеющий терпение (в перенесении скорбей), не побеждающийся теми соблазнами, которыми его соблазняют, и побеждающий терпением тех, которые вводят в искушение ближнего (т. е. блажен благий, побеждающий злого терпением наносимых ему зол). Но тот, который вводит в соблазн (т. е. наносит скорби человеку), тот уподобляется искусителю, соблазнявшему Несоблазняемого!..

Если хочешь узнать, кто был искуситель и кто есть Несоблазняемый, – услыши.

Несоблазняемый есть Господь наш Иисус Христос, облек-

шийся в человека и ставший совершенным человеком, свершивший все скорби человеческие, как я говорю тебе, и смиривший искушавшего Его... И познал несколько (диавол) Иисуса (т. е. устрашен был знамениями Его Божественной силы, явленной в чудесах), но не было ему допущено узнать Его совершенно... Если какому человеку приснится во сне, что он переходит по мосту, а другой человек (т. е. противник его) сверг его с моста, человек, пробудившись от сна, запоминает сон и говорит: «Сбудется ли это, или нет?» Начинает расследовать и допытываться, чтобы найти того противника (по приметам), указанным ему содержанием сна; допытывается, испытует всевозможными способами, чтобы разыскать искомого человека и уничтожить того, который там с моста сверг его...

Настолько и Бог дал возможность (диаволу) искусителю познать воплощение, промысл Божий, настолько, но не больше...

Также и то, что диавол получил власть искушать Христа, яко человека, было ради того, что Христос стал совершенным человеком в защиту (на спасение) человека, который искушается воображением помыслов творить то, что воображает ему помысел...

Такими же соблазнами был искушаем и Несоблазняющийся; мечта (воображение) окружила и Его – Немечтающего, Невоображающего в Себе ни злой, ни какой-либо иной земной мечты, нисколько, ни о чем в помысле Своем не мечтающего, ни очами Своими (несоблазняемого) – Того, у кого очи блистающие и помыслы чистые!..

Человек же есть искушаемый, ибо очи его помутившиеся, помысл осквернен всеми злодеяниями человеческими, – и что необыкновенного искушаться ему?..

Но искушаемый еще не становится чужд[1], чужд бывает тот, который побеждаем... Победитель же (т. е. Иисус Христос) – побеждает. Сильный силою Своею, Он побеждает все соблазны злобы и всякое находящее искушение... (Т. е. в ком вселится благодать и сила Христова, тот благодатию Христовою побеждает всякий соблазн и всякое искушение); как сказано: «Побеждается естества чин»...

Блажен побеждающий (т. е. праведник, не познавший великих грехопадений), но бывает блажен и побежденный... Который же? Тот, кто (кается и восстает) подобно Давиду, который, быв побежден прелюбодеянием с чужою женою, быв побежден убийством ее мужа, быв побежден гордостным помыслом (желанием узнать), сколько мира ему подвластно, быв так сильно побежден этими тремя язвами, что душа его изъязвилась, как проказой, – столь скорбно возболезновал душою своею,

[1] Т. е. чуждым Богу.

что восчувствовал болезнь и во всем теле своем... Восчувствовал Давид содеянные беззакония, размыслил о исчислении воинов своих, покаялся в содеянном беззаконии, говорим: в содеянном прелюбодеянии и убийстве... Явил он такое покаяние пред Богом и столь раскаялся, что язвы те стали блистающими ризами церкви, златотканными украшениями богослужений и драгоценными одеждами Давиду!..

И опять блажен бывает побежденный, но кто таков? Тот, кто подобен преподобной Марии (Египетской), которая, будучи побеждена блудом мира и став блудницею семнадцать лет, по семнадцати летах показала толикое покаяние Богу, – не как Давид, не как Манассия, не как аскеты пустыни, но как никто другой; такое показала она покаяние Богу, что стала светильником Египта!.. Блажен и тот, кто побеждается, но который? Тот, кто исповедует (по падении своем) Христа Богом истинным от Бога истинного, кто подобен разбойнику, узнавшему во Христе Бога, исповедавшему Его Божество (на кресте) и сказавшему: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!..»

Глава X

Отчего один из распятых со Христом разбойников познал во Христе Бога, а другой похулил

Спрашиваю я тебя: как узнал благоразумный разбойник Христа на кресте, что Он истинный Бог?.. Какой свет (просветил его, что) он познал Божество Христово на кресте и осудил другого разбойника, чтобы он замолк и не хулил?.. Он (был) разбойник и другой – разбойник; чего же ради было одному исповедать Божество Христово, а другому хулить Его?.. Выслушай, как соделалось то, что один разбойник исповедал Христа и Божество Его на кресте, а другой – похулил. Разбойник тот (первый) был млековскормлением[1] Пресвятыя, другой же произошел от семени Иуды Искариотского, говорим: предателя.

Когда смутился Ирод из-за Иисуса, быв поруган волхвами, ангел повелел (Иосифу), дабы удалился оттуда; удалились Иосиф и Богоматерь с Младенцем, отправились в путь; пришли

[1]Предание, сообщаемое здесь прп. Нилом, прекрасно уясняет ту истину, что зачатки добра, рано или поздно, пробудятся и дадут о себе знать в человеке, хотя бы человеку и пришлось терпеть падения.

в селение, называемое по-еллински *Фексанион* (Странноявленное); настигло их время вечернее, вошли они в селение, пришли в один дом и там заночевали. Приняли их с толиким радушием, (хотя и) не знали, кто они такие. Такое страннолюбие проявил не один только тот дом, но и все селение слыло страннолюбивым, почему и прозвалось *Фексанион* по-еллински.

В доме том, где они почили, им по обычаю стали готовить трапезу; когда со стольким радушием ее приготовляли, младенец дома был оставлен и, как свойственно детям, страшно кричал и жалостно плакал.

Видит Пресвятая, что младенец плачет, – взяла его на руки, чтобы он успокоился и, открыв пречистую Свою грудь, млеконапитала его, как обычно младенцев... После же ночлега, когда рассвело, отправились они в путь и пришли туда, куда повелел ангел...

Младенец со временем вскормился; (потом) стал зрелым человеком; как человек, победился соблазнами, хотя и был от части Давида (т.е. как бы от семени Давида, ибо вкусил молока Божией Матери) – стал разбойничать вместе с семенем Иуды... Они были схвачены властию царской и представлены на судилище в тот час, когда книжники и фарисеи осудили Господа нашего Иисуса Христа; было постановлено решение распять Христа посреди двух разбойников, что и сотворили; и распят был Господь наш Иисус Христос – «яко овча на заколение...» – между двумя разбойниками. Тогда молоко Богоматери, некогда питавшее во младенчестве разбойника, оказало свое действие, и на кресте отверзлись очи распятого разбойника, познал он Божество Христово, помянул страннолюбие, которое было проявлено в дому родителей его, и воскликнул: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». Разбойник как бы так говорил: «Господи! Сии пречистые руки Твои благословляли дом отца моего, и приняли (досл.: познали) родители мои Божество Твое; теперь же зрю я руки Твои пригвожденными ко кресту ради грехов моих родителей и ради содеянных мною грехов – благослови убо и меня во царствии Твоем...» – «Помяни мя, Владыко, егда приидеши во Царствии Твоем...»

Услыхав такое исповедание от разбойника, Иисус воскликнул и сказал: «Аминь, глаголю тебе, днесь со Мною будеши в раи».

Видиш ли (из этого), что сострадающий ближнему и творящий милость ему, не потеряет ее, – мало ли, много ли, чужому ли, другу ли, родному ли, доброму ли, злому ли делает ее, – не забудется (оказанное) милосердие и незабвен будет тот,

который творит милостыню ближнему своему, будь-то словом или делом... Возьми пример с Госпожи Богородицы (т. е. из того, какое благо оказала Она, накормив младенца млеком Своим ради оказанной Ей и Сыну Ее милости). Благодаря сему был облагодетельствован разбойник (т. е. благодать пречистого молока Божией Матери отверзла ему духовные очи к познанию Божества Христова, и), быв накормлен Ее грудью, он на кресте сделался исповедником Сына Ее!

Послушайте о другом разбойнике.

Иуда Искариотский, предатель, был некогда в еллинском доме слугою семь месяцев, потом бежал оттуда. Когда же он был в еллинском доме, то, будучи прелюбодеем, прелюбодействовал с женою сына еллина, сын же находился в дальнем путешествии. Возвратившись из путешествия и увидав, что жена его беременна, он ничего не говорил ей и не совокуплялся с нею совокуплением супружеским. Поняла из этого жена, что узнал муж о ее беременности и возвестила о сем Иуде. И сказал ей Иуда: «Разве ты что открыла ему о нашем прелюбодеянии?» Сказала жена: «Не открывала (ничего) и не спрашивал он меня нисколько о сем». Сказал Иуда: «Куда он сейчас пошел?» Сказала прелюбодейца: «Вышел вон озабоченный, и не знаю, куда пошел». Иуда пошел искать его во всем доме – вверху и внизу – и (наконец) видит, что он в раздумьи сидит на верху кровли. Увидав его сидящим на высоте, стал размышлять Иуда, каким бы образом свергнуть его вниз, чтобы никому не сказал он о беззаконии; и обдумав, Иуда нашел способ, как свергнуть его; там был столб, на котором держалась крыша, где сидел муж; Иуда подкопал под основание, привязал к столбу толстую веревку, потянул за веревку всеми силами, и упал столб вместе с террасой и с человеком; муж жены убился жалостным сокрушением, сокрушившим несчастному все члены его. Жена же, увидав, какое дело совершил Иуда, стала много принуждать его сделаться ее мужем, но Иуда не хотел, боясь, как бы не открылись два зла – убийство и прелюбодеяния с женою, и сказала жена: «Если не возьмешь меня в жены, то знай, что я расскажу о беззаконии твоем, содеянном тобою в доме со мною». Услыхав эти слова, Иуда убоялся и скрытно удалился.

И родила жена младенца, говорим: семя Иуды; младенец вскормился и стал совершенным мужем. Обремененный злом отца своего, впал, подобно ему, во зло, стал разбойником и вовлек (в разбой) благословенного разбойника. Тот вместе с ним 12 лет вращался в разбойническом деле, потом они были совместно распяты по сторонам креста Христова: один, исповедавший Его, – справа, а другой, хуливший Его, – слева.

Говорим: праведницы – одесную, грешницы же – ошуюю. Двенадцать же тех лет означают образ суда на Страшном суде, когда узрятся на Страшном суде 12 апостолов, седящих на 12 престолах, чтобы праведным судом судить на Страшном суде 12 колен Израиля. Говорим: исповедники (будут поставлены) одесную, а хулители ошуюю...

Видишь ли, как отец посеял зло, сын же зла пожал хулу, жертвопринес безчестие, за что и сам будет обезчещен на Страшном суде; восхищен он будет огненною рекою; сойдет в ненасытный хулою ад... сказавший: «Если Ты Сын Божий, сойди со креста, спаси Себя и нас...» И все книжники и фарисеи, услыхав от разбойника эти слова, восклицали так вместе с ним, пытаясь низвести Бога вторично на землю... но, вместо этого, сошел тот (хулитель) сам вторым во ад. Говорим: первым сошел Иуда – отец с предательством своим в преисподнюю ада, вторым же сошел сын предателя, началовождь хулы, со огненною хулою своею... Говорим: со огненной рекой сошел во ад, сопровождая, сын – Иуду, отца своего во объятия Денницы. И принял их Денница в объятия свои, как первородных своих... Отец предал Его; сын похулил Его. Отец, повесившись на древе, с непомерным своим лукавством был презрен; сын же, влекомый огненною хулою, был обезчещен!

Глава XI

Иуда-предатель как пример несказанного долготерпения Божия. Его происхождение, смертные грехи его юности, апостольство и хозяйственная должность у апостолов. Попытка его присвоить власть духовную и ограничить милосердие Христово; лукавые побуждения, вызвавшие предательство и самоубийство

Не соблюдаешь ты постоянной решимости твоей, т. е. не постоянно предложение твое в духовном подвиге, не мирствует настроение твое, но как вихрь вертится в голове твоей; не знаешь ты, что творится с тобою, ни добро добрым не признаешь, ни зло злым, как и Иуда, который обладал таким смыслом, что сладкое для него делалось горьким, а горькое сладким. Сие явствует из того, что он повесился на древе, дабы сделать тем себе обручение вечного мучения... Бог же не попускал Иуде совершить же-

лаемого, т. е. промыслительно делал так, что первые попытки самоубийства ему не удавались. Бог, как непомнящий зла, возбранял Иуде – не покается ли он, как Манассия, или как разбойник, или как блудница, он же, сей Иуда вертоголовый, оставался таким же, каким был раньше; снова обращался головой своей и расположением, т. е. мыслию и сердцем, ко злу, уклоняясь от милосердия Божия!.. Он Господа предал, Бог же, милосердуя о нем, повелел ветви (на которой он повесился) приклониться, и наклонилась она; но Иуда, порабощенный злом, устроил себе место еще выше, взлез на это место, укоротил петлю для своей шеи и бросился с высочайшего места, дабы совершить несовершившееся и завершить тем вся злая своя!.. Бог опять нагнул ветвь, но сей, ненасытный злом, снова завязал петлю, устроив третий этаж высоте своего зла, которым и погубил себя; снова влез на высоту третьего этажа, навязал себе петлю на шею, и сбросил нечистое свое тело с третьей степени высоты, говорим: (тело треоскверненное) убийством отца, прелюбодеянием с материю и убийством брата.

Примечание. Выше святой сказал об истории Иуды: «Как мы слышим» – и на самом деле об Иуде существует известное на Востоке предание, на которое намекает здесь святой. В одном из списков книги о святом Ниле это предание приведено целиком, и мы его также считаем нужным привести.

Иуда происходил из селения Искарии. Имя отца его – Ровель. Перед зачатием Иуды мать увидала страшный сон и с криком проснулась. На вопрос мужа она сказала, что видела, что зачнет и родит мужеский пол и будет он разрушителем рода иудейского. Муж же укорил ее за веру во сны. В ту же ночь она зачала (не вняв, следовательно, сему предостережению от Бога) и посем родила сына. Ввиду того, что воспоминаемый сон продолжал устрашать ее, они согласились с мужем выкинуть ребенка на волю судьбы; сделали ящик и, осмолив его, положили в него младенца и бросили в озеро Геннисаретское. Напротив Искарии находился небольшой остров, на котором зимой пасли овец и жили пастухи; к ним-то и принесло ящик с младенцем; пастухи вынули его из воды, накормили ребенка овечьим молоком и отдали некоей женщине вскормить его; эта женщина назвала ребенка Иудой. Когда он несколько подрос, пастухи взяли его от кормилицы и привели в Искарию, чтобы отдать кому-нибудь в приемыши; тут повстречался с ними отец Иуды, Ровель, и, не ведая, что это его сын, взял его к себе в приемыши. Отец и мать очень полюбили Иуду, который был лицом весьма красив и, скорбя о брошенном в воду сыне, усыновили Иуду. После этого родился у них сын, и Иуда стал завидовать ему, опасаясь, как

бы не лишиться из-за него наследства, ибо Иуда по природе был зол и сребролюбив. Иуда стал безпрестанно обижать брата своего и бить его, за что родители часто наказывали Иуду, но Иуда все более и более разжигался завистию к брату, увлекаемый страстью сребролюбия и, наконец, воспользовавшись однажды отсутствием родителей, умертвил брата. Схватив камень, он убил брата, а затем, испугавшись последствий, бежал на тот остров, на котором его вскормили, и здесь поступил в услужение в еллинский дом, в котором в конце концов вошел в прелюбодейную связь с женою сына хозяина и, убив его, бежал в Иерусалим. В Иерусалиме Иуду приняли во дворец Ирода, где Ирод полюбил его за ловкость и красивую внешность; Иуда стал управителем дворца и покупал все потребное. Родители же его, не зная, что он убил их сына, и, видя, что он без вести пропал, скорбели о нем. Так прошло много времени; наконец произошли в Искарии великие смуты, так что Ровель с матерью Иуды переселились в Иерусалим, и купили себе дом с прекрасным садом, рядом со дворцом Ирода. Тогда-то и убил Иуда отца своего, как будет изложено устами святого ниже, женился на матери своей и родился у них сын. Посем, случайно в беседе с женою, открылось, что они суть кровные – сын с матерью; Иуда, оставив мать, пошел ко Христу с намерением покаяться, был взят Христом в ученики, сделан казнохранителем и распорядителем, но по сребролюбию своему продолжал похищать деньги и тайно отсылать их матери, якобы ради пропитания ее.

И познал Иуда беззаконие свое, т. е., что взял в жены мать свою, убив ее мужа, который был отцом ему и, убив отрока, который был брат ему, узнал из слов матери своей, так как раньше о сем не знал; и услыхав, что Иисус учит в окрестностях Иерусалима (сиречь призывает грешников к покаянию), пошел, нашел Его и присоединился к Нему, чтобы следовать за Ним.

Увидав сего Иуду, Иисус Христос понял, что он – человек доброненавистный, злоумышленный и злообразный, но принял его с великою радостию, дабы уврачевать душу Иуды. И возвел Иуду Христос в распорядители над всеми апостолами, чтобы он распоряжался всем; и приказал апостолам Христос: все потребное для плоти, в чем нуждаетесь, спрашивайте у Иуды.

Услыхав это повеление Христово, апостолы исполняли его с готовностию, не роптали по поводу того, что творил Иуда, и никогда не жаловались на него Христу, хотя и видели многие его ослушания или безчиния, ибо всякое слово Христа принимали от Него, с решимостию исполнить его на деле.

Поэтому и не роптали нисколько на брата своего Иуду. Тогда Иуда был братом апостолов и ученик Христов; Христос умыл ему ноги, как и прочим апостолам; после же предательства сделался он братом диавола, учеником Денницы и стал как один из других диаволом. Тогда он был апостол, ныне же диавол... Это (случилось с ним) потому, что апостолы, исполняя на деле (слова Христовы), сделались столбами райскими, Иуда же, хотя и внимал словам Христовым, но не слушал их с готовностию, безропотно и не имел решимости к делу, т. е., чтобы исполнять их на деле, (слушался) с ропотом и повиновался неохотно. Апостолы держались за слова Христовы, как за столбы непоколебимые, и стали сами столбами райскими; Иуда же держался за слова Христовы, как за столб гнилой, и сам сделался обвалом, т. е. как бы оторвался и отвалился от части Господней и апостолов, низвергшись в преисподнюю ада.

Не ограничился он тем, что имел власть внешнего распоряжения над всем мирским, говорим: над сокровиществованием, продажей и покупкой, – но возжелал захватить в свое распоряжение и внутренний обмен; говорим: желал Иуда возбранить людям приносить Христу веру, миро и божественную славу, т. е. не хотел давать людям чтить Христа, как Бога, славить Его, как Бога, и возливать на Него драгоценное миро, на что люди того времени расходовались, как тратятся и ныне люди, чтобы приносить дары в церковь, говорим: для литургии, которая есть отпечаток Христов; фимиам же (возжигаемый в кадиле и приносимый Господу в богослужении) есть тип (или отпечаток) мира (возлиянного на Господа при жизни); как говорит пророк-царь Давид: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...». Свеча же, носимая пред священником на выходах, есть тип честного предтечи Крестителя и его учения в пустыне перед пришествием Христовым, как сказано у пророка: «Глас вопиющего в пустыне, исправьте путь Господень...» И опять: «Покайтеся, приблизилось Царствие Небесное...» И опять: «Се Агнец Божий, вземляй грех мира...» И опять: «Я крещу вас водою, но грядет Крепчайший меня, которому я недостоин отрешить ремень от сапог Его, Тот крестит вас Духом Святым и огнем...» (Лк. 3, 4-6 и Ин. 1, 36).

Это (т. е. эти жертвы Христу как Богу) и хотел воспретить Иуда, вознамерившись воспрепятствовать (приношению их, т. е. излиянию мира на Христа) – но сам был возбранен и низвергся с безграничным своим сребролюбием, коварный, которым прельстил его Денница, во ад следующим образом.

Одна душа принесла Христу миро многоценное; Христос

повелел сохранить его на время погребения Его, Сына Человеческого; Иуда же искал продать его, ибо стоимость его была чрезмерна. Христос же сказал: «Да сохранится оно на день погребения Моего...»

Нечто подобное случилось и в то время, когда Иуда попрал сад отца своего, взяв прекраснейшие, именуемые ароматами, цветы; мать убоялась что-либо сказать ему, так как он был царский человек; Иуда же и не спрашивал у матери (позволения сорвать цветы); но, будучи хищником и властителем, сам смело сорвал благоуханные и драгоценные цветы, вышел вон из дома отца и встретил отца перед дверьми, возвращающегося с работы в дом свой. Отец, увидя в руках Иуды ароматы, спросил: «Зачем сорвал ты эти благоухания?» Иуда же с великою дерзостию отвечал: «Нужны они мне, что спрашиваешь?» Отец же, когда услыхал такое слово от Иуды, разгневался и сказал: «Тебе нужны, а мне не нужны?» (Потому и) Христос изрек Иуде: «Оставь, оно Мне нужно на время погребения Моего...»

Иуда же сказал отцу: «Как разговариваешь ты смело со мною, не знаешь разве, что я царский человек?» Отец же сказал ему: «Пусть ты и царский человек, зачем же дерзко говоришь так мне? Что мне тебя бояться? Как смел ты войти в дом мой и взять вещь без спросу», – и попытался отец отнять их из рук Иуды. Иуда же, будучи заносчив и горд, не перенес слов отца своего, не позволил выслушать от него даже малого слова, но тотчас схватил в руки камень и, ударив им по голове, убил отца своего, – отцеубийца Иуда!.. С великою надменностью пошел он затем к повелителю своему и показал ему ароматы. И сказал ему повелитель: «Каким образом дали их тебе?» И сказал Иуда: «Я не искал того, чтобы мне их дали, но убил его и взял!» Сказал ему повелитель: «Правда ли, что говоришь?» Говорит Иуда: «Свидетельствуюсь жизнью моею, я убил его, господин мой, ибо поносил он повелительство твое и меня оскорбил». Сказал повелитель: «Сейчас пошлю человека, узнать правда ли, что говоришь, и если это верно, то изгоню я тебя из палат моих и накажу как следует, ибо не ему ты сделал, но мне сделал ты такое бесчестие». Послал повелитель человека, тот нашел его убитым; возвратился посланный и возвестил о случившемся; повелитель, услыхав, что это правда, разгневался и смутился зело. Иуда же, будучи лукав, прибег к защите ходатаев; и пошли вместе с ним (к царю заступаться за него дворцовые люди); повелитель же, увидав, что возмутились дворцовые люди, смутился, оказал ему снисхождение, пожалел его и, согласно закону, повелел, чтобы он взял себе в жены жену убитого мужа.

Иуда, как сосуд лукавый зла, принял это, мать же не желала и говорила, что берет другого, а этого не хочет, но повелитель грозно повелел ей, дабы она не смела брать другого, но только этого. Ввиду такой беды, мать, не желая, приняла его – и взял Иуда мать свою себе в жены...

Потому и сказал Христос (чтобы напомнить Иуде все это), что пусть останется миро на время погребения Моего...

И закипело кипение в сердце кипящего злобою, Христос же, как Сердцеведец, понял замысел Иуды...

В день тот, по омовении ног апостолам, когда все сотрапезовали и Иуда был при сем, во время трапезы воздохнул Христос и сказал, что из вас двенадцати есть один, который предаст Меня в руки человеков-грешников. И говорили апостолы между собою: кто есть тот, который предаст Его? Христос же, увидав это волнение среди апостолов, сказал, что протягивающий руку свою передо Мною, – и Иуда тотчас протянул руку свою перед Христом (к солилу).

Не попустил Христос произойти смуте, как сие свойственно нынешним людям, но дал одну только примету и ничего больше не говорил...

Тогда предал Он Жертву литургийную[1], которую мы возносим и ныне... Потом, после трапезы, удалился Иуда от союза апостольского, скажем лучше, от братий своих, стал союзником Денницы и братом диаволу...

И сказал коварный в своем коварном и нечистом помысле: возьму дары от ищущих Его, попрошу (еще) и, что попрошу, мне дадут... Тотчас пошел он в синагогу еврейскую и великим гласом сказал: что даете мне, – и я предаю вам Его? Евреи тотчас одарили его тридцатью сребрениками. Получив их, Иуда сказал: последуйте за мной. Взяв в руки светильники, палки, ножи, веревки и другие подобные бичи, они последовали за ним...

Иисус Христос тогда молился, после молитвы пришел к апостолам и сказал: «Бдите и молитесь; не ведаете ни дня, ни часа... ибо Сын Человеческий предается»... Опять пошел на место молитвы Своей и молился на мног час... Снова пошел к апостолам, увидел их спящими и сказал с кротостию: «Восстаньте, бдите и молитесь, ибо не ведаете ни дня, ни часа, ибо Сын Человеческий предается...» Опять пошел к месту молитвы Своей, молился и говорил: «Отче, аще возможно, да мимоидет от Мене чаша сия». Тотчас, при этих словах Его, приспел Иуда со светильниками, от множества огней стало светло, как днем, час же был ночной... И сказал Иуда

[1]Заповедь об евхаристии словами: «Сие творите в Мое воспоминание».

евреям: «Кого я обниму и облобызаю, того хватайте»... Тогда вошло множество воинов туда, где были собраны вместе апостолы. Иуда, со сребрениками в руке, обнял хищно нечистый Чистого, сказал: «Радуйся, Равви», – коварно приложил сквернейшие свои губы к нескверному Лику и, оказав Ему сию честь пред воинами, предоставил Его им, удалившись сам во тьму сребролюбия (т. е. во мрак со своим сребролюбием, от Света Христа – к диаволу)... И схватили Христа воины; апостолы же, увидав Его схваченным воинами, весьма смутились. Петр схватил одного раба, поверг его вниз, выхватил короткий нож, который имел и, побуждаемый ревностию, урезал рабу ухо. Тогда воскликнул Христос и сказал: «Петре! Петре! Вложи нож в ножны, ибо нож (если) даешь, нож и приемлешь...» И взяли Христа, как разбойника, на судилище, и «поучашася тщетным на Господа и на Христа Его» (Пс. 22). Тогда поругание окружило Его!.. Красная хламида облекла Его!.. Терновый венец возложили на главу Его, над которою трепетала рука Предтечи!.. Очи Его завязали и биениями били Его!.. Слова пророчений требовали от Него!.. И иными непомерными (терзаниями) терзали!..

Увидев эти страсти Христовы, помраченный сребролюбием Иуда – разомрачился и весьма раскаялся, но не припал к покаянию, говорим: ко Христу – и, горько плача, не оплакал беззаконие свое, подобно Петру, но пошел и поверг сребреники там, где их приял, и сказал: «Зло сотворил я, возьмите ваши сребреники...» Отвечали ему книжники и сказали: «Ты узришь...» И были озабочены, говоря между собою, что не достоит класть их в корвану; озабоченно они вопрошали, что с ними сделать? Наконец, сделали странно-погребальницу, которая обретается и поныне...

Потом Иуда, бросив там сребреники, удалился в глубокое место и, удаляясь, был озабочен, что такое сделать там (в овраге). Когда он размышлял об этом, пришел ему (на ум) скверный помысл совершить самоубийство. Внял нечистый нечистому и совершил то дело следующим образом. На месте, где он размышлял, было одно дерево, как нарочно для казни. Тотчас снял Иуда с себя пояс, который был из верблюжьей шерсти, одним концом его затянул свою шею, другим – привязал себя к дереву... ветвь в тот же час наклонилась (т. е. когда он свергся, чтобы повиснуть)...

Бог же не хочет смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему. Всевозможным образом действовал Бог, чтобы не повесился (Иуда), ибо Иуда был все же человек. Бог ожидал покаяния Иуды. Но Иуда не освобождал себя из петли, чтобы пойти, припасть к подножию креста и сказать: «Я

Тебя распял, прости меня!.. Моя злая мысль вознесла Тебя на крест; благосердствуй обо мне...» Если бы изрек он перед крестом эти три слова, исполнив их и делом (выразив свое покаяние), Христос принял бы его. А каким же исполнить делом? Дело сие: дабы слезил горько, стенал рыдая и жалостно плакал; но Иуда так не поступал (т. е. не хотел повергнуться на землю перед крестом Христовым во спасение свое), но повергался на землю, чтобы повеситься (не взирая на то, что) ветвь приклонялась, а на кресте был предружелюбнейший Христос (о Котором Иуда мог быть несомненно уверен, что Он не отвергнет его покаяния)!.. Как дружелюбствовал Василий Великий Иосифу (которого крестил на смертном своем одре), так дружелюбствовал и Христос Иуде, ожидая от него покаянных слов, но Иуда (вместо того, чтобы сказать эти слова, предпочитал) крепко затянуть петлею горло свое – Искариот!.. Взирает вдаль Христос на обе стороны креста Своего, не увидит ли Иуды... Он, Который жаждет спасения людей, жаждал также Иудиного покаяния и искал его... Великим гласом Христос со стенанием воскликнул: «Жажду». Иудеи поняли, что Он требует воды и со своим иудейским безстыдством, наложив губу на трость, напоили его желчью и уксусом... Опять воскликнул Он и сказал: «Свершилось»... Скажи теперь, чего ради пришел Иуда ко Христу повидать Его? Ради своей гибели или спасения? Если для спасения, то почему погиб, злосчастный? Потому что не имел твердой веры пренетвердейший (пренепостояннейший).

ГЛАВА XII

Почему не всякая молитва святыми исполняется

Желал бы сей преподобный (святой говорил про себя) щедро разливать чудеса милосердия, целить бесноватых, хромых и болящих от всякой болезни и немочи, но лукавство и неверие человеческое возбраняет сему, подобно тому, как лукавство и неверие лукавых иудеев возбранило силе апостольской... Посему воскликнул Господь: «О, роде неверный и развращенный! Доколе буду с вами...» Тогда подвели бесноватого ко Христу и тотчас исцелился болящий. Апостолы вопросили Христа, почему они не могли исцелить его? Отвечал Христос: «Ради неверия вашего; род сей ничем не изгоняется, только молитвою и постом...» (Мф. 17, 20, 21).

Преподобный благорасположен исполнить всякое прошение того, кто молится и призывает его с верою, не лукаво, имея готовность при сем (к добродетельной жизни и спасению)... Но кто сии блаженные? Те, которые добронравны, и, получив помощь от святого, укрепляются в вере и молитвенном благодарении преподобному... Но злонравный... и злообразный, какую помощь может получить?! Если исполнится желание его, он будет потом непослушным (т. е. если и откроется ему путь ко спасению, он все равно не пойдет этим путем), будет вором (т. е. восхитит милость воровски, пребывая верным слугой диавола), убийцею (т. е. человеконенавистником, несмотря на полученную милость) и таким же неверующим (каким был) и раньше в своем лукавстве... Не исполняет преподобный (желаний) сих (людей) и прочие преподобные не хотят слушать таковых, но предают этих людей, согласно гласу апостольскому, «сатане во измождение[1] плоти, да дух спасется в день Господень...» (1 Кор. 5, 5).

Глава XIII

О потребности самопонуждения к очищению сердца своего

Силою, силою понуждая себя, понудься искоренить из твоей души ехидненный яд безпечности, которым отравился ты и не разумеваешь того, несчастный человече!..

Силою, силою, понудь себя, понуждаяся, чтобы избавиться от ехидненного яда нерадения, которым ты отравился! (Ехидненный сей порок весьма лукав). О, силою, силою понуждая себя, понудься отцепить от себя погибельный яд – хулы!..

О, силою, силою, понуждаемый, понудь себя отвязаться от тартарского яда обжорства, а также тщеславия, которым ты отравился и не разумеваешь того, несчастный человек... (Святой здесь становит порок тщеславия рядом с объедением – не потому ли, что любовь к похвале есть такое же лакомство для души, как снедь для чрева?)

О, силою, силою понуждаяся, понудь себя отвязаться от огненного яда злопамятства, которым ты огне-отравился и не разумеваешь того, несчастный человече!..

О, силою, силою понуждаяся, понудь себя (освободиться от вцепившегося в тебя) когтя горькоядия лжи, которою ты горько

[1]«Предают сатане во измождение плоти», т. е. не дают просимых благ земных, не избавляют от бедствий и страданий, чтобы сими скорбями спасти душу.

отравился и не понимаешь того, несчастный человече...

О, силою, силою понуждаяся, понудь себя с насильем искоренить из себя желчный яд злорадства, которым ты желчеотравился и нисколько не ведаешь того, человече...

О, силою, силою понуждаяся, понудься исторгнуть из себя семь когтей дракона мира сего, которые впились в злое твое расположение, а также в нечистоту мысли твоей.., т. е. семь страстей.

Эти усиленные воззвания святого показывают, сколь великая борьба и понуждение потребны желающим улучить спасение, чтобы освободить сердце свое от столь распространившихся пороков.

Глава XIV

Пшеница пахаря для посева и пшеница мельника для размола; дела благодатные и дела вражии

Потом разберется основа, т. е. сердечные намерения в каждом[1] деле; будет явлено, которая пшеница пригодна на семена и которая на размол. Говорим: будет явлено, кто причастен силе божественной благодати и кто порабощен безсилием безсильных[2], которым насилуют они людей.

Дела благодати суть как пшеница земледельца, который, посеяв ее в землю, со временем пожинает, собирает в житницу, и не оскудевают житницы.

Мельник сыплет пшеницу в мельничный ящик; она растирается внизу под камнем; делается прахом, яко дым; исчезает облик пшеничный и видение лица ее... Так и безсильный (диавол) с безсилием своим кладет людей в ящик[3] совещательного своего безсилия; человек падает вниз под камень погибели, исчезает, яко дым, и скрывается от лица земли...

Семенное зерно пшеницы сеется в землю, восходит и плодоносит на земле – такова же сила и божественной благодати, посеваемая в человеке, которую потом люди собирают и сок-

---

[1] Ср.: 1 Кор. 4, 5 – «Приидет Господь, Который осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения».

[2] Т. е. духов злобы.

[3] «Совещательное безсилие» – это внушаемые диаволом греховные помыслы, которые часто обставляются хитрыми, якобы разумно логическими, сатанинскими доводами. Например: «И увидела Ева, что дерево (запрещенное) хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Быт. 3, 4).

ровиществуют в житницы силы их; она преизбыточествует в их мысленных житницах, так что не возмогают они вместить ее и в житницах своих, и в пристройках...

Невместимый же Христос не только вместился в чувства человека, но там сеется и паки сокровиществуется в ящик[1] мысли человека; паки сеется, паки собирается, – пока не исполнится отпадение Денницы... (Т. е. пока не исполнится человеками число отпадших ангелов).

Глава XV

Бегство Ионы произошло промыслительным попущением Божиим. Покаяние Ниневии

В городе Ниневии люди сперва были богобоязненны, но следующие поколения забыли Бога и возделывали злые похотения свои, подобно развращенным допотопным людям. Господь Бог, видя, что низверглись люди в погибель погибели, в семиглавие беззакония, многоразличными путями пытался освободить град от плена погибели и семиглавия беззакония. Но жители града желаниями своими поклонялись царице погибели и семиглавию беззакония... Какую же помощь оставалось Богу оказать граду сему, который добровольно предавал сам себя в пасть царицы погибели и семиглавие беззакония? Видит Бог град Ниневию, что нуждается он в помощи, но никого нет в городе, чтобы ему помочь; есть люди (т. е. рабы Божии) во граде, но нет такого, который был бы способен освободить, т. е. обличить жителей и возбудить их к покаянию.

Точно так же не осталось никого и в требующей помощи Горе сей Афонской, дабы освободить ее от плена погибели семиглавого беззакония; хотя и находится кое-кто в Горе сей, но он недостаточен[2], чтобы освободить ее от сего плена.

Видит Бог, что почти весь град Ниневия уклонился в поги-

---

[1] Мысль та, что полученную благодать должно приумножать и возгревать подвигами, чтобы на пять или два таланта данной (каждому в меру сил) благодати Христовой приобрести другие таланты, ср.: притчу Спасителя о талантах (Мф. 14, 30). «Данный тебе талант от Бога трудолюбно делай, душе моя», – вопиет Церковь. В частности, священнослужители, получившие от Бога особую благодать (сравнительно с мирянами), должны молитвою, священнослужением и усердными подвигами непрестанно «возгревать дар Божий, живущий в них» (2 Тим. 1, 6; ср.: 1 Тим. 4, 14).

[2] Т. е. не обладает достаточными для сего силами духа.

бель погибели и в погибель нечестия; узрел Бог таковое возделывание зла – и повелел пророку Ионе, подобно Ною, проповедовать покаяние. Однако Иона не исполнил повеления Господа, но по морю бежал от Лица Божия.

Однако эта жестокость сердца Ионы была попущена Богом. Ибо Бог видел, что если пошлет к ниневитянам, творящим такие беззаконные дела, Иону по суху, то Иона, придя во град сей ради проповеди покаяния, – не будет услышан; говорим: не будут ниневитяне слушать проповеди Ионы, но поругаются над ним препоругательно, и способны будут лишь к тому, чтобы изгнать его из городских стен вон, бия его. Разумевая все это пророческим чувством, Иона ожесточился сердцем своим, ибо они сказали бы Ионе: «Ты ли, беззаконник, пришел исправлять нас?»

Сердцеведец же и Премудрость Божия, Который создал сердце человека и ведает все помышления человека, ведал о сердце ниневитян, что оно было неподобное; ради этого и не умягчил к сему сердца Ионы.

Иона же отговаривался пред Богом следующей отговоркой: «Божество Твое милосердо и милостиво; если возвещу я граду Ниневии глагол сей, то они покаются, Ты отменишь Свой приговор по безграничному милосердию Твоему, помилуешь их, а я окажусь лжецом в тех словах, которые буду проповедовать. Поэтому никогда не пойду я туда».

Такой ответ воздал он Богу и по морю бежал от Лица Божия.

Бог же[1] повелел четырем ветрам воспротивиться кораблю; корабль так раскачало на морских волнах, что моряки решили, что потонут. Моряки выбросили весь груз в море, чтобы облегчить корабль. Но кораблю от этого ничуть легче не стало. Говорили моряки: «Что есть сие?» Иона же спустился в трюм и заснул от многого страха. Моряки, увидав Иону спящим в трюме корабля, стали укорять его и говорили между собою: «Не видали мы когда-либо человека, который бы так спал... Мы погибаем в море, а сей спит и почивает». Отвечал Иона и сказал: «Что нам делать, – я сего не знаю». Сказали моряки: «Хлеб накладывать в тело свое знаешь, а Бога молить не знаешь?» Говорили моряки между собою, что никогда не находило на них такой непогоды; потом сказали: «Метнем жребий, чтобы узнать, ради кого из нас сотворилось сие зло?» Бросили жребий и пал жребий на Иону. Иона сейчас же открыл свою ошибку пред всеми моряками и сказал, что он преслушал Бога, бежал от Лица Его и просил моряков

[1]Не стесняющий свободной воли человека.

ввергнуть его в море, дабы и они не погибли вместе с ним. Выслушав сие, моряки сказали Ионе: «Да простишь нам, равви, что мы так обезчестили тебя...» Простил Иона то безчестие, которое они ему сотворили, оскорбив его с таким негодованием. Потом моряки выбросили его в море... Бог же повелел рыбе, называемой *драмидион*, принять Иону во чрево свое за то, что исповедал он ошибку свою пред людьми. Бог оказал помощь Ионе, чтобы не погиб он в море (т. е. и за исповедь, и за самоотверженное сострадание к спутникам своим).

Так бывает и ныне: когда кто сознает ошибку свою и исповедует ее пред людьми, Бог посылает тотчас же ангела Своего, который покрывает его кровом крыл своих, и исповедавший свою ошибку не погибает, как и Иона не погиб в море.

Тогда рыба, приявшая Иону во чрево свое, изменила своего естества чин (досл.: утратила действо естества), содержа три дня и три ночи Иону во чреве своем, которое расширилось ради сего (т. е. по естеству у кита горло весьма узкое, но оно, как и чрево, расширилось чудом Божиим)... Иона же, находясь там в таком страдании, умолял Бога; Бог, услышав молитву его, взывавшего «из чрева адова», повелел рыбе изблевать Иону невредимо на землю ниневитян. Бог рек сие и бысть по глаголу Божию.

Посему Бог опять повелел Ионе идти в город ниневитян проповедовать покаяние; Иона послушал тогда веления Божия, пошел в Ниневию и проповедовал, с великим гласом и воплем взывая: «Ниневитяне через три дня будут разрушены и исчезнут с лица земли»; здесь же пророк подробно сказывал все те деяния, которые они соделали.

Так и я, подобно Ионе, говорю вам все те деяния, которые вы соделали против Бога...[1]

Видят ниневитяне, что Иона вышел из моря невредимо телом и немокренно одеждою; услыхав слова от Ионы, ниневитяне боялись и смутились весьма; тотчас все стали каяться и обращаться к Богу... Царь же показал такое покаяние Богу, что уподобился Давиду и Манассии. Весь город вместе с царем возопил: «Господи! Да не яростию Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажеши нас»; и другими превосходнейшими молениями каялись они пред глаголом Божиим, пока не скончались те три дня... Итак, каким воплем вопиял город тот к Богу?!.. Иона же среди этого вопля градского удалился на возвышенное место, дабы видеть разрушение го-

---

[1]Прп. Нил сопоставляет здесь себя с пророком Ионой, а афонцев — с ниневитянами.

рода, но, так как не уничтожал Бог Ниневии ради доброго покаяния его, Иона опечалился весьма. Бог же, чтобы удалить его печаль, повелел одной тыквице вырости за ночь на том месте, где сидел Иона; утешен был несколько Иона тенью тыквицы от зноя солнечного. И опять повелел Бог, наутро засохла тыквица, и опечалился Иона до смерти. Говорит Бог Ионе: «Из-за тыквицы ли так опечалился ты, над которой сам не трудился? Как же Мне не пожалеть города Ниневии, сотворенного Мною (т. е. созданий Божиих в нем)? Вот я вижу вопль покаяния града предо Мною, и как мнит сердце твое о вопле покаяния сем? В тебе есть печаль из-за тыквицы, а во Мне радость о покаянии града Ниневии». Сие изрекли уста Господни Ионе.

Видите, честнейшие братья, какой ответ дал Бог Ионе? Видите, Бог всегда есть с вами и ожидает вашего покаяния истинного. Обратитесь же и вы со смиренным покаянием к Богу, и ваше покаяние примет Бог, как и покаяние Ниневии...

Посему с понуждением, с понуждением, поскорее, понуждением понудьте себя к покаянию, честнейшие отцы, дабы не покинула вас Царица Спасения, и не возгосподствовала над вами царица погибели и семиглавие беззакония!..

Глава XVI

Повесть о том, как премудрый Рамуил доказал вельможам и мудрецам ниневитским достоверность проповеди Ионы

В то время, как город Ниневия укрощался проповедью Ионы, был в нем некий богатейший человек, именем Мерхий, безчадный во плоти своей. Между тем, как Иона проповедовал, он пригласил некоторых вельмож на пир; было приглашено и несколько премудрых в делах науки; пришли на сей пир также и семь мужей мудрецов. Сидя за трапезой, каждый говорил свое слово о проповеди Ионы: как это возможно, чтобы погиб город сей? Услыхав сие, другой мудрец отвечал и сказал всем людям за трапезой сидящим: «Мужи, братия! Вот, премудрость моя действием своим умудрила меня в таком деле. Если поставить на высоком месте магнит в 50 литров, то он в силах будет удержать 500 литров железа». Отвечали все люди мудрецу: «Это невозможное дело!» Сказал мудрец: «Это невозможно для человека, но возможно проповеди Ионы осуществить сие дело» (т. е. если человеку невозможно поднять магнитом 500

литров железа, то невозможно верить и проповеди Ионы, а если возможно, то несомненна и грядущая кара Божия, возвещаемая Ионой). Услыхав сие, другие мудрецы позавидовали и отвечали сему премудрейшему, требуя, чтобы он истиннейше доказал им достоверность проповеди Ионы, ибо «никак не может быть это дело». Отвечал премудрый и сказал: «Возможно есть (т. е. доказать этим путем), и сотворю сие». 24 именитых мужа возражали этому мудрецу и в споре опровергали его. При этом споре еще больше стали завидовать ему мудрецы и переглянулись друг с другом, говорим: сделали условный знак, да сотворят дело сие; сотворили же его с искусством и премудростию; вознесли мудрецы магнит на высоком месте и повелели, чтобы произошло это дело на самой высокой вершине. Мудрецы поставили магнит на самом высоком месте для того, чтобы подвергнуть железо действию воздушной стихии, чтобы никоим образом не мог магнит удержать железа. Окончили это дело, было положено железо пред магнитом; схватил его магнит, поднял его и, как ни качал ветер магнит вместе с железом, железо от магнита не отрывалось. Наконец оторвалось, – но не вследствие качания ветром, а потому, что заржавело железо... Тогда премудрый схватил его, отчистил, и опять железо было принято магнитом, как прежде.

Тогда возобновил премудрый сей речь о проповеди Ионы и говорил с великим гласом: «Мужи ниневитяне! Видите, как снова удержал магнит железо? Ибо в силах магнит не только 500 литров железа поднять, но в силах и 500 тысяч литров удержать, лишь бы не имелось ни на каком куске ржавчины, потому что ржавого[1] железа магнит не принимает». И опять взывал, говоря: «Мужи ниневитяне! Братия, вонмите примеру сему, который я представил вам к проповеди Ионы; не словом говорю вам сие, но представляю вам и делом, дабы вы поняли, что проповедь Ионы есть истиннейшая... Железо – суть люди огражденного града сего; магнит – есть Бог; Чистейший держит лишь чистых людей. Равно удерживал Бог и град сей, но потом осквернились люди града, и оставил их Бог в погибель. Как я, предуспев, отчистил железо, и принял его магнит опять, так и Иона отчистил нас от ржавчины проповедью покаяния, предпоставив нас пред Бога Вышнего, и опять принял нас Бог, как и раньше!»

Услыхав ниневитяне премудрость, которую он представил им (чрез доказательство словом и делом), согласились с ним и подивились уму его. Однако завистливые мудрецы, увидав, как вняли мудрецу ниневитяне, позавидовали еще больше

---

[1]Сила сцепления частиц железа и магнита от ржавчины в железе ослабевает.

4025

и, соделав всевозможные козни, убили благословенного Рамуила.

ГЛАВА XVII

Скорбь св. Иоакима и Анны, перешедшая в радость и исходатайствовавшая миру утешение – Богородицу и Спасителя Бога. Уподобление голубице Ноевой

Подобно всем праведным, жертву правды принесли и сии двое праведников, говорим: Иоаким и Анна, – которые скорбною молитвою своею вознесли сами себя в жертву Богу. Иоаким окончательно решил не возвращаться больше в дом свой и, молясь там (т. е. в пещере хозевитской) сокрушенною молитвою, всесожигал сердце свое пред Вышним. Принята была Всевышним жертва моления их, и была им послана помощь свыше, как говорится: «Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю» (Пс. 120, 2).

Кто же возможет нам истолковать, что это за помощь, о которой здесь сказано? Во образ сего приимем Ноя, испросившего от Господа помощь, ветвь масличную. Когда послал он голубицу из ковчега, посмотреть, есть ли суша или нет, голубица отправилась, нашла землю, сухую от воды; присев на масличном дереве, несколько отдохнула; отломила от маслины веточку и принесла в ковчег. Все в ковчеге, увидав ее, возрадовались и утешились: люди, животные и пресмыкающиеся...

Ныне люди, видя Госпожу Богородицу, держащую в объятиях Своих Спасение человеческое, яко младенца, видя это, все роды христианские, архиереи, иеромонахи, иереи, миряне при виде Ее, Госпожи Богородицы, живописно изображенной и держащей во объятиях Своих Младенца – утешались, утешаются Ею доныне, и будут утешаться до скончания века.

Кто же принес миру такое утешение? Утешение миру было принесено чрез претерпение безчестия Иоакимом и мольбу[1] (досл.: обращение) Анны. Принял Бог моление их, взошло оно на среду Божества и сбылось во Всесвятом Духе. Оторвался цвет прекраснейший, и был принесен миру в утешение человеку... Как голубица принесла ветвь масличную в ковчег в уверение об избавлении ковчега, так молитва Иоакима и Анны принесла цвет Святаго Духа на среду иудеев.

---

[1]«Иоаким и Анна поношения безчадства (т. е. поношения за безчадие)... свободистася, Пречистая, во святем рождестве Твоем», – воспевает св. Церковь на праздник Рождества Пресвятой Богородицы. *Кондак праздника, глас 4.*

Глава XVIII

Сравнение человечества Христова с цветком розы и Божества Его – с благовонием ее, рода же иудейского – с колючим кустом розовым

Род иудейский есть род неблагодарный, и ради этой неблагодарности им глаголали пророки Духом Святым, дабы уготовать род иудейский к приятию дара Духа Святаго.

Тридцатилистное дерево (т. е. розовое, ибо в розе насчитывают по тридцати листочков), если не имеет цвета, непотребным делается, – не так ли? Но цвет благоукрашает сие негоднейшее дерево, и люди имеют его в чести. Когда же цвет с дерева опадет, то чем делается оно, не остается ли оно непотребнейшим? Так стало и с родом иудейским, когда он утратил цвет Всесвятаго Духа.

Прекраснейший этот цветок есть цвет девства, а благоухание его есть Божество Бога. Посему говорится: «Красоте девства Твоего... Гавриил удивися... – *Богородичен отпуст, глас 3*.

Чтобы сбросить с себя цвет (т. е. утратить его прогневлением Бога), листья (иудеи) восстали против цветка. Говорим: собрался весь род иудейский, чтобы скинуть цвет Всесвятаго Духа с рода своего. О сем сказано: «Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным? Предсташа царие земстии и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его. Расторгнем узы их и отвержем иго их!» (Пс. 2, 1-3).

Посему, когда спрашивал Пилат собравшихся иудеев: «Что сотворю Иисусу?» – собравшиеся в один голос отвечали: «Скорей, скорей, распни Его». Не довольствуясь высказывать это голосом и говорить: «Да распнется», они и руки вверх поднимали, показывая как Его распять, другие же крест руками изображали, чтобы так Он был распят, и все вместе вопияли: «Да распнется!»

Поэтому Пилат, видя такую ярость иудеев, осудил Его на распятие.

Он же волею распялся ради спасения человеческого.

Ради того (т. е. промыслительно, попущением Божиим) повелел Пилат бичевать Иисуса, сплести терновый венец и возложить его на главу Иисусу, потом взял воду, умыл руки свои пред собравшимися иудеями и сказал: «Не повинен я от крови Праведника сего, вы узрите». И отвечал весь народ едиными устами: «Кровь Его на нас и на чадах наших». Сие

было взыскание, которого они добивались «против Господа и против Христа Его» (т. е. чтобы Кровь Его пала на них и на чад их, в безумии их греховном). И получили его (т.е. то, чего искали) в час тот, и злосчастное сие клеймо пребывает на них и доныне!

Поэтому венец терновый возложили на главу Его ради посрамления, но Иисус этим прославился, прияв волею венец на главу Свою, над которою трепетала рука Предтечи; они же сами себя посрамили, ибо тем возложили на свои главы проказу Гиезия... И доныне на детях их пребывает клеймо, которое они себе испросили и сказали: сия каплющая кровь не только на нас, но и на чадах наших да пребудет. Посему остается проказа Гиезия на главе их и доныне!

Почему же не процвел тридцатилистник (т. е. роза) на каком-либо полезном дереве и на прекрасной ветви, но процвел на колючем дереве и безплодной ветви? Потому, что не находилось другого, столь безплодного и непотребного дерева. Ради сего и процвел такой цветок, чтобы благоукрасить сие дерево с его безплодной ветвью. Какая же потреба быть сему прекрасному цветку на таком дереве? Процвети он на ином дереве, сказали бы так: «Само дерево прекрасно, оттого и процвел на нем такой прекраснейший цветок». Говорим: почему воплотился Христос от рода еврейского, а не иного рода? Потому, что не нашлось другого рода, подобного ему, неблагодарного; посему и воплотился Христос от евреев, чтобы благоукрасить сей род еврейский. Но неблагодарность омрачила иудеев и не познали они спасения человеческого, Которое воплотилось в их среде. Так и ныне помрачившиеся люди, впав во тьму безчувствия из-за многопопечения и житейских забот, скинули с себя прекраснейший цвет монашеской жизни и уклонились в одно безполезнейшее попечение о плотском. Цвет спасения презрели, а цвет погибели предпочли. Ложь ублажают, хищение восхваляют, осуждением утешаются, о спасении же душ своих – нерадят. Утешаются цветком осуждения, считая его благоуханным, а он – злосмрадие и проказа.

Глава XIX

О страсти осуждения в людях

Дивлюсь я. Есть ли какая польза от этого осуждения других, что так между вами оно распространено? Страсть осуждения есть чрезвычайная проказа для человека, от которой он в большей степени страдает, чем от других своих прегрешений.

Самомнение и гордость, будучи одной двоицей, произвели чадо единородное; прозвалось оно – *осуждением*. Оно непотребно и по имени, и по действию своему. Двоица та непотребнейшего младенца родила, ибо подобной двоице так и подобало... так как оно (т. е. осуждение) было уродливо, и никто не принимал его, чтобы чадородить с ним, то приняла его мать себе в мужа, родили чадо единородное, и назвалось оно *предательством*. Так как и это чадо, подобно отцу своему, было ни к чему не годно, и никто не принимал его, чтобы чадотворить с ним, то опять мать его приняла в мужа себе; они чадотворили, и сотворили чадо единородное, которое называется *злой навет*. И взял он[1] в жены дочь самомнения, называемую *презорством*, родили они чад – мальчика и девочку; сын называется *ненависть*, а дочка – *зависть*; переженились дети между собою и соделали одно непотребнейшее чадо, называемое *убийство*.

Спрашиваю я вас: какая польза от таких всескверных чад? Не суть ли они все дети осуждения, сии всескверные чада?.. Ибо проныры Денницы[2] ловят человека в ловушку, кладя на удочку страшно ядовитую приманку – самомнение, и этим приманивают в ловушку гордости... Мнящий много о себе действием мечтательности своей впадает в ловушку гордости, сплавляется же в плавильню чрез осуждение (т. е. гордость сама по себе не убивает еще человека и легко избавиться от нее человеку смирением, но осуждение, присоединившись к гордости, делает человека братоубийцею, воздвигая на него гнев Божий; вот почему и говорится, что осуждение сплавляет в плавильню).

Как Денница возмечтал о себе нечистой мечтой, вверг оскверненную мысль свою в гордость, извергая в плавильню адскую, и плавится в пламени гееннском, воображая, что он в прохладе и в славе, точно так же в ту же геенну впадает человек чрез осуждение. Ибо человек, если он осуждает, не может спастись никоим образом, так как в чем бы ни осудил он другого, все на его голову возвращается. По гордости своей мнит он о себе, что он – чистый сосуд и потому якобы имеет право осуждать ближнего, не представляет же себе, несчастный человек, что он сам нечист в том, за что осуждает!

Так человек, когда осуждает, имеет в себе и смрадное – зелие предательства, ибо, осуждая, возводит донос предательства (т. е. действием своего осуждения взывает к правде Божией, требуя отмщения грешащему брату), говоря: вот что сделал

---

[1] Т. е. злой навет.

[2] Т. е. бесы.

такой-то; представляет злокозненное доказательство, доказывая, что так было и так есть...[1]

С другой же стороны раздувается зависть и говорит: почему это так и так? зачем делают? Вслед за нею идет презорство к грешащим со стороны осуждающих, помогает зависти и говорит: я не допускаю, чтобы было так и чтобы было этак... Между завистью и презорством становится посредник – злопамятство; сей посредник ходатайствует об убийстве (т.е. ненависти) и, когда содеется убийство, с убийством приходит смерть и по действию сему уносит их (т. е. людей осуждающих) буря мысленная, как говорится: «В тот день погибнут вся помышления его...» (Пс. 145, 4).

Человек и люди, будучи страстными, уловляются в девять страстей; уловляемые ими составляют из себя тот мечтательный престол Денницы, которым он прельщается (т. е. то свое царство, о котором он хвалился пред Господом), воображая, что обладает девятью чинами сил и говоря о себе, что он силен безсильный...

С этою мечтательною силою своего безсилия удалось ему во образе змия принудить с насильем безсилия своего человека на грех... И понуждал он человека и говорил: «Вкусите силу, которую я даю вам, и не бойтесь, что умрете; не умрете, но будете жить соизволением принять силу, которую я даю вам». Жена изъявила согласие и сказала мужу, что снедь сия добрая; принял снедь муж, съел вместе с нею, уловились они чрез это соизволение, тотчас обнажились, и остались наги.

Ныне же, кто может осуждать и сказать: «Я одет, а другой наг?..» Не видишь разве, что вы оба наги; как же осуждаешь другого за то, что он наг?..

Ради этого я говорю вам, что страсть осуждения есть одна сверхъестественная проказа в человеке; человек от нее прокажается в большей степени, нежели от других своих прегрешений, которыми согрешает Богу...

Поэтому, не осуждающие один другого неповинны пред Богом, как говорится: «Не судите, да не судимы будете!..» (Мф. 7, 1).

Ради этого говорю вам: все люди, мужчины и женщины, – одинаково пристрастны к греховному вкушению; какое согрешение имеет один, – имеет его и другой; эта склонность греховная называется *подобострастием*... Если же мы все подобострастны, то как можно, чтобы люди осуждали друг друга? Не во грехе ли родится человек?!

---

[1]Мысль та, что грех осуждения есть нарушение заповеди о любви к ближнему.

Глава XX

Об очищении себя таинством Покаяния

Разве матерь родит человека без кровей? Разве родится человек без греха?.. Ради этого дал нам Христос крещение во спасение, для очищения грязи[1], крови родительских согрешений, но нам надлежит исполнить правду и присовокупить к этому в жертву Богу чистоту сердечную (досл.: мысли), так как с крещением Он даровал нам чистоту сердечную (досл.: мысли) и праведность. (Т. е. нам подобает подвизаться, дабы сохранить неокраденными сокровища, получаемые при крещении, и незагрязненными крещальные одежды).

Но опять же, люди суть человеки; всегда человек будет ошибаться, ибо он несовершен, во всем, что ни делает, погрешает (т. е. не обходится без погрешностей во всяком деле); поэтому, если ошибется человек, пусть сознает свою ошибку, чтобы исправить ее. Но как ее исправить? Благой человек, который сознает свою ошибку, знает и Человека, Который может ее исправить... Но злобнейший человек, у кого дух превратный, не сознает своей ошибки и не знает Человека, Который может ее исправить ему... Он оправдывает себя по безчувствию своему самооправданием своим и говорит о духовнике: «Человек он есть такой же, как и я». Благомыслящий же человек не говорит такового, но говорит: «Одежды сердца моего загрязнились, пойду в купель отдать их, чтобы вымыли».

Когда он идет сим путем, встречается ему человек, который не сознает ошибки своей, и спрашивает его: «Куда идешь?» Другой же отвечает ему и говорит: «В купель иду, дать одежды свои измыть»; говорим: «Помыслы свои, ибо загрязнил я их и не в силах носить их больше на себе». Тот же, услыхав это, смеется, безчувственный, и говорит ему: «Если они и грязные, то ты в купели ли их разгрязнишь? Лучше так их носи, нежели тебе ходить в купель, ибо ныне, вследствие того, какими сделались измывальщики, невозможно давать им никакой одежды в мытье, ибо они ее, вместо того, чтобы вымыть, загрязнят больше». Рассудительный же отвечает неразумному следующее: «Я, любезный брат мой, сколько раз ни отдавал в купель, ни одного разу грязным не получал; отдаю их грязными, а получаю пресветлыми; не знаю, что

[1] Мысль та, что физиологическая нечистота (кровь и грязь), сопровождающая рождение ребенка, суть символ духовной нечистоты, первородного греха.

ты мне говоришь, и не понимаю, как можешь ты мне так отвечать, безчувственный, не чувствующий, что с тобою делается; мне нет дела до того, каковы суть измывальщики ныне, лишь бы мне мои одежды вымывали»...

И удаляются они друг от друга. Идет рассудительный к измывальщику, отдает ему одежды свои, ему моют их, потом он их получает, одевает и всегда ходит сияющий, сияя душою и телом!..

Тот же, который не доверяет купели (т. е. таинству Исповеди) – всегда находится грязным, какую бы опрятность у себя ни держал... Говорим: тот, который не доверяет себя, поведения своего духовнику, бывает смущен и не имеет мира в себе...

Глава XXI

Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю

Кто теперь не сознает зла своего, в час смерти сознает его... Но какая ему будет тогда от этого польза? Тогда сбудутся слова «нет покаяния в аду» (Пс. 6, 6). Теперь покаяние, тогда же – ответ. Теперь радостные дни покаяния, тогда же будет плач погибели... Посему сказано: «Отступите от Меня вси делающие беззаконие... во огнь вечный...» (Пс. 6, 9), который вы сами уготовали себе...

Теперь считаете вы книги Церкви Христовой за болтовню (т. е. не страшитесь того, что писано в них о Страшном суде); тогда же познаете, что они истиннейшие, но только истина там не попользует вас нисколько! Те же, которые теперь признают книги Церкви нашей истиннейшими (т. е. веруют писанному и живут по Писанию), тогда узрят Истину и обретут помощь свою...

Если ныне, слухом слыша о том, что есть на небе блаженство, вы от этого так вспомоществуетесь, тем более, какую помощь получает человек, читая книги церковные, как вспомоществуется он сам? Посему говорится: «Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю» (Пс. 120, 2).

Бог сотворил небо и землю: спрашиваю я вас, для кого же сотворил? Для животных, для птиц, или для человека? Опять вас спрашиваю: если Он сотворил для человека, для кого же распялся Он, Творец и Создатель сей безгрешный, вземляй грех мира? (Т. е. обычно говорите вы, что Бог создал все блага земные для человека, дабы человек наслаждался ими;

в ответ на это святой вопрошает: для кого же распялся Господь, если только для того и создал мир, чтобы люди на земле плотию наслаждались).

Для кого погребся Он Неискусимый, Которого окружили скорби смертельные, Сей Милостивый в милостях и щедротах, «вземляй грех мира?» Все это ради души человеческой претерпел Он, страданиями Своими на земле пополнил исполнение и долг уплатил... Ради искупления людей и избавления их от проклятия, погребся плотию!..

Господня земля и исполнение ее (Пс. 23, 1) – уплатил Бог долг земле и ожидает покаяния человека.

Господня земля и исполнение ее. Уплатил Собезначальный долг на кресте и ждет спасения человека.

Господня земля и исполнение ее. Исполнила Ипостасная Премудрость и Сила, уплатив долг, быв бичеванной у колонны, и ожидает несения скорбей от человека.

Сей, Невместимый Щедродавец, вместился в страдание и оправданием страстей Своих ждет взыскания спасения человеком.

Но следует ли из этого, что так и подобало Ему страдать, чтобы спасти человека? Не подобало Ему страдать ради оправдания страданиями. Если бы я так сказал, что Ему следовало это претерпеть, то оказалось бы, что я нашел некую вину в Боге и оправдываю человека (т. е. нахожу оправдание для грехопадения Адама и, следовательно, виню Бога, что Он создал Адама несовершенным на погибель его)...

Поэтому и суть Его страдания – оправдание для людей. Он безвинно пострадал и оправдал этим человека... Был погребен, сокрушил ад, расторг его праведностию страстей Своих и с оправдательным судом Своим рек: «Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вечная, и внидет Царь Славы» (Пс. 23, 7).

ГЛАВА XXII

Возмите врата князи ваша и возмитеся врата вечная и внидет Царь Славы

«Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вечная, и внидет Царь Славы»... Отвечали Ему князи адские: «Кто есть сей Царь Славы?» И сильнее еще утвердили врата ада, чтобы не вошел Царь Славы и не освободил узников ада Своим оправданием[1].

[1] Данные слова прп. Нила очень близко подходят к следующей стихире

4-2

И приподнял Царь Славы пречистую ногу Свою, надавил ею врата адские, как какой тимпан; сокрушились тотчас врата адские, расточились житницы осужденных, и извлек Царь Славы изнутри осужденных, тех, которые были осуждены ради преступления Адама...

Заутра врата адовы сокрушил еси, и смерти державу упразднил еси, и мертвые, во тьме от века сидящие, совосставил еси... Божественным и славным воскресением Твоим... Яко Царь всех и Бог Всемогущий...[1]

Итак, не с несправедливостию (т. е. не с насилием и произволом власти) пришел Он сокрушить ад и извлечь из него Свое создание, но извел лишь тех, которые вняли призыву Его, – тех извел из житниц пытки, говорим: из муки адской...

Тот же, который не пожелал внять призыву Его, остался внутри ада во веки веков... Так и ныне: кто не вонмет увещаниям Церкви, останется во тьме навсегда, на веки вечные...

ГЛАВА XXIII

Толкование молитвы «Отче наш» в связи с обличением празднословия во время обеда

О, несчастные нынешние люди! Не довольно с вас того, что пути вашего покаяния оскверняете вы хождением вашим (т. е. живете нераскаянно), но еще охуждаете других в кругу трапезы?.. Едите хлеб насущный с празднословием осуждения и осуждаете должников ваших по делам их, какими они должны вам. Ибо так делают ныне люди среди круга трапезного; едя и пия, они многословят с празднословием осуждения своего, осуждая все, что только попадется злобе их.

Не на пользу ли души должают перед вами люди, делая нечто злое[2] вам, как вы и сами о том просили прежде, чем

воскресной на «Господи воззвах», глас 5-й «Воскресение даяй роду человеческому, яко овча на заколение ведеся. Устрашишася сего князи адстии, и взяшася врата плачевная, вниде бо Царь славы Христос, глаголя сущим во узах: изыдите; и сущим во тьме: открыйтеся».

[1] Ср.: Кондак воскресный на «Бог Господь», глас 5-й: «Ко аду, Спасе Мой, сошел еси и врата сокрушивый, яко Всесилен, умерших, яко Создатель, совоскресил еси, и смерти жало сокрушил еси и Адам от клятвы избавлен бысть Человеколюбче, тем же вси зовем: Спаси нас, Господи».

[2] Т. е. обиды и оскорбления от ближних следует терпеть с кротостью, ибо все это полезно для души, как путь к смирению.

сесть за трапезу, и говорили: «Отче наш! Иже еси на небесех, да святится Имя Твое... и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...»

Говорим: «Отче Небесный», потому что, создав нас, Ты снизошел к естеству человеческому, послал Единородного Твоего Сына и Слово, Который воплотился от Духа Святаго, вочеловечился, прияв естество человеческое, по естеству став человек и путевождь спасения людей. Ради спасения нашего воплотился Сын и Слово Божие. Быв неосязаемым, сделался и стал осязаемым, пребыл тем, чем был – Единородный Сын и Истинный Сущий Бог, удержав два естества – Божеское и человеческое... Всесильный, превысший над всем созданием, поставил Он нас над всеми в творении Своем. Мы же заповеди Того, Который поставил нас владыками в создании Своем, преступили; и изгнало нас грехопадение из того, что мы преступили, изверглись мы из благодати Святаго Духа (т. е. обнажились от благодати) и не в силах сами собою облещись в нее, в благодать Святаго Духа... Научи же нас оправданиям Твоим, спасению нашему, да познаем Создателя нашего, сотворшего небо и землю... Ты человека положил владыкою над всем, и завладело естество человеческое горами, холмами; древами плодоносными, всеми кедрами и прочее. Ты насадил рай на востоке, поселил в нем человека, которого создал, и поставил властителем над созданием Твоим. Но человек не соблюл завета Твоего, который Ты завещал ему: не ешь от запрещенного древа, чтобы не умереть. Человек преслушался, вкусил от плода преслушания и смертию смерти умер...

Преслушание низвергло человека, и опять послушание человека – ввело его. Говорим: диавол победил нашего праотца древом преслушания (имевшим на себе плод познания), – так и Второй Адам, Сын и Слово Божие, Владыка наш Иисус Христос, Древом Крестным победил диавола и ввел праотца Адама в рай. И завладело человеческое естество (т. е. вновь воцарилась над созданием всяческих, соединилась с зиждительною всех Божиею Мудростию Силою, как говорится: «Содетельная и Содержительная всех Божия Мудросте и Сило! Непреклонну, недвижиму Церковь утвердили, Христе, Един бо еси Свят, во Святых почиваяй» – *Ирмосы Успению Пресвятой Богородицы, песнь 3.*

Святит и святится тот, кто пьет чашу, которую пил Сын и Слово Божие; только такой и свят (т. е. святит Имя Отчее) по благодати Святаго Духа. Говорим: тот есть во благодати, кто хранит заповеди Божии непоколебимо и пьет Христову чашу, таковой получает благодать Святаго Духа и святит Имя Божие. Да, пил Христос ее, но как пил? Не так, как

воду (т. е. не была сладка вода сей чаши), но Христос напоен был, как горькою водою из горчицы, волею испив сию горькую и спасительную воду... Что же значит пить горчичную воду? Пить горчичную воду, – значит сносить презрение, которое Он претерпел волею, гонение, поругание, голод, жажду, ударения, темницу, бичевания, обиды, уничижения, послушание, пост, молитву, заушения от раба, обнажение риз, когда обнажили Его и о одежде Его метали жребий. Все сие Он терпел до смерти, смерти же крестной... Сия есть чаша, которую пил Сын и Слово Божие... Тот, кто пьет сию чашу безропотно, терпит скорби с благодарностию, – тот есть во благодати почивающий (иначе сказать, в нем, как во Святом, благодатно почивает и упокоевается Христос).

Зиждитель Бог заповедал Адаму, глаголя: «От всякого древа еже в раи, снедию снеси, от древа же еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него, в оньже аще день снесте от него смертию умрете». Да, умерли люди древом преслушания... Сын же и Слово Божие воскресил их древом[1] креста; крещением истины оживотворилось естество человеческое. Сам Христос сделался для нас Путевождь спасения, открывший нам три соприсносущных Лица – Истинного Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, едино божество, едину силу.

Много благотворит Всеблагий Бог душе человека, но люди унизительными деяниями оскверняют свои несчастные души; чего не сделал Всеблагий Бог (для спасения человека) – Бог воплотился ради человека; Бог заушен был ради человека; Бог бичеван был ради человека; Бог поруган был ради человека, Бог распялся ради человека, погребен был ради человека и Бог воскрес ради человека... Не только воскрес Сам, но и человека воскресил крещением Истины от мертвости греховной, да прославится всесвятое Имя Его... И ниспослав Духа Истины, в соединение вся призвал...

Да, воля Твоя Святая, Царю Небесный, яко послал нам Духа Истины – Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Податель. Посему, как послал Ты нам безмерную милость Твою, милосердия Твоего ради пошли нам и хлеб насущный, да прославим Имя Твое во веки веков... Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя!..

Мы просим Бога: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша»...

Сие слово имеет два значения – хлеба Небесного и хлеба земного.

---

[1]Христос Спаситель голгофским древом, древом послушания уничтожил прародительский грех эдемского древа – «древа преслушания, запрещение разрешил еси, Спасе, на древе крестнем волею пригвоздився» – *Воскресная стихира «Господи Воззвах»; глас 4.*

Глава XXIV

О происхождении «хлеба насущного». Что означает это слово?

Прошение это имеет два значения – Хлеба Небесного и хлеба земного.

Первое – хлеб земной, есть сие:

Когда создал Бог небо и землю, стали произрастать из земли различные растения; наконец, появились различные зерна. Когда за преступление заповеди Божией Адам был изгнан (из рая) и утратил неисследимое богатство благ и красоты, которыми украсил Бог (человека и рай), даровав человеку безвестная и тайная Премудрости «еже око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша» – тогда обнищал несчастный Адам и лишился создания Премудрости (т. е. рая, насажденного руками Божиими)... Кто (говорит, что) любит Бога, заповедей же Его не хранит, лжец есть и разбойник, ибо Бог любим бывает в заповедях Своих. Да, ты любишь Бога (как говоришь), но заповедей Его не соблюдаешь; какая же (тебе) польза от такой любви к Богу? Любил Адам Бога, но когда не соблюл заповеди Его, то потерял и любовь, которую имел к Богу. Преслушание изгнало Адама из рая, сего недомыслимого наздания Божественной Премудрости... Итак, когда своею непокорностию Адам сам лишил себя тех благ, созданных Божией Премудростию, то чрез сие обнищал бедственно, познал наготу, потом и алчбу; ощутив голод, собрал он те семена, поел их и укрепилось сердце его. Сначала Адам вкушал хлеб зернами, а потом делал мукой и, оросив слезами своими, ел, но это стал делать после рождения Каина. Пока же не родил Каина, ел рожь, орошенную слезами. Когда же родил Каина, тогда стал раздроблять рожь и есть ее. Но как омокал он ее и ел? Омокал ее слезами своими!..[1]

Горько плакал Адам, взирая на блага рая (в то время, когда раздроблял зерна и делал из них муку); смесив слезы с мукою, делал тесто, как грязь, и так ел его; говорим: руками замесив его, воспоминал брение, из которого создал его Бог, тяжко воздыхал, и со стенанием ел закваску сию.

Каин, зачавшись вслед за преступлением (досл.: с преступлением) Адама, получил и вещество преступления Адамова

[1] Мысль прп. Нила та, что за трапезой инок должен сокрушаться о грехах своих, а не празднословить и, тем более, не осуждать других.

(т. е. семя, зараженное духом гордыни, неверия, непокорства и богохульства; вот почему и сам он (впоследствии) презрел (в жертве своей Бога), как презрел Бога Адам; когда Бог сказал Каину: отступи от такой жертвы, – Каин не послушал того, что сказал ему Бог, но презрел слово Божие. Подобно тому, как Адам презрел заповедь Божию, так презрел и Каин (слово Бога) и за непослушание Каина сделалась жертва его мерзостию перед Богом... Авель же зачался с покаянием и со слезами Адама; вследствие чего и беседовал Бог с Авелем (т. е. Авель получил от зачатия семя, облагоуханное духом смирения и сокрушения сердечного, а посему вырос смиренный, кроткий сердцем, и осуществимо стало для Авеля богообщение).

Да, собеседовал Бог с Авелем, Авель слов Божиих не презрел, и то, что повелел ему Бог, (исполнил)... Так покаяние делает человека (способным) познавать Благодетеля своего; преслушание же препятствует сему, как было и у Каина, преслушавшего слово Божие и не познавшего Благодетеля своего... Авель же с готовностию сотворил по глаголу Божиему, познав Благодетеля своего; и не только познал Его, но и угодил Ему своею жертвою правды, возношением и всесожигаемым, как говорится: «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Авель зачался тогда, когда каялся Адам, когда сердце у Адама стало сокрушенным, дух – смиренным; в сокрушении кающейся души, во смирении сердечном зачал Адам Авеля... и Бог не презрел Авеля, но принял его жертву «в воню благоухания». Сокрушение души Адама и смирение сердца его было (т. е. соделало) сие...

ГЛАВА XXV

«Хлеб наш насущный» – испрошение Хлеба Небесного

Во-вторых, это есть Хлеб Небесный (которого просим у Бога в молитве «Отче наш»), тот Хлеб, который именуется «Хлебом Животным» (Ин. 6, 51). В молитве сначала просим Хлеба Небесного и земного, а вслед за этим говорим: «Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Сие прошение показывает, что Бог не отпустит грехов наших, если мы сперва не отпустим врагам нашим прегрешений их; посему сказано: «Аще ли же не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших» (Мк. 11, 26). Если мы не будем отпус-

кать врагам нашим все, в чем бы они ни погрешили в отношении к нам, то и Бог никогда не отпустит нам грехов наших. За сколько дней и седмиц враг наш однажды согрешил пред нами[1]; это согрешение произошло по нашей собственной вине, а мы не в силах отпустить? Насколько же больше согрешаем мы пред Богом на всяк час, на всякую минуту, прося отпустить нам прегрешения, которыми прегрешили пред Богом? Как же будем просить у Бога прощения, если сами вперед не отпустим врагам нашим? Никогда не отпустит Бог прегрешений человеку, если не отпустит человек (долга) врагу своему. Если же отпускает человек врагу своему и соблюдает заповеди Божии, то да взыскует от Бога Хлеба Жизни (т. е. св. Причастие). Если же не отпускает своему врагу, то и да не взыскует, и да не глаголет просительно: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Да, даст тебе Бог Хлеб насущный (по молитве твоей), но когда даст Он его тебе (святой здесь говорит о св. Тайнах и о достойном приобщении их). Если ты отпускаешь противнику твоему, (тогда) ешь Хлеб Жизни, дабы оживотворилась душа твоя, так как и ты любовию твоею живешь (т. е. живым оставляешь, не казнишь за долг) врага твоего, – пусть же за это и твоя душа живится в Хлебе Животном (т. е. во Христе). Если же не отпустишь врагу твоему, то и твоя душа не оживотворится Хлебом Жизни. Не говорим – хлебом пищным (потому, что Бог не лишает пищи грешников), но говорим о Хлебе Жизни. Хлеб Жизни есть тот, который так наименовал Иисус Христос Всесвятыми устами Своими, сказав: «Аз есм Хлеб Животный, сшедый с небесе» (Ин. 6, 51). И потом на самом деле (подлинным образом) сие удостоверил, когда, прияв хлеб и чашу с вином в Свои непорочные руки, сказал: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Посем, держа чашу в непорочных руках Своих, сказал: «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов». Это и есть Хлеб Жизни, который оживляет человека душевно и телесно, как говорится: «Хлеб живота вечнующаго» – *Канон ко св. Причащению.*

Да, воистину жив будет тот, который с чистым сердцем ест Хлеб Жизни, – он жить будет с радостию там, «идеже праведнии упокоются»; но тот, который ест Хлеб Жизни со злым, нечистым сердцем, не оживится. И как могут, т.е. как дерзают таковые (т. е. в злобе сердца), есть Хлеб Жизни,

---

[1]Мысль та, что не должно быть злопамятным и что при оскорблениях от других надобно принимать вину на себя.

чтобы жить вечно?! Они едят, т. е. причащаются невозбранно, несмотря на недостоинство свое; хотя и вкушают таковые Хлеб Жизни, но не оживают.., смертию умрут!.. Но не только ядущие недостойно Хлеб Жизни смертию умрут, но и ядущие недостойно хлеб пищный (телесный) лишаются спасения своего... Итак, если ядущий недостойно хлеб пищный утрачивает спасение свое, то тем паче не будет жить, но смертию умрет тот, который Хлеб Животный, дающий жизнь вечную, ест недостойно?..

Осквернение недостойного человека, проистекающее от злых дел, есть плод зла и происходит от следующих подразделяющих (причин): а) любовь к земному, т. е. к земным благам и земным наслаждениям; б) ненависть; в) неправедность; г) убийство, т. е. и осуждение; д) зависть; ж) зависторвение[1]; з) сребролюбие, еже есть корень зла (Тим. 6, 10). Тот, кто ест Хлеб Животный, возделывая путь таковой (греховный), – смертию умрет.

В особенности же, у кого соблюдается злато в росте, тот да не вкушает Хлеба Жизни, а если вкусит – смертию умрет. Если же от всего сердца покается, то да вкушает Хлеб Жизни с чистотою сердечною. Он будет жить вовеки там, идеже праведнии упокояются; посему говорится: «Ты еси Хлеб Животный, источник святыни, податель благих...» – *Молитва по св. Причащению.*

Сей Хлеб Жизни, только при чистом расположении[2] сердца живит душу.

Хлеб пищный (телесный) живит тело. Но когда живит? Живит при молчании за столом; да памятует (человек, вкушая пищу), как сделался он пищным и пришел на трапезу, т. е. да памятует человек – падение Адама, лишение райских благ, покаяние Адамово и прочее последование истории бытия человеческого... Да, рождает хлеб земля, т. е. сама собой растит зерно, но какой труд и утеснение принял Адам, пока не устроил его (зерно) себе и не установил хлебом?.. Т. е. сколько слез он пролил, когда до рождения Каина питался одними зернами, омоченными слезами, а потом до рождения Авеля сырою мукою, замешанною на слезах.

Ныне же, получая его (хлеб пищный) готовым, вместо благодарности (воздают Богу) неблагодарность, вместо возношения (хвалы) – навет, т. е. осуждение ближнего. Неблагодарность же людей заключается в том, что, когда они восседают за столом и едят, то не молчат, но многословят с осудительным

---

[1]Зложелательство.

[2]Все христиане, тем более священнослужители, тем более священнослужители иноки, должны усердно алкать и жаждать возможно частого приобщения св. Таин.

празднословием... Сели и едят, чтобы оживить тело свое, но сидя и едя с осудительным многословием и осуждая с празднословием, умерщвляют несчастную душу свою... И не только умерщвляют они душу свою, но и смертию умрут...

Глава XXVI

Ублажение молчания, и о том, сколь мерзко благодарение (молитвенное) после многословной трапезы

Зачем осуждаешь другого, несчастный человече? Тебя ли только облек Бог во спасение, а другого облек только в погибель? Нет, ни тебя не облек в одно только спасение, ни другого только в погибель, но вас обоих облек в ризы кожаные[1], как говорится: «И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаные и облече их. И рече Бог: се Адам бысть, яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое; и ныне, да не когда прострет руку свою, и возмет от древа жизни, и снест и жив будет во веки» (Быт. 3, 21-22). Говорим: приложи руку твою к устам твоим, приими молчание жизни[2], вкушай его, и жива будет душа твоя. Молчание есть как бы некая пища для души человека. Молчание есть как бы некий свет, ибо путеводит человека ко спасению. Молчание за столом делает то, что человек встает сытым от стола (хотя бы ел немного); многословие же за столом делает то, что человек встает от стола голодным и ввергается в бездну тайноядения. Молчание за столом располагает человека к воссыланию благодарственного возношения Богу.

Вот какое возношение (молитвенное) молчания, т. е. после трапезы без многословия, и возношение по многословии, т.е. после трапезы с многословием. Воссылает человек возношение Богу (перед едой), просит, чтобы настал мир посреди трапезного круга, чтобы избавиться от беседы соблазнительной; как говорится: «Но избави нас от лукаваго». Призывает так (молитвою) на каждый день мир Господень. Ей, приходит призываемый человеком мир, дабы сохранить его от лукавого. Бог по молитве его посылает ангела на среду круга трапезного. Почему же ты не хранишь себя от многословия на трапезе, но еще многословишь с осудительным празднословием, прогневляя хра-

---

[1]Мысль о всеобщей греховности людей.

[2]Выражением «молчание жизни» прп. Нил указывает, как важен подвиг молчания для духовного преуспеяния подвижника.

нителя (ангела) твоего, охраняющего едение твое от всякого осквернения, и своим празднословием осудительным сам оскверняешь себя? Вместо того, чтобы в мире возносить возношение мира Господу, ты этим осудительным празднословием прогневляешь хранителя твоего, не встречаешь его с благодарностию, провожаешь не с благодарственным возношением, а с недовольством; вместо чести, провожаешь его с безчестием, вместо возношения – со сквернословием, ибо многословие сквернит глаголание речи человека, осудительное же празднословие всеоскверняет его.

Глава XXVII

Извещение одному преподобному о том, сколь греховно осуждение пред Богом

Когда встают со стола (после трапезы, за которою осуждали) и воссылают возношение, то это возношение восходит как мерзость пред Богом. Спрашиваю я вас, отчего молитва ваша делается мерзостию пред Богом? Делается – ради празднословия. Через осудительное празднословие оскверняется благодарение (молитвенное) трапезовавших людей, становясь как серный дым пред Богом...

Некий преподобный просил и молил Бога сжалиться над осуждающими. Раз, два, три и четыре раза воссылал он моление о сем к Богу. Бог, видя такую молитву, ежедневно воссылаемую ему (преподобным), удостоверяет его следующим чудесным образом в том, что возношение наветников[1] есть мерзость пред Богом. Посылает Бог ангела собрать на одно блюдо (изображения) всего того, что происходит от возделывания наветниками зла своего. Собрал все это (ангел) и, держа все в руках своих, принял образ человека, делая вид, что (хочет) пронести сие мимо преподобного. Преподобный же, когда ангел приблизился, отвернул от него лицо свое. Ангел сказал: «Отчего, авва, отворачиваешь ты лицо твое?» Говорит преподобный: «Не в силах выносить я сего смрада и зловония». Говорит ангел: «Ты и на малое мгновение не в силах вынести такого зловония, как же (просишь), чтобы Бог ежедневно выносил его пред Лицом Своим? Т. е. не отвращал бы Лица Своего от мерзких молитв осуждающих и от душ их? Уже одно долготерпение Бога, с которым Он дол-

[1]Т. е. осуждающих ближнего своего.

готерпит подобному зловонию, есть великое милосердие Божие...».

Ради этого и говорю я вам: благодарение (молитвенное) осудителей есть мерзость пред Богом... Осудительное многословие делает человека недостойным неба и земли. Молчание делает человека досточтимым. Многословие доводит до того, что человек становится отвратительным... Это проклятое многословие производит сквернословие; сквернословие же предает человека блуду; блуд развивает пристрастие к брату (мужестрастие); пристрастие же к брату растлевает молитву в человеке.

Глава XXVIII

Пророческая характеристика людей пред концом века

Ради этого говорю вам... Если пройдет седьмое число лет и пяти восходящим к полпути восьмого, там на половине числа пятого (или пятерки), следовательно, какое смущение произойдет от четвертого до пятого (т.е. по прошествии 7 400 лет от сотворения мира, то между четвертым и пятым столетием, от четвертого столетия до пятого, или, так сказать, в течение двадцатого прошлого века). Какое сделается тогда хищение! Какое мужестрастие, прелюбодейство, кровосмешение, распутство будет тогда? До какого упадка снизойдут тогда люди, до какого растления блудом? Тогда будет смущение с великим любопрением (т.е. революции и борьба партий), будут непрестанно препираться и не обрящут ни начала, ни конца[1]. Потом соберется восьмой собор, чтобы разобрать спор, и явить (досл.: сотворить) благое благим и злое злым... Земледелец отделяет пшеницу от мякины. Пшеница – для человека, мякина же – для скота. Говорим: будут отлучены, отделены добрые от злых, т. е. правоверующие от еретиков, и на некоторое малое время мирствовать будут люди. (Об этом говорится и в Византийских пророчествах). Но потом снова превратят расположение (благое) свое, обратятся ко злу злою погибелию погибающих, так что не будут распознавать, что есть брат и что сестра, что отец с матерью, и что мать с сыном ее, не будут признавать и брачного венца. Будут иметь только одну погибель, одно общее падение в погибель, как Содом и Гоморра, т. е. и пяти праведников не найдется... И будет брат иметь сестру, как жену, мать иметь сына, как мужа, будет умерщвлять

[1] Т. е. не добьются никакого толку.

сын отца и прелюбодействовать с материю; и иные тьмы зол войдут в обычай[1]. Поскольку же станут к людям прививаться злые дела, постольку будут находить на них и бедствия.

Нынешний золотой будет тогда ходить, как теперешняя фола (меньше полушки). Люди же, чем больше будет на них находить бедствий, тем больше будут возделывать зла, т. е. вместо того, чтобы каяться, будут озлобляться на Бога. Злодеяния же, которые будут творить люди, превзойдут злодеяния современных потопу людей. У всех будет разговор только о зле, намерения только злые, соизволение злое, сотоварищество только на зло, деяния у всех только злые, всеобщее злое хищение, всеобщее злое притеснение, всеобщее злое обособление; всеобщее злое разъединение. При всем этом будут думать, что и делатель зла спасается.

Тогда будут иметь злато сокровиществованное, т. е. будут обладать капиталами и говорить, что не имеют (т. е. жаловаться, что им не хватает)[2]. Тогда будут иметь злато в росте, будут возращать рост на рост; будут просить милостыни, чтобы живопитаться, будут плакать, что нечего есть. Цель же (главная) у них будет – собрание капитала (сокровища), дабы стяжать больше имущества; поскольку будет умножаться корыстолюбие, постольку будут умножаться и бедствия в миру[3]. Тогда жадные обманщики будут ходить нагими, чтобы собрать злата для отдачи в рост...

Пророчество об умножении нищеты, преследовании бедняков-крестьян, переселениях их и хлебной монополии пред наступлением времени рождения антихриста

Нищих станут притеснять ради областных[4] расходов. Нищие же, не будучи в состоянии уделять из части своей на расходы (требуемые, областные), будут уходить со своих мест и переселяться на другие, чтобы там упокоиться и умириться, но и там будут находить то же самое и даже в два раза хуже. Тогда, не будучи больше в силах переселяться на другое место, пойдут на могилы и

[1]Социалисты уже и теперь проповедуют всеобщий половой разврат.

[2]И теперь, в большинстве случаев, сколько бы денег не было у человека, ему кажется мало, и он стремится к большему.

[3]Катастрофы в культурных городах, напр., землетрясение в Нью-Йорке (1906 г.), наводнение в Париже (1910 г.) и т. п.

[4]Очевидно, здесь разумеется социалистическое стремление — отнять частную собственность у всех, даже бедняков. Описываемые бедствия возможны лишь при усилении нелепых социалистических идей.

скажут: «Подберите и нас; довольно покоились вы, дайте и нам мало-мало почить, пока не пробудит нас праведный Суд». Еще многое иное будут говорить на могилах мертвых и взыдут стенания убогих, яко фимиам пред Бога. Видя таковые стенания, Бог подаст благополучие для всего мира (урожай), и бедняки, увидав такое благополучие, с великою радостию будут славить Бога за урожай; когда же соберутся плоды на гумно, придет на гумно любостяжатель, снесет зерно в свои житницы, и даст повеление, чтобы тот, кто требует пшеницы, ходил бы к нему, любостяжателю, и получал, кто сколько хочет. Тогда беднота станет ходить за хлебом к любостяжателю, т. е. свой же хлеб будут покупать крестьяне у монополии и покупать пшеницу. Любостяжатель же будет потом брать за пшеницу двойную цену против ее прежней прошлогодней цены; беднота, увидав, что любостяжатель и благословение Божие превратил в дороговизну, возропщет на Бога, – все, малые и великие, говорим: бедные и богатые, – причем, богатые еще больше возропщут, чем бедные, ибо беднота чужда любостяжания: и, чего она имеет два, то одно отдает за душу, т.е. повинность, другое удерживает себе; если же имеет один, и его отдает поневоле; если же ни одного не имеет, и за это славит Бога. Лихоимец же вообразит, что у бедняка якобы имеется имущество, и станет притеснять бедного, чтобы последнее отнять у него. Будет изыскивать для сего всякий повод, самомалейший, будет притеснять его. Ей, будет притеснять, но как? По суду будет отбирать от него все, что тот имеет; если же ничего иметь не будет, то притеснит его темницею, где станет томить бедняка за то, что ему нечего дать, чтобы освободиться. Лихоимец будет приходить в темницу и истязать бедняка, чтобы получить от него дары под тем предлогом, что взыскивает их на местные расходы; цель же его – получить свой рост на злато, которое он отдал[1] в рост на местные расходы; поэтому и старается он, чтобы оно преизбыточествовало. А откуда ему преизбыточествовать? Умножить доход свой лихоимец хочет с бедноты. Ей, будет умножать доход свой с бедноты, но у бедняков нет того, чтобы дать ему, чего он ищет... Убогому нечего есть, а он, богатый, еще отобрать нечто старается... Дивится сему убогий и недоумевает, что отдать лихоимцу? Дивится и лихоимец, недоумевая, что взять с бедняка? Если же так оставить, то потерпит убыток, т. е. злато, отданное в рост, роста не даст. Однако, хотя и жаждет отнять что-либо от убогого, но тому давать нечего...

---

[1]Под «лихоимцами» надо разуметь скорее всего еврейских банкиров-капиталистов, которые сетями капитала опутали почти всю Западную Европу.

Видит лихоимец богача, что ходит он в рваной одежде, т. е. того, который дал свой капитал в рост для местных расходов и по бедности крестьян дохода не получил, и бедняка, т. е. крестьянина, ходящего в чистой одежде, и будет жалеть лихоимец богача, бедняка же не будет сожалеть, так как у него одежды чистые; не понимает лихоимец того, что чистые одежды убогого суть подобие чистого его сердца, ибо у него нет никакой хитрости лукавства в сердце, чтобы лукавить и притворяться, что не имеет (что одеть). Но богач имеет... и сделал своим лукавством (т. е. сетованием в удержании своего золота) сердце свое изодранным, как и одежда его. Таковым было и будет сердце богатого; сердце же бедняка есть и будет блистающее. Но у какого бедняка сердце будет блистающим? У того, который терпелив и который будет терпеть лихоимцу, т. е. не озлобляться на его несправедливые притеснения. Блажен тот, который будет терпеть лихоимцу все то, что тот будет ему делать, ибо в час Суда, пред страшным судилищем будет он признан за брата Страшным Судией, который скажет: «Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших Мне сотвористе». Видишь, слышишь: за кого признает бедняков на судилище страшном? Говорит: «Сих братий Моих меньших?» (Мф. 25, 40).

Глава XXIX

Обличение любостяжателей и воззвание к беднякам

О любостяжатель! Разбойническая твоя душа. Доколе будешь ты мучить бедняка?.. Некогда услышишь ты страшное изречение, которое будет сказано тебе: «Идите от Мене проклятии во огнь вечный». Ей, уготовляешь ты сам его себе: но (знаешь ли), какими путями ты его себе готовишь, скажи мне? Ты не знаешь, посему послушай и посмотри на дела, какими уготовляешь его себе.

Уготовление (себе огня вечного) – есть[1] попечение, забота и сокровиществование. Готовишь себе (огнь) тем, что только печешься о земных, готовишь себе (огнь) тем, что только заботишься о веществах мира. Готовишь себе (огнь) тем, что только (и делаешь), что сокровиществуешь земные металлы в свою сокровищницу. Ей, готовишь себе (огнь) тем, что собрал сокровища и сокровиществуешь. Но что же за сокро-

[1]Разумеются попечения, заглушающие ростки высших духовных стремлений.

вище ты собрал и что сокровиществуешь? Накопил ты и накопляешь: зависть, злое умышление, злопамятство, вражду. Ей, стяжал ты сокровище, но что стяжал? Стяжал и стяжеваешь: сребролюбие, лихоимство, вымогание роста с нищих. Ей, приобрел ты сокровище, но что приобрел? Приобрел ты блуд, прелюбодейство, мужестрастие, малакию, мужеложство мужеложника. Ей, стяжал ты: расточительное чревоугодие, ненасытное хищение и распутное пьянство. Ей, притяжал ты: тщеславящуюся гордость с кичливым твоим самолюбием и надменностию. Да, стяжал ты нерадивую леность своей безпечности с рассеянною безнадежностию малодушия, с безбожным своим забвением. Да, собрал ты сокровище, но что ты собрал? Собрал: жестокость, малодушие, хулу, гнев, которым озлоблялся против бедных. Ей, накопил ты сокровище, но какое накопил? Накопил: многословие, злословие, осуждение, которым судишь ты, что такой-то худой, такой-то презренный, а сам ты будто бы лучше всех...

Так-то, тогда (в те времена пред антихристом) будут все много думать о себе, промеж себя будут все друг друга осуждать... Будет лихоимец осуждать бедноту и говорить: «Есть у бедняка (деньги)»; за то, что бедняк не будет уплачивать годичного своего, начнет лихоимец сажать бедняков в темницу и истязать, будет обдирать их, пока не возьмет у них сребро и злато, дабы собирать рост на деньги свои. Бедные же, увидав, что лихоимец истязает их, начнут также сами скоплять и припасать сребро и злато про запас ради лихоимца. Соберет деньги беднота ради лихоимца, но при собрании бедняк и сам прельстится (стяжанием), начнет накоплять для самого себя; собрав с избытком, захочет еще удвоить избытки свои, а когда успеет в сем, то эти двойные избытки захочет сделать учетверенными избытками; и вот, умедлив в сем достижении учетверения, почил он, уснул, и очнулся в аду, тело же его погребли по обычаю страны. Смотрят лихоимцы, что у бедняка оказались двойные сбережения, сейчас же онеправдовали его, т. е. оправдывают свое лихоимание и вымогательство, говоря: «Видишь бедного, который плакал и говорил, что у него ничего нет, мы пожалели его; смотри, какие у него оказались двойные сбережения». Когда они так говорили, почил другой бедняк, когда и этого похоронили, то нашлись у него четверные сбережения. Лихоимец же, опять увидав, что у другого бедняка оказались четверные сбережения, снова начинает оправдываться и говорит: «Какая теперь может быть жалость к бедным? Стоит ли кто-либо, чтобы его сожалеть?»

О, несчастный лихоимец, чем бедняк виноват был перед тобою, что ты с насилием вымогал от него и не было у него

что дать тебе? Ты не смотрел на то, что у него ничего нет, но с насилием притеснял его... Видел, что ему нечего тебе дать, и поэтому еще больше насиловал его, чтобы взять с него сребро и злато, добыть рост, взяв рост на злато (свое, отданное в рост на местные расходы), ибо, если не станешь насиловать бедняка, не в силах будешь получить рост на злато. Ради этого ты и насиловал бедноту, чтобы взять злато и получить рост на рост. Беднота же, увидав, какой ты злобный, стала стараться и стараются собирать, дабы уплачивать тебе. Когда же бедняки, скопляя деньги, накопили излишек, то этот излишек, который они накопили, был по вине твоей, потому что ты насилуешь бедняка, а когда ему нечего дать, истязуешь темницею.

Видя твое зверство, беднота начала забывать Христа ради стяжания злата. Так забывают бедняки мало-помалу Христа и стяжевают злато. Из-за тебя, лихоимец, чтобы не попасть в темницу, бедняк преумножает (злато), собирая его, умедляет в сем собирании, засыпает и, заснув, открывает очи свои в аду; ты же, видя, что у неимущего остались сбережения, осуждаешь его и бедноту (всю) в том, что находятся у них сбережения? За то, что ты так уничижаешь бедняка пред другими, тем более, что сам причинен тому (в чем он виноват), уничижит и тебя за это Судия Праведный на Суде Своем и скажет тебе: «Понеже не сотвористе единому из сих братий Моих меньших... ни Мне сотвористе».

Ты же, бедняк, зачем взялся за такую душепагубу, т. е. многостяжание и копление денег? В нестяжании провел ты всю жизнь твою и Бог не давал тебе погибнуть: ныне же, при виде насилия лихоимца, пленился любостяжанием, стал парой лихоимцу, получил часть лихоимца, и опроказил душу свою, как Гиезий? Всю жизнь просветлял ты душу свою нестяжанием, и чуть-чуть накинулся лихоимец, испугался его принуждения и получил часть его, стал лихоимствовать вместе с ним? Поэтому и сделался равен ему. Любостяжание – путевождь погибели. Нестяжание – путевождь спасения. Начал любостяжать – и спасение свое потерял. Вот почему спасению человеческому (грозит) погибельная опасность от любостяжания. Это, проклятое любостяжание, именно и внесет несчастие в мир, истребит благополучие мира. Говорим: забудете мир, что такое благополучие, господствовать всюду будет злополучие. Сие, проклятое, любостяжание установит и установило разногласие в миру... В особенности же (гибельно и угрожает) любостяжание монашеской жизни, где столь преуспело сие проклятое любостяжание со своим разногласием, что угрожает погубить и самую монашескую жизнь. И почти

погибла благословенная монашеская жизнь! И не только монашеская жизнь расстроилась, но и почти весь мир расстроился от этого проклятого любостяжания.

Глава XXX

Корень зла — любостяжание, сиречь сребролюбие. Сребролюбие есть дух антихриста

Любостяжание есть предтеча антихриста. Пророки, т. е. Дух Святый в пророках, пророчествовали домостроительство воплощения Божия, т. е. глашали об истине миру, а любостяжание внесло в мир ложь. Пророки возвещали нам путь спасения, лихоимцы же возвещали путь погибели; как чрез апостолов воссияло нам спасение и благодать Всесвятаго Духа, так многопопечение мира сего будет помрачать спасение человека; погибельная же многозаботливость вовлечет людей на путь беззакония, на путь ложью лгущих, неправедным хищением обижающих и лживою душою своею сокровиществующих сокровища.

Ей, соберут стяжатели сокровища, но какие сокровища соберут? Сокровиществуют ложь лживым нравом своим. Отвергли же и отвергают истину от чувств[1] своих; проникает и проникла ложь в чувства их. Стало чувство их безчувственным к истине; они не будут ощущать, что истинно, ощущать же будут одно ложное, лжи будут покоряться; истины же слушать не станут.

Но известно ли вам, что такое истина и что такое ложь?

Истина есть домостроительство воплощения Господа нашего Иисуса Христа, т. е. Христос; ложь же — домостроительство воплощения погибели. Т. е. все то, что домостроительно и промыслительно подготовляло и подготовляет людей к вере и следованию за Господом, есть, была и будет истина; наоборот, все, что подготовляет людей к отвержению закона Божия и Спасителя их, есть ложь; эта ложь домостроительно подготовляет пришествие антихриста и принятие его родом человеческим. Ложь приведет к воплощению погибели, когда наступит великое бедствие для всего мира; как речь пророков была предвозвещением того, что наступит домостроительное вопло-

[1]По ходу речи ясно видно, что «чувство» здесь употреблено в смысле чувства внутреннего, духовного зрения, способа, которым приобретаем высшее познание. Ср.: Притч. 1, 7 — по славянскому переводу: «Благочестие в Бога начало чувства», в русском переводе: «Благоговение к Богу начало разумения».

щение спасения, так точно усиливающиеся мирские попечения предзнаменуют близкое воплощение домостроительства погибели в мире, т. е. нарождение антихриста, который всецело будет сосуд диавольский, будет воплощенною пагубою. Как Предтеча проповедовал крещение Истиною и этим обращал людей на путь спасения, так (наоборот) многозаботливость будет помрачать чувства человека, чтобы сделать человека нечувственным ко спасению своему, чтобы он от множества плотских забот не мог ощущать спасения, т. е. люди не будут ощущать ни желания вечной будущей жизни, ни страха вечного осуждения (что и ныне явно в обезверившихся интеллигентах).

Ей, пребудет спасение и не отымется от мира, т. е. возможность спастись и спасающиеся пребудут до конца мира. Ей, и тогда будет спасение, но для кого оно будет? Для тех, которые не будут покоряться делам антитипа (т. е. предтечи антихристова или духа любостяжания). Проявление же антитипа, т. е. проявление духа антихристова в миру, есть сие: забота мира сего, сокровиществование металлов земных, забота о сущих мира сего; сии суть главизны зла, которые губят спасение человеческое и увлекают на путь погибели. Путь же погибели есть разрушение спасения, т. е. исчезновение в людях ревности о спасении и страха вечной муки. Ибо, когда возгосподствует в человеке погибель, тогда утрачивается человеком спасение (т. е. чувство страха Божия), тогда уклоняются люди во всякие погибельные дела, отчаявшись так, как кто тяжко задолжал; так отчаиваются и грешники о спасении своем.

Посему говорит Давид: «Вси уклонишася, вкупе непотребни быша» (Пс. 13, 3). Ей, уклонились, но во что уклонились? Уклонились в неправду, в хищение, в непокорство, в сокровиществование злата...

Что такое есть сокровиществование злата? Сокровиществование злата есть именно антитип, говорим: антихрист (т.е. предтеча антихристов). Ибо чувственно антихрист еще должен прийти, а мысленно он уже в миру; с тех пор, как он низринулся в мир со своим проклятым троном, с тех пор и пребывает он в миру, производя в мире всякое зло. Зло же это старается он делать всеми способами; во-первых, отнимает у человека чувство спасения мирскою многопопечительностию и многозаботливостию о суете мирской. Ей, многопещись будут и многозаботиться, но о чем? Будут многопещись и стяжут мужеложство; будут заботиться и стяжут блуд, соберут сокровище прелюбодеяния. Таким образом утратят люди чувство свое[1],

[1]Значение выражения прп. Нила «чувство» уже изъяснено в предшествующем подстрочном примечании.

не будут ощущать Бога. Вдадутся они в плотское питие и ядение роскошных яств, в обстраивание себя прекраснейшими постройками; в сих постройках предадутся плотским чувствам своим, т. е. теша плоть свою, якобы брак ей творя всегдашний пиршественный. Так как вдадут они чувства свои в плотское, то ощутительна будет для них красота и доброта только снедная, к которой они лишь и будут стремиться. Чрез такое свое стремление к плотской нечистоте люди мерзки будут Богу.

Ей, возгнушается ими Бог, как возгнушался предпотопными людьми, но все-таки допотопным людям Бог оказал милосердие. Ей, милосердие оказал, но какое милосердие? Омилосердовал их ковчегом покаяния, так как Бог желал, чтобы древние люди, взирая на построение ковчега, каялись бы; но они ввергли чувства свои в плотское, стали безчувственны к Богу и к ковчегу, не чувствовали того, что означает ковчег. Это безчувствие и свело их во глубину вод!..

Видишь, до какого состояния довело человека его безчувствие? Так и ныне оно погубит людей, ибо и теперь люди пекутся, заботятся и стяжевают подобно предпотопным людям. Так сильно возлюбили они эту деятельность, как бы какое прекрасное и доброе яство...

Да, добрая (т. е. вкусная) эта снедь, но не спасительная, эта снедь – губительная; тот, кто вкушает снедь сию, проводит жизнь свою на погибель себе. И погибель завладевает чувством человека, увлекая его на путь безчувствия, человек не ощущает больше, где находится путь спасения, а только на погибель проводит жизнь свою. Ей, проводит он жизнь весело и в роскоши, но как проводит? Проводит жизнь с неправдою, с воровством, с хищением, с предательством, с лжеязычием, с мужестрастием в сообращении, с обжорственным чревоугодием, с гордостию, с ропотливым безнадежием, в безпечности, т. е. безпечностию в деле спасения и хульном сложении вины всех бед на Бога, с жестоким гневом сердечным, с неблагодарною враждою злопамятства и любостяжательным сребролюбием.

И, поскольку тогда преуспевать кто будет в стяжании сокровищ в воровскую сокровищницу свою своим любостяжательным сребролюбием, постольку же, одновременно с сим, будет все более и более помрачаться безчувствием и сокровиществовать всякие дела, которые сотворят его виновным во всех беззакониях мира, т. е. все эти плоды любостяжания доведут мир до крайнего разврата, венцом которого будет пришествие антихриста.

Глава XXXI

Антихрист родится тогда, когда обнищает мир духовно и когда наступит всемирная анархия. Всемирное воцарение антихриста

От нечистой блудной девы родится антихрист. В сей деве совокупятся распутства, она будет сокровищница прелюбодейства; всякое зло мира, всякая нечистота, всякое беззаконие воплотятся в ней, т. е. в зачатом ею от тайного блуда совокупятся воедино во чреве нечистоты и с обнищанием мира оживотворятся. Когда обнищает мир от благодати Всесвятаго Духа, тогда сей оживотворится во чреве нечистоты, от самой сквернейшей и злейшей мнимой девы, худшей всех когда-либо бывших; зачнется от тайного противоестественного блуда плод, который будет вместилищем всякого зла, в противоположность тому, как Христос был совершенством всякой добродетели, а Пречистая Матерь Его была совершеннейшая в женах. Сей плод родится на свет тогда, когда обнищает мир добродетелями.

Ей, оживится (т. е. родится) при обнищании мира; но что за обнищание такое постигнет мир? Много видов этой нищеты, которая будет окружать и как бы охватывать постепенно мир. Во-первых, обнищает мир любовию, единодушием, целомудрием. Во-вторых, обнищает каждое селение и град от подвластности своей, главенствующие лица удалятся от града, села и округа, так что не окажется никакого главенствующего лица ни во граде, ни в селе, ни в округе. Также и Церковь почти обнищает от главенства духовных властей.

После сего обнищания «иссякнет любы многих» (Мф. 24, 12), «удержай от среды ят будет» (2 Фес. 2, 7) – и родится нечистый от чрева нечистоты. Потом же нечистое это рождение будет производить знамения и чудеса мечтаниями бесовскими.

Мир будет воображать, что сей антихрист кроток и смирен сердцем, а на самом деле он будет по сердцу – лисицей, по душе – волком; смущение людей будет его пищею. Когда превращаться[1] будут люди, тогда живопитаться будет антихрист.

Смятение же людей будет сие: осуждение, зависть, злопамятство, ненависть, вражда, любостяжание, мужестрастие, забвение веры, прелюбодейство, похвальба блудом. Это зло

---

[1]Т. е. погибать.

будет пищею антихриста. В противоположность тому, как Христово брашно было исполнение воли Отца Его, так брашно антихриста будет исполнение воли отца его диавола. Этим будет живопитаться антихрист.

И сделается антихрист главою над городами, над селами и над округами сел, после того, как не окажется (т. е. упразднится) никакой главы в селах, городах и округах сельских. Тогда он захватит власть над миром, станет распорядителем мира, начнет властвовать также и над чувством[1] человека. Люди будут верить тому, что он будет говорить, потому что он будет действовать как единодержец и самодержец на погубление спасения, т. е. люди, и без того сделавшиеся сосудами диавольскими, возымеют крайнее доверие к антихристу, сделают его всемирным единодержцем и самодержцем, так как он будет орудием диавола в последней попытке его истребить христианство с лица земли. Находясь в погибели, люди будут думать, что он есть Христос Спаситель и что он содеет их спасение. Тогда Евангелие Церковное будет в пренебрежении.

Посему, когда погибель внесет великое бедствие в мир, тогда во время сих бедствий произойдут страшные знамения. Наступит страшный голод, на мир же найдет великая алчба (т. е. ненасытимость): сравнительно с тем, сколько съедает человек в нынешнее время, тогда будет съедать в семь раз больше и не насыщаться[2]. Великое бедствие настанет повсеместно. Тогда любостяжатели откроют свои любостяжательные житницы, т. е. капитализм упразднится, имущество уравняется на началах социализма. Тогда злато обезценится как навоз по дороге...

Глава XXXII

Дух Христа и дух антихристов

Тогда оживится (т. е. зачнется и родится) зло мира в нечистом чреве девы зла, которая даст плоть антихристу. Тогда за беззаконные деяния мира и нечистоту его отступит от беззаконного мира благодать Духа Святаго, которая доныне содержит мир, и тогда исполнится мера беззаконий мира, по словам: «И не сочтуся со избранными

[1]Это выражение объяснено выше.

[2]Вероятно, от извращения духовных способностей и телесные потребности человека будут извращены (ненормальная алчба питания).

их» (Пс. 140, 4); тогда воплотится дух антихристов, ныне действующий в миру, то есть народится человек, который будет преосквернен и сделается совершеннейшим сосудом диавольским еще во утробе матери своей: родится он от девы зла и в деве блуда, т. е. от злой блудницы, хотя по наружным признакам и девственницы.

Ей, воплотится зло (т. е. родится антихрист) безо всякого мужнего семени. Ей, с семенем родится, но не с сеянием человеческим, а с излитым семенем воплотится. (Здесь поставлено слово αυλος, которое, в зависимости от знака на ипсилоне, имеет два смысла, а именно: излитый и невещественный. Святой имеет ввиду оба эти смысла, во-первых, для означения того, каким образом произойдет мнимо-чудесное зачатие антихриста от мнимой девы, о чем пророчествуют и другие св. отцы; а во-вторых, употребляет слово «авлос» в смысле невещественного семени антихристова или духа его, действующего в людях. (Известно, например, что обсеменение с излитым семенем уже и ныне производится, для получения жеребят от знаменитейших жеребцов на Западе).

Что же такое есть семя невещественное (антихристово)? Семя невещественное (антихристово) есть злоба, попечение, забота и стяжание.

Однако, разного рода суть попечения, т. е. не всякое попечение гибельно и не всякая безпопечительность хороша; главное для человека – попечение о спасении своем. Спасение же человека есть: любовь, кротость, целомудрие, нестяжание, чистота девственная, справедливость, милосердие милостивости, которое есть «елей» спасения человеческого, т. е. приточный евангельский елей дев мудрых. Праведность[1] есть сострадательность к человеку; милостивость бывает двух родов: одна – милостивость, выражаемая щедролюбием, другая – утешение словом, которым кто утешает какого-нибудь угнетенного. Если не имеется возможности помочь несчастному, то да утешают (несчастного) утешительным словом. И за одно утешительное слово, которым утешаете несчастного, удостоитесь того, что и вас утешит Праведный Судия решающими словами Своими на Суде праведном, когда скажет: «Приидите благословеннии Отца Моего: наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира». Если же не будете утешать удрученных утешительными словами, то и сами потом имеете услышать от Праведного Судии безутешные слова: «Идите от Меня проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его!» Ибо милостивая любовь освобождает человека от гнева Божия.

---

[1]Т. е. духовная высота христианина всегда неразлучна с милосердием к ближним.

Любовь делает с человеком то, что он становится кротким и смиренным сердцем. Вражда же делает человека неистовым. Любовь всегда терпит и никогда не причиняет соблазна; злопамятство же всегда нетерпеливо, всегда причиняет соблазн сердцу человека, так что никогда не имеет мира сердце его.

Злопамятство есть печать антихриста, ибо злопамятство запечатлевает сердце человека как бы антихристовою печатию.

ГЛАВА XXXIII

Какова печать антихриста, запечатлевающая ныне злых, и какова та, которою запечатлевать будет антихрист по воцарении?

Злопомнение есть печать антихриста и сердце злопамятного запечатлено печатию его. И когда антихрист (т. е. дух антихристов, действующий в миру) кладет эту печать, то от этой печати злопамятства всегда обмирает сердце человеческое (т. е. делается как бы мертвым, не способным к скорби о грехе, к прочим духовным чувствам и страху Божиему). Говорю: так обмирает человек, когда сердце его бывает запечатлено ненавистию. Это проклятое злопамятство делает человека столь безчувственным, что люди сами умерщвляют себя разными смертями. Иного делает оно отступником от веры; иного – самоубийцею; иного заставляет идти на нож; иного делает предателем; иного делает хулителем; иного – тоскливым; и нисколько не дает сердцу человека мирствовать. Не замечают того несчастные люди, что все это производит злопамятство и доводит их до смерти. (На этих строках следует несколько остановиться: святой, открывая корень главных смут человечества, причину революций, ненависти чад к родителям и других нестроений, говорит нам, что все это от злопамятства, т. е. горделивого осуждения недостатков ближних, непочтительности родителям, подчиненных к начальникам и т. п. Если мы вникнем в дух времени и образ действий противников Церкви и Государства, то увидим, что они основывают успех свой весь именно на том, чтобы отравлять людей осуждением и ненавистию, а, отравив, – делать послушным своим орудием. Особенно тонко этот яд осуждения излит в творениях Толстого и других знаменитостях современной литературы. Читающая их с увлечением молодежь отравляется от юности ядом злопомнения и осуждения, печатлеется печатию антихристовою, теряет доверие к Церкви, к родителям и час-

то оканчивает жизнь самоубийством. Пишущий эти строки лично может сие засвидетельствовать, ибо из его школьных товарищей 6 чел. окончило самоубийством).

Итак, когда антихрист будет налагать печать свою на людей, сердца их будут делаться как бы мертвыми.

И тогда [т. е. во время того предреченного бедствия, антихрист начнет печатать людей своей печатию, якобы для того, чтобы знамением сим спасать их от бедствия, ибо только имеющим печать, согласно Апокалипсису (Апок. 13, 17), будет продаваться хлеб]. Многие будут умирать на дорогах. Люди сделаются как хищные птицы, набрасывающиеся на падаль, будут пожирать тела мертвых. Но какие люди будут пожирать тела мертвых? Те, которые запечатлены печатию антихриста; христиане, хотя им не будет ни выдаваться, ни продаваться хлеб за неимением ими на себе печати, не станут есть трупы; запечатленные же, несмотря на доступность им хлеба, – станут пожирать мертвецов. Ибо, когда запечатлеется человек печатию, сделается сердце его еще более безчувственным; будучи не в силах выносить голод, люди будут хватать трупы, и где попало, сев в стороне от дороги, пожирать их. Наконец, умертвится и сам, запечатленный антитипом; на печати же написано будет следующее: «Я твой есм». – «Да, ты мой еси». – «Волею иду, а не насильно». – «И я по воле твоей принимаю тебя, а не насильно». Сии четыре изречения или надписи изображены будут посреди той проклятой печати.

Глава XXXIV

Бедствия, которые постигнут мир по воцарении антихриста: иссохнет море; умрут животные; ускорится время

О, несчастен тот, который запечатлеется этой проклятой печатию! Эта проклятая печать наведет великое бедствие на мир. Мир тогда столь будет угнетен, что люди станут переселяться с места на место. Туземцы же, увидав пришельцев, скажут: о, несчастные люди! Как решились вы покинуть собственное, столь благодатное, место и прийти в проклятое место сие, к нам, у которых не осталось никакого человеческого чувства?! Так будут говорить на каждом месте, куда люди будут переселяться со своего места на другое... Тогда Бог, увидав смятение людей, от которого они зло бедствуют, переселяясь с мест своих, повелит морю восприять прежде свойственную ему горячесть, которую оно раньше

имело, чтобы не переходили бы для переселений с места на место. И когда воссядет антихрист на проклятом троне своем, тогда море[1] вскипит так, как кипит вода в котле. Когда вода долго кипит в котле, то не испаряется ли она паром? Так будет и с морем. Кипя, оно будет испаряться и исчезнет как дым от лица земли. Иссохнут на земле растения, дерева дубравные и все кедры, от морского жара все иссохнет, жилы водные иссохнут; животные, птицы и пресмыкающиеся, все умрут.

День будет вращаться как час, неделя – как день, месяц – как неделя и год – как месяц. Ибо лукавство человеческое сделало то, что и стихии стали напряженными, начали еще более спешить и напрягаться, чтобы поскорее окончилось предреченное Богом число для восьмого числа веков. (Т. е. на восьмое тысячелетие от сотворения мира).

ГЛАВА XXXV

Проповедь Эноха и Илии людям, чтобы не принимали печати антихриста и знаменовались всегда крестом. Умерщвление сих проповедников

Когда же проклятая слава увидит Эноха и Илию, проповедующих и говорящих людям, чтобы не принимали печати антихриста, то повелит схватить их. Они же будут убеждать людей не принимать печати антихриста, будут говорить: кто явит терпение и не запечатлеется печатию антихриста, тот спасется, и Бог непременно примет его в рай, ради одного того, что он не принял печати. И да знаменуется каждый честным крестом, творя знамение креста на всякий час, ибо печать крестная освобождает человека от муки адской; печать же антихриста приводит человека в муку адскую. Если алчете и требуете еды, малое время потерпите, и Бог, увидав терпение ваше, пошлет вам помощь свыше; вы оживотворитесь (досл.: живонасытитесь) помощию Бога Вышнего. Если же не окажете терпения, будете печататься печатию сего нечистого царя, то потом раскаетесь в этом.

Люди будут говорить Эноху и Илии: «Почему же благодарны антихристу те, которые приняли печать?» Тогда скажут Энох и Илия: «Они благодарны, но кто благодарен (т. е. кто благодарит их устами)? Не люди это благодарят, а печать сама только благодарит (т. е. злоба, возгосподствовав над людьми,

[1]Это вполне возможно в случае вулканических движений дна морского.

устами их выражает утеху и радость, ибо успела погубить сих людей, как то бывает и со злодеями, торжествующими и радующимися по поводу совершенного злодеяния).

И что такое есть их благодарность? Их благодарность есть то, что воссел в них сатана, вообразился в чувстве человека, и человек не сознает того, что с ним делается. Тот, кто печатлеется печатию антихриста, становится демоном; хотя утверждает, что якобы не чувствует ни алчбы, ни жажды, однако алкает и жаждет еще больше, и не только больше, но в семь раз больше против вас. Потерпите только малое время. Не видите разве, что тот, кто принимает печать антихриста, не будет жить (т. е. духом мертв и ожидает его вечная мука)? Ужели вы также желаете погибнуть с печатию в муке вечной, чтобы там быть с теми, которые запечатлелись ею. Идеже плач и скрежет зубов?»

И иными многими увещаниями будут проповедовать людям Энох и Илия.

Услышит антихрист, что проповедуют два человека, называющие его льстецом, чародеем, обманщиком и коварным диаволом; услыхав это, разгневается, повелит их схватить, привести к себе, и с льстивыми словами вопросит их: «Какие вы погибшие овцы, ибо не запечатлены царской печатию?» Тогда скажут Энох и Илия: «Льстец и обманщик! Демон! По твоей вине столькие души погибли в аду! Препроклята печать твоя вместе со славою твоею! Эта твоя проклятая печать и преоскверненная слава низвели мир в погибель; твоя погибель довела мир до сего состояния, скончался мир и настал ему конец...» Такие слова услышит антитип от Эноха и Илии и скажет им: «Как смеете вы так говорить предо мною, самодержцем и царем?» И ответит Илия: «Царство твое презираем, а славу твою проклинаем, вместе с печатию твоей». Тогда разгневается антихрист, услыхав такой презрительный ответ, сделается как бешенный пес и собственными руками убьет их.

ГЛАВА XXXVI

По убиении Эноха и Илии антихрист снимет с себя личину нравственности, совершатся крайние злодеяния. Люди отождествятся по лукавству с бесами. Знамением сего будет постепенное умаление роста людей. Ко времени антихриста средний рост человека будет 1 $^3/_4$ аршина

По убиении же Эноха и Илии выпустит антихрист все-

злейших чад своих (т. е. даст волю злым духам, которых он дотоле сдерживал). Эти чада, или духи зла, суть: прелюбодеяние, блуд, мужеложство, убийство, хищение, воровство, неправда, ложь, мучительство, продажа и покупка людей, покупка мальчиков и девочек для блужения с ними, подобно псам на улицах. И повелит антихрист духам злым, послушным ему, довести людей до того, чтобы люди в десять раз делали бы больше зла, чем раньше; исполнят всезлейшие чада его сие повеление погибельное и устремятся на уничтожение человеческой природы многообразием беззаконий. От усиленного напряжения и крайней энергией его всезлейших чад погибнет чувственно и мысленно природа человеческая в людях... Люди, сделавшиеся столь лукавыми по душе, и по телу будут умалены, будут ростом 1 $^3/_4$ аршина, говорим: пять пядей длина тела человеческого. Деяниями же лукавства своего эти люди превзойдут демонов, и будут – один дух с демонами.

Увидит антихрист, что человеческое естество стало лукавее и суетнее, нежели злейшие чада его, весьма возрадуется о том, что зло в человечестве приумножилось, природные свойства человеческие утратились и стали люди лукавее бесов... И вот на антихриста, радующегося при виде человеческого зла, найдет внезапно свыше «меч обоюдоострый», которым он будет поражен, и исторгнется нечистый дух его из преоскверненного его тела. Со смертию антихриста настанет конец убийству в людях; Каин положил начало убийству, антитип же (антихрист) соделает конец, то есть на нем оно окончится.

Глава XXXVII

Кто такие «козлы» и кто такие «овцы»

Когда же свершится и закончится дело убийства[1], тотчас же разовьются скрепления небесные и земные (т. е. нарушится всемирное тяготение)... Что будет посем – ведает Бог един. Мы же ведаем только одно, что истязаны будут дела, содеянные в жизни: блуд, прелюбодейство, мужеложство, малакия, мужестрастие распутное, злословие, празднословие и многословие осудительное, оклеветание, злоумышление, зависть, зависторвение, ненависть, злопамятство, вражда, враждострастие, злость, злорадство, предательство умышленное, гордость тщеславия, высокомерие, сребролюбие, любостяжание, непокорность Церкви, роскошествование, яде-

[1]Т. е. когда со смертью антихриста окончатся убийства на земле.

ние обжорственное и прочие множайшие беззакония, содеянные в жизни сей, – все будут разобраны, чтобы отделились от злых дел дела добрые, как отлучают овец от козлов.

Овцы же суть сии: любовь, мир, единодушие, целомудрие, кротость, нестяжание, чистота, праведность, доброе соблюдение закона, благопокорность, смирение, воздержание, пост, доброречие, прилежание ко спасению, благодарность, благопослушество Церкви, благопослушество духовной жизни, хранение незапятнанным Божественного крещения, дабы сохранить его чистым, неопущение богослужения церковного и канона в жизни монашеской; таковы суть благие дела спасения.

Глава XXXVIII

О нераскаянности человеческой и долготерпении Божием

Долготерпел Бог и долготерпит с безмерною милостию, ожидая покаяния. Ради безмерной милости и долготерпеливого милосердия Своего ожидает Бог покаяния людей, милосердуя о них, как о детях: и юных милует, и стариков долготерпит; говорим: милосердствует о человеке в утре его (или в детстве), милует его в полдень – в юношестве, долготерпит в вечер – старости. Долготерпит к детям – не найдет ли их покаявшимися в юношестве? Долготерпит к юноше – не приобретет ли его в старости. Долготерпит к старости – не найдет ли здесь старческого покаяния? Сегодня дети все лукавства знают, все непристойные дела делают, а что есть покаяние, того не знают и имени его даже не ведают, чтобы возделать им дело покаяния; во всю юность свою только о том и старается юноша, чтобы сокровиществовать; усокровиществовал он себе многопопечение житейское, его только познал и ведает, а сокровище покаяния не познал, но одни только непотребные дела безчиния делает. И от старика ожидал Бог покаяния с детства до юности и не нашел его: от юности вотще в суете истратил он лета свои. Как говорится: юность суетна? Сего ради[1] умилительного покаяния требует Бог хотя в старости. Покаяние старика, поэтому, должно быть жалостным плачем покаяния: то есть он должен припомнить все беззаконные дела, которые соделал от детства и до юношества своего, от юности и до старости своей... До вечера ждет Бог покаяния от старца; говорим: до

[1]Т. е. ради долготерпения Божия.

смерти его смотрит, нет ли покаяния в старце; если же и в старости не видит покаяния в человеке, тогда прогневляется на старца за нечувствие его. И вот отверзает, наконец, старец очи свои[1], очутившись в аду карания, и бывает казним за непокорство свое, за то, что не прибег к покаянию в беззакониях своих. Бог давал ему каяться, но он губил себя с утра до вечера[2], к вечеру почил и уснул, а к рассвету (очнулся) в муках ада... Ибо сказано: «Бдите, ибо не знаете – утром ли, в полдень ли, вечером ли познает» (т. е. сколько жить еще вам осталось). Люди сегодня очень сведущи стали, но в чем сведущи? В подлинности земных вещей и на этих земных вещах, тленностях тления, утверждаются и ради многопопечительства сокровиществования губят себя. Сокровиществуют, наполняют кладовые различными лакомствами; потом, взирая на кладовые, полные лакомств, радуются и говорят: «Сей, мой бог и прославлю его»; обращаются к душе своей и говорят: «Душе моя, душе моя! Виждь блага, которые для тебя усокровиществованы: ешь, пей, веселись (тем), что в кладовые собраны блага и отданы тебе». О, безумный, безумный старик! В полночь душу твою истяжут от тебя; при всех сокровищах твоих очнешься ты в муках адских и жестоко мучим будешь за эти разные лакомства, которые усокровиществовал. Итак, собрал ты эти тленности тления, исполнил ими склады твои для мучения твоего, мучим будешь в пламени огненном; тогда вспомнишь о тех, которые (при жизни) не собирали суетных и ложных, как ты, безумец, о спасении своем не заботившийся, не прилагал усилий стремительно освободиться от мук и пламени огненного, которым будешь пламенно гореть среди мучений и просить одной капли воды... Будешь просить малую каплю воды, чтобы прохладить язык твой, который именно и привел тебя сюда с безмерным празднословием осуждения твоего (указывается на то, сколь велик грех осуждения).

Глава XXXIX

Богатый коварно просил Авраама послать Лазаря к нему во ад с каплею воды

Ныне (в аду) взыскуешь ты милости у незаботившихся о тлении, просишь единой капли воды, чтобы оросить язык

[1]Разумеется духовное око, внутреннее зрение.

[2]Т. е. все время своей земной жизни.

гортани твоей? Безумный! Ныне воды тленной просишь, а не просил себе раньше воды нетленной? Если и все реки вселенной обратить в горло твое и великое течение Черного моря, то и от них язык твой не ощутит никакой прохлады. И с какою же целью просишь ты одну лишь каплю, чтобы Лазарь принес тебе во ад, на язык твой? Ты просишь незаботившегося о тлении (по зависти к нему), ты злоухищренно просишь, чтобы другой пришел и оросил язык твой, ибо желаешь, чтобы и он вместе с тобою пламенел в муках огненных... Если (даже) теперь, когда ты находишься в муках огненных, держишь в себе такое коварство, то каких же коварств не делал ты в жизни твоей? Доставили тебе эти злоухищрения благая при жизни твоей, а тот, который о тлении не заботился, приял жизнь вечную, нетленную, и, как ему помянулось его делание нетления в жизни его, так помянулись и тебе (твои коварства).

ГЛАВА XI.

Как избегнуть пламени огненного

И сегодня люди, как тот, не заботившийся о спасении своем, небрегут о спасении, озабочены суетными и ложными, озабочены вещественными предметами мира сего для кары своей в неугасающем море пламенном. Здесь они труждаются всуе и ложно, в неправдах, а там безпрерывно будут терзаться и просить капли воды, чтобы остудить язык свой...

О, человече! (Пока) здесь имеешь время прохлады, остужай же язык свой покаянием со слезами умиления от сердца сокрушенного, плачь о (своем) изгнании, воздержись от греха! Удерживай себя от всех делающих беззакония, т. е. от греховных помыслов, плачь сам о себе, но не пред человеки, как фарисеи, а в одиночестве, в тайне сердца своего, как и грехи возделывал в тайне сердца. Сокрушайся в себе, что сделался преступником обещания своего, данного при св. Крещении; с умиленными словами плачь слезами покаяния, кайся в беззакониях, сodеянных тобою и o злых твоих деяниях.

Если хотите угасить пламень огненный и не хотите быть казненными в пытках мучения, то вот что сделайте: имейте любовь между собою, держите чистоту целомудрия, имейте воздержание со смирением; со умиленным сердцем исповедуйте деяния, содеянные вами. Молю и прошу вас, преподобнейшие

отцы, оставьте осуждение, которым вы осуждаете друг друга с празднословием. Это и есть, говорю вам, средство освободиться от той огненной реки, которая повлечет человека за дела его во тьму внешнюю, туда, где плач и скрежет зубов. Это проклятое осуждение переставляет человека на сторону ошуюю, туда, где козлища. Это проклятое осуждение предоставляет человека горькой смерти. Это проклятое, осудительное оклеветание приводит человека во чрево великого отступника[1]. Это проклятое, осудительное многословие ввергает человека во блато нечистоты. Это проклятое, мысленное осуждение приводит человека во вражду; враждоборствуют из-за этого люди друг с другом и весьма прогневляют сим Бога.

Глава XLI

Как зарождаются вражда и осуждение дел ближнего

Вражда есть семя плодовитое, она засевается внутри человека; в человеке произрастает семя вражды, делается ненавистью и объемлет людей силою злопамятства; люди злобствуют друг на друга и видеть один другого не хотят. Один начинает осуждать другого с осудительным оклеветанием или с клеветливым осуждением; этот с празднословием осудительным осуждает, а тот любопытствует и говорит: «Зачем он, осуждаемый, это делает, и как это сделалось?» Начинает другой исследовать поступок ближнего и говорит: «Не так это было, а вот как». «Почему же так? Почему это так, а это так? Отчего это? Отчего эти такие, те – такие? А этот каков? А тот каков? И как они дошли до того? Почему допустили себя до того? Как они довели себя до того?» Стоит любопытствующий среди осуждающих и пересуживающих, стоит, недоумевает, начинает расследовать то, что слышит слух его; расследует и говорит: «Ба! Как это и то?» Этим недоумением[2] он приводит себя к предательству,

---

[1]Рот и гортань приводят пищу в желудок, а грехи языка приводят человека во чрево диавола, делают его сатанинской пищей.

[2]«Недоумением» — суетною пытливостью, житейским любопытством знать то, что нас не касается и к нам не относится. «Чужую рожь веять — свои глаза порошить», — говорил знаменитый русский старец иеросхимонах Амвросий Оптинский о грехе осуждения ближних. Жажда пытливости побудила наших прародителей вкусить запрещенный плод. При осуждении ближних эта пытливость ведет к «предательству», как выражается прп. Нил, т. е. к нарушению любви к ближнему.

нарушению заповеди о любви к ближнему, производит такую смуту среди людей, какой и бесы сделать не в силах.

Глава XLII

О самооправдании своего осуждения

Такое осуждение ближних делает сегодня человек, и чрез сие возделывание мысль его омрачается лукавством демонским, начинает он мысленно всем соблазняться (т.е. находит в каждом что-либо осудительное), а самого себя оправдывает сугубым оправданием (т. е. не только оправдывает себя, но в своем грехе винит других лиц), все приписывает соблазну других.

Ах, преподобнейшие отцы! Не оправдывайте себя в человеке (т. е. не вините другое лицо в своем грехе) и не оправдывайте себя соблазном. Ни люди перед вами не виноваты, ни соблазны-причины (грехи), но вы сами дали место у себя страсти своей, и оттого вините людей, что они соблазняют вас... Вы даете место в себе страстной вашей зависти, она соблазняет вас, а вы волею соблазняетесь; чем же виноваты здесь пред вами люди? Вы дали место страстному вашему гневу, сердитесь, делаетесь свирепы, как безсловесные; чем же виноват перед вами[1] соблазн? Вы сами дали в себе место враждебной страсти, начали враждовать против другого; чем же человек тот пред вами виноват? Вы дали в себе место страстному вашему непокорству и делаетесь непокорными волею; чем же соблазны виноваты пред вами? Волею дали вы в себе место страстям, они хороводят вами, как хотят, вы стали с ними заодно; чем же виноваты в том другие? Если ты сребролюбец, то чем виноват в том игумен? Если ты непокорный, то чем виноват в том эконом? Если вы таинники зла и скрываете помыслы свои, – чем виноват пред вами духовник? Если вы неблагодарные, – чем виноват пред вами игумен, который вас принял, как детей своих? Если вы имеете злопамятство, то чем виновата пред вами братия? Если в вас вселилось враждоборство, – чем виноват пред вами ближний ваш? Ах, преподобнейшие отцы! Если бы ведал каждый страсти свои, которыми он искушается, никогда не стал бы в соблазне своем делать повинным другого.

---

[1]Здесь преподобный выражает ту же мысль, какую выразил псалмопевец словами: «Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех» (Пс. 140, 4), т. е. придумывать извинения и оправдания во грехах своих.

Человек так обвит страстями, как дерево плющом. Что станется с деревом, когда оно даст на себя взойти плющу? Плющ имеет способность воздействовать на дерево и восходить на него, но только тогда, когда древесный ствол примет его; тогда он поднимается наверх; если же дерево не примет его, никогда не взойдет плющ на дерево (т. е. если само дерево не предоставит ему для восхождения своих веток). Если бы такую власть плющ имел, чтобы подниматься на древа самому, хотя бы и не хотело дерево принять его, то все дерева иссохли бы на земле... Говорим: если бы главный отступник, или властитель тьмы, имел власть восходить на ум человека и помрачать смысл его против соизволения его, то никогда человек не мог бы оказаться светлым, но был бы всегда во грехе и совершенно помрачен. Ей, имеет отступник власть соблазнять, но над кем имеет власть? Ум какого человека имеет власть омрачать? Того, который принимает соблазны; тот и бывает сострелян луком отступника, начальника власти тьмы.

Глава XLIII

О стрелах отступника и об указателе пути спасения

Отступник имеет обычай такой: берет свое войско и выходит на охоту; вооружен он и войско его разными луками; держит горсть стрел и раздает войску, каждому по одному луку и по 24 стрелы, посылает на охоту, чтобы уловить и добыть какую-либо душу праведную и принести ее как дар и приношение великому апостату. И соперничают бесы между собою, каждый первым старается устрелить и принести добычу в дар великому отступнику, чтобы принять похвалу самую первейшую; посему сражаются они ревностно, стараясь душу праведника совсем закружить разными недомыслимыми искушениями, причем одни из уловляемых побеждаемы бывают и низвергаются, а другие осиливают и утверждаются в добродетели, говорим: венчаются.

Главный лук есть грех вообще, а 24 стрелы суть различные прегрешения и главизны греха: 1 – осуждение, оклеветание и тайный наговор коварства; 2 – гордость; 3 – тщеславие; 4 – кичение; 5 – жестокость; 6 – непокорство; 7 – гнев; 8 – непослушание; 9 – неблагодарность; 10 – зависть; 11 – вспыльчивость (или ярость); 12 – вражда; 13 – ненависть; 14 – злопамятство; 15 – злоумышление; 16 – лжесвидетельство; 17 – малодушие; 18 – хула; 19 – сребролюбие; 20 – блуд;

21 – сваление; 22 – мужеложство; 23 – малакия; 24 – прелюбодеяние. Сии суть 24 стрелы греховные, которыми воюют враги всякий день и всякую ночь, стараясь закружить ими души праведников.

Итак, тем паче оставят ли они вас неискушенными? Но вы до того сегодня уже ими побеждены, что не требуете для своего поражения ни лука, ни стрелы, ибо вас победили и побеждают ваши страсти; нет больше нужды врагам сражаться с вами, ибо довольно с вас одних ваших страстей, которыми вы побораетесь, которые вас победили; вы сделались пленниками своих плотских страстей и стали мертвецами по отношению к вашему спасению.

О, преподобнейшие, честнейшие священники, священномонахи и монахи, находящиеся в сей Горе Святой, сосуде спасения! Что стало с вами, ибо умертвились вы и сделались земными мертвецами? Говорим: ненавистниками спасения своего и неверующими ему. Говорим: разуверившимися во спасение свое; вы не верите во спасение свое, т. е. заповедей и чина жизни не соблюдаете, ибо не верите, что и вам, как во дни оны древним, возможно и должно достигать духовного совершенства.

Если бы вы не имели указателя спасительного пути, как возможно было бы вам найти спасение свое? Ей, имеете вы путевождя спасения, который остался вам от праотцов (т. е. их жития и заветы), но вы это с себя скидываете. Без священных предметов может ли литургисать иерей? А вы без всякого путевождя как ищете спастись? Всуе труды иерея, чтобы литургисать, если у него нет потира; и вы, если не будете иметь путевождя, всуе будете трудиться над спасением. Если не постараетесь обрести путевождя своего, то и не чайте себе спасения, пока не сбросите с себя непокорение спасению; тогда лишь познаете, что спасаетесь.

Путевождь же спасения есть сие: вера, надежда, любовь, кротость, единодушие, мир, смирение, целомудрие, послушание, покорность, нестяжание в уме, нестяжание в речи, нестяжание в очах, нестяжание в слухе и нестяжание на языке, нестяжание в поступе ног, нестяжаниее в сребре и злате (т.е. воздержание всех своих чувств от похотения или деятельного стремления к чему-либо земному).

Но, мы делом своего спасения заниматься не хотим, мы нестяжательны только по отношению к одному своему спасению, а по отношению к земным благам стяжательность свою – удваиваем; вы стараетесь о том, чтобы преумножать деньги; преумножаете сребро с ростом преступным; так же преумножаете вы и злобы ваши с преступными противозакониями

вашими, сочетаваясь с делающими беззакония и не сочтетесь со избранными.

ГЛАВА XLIV

Пятиобразие непокорства спасению и семистрастие

И в этом, т. е. в любостяжательности, есть ваше непокорство спасению; и представлю вам, что главизна непокорства есть гордость, кичение и тщеславие (т. е. это побуждает человека быть любостяжательным).

Эти три подобообразия зла делают (человека) чуждым спасения; (человек чрез любостяжание) делается врагом себе и союзником зла.

По сторонам главизны: на одном краю – оклеветание и осуждение, сокровиществование всякой злой противности спасению; говорим: вражда, зависть, злоумышление против брата, злорадство и соревнование во зле. Эти пятиобразия зла совокупляются союзом зла. На одном же краю от главизны, т. е. на внешнем пятиугольнике, есть шум зла, т. е. тщеславные страсти, а на втором краю от главизны находится сокровиществование беззаконий, посредине сего пятиобразного союза зла собраны пути всех зол; говорим: жестокость, малодушие, гнев, непокорство, преслушание. Остерегайтесь же от сего непокорства спасению и покоряйтесь спасению вашему.

Если же вы исполнены зависти, то как можете покоряться спасению вашему? Если вы полны ненависти, как можете познать спасение свое? Если вы исполнены вражды, как можете научиться тому, что есть спасение? Если вы исполнены ярости, как можете между собою мирствовать для спасения своего? Если вы исполнены взаимного злопамятства, как взыщете того, чтобы прийти к вышнему миру спасения? Если вы взаимно осуждаете, как вам оправдаться в Царстве Небесном? С ветром осуждения загасили вы лампаду благодати.

Что для лампады ветер, то для благодати Божией осуждение. Язык человека, по действию своему, уподобляется вихрю; дунет язык осуждением ближнего – и погасла в человеке лампада благодати. Как от вихря гаснет лампада, так чрез осуждение угашается сияние светоносия лампады благодати, говорим: возделывание добродетелей. Вражда и злопамятство уничтожают благодать Божию в человеке. Неблагодарность же и ненависть утверждают человека в погибели. И осуждение, как начало всего этого, – погибель погибели деет, говорим:

зависти, ярости, ненависти, вражды, злопамятства и неблагодарности. Смешение зла.

Так сегодня и смесились люди со злом, стали одним союзом зла, т. е. между собою и с лукавым. Стали союзом зла в хищении, любостяжании, сребролюбии, лжи, в зависторвении, в гордости, в похвальбе, в тщеславии, в многоразнообразности вещей. Единодушествуют они в любостяжании, как будто не монахи, и бедствуют в волнах погибели кружения мирского.

Глава XLV

О дивном милосердии Божием и о том, кому именно сорадуются ангелы

Ох, недоумею я о толиком милосердии Божием! Как это Он вам столь милосердствует и столь долготерпит, когда Моисею и малого ропота не потерпел? Сие же потому, что тогда был Бог отмщений, как говорится: «Бог отмщений Господь, Бог отмщений не обинулся есть». Тогда был Бог отмщений, а ныне – благословен Христос Бог. Тогда был Бог отмщений, а ныне – Бог благоутробия (Бог милостей и щедрот), Который милосердует о нас и милует, а вы Его преогорчеваете вашими злыми наклонностями. Тогда был Бог отмщений, ныне же – Бог Слово воплощенное. Тогда был Бог отмщений, ныне же – пред Ним Заступница, Матерь Бога Вышнего, плотию родившая Бога Слово, Творца всей твари видимой и невидимой, село пространное, Бога вместившее. Посему говорится: «Радуйся, Божие пространное селение! Радуйся, кивоте Нового Завета! Радуйся, позлащенная стамно, в ней же манна, яже с небес, всем дадеся».

Тогда был Бог отмщений, ныне же – Бог, рукою изведший Адама из ада и свободивший. Ныне есть милующий, благосердный, многомилостивый, щедрый и долготерпеливый Бог, Бог долготерпящий, милосердующий и помиловавший: блудного, блудницу, Манассию, разбойника, мытаря; гордым же противящийся.

Спрашиваю я вас, преподобнейшие отцы, как смилосердовался Бог о таковых, помиловал их и милует? Такую блудницу нечистоты, блудного, в блуде иждившего?.. Манассию, погибавшего пагубой душевной; мытаря, хищения неправды делавшего; разбойника, кровопролития соделавшего? Дивлюся, почему радуются о них ангелы на небесах и славословят люди? В песнях поют их? Не за те злые деяния, которые они соделали,

славословят их ангелы и песнословят люди, но все славословие и песнословие всецело восхваляет истинное покаяние их, стойкость покаяния, решимость в покаянии. Радуются ангелы о том, что делавшие грех обратились к истинному покаянию, содеяли удаление от зла и решимость воздерживаться, утвердились в истинном покаянии до конца жизни своей, а по смерти предали душу свою, как дар, в приношение Богу. И принял их Бог во славу Божества Своего и преставил туда, идеже праведнии упокоеваются в радовании ангельском, где сорадуются и свеселятся они в Бозе с праведниками (досл.: в Божестве Божием).

Видят ангелы, что покаяние грешника достигло Бога с таким удобством, таким дерзновением, такою скоростью, видят напряженность их покаяния, безбоязненность отвращения от греха – видят святые ангелы такое скоропослушество Божие, такое покаяние грешника и начинают славословить, как говорится: «Радость бывает (Лк. 15, 7) на небесех о едином грешнике кающемся». Славословят ангелы, но кого славословят? Славословят то неисследимое море благосердия, ту милость покаяния. Славословят, но кого славословят? Славословят ту Благость, Тот Свет снисшедший, Тот Глагол, Тот Путь покаяния на земле, который говорит: «Покайтеся, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3, 2).

Славословят, но кого славословят? Славословят то неописуемое долготерпение, которым долготерпел Он нам и долготерпит вам с безмерной милостию, долготерпит с неисследимым морем покаяния, которым долготерпит злой наклонности человека[1]. Долготерпит, но кому? Тому, кто кается с покаянием истинным; долготерпит тому, кто кается от всего сердца, от всей души и всею мыслию; тому, кто отвращается от греха, удаляется от беззакония, празднословия, осуждения, нечистоты; тому, кто по обращении к покаянию деет противоположное злу. Таковому Бог не только долготерпит, но с корнем исторгает древо злой наклонности из человека; чрез такое покаяние происходит забвение греха Богом, Бог забывает все зло, содеянное человеком, так же, как забыл Манассии его злое расположение, блуднице – ее злое деяние, разбойнику – кровопролитие, ибо истинное покаяние посекает ветви греха, а утверждение в покаянии вырывает греховный корень. За истинное покаяние забывает Бог грех человеку, но каким образом забывает?

---

[1]Мысль та, что Бог долготерпит великим грехам людей, ожидая покаяния, ср.: «Господь долготерпит нам, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Петр. 3, 9).

Глава LXVI

Об исторжении греха из сердца. Сравнение души с садом, а греха – с тернием в саду

Вонмите, о преподобнейшие, о том, как забывает Бог грех человеку. Душа согрешившая подобна тому, как если в каком царском саду, на самой середине дорожки окажется колючее дерево, называемое паллурий, вроде плюща, весьма колючее и крайне цепкое. Это дерево не красиво, имеет свойство распространяться и испускать множество побегов, подобно греху. Когда кто проходит около сего дерева, то оно так же цепляется к проходящему, как грех; если же взойдет на верхушку дерева – производит весьма большую тень, так что не дает саду видеть лучей солнечных, согреваться ими и давать плоды, в дар Царю – чтобы, прияв дар, любоодарил Царь садовника своим царским дарованием.

Спрашиваю я вас, отцы преподобнейшие: если будет у садовника такое колючее дерево в саду, то что тогда можно садовнику принести в дар Царю, чтобы приять от него царскую награду?

Чистое устроение человека есть как бы некое садовное украшение пред Богом, а тело человека – как садовник (т. е. человек должен достигать телесными подвигами чистого устроения и удерживать тело свое от всякого греха). Если не получит садовник от сада дохода, плодов садовных, то всуе трудился он за время целого года. Говорим: если убыточествует монах в плоде жизни монашеской и пресветлом покаянии, то всуе труды его целого года. Поэтому садовник спешит, как только появится колючий плющ в саду, тотчас искоренить колючее дерево, чтобы тенью своею оно не мешало саду и не перестал бы от этого сад приносить плодов. Говорим: не лишился бы подвижник различных дарований. И начинает садовник искоренять то непотребное дерево, говорим: древо греховное, – и разделывает то место, на котором находилось колючее дерево. Говорим: начинает человек очищать мысль свою и отделять грех от чувств своих, т. е. отвращать чувства свои от греха; дух свой и расположение свое делает добрым, по сердцу делается человек расположения чистого, доброго. Начинает же садовник искоренять колючее дерево для того, чтобы сад плодоносил. Начинает с улучшения, т. е. с решимости исправить сад и избавить его от терния. Говорим: начинает с того, что прощает ненавидящих и обидящих его, и

уже одно это прощение от всей души и всего сердца есть улучшение для человека. Потом выкапывает корень дерева, чтобы вырвать его. Говорим: терпит скорби, которые, если хочет кто уничтожить древо греховное, каждый час находят на него. Обезветвляет дерево, говорим: бегает осуждения. Ибо, кто осуждает – себя обезсиливает и в три раза большие грехи сотворит – блуд ли, или прелюбодеяние, или воровство, или хулу, или малакию, или другие какие согрешения. Тот, кто другого обвиняет и осуждает за то, что в нем находится какой-либо малый или великий грех, тот есть бес[1], а не человек. Тот чужевер, а не христианин. Ради сего, говорю я вам, что избегающий осуждения избегает греха, исторгает древо греховное, искореняет его, кладет в огонь грех свой, сожигает его, и грех становится пеплом. Приходит ветер с дождем, разносит его и исчезает он от лица сада, говорим: от расположения человеческого, – получает сад покой, видит лучи солнечные, деревья начинают плодоносить и красуется сад плодами.

Видит садовник, что исторглось колючее дерево, что с исторжением его получили отраду плодоносные деревья, и забывает садовник о дереве, которое отравляло дерева сада и лишало их плода; говорим: древо греха, которое отравляет душу человека. Итак, забыл садовник о дереве, так как оно исчезло из сада.

Так и Бог забывает грех человеку. Забывает Бог грех, но как забывает и что забывает? Забывает – с отвращением от греха, от беззакония и всех возделывающих беззакония, но самый содеянный грех, зло и беззаконие не забываются. Ей, прощает, но не забывает. Так должен поступать и человек, подобно садовнику, который вырвал дерево зла для того, чтобы в грядущий год не лишиться плода, и начал улучшать сад; выкапывать, говорим – молиться; искоренять, говорим – воздерживаться; расчищать, говорим – подвизаться[2]; искоренять, говорим – нести канон; исповедовать, говорим – являть делом, т. е. делать дела противные прежним грехам; обносит оградою и деянием обрабатывания своего искореняет древо греховное, плод беззакония из расположения своего; и не видно больше дерева того в саду. Говорим: обработка себя человеком делает то, что самое расположение его с чувством очищается, не ощущается больше расположения нечистого,

---

[1]Это выражение следует понимать в том смысле, что чрез осуждение человек становится орудием диавола.

[2]Мысль та, что после избавления от грехов, после победы над страстями не следует впадать в самодовольство, самохвальство, но должно смиренно помнить о своих прежних грехах, иначе, в наказание за самохвальство, прежние грехи вернутся обратно.

но одно лишь чувствуется расположение к чистому, благому: и делается он очищенным, пресветлым и прекраснейшим. Грех такому забывается и покаяние очищает его. Грех изглаждается, и покаяние осиявает рану греховную. Боли греховные забываются, но место поранения не забывается, как и у того, кто ранен был ножом или пулей. Когда же раненное место загниет, то не попечется ли человек о том, чтобы исцелить тяготу раны своей? А если нет, то не достигнет ли гной до сердца? А если воспаление дойдет до сердца, то не умрет ли он? Если же он позаботится о ране и исцелится, то, спрашиваю я вас, перестанут ли боли? Еще спрашиваю я вас: когда исцелится раненый, говорим: грешник, – и обретет здравие свое, говорим: покаяние свое, – то прекратятся боли, говорим: помыслы, – и затянется поранение раны, говорим: отгородится от греха. Когда затянется рана, не будет ни боли, ни стенания. Спрашиваю я вас: останется ли все-таки место поранения явственно означенным? И когда увидит знак раны, воспоминает ли он болезни свои или нет? Ей, воспоминает, но не страдает. Воспоминает, но не воздыхает. Воспоминает, но не уязвляется ими. Но какой труд должен воспринять садовник, когда захочет искоренить то колючее дерево, чтобы с корнем вырвать его? Говорим: человеку, который хочет отвратиться от греха, какой потребен ему труд, пока не исторгнет он грех? Какой предлежит ему подвиг, когда будет он отсекать ветви или побеги греховные, говорим: злые помыслы? Какой предлежит ему подвиг, когда будет осуществлять на деле удаление от празднословия? Какой подвиг будет иметь, когда станет исторгать грех, содеянный в жизни своей? Ах, и как представить мне пред вами, преподобнейшие отцы, таковой подвиг? Ей, представлю я вам, но каким образом представлю? Представлю вам в пример св. Иакова Персянина. Берите себе пример с его подвига, подвизаясь так и сами по силе вашей. Сей Иаков, яко человек, шествуя путем жизни своей, зацепился платьем за то колючее дерево зла, говорим: за грех отречения; потом взыскал, как бы отцепиться от того злого соизволения на грех, чтобы опять прийти в расположение благое и снова приять благодать Крещения[1].

Ей, воспринял он ее, но каким борением боролся, чтобы воспринять? Вы скажете, что сей отрекся и оттого так боролся, а нам какая необходимость борения, когда мы не отрекались подобным отречением? Ах, преподобнейшие отцы, кто согреша-

---

[1]Слова сии не следует понимать так, будто св. Иаков был вторично по отречении крещен; смысл тот, что чрез покаянные подвиги св. Иаков потщился снова быть достойным благодати, воспринятой им в таинстве Крещения и утраченной чрез грех отречения.

ет волей или неволей, одинаково допускает отречение пред Богом, ибо содеяние греха есть жертва бесу, как и Иаков принес жертву чрез отречение свое – идолам. Обратите внимание, преподобнейшие, каким борением боролся в деле подвига Иаков. Обратите внимание и на собственную вашу погибель, что из-за сребра и злата погибелию погибели погибаете вы, поклоняясь сребру и злату, как идолопоклонники идолам. У идолопоклонников было чрезмерное соревнование, кто первый принесет жертву идолам и поклонится им; то же бывает и у людей, которые соперничают из-за земного суетного тления и этим губят себя, говорим: погибают они из-за вскружения многопопечительностию тления, губят спасение свое с кружением вещным, соперничают в том, кто первый осуществит себя лживою лихвою в лихоимстве, стяжет различные лакомства, будет помещать и превращать сребро и злато в росте, поклоняться сребру и злату вместо идолов.

Глава LXVII

Об осквернении молитвы помыслами любостяжательными

Вы скажете: мы молитвы идолам не приносим, как же говоришь ты такое? Да, правду сказали вы, что Богу молитву приносите, но, вопрошу я вас: когда вы молитву устами вашими приносите – «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя», – подвигаете язык на молитву, то мысль вашего сердца где бывает? Где гуляет, где кружится и о чем размышляет? Ибо ныне люди не таким образом молятся, чтобы молитва их была им во спасение, но таким образом, чтобы строить суетная и ложная. Входят в церковь, чтобы читать службу, но не прелагают слуха к тому, чтобы слушать службу со страхом и трепетом, читая божественные слова; образ лишь делают, т. е. принимают личину молящихся, воображают же различные образы и помыслом своим помышляют о суетных и лживых земных вещах: как бы обогатиться кому сребром и златом, какую бы постройку построить, как выстроить прекраснейший дом, чтобы он был длинный, широкий, высокий – трехэтажный, имел просторную вместительность, как сад развести с различными деревами плодовыми; в возникновении таких помыслов проходит служба церковная и оканчивается, но помыслы у человека не прекращаются, и он уходит из церкви, не заметив, как и служба прошла. Даже не сознает того, что вышел из церкви, т. е.

6*425

что стоял в церкви, но выходит с таким впечатлением, как бы шел из театра, потому что он как в театре стоял во время богослужения, взирая на помыслы свои, суетные и ложные, и так стоял в стойке своей.

Мирянин, если хочет жить праведно, должен непрестанно в душе своей молиться и, когда сидит за делом, говорить: «Господи, Господи, не отврати Лица Твоего от мене и Духа Твоего Святаго не отыми от мене!» – «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешника!» – «Пресвятая Богородица, спаси немощную душу мою!» – «Кресте Христов, спаси мя силою Твоею!» – «Вси святии, предстательствуйте о мне грешном!» С такими молитвами подобает аскетам делать свое рукоделье, и не только аскетам, но и всем монахам-христианам, дабы, работая руками, два дела рукодельничали – чувственное[1] и мысленное, говорим: рукоделье телесное и душевное в правде и целомудрии. Правда же состоит вот в чем: да трудится каждый, монах ли, или всякий из рода христианского, возделывая дело рук своих, со справедливостию да берет и дает; да размышляет о себе самом, каков он есть и что он всех грешнейший, недостойнейший душою и телом. Тогда, если и повздорит с соседом своим, по действию диавольскому и оскорбят один другого, то почитающий себя недостойным, не возмутится от безчестия и брани, но пребудет спокойным и несмущенным, как будто бы другого кого обезчестили, а не его. Сие дело есть праведность и справедливость для каждого монаха и мирянина. Чистота же целомудрия есть сие: каждый монах и христианин, когда сидит за делом рук своих, да не принимает никакого ядовитого помысла клеветы, которая есть орудие осуждения.

Глава XLVIII

О тимпанах и ликах, вихрях осуждения и к чему это приводит

Как труба требует песни, т. е. мотива, так и многословие требует клеветы; как пение требует (аккомпанемента) гитары, так и злословие – лжи; как гитаре потребны тимпаны и лики, во струнах и органе, так злопамятство ищет злоумышления. Итак, когда эти пять вихрей мира,

[1]Молитва – внутренний, духовный подвиг, но когда она проявляется и во вне, то становится еще и внешним делом, – «рукоделием» (например, перебирание четок, которые держат в руке).

в союзе тимпанном, бьют в струны тимпана, т. е., когда деется осуждение и в союзе с ним начинают действовать и прочие страсти, выше поименованные, тогда увлекается мир гласом тимпана, оставляет простой народ дело занятия своего, чтобы развлечься на зрелище оком своим и насладиться слухом своим, т. е. музыкой осуждения. Оставляют дела службы своей, устремляются на звук дела тимпанного и там возделывают эти пять вихрей мира.

И наслаждаются слушанием и зрением того, как толкут ветер, а плода никакого не получают. Прекратился глас тимпана, глас органа делания безплодия, которое лишь окончательный убыток нанесло[1] занятию... Потолкали люди ветер[2], взалкали, а плода не получили никакого. Взалкав, вспомнили они о занятии своем, вернулись к делу долга своего, видят, что другие уже потрудились в занятиях своих, т. е. окончили, а они лишь приходят только начинать в час вечерний. Когда же[3] открывать? Когда работать, чтобы продать дело работы своей? Говорим: состарившемуся человеку когда открывать занятие покаянное, чтобы возделывать путь покаяния, ибо в тимпане и лике прошли дни жизни его; наконец, алчба спасения потребовала покаяния, но когда ему каяться, чтобы живонапитаться покаянием?

О, старче, ты, который по неведению израсходовал дни жизни твоей на тимпаны, лики, пирования мира суетного и в этом застал тебя вечер, востань же ныне и покажи хотя вмале чрезвычайное покаяние Богу, ибо смерклось, и прежде, нежели вечер сделает отпуст, сделай ты дело покаяния твоего. Но сегодня не имеют склонности к слушанию трубы покаяния; почти все предались трубе погибели, тщеславному оклеветанию гитары многословия и, многословя, ликуют, как в тимпане и лике, во гласе радования, в кичении злопамятства, в ликовании празднословия, во струнах и органах осуждения...

Глава XLIX

«Се бо в беззакониях зачат есм и во гресе роди мя мати моя»

Да, родила мать младенца по чину и естеству женскому,

[1]Мысль та, что празднословие и осуждение, не принося никакой пользы празднословам и осуждающим, отнимает драгоценное время от молитвенных подвигов и других добрых дел. [2]Т. е. насладились болтовнею, празднословием. [3]Т. е. когда приступать к работе.

но младенец не носился (во чреве) по чину и естеству младенческому.

Младенец, когда выйдет из ложесн матери своей и породится банею пакибытия в крещении во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, отверзаются в нем по крещении очи духовные и видит он Трисолнечное Солнце Солнц.

Но сегодня не оберегают себя женщины, как то подобает для чревоносящих по чину и естеству женскому. Закон женский – ведать одного своего законного мужа, с которым повенчана, ведать также и дни соитий своих, т. е. когда закон дозволяет и когда не дозволяет; потому что законным венцом сочетаваются ради чадорождения, а не ради услаждения. Та, которая блюдет себя от лукавства, ту и Бог бережет вместе с младенцем ее; если же мать не будет блюсти себя от лукавства, как будет хранить Бог ее и младенца ее?

Но сегодня много мужей и жен не берегут себя от лукавнования[1] своего, не хранят праздников, ни Владычних, ни Богородичных, ни воскресений, ни иных каких-либо праздников, но одно только делают дело чадорождения своего безо всякого страха Божия и разбора. Чадорождают, но как чадорождают? Чадорождают младенцев с зачатием лукавым, т. е. в сладострастии. Скажете: что такое лукавнование? Лукавнование есть сие: если младенец рождается, когда мать его чиста была от плотской страсти, то становится и младенец семенем чистым.

После теперешних людей, у потомков их младенцы заговорят сразу по выходе из ложесн матери, молвить будут[2] с бабкой, скажут ей: «Осел, жар, понимаю». Говорим: осел – хочет сказать отец или, как ныне говорят: гайдар. Жар – хочет сказать: занятие (матери). Понимаю – хочет сказать: «Понял лукавство родителей моих, т. е. подобно безсловесному животному, ослу, жарко зачат я был в распутстве родителей моих, блудивших и прелюбодействовавших друг с другом; я понял лукавство мира, быв во чреве матери моей, подобен я порождению ослиному. Сие животное не ведает греха, ведает только содеяние плотское и то не всегда: человек же не только ведает грех плотской, но и возделывает оный, также всякие грехи и беззакония мира. Свою жизнь проводит в поведении собачьего распутства, не ведает ни дня, ни часа, но утром, вечером, в полдень, и в полночь «совокупляются люди, как псы; так родился я, жарко зачавшись, как осел, и понял лукавое распутство родителей моих...»

---

[1]Т. е. от рабства плотской страсти.

[2]Беседу новорожденного младенца с бабкой надо понимать не буквально, а иносказательно.

Это и означают слова: «Осел, жарко и понимаю».

Ей, понял, но кого понял? Не иного кого, но лукавство родителей своих в зачатии.

Спрашиваю я вас: когда засеют поле семенем, смешанным с семенем терновым, и поле будет посреди места тернистого, то что произойдет от семени, когда оно прозябнет в земле? Можно ли тогда будет отделить семя тернистое от семени благого? Не иначе разделить можно бы было, как если бы это сделать прежде, нежели посеется: раньше отобрать, а потом посеять; если так отобрано будет семя, а потом посеяно, тогда будет рожь хорошая, не лукавая, но если рожь для посева не будет отобрана, тогда сделается всезлейшею и всележавою. И не только отборным должно быть семя мужа, но отборным должно быть и поле, или жена. Терновое же семя, которое следует тщательно отбирать от семени хлебного, есть помыслы (сладострастные). Если засеется семя мужа с помыслом благим, то и младенец благим родится; если же засеян будет с прелюбодейством и блудом, то, с каким зачатием зачался, с тем и родится; чадородят его, но не порадуются о нем, ибо покинет родителей чадо их, убежит на чужбину и не пребудет с ними, потому что лукавство соединялось с ним при зачатии его родителями, и ради сего не порадуются ни родители о чаде своем, ни чадо о родителях своих. Если мать совратится с пути (законного) в иной, – тогда отстраняется Бог, т. е. оскорбляется благодать таинства Брака, младенец сугубо истощается, почему и не возможет увидеть мать младенца своего (благополучным), ни младенец (порадоваться) о матери своей. Младенец разлагается душевно еще во утробе матери своей, вследствие того, что была она нечистой и сносилась противозаконно, уже имея во чреве своем.

Лукавнование же родителей состоит в том, что лукавые говорят: это венец мой, для того я и повенчался, чтобы исполнить вожделение мое. Да, это есть венец твой, почему и не имеет по закону права на него никто другой, но вы рождаете не по закону, не с чистым расположением. По закону вы венчаетесь, но с противозаконием чадорождаете. Раз вы чадорождаете с противозаконием, то от этого противозаконного зачатия что станет потом с младенцем, который есть сеяние беззакония и добыча распутства? Никакой нет пользы младенцу от такого вашего чадорождения; по вашему лукавству отверзаются у него очи на лукавство еще во чреве матери. Чистота помрачает зрение лукавства, отверзая зрение благодати; в отношении к земному чистота души делает людей непонимающими и, наоборот, просвещенными по отношению к невещественному; лукавство же наоборот: делает людей по отношению

к земному – просвещенными, а по отношению к невещественному – помраченными. Поэтому, когда выходит из чрева лукавое семя, которое родилось и вскормилось с лукавством, то оно окажется с воровством, с лжесловием, неправдами, распутством, мужеложством, прелюбодеянием и другими различными грехами. Если скажешь: почему же оно будет таким, когда вскормится? Потому, что пропал в нем страх Божий. Когда же пропал в нем страх Божий? Т. е. разве не получил он даров Духа Святаго при крещении, а с ними и страха Божия? Да, он крестился, нашла на него благодать Всесвятаго Духа вместе со страхом Божиим и вселилась в нем, но родители не наставляли его на путь спасения; он делал, что хотел и как хотел; ради сего возросло в нем расположение злое, и стал он чадом злым, так как погубили его родители своим распутством. Стало это чадо родителям своим не покоряться, Бога не бояться, потому что пропал в нем страх Божий и поселилось непокорство, прекословие и бесстрашие. Отчего и по какой причине стал он таким? По той причине, что родители не соблюли дня его зачатия, а когда родился, не остерегали его, чтобы он не творил злых своих похотений.

Рождают с преступлением, а посему и не порадуются о чаде своем, рожденном с преступлением.

Глава L

Еще о чадородстве мирян

Да, прожорствуют[1] чадородцы, т. е. миряне, однако, по сравнению с монахами, некоторое имеют извинение, ибо суть в супружестве: но и чадородцам подобает соблюдать себя от обжорства, если хотят, чтобы дети их стали мужами добродетельными и крепкими. Надлежит блюсти воздержание; когда младенец засеменится и зачнется, тогда подобает, чтобы соблюдали себя и не смешивались больше муж с женой; ибо от этого происходит обоюдный вред: во-первых, потому что изнуряется мать, а во-вторых, потому что повреждается младенец; вред младенцу в том, что истощается сила младенца; сила же его – есть премудрость его. Поэтому у еллинов, когда младенец зачинался, отец с матерью соблюдали себя, чтобы больше не соединяться, воздерживались также от прожорственных и многообразных яств,

[1]Т. е. не умеренны в плотских наслаждениях.

чтобы не усиливалась в них сила плотская, чтобы мужу не впасть с женой в сношение, не осквернить этим младенца и тем не обезсилить его. И у всякого, кто воздерживался от прожорства и плотского сладострастия, дети бывали мудрые. Все ученые мудрецы произошли от таких родителей. Но оставим мудрость еллинов и обратимся к безсловесным скотам. У безсловесных животных, когда, по соединении самки с самцом, почувствует она, что восприняла семя, то потом больше самца не принимает, чтобы не испортить в рождаемом природы.

Если у людей мать не убережется от телесного совокупления, имея во чреве, то весьма повреждается сим младенец, так как питается кровию матери своей; если эта кровь матери осквернится семенем мужа и станет ею питаться младенец, то и молоко матери будет оскверненным через невоздержание; тогда что станет с младенцем, который вскормился с нечистотою? Сей младенец будет впоследствии или прокаженным, или паршивым, или худосочным, или с каким иным недостатком; невозможно, чтобы не был он чем-либо заклеймен; жизнь его будет лукава, запятнана ложью, воровством или иным чем подобным; ибо зачат он был с распутством, вскормлен кровию оскверненною и молоком распутства. Итак, подобает, чтобы мать чиста была от всякия скверны, дабы и младенец чист был от всякого осквернения. Если она будет хранить себя от обжорства и плотского соединения, то и младенца своего охранит чистым, младенец ее будет всегда кротким, навсегда останется при родителях своих, т. е. хотя и не телом, но будет любить их. Если же родители не будут блюсти себя от этих двух вин, то узрят и младенца своего диким, преслушным, всегда смущающим родителей своих (или прогневляющим).

Мнят таковые родители, что родили чадо ради промышления о них в старости, но, так как вскормился он в нечистоте их, то и не имеет потому страха Божия в себе, а причиняет родителям своим только печали.

Глава Ы

Мир погибает от блуда, прелюбодеяния и разврата, а монашество — от многопопечения, многозаботливости и многостяжания

Подобно тому, как приходящий из мира в монашескую жизнь должен отлепиться от вещества мира, так и мла-

денец должен отлепиться от утробы матери своей, выйти из ложесн и соединиться с миром, т. е. вступить в жизнь.

Да, соединяется младенец с беззаконием мира, но почему? Соединяется младенец с погибелью мира потому, что и родители его погружены в погибель погибели; отсюда и младенец ведает всегда только о земных, а о небесных забывает, к погибели делается чутким, а ко спасению безчувственным; боится так подвига спасения своего, как будто за это мучим будет в погибели, самой же погибели не боится, но наиболее печется о ней, как бы ею надеясь спастись. Так и в монашеской жизни ныне бывает.

Монашество и мир есть супружество. Если муж ведет целомудреннейшую жизнь, то благообразит ею и жену, т. е. делает и ее нравственною. Говорим: если монахи живут с чистым расположением, то и мир благообразится, т. е. делается нравственнее.

Чистое расположение монаха состоит в том, дабы совершенно отречься от жизни мирской, кружительной; кружения же жизни мирской суть: многопопечения, многозаботливость и сокровиществование.

Действие сих трех последних на мир таково, что из-за них помрачает себя мир и не видит благодати Божией. Так точно помрачается этими тремя и монашеская жизнь.

Но какие суть те три другие, которыми наипаче лишается мир света благодати Божией? Они суть: блуд, прелюбодеяние и распутство. Ибо, если блудит отец, то блудить будет и чадо; если прелюбодействует отец, будет прелюбодействовать и чадо; если распутствует отец, распутствовать будет и чадо...

Итак, если монашеская жизнь утратила спасение свое, то не тем ли паче утратил мир целомудрие, и нечистыми сделались миряне? Монах, как мы выше сказали, есть муж, он потерял силу свою, тем более жена – мир – удержит ли силу свою?

Мир есть женщина в сравнении с монашеством... Если муж безсилен, то жена еще безсильнее; не тем ли паче безсильным будет и семя их? Т. е. последующие поколения христиан и монахов.

Как зачинаться будут, таковы будут и младенцы? Младенцы будут безсильны подобно отцу и матери своей, т.е. новые поколения монахов. Ибо отец растратил силу свою в многопопечении и сокровиществовании, а жена, которая по естеству безсильна, паче того обезсилела от трех дел мира: говорим – блуда, прелюбодеяния и разврата. Эти и обезсиливают жену, т. е. мир.

Глава LII

Дивное домостроительство Божие о спасении человека. Воплощение, омовение первородного греха крещением, искупление Адама распятием. Дарование людям второго крещения покаянием

Человек становится преступником и нечистым от зачатия своего, т. е. получает зародыши нечистоты.

Ради этого сошел с неба Бог и даровал божественное крещение, чтобы очищать человека от прародительской нечистоты и ради сего Сам Сын Человеческий крестился. Но зачем крестился и почему, раз Он не был зачат в беззаконии, но воплотился от Духа Свята? Великого Совета Ангел сделался совершенным человеком и был совершенный Бог, крестился крещением, очистив тем нечистоту беззаконного зачатия и преступного рождения.

Но не вместе с крещением очищения явил крещение покаяния, но, во-первых, явил крещение очищения, а потом – крещение покаяния. Крещение очищения производится без горечи, но с благодушием, с возрадованием, а крещение покаяния – со слезами и со скорбями.

Беззаконное же зачатие и по крещении продолжает действовать, т. е. влиять на помысл человека, как змий на Еву, т. е., хотя чиста была тогда Ева, однако приступил к ней змий с искушением. Так и по крещении – обычный грех, изведанный душою, приступает к душе и по освобождении ее от него через таинственное крещальное действие Духа Святаго. Душа, хотя и освободилась в крещении, но легко принимает снова совет змиев и снова впускает духа нечистого в дом свой, выметенный и пустой. Конечно, душа, зачатая от праведных родителей и меньше знакомая со грехом от зачатия своего, будет и по крещении тверже сопротивляться советам змиевым и сильнее ненавидеть их.

И вот воздействует помысл, т. е. мысленное греховное вожделение, на плоть, оскверняя крещение подобно тому, как подействовал змий чрез Еву на Адама, и осквернились оба чрез преступление.

Авель же зачат был после Каина и омыт был благословенный горчайшими оправданиями, т. е. слезами покаяния Адама и Евы.

Итак, весь род человеческий стал зачинаться во грехе и

рождаться в беззаконии, но Ева с Адамом не были зачаты с беззаконием, но осквернили себя нечистотою преступления и были изгнаны за сие преступление. Итак, кому возможно было очистить их от преступления?

Адам, по преступлении своем, сидя напротив рая, на той проклятой земле, горько плакал и показал великое покаяние: день и ночь, взирая на преступление свое, он говорил, стеня и рыдая: «Горе мне, несчастному! Что это я сделал? Ох, как изгнался я из рая?! От какого сладчайшего Создателя всяческих я отогнан!.. Увы мне, лишенному тех благ райских, которых око не видало, ухо не слыхало и язык не изрекал о таковых!.. Я же как лишился их? Как я изгнался? Никто другой не изгнал меня, сам я соделал преступление мое...» Так сознавал Адам преступление свое и горько плакал, но что была за польза? Кто мог теперь освободить его из ада? Никто не мог освободить его из той проклятой бездны преступления, только единый Бог, Создатель, Царь создания, Который и воплотился ради сего от Духа Свята; Великого Совета Ангел, Чуден Советник, в вертепе родивыйся, снисшел с небес. Но кто Его низвел? Низвело Его покаяние и плач Адама. Слезы Адама притянули Его, как магнит железо. Сошел, воплотился, стал совершенный человек, пребыл же и совершенный Бог, очистивший нечистоту зачатия человеческого. Очистил, но как очистил? Очистил ее Духом Святым и огнем.

Но для очищения Адама требовалась прискорбнейшая горечь, т. е. страдания. И совершил Господь сие, устремившись в баню страстей – и пострадал; как говорится: «И страдавша, и погребенна». Вкусил смерть, как совершенный человек, каким был, скончавши тем все присущее человечеству. Как совершенный же Бог, крестившись крещением очищения, очистил естество человеческое от беззаконий зачатия, а потом явил крещение покаяния – словом и делом.

Явил словом, когда сказал: «Можете ли пить чашу, которую Я пию и крещением, которым Я крещаюся, креститься?» (Мк. 10, 38). Делом же было то, когда Он претерпел скорби, долготерпел в страстях, смирился до смерти с долготерпением Своим – заушился, был бичеван, поруган, от раба в ланиту ударен спасения нашего ради, венец из терния приял, переносил злострадания и муки человеческие с долготерпением, так как был совершенный человек, всякое действие человеческое совершал, т. е. ходил, ел, спал, как совершенный человек, кроме только греха, так как был Он Един совершенно безгрешный. Сие подобно тому, как если бы был какой человек злого расположения, соделывающий дело злое, и был бы другой –

доброго расположения. Добрый видит злого, делающего противозаконие и погибель души своей, печалится, сетует, стенает о погибели брата и посылает ему письма об исправлении. Но злой получает то письмо, бросает его под ступни ног своих, даже узнать не желает, что говорится в письме. И слышит доброжелательный человек, что злой не покоряется его совету, который он ему написал ко исправлению его, – посылает он людей верных, чтобы они убедили его ко исправлению. Пошли те благословенные люди, стали злому советовать исправиться; он же, услыхав советы посланных, убеждавших его исправиться, разгневался, содеял им зло, одних бил, других посадил в темницу, иных казнил, иных убил. Когда доброжелательный человек услыхал, что злой убил тех, которые были посланы к нему, то опечалился, скорбя о погибели человека.

Можно ли ему что сделать, чтобы исправить человека? Да, можно, но что можно? Можно было бы употребить наказание во отмщение. Но отмщение уже деялось, ибо человек отмщения ради погибал, как говорится: «Бог отмщений Господь, Бог отмщений, не обинулся есть». Ей, отмщал Бог человеку, но человек из-за отмщения Божия погибал.

Глава LIII

Посольство Моисея

И Бог, как тот доброжелатель, ведая греховность человека, послал людям чрез Моисея скрижали с десятью заповедями, а так как Моисей был косноязычный, то имел при себе брата, Аарона, чтобы тот излагал народу заповеди, написанные на скрижалях, и передавал их в чувство человека... И меня Бог послал, как скрижали, к тебе, который косноязычен[1]...

И вот увидел Бог, что глаголов скрижалей не слушают, что люди сделались безчувственны ко исправлению своему и творят злые дела подобно тому, как и ныне люди стали безчувственны ко глаголам спасения.

Так как люди сделались непокорны к повелениям Божиим, данным чрез Моисея, то вслед за ним послал Бог пророков, чтобы прорекли они, что имеет быть, и истолковывали бы скрижали, которые изрек Бог Моисею.

[1]Здесь «косноязычный» (заикавшийся) Феофан сопоставляется с Моисеем. Как Моисей был послан Богом к евреям, так косноязычный Феофан предназначен преподобным в качестве вестника гнева Божия афонцам, если они не покаются.

Увидели неблагодарные иудеи, как объясняют пророки скрижали и что предсказывают, разгневались против пророков, иных побили, других затворили, а иных убили. Тогда Бог, увидав непокорство людей, послал Сына Своего Единородного, чтобы Он истолковал им скрижали Моисея.

Глава LIV

О посольстве Ионы, бывшего прообразом не только погребения тридневного, но и воплощения

Итак, послал Бог Сына Своего, но как послал? Если бы Он послал Его просто и как придется, то кто поверил бы Ему, что Он есть Сын Божий? Ей, верим мы Ему, но почему верим? Мы верим потому, что родился Он чудесно, как прообразовал Его пророк Иона.

Когда послал Бог Иону в Ниневию проповедовать, то сначала ожесточил сердце его, а потом повелел идти. Иона бежал в другое место, но укрыться от Бога не мог, потом пошел в Ниневию. И так первое его бегство было промыслительно попущено Богом, чтобы ему прийти в Ниневию чудесно, во чреве кита. Ибо, если бы он пришел просто и как придется, то не стали бы ему верить. Ради этого вошел он предварительно в чрево рыбы, во образ Сына Божия, вошедшего волею во чрево человеческое; через три дня Иона вышел из рыбы на берег Ниневии и стал проповедовать. Ниневитяне поверили, так как увидели, что Иона невредимо вышел из рыбы. Подобно этому, Сын, Слово Божие, вышел из утробы Девы Марии, и никакая человеческая скверна не коснулась Богородицы. Подобно тому, как Иона оставался во чреве рыбы и по трех днях невредимо вышел, так и Всесвятая Дева родила неискусомужно Сына Своего, Младенец не поболел, а Дева Богородица не искусилась в девстве Ее, но и по рождестве, как и до рождества, пребыла Она нетленной; посему говорится: «До рождества Дева, в рождестве Дева и по рождестве Дева...»

Глава LV

Посольство Крестителя

Бог предсказал о пророчестве верных пророков Своих, говоря: «Глас вопиющего в пустыни, уготовайте путь

Господень» (Ис. 40, 3). Кто же есть сей глас в пустыни? Глас есть Иоанн Креститель, вопль есть – покаяние, а пустыня – проповедь покаяния, ибо тот, кто привлекается проповедью покаяния, делает себя пустым от всех благ земных. Сего ради и сказано, что проповедал Иоанн в пустыне иудейской. Еще смысл имеет пустыня – преступление заповедей, Иудея же – непокорство человеческое, ибо люди не покоряются заповедям Божиим, как иудеи. Проповедовал Иоанн глаголы скрижалей, которые рек Моисею Бог: чти отца твоего и матерь твою; не прелюбы сотвори; не кради; не убий; не лжесвидетельствуй против ближнего твоего; не пожелай жены ближнего твоего: ни села его, ни раба его. Сии и другие подобные глаголы гласили скрижали Моисея. Предтеча же в своей проповеди толковал глаголы скрижалей в призыве к покаянию.

Посему говорится: в пустыне вопиет Предтеча. Да, вопиет, но что вопиет? Вопиет и говорит: «Покайтеся, приблизилось бо Царствие Небесное» (Мк. 1, 15). Что же означают сии слова? Приблизилось Царство Небесное есть сие. Господь Бог, видя непокорство человека, совет сотворил послать возлюбленного Своего Сына – не постыдятся ли Его, не покорятся ли Единородному Его Сыну?

Глава LVI

Как исполнять в монашестве заповедь о почитании отца и матери

Заповедь говорит: «Чти отца твоего и матерь твою». Это означает сие: Отец для человека есть Сын Божий, Матерь же есть Святая Дева Мария, из Которой Он воплотился и вочеловечился, чтобы ты всю любовь твою и все почитание твое всецело имел к Сыну Божию и пламенною любовию любил бы Матерь, Всесвятую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию.

Если же любишь и чтишь Всесвятую Богородицу вместе с Сыном Ее, то чтишь и любишь также мать и отца твоего по плоти; ради сего и изрек Бог эти глаголы в скрижали Моисея: «Чти отца твоего и матерь твою» и «Люби ближнего твоего, как себя». Если же ты не чтишь отца твоего и матерь твою, которых видишь каждый день перед собою, то как возможешь любить Сына Божия и Матерь Его, Которых не видишь? И как говоришь, что любишь Бога, если ненавидишь отца своего

и матерь свою; если ты говоришь, что любишь Бога, то лжешь пред Богом[1].

Отец же есть старец твой, а мать – духовник твой. Итак, если не любишь старца твоего и духовника твоего, если ты еще и преслушлив к старцу твоему и духовнику, не имеешь их в почете, противоречишь тому, что они тебе говорят, а при всем том говоришь, что любишь Бога, то ты лжец пред Богом. Тогда только не подобает слушаться старца своего, когда он блудник, еретик или ведет тебя на путь погибели и к догматам еретическим. Подобно же и духовника твоего, тогда только да не слушаешь, если он блудник или еретик. Если же они не таковы, а ты не хочешь любить их и слушаться их, и говоришь, что любишь Бога, то лжешь пред Богом. И опять, если и любишь старца своего, но не делаешь то, что он повелевает тебе по Бозе, а говоришь, что соблюдаешь заповеди Божии, то лжешь пред Богом.

Потому-то не сказал Бог в глаголах, которые дал Моисею на скрижалях: «Меня любите» или «Покоряйтесь тому, что говорю вам», но сказал: «Чти отца твоего и матерь твою». Это значит, если родителей не будете чтить, то не будете покоряться Мне и глаголам Моим, которые Я изрек на скрижалях, дабы чтили и любили Сына Моего с Материю Его.

Глава LVII

Так возлюбил Бог мир, что Сына Своего дал. Кто званые

Если положил Бог совет послать Единородного Своего Сына, то кто в силах был возбранить Ему, т. е. какие грехи, злодейства и неблагодарность людей могли остановить этот совет Божиего человеколюбия?

Положил и Авраам совет, т. е. решился принести сына своего в жертву Богу, так как имел чрезвычайную любовь к Нему. Но совершил ли он совет свой? Нет, не совершил, потому что ему помешали, не люди помешали ему, но воспрепятствовала тому безграничная милость Божия и любовь благостыни Его.

Какой человек возможет возлюбить Бога больше того, нежели сколько Бог любит человека? Да, человек любит Бога, но почему же не принес он в жертву сына своего? Очевидно, потому, что не имел такой любви к Богу, какую Бог имеет к человеку.

[1]Означенные слова довольно близко напоминают 1 Ин. 4, 20.

Любит человек Бога, но с двойственностью; Бог же никакой двойственности в любви Своей к человеку не имеет. По чрезвычайной Своей любви к человеку принес Бог в жертву Единородного Сына Своего. Положил человек совет принести в жертву сына своего, но был остановлен, воспрепятствовал ему в том Бог. Но Богу кто был бы в силах воспрепятствовать? Сделал совет и сотворил дело. Совет же Его был: да принесу в жертву Сына Моего и созову званых Моих, дабы возвеселились в Царстве Моем.

Званые суть грешники, кающиеся. Поэтому, кто кается во грехах, тот возрадуется во Царствии Божием.

Глава LVIII

Что значит: «Приблизилось Царство Небесное» и «Уготовьте путь»?

Как только грешник обратится к покаянию, сейчас же оказывается близ Царства Небесного; посему и говорит в проповеди Предтеча: «Покайтеся, ибо приблизилось Царство Небесное». Или говорится: «В пустыне вопиет Предтеча Христов: уготовьте пути и стези Бога нашего прямы сотворите» и т. д.

Что значит: уготовьте путь?

Это значит сие: когда царь захочет пойти в какое малое и низшее село, то посылает вперед чиновных своих, чтобы уготовали путь, то есть подмели бы. Говорим: чтобы покаялись, обратились, очистились, сиречь, исповедались и просветились.

Спрашиваю я вас: если место плохое, то можно ли ввести царя в него?

Ради того и послал Он сановника Своего, говорим: Предтечу, – дабы уготовал он путь Господень. Итак, село есть человек; презренное есть преступление. Посему и уподобляю я его селу тому.

Итак, если то село осквернено псилафизмами, загрязнено злым расположением, неочищенно от злосмрадностей, тогда как возможно царю прийти в то место?

Итак, Бог, увидав такое осквернение, положил в предвечном совете освятить естество человека и сего ради послал Предтечу, чтобы он приуготовал путь Господень; потом Сам пришел Бог и исполнил совет Свой о спасении людей.

Глава LIX

О трех предначертаниях предвечного совета

Но как исполнил Бог совет Свой, чтобы прийти и освятить естество человеческое? Ей, пришел, стал человеком, снова освятил человека человеческим естеством Своим, т. е. освятил воды во Иордане, потом искупил грех крестными страданиями человечества Своего, дав Плоть Свою и Кровь Свою в снедь людям.

Почему не сделался Он человеком с обыкновенным зачатием человеческим, но зачался Мариею Девою со словом Божиим (архангела)?.. Очевидно, потому что должен был воплотиться Великого Совета Ангел, Чуден Советник, посему и Совет Предвечный был о вочеловечении Его. Поэтому Сын Божий воплотился, не с семенем человеческим зачавшись. Но Он стал совершенный человек, показал Свое человеческое естество тем, что был обрезан нашего ради спасения, вскормлен, послушен даже до смерти и смерти крестной. Положил Бог в Совете, чтобы Он воплотился, и вот Он воплотился и с промыслительным воплощением исполнил Совет.

Бог, увидев, что исполнился совет Его о промыслительном воплощении, исполнил и второе Свое предначертание. Оно заключалось в том, чтобы освятилась рождаемая плоть человеческая, ибо осквернился человек от зачатия; поэтому и был второй Совет Божий, чтобы освятить человека. Но как освятить? Так, чтобы и святым сделать. Освятить – это то, что говорит Предтеча: «Я крещаю вас водою» (Мф. 3, 11), а делать святым есть следующее: «Грядет Крепкий, мене вслед, Ему же несм достоин отрешити ремень сапогу Его. Сей крестит вы Духом Святым и огнем» (Мф. 3, 11). Это и значит сделать святым. Так содеялся и второй совет о оправдании крещением, как о том сказал Иисус Иоанну: «Остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всякую правду» (Мф. 3, 15). Когда Великого Совета Ангел промыслительно воплотился, то исполнил первый совет Божий, второй совет был тот, чтобы Дух Святый сошел в виде голубином и пришел к Нему вместе с гласом: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих»[1] (Мф. 3, 17).

Совершив второй совет, Бог приступил к окончанию и третьего совета. Третий же совет был тот, чтобы ради любви, кото-

[1]Крещение Господа нашего Иисуса Христа во Иордане было посвящением Его на служение роду человеческому.

рую имеет Бог к человеку, пострадать Христу. Скажете, зачем Сыну Божию должно было пострадать?

Когда преступил Адам заповедь Божию и изгнан был из рая, то восплакался горько, взирая на блага рая; но не помогали ему те плачи, как не помогают и тем людям, которые в аду. Звала их Церковь к покаянию, но они пребывали во грехе; наконец, отдали общий долг, отверзли очи свои в аду, мучатся там, каются, жалостно плачут, но пользы от того никакой не имеют, как говорится: «В аду нет покаяния»... Так было и с Адамом, когда он плакал безутешно, взирая на те блага райские, и каялся.

Принес Адам пред Бога покаяние недомыслимое, печалился Бог об Адаме, видя такое его покаяние, но как было можно освободить Адама, когда преступление его стало стеной медяной между ним и Богом? Вот, сего ради и сошел Бог, воплотился и пострадал то, что пострадал в тех Святых Страстях Своих. Прежде же того явил крещение правды[1], а потом показал долготерпение Свое в страстях.

Глава LX

О том, как делом показал Господь крещение покаяния

Таким же образом явил нам делом Господь и крещение покаяния.

Одним водным крещением Адам не освящался, но требовал еще горького трения, чтобы отпал от него грех. Ради сего потом и отверзся Царский Источник, т. е. Ребро Господне и ток Крови Его, чтобы омылось преступление Адама, чтобы тридневною смертию освободился бы Адам из того плена греховного, в который за противозаконие впал даже до глубины ада. Тернием же горчичным, целительным для Адама, были страсти Господа нашего Иисуса Христа, долготерпение Его, уничижение, которым Он был уничижен, претерпел изгнание, предательство, заушение, бичевание и прочее; все эти терзания были и суть целительная горчица, которою подобает целиться людям. Поскольку тереть будет себя человек горчицей этой, постольку будет освящаться душою и телом, так же, как и Адам, согрешивший и покаявшийся, ради покаяния его просвещенный теми страстями Господа нашего Иисуса Христа и очищенный от беззакония.

Итак, чтобы скончать совет Божий и омыть преступление

[1]Крестившись от Иоанна во Иордане.

Адама, отверзся этот источник Царский для омовения преступления. Как же отверзся тот недосязаемый источник и потек? Не ино отверзся сей источник, но с искупительными страданиями Самого Господа, со стенаниями, со скорбью, с печалью о погибели человека; весьма прискорбен был Христос о грехах человека: «Прискорбна есть душа Моя до смерти».

Поэтому и человеку подобает быть прискорбным о пагубе своей, которая ему приключается, т. е. весьма болезновать должен человек о грехах, случившихся с ним, с великим сожалением о них каяться, а не холодно и легкомысленно. Да, каждый подвержен греху и яко человек погибает, т. е. впадает в грехи человеческие, но не должно быть безпечным о погибели своей, но следует озаботиться о том, чтобы иметь и сокровиществовать печаль в сердце своем, всю жизнь быть прискорбным до смерти, как говорил Господь: «Прискорбна есть душа моя до смерти» (Мф. 26, 38).

Глава LXI

О том, как отверзся Царский Источник из ребра Спасова

Итак, чтобы скончался спасительный совет Бога, восстали против Него столькие искушения; Он искушен был святыми страстьми. По заушении, оплевании, бичевании, поругании, оклеветании вознесли его на страсть на возвышенном месте, на позор человекам, пригвоздили, как злодея, посреди двух разбойников, из которых был один хульник, а другой поминается[1]. Вознесли Его на высоком месте; на крест, чтобы опозорить Пречистое Тело Его, но этим мучители опозорили самих себя и до днесь. Вознесли Его на высоком месте, сие было делом промыслительным, ибо, если у кого есть сад, то где роется систерна, чтобы могла она напаять сад? Конечно, на месте высоком, т. е. выше уровня сада лежащем, ибо, если она будет на низменном, сад не может напаяться и дерева плодовые останутся безплодными. Поэтому и скончал Он совет Свой на месте высоком, отверз тот пресветлый источник[2], напоил и напаяет сад до сего дня и, поскольку упаяются им древа плодоносные, по-

[1]Т. е. и по днесь прославляется Церковию.

[2]Ср.: тропарь «Спасение соделал еси посреде земли, Христе Боже, на Кресте пречистеи руце Твои простерл еси, собирая вся языки зовущия: Господи, Слава Тебе». Ср.: Канон Животворящему Кресту, 4-я песнь: «Твоя высота, Живоносне Кресте, воздушнаго князя биет».

столькy дерева и плоды приносят, так что одно приносит плод десятерицею, а другое остается безплодным...

Глава LXII

Почему кровь Господня одних искупила и взошли они в рай, а другие и по воскресении Господнем остались в аду

Когда совершился тот третий совет Божий – распяться Ему и волею излить Пречистую Кровь Свою, как говорится: един от воин копием ребра Его прободе и абие изыде Кровь и вода (Ин. 19, 34); когда распростерся Чуден Советник на Кресте, отверзся пресветлый источник, потекла та сладчайшая Кровь, то Христос сошел во ад. Сошел, но как сошел? Когда приял Иисус оцет, сказал: совершишася (Ин. 19, 30), и предал дух. Куда предал его?[1] Одесную Отца, как говорится: «Седяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живых и мертвых». Да воссиял одесную Отца, но не тотчас воссиял, но когда вывел праотца Адама и прочих праотцев, потом лишь вознесся Пречистым Телом Своим и воссел одесную Отца.

Вывел праотцев из темницы адской, но как вывел? Вывел их следующим образом. Когда стал сходить Иисус Христос во ад, чтобы освободить праотцев, то не отворяли Ему врат ада, ибо только при входе во ад грешника открываются врата просто и без задержки.

Так как Господь наш Иисус Христос был безгрешен, то и не открывали[2] Ему врат адских. Там был святый Предтеча и говорил: «Грядет Освободитель наш, чтобы нас освободить». И ожидали веровавшие события слов, которые говорил Честной Предтеча, взыскивая, наследуя и испытывая, когда же придет Христос, чтобы их освободить.

---

[1]Ср.: Пасхальный тропарь. «Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в раи же с разбойником и на престоле был еси, Христе, со Отцом и Духом, вся исполняяй Неописанный». Ср.: *1 Петр. 3, 18-19* – «Был умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам сошед проповедал».

[2]Слова эти надобно понимать, конечно, не в буквальном смысле. Мысль здесь та, что Иисус Христос, сошед во ад, вступил в борьбу с силами ада («врата адовы» – Мф. 16, 18 – силы ада); борьба окончилась победой Христа и поражением диавола. Такая мысль ясно высказывается и в церковных песнопениях. Например, «Снисшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси вереи (затворы) вечныя» – *Пасхальный канон.* «Врата адова сокрушил еси, Господи» – *Октоих, глас 4, воскресная стихира.*

Посему говорится: «Врата адовы сокрушил еси Господи» – *Октоих, глас 4, воскресная стихира.* Да, сокрушил Он врата адовы, но как сокрушил их? Сокрушил их с правдою. Не всех держимых там Он вывел, но только веровавших и чаявших Его. Наступил Христос пречистой стопой Своей на врата, тотчас сокрушились они, вошел Иисус Христос во ад, пошел туда, где были собраны праведные праотцы, поучал их о божестве Своем, как воплотился Он для того, чтобы освободить человека, и исполнилось то, о чем поучал Предтеча. Те, которые уверовали, освободились из ада.

Глава LXIII

Кто будут «благословеннии Отца Моего» и кто будут «проклятии»

Слова: «Приидите благословеннии Отца Моего» будут сказаны для тех, которые уверовали, что Господь наш Иисус Христос есть Единородный Сын и Слово Божие. Подобает не только веровать, но и соблюдать нерушимо заповеди Божии. Ибо, если заповеди не соблюдаются, то вера без дел не пользует нисколько: «Идите от Мене проклятии», – будет сказано немилосердным, неправедным, злодеям и прочим грешникам. Таковым Судия Праведный скажет: «Идите от Мене проклятии», о вас, в беззакониях зачатых и в нечистоте греха рожденных, Я, воплотившись и став совершенным человеком, много промышлял, много потрудился, чтобы очистить вас от той проказы зачатия, дал вам заповеди, а, если по немощи вашей осквернитесь и победитесь грехам, яко человеки, – дал вам для очищения от этого слезы покаяния, но вы не только не каялись в том, что осквернили благодать Божественного крещения, Мною вам данного, но осквернили еще и крещение покаяния, сделались еще худшими, чем прежде, презрели заповеди, которые Я изглаголал вам для спасения вашего. Сколь вы неблагодарны: Я терпел вам семьдесят крат седмерицею; хотя и видел неблагодарность вашу, долготерпел вам до сна смертного, ожидая вашего покаяния, но вы, получив покаяние, осквернили его грехами. Посему идите от Мене, проклятии, во огнь вечный для мучения в вечном огне.

Глава LXIV

Что значит: древо, насажденное при исходищах вод? О происхождении Креста. О покаянии Лота, как прообразе монашеского покаяния

Было насаждено древо, прозябло в раю, отросло и принесло прекрасные плоды[1]. Животворящий Крест Христов на Голгофе не дал чувственных плодов, но духовный плод дал прекраснейший. И отдает сие древо спасающимся весь Плод свой, т. е. всего Господа, древо не обезпложивается и благодать плода не истлевает.

Посему человек, когда впадет в грех, то спешит к покаянной исповеди; покаяние исповедное простирает к нему руку, как Авраам Лоту[2], дает кающемуся обгоревшие палки для насаждения на месте безводном и слезного поливания – жизнь монашескую; принимает ее человек – и она поставляет его на делание спасения; монашескою жизнию возделывает он спасение свое, слезами омываясь, как возделывал и Лот покаяние свое за содеянное в опьянении, ради чего и напаял, согласно канону своему, то древо, нося издалека воду для поливки и поливая себя слезами. Так подобает и человеку возделывать дело спасения своего (т. е. в монашестве), чтобы соделалось спасение его и осияла его жизнь монашеская преосиянием делания спасительного. Ей, возделывали и осиявали монашескую жизнь прежние отцы, но сегодня, вместо того, чтобы возделывать свое спасение, нерадят о нем, омрачают себя жизнию мира сего; вместо того, чтобы работать в жизни монашеской, закруживают себя сокровиществованием веществ мира сего, вдаваясь в житейские заботы и попечения. Пекутся, заботятся, сокровиществуют, но разоряются в спасении своем (досл.: нищими делаются). И так пропал путь спасения (т.е. извратилась жизнь монашеская).

Глава LXVI

Христос воскрес – воистину воскрес!

Распяли иудеи Царя своего и Благодетеля, хулили и хулят

[1]Сопоставление древа эдемского и Животворящего древа на Голгофе.

[2]Здесь разумеется предание о том, что Лот, содеявший грех, по внушению

Его до сего дня, говорят, что ученики украли Его. Но как могли украсть Его ученики, когда Он был окружен столькими воинами? При такой охране гроба, при стольких воинах, вооруженных и охранявших Его, как возможно было ученикам отлепить синдон от Пречистого Тела Его? И еще: какая была им нужда отлеплять синдон от Тела? Спрашиваю, теряет ли вор даром время во время воровства? Если бы тело Христа было похищено, то похититель немедленно и убежал бы; какая была бы ему еще нужда сидеть и тратить попусту время? Ученики Христа, если бы на самом деле украли тело Господа, то что за нужда была бы им стоять там, отклеивать синдон от Тела и производить такой шум? Самое это обстоятельство свидетельствует о том, что воистину Господь наш Иисус Христос воскрес, а не украли Его; почему в знамение истинности воскресения оставил Он синдон Свой и сударь. Удивились весьма воины, увидев сие знамение воскресения и возвестили все иудеям. Иудеи же, услыхав, что Господь наш Иисус Христос воскрес, смутились весьма и сказали воинам: «Возьмите дары и скажите, что пришли ученики и украли Его, когда мы спали». Итак, прияв дары и прочее, воины стали разглашать в городе, что ученики украли Его «нам спящим» (Мф. 28, 11-15).

Некоторый человек, услыхав, что воины разглашают, будто Тело Иисуса Христа украдено, вопросил воинов и сказал: «Где же вы были, когда украли тело Иисуса Христа?» Говорят воины ему: «Мы спали, те пришли и похитили Его». Говорит человек: «Сколько было вас стражей?» Говорят ему: «Двадцать пять». Говорит человек: «Двадцать пять стерегло?» Говорят ему: «Двадцать пять». Говорит человек: «Пусть двадцать пять, но вас в сотне пятьдесят, где же были другие двадцать пять?» Говорят воины: «Не было их, мы только были». Говорит человек: «Пусть будет двадцать пять, но как при двадцати пяти человеках в силах они были прийти и украсть Тело Иисуса Христа? Итак, этим вы не то проповедуете, что Его украли, но то проповедуете, что воистину воскрес Иисус Христос. И, так как ученики Его из боязни иудеев не проповедуют о воскресении Иисуса Христа, то вот вы сами это восполняете и сами иудеи платят вам за то, чтобы вы проповедовали, что воистину Христос воскрес»[1].

Так сказал человек воинам.

Авраама, заглаживал его особым подвигом или покаянной эпитимией, насаждал дерево. Около Иерусалима, в Крестном монастыре, показывают то место, где было посажено Лотом дерево, уход за каковым деревом и был для Лота своего рода эпитимийным подвигом.

[1]О сей беседе неизвестного лица с воинами в Евангелии ничего не сказано.

Итак, проповедь воинов была проповедью воскресения, а не хулы украдения.

Да, проповедуют воины, что пришли ученики и украли Его. Сумасшедшие, слыша лживую проповедь воинов, верят, но люди просвещенные не верят тому, а верят, что воистину воскрес Господь наш Иисус Христос.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О МОНАШЕСТВЕ

ГЛАВА I

О хранении иереями сердца своего неоскверненным по святом Причащении

Иерею подобает прилежно блюсти себя по совершении литургии, хранить дух свой мирным и несмущенным, отнюдь не допуская в себе гнева, ни делом, ни словом, ни мыслию, ни воспоминанием.

Иерею подобает возбуждать в себе любовь к Господу, как говорится: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя; Господь – утверждение мое, прибежище мое, избавитель мой, Бог мой, помощник мой и уповаю на Него»; Бог любви ради Своей ежедневно погребается в сердце иерея (на литургии); иерей становится тогда обителию Господа, Его сосудом и сокровищницей.

Иерею подобает особо остерегаться празднословия, дабы не загрязнить себя им, ибо празднословие, сия зловоннейшая грязь души, оскверняет сердце иерея.

Празднословие заражает смрадом дыхание иерея, которым только что вдыхал благоухание Пречистых Тела и Крови Господних[1]. Празднословие оскверняет язык иерея; празднословие

[1]По освящении даров, в ектении «Вся святыя помянувше», св. Церковь молит Господа, чтобы Господь, приняв освященные дары в пренебесный и мысленный Свой жертвенник, «в воню благоухания духовного», вознипослал молящимся Божественную благодать и дар Св. Духа.

оскверняет губы и уста иерея. Празднословие оскверняет голос иерея.

О, иерей! Грязнящим празднословием помрачаешь ты чувство ока, т. е. духовное зрение или свет души.

О, иерей! Грязнящим празднословием грязнишь ты слово твое!..

Празднословящий иерей оскверняет все свои семь чувств мысленных, т. е. веры, надежды, любви и прочих добродетелей. Можно ли иерею, когда он столь осквернен, чистою совестию возглашать: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами»?

Но видишь ли ты, о, иерей, какую белую, тонкотканную благодать даровал тебе Бог? Зачем же загрязняешь и оскверняешь свою душу празднословием?

О, иерей! Не буду тебе больше подробно изъяснять, скажу лишь, что празднословие порождает все беззакония.

Вонмите, освященные, иеромонахи и вы, всечестнейшие монахи, словам божественного апостола, который говорит: «Не прельщайтеся, ибо ни хищницы, ни неправедницы, ни ленивцы, ни досадители, ни пьяницы, ни любостяжатели, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложцы Царствия Божия не наследят» (1 Кор. 6, 9-10).

Глава II

Увещание св. Нила послушникам не прельщаться мечтой об уединенном подвижничестве и безмолвии и не уходить из обителей своих

Вонмите, священницы, иеромонахи и вы, досточтимейшие иноки, не взыскуйте одиночества, ибо в одиночестве оба пути, т. е. спасения и погибели, покрыты мраком и неизвестностию; трудно отличить в одиночестве дорогу, которая приводит в ад кромешный, в наследие Денницы, от той дороги, которая приводит во всечестное наследие Господа и Спасителя нашего, Иисуса Христа, т. е. в прекрасный, благолепный, цветоукрашенный рай, о котором говорится: «Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира» (Мф. 25, 34).

Послушай меня, о монаше: славно одиночество, но не для тебя оно ныне; одиночество должно привести к одному из двух: человек делается в нем или небесным ангелом, или

диаволом в душе; послушник же, живущий в братстве, творящий послушание без всякого ропота, сей уже есть наследник Царствия, ибо присвоился Господу нашему Иисусу Христу, и к Его небесному наследию приводится ревностным возделыванием своего послушания.

Если желаешь знать, монаше и иеромонаше, почему жизнь в общежитии, т. е. подвиг послушания, дает надежду наследия, спасения, то выслушай, монаше, иеромонаше, ты уединенник, живущий в одиночестве, послушай и увидишь. Дитя, воспитывающееся и растущее в объятиях отчих, видящее всегда перед собою своих родителей и так возрастающее от возраста в возрасте, из года в год, в доме отца своего, – радуется оно и веселится, или нет? Таково есть подобие и общежительной жизни. Если ты на это, уединенник, возразишь, что таково же и одиночество, что и безмолвник возрастает духовно в объятиях отчих, радуясь о спасении, то я тебе скажу, что ты ошибаешься[1]. Послушай, одинокий, посмотри и увидишь, таково ли одиночество, или не таково. Оно подобно несчастному дитяти, утратившему мать в первых днях своего рождения и вскормленному чужим молоком разных кормилиц, которым отец отдавал его для вскормления. Теперь, спрашиваю тебя, одинокий, чья участь лучше? Т. е. первого ли дитяти, которому подобен послушник в братстве, или сего сироты, которому подобен одинокий. Что лучше для младенца: молоко разных кормилиц, или одно, родное, материнское молоко? При молоке различных кормилиц не избежать того, что у какой-либо из них молоко окажется ядовитым, т. е. вредным; если младенец будет питаться им, то не умертвит ли оно его? Такова участь и одинокого, когда осиротеет он от своей матери – послушания, т. е. когда ради безмолвия на одиночестве выйдет из общежития. Тогда отец предает младенца различным женщинам, и он сосет всевозможное молоко; говорим: одиночество подвергает человека различным искушениям и он должен сосать различные помыслы. (Т. е. прежде в послушании он сосал одно родное молоко, ибо не имел своей воли, а, следовательно, и смущения помыслов, как поступить в том или другом случае, ибо все это определялось послушанием, как родным, материнским молоком; утратив же послушание, подвижник неизбежно должен сам выбирать себе путь, руководствоваться различными соображениями, а враг этим пользуется, стараясь наводить

[1]Конечно, не всякий подвиг в общежитии приводит непременно ко спасению, равно как не всякий подвиг уединенный ведет непременно к погибели, но слова прп. Нила следует понимать лишь в смысле предостережения неопытных от затворничества, а отнюдь не в смысле восхваления одного лишь общежития и отрицания всякого значения за отшельничеством.

подвижника на то, что ему несоответственно; вот эти вражеские помыслы и суть для него ядовитое молоко, которого одинокому весьма трудно избежать, ибо для этого надо быть безстрастным и иметь «дар рассуждения»). Итак, если среди этих, разнообразных, помыслов хотя один окажется ядовитым, а отшельник примет его и станет питаться им, то неизбежно он должен отравиться и пасть, как ниспали и многие, подобно тебе бросившие общежитие!.. Так, или нет? Сколь благолепна жизнь в братстве, можешь ты еще видеть из свидетельства о ней Самого Господа: «Идеже, еста два, или трие собрани во Имя Мое, ту есм посреде их» (Мф. 18, 20). Вонми этим словам ты, мечтающий об одиночестве, – можешь ли ты что-либо возразить против них?

О, стремящийся в одиночество! Не хочешь ли послушать еще одного свидетеля общежительной жизни? Это – пчела. Одинокую ли жизнь ведет она, или подвизается и творит свой мед в общежитии? По своей ли воле пчела живет, или в послушании общежитию? По своей ли воле летит собирать мед, или будучи послана? В старании своем, обирая цвет, одним ли родом цветов довольствуется, или во многих испытывается? (Т. е. послушник испытывается в обители на разных послушаниях). Скажем еще: вернувшись, нагруженная набранной добычей, сама ли распоряжается ею, раскладывая воск и мед, или это делают другие? Если скажешь, что пчела сама по себе складывает свой мед, то ошибешься, ибо, вернувшись, она у дверей общежития пчелиного кладет мед, другая несет его внутрь улья, где принимает третья, передает следующей, та – эконому, а эконом представляет игумену пчел, говорим – матке, которая одна повелевает пчелам: все слушаются ее приказаний и согласно им подвизаются. Так и игумен есть матка, кормящая все общежитие млеком послушания; вкушающие сего млека становятся смиренными, приемля его внимательно и с потом (т. е. безропотно усердствуя в послушании и добросовестно относясь к нему). Сим воспитывает она дикость своих младенцев, новоначальных монахов, которым говорится: “Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь им: тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр. 13, 17).

Понятно ли тебе отсюда преимущество общежития, свидетельствуемое сей летучей тварью? Если же не понятно, то выслушай еще одно свидетельство о сем, от светлой лампады, висящей пред иконою Христовою; вонми сему свидетельству, рассмотри его своим мысленным оком, ибо это, т. е. образ общежития, есть для твоего ока печать, и да запечатлеется сие навсегда в твоем оке, т. е. в уме и памяти. Что же

именно? Что такое в лампаде есть отпечаток общежития? Этот отпечаток заключается в совокупности лампады, масла и фитиля, служащих для горения и для света: сосуд лампады подобен общежитию; он есть как бы малый монастырек, в котором масло – благое намерение людей, живущих в нем, угождать Богу и спасаться, а фитиль, по которому сие благое произволение может восходить к огню и превращаться в свет, – суть общежительные подвиги и послушания, если они творятся безропотно. При хорошем фитиле в лампаде она горит светом немерцающим и не гаснет. Подобно сему, кто в общежитии подвизается безропотно, то бывает почтен благодатию Божией; благодать возгорается в нем на мысленном фитиле отсечения своей воли, как пламя на фитиле лампады. Точно так же, подобно лампадкам, горящим пред ликом Христа, все подвизающиеся в общежитии горят, пред Христом и этим огнем пережигаются все беззакония, раньше содеянные в их жизни; как примеси в масле, очищаются души их, и в будущей жизни они просветятся, как солнце в лике преподобных...

(Поставленному в условия необходимости жить одиноко святой внушает, взамен отсечения воли, которое представляется в общежитии послушанием, не предпринимать ничего без совета с духовником, ибо «муж безсоветен сам себе враг»).

Послушай, одинокий, взгляни чувственным оком твоим на следующий образ превосходства жизни общежительной: пойди на берег морской, взгляни на камни: как красивы делаются они, вследствие того, что перетираются один о другой, и как блестят по сей причине. Подобно тому и живущих в общежитии жизнь бьет, как волнами. Это безропотное перетирание чрез разные послушания в общежитии (т. е. самоотвержение, отсечение своей воли) делает подвижников прекраснейшими и преславнейшими.

Послушайте, освященные иеромонахи и вы, досточтимейшие монахи, послушай и ты, несчастный, мечтающий об одиночестве, еще следующий пример. Если я буду поучать тебя словом, но не поясню его притчею, примером и не растолкую самой притчи, то будет ли слово мое для тебя вразумительным? Таково подобие спасения в одиночестве, ибо, если имеешь одиночество, но не имеешь послушания, отсечения своей воли, то не можешь познать и монашеского безмолвия; если живешь по внешности в монашеском безмолвии, но не имеешь общения духовного, т. е. не советуешься ни с кем, не исповедуешь никому твоих помыслов, то сам не знаешь, что имеешь (т. е. какие опасности угрожают тебе и какие страсти побеждают тебя), во-первых, потому, что спокойствие одиночества и мнимая свобода от страстей – рождает леность, во-вторых,

спокойствие одиночества рождает тайноядение; в-третьих, тишина и спокойствие в уединении рождают псилафизмы, т. е. похотения страстей и сластей; в-четвертых, одиночество способствует увлечению человека в прелесть, говорим: в одиночестве ниспадает человек в глубину ада, как и ниспало в одиночестве множество монахов. Ради этого и говорю я тебе, монаше: беги одиночества, т. е. не стремись мечтою из общежития в одиночество; если же имеешь, то не имей, т. е. если и живешь одиноко, то не будь одинок, а имей советника или старца. Говорим: если по старости живешь одиноко, не имея сил подвизаться в братстве, то имей какого-либо человека, который угашал бы пламя, возжигаемое одиночеством, которым пламенеешь, сам того не чувствуя; т. е. если по старости не принимают в братство, то имей в одиночестве доверенного человека, повинуйся ему и открывай свои помыслы, возжигаемые одиночеством. Послушай, одинокий, как питательно для человека общежитие (досл.: как насыщает) и как тоще одиночество (досл.: как алкает); пойди на кухню и поставь на огонь 2 кастрюли, чтобы вскипели; в одну положи полную тарелку какого-нибудь съедобного вещества: фасоли, бобов или иного чего, а в другую положи только одну фасолину, или один боб; пусть теперь обе кастрюли одинаково кипят; когда снимешь с огня, неси в трапезу, поставь одну кастрюлю на один стол, а другую – на другой, позови, говорим: позвони к обеду, пусть старшая братия разделится, сядет за оба стола и кушают; когда же пообедают, спроси отцев по очереди: сыты ли вы и довольны ли? Конечно, те, которые кушали из кастрюли, в которой варилось много питательных веществ, окажутся сытыми и довольными, а те, которые кушали из кастрюли с одним только зернышком, окажутся голодными и недовольными. Подобно сему и одиночество (т. е. так же скудно благодатию), и так же сытно общежитие для подвизающихся в нем; посему говорится: «Окрест трапезы твоея, яко стеблия видя исчадия твоя, радуйся и веселися, приводя сия Христови Пастыреначальнику» – *антифон, глас 7.*

Смысл сей притчи следующий: две кастрюли – два подвижника: в общежитии и в одиночестве; много бобов у первого – многократно привлекаемая им на себя благодать ради самоотвержения его, являемого в послушании, и отсечения своей воли; одинокое зерно второго означает скудость привлекаемой им благодати, ибо он не отсекает своей воли; звонок, трапеза и обед – богослужение; старшая братия – святые угодники, совместно с нами молящиеся, радующиеся при виде в одних обилия благодати и скорбящие о скудных благодатию, в пояснение чего и приводит святой антифон.

Ушедший из общежития в одиночество потом возропщет и скажет: «Зачем не остался я в общежитии, ибо теперь страдаю от внутренней, мысленной брани...»

Да, уходят в одиночество из общежития ради того, что дорожат своими деньгами, своими кастрюлями, но каковы суть эти деньги и кастрюли, из-за которых уходят в одиночество? Деньги и кастрюли для таковых есть следование своей воле и помыслам; ради сего кидают они общежитие, не ведая того, что своя воля соделается для них котлом, а излюбленные помыслы – огнем, на котором будут они кипеть в одиночестве.

О, мечтающий об одиночестве! Ты подобен самарянке, с которой беседовал Иисус Христос, т. е. имея семь мужей – семь страстей, не имеешь законного мужа и мечтаешь об одиночестве, как она о Мессии. Возгласил Господь сей жене, и я ныне, беседуя об одиночестве, возглашу монахам, стремящимся к уединению. «О, жено! Даждь ми воды пити! Аз дам ти воду, от неяже не вжаждешися во веки... всяк пияй от воды сея вжаждется паки, а иже пиет от воды юже Аз дам ему, не вжаждется во веки» (Ін. 4, 7, 13-14). Видишь ли, кто будет пить воду в одиночестве, тот вжаждется паки, а кто напоит Христа в общежитии, т. е. служа братии и подвизаясь в отсечении своей воли, тех Сам Господь напоит водою живою, от которой не вжаждешься вовеки. Т. е. умирение души от браней в одиночестве своими усилиями – не устойчиво; мир же, даруемый свыше, ради самоотвержения, – сей вечен.

Послушай, мечтатель, про одиночество. Когда умрет нищий отец того несчастного младенца, который осиротел от матери своей, оставит ли он ему какое-либо наследство? Очевидно, никакого наследства он не получит от нищего отца. Точно так же, одинокий, когда умрет это несчастное тело, ничего не стяжавшее, никакого наследия не оставившее для несчастной души, – тогда душа по смерти несчастного, развратного тела, ничего не стяжавшего, что получит в наследство? Очевидно, ничего иного не унаследует, кроме чужого молока и чужой пищи (подразумеваем: различные помышления, которые сегодня были одни, а завтра другие, сменяясь наподобие различных кормилиц), и происходившие от них пожелания, которыми ты услаждался, как младенец молоком, и которые по смерти тела превратятся в вечное твое наследие.

Послушай, мечтающий об одиночестве, не слышишь ли, что говорит псаломник: «Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132, 1).

Закончив этими словами разбор преимуществ спасения в

общежитии, святой обращается к распространенному пороку в общежитии, а именно, – празднословию.

Спрашиваю я всех вас[1], иеромонахи, почтеннейшие иноки и тебя, несчастный одинокий: что рождает ехидна? Разве рождает она незлобивого голубя или нескверную горлицу? Нет, она не рождает ни голубя, ни горлицу, а рождает астридов (т. е. ядовитых, подобных себе, ехидн). Мы этим хотим сказать: от многословия и празднословия может ли родиться какая добродетель? Не рождаются ли наоборот ядовитые гады, отравляющие девственное безмолвие души? Подобно сему бывает и со всяким иереем: если он занимается многословием, то не избежит и празднословия, как порождения ехиднина, и осквернит им девство молчания своего. Многословие лишает иерея плодов литургии его и всем монахам препятствует достойно причащаться.

По сравнению молчания с многословием, молчание есть дева, а многословие – блудница. Ибо девственность в человеке имеет троякое толкование: во-первых, девственность плоти; во-вторых, девственность души чрез удаление от многостяжания; в-третьих, девственность молчаливого ума чрез удаление от многоглаголания. Эти три добродетели не могут произойти от многословия, как от ехидны невозможно родиться голубю, горлице или соловью.

Вот еще сравнение: голубь хранит молчание, а соловей держит многоглаголание; голубь молчанием спасает жизнь свою от охотника, ибо охотнику тогда трудно узнать, где голубь, чтобы его убить, соловья же, благодаря его многословию, охотник легко находит и схватывает. Видишь, что наносит многословие человеку, и как, благодаря ему, он делается легкою добычею охотника?

Глава III

Уподобление монахов, ропщущих на продолжительность службы, предпотопным людям

Из 120 лет, которые Бог продлил роду человеческому, ожидая покаяния, Ной 17 лет употребил на безплодную проповедь и призыв людей к покаянию; затем, по повелению Бога, обратился к постройке ковчега, который,

[1]Итак, преподобный, обличая распространенный в общежитии порок – празднословие, сим ясно свидетельствует, что он лишь предостерегает от увлечения одиночеством, а отнюдь не ставит одну форму подвига выше другой.

вместо словесной проповеди, был немым обличителем неправды людей, напоминателем о грядущей каре; посему люди возненавидели эту постройку; слыша стук молота, которым Ной сколачивал строящийся ковчег, говорили между собою: «Это Ной Безсмертному безсмертную постройку делает, старается осуществить свое желание» (т. е. дождаться возвещенной им погибели земли от потопа). Подобно сему и нынешние люди, когда раздается удар гласа церковного, т. е. колокола и ручных бил, молвят между собою так: «Это что?» «Это на бдение звонят», – отвечают другие. И многие говорят: «Пусть себе звонит, сколько хочет, кто пойдет, когда все заняты делами?»

О, человече, какие это у тебя дела, что ты так занят?.. Не оставил ли ты всех дел мира, чтобы обрести здесь свободную от сует жизнь, зачем же опять мятешься?..

Ты спросишь меня: чем же мы подобны тем превратным древним людям?

Отвечаю тебе и вопрошаю тебя: «Не вопияли ли они с ропотом против ковчега и не поносили ли строителя его Ноя? Не ропщете ли также и вы ныне против церкви, когда идете в нее на бдение, к литургии, к молебну, на чтение? Если продлится литургия, молебен, бдение или чтение, то не ропщете ли вы, не поносите ли служащего, взаимно вопрошая и отвечая: "Что он там так долго делает?" А другой, подобный тебе, говорит в ответ: "Медлит, чтобы показаться благоговейным; для того и затягивает службу, чтобы выказать себя богомольным"». Допотопные, превратные люди рассуждали подобное сему между собой и роптали по поводу сооружения ковчега.

И ныне я, смиреннейший жрец, говорю, что вы неблагодарны, ибо во время богослужения стоите вне церкви, занимаетесь скверным вашим словопрением, соединенным с осуждением, осуждая ближнего своего.

Делайте себе, как делаете, но завтра вы восплачете, и плач сей будет безполезен!..

Некогда Бог прогневался на превратных[1] допотопных людей за то, что среди них распространялись злые дела, и не мог долее терпеть Бог таковых дел, нынешние же люди творят те же дела!..

---

[1]Церковь Христова с ее установлениями, богослужением, храмами и т. д. является кораблем, ковчегом спасительным для людей, охраняющим их от потопления в волнах мира сего, во зле лежащего. В римских катакомбах древние христиане иногда изображали на стенах Ноев ковчег. И поныне храмы христианские нередко строятся наподобие корабля.

Глава IV

Воззвание преподобного к посвятившим себя Богу, дабы хранили монашеские добродетели и питали горячее чувство любви ко Христу. Притча о пустынной горнице

Так и нынешнего времени люди, подобно людям допотопным, утратившим спасительный путь к ковчегу, – утратили путь монашеской жизни. Т. е. не желают следовать указанным от древних св. отец путем покаяния и спасения. Посему, нынешних людей, как и тех древних, настигла царица погибели, семиглавое беззаконие, многопопечительное скряжничество; они чем дальше, тем становятся все хуже, нисколько не исправляясь, но все больше развращаясь, подобно допотопным людям. Вонмите, освященные – иеромонахи и вы, досточтимейшие монахи, – отселе и впредь блюдите себя, блюдите, ибо вот я вам, как преподобный Ной, говорю и возвещаю: берегитесь, чтобы не постигло вас внезапное губительство на земле.

Хранение же ваше да будет в следующем: избегайте всяких многопопечительных, мирских забот, избегайте многословия, осуждения, дабы вам держаться взаимной любви и быть между собой единодушными; избегайте также многообразия в еде; сосредоточивайте ум ваш в монашеское делание, т. е. в молитву, держитесь целомудрия, чистоты, бегите невоздержания.

Бегите, бегите, всечестнейшие монахи, плотских страстей, нечистоты, многословия и осуждения!

Подражайте, досточтимейшие мои братие, этим трем птицам: голубю – чистотою, соловью – неумолкаемой молитвой и горлице – пустыннолюбием!

Голубь, благодаря молчанию своему, укрывает себя, т. е. спасает душу свою, как Ной в ковчеге. Соловей же, обладая многословием и горделивым рвением, лишает жизнь свою зрения лица солнечного. Т. е. его пение обнаруживает его охотникам, которые ловят соловья ради пения его; поймав, сажают в клетку и лишают тем свободы под солнцем.

В противность превратным людям, которые ради телесных и плотских лишили себя света солнечного, – подражай горлице, которая хранит верность (досл.: девство) к подругу своему с величайшим целомудрием.

Когда из пары горлиц один был умерщвлен, другая горлица, чтобы не сойтись с иным, бежала в горы и холмы, рыдая там о подруге, который замучился ради нее...

Если ты, освященный, вопросишь: каким образом умертвился подруг горлицы ради нее, то послушай сию притчу.

Некая горлица, ради снеди вожделенной для чувств своих, ушла однажды от подруга своего, была уловлена на охоте, посажена в клетку, содержалась заключенной некоторое время, пока другая горлица не отправилась на розыски подруги своей и не дала себя уловить на охоте; когда эту вторую горлицу стали сажать в клетку, тогда вылетела из нее первая горлица; гонители же, скажем иудеи, услыхав о сем, умертвили подруга ее; оставшаяся в живых опечалилась весьма, покинула все, обезобразила вид свой, лишилась перьев, которые большею частью сама повырывала с себя ради скорби, которую имела о подруге своем, замученном ради ее... И вот удаляется она в горы и холмы, садится на сухую ветвь, плачет безпрестанно о содеянном ею беззаконии, которым изменила подругу своему.

Горлица ушла в горы и холмы, чтобы найти там пустынное убежище, где, сидя на сухой ветви, могла бы оплакивать подруга своего, который столь возлюбил ее. Посмотри, как ведет себя горлица, как хранит она свою верность (досл.: девство) ради любви к подругу своему...

О, иерей! Почему ты, подобно сей горлице, не бежишь в горы и холмы, не скрываешься в пустынное ущелье, не садишься на сухую ветвь и не плачешь о подруге[1] твоем, который замучился, взыскав тебя?..

О, горлице (т. е. пустынолюбный монах)! Ради чего ты ушла из мира, пришла в пустынное убежище и воссела на сухой ветке? Не ради ли любви к подругу твоему, т. е. ко Христу-Жениху и Искупителю?

Освященный! Зачем пришел ты в пустынное ущелье, взял сухую ветвь, возложил ее на рамена своя? Чего ради столь суховетвишься, т. е. изнуряешь себя? Не ради ли любви к Спасителю твоему, Который распялся, взыскуя тебя? Посему и ты принял крест Христов и сухораспинаешься на нем?..

Крест же этот только чувственно представляется сухим и безлиственным, духовно же он является зеленеющий, многоветвистый, плодоносящий многоценные плоды...

Освященные иеромонахи и всечестнейшие монахи! Празднословие творит человека лишенным многоценнейших плодов драгоценного Креста, говорим: рая, – т. е. лишает человека рая, купленного ценою Креста.

О, иерей! Празднословием ты бываешь воспящен от безценнейшего плода литургии твоей... О, иеромонах! Когда вый-

[1]Т. е. не оплакиваешь слезами покаяния своей греховной измены Небесному Жениху, Христу, пострадавшему и распятому ради тебя.

дешь от совершенной тобою литургии, буди безмолвен, по крайней мере, до трех часов после окончания литургии[1].

О, иерей! Когда что говоришь, – сначала размерь, а потом скажи; сначала подобает слово примерить, а потом его сказать. Ибо неразмеренность, необдуманность речи иерея рождает запятие священству его. Портной не бывает ли опорочен, если скроит одежду не по мерке? Так и священство твое порочится неразмеренностию, необдуманностью слов твоих. Неразмеренность слов человека наводит на него вся злая. Посему и говорю тебе, иерей, беги многословия, празднословия и храни меру в словах твоих.

Глава V

Монашество – воинская служба Царю Небесному

Приняв схиму, носи ее неопустительно; переодеваясь, тотчас опять надевай ее на себя; поверх схимы носи куртку и опояшься, да не уподобляешься фарисеям и не подашь сим народу великого соблазна... Но сие да будет ведомо тебе: как только скинешь с себя схиму, тотчас будешь пленен непристойными помыслами; посему неопустительно имей на себе схиму, чтобы не сделаться пищею великого отступника[2].

Какая польза от воина, который, идет в бой с духом двоедушным, идет необученным и несведущим в военном деле? Когда неожиданно наступит бой и напавшие противники увидят воина неподготовленным к битве, то не заберут ли его в плен? То же бывает и у монаха с двоедушным настроением (при духовной брани).

Принятие рясофора есть вписание себя в войско и безпрестанное изучение боевого дела.

Мантия же есть выступление в поход, подобно тому, как при наступлении войны войска выступают на войну и шествуют военным походом.

Принятие же великого образа, схимы есть вступление в решительное сражение, когда войска достигнут места боя и приведут себя в полную боевую готовность.

---

[1]Прекрасное наставление! О, если бы все иереи соблюдали его!

[2]Смысл наставления следующий. Для избежания фарисейского тщеславия иногда можно схиму прикрыть иною одеждою (общею с другими монахами), но и в таком случае схима должна быть все-таки одета под сею одеждою, как и воин всегда находится при оружии.

Возвращение из рясофорного пострига[1] в мир так же недопустимо, как если бы кто вписался в войско, потом дезертировал и не присоединился к войскам, пошедшим на войну; он становится отступником царя. Когда царь увидит сего отступника, сего преслушника царского веления, вычеркнет его из списка. Подобное сему постигнет того, кто, вознамерившись быть монахом и вписавшись в воины Царя Небесного, потом раскается в сем намерении, выпишется, сделается рабом мира, поработившись и делам мира – смраду греховному... Какое негодование Царя Небесного должен он возбудить против себя?.. Однако некоторые из нынешних выражают скверное, распространившееся между ними мнение, будто рясофор не мешает человеку повенчаться и рождать детей, ибо ряса дается лишь ради чести и отличия, принявший же ее лишь испытывает себя, как начинающий послушник; если же усмотрит, что не в силах вынести жизни монашеской, то да венчает себя в детородительное дело.

О, безумные и косные сердцем! Как допустимо это для того, кто добровольно и сознательно посвятил себя войску царя, сделавшись царским воином? Как возможно допустить, чтобы воин царский становился потом рабом шкурного ремесла? Говорим: рабом грехов и делателем беззаконий?..

Вот каково значение возвращения рясофорного в мир, и да боится сего тот, кто принял рясофор!

Принятие же мантии означает следующее. Когда издадут царский приказ и выступит войско в военный поход, то каждый воин заботится о подобающем снаряжении к войне, подпоясывает меч к поясу своему и следует по Царскому повелению, согласно сказанному: «Возьми крест твой и следуй за Мной...» (Мк. 8, 34). Войско выступает в поход. Однако бывают воины, которые на пути к сражению начинают трусить, малодушествовать, жалеют о том, что сделались воинами и, как только представится случай, поворачиваются назад... Но куда же пойти такому монаху? Куда ему скрыться? Ибо сказано: «Грешницы, камо бежим?.. на небо? – тамо еси... во аде попрал еси смерть... во глубины морския? – и тамо десница Твоя, Господи...»[2]

Если же случая бежать не представится, то малодушный продолжает поход, но идет в сражение с робостию, с тайными помыслами: что мне сделать, чтобы избавиться боя?.. Как мне избавиться военной службы? Как только у воина появятся

---

[1]Если это сказано о рясофоре, то, конечно, еще в большей степени сказанное приложимо к мантии, не говоря уже о схиме.

[2]Ср.: Стихира, глас 6 на «Господи воззвах».

эти помыслы, тотчас делается он неспособным и нерадивым к воинскому делу.

Когда же войска достигнут поля брани, тогда воин, подготовившийся к бою, т. е. изучивший действие оружием и укрепившийся мужеством, стяжевает славу... Тогда облекается воин в военные доспехи, говорим: монах принимает Великую ангельскую схиму – становится великосхимником, – а когда прославится, т. е. получит обильную благодать, то делается военачальником...

Когда препояшутся силы доспехами, дабы биться с врагами в великом бою, тогда войско делает боевой клич, т. е. бросается на ура, – и бьются с крайним напряжением.

Если же кто по нерадению допустит свое оружие заржаветь и боязливыми мыслями, как водою, подмочит свой порох, то может ли он в бою быть храбрым воином?!

Спрашиваю я вас далее: когда монах в бою будет побежден страстями, то не опозорит ли он ангельскую схиму? Какого таковый может ждать себе спасения?..

Да, вооружается воин, даются ему воинские доспехи, но какая от сего польза воину, который своим нерадением и трусостию служит лишь худым примером для всего войска?.. Говорим: монах вооружается, как в доспехи, в ангельскую схиму, получает при сем благодать и помазание Всесвятаго Духа, но какая польза от блеска ангельских схим и небесных дарований для ленивых, которые лишь худой пример вносят в монашескую жизнь нерадением своим, вместо того, чтобы подвизаться в борьбе со страстями, обманывают ближнего, обижают его, и умышляют, как бы предать другого?

Не таков бывает добрый воин в бою. Он имеет в себе лишь один дух бодрый, т. е. не водится никакими посторонними лукавыми соображениями и намерениями, не скрывается от врага, на всякий час готовит себя к бою, во всякое мгновение готов внять призыву боевого сигнала, говорим: звона к службе церковной. Он всегда бодр, бдителен; говорим: всегда долготерпелив, всегда прощает зло, которое ему творят...

Если же с таким бодрым воином случится какое-либо несчастие, как некогда случилось с Иаковом Персянином, отрекшимся было от Христа, придут ему в голову трусливые помыслы, вознерадит он о своей боевой готовности, подмокнет у него порох и заржавеет оружие, тогда добрый воин тотчас берется за порох свой и оружие, говорим: оскверненные помыслы и злые дела, – идет из сечи в место мирное и солнечное; говорим: идет к человеку, имеющему добрый образ мыслей, т. е. дар рассуждения, ведущему духовную жизнь, скидывает пред ним бремя с головы своей, расстилает на лучах солнца

порох и доспехи свои, начинает чистить оружие и ждет, пока не высохнет порох; говорим: выкидывает нечистый помысел из своей головы, расстилает мысль свою против лучей духовного рассуждения, перебирает все мысли и дела свои, добрые и злые, и исповедует все ржавые деяния свои, подобно Иакову Персянину.

Увидав же, что высох его порох и заблестело оружие, воин снова опоясуется, воспринимает в сердце боевую решимость и, взяв в руки оружие, принимает снова участие в бою... Препоясанный мечом, с оружием в руках, воин храбро устремляется в средину боя и побеждает противников, как победил преподобный Иаков, некогда тяжко согрешивший, а потом низведший молитвою дождь с неба во время засухи, и избавляет все войско...

Воины же, увидав такое мужество его, сотворили великий натиск, все войско, воодушевившись, ринулось с великою стремительностию и устремилось на врагов!.. Увидав таковаго воина с храбрым войском, противостоявшие им враги дрогнули, поколебались и исчезли от такой силы устремления воинов!..

Воину, ради воинства его, присваивается право на ношение великолепных царских доспехов, которыми царь благоволил украсить войско свое; воин, видя себя украшенным царскими доспехами, очень бережется, чтобы не опозорить царских доспехов, чтобы не прикоснуться к чему-либо, от чего могли бы они запятнаться, дабы по подвергнуться страшному суду и не услыхать страшного гласа Судящего: «Рабе лукавый и ленивый, – где одежда брачная?..» Точно так же и монах, препоясанный обетованным спасением и благолепием веры, во все продолжение монашеской жизни или монашеского подвига весьма остерегается злых дел, дабы не опозорить ими своего крещения и не запятнать великой ангельской схимы...

Человек покусился бы соделать тысячи и тьмы зол, но при воззрении на свою схиму удерживается от многих грехов, вспоминая, что дал обет и не может его нарушить... Поэтому-то я и говорю тебе: не снимай с себя схимы, дабы не овладели тобою противники твои и не стать тебе пищею великого отступника...

Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Говорим: какая польза, если то, чего желают плотския похоти, приобретем, душу же свою оскверним?..

И когда увидит Жених столь оскверненную душу, пригласит ли Он ее в Свой чертог, как сказано: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща, недостоин же паки, егоже обрящет унывающа. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и царствия

вне затворишися, но воспряни зовущи: Свят, Свят, Свят еси Боже, Богородицею помилуй нас».

Глава VI

Как потребны подвижнику простота веры и смирение, пример пророка Елисея

Отчего столь склонен ты к тому, чтобы от добра обращаться вспять и соизволять на зло? Оттого, что обуреваемый вихрями твоими[1], не молишь и не просишь так, как Елисей, т. е. молитв ради св. отец, чтобы перейти тебе реку соблазнов и выйти на берег мира. Елисей же, вооружившись крайним своим смирением, перешел на ту сторону реки Иордана следующим образом.

Елисей был покорнейшим и послушнейшим учеником пророка Илии. Во время пребывания своего с пророком Илией он весьма желал творить вдвойне против Илии деяния, которые творил Илия, но Елисей имел одно запятие!.. Если спросишь, каковы были его деяния и каково запятие, то слушай и увидишь.

Сей Елисей не только зависти не имел, но и слышать о ней не хотел; не только лжи не имел, но и слышать о ней не хотел; не только сребролюбия не имел, но и слышать о нем не хотел; не только сластолюбия не имел, но и слышать о нем не хотел; не только невоздержания не имел, но и слышать о нем не хотел; не только неверия не имел, но и слышать о нем не хотел; не только хулы не имел, но и слышать о хулителях не хотел! Когда же совершил он главное свое исправление, т. е. когда за решимость и дерзновенное моление свое получил сугубую благодать, то оказалась у него и препона. Воспящение же было такое. Вместе с простотою духа, которою он обладал, имел он и нечто от высокомудрия. Когда пророческие дети сказали ему: «Будет вознесен учитель твой», он сказал: «Знаю это и я, только молчите». Отправились они оба к Иордану... И сказал пророк Илия Елисею: «Постой здесь, пока я схожу напротив». И сказал Елисей: «Жив Господь и жива душа твоя, не покину тебя...» Один и два раза ответил он ему таковые слова... Увидев же пророк Илия в пророке Елисее такую решительную готовность на подвиги, сказал: «Вот я ухожу, что же тебе оставить – проси, что

[1] Т. е. греховными наклонностями.

хочешь, чтобы я дал тебе?» Елисей сказал: благодать, которую ты имеешь от Бога, да будет на мне вдвойне... Сказал ему пророк Илия: «Велика твоя просьба, но если увидишь, как я буду вознесен от тебя, то да будет сия сугубая благодать в тебе...» Собеседующим им между собою предстало внезапно вооружение, говорим: колесница; вошел в нее пророк Илия и вознеслось то вооружение вместе с пророком Илией; понуждающийся же, т. е. великий подвижник Елисей, подхватил мех, т. е. меховую милоть, которую обронил ему пророк Илия; милоть осталась в руках Елисея!.. Когда же он вернулся к Иордану и кинул в реку милоть Илии, чтобы перейти на ту сторону, то воспящен был вследствие того, что несколько возомнил о себе и вознесся духом, не возмог перейти, и посему воскликнул!.. Как воскликнул? Не сказал: «Где исправления (добродетели) мои, которые я исправил?» Но сказал: «Где Бог отца моего Илии?..» Тотчас кинул ее, т. е. меховую милоть, в воду и перешел немокренно Иордан[1]...

Видишь, какую помощь получили душа и тело от молитвенного призывания святого? Не тем ли паче мы получим помощь от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Его Пречистой Матери и всех святых, от века Господеви благоугодивших!..

Глава VII

Слово святого Антония Павлу про двоякую гибель для монаха: от самомнения и нерадения

Подобно Елисею, при сугубой благодати потерпевшему запятие, был запят и Павел (Препростый). Сей Павел, получив сугубую благодать, также лишился было ее, как Елисей, когда хотел перейти реку. Преподобный Павел, исправлявший исправления преподобного отца нашего Антония[2] вдвойне, сделался столь славен своими подвигами, что стал земным ангелом и небесным человеком, как преподобная Мария!

Преподобная Мария, имевшая лишь мысленную брань, была сильно борима и одолела, как древле (Амалика) Израиль, она распростиралась крестовидно, когда находила на нее мысленная

[1]Сими подробностями, которых в Библии не находим, прп. Нил наглядно живописует великую силу смирения.

[2]Т. е. проявивший добродетели сугубо обильные, по сравнению с прп. Антонием.

буря; преподобный же Павел и чувственным оком зрел бесовскую брань, был борим двояко – чувственно и мысленно, и такую приял власть над бесами, что бесы трепетали его, Антоний посылал к нему немощных и болящих, а Павел целил их недуги!

Однажды нашел на него бес высокомудрия, чтобы воспятить его. Павел был воспящен, подобно Елисею! Воспящение же сие заключалось в сведении его с той степени смиренномудрия, на которой держался, чтобы не впасть в пропасть высокомудрия, подобно фарисею. Если спросишь: что это было за высокомудрие, которым был запят святой, – послушай и увидишь.

Однажды, помыслив о себе в простоте своей, стал он думать и говорить: почему это преподобный Антоний посылает своих болящих ко мне? Когда он это помышлял о себе, в тот час пришли три человека, держа одного бесноватого, который был прислан преподобным Антонием для исцеления. Павел начал произносить обычную молитву для болящих, то есть на изгнание бесов, но бес начал препираться с преподобным дикими словами и не хотел выходить. Услыхав такое прекословие беса, преподобный изумился, и сказал бесу: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа изыди!» Бес опять стал препираться; преподобный изумился и не знал, что ему делать. Снова Павел воскликнул: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа и ради молитв преподобного отца нашего Антония изыди из создания Владыки Христа!» Демон тотчас вышел из больного, и болящий исцелился.

Преподобный Павел спросил Антония: почему меня постигла такая неудача? Преподобный Антоний ответил: «Два слова, которые ты сказал наедине, были воспящением для тебя». Преподобный Павел вопросил: «Что это были за два слова, которые я промолвил, отче?» Отвечал ему св. Антоний: «Отчего это преподобный посылает больных своих ко мне?» Услыхав эти слова преподобного Антония, Павел изумился и сказал: «Отче, как тонка беседа монаха в одиночестве», т. е. ужели могут оказать влияние на духовную жизнь столь тончайшие помыслы в одиноком монахе? И отвечал преподобный Антоний: «Послушай, чадо мое Павле! Благодать Божия в душе подобна блеску в хрустальном сосуде, самомнение же, рождающееся при одиночестве, есть как бы удар, нанесенный хрустальному сосуду; расколотился хрусталь и пропал блеск. Так бывает и у монаха в одиночестве; стал высокомудрствовать монах – отнялась от него сила божественной благодати, он низвергается с высоты смирения, ниспадает в глубину заблуждения и уподобляется Деннице, ибо Денница чрез высокомудрие заблудился, свергся с высоты небесной и ниспал во глубину адскую».

Изумился преподобный Павел, услыхав такое слово от преподобного Антония, ужаснулся и не мог ничего промолвить преподобному. И сказал ему преподобный Антоний: «О чем помышляешь, чадо мое, что ничего не говоришь?» Павел тотчас сказал преподобному Антонию: «Благодарю тебя, отец мой, что избавил меня от заблуждения мира сего».

И сказал ему преподобный Антоний: «Благодари! И да возблагодарим Бога, приведшего нас в сию святую монашескую жизнь! Но, чадо мое Павле, враг не спит, и ни на мало не престает в работе своей, будучи непрестанным делателем зла. Благодарение же Богу, которое ныне воздаем, да пребудет от нас Ему до конца!.. Но да не воздадим, чадо Павле, потом Богу неблагодарностию вместо благодарности, ибо конец ублажается, о, чадо мое Павле!.. Начало монашеского подвига есть как бы цвет пшеницы, конец же есть хлеб трапезный... Помысли, чадо мое Павле, какое испытание терпит цвет пшеничный от животных, от людей, от птиц, от погоды, пока не придет на трапезу; какие опасности должен он миновать, чтобы прийти на трапезу!

Так и монах подобен цвету пшеничному!.. Вначале показывает ревность, а под конец часто показывает небрежение... Сей цвет пшеничный так много обещает, такую проявляет силу вначале, что предстоятели, приточно – святые и ангелы – изумляются силе и ревности пшеницы. Когда же поле сожнется, то господин дома видит одни плевелы вместо пшеницы; снова помышляет, не найдет ли сам 8 или 10 в посеве, не вернет ли хотя семя, которое посеял, но не находится и этого. Видит он одни плевелы! Что же сотворит домохозяин сим плевелам? Кладет их в огонь и сжигает, не так ли? Видишь ли, чадо мое Павле, что конец ублажается!..»

Услыхав притчи сии, еще более испрямился (досл.: раскрутился Павел Препростый) и великую стяжал духовную силу...

Эти притчи преподобного Антония он хранил в сердце до смертного своего издыхания и отселе так побеждал бесов, что они трепетали, приходили в смятение и бывали обращаемы Павлом в прах!..

Если Павел, при всей великой простоте своей, так сильно был воспящен малым запятием, которое ему случилось, что чуть было не утратил благодати, то как же ты, будучи лукав, как жена Лотова, слукавившая и за лукавство свое превратившаяся в соляной столб, как ты устоишь, чтобы перейти сие греховное море и прийти на собрание в дому Давидовом?..

Глава VIII

О прехождении в «Дом Давидов» и уготовлении себя к сему

Церковь Христова так восклицает и говорит: «В Дому Давидовом страх велик, тамо бо престолом поставленным, судятся вся племена и языцы» – *антифон, глас 4.*

При этих словах Феофан улыбнулся, святой же сказал ему: «Воздыхай, несчастный, о пути, по которому имеешь плестись, а ты и доселе еще смеешься?.. Где теперь находишься, где потом будешь находиться? Доныне ты еще вертишься в колесе, т. е. подобно белке, суетишься всуе! Воздыхай, несчастный, находящийся далеко-далеко от дому Давидова!..

Видишь, несчастный, какой путь тебе еще плестись, а ты печешься всуе, стяжевая себе запятия, которые задержат тебя в дороге, когда будешь идти в дом Давидов...

Тебе же, как монаху, не надо заботиться ни о чем, кроме сих пяти сокровищ, ты же печешься о многом безполезном, из этих же пяти не имеешь ничего, не заботишься ни об одном из них!

Путешественники, отправляясь в странствие, поступают разно: один, подобно тебе, заботится о разных лакомствах; когда же попадет на дороге в засаду воров, что возможет он тогда поделать со своими лакомствами? Если оставит их и убежит, то пойдет в путь тощим; если же не покинет, то схвачен будет ворами. Когда воры захватят такого путешественника с сими лакомствами, что сделают они с ним? Убьют его и заберут его вещи. Другой путешественник берет расписку, говорим: доказательство от предстоятеля монастыря, что предстоятель вручил ему все свое имущество, идет в путешествие безпрепятственнно, безвредно и нигде не досматривается. Когда проходит чрез таможни, то как не имеющего рухляди таможенные пропускают и не допытывают его; когда постигнет его в море буря и корабль будет бедствовать, то эта качка корабля нисколько его не смущает, ибо у него нет никаких вещей, и значит нет заботы о том, чтобы вещи сохранить в целости, чтобы волны не сорвали их и не унесли в море, чтобы не раскидало их во время качки корабля; не боится он бури морской, говорим: смерти и смущения страха предсмертного...

Несчастный человече! Верблюдов поглощаешь, а комаров

оцеживаешь?! Смотри, берегись, как бы не застряли в гортани твоей эти верблюды, которых ты поглощаешь, и при воздаянии суда не выступили из горла твоего как ядовитые змеи и скорпионы! Ныне ты, несчастный, скрываешься со своею греховностию; тогда же сделаешься явным, несчастный грешник! Ради этого и предостерегаю я тебя, несчастный человече!..

Не то бывает с человеком, который отправился в путь, взяв расписку, говорим – ангельскую схиму монашеской жизни, в которой вписаны пять монет, называемых «смертопребыванием».

Монеты эти суть следующие: а) зришь; б) слышишь; в) нем; г) странен; д) непоколебим. Сии пять монет суть сокровище монашеской жизни, о котором свидетельствует расписка.

Монах пусть видит, и не видит; да слышит, и не слышит; да разговаривает, и не разговаривает; да будет соблазняем, и да не соблазняется; да будет возмущаем, и да не возмущается; да владеет всегда устами своими!

Принимает же добровольно различные скорби, претерпевая их, ради «Тебя – Судии Праведнейшего», т. е. перенося скорби с мыслию, что он достоин их по грехам своим. Каждая душа, так знаменованная, встречается в Дому Давидовом ангелами, как детьми еврейскими, носившими ваии во время оно, и восклицавшими: «Благословен грядый во Имя Господне!..»

Смотри, несчастный! Путь в Дом Давидов – длинен, тесен и скорбен!..

Елисею, хотя и надо было перейти Иордан, но настоятельной необходимости, неизбежности перехода он не имел; человеку же нужда есть переходить море на пути к Дому Давидову, как говорится: «Царствие Небесное нудится и нуждницы восхищают е...» (Мф. 11, 12). И опять говорит Писание: «Бдите и молитеся, так как не знаете ни дня, ни часа» (Мф. 24, 44).

Елисей с простотою своею кинул мех (милоть Илии) в реку Иордан и перешел реку. Расстояние того пути было невеликое, теснота, нужда, малая; кольми паче тебе потребно стяжать простоту, чтобы сие греховное море перейти безбедно! Ты же, имея великое препятствие – твое лукавство, как превозможешь сие пространное море? Бог ненавидит лукавых, как и лукавые люди ненавидят Бога.

Бог зрит не на лицо верного и неверного, т. е. не на одно только то, что человек крещен Богу, но Бог взирает на простосердечие, лукавый же, хотя и крещеный, – мерзость пред Богом. Кто простосердечен, тому и благотворит Бог; как только человек излукавится, тотчас оставляет Бог такого че-

ловека... Смотри же, человек, старайся совсем оставить лукавство, старайся удалять лукавые помыслы и сопричисляйся к простосердечным... Кая польза, аще мир весь приобрящем, душу же свою отщетим – лукавством и грехами? Грех же отчего происходит? От лукавства человеческого. Иоанн Богослов с простотою своею и целомудрием удержал девство, стал сосудом Св. Троицы. Иуда же, с крайним своим лукавством, сам погубил себя и сделался сосудом Денницы...

Глава IX

Сравнение кипариса стройного с растрепанным в показание того, что надлежит собирать свои мысли

Берегись, берегись, смотри, собирай себя и не распространяй ветвей своих, т. е. помыслов своих, подобно дикому кипарису!

Видишь ли, как утрачивает свою ценность кипарис, у которого ветви рассеяны, наклонились, повисли, беспорядочно изогнуты, такой кипарис никому не угоден для взора. Срубить такой кипарис непременно постарается тот, на чьем месте он находится, чтобы не виднелось это некрасивое дерево, безобразящее собою и все то место, на котором оно растет. Кипарис же сей, несмотря на уродство свое, продолжает мнить о себе, что ветви его в надлежащем виде, а не знает, что они суть безчестие его и что он позорится ими.

Посмотри теперь на домашний кипарис, имеющий ветви свои крепко собранными и цветущими, зеленеющими. У кого возрастет в усадьбе такой кипарис, какое удовольствие получает хозяин сада от видения прекрасного кипариса? Если придется разрушить место, где растет кипарис, то домовладыка предпочитает иногда дом свой разрушить, нежели тронуть кипарис!.. Таков бывает и человек пред Богом... Некий владелец кипариса потщался дом свой разрушить, чтобы дерево кипарисное не повредить... Так и совершилось.., т. е. Господь не пожалел храма плоти Своей разрушить ради человека, зрящего горе, к Богу... Христос распялся, был погребен, воскрес, живет и царствует во вся веки... Лукавый же человек, если умрет во грехе-то, не возобновляется больше и не воскресает в жизнь вечную!..

Берегись, берегись, крепко держись, чтобы не постичь тебе в третье лицо.., т. е. чтобы не оказаться причтенным к рабу нерадивому, получившему талант и зарывшему его в землю.

Сиди в каливе твоей, не заботясь о том, что делает один и что делает другой!..

Глава X

О благотворности трудов послушания для успокоения помыслов

Если бы не имел он честолюбивого (досл.: барского самомнения) высокомудрия своего, разве стал бы делать то, что делает? Т. е. это говорится об одном подвижнике, помысл которого увлекал в пустыню и внушал ему, что совместное жительство в общежитии невыносимо. Что получил он с того, т. е. какую получит пользу от того, что отречется нести труды послушания? Никакой пользы, только один помраченный помысл неверия.., т. е. одно помрачение помыслами за неверие свое.

Каким же образом рождается эта страсть? Высокоумие и мысленное помрачение?

Эта страсть рождается тогда, когда ты затворен в келлии своей. Вследствие сей страсти многие затворники погибли и многие столпы сверглись в ад... Затворнику нужно иметь силу, как у преподобного Арсения... Но, будучи тем, что есть, как покушается он на делание безмолвия?..

Безмолвие юного есть – да трудится. Монах, иеромонах, царь, царский сын, боярин, боярский сын, сильный, малосильный, болящий, молодой – да трудятся непрестанно, каждый по силе своей, безропотно, т. е. в послушании. Сие есть покой, от мысленной брани, для монаха. В особенности же для иеромонаха его мир душевный заключается в том, чтобы он безпрестанно трудился. Вопроси кого-либо из трудящихся иеромонахов: какие помыслы искушают его? И посмотри, что ответит он тебе. Не даст он ответа, и не знает, что рассказать тебе о сем, ибо ничего этого не ведает; возделывание заповедей покрывает его, как покровом, от действия помыслов, и не воображает он их, помыслы в себе.

Подобное высокоумие было некогда в одном боярине, бывшем в добродетельнейшем общежитии, куда он пришел ради спасения своего, но по высокоумию своему нисколько не заботился, несчастный, о спасении своем.

Если спросишь, в чем было его высокоумие, – послушай и увидишь, какую гордость он имел, и как запят был ею в спасении своем.

Боярин сей был во времена отца нашего Саввы[1], когда отцы были добродетельны и угодны Богу. Сей, будучи благороден и богат, также пришел к Савве: чтобы стать монахом. Преподобный принял его с радостию, дал ему особое правило, так как он не был привычен к труду; преподобный не пускал его возделывать землю и трудиться в трудных работах лавры, как прочие, которые трудились до девяти часов, т. е. трех часов дня, потом приходили и читали сообща последование, и лишь после вечерни все общежительно жившие вкушали однажды в день пищу. Боярин же не в силах был делать того – единственно из-за сомнения и барского своего тщеславия.

Видя в боярине такое высокоумие, преподобный велел ему трудиться внутри монастыря по силе своей, как может, но поститься до прихода прочей братии, чтобы по чину общежития лавры пищу есть вместе. Однако боярин держал свой барский дух и, будучи одержим гордостью, не исполнял заповеди преподобного, ел в келлии своей, что приносили ему его родственники, и не ходил к монастырской службе. Преподобный же не возбранял ему сего, не говорил ему о сем ни слова, но лишь молился Богу день и ночь о том, чтобы исправилось расположение боярина, чтобы вместе с братиею монастыря сопричли бы его к лику трапезы, к совместным трудам с братией и к входу в попечение о душе. Бог услышал молитву преподобного и явил сие следующим образом.

Наступил праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа. Был канун Пресвятой. Братия пошли работать. Преподобный сказал им, чтобы они с работ пришли скорее, чем обыкновенно, для того, чтобы петь последование, боярину же приказал, чтобы он пришел ко времени вечерни в церковь, смотрел бы, когда братия будут приходить, и возвестил бы преподобному, когда все братия сойдутся в церковь. Тогда-то и проявилась там молитва преподобного следующим образом.

Когда собрались отцы, видит боярин, что один, сияющий на вид юноша, в белой одежде, держал в руках своих белое полотенце и отирал им лица отцов, одного за одним. Позади юноши была одна шестикрылая женщина, сиявшая, подобно юноше; она держала в руках своих чашу с золотой лжицей и приобщала тех, которых отер полотенцем юноша. Приблизился к нему и боярин, чтобы юноша отер его и чтобы боярину причаститься, подобно прочим, юноша же сказал ему: «Я вижу, что ты пота трудового не имеешь на лице твоем». Юноша отошел и стал отирать других братьев. Тогда боярин приблизился к сияющей деве, чтобы она приобщила

[1]Саввы Освященного.

его, но сияющая дева сказала: «Отойди от меня, ибо вижу, что трудового пота ты не имеешь на лице своем; постного облика также нисколько не вижу я на виде твоем». Так сказав, Она прошла мимо, и стала причащать утружденных братьев... Увидав это, боярин преогорчился, возвестив о сем преподобному; преподобный же сказал ему, чтобы боярин сам усматривал, что ему на пользу; тогда боярин стал усердно подвизаться в служениях, смирил свой нрав наравне с прочими братиями, вменял себя прахом ног их; до самой смерти поминал о пагубе своей, которую раньше возделывал, и великая печаль уязвляла его, что не подвизался он так с самого начала!..

Видишь ли, в какое убранство облекает душу возделывание заповедей, как перегоняет (т. е. дистиллирует) и шлифует, подобно кристаллу...

Если инок испрямит расположение свое, расстелет себя (т. е. якобы под ноги братьев, как подножку), усядется в расположении своем (т. е. откажется от выхода из общежития в пустыню, мирствовать будет в послушании, собирая свои помыслы и смиряясь пред братиями), то велиим наречется. Если же нет, если будет удерживать завистострастное самомнение свое и барство, то не только у людей разорвутся сердца, когда услышат они и увидят, что произойдет с ним, но и леса, если бы могли слышать, засохли, и камни расселись бы... Кто принуждал его давать обещание[1] пред жертвенником?..

Но да не делают они сего (т. е. да не враждуют братия).., да живут дружно, как раньше, совокупно... И да ведает малый великого, как говорит (Писание): «Повинуйтеся наставником вашим и покоряйтеся им». Да правит великий малым, и да правит немощь его (т. е. да несет немощь его), и да знает немощной немощь свою...

Глава XI

О целомудрии. О поведении юных в общежитиях и отношении к ним старших

Да не отдает брат платье свое другому брату. Тот, кто дает одежду свою без дозволения предстоятеля другому, порождает безчиния; от сего рождается нечистота среди киновии и человек становится безчинником нечистоты.

[1]Разумеются монашеские обеты при пострижении.

Если брат нуждается в чем потребном, пошли его к эконому, ибо в каждом монастыре имеется для этой цели распорядитель, а братия не должна иметь между собой даяния и принимания.

Да не наряжаются иноки в нарядные рясы... Если имеют в обители юного, да одевают его всегда в ветхую рясу. Пусть юный не глядит в лицо и не смеется... Когда же с кем беседует, да приклоняет главу свою долу и так да отвечает.... Да не моет он лица своего водой и да острижет кудри свои, чтобы они не свешивались у него на лицо, как у девицы, ибо эти проклятые кудри благоукрашают человека для возделывания блуда.

Да, прокляты кудри, но у кого они прокляты? У того, кто служит им, т. е. лелеет их со злым намерением (нравиться), сей воистину препроклят вместе со своими локонами!.. Поэтому и говорю: да отрезают юным локоны, да не возобновится в них злое расположение, т. е. дух блудный, мирской, от которого они бежали в монастырь... Камилавку свою да надвигает себе на лоб и да прикрывает грудь свою, чтобы не дать соблазна кому-либо из братьев, тем более, что среди них есть и иереи; если же введен будет в соблазн иерей, то на соблазнившего падет ответственность за соблазнение иерея...

Феофан сказал святому: «Кто станет исполнять сие ныне?»

Святой же сказал: «Тем более необходимо исполнять это ныне, ибо сие только теперь и осталось», т. е. от прочих обетов монашеских осталось целомудрие, которое еще хранится; если же блудная страсть получит права гражданства среди монахов, то монашеская жизнь так же исчезнет, как сила евреев...

Если сотворят это, как я говорю тебе, то добро; если же нет, то беги от общения с ними, дабы не осквернилась совесть твоя еще в большей степени, как осквернилась она прежними делами, возделываемыми тобою...»

Феофан же сказал: «Откуда мне знать, поверят ли они? Человека не познаешь, верит он, или не верит. Считаешь по виду человека надежным, а он внутри – сосуд лжи, как разузнать дух его?»

Святой сказал: «Приими сию примету и будешь знать, как я говорю тебе: когда отыму руку мою от них (святой говорит именем Господним, когда отымется благодать Святаго Духа, живущая ныне в православном монашестве), тогда будут творить бдения и литургии вскачь по большой дороге, как то и ныне на западе... Будут взаимно посылать послания и получать послания разнообразного содержания и по различным предлогам, т. е. монашествующие вдадутся в литературу, в исследования научных и политических вопросов, как то и ныне

на западе, расположение же их от духовных благ обратится всецело к суете.

Только, горе, горе, и пять крат горе душам таковых старцев, которые берут на свою ответственность и под свое руководство такую душу, т. е. юного, и не исправляют ее... Нынешние монахи держатся сего, любят, чтобы их звали «старцами», а до души послушников им нет никакого дела, хоть запустей она... Мирская пословица говорит: «Окрещу и миром помажу, а дальше пусть живет, или не живет!..»

О, несчастные старцы, губящие такую жизнь, т. е. юного послушника своего, не знаете, что имеете быть истязаны за душу учеников ваших и имеете ниспасть в кромешную адскую тьму?! Послушник там будет возлагать на старца ответственность за падение свое; душа послушника будет негодовать на душу старца своего и говорить: «О, злосчастный старец! Так-то ты постарался спасти меня, взял душу мою на свою злосчастную душу, а теперь мы жалостно мучаемся вместе?..» Чрезмерными укоризнами воздавать будет вину душа послушника душе старца. Душа старца тоже будет говорить слова укорительные душе послушника: «Что говоришь мне, злосчастный, что не наставлял я тебя, когда я говорил тебе и указывал путь?» И опять душа послушника будет говорить: «О, несчастный мой старец! Приведший меня сюда, в адскую муку, зачем ты не наказывал меня по делам моим; художник, если учитель не станет наставлять его, не может научиться никакому искусству; так и теперь, если бы наставлял меня ты монашеской жизни, то я не навык бы безчинию, не впал бы в мучения, которыми ныне мучусь, мучается также и душа твоя, приемля часть, сообразную безчиниям твоим. Через тебя я стал безчинником, соделав проступки против монашеской жизни!.. Блажен монах, наставляемый старцем своим!.. Обезчещен же будет монах, который нерадит о наставлении ученика своего!.. Так обезчестились и мы с тобою, здесь, среди тьмы кромешной!.. И другими чрезмерными укорами будут укорять один другого, говорим: душа послушника и душа старца.

Глава XII

До чего довести может неумеренная снисходительность старца. Страшный случай, бывший в Иорданской пустыне

Некогда в пределах реки Иорданской было много мо-

настырьков. В этих монастырьках было много безмолвников; среди таких безмолвников жили три брата, т. е. монаха, в послушании под началом у одного добродетельного безмолвника, который был – святая душа. Сей благословенный старец имел ревность о том, чтобы избавились от вечных мук его послушники; вся забота старца всецело была направлена к спасению их. Но эти, несмысленные, не смыслили спасения своего, роптали против своего старца, говорили, что он жесток и немилосерд, и иные роптания высказывали на старца. По малом времени почил о Господе старец их; остались эти три послушника; по обычаю один из них стал на место старца их и начал нарушать чин, установленный старцем, чтобы явить себя милосерднейшим против старца своего... И нашли его послушники по нраву своему... Постриг он их, поделал монахами... Монахи, видя таковото старца, милосерднейшим и добродушнейшим в сравнении с прежними, славили Бога, что нашли такого пастыря по духу своему... Бог же нисколько не был прославляем ими, но даже был в презрении у них. И они были презрены, оставлены Богом и низверглись в блато страсти нечистоты... Старец же ни в чем не перечил им, чтобы быть хвалимым от них за кротость и смирение, на самом же деле, внутренне, он весь был всецело – гордость нечистоты ума своего, мыслил лишь о том, что к погибели, но не о том, что ко спасению души его...

И что же из этого вышло? Когда умер сей злосчастный старец и погребен был в землю, земля не только не приняла его, но извергла вон три раза, и не принимала в свои недра. Ученики рассуждали, что им делать; когда они все вместе обсуждали это, явился ангел и велиим гласом сказал собравшимся людям, чтобы взяли одну песью самку и положили ее в могилу вместе с мертвецом, да примет его земля, аки пса, а не как монаха, ибо он не хранил заповедей благословенного старца своего, которые должны были быть покровом ему!..

По смерти старца умертвились таким же образом и ученики его, ибо, видя умерщвление старца своего, погребение с псиной самкой, – не раскаялись в тех беззакониях, которые соделывали. Сие возделывали они после похорон мертвеца... Возделывая же сие, возбесились, наконец задушены были бесами, и умертвились так же, как и восхваленный их старец. Погребли их в землю, но земля не принимала их, а тотчас извергала вон... Видя это, предстоятели еще более недоумевали, совещаясь, что следует делать; явился вдруг со страшным громом ангел и сказал предстоятелям: «Возьмите песьих щенят и положите в могилу вместе с ними; так как деяния их были подобны псиным, то, да примет их земля, как песьих щенят,

а не как монашеских чад»... И сотворили, как сказал ангел, тогда приняла их земля, аки песьих щенят, а не как монашеских детей...[1].

Глава XIII

Другой пример строгого старца и благословенного послушника в той же Иорданской пустыне

В те же дни был один добродетельный безмолвник, суровый к послушникам своим; вследствие великой своей суровости он их очень сильно наказывал.

Воспитание же его было сие: после захода солнца допрашивал он послушников, что делали они сегодня; потом читали вечернее последование.

Со страшным прещением испытывал он чад своих, дабы не скрывали от него ни слова, ни дела, ни помысла; когда же слышал, что кто-либо хотя мыслию, в помысле, согрешил, давал канон[2] следующий.

Становились они оба (т. е. и старец, и послушник) на молитву, на целую ночь, в течение трех суток; затем читал старец молитву послушнику (разрешительную), брали они рукоделье и рукодельничали.

Рукоделье же их было – четки, старец имел обычай вязать одну четку в день; рукоделье творили вместе с молитвой.

Смертельным же грехом считалось сие: когда слышал он при допросе, что (послушник) без дозволения старца беседовал с кем-либо из братьев: беседою же считалось (досл.: было) и то, когда, произнося ответ (на чей-либо вопрос, послушник) не склонял главы своей к земле, но открыто (взирал) в лице; особенно испытывал он о молчании и собеседовании: каким образом безмолвствовал кто в рукоделии и как собеседовал с братиями-аскетами. Испытывал (не было ли) осуждения, взаимных взоров (досл.: зрительной беседы), злословия, праздного собеседования; и когда слыхал о сих грехах при испытании своем, то тяжко наказывал; вместе с наказуемым послушником трехдневный канон (эпитимию) нес и старец.

Так они совместно изнуряли себя, никто не в силах был

[1]Многие, увы! Готовы соблазняться этим рассказом, но его надо понимать не буквально, а как притчу, иносказательное изображение гнева Божия на людей, которые своими делами «приложились скотам несмысленным и уподобились им».

[2]Т. е. покаянную эпитимию.

выносить такое суровое воспитание и выстаивать со старцем канон; старец оставался один, и получил от своих учеников имя «жесточайший» и «суровейший». С течением времени пришел к нему один послушник из Палестины, был он учен всей философской науке; но, имея философские познания, испытывал и жизнь отцев-безмолвников: как безмолвствуют они и какую жизнь ведут; испытывая это, пошел он к жесточайшему старцу, одобрил его жестокость, и угодна была ему такая жизнь. Тогда присоединился он к пути жесточайшего старца – письменно и неписьменно (т. е. дав обязательство письменное и словесное неуклонно последовать и повиноваться старцу). Смиренно терпел сей послушник суровое воспитание жестокого своего старца, и мудро говорил себе: «Пшеница, если не всеется в землю, не умножится; если же и умножится в зерне, но не смелется на мельнице, не будет мукой; мука же, если не заквасится в корыте и не положится в горячую печь, не получит свойства хлеба и не назовется хлебом трапезным. Так и послушник: если не покорит себя человеку, не получит спасения, но и при сем, если не будет терпеть суровостей от спасения своего (т. е. от старца), не назовется спасающимся человеком; но и спасающийся человек, если не положит души своей на претерпение сурового воспитания, если не опалится безчестием и поруганием человеческим – не получит свойств хорошего хлеба, не будет положен на трапезу, но будет выброшен свиньям... И тесто, если не сожмется само в себя, то не пойдет на трапезу, но сделается хлебом для свиней...

Поэтому, пусть я сам себя сожму в жестокой жизни сего честного старца, дабы не стать мне хлебом для свиней...» Так всегда говорил он и мужественно терпел суровое воспитание старца, пока не упокоился о Господе.

На утро старец пошел посмотреть его могилу и, увидав могилу, воскликнул: «Чадо мое, где ты?»

В тот час заблагоухала могила, из трещин земли вышло прекрасное благоухание; сие благоухание было ответом и говорило: «Здесь есм, отче, успокойся и не бойся, ибо безропотно и непоколебимо до конца претерпевший в заповедях старца и духовника своего не приемлет смерти, но почивает посреди ангелов, поэтому перестань, не плачь; потерпи и ты (до конца) твою собственную суровость, так же, как я терпел твою».

После сих слов могила закрылась, благоухание прекратилось, старец вернулся в келлию свою, благодаря Бога.

Видишь, как спас старец послушника и как послушник спасает старца терпением послушания и крайним смирением?..

ГЛАВА XIV

Обличение людей нынешнего времени в нечувствии к духовным благам и пристрастии к земным

Дивлюсь я тому, до какой степени стали презренны книги нашей церкви днесь... Книги церковные суть истиннейшие – до (последнего) выражения, до (последней) буквы... Отчего же столь презирают их, отчего не повинуются нынешние люди книгам нашей церкви? Потому, что ныне люди упились чашею безчувствия, не чувствуют слов книг церковных; по своему великому безчувствию нынешние люди сократили богослужение; влияют на чувства их – сребро, злато и дела рук человеческих, посему и не дают теперь люди совершать богослужения в совершенстве, но с торопливым понуждением понуждают, как бы поскорее окончить его и выйти вон, чтобы взяться за свое рукоделье, собрать побольше сребра и злата, дабы похваляться своим богатством. Некогда (монашествующие) имели в (почете) и похваляли Великого Антония и Великого Арсения, а нынче люди восхваляют того, кто имеет больше сребра и злата. Того, кто обладает сребром и златом, имеют в предпочтении. Кого приветствуют? Того, который всех больше возделывает дела рук человеческих. И сие осталось ныне (т.е. от прежнего монашества)!.. И сие возделывают люди днесь!.. Но только не довольно нынешним людям того, что приветствуют их и почитают за труды, но стремятся они еще к тому, чтобы их славили и за дела беззаконные, стараются быть предпочтенными со своими беззакониями.

Монах, который возделывает подобное беззаконие, есть мерзость мерзостей пред Богом!.. Монах, пребывающий в обетах жизни монашеской, но имеющий (в то же время) деньги в росте, получающий барыш со сребра и злата – есть мерзость пред Богом и всеми святыми!..

ГЛАВА XV

Сравнение сердца монаха с зеркалом

Монашеская жизнь пред Богом есть как бы зеркало (т.е. в чистом сердце, как в зеркале, отражается Бог, а жизнь монашеская должна быть безпрестанным созерцанием

Бога). Человек смотрит в зеркало, взирает там на лицо свое, любуется им; потом на зеркало падает дыхание человека, и зеркало солжет, человек уже не может в замутившемся зеркале зреть лица своего. (В этой притче многоразличный смысл: Богу приятно и угодно чистое человеческое сердце, отражающее в себе Лик Божий; можно видеть здесь и ту мысль, что чистое сердце мгновенно утрачивает свой блеск, как только человек допустит в себе какое-либо сомнение и горделивое самолюбие). Если от дыхания человеческого мутнеет зеркало, то не тем ли паче мутнеет монашеская жизнь от тленного дыхания сердца человеческого, устремляющегося к тленным благам. Но зеркало (легко) отирается и проясняется, монаху же затруднительно отереться, когда он загрязнится. Зеркало, когда загрязнится человеческим дыханием, отирается одним лишь тонким платком, чистота зеркала проясняется, и (снова) зрит в нем человек красоту лица своего; монах же, если загрязнится беззакониями своими, не отирается тонким платком, чтобы прояснить блеск чистоты своей, чтобы чистота его (снова) привлекла взор Божий к себе, ибо, если станет отираться тонким платком, то платок замарается и станет потом никуда не годен. (В этой притче преподобный, по-видимому, хочет сказать, что смертные грехи для монаха еще более тяжки, чем для мирянина, и требуют сугубого покаяния). Говорим: если монах впадает в грех, возделывая беззаконие волею и неволею, словом, делом, или помышлением, если он и сознается в сем, подобно блудному сыну, покается, но покается словом, а не делом, то не попользует такое покаяние его; покаяние должно осуществляться делом, а не проявляться лишь словом.

Говорим: если не положите печаль на сердце ваше, если сокрушением плача не будете тереть сердца вашего, то никоим образом не возможете обрести путь спасения, ибо отступили вы от пути спасения, взяли другую дорогу, которая не ведет ко спасению! Говорю вам: вернитесь обратно с печалью и сокрушением сердца, да обрящете путь спасения вашего, ибо путь греха есть путь погибели, но не спасения.

Глава XVI

О свободе духа и легком бремени истинного монашества, уклонение современного монашества к суете сует

Дивлюсь я тому, как осмеливаются люди оставаться на

пути погибели, когда есть такой (т. е. столь доступный и удобный) путь спасения?

О, какая легкость свободы есть монашеская жизнь! О, как легко утратиться такой свободе от людей!

О, какое удобство для спасения живущим на горе сей!

О, какую свободу мы имеем здесь для возделывания монашеской жизни!

Ох, какими люди сделались ныне!

«Иго Мое благо и бремя Мое легко есть», – Христос не повелевает нам переставлять скалы, не повелевает нам держать рукою канат корабля во время бури – повелевает же нам лишь иметь чувство сознания своего собственного бремени и бремени общего (т. е. оплакивать свои немощи и грехи, а также общее падение монашества и скорбеть о сем).

«О рекших мне, внидем во дворы Господни, возвеселися мой дух, срадуется сердце» – *антифон, глас 4.*

Мы здесь во дворе Господнем, т. е. в обители монашеской, но мирствуем ли мы здесь? Да (т. е. живем спокойно), но во дворах Господних не есьмы!

Что же это за дворы Господни? Дворы Господни суть пять чувств; говорим: вера, любовь, милосердие, целомудрие и кротость, – как говорится: «Научитеся от Мене, яко кроток есм и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). Сии пять чувств запечатлел Бог в человеке, говорим: в руках и в ногах, на память человеку (т. е. в знамение сих пяти чувств сделал по пяти пальцев на руке и ноге). Но люди позабыли. Они оставили бремя (легкое), переставляют скалы и держат в руке канат, в такую бурю!

Нынешние люди считают лучшим для себя не только скалы переставлять, но за благо почтут переставить Афонскую гору на место Олимпа, а гору Олимп на место Афона, канаты кораблей всей вселенной предпочтут удерживать в руках во время бури, нежели вступить под иго Господне! И Бог (все-таки) не отнимает своего ярма до часа судного, долготерпит, налагает раны, чтобы люди опомнились!

Сии же пять чувств, которые (должны) хранить люди, (так же необходимы им), говорим: как пять пальцев на руке. Если у кого не хватит лишь одного пальца, а останутся четыре, (все равно) его будут называть калекой, не так ли? То же и с заповедями Божиими (т. е. хотя одной из них не соблюди, ты духовно уже урод).

К мирножителям. Мирны ли мы? Нет, но соблазняем друг друга!

Мирны ли мы? Нет, но предаем друг друга!

Мирны ли мы (т. е. в возражение тем, которые утверждают,

что, удалившись от мира, они мирствуют, хотя и не подвизаются о спасении)? Нет, но презираем друг друга!

Мирны ли мы? Нет, но осуждаем друг друга!

Мирны ли мы? Нет, но не покоряемся друг другу! И как прейдем мы таким образом ко дворам Господним, чтобы возвеселился дух наш и сорадовалось бы сердце наше?

Мирны ли мы так, чтобы возвеселялся бы дух наш? Нет, соделали мы дух наш диким по отношению к тем пяти чувствам и мирны (при этом).

Мирны ли мы так, чтобы и сердце наше сорадовалось бы? Нет, мы (хотя и) мирны, но почему же сердце наше стало жестким по отношению к этим пяти чувствам?

(Если мы мирны, как то предполагаем), то почему же сделались такими непокорными и безумными? Потому, что люди ныне уклонились от долготерпения. Потому, что отстранились от легкого бремени, приблизились ко бремени тленному, бесплодному, тягчайшему, вступили под него, и несут на плечах своих сие бремя, как будто кто их на рабство осудил, несчастные люди! Позабыли они совсем, что они монахи, что они находятся не на базаре, а во Святой Горе, говорим: во дворах Господних в уделе Всецарицы, Честной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии! Матери долготерпения, Всепетой Богородицы, христиан Предстательницы, Посещения архиереев, Покрова иереев, Путевождя в жизни монашеской, Охранительницы девства и целомудрия, монашеской жизни Наставницы!

Многопопечительность житейская производит язву в душе и до такой степени изъязвляет человека, что делает его как бы прокаженным. Суета сует и всяческая суета есть многопопечительство человека!.. Многопопечительность отнимает от человека благодать Божию! Многопопечительность побуждает человека призывать царицу погибели! Многопопечительность побуждает человека отвергать Царицу Спасения! Многопопечительность приводит человека в погибель погибели, как погибли и ныне монахи со своею многопопечительностию.

Спросишь у меня, монаше: неужели мы погибли? Зачем спрашиваешь это, монаше? Ты и сам знаешь, что от многопопечительности заботы ты находишься в погибели погибели, даже не сознаешь себя монахом, даже не чувствуешь того, что ты внутри двора Господня, дабы возвеселился бы от этого сознания дух твой и сорадовалось сердце твое, дух твой всецело рассеян и сердце помрачено. Ты даже не понимаешь, что такое словесный человек.

Скажешь, монаше: чем же мы не словесные люди, ужели мы животные?

Да, правду говоришь ты, о, монаше (т. е. эти слова относятся к монаху, увлекшемуся многостяжанием и суетой), ты не таков, как животное, ибо животное беззаконий не творит, а ты ежедневно творишь беззакония и злые похотения; в тебе такой же превратный ум погибели, как у древних людей при Ное... Во время самого потопа Бог весьма опечалился; но из-за чего опечалился? Из-за развращенных людей, подобных тебе, монаше, а не из-за животных, которые ни в чем не провинились пред Богом, но должны были погибать с людьми. Поэтому Бог, слыша рев животных, погибавших посреди вод, весьма печалился!

Вас же, преступивших заповеди в монашестве, ожидает Он с безграничным долготерпением Своим, дабы услышать от вас вожделенное покаяние, и имеет для вас готовую милость!

Из-за чего же вы губите себя многопопечительностию погибели, на всяк день взывая к царице погибели, к семиглавому беззаконию и преогорчая каждый день, каждый час и каждую минуту Царицу Спасения?!.

Вот сегодня прошу и молю вас, освященные иеромонахи и вы, честнейшие монахи: не вверяйте себя царице погибели и семиглавому беззаконию, чтобы не покинула вас Царица Спасения и не остались вы пусты от благодати монашеской жизни. Ибо Царица Спасения есть Дева чистейшая, не допускающая и следа ржавчины (прим.: «кори» – по-гречески есть и дева, и око, т. е. Богородица есть Око чистейшее, не терпящее в монашестве ржавости обетов, а в особенности ржавости целомудрия), как то любит царица погибели, выжидающая гибели мира всего... Сия же чистейшая Царица Спасения не желает и слышать о таковом погибельном деле в уделе Своем, т. е. в монашестве вообще и во Св. Горе в частности.

Глава XVII

Воззвание к афонским инокам и возвещение о погибели Афона, если не покаются

Вонмите, иереи, иеромонахи и вы, честнейшие монахи: сказывал вам и паки говорю: сохраните себя, храните строго монашескую жизнь и чистоту, заповеди спасения нерушимо, чтобы не сделаться для рода христианского виною соблазна.

Если же нет, если же нет, если не послушаете сих

слов моих всех, не обратитесь к покаянию покаяния, не придете в такое же покаяние, как город Ниневия, – имеете дать вину всемирному великому соблазну мира; издали будут взирать на место сие, с моря и с суши, будут указывать пальцем на место сие и говорить: «На месте этом обитали спасавшиеся люди, смиренные монахи, ведшие ангельскую жизнь аскеты, пустынники, содержавшие крайнее безмолвие, никогда не желавшие насытиться досыта хлебом и водою, во всю жизнь свою». А ныне это место погрузилось во глубину моря?! Будут сие говорить, подобно тому, как ныне говорят о городах Содсме и Гомморе.

ГЛАВА XVIII

О славной обители Неусыпающих и почему запустела она

Увидал некто известную обитель Неусыпающих опустошенной и разоренной; увидал также и то, что в обители на святом месте сидит некое животное... Увидел это человек и, из глубины сердца вздохнув, сказал: «Горе нам ныне! Как пала сия обитель, в которой обитали *неусыпающие*, праведные и освященные души; до чего она пала: в обители обитает дикое животное, на святой Трапезе!» Сказав это, схватил он камень в руки, чтобы прогнать этого зверя, но услышал глас и страшное слово: «Оставь животное в покое! Для Меня лучше иметь это животное, нежели тех несчастных монахов, которые позорят свою монашескую жизнь, впали в многопопечительность, заботы о стяжаниях, и соперничают в том, кто первый слукавит, кто первый солжет, кто первый неправедно похитит, кто первый обезчестит ближнего, кто первый накопит сребро и злато, кто первый обогатится многоразличием трапезы, кто будет первым в возделывании многословия осуждения. Да, не усыпали они, но, с другой стороны, и многословие осуждения у них никогда «не усыпало»; поэтому и говорю Я тебе, что лучше для Меня иметь это животное, нежели тех превратных монахов!»[1].

[1]Это сказание означает гнев Божий на иноков, когда они делами своими прилагаются скотам несмысленным и уподобляются им. Как понимать сие страшное сказание, буквально или приточно, иносказательно!? Хотелось бы его понимать иносказательно, столь оно грозно и страшно!.. Однако что говорят исторические факты?! Обитель Неусыпающих была в Константинополе. Теперь она не существует и точное ее местоположение не известно. В Константинополе, «во время оно», в благочестивую византийскую эпоху было множество монастырей, так что описать их теперь, хотя бы по

Услыхав сей голос, благословенный человек тот остался в изумлении от этих громовых слов.

Вот сегодня и вас я спрашиваю: понятны ли вам слова мои для ушей ваших? Дайте мне сей ответ. Если же все еще не можете мне сие ответить (т. е. что понятны), то слушайте и четвертое сказание, дабы я чист был от дел, которые вы делаете!..

Глава XIX

Обращение к святогорцам; притча о магните и железе

Послушайте, преподобнейшие иеромонахи и вы, честнейшие монахи! Когда в Ниневии, во время проповеди Ионы, мудрец Рамуил поставил на высоком месте магнит, а к нему привесил железо, то железо удерживалось магнитом, несмотря ни на какие воздушные стихии (ветры и т.п.). Ибо, пока железо чисто, магнит не боится ни тяжести, ни ветра, ни долговременности, но ржавости железа он не выносит: заржавело железо, и магнит его не держит; освободилось оно от ржавчины – и опять принимает его магнит; если же не разоржавеет, то магнит его не принимает, железо пребывает ржавым и бывает не годно ни на что.

Так же держит над Афоном Богородица, чистейшая Дева, Царица Спасения, покров «крилу Своею», всегда покрывала Она и покрывает Гору сию до днесь, подобно магниту. Если магнит, будучи бездушною тварью Божией, имеет такую державную силу, то тем более Всецарица Госпожа наша Богородица какою обладает силою? Хотя и не в силах я это рассказать вам, но вы и сами видите державную силу Богородицы.

названиям, затруднительно. Многие монастыри были обращены из древних языческих храмов. Место служения идолам делалось местом особого благодатного присутствия Божия, делалось для Бога Его возлюбленным, избранным местом. Но все ли эти монастыри сохранили благоволение Божие, все ли они пребыли до конца под благодатным осенением и покровом Бога?! Далеко не все! В настоящее время очень трудно указать место многих прежних монастырей Константинополя, так как вследствие частых пожаров, землетрясений и опустошений, от которых, конечно, погибали и монастыри, расположение Константинополя совершенно изменилось, («Константинопольское монашество», сочинение аббата Марена, СПб., 1899 г., изд. Сойкина, стр. 29 и 39). А если так, то нет ничего мудреного в том, что в Царьграде, на месте многих монастырей, на месте многих монастырских храмов и алтарей, теперь пролегают грязные улицы, разгуливают животные, а может быть творится что-либо и худшее!.. Читающий да разумеет!..

Равным образом, как качали ветры магнит, чтобы упустил он железо, и не возмогли, так колеблют и язычники Гору сию, чтобы отлепить Афон от руки Пресвятой. Наконец Св. Гора отомкнется от руки Пресвятой, но каким образом упустится Афон из руки Ее? Не из-за шатаний язык, а по причине беззаконий, так как Она выносить их не в силах, ибо беззакония человеческие пред Богоматерию Госпожею нашею Богородицею то же, что ржавчина железа пред магнитом; ржавчина разлучает железо от магнита; беззакония живущих в Святой Горе могут разлучить их от Богородицы.

Глава XX

Обличение торопливости богослужения

Вы имели и имеете один злой обычай, за который не сочтетесь со избранными, как говорится: «С человеки делающими беззаконие не сочтуся и со избранными их». Спросите, что это за беззакония, ради которых мы не будем со избранными? Своих богослужений мы не опускаем, не пропускаем ни литургии, ни вечерни, ни девятого часа; как же ты говоришь, что мы не будем со избранными? Это ли отвечаете вы мне? Дивлюсь я, почему вы требуете изъяснения вам ваших беззаконий, которые сами же творите, но не сознаете их, несчастные! И как не беззаконничает человек ныне? Т. е. это ли мните себе оправданием, что вы службы не опускаете? Служба ваша никуда не годна по торопливости. Как гнилая доска полезна столяру, так пользует и торопливая служба монаха. Насколько поломанная игла потребна портному, настолько и торопливая литургия пользует иерея...

Сколь потребна ржа для железа, столь же пользует и пост злопамятного человека!..

Глава XXI

Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы. Пример св. Никифора, Саприкия и патриарха Авраама

Если истончите шею вашу постом, если и плоть вашу иссушите, как сушеную скумбрию (морская рыба вроде селедки), любви же не будете иметь – никакого плода не

принесете!.. Посему говорится: возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы. Не будешь иметь любви, и исповедания иметь не будешь... Если даже будешь и исповедание иметь, а любви у тебя не будет, то лишишься исповедания, подобно Саприкию...

Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы... Кто истолковал эту тайну? Ее изъяснили два человека, духовный и безчувственный; говорим: Никифор с Саприкием...

Раньше они были оба чувствительными, любящими, имели равноангельское единомыслие любви, но Никифор поссорился с Саприкием, виноват был Саприкий; любовь, которую они имели, преложилась в злопамятство; эта страсть вкоренилась во внутренностях Саприкия; он не хотел даже видеть пред собою Никифора, но за такое злопамятство Саприкий лишился мученического венца, которым Венцедавец готов был уже увенчать его...

Саприкий перенес такие муки, что венец небесного мздовоздания стоял всего на семь локтей над головою его, но семиглавие беззакония злопамятства не дало венцу спуститься на голову Саприкия... Ибо, сколько ни умолял его Никифор о взаимном снисхождении, т. е. прощении, Саприкий не желал снизойти; за то снизшел до принесения жертвы идолам и отрекся от Христа!.. Что же было виною сему? Злопамятство.

Никифор же, как кроткий и смиренный, приял венец от венцедавца Христа. Видишь, как безчувствие Саприкия лишило его исповедания, как оно вместе с жестокосердием злопомнения низвергло его в блато идолопоклонства?..

Никифор, по чистосердечной любви, пал в ноги и поклонился Саприкию, чтобы заключить любовь, но Саприкий не хотел и смотреть на Никифора, а не только сотворить любовь!..

И вменилась Никифору любовь к Саприкию в мученичество, в мужественное исповедание, и совершила ему мученический венец!..

Хороша любовь к человеку, но не чрезмерная...

Два рода есть любви – человеческая и Божественная...

Кто разъяснит нам чрезмерность любви к человеку, и кто изъяснит нам чрезмерность любви к Богу? Пример чрезмерности любви человека к человеку есть Саприкий, ибо он раньше чрезмерно любил Никифора, которого потом возненавидел...

Какой теперь человек может показать чрезмерную любовь к Богу? Патриарх Авраам доказал чрезмерную любовь к Богу словом и делом; за это познал Авраам и любовь к себе Бога, когда Бог возбранил ему заклать сына своего!..

Но кто возбранит Богу, дабы Сын Божий не приносился за людей в жертву на жертвеннике?..

Невозможно никому возбранить Богу, чтобы не жерся Сын Его; явно, что любовь Бога к человеку превосходит любовь человека к Богу...

Глава XXII

Сравнение монахов, отступивших от иноческого подвига, с неблагодарными израильтянами

Бог возлюбил человека словом и делом, а человек презрел Бога словом и делом; так израильтяне, чрезмерно любимые Богом, явили Богу великую неблагодарность.

И ныне монахи, отпавшие от иноческого подвига, за многую любовь к ним Бога, избавившего их от агарянского плена, т. е. от мира греховного и насилий агарянских, творимых над мирянами, Бога, приведшего их в землю мира и спасения, явили неблагодарность Богу, бросили путь спасения, презрели призвание Божие, впали в излишества телесные, как будто и Бога всевидящего нет!.. Мысль их окружена плотскими вожделениями!.. Всецело вожделевают они жизни погибельной, презрели и презирают жизнь спасительную, а в оправдание безчувствия своего говорят, что в нынешнее время без житейских попечений трудно управиться и без хлопотливых забот нельзя и жить!.. С таким отрицательным убеждением, в невозможность ведения в наши дни жизни нестяжательной, отказываются они от монашеского подвига совсем – с отчаянием безнадежности говорят и толкуют так: если не будем иметь огромных домов, разнообразной роскоши, многоразличных трапезных снедей, если не будем о всех этих суетах заботиться, то не можем понести монашеской жизни; без сих плотских утешений она невозможна[1].

Евреи, будучи неблагодарны к освободившему их от фараона Царю Славы, наконец отреклись от Господа и распяли Его, своего Освободителя, Царя Славы; ныне люди отреклись от Царицы Спасения, призвали себе на помощь царицу погибели, многопопечительную суетливость; заботятся лишь о пагубном скряжничестве, которым и грязнят свою душу.

---

[1]Эти слова надобно понимать в том смысле, что и при внешнем благоустройстве монастыря не надобно забывать о «безмолвии, схимничестве и затворе». Хорошо, посему, поступают на Афоне благоустроенные обители, которые устрояют особые скитки для ревнителей безмолвия. Например, Пантелеимонов монастырь, по величине походящий на городок, для любителей безмолвия устроил особый скит («Фиваиду»).

ГЛАВА XXIII

О тени и сени смертной

О, честнейшие отцы! Если бы вы видели пременение смертное, когда душа отлагает тело, то не стали бы заботиться ни об одном зернышке, ни об одной ниточке для вашего тела, но безчувствие помрачило вас тьмою и сенью смертною погибели. Своею многопопечительною заботой о суете ввели вы себя во мрак тьмы и сени смертной и не видите света истины, который ежедневно сияет пред вами. Говорим о сне мертвых в усыпальнице и мертвости погребенных, которая вопиет пред вами...

Вы хороните мертвого в землю, по времени глядите могилу, от мертвого остаются сухие кости, отрешенные от плоти[1]. Вы их перемешиваете и оне не возмущаются против вас!.. Вы говорите им, но они не отвечают вам. Вы их безчестите, но они не безчестят вас... Если такова кончина человека, чего же печетесь вы в заботливых многопопечениях, омрачаясь тьмою и сенью?.. Пробудитесь, взыщите истину, ибо ходяй во тьме, во тьме и остается.

Вы говорите: если не будем заботиться и многопещись о плоти нашей, – не жить нам на месте сем...

Ах, честнейшие отцы, для чего пришли вы сюда? Чтобы умерщвлять тело, оживляя душу, или оживлять плоть и умерщвлять душу?!

Ради сих глаголов вашего безчувствия, ради того, что вы ходите во тьме и сени смертной, – Бог послал вам сияние истины, оно не далеко, оно ни справа, ни слева, ни на высоте, но у самых ног ваших, и вы ежедневно видите пред собою таковое сияние истины (т. е. смерть)!

ГЛАВА XXIV

Увещания кавсокаливитов быть нищелюбивыми

Вы скажете (про некоего нищего Ивана, проживавшего в полном нестяжании в одной пещере близ Кавсокаливы), что он беззаконничал? Я не говорю вам, чтобы вы под-

[1]На Афоне есть обычай через 3 года по смерти инока откапывать его могилу, осматривать кости и полагать в усыпальницу.

ражали беззаконию его (по-видимому, у этого нищего Ивана была какая-то явная немощь, может быть, он выпивал?), но говорю вам о безпечности его (т. е. отрешенности от земного), в которой он пребывал тридцать лет. Прожив в стольких злостраданиях, он не заботился ни о кресале (кремне), чтобы высечь огонь, ни о жаровне, чтобы развести жар, ни о сребре и злате; рукоделья человеческого не творил, постели себе никогда не постелил; не ведал ни кушанья варить, ни о продаже пещись, ни о покупке заботиться. Спрашиваю я вас: где живет человек сей с такой жестокой жизнью (т. е. не здесь ли с вами, говорящими, что ныне нет больше возможности так жить)? Вы скажете мне: «Не призирай мы его телесно, не мог бы выносить он такой жестокой жизни». Вот, вас призирает Бог, помогая вам с безграничною милостию милосердия Своего... Почему же вы не подражаете такой его жестокой жизни, прогневляя Бога многопопечительностию заботы? Как вас милует Бог, так милуйте и вы его... Вы же (хвалящиеся милостыней своей, подаваемой ему), как пренебрегаете им?! Приходит он к вам в дом, вы же изгоняете его с безчестием, точно какого злодея!.. Поскольку пред людьми он кажется злодеем и беззаконником, постольку вы злодеи и беззаконники пред Богом... Беззаконие же его есть немощь; он немощствует, вами искушаемый; если вы не будете его искушать, тогда и он перестанет немощствовать. Искушается он злыми духами, а вы искушаете его делом искусительным; как человек, он побеждается в этой страсти, но бремя искушения, которым вы искушаете его, тяготеет на вас (досл.: уделено вам). Искушение же ваше есть сие: приходит он, чтобы вы уделили ему немного хлеба; вы же, вместо хлеба, раскаляете его вашим празднословием, он впадает в это беззаконие и, возвратившись в дом свой, псилафизуется (т. е. искушается в помыслах) вашим празднословием... Посему, вам уделено беззаконие[1] его, и вы дадите двоякий ответ за эту душу: во-первых, дадите ответ вместе с богачом (евангельским), во-вторых, дадите ответ о душе сей за ваше искусительное празднословие.

Глава XXV

О неуместности веселия в монахе

Вступившему в монашескую жизнь подобает быть траур-

[1] Нравственная ответственность за его беззакония значительною своею долей упадет на вас.

ным, темным, озабоченным и всегда сокрушенным. Он должен иметь озабоченность, подобную озабоченности воина, идущего в бой. Воин озабочен (предстоящим) трудом бранным и говорит: отобьюсь ли я от врага в сем сражении? Ох! Горе мне! Объял меня страх боязливости (т. е. боюсь за себя, что не хватит мужества)! И, таким образом, сердце его все в трауре (досл.: в черноте), от сознания того, что он подвержен опасности погибнуть.

В чем заключается военное дело монаха? Оно есть: воздержание, пост, мужество, голод, жажда и страх (т. е. всегдашнее опасение и бдение) – сии суть безпокойства военные... Когда воины выстроятся в боевой порядок, тогда бьют врагов в голову различным боем... Когда же воины освободятся от смертной опасности и, победив, выйдут из боя без всякой раны, то, как победители, идут к царю, ликуя о победе, радуясь избавлению от опасности бранной и восклицая: «Радуйся, Царица[1], благодаря Которой мы идем победителями, победив силою Твоею!» Радуйся, Царица сил!.. Как говорится: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои Богородице: но, яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: Радуйся Невесто неневестная!..»

Глава XXVI

Обличение духовников, не хранящих тайны исповеди

Господь Иисус Христос, дав нам крещение во очищение нечистоты души нашей, одновременно с этим дал и (еще) баню с дверью, приделал замок замыкать и отмыкать, поставил преемников (пастырей), отдал им ключ от двери, чтобы замыкали и отмыкали, сказав: «Аще свяжете на земли, будет связано на небесех и еже аще разрешите на земли, будет разрешено на небесех»[2].

О, несчастные духовники, имеющие[3] самомнение и становящиеся на исповедь! Приходит пред вас бедствующая душа, изливает пред вами все помыслы свои; а вы, вместо того, чтобы утешить ее в ее бедствии, делаете ее еще более бедству-

[1]Под Царицею разумеется Взбранная Воевода небесных воинств, Царица неба и земли, Пресвятая Богородица.

[2]Мф. 18, 18.

[3]Разумеются не все духовники, а лишь духовники недостойные.

ющей, ибо она слышит от вас осудительное празднословие; она слышит, как вы рассказываете другому человеку то, что пред вами исповедовали люди, как празднословите об этом и осуждаете то, что слышали на вашей исповеди...

О, несчастные духовники, которые водитесь (досл.: держите) нечистотою ума своего и посему многих отсылаете в муку, так как вследствие того, что вы не способны хранить тайну исповеди, они не дерзают исповедовать вам свои грехи.

Несчастные духовники, которые таковы...

О, несчастные нынешние духовники, вы наполняете ад и истощаете рай!

О, бедные нынешние духовники! Вы чрез это делаетесь союзниками Денницы, уподобляясь овчарке, которая хранит стадо овец и в то же время делается другом волку; так и вы творите союз с Денницей!..

О, ржавые нынешние духовники, своею снисходительностию вы навели ржавчину на ваших духовных чад, ибо попускаете творить волю свою и злые дела свои...

Глава XXVII

Повесть о страшной каре, постигшей некоего духовника, излишне снисходительного к своему духовному чаду

Некий человек находился в одной киновии, там он зло проводил время своей жизни монашеской, подвизаясь не о Бозе, но в тайне сердца своего служа мамоне, так что сделался рабом мамоны. При всем этом он сблизился с духовником, каждый день исповедовал ему помыслы свои; но духовник бездействовал, не старался исправлять его и снисходил ему до погибели... Какой бы помысл не говорил ему сей юноша, духовник во всем снисходил к нему... Юноша же не ведал, что духовник имел содомское влечение к юным... Видя снисходительность духовника, юноша проводил время в злых делах, следуя злому нраву своему; что бы помысл ему ни сказал, он все то исполнял, вследствие погибельного соизволения духовника своего... Наконец, юноша умер в беззаконии своем и похоронили его в землю!..

Через сорок дней по смерти устроили ему поминки; после поминовения старшая братия отправились в трапезу и кушали, канонарх взошел на амвон читать, а после чтения стал говорить похвальное слово покойнику сей злосчастнейший духовник... Тот же, т. е. покойник, внезапно взошел чрез большие двери

трапезы, остановился среди трапезы и стал слушать похвалы, которыми восхвалял его духовник. Духовник говорил, что никогда еще не бывало в киновии такового человека, которого я познал на исповеди, что покойный чист был в целомудрии, чист был в смирении, чист был в нестяжании, в подвиге поста, – и другими многими похвалами восхвалял духовник мертвого; наконец, восхвалил и за смерть его, как получившего блаженную кончину!.. Тогда мертвый вдруг проговорил: «Подобную смерть, которою я умер, будешь иметь и ты при кончине твоей!.. Послушайте меня, слушатели мои: из тех похвал, которыми восхвалял он меня, злосчастнейший духовник, ни единого слова не было правды, так как он столь восхвалял меня из-за того, что имел ко мне содомитское пристрастие...»

Тогда отвечал духовник и сказал: «Чадо мое, ведь ты умер и похоронен, как же после сорока дней пришел сюда?»

Мертвый слазал: «О, злосчастый духовник! Ты имеешь еще уста, чтобы возражать мне?.. Мало того, что я горю в пламени, ты меня восхваляешь еще за добро, которого я не делал... Я делал одни только злые дела, открывая тебе все помыслы мои, ты же, вместо того, чтобы исправлять меня, сделал то, что я стал делать еще худшие дела, чем раньше. Ныне же, вместо того, чтобы печалиться о делах моих, ты восхваляешь меня и этим еще больше пламенноспаляешь меня...» После сего мертвый сказал: «Пойдем со мной, чтобы и ты был там, куда низвел меня». Тотчас разверзлась земля, поглотившая обоих в пламень мужеложства, предназначенный не только для тех, которые грешат в сем делом, но и для тех, которые, не согрешая делом, имеют в себе содомитское сладострастие...

Глава XXVIII

От безчувствия происходит невоздержание в слове и в еде, а от этого развивается сладострастие

Есть монахи, которые, хотя и облеклись в монашество пред вратами жертвенника, но не слушают того, что вопиет им монашеская жизнь, не покоряются ее уставам... Следовательно, в какой же тьме находятся подобные монахи?! Как могут они верно познать самих себя? Как могут они представить себе все видимое: небо, землю и все произрастания земли? Не иначе, как только соответственно своему состоянию, т. е. обо всем мыслят превратно.

Подобные люди в монашестве мудрствуют таким образом: разговор – пустяки; празднословие – пустяки; кушание для человека – пустяки; Бог дал все это человеку, к чему же человеку беречь себя от них и от того, чтобы поесть? Чего ради не познавать человеку благ земных? Не познаешь благ земных, не познаешь и спасения своего...

О, несчастный! По этой причине ты и расстроен всегда от многословия осуждения, всегда пребываешь в нечистом вожделении плотского зловония – со многою твоею едою... Когда на поле случится пожар, то чем больше бывает горючих веществ, тем сильнее разгорается на нем пожар. То же есть и многословие в отношении плотских страстей. Поскольку отверзает человек беседу, постольку возжигает он многословие осуждения и горит в нем. От многословия осудительного обмирает душа; человек же это чувство изнеможения и душевной скорби принимает за алчбу, озабочивается многоразличными яствами, чтобы поесть и этим якобы утолить изнеможение сердца своего, которое в нем обмерло и которое он истощил осудительным празднословием... И вот ест человек многоразнообразные яства; от этих яств чрево его возгорается, пламенея плотскими страстями; он воспламеняется против воли, услаждается ими ежедневно, говорит себе, что это от того, что он горячий от природы, впадает в меланхолию, т. е. скуку и печаль. Да, в человеке есть пламень плотских страстей, но если не будет в нем горючего вещества, то никогда искушаться человек не будет...

Так бывает в перегонном кубе; если в котле его не будет виноградных выжимок, а окажется только вода, то выйдет ли из него хоть сколько-нибудь спирта? Пусть кипит себе, сколько бы времени ни стоял на огне и кипел, никогда не образуется спирт. Когда же в нем есть выжимки, то не успеет котел разогреться, как уже источает спирт; сколько положишь в котел выжимок, столько и выпустит очиститель спирта из выжимок... Так и человек: чрево его подобно перегонному котлу – сколько накладет он пищи во чрево, столько и сладострастия источит плоть; поскольку уменьшишь пищу для чрева, постольку умалится сатанинское услаждение плотскими страстями и разные искушения... Таковой будет искушаем малыми искушениями...

Возгорание плотского сладострастия происходит от прегрешений человека, говорим: от празднословия, от осуждения, от различных снедей трапезы; сидя за трапезой, вкушая и впивая до сытости, многословя, празднословя, осуждая, люди веселят себя, мясами славят члены свои и венчаются венцем сладострастия блудного советника (т. е. все это наконец при-

водит в сети бесов, которые возобладали над ними ради такого поведения).

Обратимся к устройству водочного котла: если не будет самого котла, как согреются выжимки? Как источится спирт? Если же котел будет, а колпака не будет, возможно ли будет получить спирт? Если же будет колпак, но не будет трубы, как можно будет спирту сгуститься? Если же и труба будет, но выжимок не будет, откуда тогда добудешь спирт?! Так устрояется и плотское искушение в человеке: если не будет заботы о чреве, возможно ли будет распаляться плоти его? Если забота о чреве будет, но сообращения с людьми не будет, возможно ли распаляться сладострастными страстями? Если и празднословие будет, но осуждения не будет, как могут произойти ссоры и осуждения других монахов среди круга трапезы?

Глава XXIX

Запретное древо познания добра и зла есть для монаха осуждение

И заповеда Господь Бог Адаму, глаголя: «От всякого древа еже в раи снедию снеси, от древа же еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него, а в онь же аще день снесте от него, смертию умрете» (Быт. 2, 16-17). Спрашиваю я вас, преподобнейшие отцы, что значит глагол сей и о чем он говорит? (Т. е. какое отношение имеют эти слова к современным инокам?) Почему это могло бы относиться к нам? Отношу я это к трапезованию, которое вы ныне творите безчинно, едя и пия с роскошью. Ей, ядите и пейте (т. е. это благословенно Богом), но не до сытости, не с роскошью, не с прожорливостью, но в меру.

Ей, ядите от всех снедей, но от древа познания добра и зла да не вкушаете, в день же, в который вкусите, смертию умрете. Смысл этого, преподобнейшие отцы, такой: вкушайте с умеренностию от всяких снедей, которые окажутся на трапезе, от снеди же многословия и празднословных слов осуждения – не вкушайте, в который день вкусите – смертию умрете.

Ох, преподобнейшие отцы! Смерть эта не чувственная, но мысленная! Это смерть души, умерщвляемой жалом осуждения, причем погибает не только осуждающий, но и многие соосуждающие.

Зачем досматриваешь другого, каков он есть, а не смотришь на себя, каков ты сам? Пусть он себе будет таков, каков есть, но знаешь ли ты сам себя? Если же самого себя распознать не можешь, то зачем пытаешься с осудительным празднословием распознать другого? В беззакониях ты зачат и во грехе роди тя матерь твоя; священное крещение ты осквернил скверною мира; вновь крестился крещением покаяния, говорим: (пострижением) в монашество, но и его не сохраняешь чистым, не сознаешь, что ты преосквернился, оскверняешь свое крещение в покаяние. Нет другого оскверненного, подобного тебе, один только ты – такой. За то, что осуждаешь, сидя за трапезой, несешь сугубое наказание, ибо другой внимает твоей осудительной речи, прилагая слух к осуждению твоему.

Зачем осуждаешь, несчастный человече? Тебя ли единого облек Бог во спасение, а другого в погибель? Нет, ни тебя не облек только во спасение, ни другого в погибель, но обоих вас одинаково облек в ризы кожаные, как говорится: и сотвори Бог Адаму и жены его ризы кожаные и облек их (Быт. 3, 26).

Глава XXX

О том, сколь развит порок празднословия в монашестве

Осудительное празднословие ни в ком другом не нашло для себя столько пищи и удобства привитания, как в монашестве; оно сжигает чувство монашеской жизни. Особенно (празднословие развилось) на трапезах аскетов (т. е. скитян) и келлиотов, где оно усилилось, как лев, и пожирает души людей. В монастырях оно сильно (привитает) в воротах, преуспело и на общих рукоделиях аскетов треокаянное осудительное празднословие вместе с исчадиями своими, говорим: многословием и сквернословием! Празднословие витает в монастырских воротах – когда выходят прогуляться по монастырю важные монастырские предстоятели (т. е. старшие) в ризах висонных, в одеждах украшенных, с заячьими шубками на плечах, с драгоценными четками в руках, они с важным видом многословят: один сделал то, другой то, у того случилось то, у третьего – третье; на сие одни говорят: это так, а другие: это не так; начинается осудительный разговор, которого не могут окончить не только в один день, а часто в неделю; иногда, разговорившись спором, остаются до вечера не евши. Подобное бывает и у аскетов,

когда они собираются на рукоделье, чтобы руками (вить нитку) с веретена рукоделья, а языком в то же время, как ногами, вертеть колесо осуждения, начинают (с работой) осудительный разговор по поводу того, что кто очами своими видел и что кто ушами своими слышал; не могут во время работы прекратить разговора своего, даже разойдясь, вернувшись в дом свой, усевшись за стол, поднимают снова спор, о котором спорили за рукодельем; этот же разговор начинают и за столом, оскверняя трапезование; когда, восстав от трапезы, возносят благодарение Богу, то это возношение их как мерзость (т. е. как смрадный дым) возносится пред Богом.

Глава XXXI

Два вида пороков, при которых молитва не может вселиться в человека

О, преподобнейшие отцы, как полезно молчание для человека! Когда человек молчалив, он становится способным к возделыванию молитвы. Наоборот, кто не хранит молчания, тот не возможет ни иметь, ни держать молитвы в сердце своем... Есть два вида препятствий, возбраняющих молитву человеку: первое – осудительное многословие. Человек с многословием осуждения злословит, вкушая и пия со своим чревонеистовым обжорством; вследствие такого сладострастного безпутства бежит от человека молитва, а на ее место вселяется бес злословия и осуждения.

Второе препятствие – многопопечительность и многозаботливость стяжания сокровищ. При многопопечении и многостяжании ум мутится и туманится в мирском кружении; как у такого человека установиться молитве? Если бы даже она и возникла в нем, все равно ей не будет ни места, ни времени, так как суетному человеку некогда упраздниться (от житейских попечений).

Говорим: (преданный духу многостяжания) сокращает молитву, чтобы прибавить времени на тленные дела. Много печась о стяжании сокровищ нечистым воровским помыслом своим[1], он ленится в исполнении канона своего; если же и

[1]На молитве помыслы должны быть всецело устремлены к Богу; отвлечение помыслов к земному во время молитвы есть хищение, воровство у Бога того, что есть принадлежность Богу. Отсюда слова «воровским помыслом» надо понимать так: во время молитвы помыслы его отбегают на земное.

творит канон, то совершает его, ругаясь над ним великим сокращением молитв, которые ускоряет ради того, чтобы скорее заняться житейскими заботами о многостяжании. Древние отцы, когда творили канон, говорили полную, совершенную молитву, то есть «Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, Богородицы ради, помилуй мя». Последующие, оставив слова: «Богородицы ради», начали употреблять такую молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, помилуй мя». Дальнейшие выбросили: «Слове Божий» – стали говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Следующие за ними покинули: «Сыне Божий», – а стали говорить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Теперешние современные отцы оставили Христа, ухватившись за Хриса (т. е. злато, по-гречески); уже позабыли Христа, а говорят: «Господи Иисусе, помилуй мя».

Будущие оставят слово «Господи», станут говорить: «Иисусе, помилуй мя». Потом оставят слово «Иисусе» – станут говорить лишь: «Помилуй мя», и не будут сознавать, что именно хотят они этим получить и не будут сознавать того, кто имеет их помиловать...

Ради этого и говорю вам: когда минут четыре двадцатипятилетия, то какова станет тогда монашеская жизнь? Если же пройдут и еще другие три двадцатипятилетия, говорим: число седьмое лет и пять восходящих к полпути восьмого, – там на половине числа пятерки какое смущение произойдет от четвертого до пятого[1]?..

---

[1]Примечание первых списателей: святой сказал сие Феофану в лето от Рождества Христова – 1817; от сотворения же мира – 7325. Поэтому святой говорит: когда пройдет четыре двадцатипятилетия, т. е. сто лет, и наступит 7425 год, то что тогда станет с монашеской жизнию? Если же минут еще другие три двадцатипятилетия, то есть 75 лет, и наступит 7500 год, «число седьмое лет и пять», т. е. семь тысяч лет и пятьсот лет, «восходящим на полпути к восьмерым», то есть, когда достигнем половины восьмого века (тысячелетия), то там на «середине пятерых», т. е. пятого столетия, «какое смущение будет (от четвертого до пятого)?» Мы полагаем, что от четвертого до пятого, как говорит (святой), есть от 7400 до 7500, сие мы полагаем, кто может истолковать лучше, пусть да запишет здесь.

1817	=	7325
+100	=	+100
1917	–	7425
+ 75	=	+ 75
1992	–	7500
– 50	=	– 50
1942	=	7450

Глава XXXII

Монашество – благое дело спасения, но кто воистину спасается?

Ей, благое дело есть спасение, т. е. посвящение себя монашеству; но ты, омрачившийся земными попечениями, подвизающийся, но осуетившийся и в то же время самодовольно мнящий о себе, что спасаешься, полный забот о стяжаниях, объятый и омраченный ими, ты не ведаешь, что такое дело спасения, ходишь во тьме беззакония. Ты утешаешь себя, что идешь путем спасения, любишь богослужение, совершаешь церковные службы в точности и по уставу... Да, правду ты говоришь; но спрошу я тебя: когда читаешь ты последование (канон или акафист) твое, удерживаешь ли помысл свой, чтобы не осудить никакого человека? Удерживаешься ли от празднословия? Ибо вместе с празднословием влечешь за собой и осуждение.

Удерживаешь ли помысл свой (т. е. имеешь ли твердую решимость), чтобы не исходить наружу, т. е. мысленно и на самом деле до окончания богослужения, ибо кто оставляет богослужение и выходит наружу, бывает подобен рыбе, которая выйдет из воды; я уподобляю его Иуде, который покинул Тайную вечерю и впал в предательство. Так и человек, если выйдет от богослужения раньше окончания, впадает (в грех осуждения с празднословием).

Имеешь ли мысль оказывать милосердие любому человеку и всякому созданию Божьему, говорим: животным, – ибо и их сотворил Бог, чтобы они жили между людьми в помощь им?!

Держишь ли в мысли хранить чистоту девства твоего?

Держишь ли в мысли своей очищать себя постом и воздержанием?

Держишь ли в мысли (слушаться) совета духовника твоего? Исполняешь ли то, что он говорит тебе?

Держишь ли в мысли быть милостивым, давать милостыню требующим от тебя помощи (словом или делом)?

Держишь ли в мысли, чтобы не возноситься над другим и не нанести ему какой-либо печали? Держишь ли в мысли твоей кротость, и заключаешь ли ее в смирение? Держишь ли в мысли не расстраиваться, говорим: не смущаться, что бы тебе не делали? Держишь ли в мысли не осуждать, когда тебя осуждают?

Удерживаешь ли сии пять державных чувств воли твоей: а) видеть и не глядеть; б) слышать и не внимать; в) на то, что говорят, не возражать; г) будучи соблазняемым, не соблазняться; д) будучи расстраиваемым, не расстраиваться и будучи оклеветаемым, не клеветать?

Вы скажете, что держите это (все), но ошибаетесь, ибо немного было и теперь живет таких людей в Горе сей; ими одними славится Гора сия. Горе, если исчезнут таковые! Го́ре тогда Горе сей! Ибо великую неблагодарность показывали вы, и великую неблагодарность покажут следующие поколения людей на Горе сей. (Неблагодарностию Царице Небесной св. Нил называет оставление монашеского подвига и предание себя суетным стяжаниям и попечениям).

Вы скажете: откуда ты знаешь об этом (т. е. что последующие роды будут таковы)? Не буду вам говорить о сем, но я знаю, каковы обретаетесь вы ныне в Уделе Богоматери, Госпожи нашей Богородицы, и каковы бывали здесь иноки тому назад семь и трижды восемьдесят (т. е. 247 лет тому, именно, около 1570 г., когда подвизался здесь прп. Нил). Сравнивая, какими мы тогда были здесь, взирая на жизнь бывших отцов и жизнь нынешних отцов, я недоумеваю о них, ибо они живут на погибель душ своих, а не на спасение[1].

[1]Разумеются, конечно, не все афонцы, а лишь недостойные.

ЧАСТЬ III

ОБЛИЧЕНИЕ ГРЕХОВ СВЯТОГОРЦЕВ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

ГЛАВА I

С каких пор начал изменяться подвижнический дух в монашестве и оно начало увлекаться суетою

За последнее время монахи стали уклоняться в погибель погибели и возделывать путь беззакония. Около 25 лет тому назад монашество сделало поворот, погибель вторглась в среду монашества, монашество обнищало благодатию, т. е. мало стало в нем подвизающихся.

Если за эти двадцать пять лет погибель вторглась с такою легкостию в круг монашества, т. е. сильно развился в нем дух мирской многопопечительности, то какова станет монашеская жизнь, когда минет другое двадцатипятилетие? А в третьем двадцатипятилетии какое погибельное раздолье будет в среде монашества? В четвертом же двадцатипятилетии будем иметь: 7 и 4, т. е. 7400 лет от сотворения мира; какую же волю получит тогда погибель в монашестве? (Святой говорил это в 1817 году; следовательно, началом упадка монашества он определяет 1792 г. Это время ознаменовано началом торжества вольнодумных учений, французской революции, упад-

ком монархизма на Западе, развитием атеизма и увлечением экономическою, торгово-промышленною, вообще материальною стороною жизни).

Глава II

Плач преподобного о подвижничестве. Воззвание его к монахам

О! Зачем оставили вы такую спасительную монашескую жизнь? Ох, как обнажаются горы и пещеры от текущих сим благодатным путем монашеской жизни, т. е. лишаются пустыни подвижников! Плачьте, горы и пещеры, что покинула вас благословенная жизнь!

Досточтимейшие отцы! Ныне есть время спасения! Ныне время спасаться тому, кто хочет получить спасение: ибо впереди грядет на нас зима тягчайшая; тогда не найдем мы такой свободы для спасения, какую имеем ныне.

Ныне время собирания в житницы плодов монашеской жизни.

Ныне кто хочет возделывать монашескую жизнь, да возделывает, ибо грядет осень и приблизилась тяжкая зима. Спрашиваю я вас, когда наступит осень, погибнут древесные плоды и вся трава земная, каким тогда окажется для вас смятение земли? Когда же после этого наступит еще тягчайшая зима, тогда каким явится для вас это смятение? (Т. е. если вы не запасете в духовные житницы плодов монашеской жизни, то какова будет для вас ваша старость и кончина)? Если же у вас во время жатвы будет достаточно собрано плодов и они будут сложены в житницы, тогда зимнее время не будет ли для вас тем же, что весна?

Тот же, который по нерадению своему не будет иметь своевременно собранного, но, успокаивая себя, станет говорить: «И так обойдусь», – будет ли зима для него легкой? Когда наступит зима, заключится он от холода в дом свой, будет там искать полена, чтобы согреться, но увидит, что у него и полена нет. Смотрит на двор – земля покрыта снегом; смотрит внутри, в своем жилище, ничего не запасено, ничего не собрано. Он смущается, волнуется, пожирает от горя сам себя и говорит: «Отчего я не собирал, как другие? Что теперь станется со мной, несчастным?» Устремляется он, чтобы пойти и собрать дров, но не может выйти наружу из дома своего, потому что идет снег, и снежные сугробы стали уже

выше роста человеческого. Говорим: усиливается зло и начинает в человеке торжествовать над добродетелями его...

Несчастный человек надеется, что снег сойдет, но снег не тает, а преумножается. Ожидает, что погода разъяснится, а она не разъясняется, время приближается к зиме, а не к весне... Тогда взыщут хотя одного весеннего дня, но не увидят.

Сего ради, пока имеем еще весну в естестве нашем, будем стараться работать в винограднике монашеской жизни, прежде нежели погибнет плод сей жизни. Постараемся собрать жатву взаимной любви! Постараемся сокровиществовать плод монашеской жизни! Постараемся собрать плод послушания в жизни своей! Постараемся собрать плод пощения, чистоты и целомудрия! Постараемся сокровиществовать плод богослужения! Постараемся собрать плод милосердия в свободу свою! Постараемся собрать плод смирения в терпение свое! Постараемся сокровиществовать плод молитвы во исправление свое! Постараемся сокровиществовать плод суровой жизни с долготерпением своим! Постараемся сокровиществовать плод печали с воздыханием своим, дабы печалиться о содеянных злых и воздыхать о возделанных беззакониях. Ныне время печали, дабы печалиться о содеянных злых. Ныне время покаяния с печалью сокрушения о беззакониях! Ныне время воздыханиям, чтобы воздыхать из глубины сердца и души о возделанных делах нечистоты!..

Глава III

Ныне осень монашеству и завладевает им царица погибели

Вы спросите: что это за осень? Осень – это время, в котором мы находимся теперь. Ныне осень, в которой погибает благодать (т. е. плодоношение) монашеской жизни. Но держитесь (т. е. того, что еще сохранилось в вас), удерживайте то, что еще держите, чтобы не сделаться и вам виновными в погублении монашеской жизни. Горе тому, кто будет повинен в погублении сем! Знайте хорошо, что не увидите вы при смерти вашей лица ангела, который бы принял душу вашу, если будете возделывать деяния тленные и передадите это другим. Таковые делаются повинными в растлении монашества; они губят и растлевают монашескую жизнь. Ради этого душа их делается заклейменной; говорим: бесы заберут ее и возобладают ею на суде, т. е. во время состязания бесов с ангелами бесы возьмут верх и душа умер-

шего осуетившегося монаха будет предоставлена бесам! И будет она первенцем Денницы в бездне адской!

Теперь осень! Увядает благодать, красота души, т. е. прежняя красота душ подвижнических в монашестве. Зима грядет!

Прослышала царица погибели, что запустела монашеская жизнь, призвала семиглавого зверя беззакония, взошла на сего зверя и повелела ему: «Завладей!» Он и завладел первою уздою непокорства, монашеством, т. е. покорностию монашествующих чину монашескому и старшим.

Держит царица погибели в правой руке своей чашу гордости, погибельную прелесть... Вбежал зверь семиглавый беззакония в чувство монашества, и скачет в нем, дабы напоять монашество чашею безчувствия, чтобы люди становились безчувственными к благодати покаяния, т. е. к хранению обетов, данных при пострижении.

Глава IV

Непокорство, развивающееся в монашестве есть одоление зверя первою главою своею. Развивающаяся же многопопечительность есть отравление прелестною чашею царицы погибели. Причина сему: несовершенное отречение от плотских благ и от плоти своей

Крещение есть сие, т. е. пострижение есть второе крещение в следующем смысле. Когда станет человек пред царскими вратами (во время пострижения), то украшает сам себя изъявлением воли своей исправить жизнь свою, давая обеты монашеской жизни: послушания, нестяжания, целомудрия, воздержания, несения скорбей, незлобия, молитвы. Когда же облекается в благодатные украшения монашеской жизни: власяницу, рясу, аналав, схиму, пояс и пр., то вместе с тем украшается и в чувстве сердца своего, т. е. выражает этим свою решимость подвизаться в добродетелях пред вратами Святилища (т. е. алтаря).

Если же потом примет ту чашу безчувствия в сердце свое, т. е. если пристрастится к суете и стяжаниям, то становится безчувственным к украшению жизни своей благодатями; т.е. охладевает в ревности об очищении сердца своего от страстей, в ревности стяжания благодати Божией. Монах украшается доспехами, дабы украшать благодатями жизнь свою, дабы не обращаться туда и сюда, а наблюдать лишь одно, не оск-

вернять красоты жизни своей. Но ныне монахи упояются чашею безчувствия, не ощущая того, что они украшены доспехами, дабы украшать и жизнь свою; извиваются туда и сюда, т. е. в многостяжательных попечениях, как будто и монахами не состоят, стараются возделывать житие чадородцев, т. е. мирян, обремененных семьями и вечно озабоченных о пропитании своем.

Вы скажете: разве мы не ведем себя как добрые старцы (калогеры) во объятиях Отчих? Разве мы не под началом, не находимся в послушании, в покорности старцам? Ей, истину вы сказали, что вы послушники, но вы все-таки ошибаетесь: вам старцы покоряются, а не вы им покоряетесь; они вас слушаются, а вы их не слушаетесь; ваши приказания исполняют, вы же того, что приказывают вам, не исполняете.

Вы скажете: разве мы не покинули отца, мать, братьев, сестер, отечество, родных, друзей и прочее, и, приняв обеты монашеской жизни, вступили в монашество? Ей, покинули вы, как говорите, блага мирские и обнажились от них, но благ плотских вы не совлеклись, вы одели обеты монашества сверх ублажения плоти вашей. Извне кажется, что вы в монашестве, ведете жизнь монашескую и есте калогеры, внутри же себя вы возделываете плотские деяния, но не деяние возделывания души своей.

Вы пребываете в многопопечительстве, а не в жизни безпопечительной о плоти своей. (Здесь святой указывает на многопопечительность, как на ту прелестную чашу, которую держит царица погибели в руке своей, отравляя сею чашею монашество). Потому-то и вселяется превратный дух в человеке, что, принимая монашество, он не слагает с себя прежде всего превратного своего расположения к плотскому наслаждению; облекается в монашество поверх своего превратного расположения, прежде, чем совлечь его с себя; остается нетронутым это превратное похотение внутри духа человека, и поэтому не приемлет человек на себя даяния, т. е. подвига монашеской жизни. Говорим, не воспринимает благодати спасения, как благого руководителя своего.

Благое же руководительство (т. е. знамение того, что служение Богу проходит под благодатным руководством заповедями Божиими и благодатию) есть сие: вера, любовь, целомудрие, подчинение, послушание, покорность, молитва, пощение, воздержание, молчание от празднословия, молчание от осуждения, молчание от многословия. Главизна же всему – хранение себя от погибельного попечения и беззаконного многосокровиществования. Сие главизна в деле спасения, но она отнюдь не приемлется человеком, у которого внутри

(таится) превратное расположение; таковой всегда только и желает принимать погибель погибели.

Погибель погибели же есть сие: неверие, непокорство, непослушание, гордость, блуд, малакия, мужеложство. Царица погибели желает, чтобы сие только возделывали, желает, чтобы только эти имена именовались (т. е. чтобы о добродетелях и помину не было в душах человеческих вообще и монашествующих в частности).

Глава VI

Имя царицы погибели есть многопопечительность

Имя царицы погибели есть многопопечительность; зверь беззакония именуется: многостяжательное сокровиществование. Беззаконием называется: сребро, злато и суетное попечение человеческое.

Суета и попечение суть как бы самец и самка, рождающие чад мужского и женского пола. Чада именуются: мальчик – вражда ко всему доброму, девица – ненависть ко всему хорошему. Берет мальчик сестру свою в жены, вместе чадорождают и производят всезлейших детей; эти дети вскармливаются хлопотливою суетою, возрастают многопопечительностию сокровиществования, делаются войском царицы погибели, наконец поднимаются на монашескую жизнь, начинают обладать монашеством, – как и произошло.

Монашество стало забывать Царя царствующих, Который Словом сотворил нас, забыло, как Слово плоть бысть нас ради, как воплотился Христос от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечился, как волею снисшел в вертеп, в ясли, спеленован был, волею понес обрезание, как волхвы пали пред лицом Его, как Ирод был обманут волхвами, как Христос гоним был Иродом, и удалился в Египет по глаголу ангельскому: «Возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет» (Мф. 2, 13), как, удалившись оттуда, пришел Он в город Назарет и прозвался Иисус Назорей, как сидел во святилище, учил людей. Как долготерпел нас ради, как заушен был, прияв заушение от раба на суде. Как нас ради пострадал, погребен был и воскрес в третий день по Писаниям. И прославился Сын во Отце и Отец в Сыне.

Монашество стало забывать: «Славлю Отца и Сына силу и Святаго Духа пою власть, Нераздельное, Несозданное Божество, Троицу Единосущную, царствующую в век века».

Глава VII

Матерь Божия исходатайствовала монашество в небесный свой удел

Как прославил Отец Сына Своего, так и Сын прославил Матерь Свою. И Мать прославилась чрез Сына Своего. Отец дал Сыну власть, славу царствия Своего, дабы Он владел Царством Отца Своего; посему сказано: «Когда приидет Сын человеческий во славе Своей, тогда сядет на престоле славы Своей» – для того, чтобы принять власть над наследием, славу и Царство Отца Своего. Он воссел одесную Отца, как сказано: «И седящего одесную Отца, и паки грядущего со славою судити живым и мертвым». Он придет отобрать живых[1] от мертвых; как добрый пастырь отбирает овец от козлов, так будут отобраны и праведники от неправедников. Грешных Судия пошлет в мучение вечного огня, праведникам же скажет: «Грядите вместе со славою Моею, наследуйте Царство Отца Моего, приидите благословеннии Отца Моего, унаследуйте уготованное вам царствие от сложения мира» (Мф. 25, 34). И испросил (Сын у Отца) прославить Матерь Свою.

Когда прославил Сын Матерь Свою, испросила и Матерь у Сына Своего, чтобы ради Нее прославлялись бы и люди.

Испросила Матерь у Сына Своего в будущей жизни один удел Себе: милосердие, безграничное примирение, свет неприступный, чистоту девства, непорочность спасения.

Сказал Сын Матери Своей: «Твори, Мати Моя, как желаешь, и распростирай спасение человеческое!» Дал Ей слуг (т. е. отделил ангелов), дабы служили Таинству (т. е. таинству покаяния монашеского, призванию в монашество грешников на покаяние), желанию (т. е. исполнению хотения Владычицы) и домостроительству Матери Своей.

И воззрела Богоматерь на одну прекраснейшую землю и высочайший сад; говорим: увидала одно прекраснейшее, душеспасительное место, высокий холм для спасения человеческого, определив быть здесь Ее уделу (на земле). Но так, как земля эта была местом пустым и тернистым, то повелела Она, чтобы землю вскопали, уравняли, искоренили терновник с корнем и выкинули его наружу. (Святой приточно говорит о том, что на Афоне жили миряне, и что по воле Матери

---

[1]Мертвые воскреснут все, но здесь разумеется смерть духовная.

Божией они были переселены царем Константином с Афона в Пелопонез). Сотворили слуги, как повелела им Царица, тогда сказала Царица слугам: «Сотворите (сие), постройте 24 башни для 24 букв письмен, чтобы тот недомысленный алфавит (или список имен по алфавиту) наполнялся и совершенно бы украсился душами человеческими» (т. е. чтобы исполнился лик спасенных монашеством в небесном уделе Владычицы). Тогда сотворили слуги то дело постройки 24 башен (т. е. дело создания 24 главных обителей на Афоне), и земля та стала окруженной 24 башнями: это место прозвалось уделом Пресвятой Госпожи Богородицы. И повелела Царица слугам и сказала: «Разделайте удел сей и сотворите в нем семь посевов, да сокрушают семиглавие царицы погибели». Тогда сотворили слуги, как повелела Царица Спасения. И повелела Она именовать каждое сеяние по имени своему, говорим: веру, любовь, единодушие, нестяжание, страх Божий, целомудрие и воздержание.

Человек, если имеет веру, любви же не имеет, не пользует его такая вера; если имеет любовь, мира же не имеет, не пользует его любовь. (По-видимому, здесь под миром подразумевается упование и надежда). Если имеет мир, единодушия же не имеет, не пользует его мир; если имеет единодушие, нестяжания же не имеет, не пользует его единодушие. Если имеет нестяжание, страха же Божия не имеет, не получает пользы от нестяжания. Если имеет страх Божий, целомудрия же не хранит, нисколько не пользует его страх Божий. Если имеет целомудрие, а воздержания не имеет, не пользует оно его. Как может действовать любовь в человеке, если не имеет он веры? Если не имеет любви, как может действовать мир? Если не имеется мира, как будет деяться согласие? Если не имеется согласия, как может деяться нестяжание. Если не имеется нестяжания, как может деяться страх Божий? Если не имеется страха Божия, как может деяться целомудрие? Если не имеется целомудрия, как может деяться воздержание?

Ради сего и сказала (Владычица): «Разделайте удел и сотворите семь посевов, дабы произрастали вместе все семь посевов, все семь цветов спасения в человеке». Потом снова послала слуг и сказала: «Ступайте до концов вселенной, идите на распутиях, чтобы найти рабов, которые служили бы в Моем уделе и плодоносили бы семь цветов спасения. Когда будете искать рабов, то берите не здоровых и сильных, а болящих, скорченных, хромых, кривых, косых, прокаженных и нагих[1]; таковых собирайте в удел Мой, чтобы, трудясь в

[1]Мысль та, что благодать даруется лишь смиренным, нищим духом, людям, сознающим свои грехи, немощи и безсилие без помощи Божией.

нем над сими семью посевами спасения, они исцелялись». Отправились слуги, собрали на пути рабов больных и немощных, как сказала Царица Спасения; дали каждому рабу труд над посевами, чтобы обрабатывать цветы спасения и сею работой исцеляться от недугов и погибельного блага беззакония.

Стали усердно трудиться рабы (т. е. первые поколения монашествующих), с жаром возделывая в уделе цветы спасения.

Видит Царица Спасения, что рабы суть верны, и сказала им: «О, рабы Мои верные и возлюбленные! Обрабатывайте удел Мой безропотно до вечера, когда же померкнет день, тогда невозбранно войдете в славу Мою, чтобы радоваться и прославляться вместе со Мною».

Глава VIII

О том как промышляет об уделе своем Богородица и как велика неблагодарность тех, которые оставляют подвижничество и предаются суете

И сказала Царица слугам: «Идите в концы земли, чтобы обратить все реки вселенные, дабы они текли в Мой удел, для напоения посевов и процветания плодов монашеской жизни». (Т. е. чтобы спасающиеся во Св. Горе были обезпечены в нуждах своих телесных и, отложив всякое плотское попечение, достигали духовного совершенства). Плоды же суть сии: многоценный цвет спасения, плодоносное древо девства, шестокрылие (т. е. серафимская любовь к Богу), воздержание, единодушие оглашаемых (т.е. послушников с наставниками) и вера спасающихся, – как говорится: веруй и спасешься.

Ради этого послала Царица Небесная своих слуг обратить реки (т. е. приток милостыни) в удел Ее, чтобы напоялись и произрастали плодоносные дерева спасения. И сотворили это слуги, обратили они от четырех стран реки в удел спасения, чтобы произрастали плодоносные древа девства и многомудрый цвет спасения. И вот крестообразно устремились (реки милостыни) на сию гору Афонскую, подобно четырем воздушным стихиям, как ветры северный против южного и восточный против западного. Крестообразно сходятся эти четыре ветра на вершине Афона, точно так же бегут отовсюду милостыни крестообразно в удел Богоматери, Владычицы нашей Богородицы и напояют Ее посевы. Даже доныне по благоутробию

сострадательности Своей Она оказывала и оказывает милость Афону, отверзая двери милосердия и умилостивляясь о верных рабах Своих, работавших в Ее уделе, доныне устремляла и устремляет течение реки – ныне даже еще больше, чем прежде, чтобы восчувствовали в сердцах своих благодарность неблагодарные нынешние люди.

Но нынешние люди устроили себе необычайно великую бездну морскую, реки же отвели в эту пучину морскую, чтобы услаждаться устремлением морским (т. е. стали крупные люди Афона задерживать милостыню и скоплять ее в капиталы, не допуская таковой до нуждающихся в ней бедных подвижников на Горе). Море же нисколько не устремляется к уделу (т. е. чтобы напоять посевы, и они останутся поэтому без воды)[1].

Закрепили лукавые рабы удел за собою, чтобы промеж себя (разделить) господство над полосами удела. Наконец, начали (полосы) войною отнимать друг у друга, стремясь каждый первым победить и отнять полосы, т. е. начали между собою судиться у агарян и, как в морскую пучину, сыпать взятки. От этой ужасной войны, которую имели и имеют, запустели воюющие башни, т. е. монастыри. И установили один злой обычай, крайний предел зла: кто наполнит бездну водами речными, тот и будет победителем. Оставил каждый свою башню, т. е. подвиг спасения, и воюют, т. е. судятся и тягаются. Видят нечувственные нынешние люди, что не возмогают наполнить бездны, т. е. не хватает вод речных, и ради сего схватывают каждый, т. е. воюющий, по одному плодоносному дереву с полосы и сильно жмут его, чтобы извлечь из него воды и погубить ее в бездне, которую наполняют... Но разве берег морской наводнится притоком речных вод, разве море усладится когда-либо от стольких текущих в него рек?!

Милосерднейшая Царица Спасения с безграничным милосердием Своим милосердствует о безчувствии вашем; жалеет вас, погрузившихся в погибельное безчувствие и погубляющих спасение свое в бездне погибельной... Вы же реками (милости Владычицы, не только не напояетесь), но разоряете (друг друга) по безчувствию своему, возделывая злую вашу погибельную волю...

О, несчастны вы с немилосердием вашим, ибо не заботитесь о семи посевах и древе плодоносном спасения!

---

[1]Те, кого сии слова касаются близко, да не возропщут на резкость сего обличения, а, наоборот, да восприимут со смирением его, как целебное врачевство и да напечатлеют отселе в сердцах своих апостольскую заповедь, чтобы избыток денег у одних служил «восполнением недостатка» или отсутствия их у других (2 Кор. 8, 14).

О, несмысленные и косные сердцем, не разумевающие того, что реки притекают ради посевов, чтобы напоялись посажденные древа!..

О, косные в сердцах ваших, чего ради обращаете вы реки в бездну погибели, пытаясь напоить ими сию бездну, дерева же засушили и посевы опустошили?..

О, косные сердцем! Мир внешний бедствует от жажды, т.е. от бедноты, так страждет, что от этой жажды иссохли внутренности людей, а вы обращаете реки (милостыню на Афон) в бездну погибели... Говорим: погубляете милостыню Божию в чреве агарянском, опустошая обиталища монашеской жизни, изгоняя от себя Царицу Спасения и привлекая к себе царицу погибели!..

Глава IX

Как царица погибели на звере беззакония въезжает в монашество

Слышит слухом своим царица погибели, видит оком своим беззаконная, что опустошаете вы друг друга, опустошаете монашескую жизнь, делая сию жизнь запустевшей от прежней благодати... И вот призвала она к себе семиглавого зверя беззакония; тогда предстал зверь пред царицею погибели. Взошла царица погибели на зверя, который свиреп, как необузданный конь, взяла она его за правую голову вместо узды, левой рукой подняла и понесла чашу погибели; собрала всезлейшее свое воинство; зверь взъерошил свою шерсть, разверз пасти семи своих глав и понес на хребте царицу погибели вместе с чашею беззакония; за ними устремилось воинство царицы... Так всезлейшие беззакония устремились и устремляются в удел спасения.

Остановилась царица в одном жилище, где ее приняли радостно; вошла царица, села, открыла чашу погибели, взяла золотую лжицу, разослав по уделу спасения во все стороны свое войско, чтобы оно разглашало о приезде сей царицы погибели, чтобы призывало вкусить с золотой лжицы зелья безчувствия, позабыть о душеспасительной монашеской жизни, а стремиться лишь к тому, что пагубно для спасения, чтобы этим, обольщенным, казалось, что они такими делами возделывают свое спасение.

И стали все приходить в жилище, в котором находилась царица погибели, стали вкушать и наслаждаться сим зельем

безчувствия, говорим: погибели, – многие, даже избранные, и поклонились ей.

Видит царица погибели, как поклоняются ей один за другим... И вот любодаряет она поклоняющихся, напояя их с золотой лжицы (зельем) безчувствия.

Какое же это поклонение, которым ей поклоняются? Сваливаются в погибель посрамляющей суеты. Что же такое эта посрамляющая суета? Посрамляющая суета есть сие: начало делают, насладившись зельем погибели с золотой лжицы; говорим: закладывает основание, мирную свою каливу разрушает, делая себе каливу другую – надземную и подземную, т. е. на земле увлекаются многоэтажной постройкой, а под землей одновременно уготовляют себе место в аду.

Говорим: погибель и нечувствие... Погибель заключается в том, что распростираются плотию своею на верхний этаж простора, валяясь, как свинья, во рве погибели; говорим: в рабстве чреву...

Глава X

Обличение аскетов-скитян в увлечении многостяжательностию. Сравнение с древними отцами

Первые отцы имели тыквицы, т. е. сосуды у них были только тыквенные; потом следующие имели – глиняные; потом оставили и глиняную посуду, т. е. малые горшки, наделали большие винные и масляные глиняные сосуды (стернакия и писария); потом оставили и это, теперь употребляют уже деревянные бочки (разумеются винные бочки и бочонки). С ложью, хищным коварством, с человекоугодием и неправдами стараются наполнять эти бочонки разными лакомствами; говорим: винами разных сортов, маслом, зерном, сырами, разнообразными маслинами. Так наполнили они бочонки свои многообразными лакомствами.

И вот один идет к другому; смотрят вместе на бочонки[1], наполненные лакомствами различных сортов; у безумных возвеселяются сердца и каждый восклицает: «Сей мой бог, и прославлю его!» Это и есть ваше поклонение царице погибели. Вы устремились к сей царице, воздаете ей поклонение. Царице

---

[1]Многие афонцы слишком усердно употребляют вино, пьют его вместо воды, ложно оправдываясь, что вода афонская (сырая) очень вредна, а кипяченой (безвредной) воды вместо вина пить не хотят...

же Спасения остаетесь задолженными, не воздав Ей благодарностию за милости, оказываемые Ею вам...

Великим долгом задолжали вы пред Царицею Небесной, ибо не заботитесь о спасении своем, думаете лишь о погибели, позабыв долг свой. И не только долг ваш (Царице Спасения) позабыли, но с человекоугодием и воровством своим позабыли вы и Бога.

С безстрашием говорите вы: несть Бог, – бочонки свои имеете богом, и говорите: «Сей мой бог, и прославлю его...»

Прежде отцы имели нестяжание во всем. Прежде отцы употребляли глиняные горшки, и тех было у них недостаточно, ныне же пользуются луженой посудой. Прежде отцы употребляли один вид кушанья, нынешние же отцы употребляют на трапезах три и четыре сорта кушаний, приготовляя их с многоразнообразностию вкуса по сластолюбию своему. Прежде отцы не отвлекались садом, т. е. при своих каливах не разводили садов, требующих за собою многого ухода и отвлекающих от духовного делания, искали себе лишь местечко одно (под каливу), пребывая там, пока их не похоронят; место избирали скалистое и сухое, чтобы на нем и дикие травы не росли, а не то, чтобы оно было годно для насаждения и произрастания лоз. Жили они так, чтобы и водою пользоваться приносимою издалека, с трудным хождением... Это они творили не для чего иного, как для того, чтобы не лишиться воды жизни вечной (Ин. 4, 14), чтобы не возжаждать во веки; поэтому не разводили они и малейших садов, ни древес, ни овощей. Все это творили для того, чтобы не лишиться сада райского, древа плодоносного, цвета спасения и растения сладчайшего девства.

Нынешние люди, забывая про сии вечные блага, признают лишь блага земные. Возделывая блага земные, творят рай земной, удаляясь от вечного, благолепнейшего сада райского... Возделывая тленные древеса земные, растлили они (в себе) нетленное и вечное древо небесного рая, а вместо сего творят себе гиблющий сад, земной рай на земле...

Разводят и садят разные древа: «румяные» и «желтые», говорим: апельсины и лимоны. Сажают эти деревья, чтобы благоукрасить ими сад, и, увлекаясь пристрастием к деревам, губят прежнюю ревность к монашеской жизни... Заботясь усиленно выручить доход от производства деревьев, вы изза этого остаетесь без всякого богослужения, и без девятого часа, т. е. вечерни, без всякого поста; вкушаете с раннего утра, без всякого воздержания постного.

Ради этого все ваши древа называются «сладоокрадением», говорим: ваши смоквы, виноград, яблоки, груши и т. д.

Из-за этого тленного сада, из-за этих овощей вы лишили себя дела веры и спасения. Кажется, вы не верите путеводящим книгам церковным, а вашими книгами делаете суету, попечение, заботу...

Суета (ваша) – сребро и злато. Попечение (ваше) есть рукоделие человеческое. Забота (ваша) устремляется к плотскому развлечению.

Возделывая тление, вы удалились от негиблющих дел спасения своего...

Глава XI

О кесарийских постниках, некогда прибывших на Афон, как их ущедрил Бог за аскетизм, и отчего потом они оскудели

Видя подвиги прежних отцов (кесарийских), Господь Бог дал им на Кирашах некое благополучие, т. е. дал им обрести удобное ко спасению жительство на Афоне, куда они некогда прибыли из Кесарии в числе 800; привезли главу св. Василия Великого, основав Васильевский скит рядом с Кирашами; сосуды их исполнились всякого блага. Причина сего великого благополучия была одна: дал его им Бог за то, что установлена была ими благая скитская жизнь, которую они вели в обоих скитах, т. е. раньше в Кесарии и потом на Афоне. Уносили они, приобщившись в субботу в скитском храме, в свои пустынные каливы сколько потребно было для поддержания пищею плоти их в субботу и в воскресение; домой приносили провизию в тыквицах, прочие же дни недели пребывали без пищи. В пятницу вечером опять приходили и принимали Живопитание свое, т. е. приобщались св. Таин; потом, в тыквицы брали себе масла, вина, лука, овощей и иные подобные предметы, чтобы поесть в субботу и в воскресенье; потом успокаивались до следующей пятницы, возделывая спасение свое.

Современники же, т. е. нынешние скитяне сего скита, обзавелись глиняной посудой и усокровиществовали в нее милостыню Божию или милость Божию. Но этого им показалось мало: тогда они завели кувшины, говорим: винные сосуды, – и сокровиществуют милость Божию в эти сосуды.

Ей, сокровиществуют; но каким образом сокровиществуют? Моряки, видя, как аскеты стали сокровиществовать пищу, начали доставлять им яства; скитяне же, видя, что с моря

приходит к ним пища, уничтожили глиняные сосуды, завели деревянные бочки, говорим: потатиры и бочонки, – стали в них сокровиществовать то, что было привозимо с моря; однако не удовлетворились они одним лишь этим, но пожелали угощаться луком, просом, капустой, бобами, фасолью, а там и фруктами: виноградом, лимонами, апельсинами, яблоками, смоквами и другими подобными плодами; покинули, наконец, и утесы свои, т. е. переселились из прежних безплодных утесов на плодородные места. Бог, видя такую погибель скита, отнял благословение от Кирашей, вменив им в вину и взаимную вражду. Вследствие сего Божие благословение оставило скит, Кираши обнищали от всех благ; теперь не осталось и четвертой части прежнего благополучия, т. е. вместо прежних сотен скитян не осталось и четверти. По причине любостяжания Кираши утратили благословение свое, обнищав по своей собственной вине[1].

Глава XII

Обличение скитян в похищении поминальных свечей с панихид

Прежде отцы не имели особых церквей (в скитах) по каливам своим; для праздников имели один соборный храм, чтобы причащаться (там) Пречистых Таин; когда устраивали заупокойные бдения, то не собирали на них насильно (поминальных жертв), как устраивают это ныне те, которые вымогательствуют от людей (поминальные жертвы), собирая их, чтобы заглаживать мирские беззакония, свои же собственные укоренять. Когда берутся совершать бдение, то совершают его не как жертву Богу, жертву духа сокрушенного и сердца смиренного, а совершают с пренебрежением. Заведующий бдением, говорим – дикей (т. е. настоятель скита) звонит, братия собирается на бдение, чтобы загладить (грехи поминаемых). Иерей делает «благословен»; когда начинается поминовение усопших, не стоят (скитяне в церкви), а только каждый берет свечку, убегают они один за другим (домой) и сокровиществуют восковые свечи в воровские свои сокровищницы, чтобы иметь эти свечи для своих собственных поминок (т. е. на похороны свои).

---

[1]Впрочем, по милости Божией теперь на Кирашах начинает цвести русская обитель св. Георгия, которую нельзя миновать путнику, хотящему подняться на вершину Афона.

О, безумия безумных! Чужим ли поминовением будешь ты поминать несчастную душу свою? Выслушай такую повесть. Некий человек праведный, незлобивый, нелживый, милосердый отрекся от мира, принял ангельский образ монашеский, сделался калогером в Раифском скиту, стал церковнослужителем при церкви, и прилежал сему делу с великим рачением. Однажды скончался в скиту брат; по обычаю скита принесли его (на отпевание) в собор и, как обыкновенно бывает при отпевании покойников, роздали каждому брату по свечке. Когда зажгли свечи, иерей сказал «благословен» – и начали читать отпевание покойника, служитель сей церковный увидал вверху над покойником один прямой четырехугольник над одром умершего; тогда же вышел из алтаря некто, держа свечи в руке, поднял покойника с мертвенного одра, поставил его на прямой четырехугольник, прилепил к нему свечи одну за другой, зажег их, и пламя свечей стало жечь тело мертвеца. Увидав это, благословенный церковный служитель вопросил того, который прилеплял свечи к мертвецу, и сказал ему: «Что ты делаешь?» Явившийся же отвечал: «Делаю то, что сам видишь». Он же сказал: «Зачем делаешь это?» Тот ответил: «Он оставил мне эти свечи, что же мне с ними делать»? Церковный служитель тогда спросил: «Кто ты таков, что поступаешь так?» Явившийся отвечал: «Я хранитель души сего мертвеца, мертвец этот, который сейчас опаляется на четырехугольной доске свечами, был таков: когда в соборе бывало бдение и поминовение, он не стоял внутри церкви, а прохаживался вне храма: находил себе единомысленного, потом празднословили они целую ночь, празднословие же их было сплошным преоскверняющим осуждением; так погубляли они бдение (т. е. убивали время бдения) с долговременным своим осуждением у порога церковного, напротив дверей церковных; когда же бывало поминовение какого-либо покойника, то, взяв поминальные свечи, они, один за другим, убегали, припрятывая те свечи на день кончины своей, чтобы сими свечами помянули их самих. Поэтому сегодня, когда началось читаться отпевание покойника и предстоящие в церкви взяли эти самые чужие свечи, то Бог принял поминовение сие и сии свечи, как мерзость пред Собою. Вот посему-то послал меня Бог собрать эти свечи и, поставив умершего на доску, прилепить эти свечи к доске, чтобы они горели и опаляли тело его, в подобие того, как душа его горит в муках огня неугасающего». Явившийся сделал наклонение головы и вошел во святилище, церковник же тотчас пришел в себя от исступления и услыхал следующие слова покойника: «Увы мне, горе мне, омерзенному! Омерзились похороны мои и по-

миновение мое (т. е. отпевание) за осудительное мое празднословие, которое я допускал во время бдений в соборе с осуждением, и, взяв свечу, не стоял с нею при поминовении. Этими свечами теперь опаляется тело мое, а душа будет гореть в огне вечного мучения».

Услыхали таковые слова мертвеца и все предстоящие, изумились и сказали: «Что это означает?» Церковник же, услыхав такие недоумевающие восклицания предстоявших, рассказал им все подробно; все изумлялись, а предстоятель скита сказал: «Горе нам, увлеченным в западню осуждения и похищения поминальных жертв! Мы беремся поминать, но поминаем не по Бозе, поминаем с раболепным, хищным и лживым človeкоугодием, похищаем чужие беззакония, чтобы измывать их своими молитвами, собственные же беззакония оставляем – эти беззакония возгосподствовали над нами; мы же не заботимся изглаждать собственные беззакония, а стараемся лишь о том, чтобы смеяться о неправдах поминаемых на бдении людей и говорить: этими молениями мы оказываем услугу покойникам! Сами же похищаем из храма с поминального бдения свечи, убегая с ними в каливы свои.

Вот и этот мертвец ныне исповедует свои беззакония, это он исповедует для нас, чтобы мы поняли наше безчувствие, чрез которое не ощущаем того, в каком положении находимся». Вот какую исповедь произнес первый старец скита, говорим: иеромонах Сильван[1].

Делается так и ныне: дикей звонит, братия собираются в собор, иерей делает «благословен», чтец читает и один лишь себя слушает, прочие же люди выходят вон из церкви, устраивают кучки и кучки; каждая кучка имеет свое особое празднословие; одна осуждает, другая осуждает и третья осуждает; всю ночь стоят они снаружи, вне бдения; празднословие, осуждение, предательство, оклеветание и блудная беседа – не отступают от их оскверненных уст. Если же кто выйдет из церкви, сейчас же происходит волнение в бесовских кучках[2], кричат тому, который вышел изнутри и говорят: «Есть раздача свечей?» Тот говорит: «Не знаю»; его тотчас укоряют с осуждением, за то, что пришел из храма и не знает. Когда это говорят, идет изнутри другой, спрашивают и его: «Есть ли раздача свечей?» Если тот скажет, что будет, то кучки опять собираются и говорят: «Посидим еще немножко и побеседуем,

---

[1]На Афоне у русских иноков поминовение совершается очень усердно и благоговейно (разумеем русские обители крупные, благоустроенные); в мелких обителях, особенно иноплеменных, дело обстоит слабее...

[2]Т. е. кучках осуждающих и празднословящих и тем самым выполняющих волю бесов.

пока не получим свечек». Садятся и разговаривают о предметах, никакого духовного значения не имеющих; оканчивается бдение, чтец начинает поминовение (т. е. панихиду), они же все еще погружены в (прения) о своих мнениях; когда дикей раздаст свечи, то, взяв их в руки, воровски удаляются в каливы свои и сокровиществуют свечи, оставаясь должными за поминовение до часа смерти своей, подобно тому покойнику. О, досточтимейшие отцы мои! Почему не чувствуете вы спасения своего?

Теряете сон, несете труд, долготерпите долготу ночи, почему же не подвигаете терпения своего, чтобы не исходить наружу?[1] Древо одно вы украшаете, а плод его теряете; какая же польза? И не только теряете вы собственный плод, но лишаете (пользы) и то сухое древо, которое стараетесь оплодотворить (т. е. поминаемого), не только не оплодотворяете, но до корня его иссушаете. Вы ищете спасти грешную душу свою в монашестве, но не только не спасли ее, но губите, от конца ногтей ног до верхушки головы!

Глава XIII

Устройство скитянами частных церквей в каливах для получения дохода за поминовение ведет к понуждению лиц недостойных принимать священство... Обличения скитян

Приходит некая душа извне, от мира, чтобы остаться здесь на Св. Горе, ибо прилежит жизни святых отец (т.е. ревнует), слыхала о монашеском подвижничестве, жестокой жизни преподобных, и умыслила прийти в удел Владычицы нашей Богородицы; ради сего она старается удалиться из мира, но не имеет возможности, потому что нища всех плотских благ, убога своею силою, и недоумевает, что ей делать? (Т. е. не имеет капитала, чтобы устроить себе жительство и сделать вклад за себя, ибо уже не первой молодости, чтобы быть принятым без вклада монастырем, но и не столь мужественна, чтобы все презреть и вести жизнь нищенскую (сиромашескую), Христа ради, в уделе сем). Так раздумывая и кружась помыслом своим (дома, раньше нежели уйти из мира, еще не ведая того, что ее здесь ожидает), эта душа идет к духовнику своему, открывает ему мысленное свое решение, свое убожество и немощи души (т. е. что хочет

[1] Т. е. из храма во время поминального бдения.

отречься от мира, но не решается, видя бедность и малодушие свое). Духовник слушает и утешает его ободрительным лучом утешения, говоря: «Бог ради убогих и безсильных на крест взошел, чтобы с креста взирать на них, дабы не погибли они. Он подобен доброму пастырю, который пасет овец, вы же подобны овцам, которые, видя волка, бросаются туда и сюда, от страха волчьего не слышат гласа пастыря, который кричит им, чтобы они не разбегались. Поэтому пастырь добрый бежит к одному высочайшему дереву, влезает на самую верхушку дерева и восклицает к овцам, зовя одну за другой: «Дерзайте и не разбегайтесь». Тогда овцы слышат глас пастыря, оглядываются назад, видят пастыря на древе и возвращаются обратно. Сошел пастырь с дерева, собрал своих овец, дал им пищу, чтобы они обрадовались и укротили свою дикость, которою одичали от страха волчьего. Сие сотворил и Бог нас ради, разбегавшихся от страстей наших, которые намеревались поглотить нас. Бог гонится за нами, зовет нас по имени, чтобы мы не разбегались, не терялись бы там и сям; но, так как мы удалились от Бога, то не слышим и не слушаем гласа Божия; мы погрузились во глубину страстей, посему Бог как бы не видит, куда мы разбежались... И взошел Он на крест, чтобы видеть нас, где мы находимся... Взирает Он на все четыре стороны, на концы креста, чтобы увидать нас, где мы есмы, но мы не являемся пред крестом, ибо от множества страстей наших между нами и крестом сделалась каменная стена, так что ни Богу нельзя увидать нас со креста, ни нам нельзя увидать Бога на кресте... Тогда воскликнул Бог и теперь восклицает велиим гласом: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). Мы услыхали такое ободрение от Бога, обратились, оглянулись назад и увидали Бога на кресте, Бога, зовущего нас и говорящего: «Возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16, 24).

Убогий силою и малосильный душою, услыхав такие слова духовника, оставил все и удалился; удаляясь же, кручинится, какую ему дорогу взять; тут приходит ему мысль о монашестве; обрадовался он этой мысли, но куда идти не знает. Слышит он молву о Святой Горе, что она есть место спасительное и вот идет в Гору Афонскую. Так как он малосилен силою, то никто не принимает его. Наконец, на просьбу принять его, вышел к нему один старец на порог каливы своей и говорит: «Если согласен стать иереем и годен к сему, то я приму тебя». Вопрошаемый же сказал: «А если я не согласен стать священником и не годен, то не примешь меня?» Отвечал ему тот: «Не приму тебя, ибо ты малосилен и ради сего никто не

примет тебя». Говорит испытуемый: «Я могу служить телесно (т. е. хотя вклада не имею, но работать могу), а душою безсилен». Ищущий же себе иерея отвечает ему: «Не говори сего, сын мой! Всякий видит малосилие твое, потому что икры у тебя тощи от безсилия тела твоего». Испытуемый подивился суетности (т. е. плотскому мудрованию) в монахе и сказал старцу: «Таков есм, и что стану делать?» Сказал ему старец: «Если сделаешь, как я говорю тебе, то я возьму тебя: если ты годен в иереи, то живи здесь, а если не годен, то ступай, ищи себе жилище». Видит испытуемый: с обеих сторон тесно ему, во-первых: силою телесною он безсилен, т. е. в послушники и работники мало пригоден, вклада не имеет, во-вторых же: священства не достоин, а если пойти к другому, другой будет говорить то же самое.

И вот попрал свою совесть сей несчастный пришлец; будучи недостоин, удостоился священства, стал иереем, начал литургисать божественные Таинства, несчастный; старец же его злосчастнейший похваляется, что нашел себе священника, и, хвалясь им, заискивая у людей, начинает хищнически похищать мирские неправды, говоря: «Я имею церковь и достойного иерея»; цель же здесь не та, чтобы хвалиться церковью и иереем, но та, чтобы похищать жертвы на поминовения.

Спрашиваю я тебя, притворщик старец! Ей, истину ли говоришь, что добродетелями спасаешь свою грешную душу, собирая поминания от мирян и мысленно хвалясь спасительным делом отмаливания мирских грехов. Спрашиваю тебя, если так радеешь о душах человеческих, отчего замучил ты душу послушника твоего принуждением твоим? Зачем принудил его, недостойного, принять священство? Это у вас теперь в обычае заводить церковки при каливах; чрез это много недостойных людей делаются недостойными иереями и священномонахами[1]. Ныне люди презрели Христа, возлюбив «хриса» (злато), сребро, злато и дела рук человеческих. Так и здесь.

Прежде отцы-скитяне не имели церквей, у них был лишь один собор. Ныне же собор презрели, а созидают церкви в каливах, чтобы этим способом приневоливать пришельцев принимать священство, дабы преуспевать таким образом в сборе денег; я-де имею церковь, нуждаюсь в священнике;

---

[1]В свое время, в 1909 году, за несколько месяцев пред всероссийским монашеским съездом, ревнитель монашества еп. Никон Вологодский (член русского Государственного Совета) писал в «Церковных Ведомостях» ряд статей о монашестве, где, между прочим, довольно сильно восставал против обычая обителей спешить возведением в иеромонахи лиц молодых и мало достойных ради служения «заказных», заупокойных литургий.

если ты годен в иереи, то оставайся со мною, а если нет, то ищи себе другое жилище... Пришлец, рассудив, что не имеет он возможности иным образом быть принятым, переменил решимость свою, сказав, что достоин стать иереем; как только услышат это другие старцы, тотчас хватаются за него, как годного стать иереем. Другие же пришельцы, видя, как ухватились за него, тем более, что и почет ему стал большой, начали заявлять, что и они достойны священства, их тоже рукополагают во иереев; таким образом оказывается много недостойных иеромонахов.

Спрашиваю я вас: эти недостойные иереи, принявшие священство, при удобном случае примут и дело духовника, но при своем недостоинстве каким назиданием будут они назидать людей? На погибель или на спасение? Ясно, что на погибель путеводить будут, ибо как сам духовник погибший, так к погибели будет вести и духовных чад своих.

Погибель же сих недостойных духовников, которою они лженаставляют людей, такова: «Пост – ни к чему: Бог даровал нам пищу, чтобы мы вкушали ее. Воздержание в человеке – ни к чему, ибо когда тело удовлетворено, то удовлетворяется и душа». Так из-за еды и питья возгораются страсти в духовных чадах, идет духовное чадо и говорит духовнику о брани страсти своей...

Спрашиваю я вас: когда услышит недостойный духовник от духовного чада своего о подобной брани, как исцелит его, не признавая поста? Не уязвит ли духовник его еще больше, успокоив боримого тем, что это невелика беда... Посему и говорю я вам: вы идете спасать грешные души, пришельцев же, желающих спасаться, не только не спасаете, но губите от ногтей ног до верха главы.

Глава XIV

Порицание храмовых праздников по каливам в скитах

Прежде отцы не имели храмовых праздников и бдений в параклисах. Если же есть, то да будет для всех, т. е. если хотите устраивать частные праздники по каливам в скиту, то приглашайте всех соскитян, ибо случается ныне, что бдения и храмовые праздники становятся гнусными, соблазнотворными; ибо где соблазн, там и гнусность.

Скажешь: из-за чего бдение и панигир именуешь ты гнусностию? Послушай и увидишь.

В один день случились в нашем скиту два панигира с бдениями, вместе с литургиею. После литургии присутствовавшие на бдении остались трапезовать, после же трапезы сделали отпуст панигиру; каждый удалился в свою каливу. Выйдя из собора и идучи домой, я повстречал одного брата, возвращавшегося с панигира; мы поздоровались друг с другом; после приветствия я спросил его: «Как провели вы бдение, отцы?» Он же мне отвечал и сказал: «Не спрашивай, отче; Бог да помилует его и бдение его, которое он устроил». Сказал я ему: «По тому, что ты говоришь, видно, что не благополучно». Отвечал же мне тот и сказал: «Лучше было бы в десять раз, если бы я не ходил, чем то, что я пошел». «Отчего говоришь так?» «Потому что на ревит (род отварного гороха), бывший у них, противно и взглянуть, о соленой рыбе и говорить нечего, до того она была солена, вонюча и скверно приготовлена; вино было кислое, пополам с водою, к тому же и испорченное. Если хочешь знать, отче, одну собачью ночь в жизни той провел я».

Так удалились мы друг от друга. Следуя далее домой, встретил я другого брата, шедшего с другого бдения; поздоровавшись, я спросил его: «Что нового, отче? Как провели вы бдение»? Отвечал он мне и сказал: «Хорошо провели, слава Тебе Боже! Как нельзя лучше! Свежая рыба была двух сортов, печеная и вареная, ревит был хорошо уварен, был и рис с коровьим маслом, хлеб мягкий, вино же подлинно было хорошее; такого вина я десять лет не пивал!»[1] Про бдение же он ничего не говорит. Поклонившись, удалился я от него и поспешил домой; когда поздоровался с моими старцами-сожителями, они сказали мне: «Пришел один брат и спрашивал тебя». Я спросил их, куда пошел он? Они мне сказали: «Он здесь, в дому». Вышел этот брат, поздоровались мы с ним, и я спросил его: «Что поведаешь мне?» Он сказал мне: «Имею злые мысли, отче, и весьма смущен от такого-то брата». Я сказал ему: «Что он сделал тебе?» Он ответил мне: «Сколько бдений я ни устраивал ежегодно, никогда не исключал его, первым звал его, а после него других; сегодня же он изгнал меня с праздника своего и не позвал меня, когда приглашал других? Пусть так; если он не хотел видеть меня, то мог бы послать известие о сем, чтобы мне знать это; я же, не ведая его неприязни, пошел на бдение, и спрашиваю его: «Отчего ты не позвал меня?» Он же сказал мне: «Какое тебе надо извещение,

---

[1]Обличается увлечение афонцев вином. Обличение очень справедливое, ибо и теперь почти все афонцы пьют вино вместо воды (легко сказать!) под предлогом, что вода афонская тяжела для желудка, а кипяченой воды (безвредной) вместо вина пить не хотят!..

не позвал тебя, вот и все». Когда наступило время вкушения хлеба, т. е. ужина перед началом бдения, я имел надежду на него и, уходя из дому, на вопрос сожителей моих насчет пищи дома, сказал им: «Есть дома не буду, кушайте без меня, я на бдение пойду и там поем». Братия покушали, нисколько мне не оставив пищи, чтобы пища не попортилась к следующему дню. И вот я жду (перед бдением на празднике, когда пришло время ужина), что позовут меня; проходит час, никто не приходит приглашать меня; начинает смеркаться – ни гласа, ни звука. Я иду обратно домой, чтобы поесть, но пищи нисколько не осталось, поел одного только сухоядения, так и пошел на бдение в собор, а в соборе всю ночь злился». Я постарался всеми способами умиротворить брата, но он не хотел успокоиться нисколько; так и умер несчастный с злопомнением и осуждением, зачем не позвали его на праздник.

На другой день после описанного праздника шел один брат и повстречал меня; мы поздоровались, и я спросил его (т.е. брата, одного из тех упомянутых двух, устраивавших храмовые праздники): «Как прошел для тебя шум твоего храмового праздника?» Он ответил мне и сказал: «В злом шуме провел я его, отче». Сказал я ему: «Отчего в злом шуме провел ты его?» И ответил мне сей: «Мне хотелось взять одного священника, чтобы прочесть последование святому, но, видя другого (настоятеля каливы), как он украшает бдение свое, я сказал себе: возьму-ка я пять или шесть отцов и прочтем последование святому; когда пригласил пять или шесть, оказалось двадцать пять братий; на утро гостей стало еще больше, припасов у меня не было, было лишь немного пищи для своего живопитания; всю они ее поели у меня, я задолжал теперь еще больше, у меня нет сейчас нисколько хлеба для еды, так что я раздражаюсь на свой храм, и меня соблазняет помысл, советующий мне уничтожить его». Видя печаль его и слезы, я, любоодарив его тем, что послал мне Бог, сказал ему: «Иди, сиди в своей каливе, не соблазняйся о церкви, но служи в ней (досл.: ей) со страхом Божиим, ибо, кто уничтожает церковь, тот противоборец и враг церкви; отселе впредь не созывай много гостей на праздник и бери лишь одного иерея, чтобы прочитать последование святому». Брат сделал так, как я сказал ему, и был мирен душою.

Ныне же, устрояя праздники в каливах, едя и пия, празднословят и осуждают друг друга, взаимно предательствуя; удаляясь с панигира, празднословят дорогою и осуждают того, кто устроил бдение, что не сотворил бдения более торжественного, особенно осуждают за пищу на праздничной трапезе.

Ради этого, говорю я вам, не приличествует панигир каливам. Панигиры приличествуют только для монастырей, там на них собираются люди в большом количестве неблазненно; скитяне же шума (праздственного) делают мало, а соблазнов бывает весьма много. В скиту храмовое празднование панигира богоугодно только для собора (Кириако). Что же именно Богоугодно? Богоугоден панигир в день памяти соборного храма; память параклисных тоже богоугодна (если владелец келейно празднует храмового святого своего), но всепразднствование (т. е. торжество в келлии) есть соблазн: соблазняется им спасение человеческое.

ГЛАВА XV

Сравнение богомольца, духовно не напитавшегося богослужением, с ежом, забравшимся в виноградник

Таковой подобен ежу, зашедшему в виноградник; этот еж лишь для того пришел, чтобы портить лозу вместе с гроздями ея; он валяет ягоды, разбрасывает их по земле, катается по ним, чтобы нацепить их на себя и, нагрузив на себя эти плоды, идет отягощенный в жилище свое... Т. е. пришедший неблагоговейно в церковь подобен сему ежу: он валяет на землю божественные ягоды слов Божиих; он не обходится бережно с Лозою, но обламывает ее; не вкушает слов Божиих, но валяется по ним, прокалывает их щетиною празднословия своего и, подобно ежу, думает, будет ли от сего стояния в церкви какая-либо польза?

Так и ныне: идет человек на храмовой праздник, но не стоит со страхом Божиим на бдении, а только сидит, празднословит словами неподобными, пачкает ягоды спасительные, (раскидывая) по земле; нагружается празднословием и думает, что получил от бдения плод; когда рассветает день, вместо слушания литургии находит себе подобного, изобретают они предмет для беседы, для многословного осуждения и в храме празднословят вместе. Когда окончится литургия, тогда оканчивают и они предмет беседы своей; возвращаясь домой, каждый воображает, что на сей литургии приял ягоды спасения своего; придя домой, каждый бьется, чтобы разгрузиться, но разгрузиться не может, говорим: не может освободиться от того, что слышал подложным слухом своим (якобы слушая божественные слова, – а на деле нагрузившись празднословием и осуждением).

Так и ныне; ходят на бдение, но в церкви не молятся за несчастную душу свою, а выходят наружу, попирают ягоды бдения, нацепляя поверх себя все дурное и злое, что ни найдут. Дома силятся разгрузить свои головы от тех плодов злословия, празднословия и осуждения, которые прицепились к ним, но не в силах разгрузиться сами; призывают тогда младенцев своих, говорим: псилафизмы, т. е. мудрования плотские – лукавство и леность, – чтобы они разгрузили их: леность поддерживает нагруженного, лукавство же и псилафизм снимают груз беззакония, разгружают зло, т. е. объемлет монаха в возмездие за празднословие нерадение к духовному делу и лукавое мудрование о ненужности подвига. Цель же их – не облегчить злое бремя, но пожрать плоды. Леность удерживает зло, т. е. не дает каяться, а псилафизм и лукавство разгружают зло; подобно тому, как когда разгружают скотину – один держит, а другой разгружает ее, так и леность удерживает человека, псилафизм же, вместе с празднословием, и лукавство – разгружают то, что монах успел стяжать подвигом своим до сего, разгружают человека от благодати Всесвятаго Духа: становится он тогда с обеих сторон непотребен, говорим: как мирянин и как монах... Т. е., развратившись, монах делается никуда не годен, ни для возвращения в мир к семейной жизни, ни для монашества.

Глава XVI

Какими двадцатичетырьмя орудиями погибели действует царица погибели против башен спасения

Идут ныне и поклоняются один за другим царице погибели; вкушают зелье безчувствия и проповедуют, что то вкушение доброе. Другие, услышав таковые губительные слова, один за другим туда же идут, поклоняются царице погибели и гонят от себя Царицу Спасения. Вот как это происходит. Погибель подобна скату; когда по ней скатится один, то другой, видя, что тот скатился благополучно, идет тоже на скат; так, глядя один на другого, все стали в ряд по скату, и скатываются все вниз, как будто привязанные один к другому; находясь же на скате погибельном, ублажают его, как будто он есть подъем спасения! Принадлежащие к войску подъема спасения, т. е. монашествующие, сами ублажают свое нисхождение в погибель!.. И вот одно из знамений обручения с печатию антихристовою. Многосокровиществование

есть антихрист или царица погибели; она собрала всезлейшее войско свое и начала войну; вот уже двадцать лет, как она открыла мысленную брань, чтобы господствовать над чувствами монахов, т. е. охладить их ревность ко спасению, пристрастить к сребру, злату и делам рук человеческих; отчасти она успела возгосподствовать над чувствами монахов, чрез многопопечительную заботливость (досл.: многопопечительность заботы).

Видит царица погибели, что развивается у монашествующих тяготение к чаше погибели; видит, как склоняются к ней владеющие келлиями старцы, как они помрачились многосуетностию попечений и свалились под скат погибели; тотчас вооружила она злейшее войско свое орудиями лукавства и послала его возгосподствовать всеми чувствами монахов; монахи стали совсем безчувственными к спасению и монашеской жизни.

Этим способом стремится царица погибели довести монашество до того, чтобы оно изгнало Царицу Спасения из своей жизни и обратилось бы к треклятой царице погибели.

Царица погибели хочет, чтобы монашество послушно следовало ее путем и распространялось бы на весь мир. (Эти слова темны; может быть, они означают, что монашество будет стремиться обладать мирскими сокровищами, или, когда овладеет враг монашеством, то не трудна ему будет победа и над всем миром).

В течение двадцати пяти лет, открыв брань, воюет злейшее войско лукавым орудием своим, которым вооружила его царица погибели, послав против удела Царицы Спасения. И победились несчастные монахи многосуетством заботы; победились без всякого сопротивления, без всякой брани!.. Следовательно, когда то всезлейшее войско с лукавым оружием своим произведет натиск и бранью (или штурмом) будет брать иноков, победившихся земными (пристрастиями) и лукавыми оружиями, т. е. пороками, то какова сделается тогда монашеская жизнь? Все почти свалятся под уклон погибельного пути, предадут себя во всезлейшее воинство ради оружий лукавств, т. е. сами станут ревнителями погибели, возлюбив пороки погибельные... Эти же доспехи лукавого вооружения, которые так любы побеждаемым, и которыми снабдила свое войско царица погибели, суть следующие. Первый доспех – лукавое мудрование, поверх лукавства – самомнение; поверх самомнения – гордость; поверх гордости – самообожение, поверх самообожение красит безпечность; поверх безпечности – человекоугодие; поверх человекоугодия – зависть; поверх зависти – злокозненность; поверх злокозненности – гнев; поверх гнева – вражда; поверх вражды – враждоборство; поверх враждо-

борства – злорадство; поверх злорадства – злопомнение; поверх злопомнения – помрачение; поверх помрачения – безстрашие к Богу; поверх его – дерзость; поверх ее – непокорство; поверх непокорства хула – ложь и осуждение; поверх осуждения – оклеветание; далее – мстительность, – дабы так благодарили монахи Царицу Спасения за постройку им 24 башен! Вот как вооружила царица погибели сими доспехами лукавства свои войска, послав их на брань, чтобы отомстить Царице Спасения за постройку 24 башен, построенных Ею ради чистоты монашеской жизни...

ГЛАВА XVII

Прельстившихся любостяжанием царица погибели уловляет в следующие сети

Так как ныне изгнали Царицу Спасения и стали поклоняться царице погибели, власть царицы погибели обрела себе теперь обиталище в уделе Спасения, где раньше ей места не было; она старается сделать отмщение в противность Царицы Спасения, т. е. настолько сделать удел погибельным, насколько он был раньше спасительным. Она раздала своему войску орудия, чтобы они с корнем вырывали семь посевов монашеской жизни и цвет спасения, т. е. истребили бы подвижничество и прозябающие от него добродетели. Тогда прияли всезлейшие воины от царицы погибели орудия разврата, устремившись, подобно бешеным псам, против семи посевов, чтобы истребить их и искоренить плодовые дерева... Действуют безсильные на пятинервие, т. е. на пять телесных чувств человеческих: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание; над осязанием получают они власть с лукавящим своим оружием разврата, стремясь к тому, чтобы этим пятинервием монахи деяли бы беззаконие и уклонялись в семь родов разврата; говорим: невоздержность, прелюбодейство, блуд, растление целомудрия, малакию, мужеложство, кровосмешение. Этим будут иноки побеждаться вследствие того, что увлекаются многим помрачением ума и многосуетностию житейских попечений. Помрачение заботы довело вас до предания себя тьме и сени смертной. Вы пребываете во мраке, а враги во тьме расставили разные ловушки, чтобы побеждать вас без всякого боевого оружия, захватывая, как лису, в капкан. Каждая ловушка имеет свою приманку; приманки ловушек суть сии: тщеславие, суета, малодушие, жестокосер-

дие, отчаяние и убийство. Приходят всезлейшие каждое утро, проверяют свои капканы, и находят каждую ловушку наполнившеюся старцами, священномонахами и священниками...

Увидав такую ловитву, всезлейшие удвоили ловушки, и эти ловушки наполнились. Они стали ухитряться, ловить еще другими хитростями: клятвопреступлением, хищением, лестью, сребролюбием, безжалостностью, рвением, обидами. Опять приходят всезлейшие, и видят свои ловушки наполненными калогерами, иереями, и священномонахами... Подивились всезлейшие, как легко попадаются монахи в эти ловушки!..

Еще устроили ловушки, сделали их еще больше, наложили в ловушки отборных приманок; в этих ловушках суть следующие 12 приманок суеты и похотей плоти: разнонаряжение, т. е. многоукрашение жилищ, одежд и т. п., похоть гордости; разнопопечение – похоть чрева; разнозабота – похотение сокровиществования; разнотрапезование – похотение несытства; разностноснедие – похотение обжорства; разновиние – хотение блуда[1].

Человек, когда старается украшать свое монашеское жилище деревьями разнообразных сортов, то красота дерев так обольщает человека, что ему кажется, при воззрении на плоды дерев, что дерева сии прекраснейшие, что он находится в земном раю; так упускает обольщенный из вида прекраснейшие истинные блага. Ради сего говорю вам: украшение древесное, т. е. увлечение подвижников древонасаждением, есть преступление; сокровиществование есть похоть сребролюбия, которое есть корень всех зол (1 Тим. 6, 10).

ГЛАВА XVIII

Как в первых ловушках оказались одни начальствующие и ни одного послушника, и как для послушников враг изобрел приманку непокорства. Сравнение трудности уловления послушника с трудностию поймать морского угря

Снова приходят всезлейшие, проверяя по обыкновению три рода своих ловушек, видят, что в их ловушки попадают люди с еще большею охотою, чем прежде; однако замечают, что в этих различных и разнообразных ловушках нет ни одного послушника, все же захваченные

[1] Т. е. от увлечения вином недалеко уже и до блудных помыслов!

в ловушки суть главенствующие, говорим – своевольники, живущие по воле своей, которые слушаются лишь самих себя, и чрез это захватываются в ловушки вражии.

Видит всезлейший враг, что нет ни одного покоряющегося послушника внутри ловушек, и вот хочет он захватить хотя бы одного какого-нибудь покоряющегося послушника, хочет так же страстно, как страстно желает рыбак уловить рыбу, которая называется морским угрем. Рыбак смотрит в свои разные сети, видит в них разного рода рыб, но морского угря нет. Рыбак вытряхивает свои сети и кладет в них приманку по вкусу морского угря; видит морской угорь любимую свою пищу и спешит к ловушке, не ведая, несчастный, что в ловушке та снедь коварная; пробует пищу, что добра она на вкус, располагается над сетью несчастный угорь, чтобы есть ее; когда же он ест (приманку), сеть подымается и попадается в нее сей угорь. Когда рыбак будет брать угря в свои руки, какая у него должна еще произойти страшная борьба, чтобы удержать окончательно угря в лодке своей, ибо, во-первых, боится он, чтобы угорь не выскользнул и не убежал; во-вторых, боится, как бы угорь его не укусил; посему рыбак придумывает, каким способом умертвить угря; говорим: погубить послушника. Таким же образом и всезлейшее воинство охотится, чтобы обрести таковую ловитву. Глядят они в ловушки и видят, что нет в них ни одного покоряющегося послушника; тогда раскидывают враги сети в различных местах и кладут особые приманки по вкусу послушников. Приманки же эти суть следующие: первое хитроядие (или страшный яд) есть прекословие, приманка его – преслушание (т.е. вызывается оно желанием не исполнять того, что говорят); во-вторых, есть дерзость, приманка ее – любопрение; третья ловушка есть тайноядение, приманка ее есть ложь; четвертая ловушка – наряжение (прихорашивание себя), приманка ее есть блуд; пятая – самомнение, приманивает в нее гордость; шестая – мечтательная праведность (т. е. мечты о подвижничестве где-либо в дикой пустыне, или иное мечтательное мнение о себе, влекущее послушника покинуть своего старца); приманка же ее – непостоянство; седьмая – притворство, приманка ее – неправедность (т. е. желание скрыть свои пороки); восьмая – нерадение, приманка ее – отчаяние; девятая ловушка – леность, приманка ее – ожесточение; десятая ловушка – невнимание к себе, приманка ее – оговор (других); одиннадцатая – самомнение; двенадцатая приманка – сребролюбие.

Видит несчастный послушник такую снедь, идет внутрь сети, пробует снедь, подходящую к его природной склонности и говорит: хороша сия снедь; он подбирает ее, садится над

сетью вражескою, чтобы поесть той снеди; когда же сидит и ест сию снедь, сеть поднимается и несчастный попадается; другой подчиняющийся послушник, увидав, как тот со вкусом ел снедь, решается тоже пойти в другую ловушку, и тоже попадается в сеть вражию. Видит третий, как сидят они в ловушках и кушают снеди, идет тогда сей поесть снеди, и тоже попадается. Эти все несчастные послушники – уловившиеся в сеть вражию – мнят, что они пребывают в своем истинном духовном устроении.

Видят всезлейшие враги, как прельстились и прельщаются ныне все послушники, попадаясь в их сети, смотрят всезлейшие воины, как бы взять их в руки, но боятся, чтобы, когда будут вынимать их из сети, они не убежали; говорим: боятся, как бы они не покаялись; опять же боятся, как бы они не укусили их, потому что зубы послушников ядовиты для демонов более, нежели другие зубы человеческие; ядовиты так же, как ядовит коготь кота для змеи.

Как змеи боятся котов, так бесы боятся послушников; говорим: боятся, как бы не призвали они старца своего на помощь, и предстательство старца не помогло бы послушнику, подобно Павлу (Препростому), который, призвав молитвенно старца своего преподобного Антония, исцелил болящего. Молитвенное призывание послушником имени старца есть сильнейшее оружие на бесов. Но за каковых послушников предстательство старцев угодно пред Богом? Не за тех, которые лукавы, не за тех, которые непослушны, но за тех добрых послушников, которые слушаются с расположением простым и добрым. Ибо говорится: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены иерусалимския» (Пс. 50, 20). (Под Сионом подразумевается сердце истого израильтянина, в нем же льсти нет).

Для таких нелукавых, добрых послушников призывание молитвенное имени старца есть жертва благоугодная пред Богом, подобно жертве нелукавого Авеля; наоборот, молитва безчувственных, непослушных, лукавых послушников есть мерзость пред Богом, подобная лукавому призыванию Каина. Ради этого и стараются всезлейшие возгосподствовать над чувством послушника, т. е. над чувством покорности старцу, чтобы послушники стали безчувственными, чтобы забыли о послушании.

Так ныне и делают всезлейшие с отдавшими себя в послушание послушниками, стремясь возобладать над ними чрез искусные сети непокорства, чтобы не покорялись они под благословенное Богом послушание.

Глава XIX

Враг старается развратить начало послушания послушника. Вина старцев. Уподобление нынешних легколовимых послушников с раками, а старцев, теряющих послушников, с матерями похищенных дев

Враги стараются для господства своего над послушниками, полагающими начало, напоить их лукавством и зельем безчувствия с обольстительной лжицы путей непокорства; цель же всезлейших та, чтобы не чувствовали люди, каков путь послушания, т. е. враг старается извратить этот скорейший путь к духовному совершенству и получению благодати (самоотверженное послушание), стремится сей путь сделать безплодным и тем погубить основание всего монашества.

Если удастся врагу загасить в монашестве чувство путей послушания так, чтобы не чувствовали послушники, что такое есть послушание, тогда будет удобен доступ к ним всезлейшего войска и возгосподствование его над чувством монашеской жизни. Если бесы возгосподствуют над чувством послушников, так что не будут послушники чувствовать спасения своего, т. е. не будут больше сознавать, что послушание есть их спасение и не будут поэтому покоряться, то у следующего поколения никого не будет пригодного путеводить их по пути спасения, т. е. не окажется ни одного старца, чтобы руководить и воспитывать новоначальных в покорности; все тогда будут шествовать путем погибели. Ибо, кто предал себя в послушание старцу, который сам был непокорным и не слушался, сам сделал себя старцем, приняв послушника (будучи недостоин звания старца), таковой будет путеводиться сим старцем лишь на погибель.

Видит послушник вкусную приманку погибели – оставляет послушание и идет в сеть, чтобы поесть снеди, которая понравилась ему на вкус. Когда же войдет в ловушку и сядет, чтобы поесть, во время вкушения снеди сеть поднимается, а послушник попадается, подобно раку! (Обращаем внимание читателей на сравнение прежних послушников с опасными для рыбаков угрями, а нынешних – с раками). Спрашиваю вас: когда попадется послушник в сеть всезлейшего, какого только рода мучениями ни замучает его коварный враг, ловец?!

Посему и стараются всезлейшие одолевать послушников,

чтобы истребить (растлить) девство послушания, т. е. девственность души истинных послушников, чтобы легко истребить и девственность монашеской жизни. Тогда не трудно будет воцариться царице погибели, потому что путеводители сами будут погибельные, будут руководить в погибель, ревнуя о том, чтобы никогда не обезчадивалась царица погибели.

Почему же так стремятся бесы уловлять новоначальных? Сие подобно тому, как в блудилище не принимаются какие ни попало женщины, но принимаются, преимущественно, юные девственницы, чтобы в самом блудилище растлить девство их, так, чтобы потом они никакого места не ведали, кроме того блудилища.

Так и ныне послушники поруганы своим погибельным прехождением с места на место, от одного старца к другому, ради всезлейшего прекословия и непокорного преслушания.

Скажете: у девушки, которую заманили в блудилище, разве не было отца и матери? Как допустили они ее до блудилища? Ей, были отец и мать, но сами девицы выходят из дому, и их совращают. Совращены же они были следующим образом: бес преображается, принимает вид приятной женщины, приходит в дом с ласковым лицом, чтобы прельстить; обманчивым и льстивым разговором своим женщина прельщает матерь девицы; сначала говорит льстивые слова самой девице: «В такой-то части города праздник и торжество, я возьму туда свою деву и пойду, а ты, если желаешь, иди с нами вместе; вместе потом и назад придем». Девица, услыхав эти слова от развращенной женщины, сообщает их матери, но мать не пускает ее идти; та, проклятая женщина, стоит снаружи вне дома; девица ей говорит: «Меня не отпускает мать моя». Проклятая женщина говорит деве: «А если я попрошу мать твою и она пустит тебя, то пойдешь ли со мной?» Пойду! – говорит. И подымается она (т. е. сводня) в дом матери; с великою хитростью обольщает ее, а та отдает деву свою проклятой женщине, не ведая того, что она бесовская прелестница... Идет проклятая женщина, предает деву в блудилище, дева там остается и не знает, куда ей идти после того, как столь горестно пала... Матерь же ищет ее, терзаясь о том, что потеряла дочь свою... Что плачешь, жено? Почему не держала при себе в доме девы твоей? Не ведала разве, что, в противном случае, постигнет тебя такая беда? Видишь, как мать по отсутствию бдительности теряет чадо свое?

Так бывает и у нынешних монахов с послушниками; послушники прельщают старцев своих разнообразною лестью, льстивым, лукавым смирением, так что старцы побеждаются и дают властительскую волю послушникам своим. Дело дошло

до того, что ныне послушники властвуют над силою своих старцев...

Глава XX

Ласкательство старцев и презорство послушников. Погибель монашеству, когда ноги станут головою, а голова ногами

Послушник с великим презорством не уважает своего старца; послушник требует смирения от старца, чтобы старец смирялся пред послушником. Старец ищет от послушника сочувствия (чтобы послушник симпатизировал своему старцу), послушник же ищет от старца послушания, чтобы старец слушался его, послушника. Видит старец такое повелительство послушника, видит, с какою своенравностью послушник повелевает старцем, плачет и скорбит о погибели, которою погибает послушник... Что плачешь, старче поддельный? Ты не подтягивал своего послушника сначала, как то делают старцы истинные, неподдельные; ты дал ему власть, славу и честь – чего же ныне плачешь? Какая польза теперь от слез твоих? Не знал разве, что от сего тебе будет такое плачевное страдание? И не один ты только так пострадал, но все почти те старцы, которые дали волю своим послушникам. Как ты плачешь, так плачут почти все старцы.

Из этого можешь понять, на какую степень стала ныне жизнь монашеская.

Некто вопросил одного старца и сказал: «Что есть конец монашеской жизни, отче?» Он же сказал: «Когда сделается голова ногами, а ноги сделаются головой, тогда разумевай начало конца монашеской жизни». Видишь ли, что произносит тебе старец сей с мудрым своим ответом?

И еще послушайте: древние отцы не имели между собой никакой лжи; когда кто сомневался в чьих словах, то, чтобы ему поверили, он говорил только сие: «Если я сделаю это, то да будет часть моя с частию монахов последнего восьмого века». Другие, слыша сию речь, говорили: «Зачем такое слово, не жалеешь разве души твоей, что такое слово произносишь?» Видишь, как прежние старцы отрекались от такого нынешнего состояния безчувственного, которым растлили вы свое чувство, как растлевается девственность девы в блудилище, и стали нечувственными... Ныне еще не наступило время последних монахов, но уже идет к сему начало. Ныне осень, а тогда будет зима; после же сего будет еще более лютая

зима... Ныне монашеская жизнь погубляется, а тогда погибнет; после сего на языке от монашеской жизни останется одно только имя, как воспоминание.

Итак, кто находится в монашестве, но презрел монашескую жизнь (т. е. подвижничество), тот идет в реку огненную; кто же пребывает в возделывании монашеской жизни, т. е. подвизается бодрственно и неослабно, тот славою и честию увенчан будет...

Глава XXI

Притча о двух молодицах, первой и последней

Послушайте, священники, священномонахи и вы, досточтимейшие монахи! Зачем погубляете вы свою монашескую жизнь? Послушайте, каким тлением, т. е. из-за чего именно растлеваетесь вы, так что становитесь погибшими для спасения своего и непогибающими для беззакония.

В одном единомысленном городе были две молодицы, у двух молодых мужей; одна называлась «Первая», другая «Последняя»; обе они были чревоносящие, но одна сохранила себя, так что младенец остался невредим, прозвался «Спасенный», потому что мать спасала его осторожностью своею. Другая тоже была чревоносящей, но положения своего не уберегла, по неосторожности младенца выкинула; стала беременной вторично и тоже выкинула. Так она и оставалась неплодной по своей нерадивости.

Спрашиваю я вас, какой успех может быть младенцу, т. е. какая надежда на благополучное рождение младенца на свет, матерь которого, сделавшись беременной и нося его во чреве, всецело предается плотским развлечениям? Отчего одна плод свой донашивает, другая не донашивает и удержать не может? Послушайте сие.

Обе молодицы стремятся плодоносить, намерение у обеих одинаковое, но одна постаралась, т. е. все старание приложила к тому, чтобы прозваться матерью, у другой же старание не к тому, чтобы звали ее матерью, а к тому, чтобы звали домохозяйкой. «Первая» не старалась и не желала того, чтобы прозывали ее домохозяйкой. «Последняя» же усердно принялась за правление домохозяйством, посему и прозвали ее домохозяйкой, матерью же ее никто не прозывал, потому что, погрузившись в суету, она умертвляла младенцев своих и была недостойна имени матери. Подобно сие дереву, которое,

если будет иметь завязь плода своего, но, осуетившись, начнет выпускать побольше побегов на ветвях своих, то скинет плод свой; другое же дерево не желает выказывать отростков своих, а усиливает свое плодоношение, и вместо побегов приносит прекрасный плод; кто видит дерево, тот ублажает его ради обильного плода.

Кто же суть две молодицы?! Прежние и теперешние отцы. Скажем сначала о прежних преподобных отцах, а потом разберем нынешних.

Единомудренный город есть гора Афон, одинаково православный как раньше, так и теперь; две юные молодицы суть человеческое спасение; та, которая называется «первой», есть первые отцы, т. е. их спасительный образ жизни; «последняя» молодица есть нынешняя жизнь отцов; обе молодицы зачали во чреве, оба монашества, древнее и нынешнее, благое имели намерение спасения, но первые отцы блюли себя в положении своем от земных сует, удержали спасение свое неповрежденным, спасали спасение свое, как мать чадо свое, т. е. весьма дорожили спасением своим.

Другие отцы тоже были чревоносящими, говорим: зачавшими спасение, спасаемыми, – но не хранились они в положении своем от земных предметов, а посему не возмогли уберечь своего спасения, подобно женщине, выкидывавшей младенцев и сделавшейся детоубийцею.

Дерево осенью теряет свои плоды, а нынешние монахи теряют монашескую жизнь вместе со спасением своим; изгоняют Царицу Спасения и вожделевают царицу погибели. Возгнушались несчастные Царицею Спасения ради вожделения, которое имеют к царице погибели, дабы возделывать волю ее, дабы показывать любовь к царице погибели и изгонять Царицу Спасения...

Воля же царицы погибели есть та, чтобы люди возделывали все то, что противно Царице Спасения, т. е. похотение плоти, упокоение тела с плотским вожделением, похоть разноукрашения для развития страсти блудной, увлечение разноздательством, многосуетством, многопопечительностью, разноозабоченностью, разнотрапезованием, разноснедием, разновинием, разнодревием, разносадием, разноуслаждением, разносокровиществованием.

Сего домогается царица погибели и сие ненавистно для Царицы Спасения.

Сими любодарствиями любоодаряют люди царицу погибели, сии дела суть те противности, которые творят люди, противоборствуя Царице Спасения...

Глава XXII

Как Царь уделил град Царице Матери Своей. Измена граждан

Царь царствующих устроил для нас крепость страшную и неприступную, а царствовать над нею и над окрестностями ее поставил Матерь Свою. И воссела Матерь Царя на престоле крепости той; бояре крепости приходили поклоняться Царице, и вся крепость вместе с окрестностями возрадовалась владычеству Ее, ибо не восставала никогда другая, подобная Ей, Царица, ниже есть, ниже будет. Ради этого возлюбил Ее весь град вместе с окрестностями. Видит Царь оком Своим и слышит слухом Своим, что все люди крепости с окрестностями полюбили Матерь Его; тогда послал Он свыше помощь граду сему и прислал царские граматы, чтобы неподвергаем был град соблазну, пока там находится Матерь Его. Но следующее поколение людей начало снисходить в погибель погибели; снизошли мало-помалу до того, что изгнали Царицу, Мать Цареву из градских крепостных стен таким образом.

Прослышали люди града о том, что есть одна сильная женщина, женщина, угодная их погибельному и злому нраву, послали ей тайно грамату, призывая ее на царство; после многих писем, которые посылали ей, принудили они ее к тому, что она пришла. И воссела на престоле сия царица, блудница, развратная женщина и воцарилась. Изгнали тогда высшую всех Царицу, Мать Небесного Царя, Которая была и есть одна Жена Святая, чистейшая, премудрейшая, благая, благословенная, преблагословенная и благодатная.

Видит всеблажайшая Царица и Хранительница града сего, что изгнали Ее люди городские с царского престола, сделав своей царицей другую, жену злонравную, превратную отступницу, развратную, обидчицу, хищницу, лгунью, недостойную и проклятую, имеющую на себе все виды зла, видит, что посадили сию треклятейшую на престол царский, говорим: на престол жизни монашеской; долготерпела и долготерпит Всесвятая Царица, Убежище града и Покров, не раскаются ли люди града и не прибегнут ли в покаянии к Ней, чтобы раскаяться. Ибо милосердая Царица жалеет град сей, который был град благодатный, ныне же есть град беззаконнующий, говорим: жалеет удел Свой, который был уделом для спасения человеческого, а ныне стал уделом для погибели его.

Вопрошаю я вас, священники, священномонахи и вы, досточтимейшие монахи! Когда в городе сойдутся две царицы, будут ли они обе царствовать или воцарится одна лишь из них? Ясно, что будет царствовать одна, но которая, – прежняя ли царица, или вновь приглашенная? Царствовать будет приглашенная. Когда же воцаряется вновь призванный царь, что остается делать прежнему? Удаляется ли он из града или нет? Ясно, что удалится он из града сего. Но, когда удалится Всесвятейшая Царица Спасения, придет к Сыну Своему, и Он увидит, что пришла Матерь, изгнанная из царства Своего, тогда не разгневается ли Он на град сей и не разорит ли стены городские?

О, несчастные граждане, говорим: святогорцы, – каким разорением разорит Царь стены града сего?!

О, несчастные граждане! Какой страшный слух о граде сем прослышится до концов вселенной и иссохнут реки, которые текут во град сей (т. е. милостыни от христолюбивых мирян).

О, несчастные граждане! Какой набег нашлет Царь на град сей, да поругаются над градом сим!

О, как попран град сей по коварству царицы погибели!

О, какие художества, т. е. тонкие козни, устроила и возгосподствовала над градом сим треклятейшая царица погибели!

ГЛАВА XXIII

Плач преподобного Нила о Святой Горе и воззвание к праотцам

О, несчастные святогорцы! Что это за бедствие постигло вас? Вы уязвились стрелою лука, от каковой стрелы душа ваша стала, как прокаженная, вы уязвились многозаботливым попечением! Как могли вы предпочесть блудницу, женщину развратную, и уничижить путь спасения, тот путь спасения, который открыли вам праотцы?!

Востаньте, вселенские праотцы, просиявшие в монашеской жизни, как добрые воины, Амалика победившие, в бегство его обратившие, и с толиким трудом и потом путь монашеской жизни открывшие!.. Востаньте, все праотцы монашеской жизни, светом сиявшие, да видите, что стало на Афоне с монашеской жизнию.

Востаньте, праотцы, аскетов похвала! (т. е. постники, здесь подвизавшиеся).

Востаньте, праотцы, древних покой!.. (т. е. безмолвники).

Востаньте, праотцы, хотящих спасения отцы! (т. е. мудрые старцы-наставники).

Востаньте, праотцы, общежитий мир! (т. е. киновиархи).

Востаньте, праотцы, пустынников воздержание, т. е. терпеливодушные пустынники, девства главизна, т. е. предстоятели лика девственников, сокрушившие семиглавого дракона беззакония!..

Востаньте ныне, все праотцы, чтобы увидеть ваших потомков, как они оживляют и воскрешают семиглавое беззаконие погибельною многосуетностию..

Востань, отче Афанасие, и виждь потомков твоих, как погубили они руководство твое спасительное, и отстранились от заповеди, которую ты передал им, отстранились от пути спасения, пути покоя, пути мира, стали на путь безстрашия, смущения, которым смущают друг друга, говоря: «Что еси ты, и что есмь аз?» – как будто не твои они потомки, как будто не твои они чада, сии детоубийцы, убивающие чад спасения и воскрешающие чад погибели!..

Востани, преподобне Петре, богоугодно монашествовавший пустынным подвигом, пустынный цвет пещер спасения, подобно бисеру носивший (т. е. великое сокровище в сердце стяжавший и неокраденно носивший). Востань, чтобы видеть сподвижников твоих, которым ты открыл этот путь спасительного подвига; востани и виждь, сие житие, таково ли оно есть, каким ты передал его им? Или не осталось от того ныне и следа?

Похвала подвижников, жизнь пустынная, горе возносящая божественным желанием, любовию благодатною окрыляющая... Говорим: осталась ли ныне подобная жизнь и ублажается ли она ныне? Ныне презрели таковую жизнь – и презрелось монашество; обезчестили ее – и оно само обезчестилось.

Глава XXIV

Что значит иметь божественное желание, горе возносящее любовию окрыляемых

Любовью окрыляется тот, кто воздевает руки горе, вознсясь горе желанием небесной жизни. Это тот, кто поднимает руки свои от земных вожделений, вознося их к небу, дабы служить небесным, а не земным. Кто ведет жизнь монашескую с вожделением небесных утешений, в том почивает любовь благодатная, окрыляя его, как крыльями, и он возлетает сими крылами благодатной любви

к Богу; уносясь от земных вещей, становится земным ангелом, подобно преподобной Марии.

Но к подвигу преподобной Марии ныне люди относятся, как к баснословию. Ныне почитают подвиг преподобной Марии якобы неосуществимым, не верят, что такой подвиг возможен для любви окрыляемого, с вожделением подвизающегося и душою просвещенного.

Скажете: почему думаешь ты, что мы считаем сие за баснословие? Что вопрошаете о сем? Если бы вы не почитали сие за баснословие и болтовню, то как могли бы тогда поступать столь противно, вопреки благодатному пути подвижничества? Отчего же презрели вы путь монашеской жизни, как не из-за неверия вашего, умертвили в себе смирение, воскресили гордость, обольстившись приманкой непокорства, из-за которой перестали покоряться пути монашеской жизни, добровольно пригвоздились гвоздем кичливости к скале погибельной суеты, пленившись в любостяжание, хищение, ложь, неправду, убийство, гнев, враждование, неблагодарность, осмеяние, немилосердие, сребролюбие, которое иначе называется идолопоклонством...

Глава XXV

От пленения любостяжанием возжигаются блудные страсти: сластолюбие, человекоугодие и лицемерие

От пленения любостяжанием возжигаются блудные страсти, говорим: сваление, малакия, мужеложство, мужестрастие и прелюбодеяние.

Эти развратные страсти, в свою очередь, возжигают страсти обжорства, сластолюбия, похвальбы содеянным злом, прожорливость, тайноядение и прочее. Человек впадает в разврат, грязнит целомудрие, становится рабом всяческих страстей.

Зло терпят не только те, которые на деле предаются любостяжанию, но причастны бывают зла и те, которые в тайне ума своего возделывают таковые грехи. От пристрастия к земному вы впадаете в человекоугодливость, лицемерие, фарисейскую похвальбу, заботу о своей наружности, украшаете себя со вне рясами, чтобы казаться якобы и на самом деле ведущими монашескую жизнь... Внутри же вы исполнены смрадом зловония по вине вещей земных, т. е. ради пристрастия к ним.

ГЛАВА XXVI

Горе старцам, у которых ведут себя развратно подчиненные им послушники

Ныне и среди послушников находятся такие, которые с безстрашием возделывают пагубные блудные деяния, деяния мужеложцев. Есть ныне и среди новоначальных таковые.

Горе старцам, у которых состоящие под их началом юные имеют промеж себя таковое деяние, а старцы не увещевают их об исправлении!..

Кажется, сами старцы имеют пристрастие к своим юным, а потому и не желают исправлять их... О, несчастные старцы, вы слышите слухом вашим, видите оком вашим, что между какими-либо двумя братиями развивается прелестная дружба, но не делаете пременения их прелестному согласию, т. е. не разлучаете их, или не изгоняете развращающего, чтобы исправить таковое беззаконие и освободить послушников ваших от ига людей развратных, сваливающихся, подобно свиньям, между собою и увлекающих их в пути мужеложства, в такой пламень огненный, от которого даже бесы трепещут!..

Хотя бесам и свойственно соблазнять естество человеческое в страсть мужеложственную, но когда эта треклятая грязь мужеложства начинает совершаться между людьми, тогда и бесы трепещут, ибо бесов ужасает страшная мука, которая уготована за сие деяние, бесы боятся, как бы за соблазнение в сей грех не заключили и их туда.

ГЛАВА XXVII

Убеждение хранить целомудрие и остерегаться пристрастия к юным

О, преподобнейшие священники, священномонахи и вы, досточтимейшие монахи, находящиеся здесь в честном спасительном сосуде! Почему не держите в себе спасительной чистоты и целомудрия, но обрела место среди вас некая нечистота мужеложственная? (Следует заметить, что под нечистотой мужеложственной подразумевается не только самое мужеложство, но и сердечное пристрастие

одного брата к другому или преувеличенная взаимная симпатия, распаляемая врагом, что относится к нечистоте мужеложства, ибо все это есть зародыш противоестественной страсти). Увы, кто свободен от этой брани, называемой древними отцами «страстию постыдной!» (см. авву Дорофея).

Следует остерегаться и сего первого пристрастия[1], доводящего до страшного греха, от которого трепещут бесы, имея страх того нестерпимого пламени огненного... Земля трепещет, когда глядит на сие треклятое деяние мужеложственное; как же вы осмеливаетесь возделывать ужаснейшее беззаконие треклятейших мужеложцев, которые не чувствуют, что станет с ними и что будет им после... Ныне время соблюдать себя от грядущего пламенного огня отмстительного...

Если демоны здесь трепещут, тем паче подобает остерегаться сего вам. Но бес ныне кует по обычаю бесовскому, т. е. раздувает угли, накаливает железо плоти человеческой огнем страстей и сокрушает молотом, люди же, слушая такое кование, падают ныне на наковальню бесовскую. Говорим: ложится человек всею мыслью своею под молот блуда, сластолюбия, зависти, неблагодарности, обиды, любостяжания, под молот мужеложства, малакии... И в другие ужаснейшие страсти уклоняются люди ныне. Мало-помалу все больше и больше стремятся люди на наковальню бесовскую и лишь к сему прилагают усиленное попечение. Говорим: возымели люди ныне попечение о красотах тленных, о наслаждениях земных, попечениях головокружительных и помрачающих многосуетствах. Вожделение похоти и возбужденная страсть есть как бы некая язва рака в человеке, которая сама собою все больше и больше проникает в тело и растлевает. В ком она возникла, тот стремится предаться ей, растлевается многопопечением тленного похотения, обуревается многошумием сокровиществования, помрачает себя многоразнообразными и похотливыми постройками, похотствует созидать палаты великие и красивейшие, дабы валяться в них, подобно свиньям, во блате распутства, позабыв Всесильного Бога, дабы соделывать с безстрашием мужелюбодейную противоестественность, возделывая постыдное беззаконие.

Прежние пустынники, имевшие благодать Всесвятаго Духа, взирая на сей пламень огненный, т. е. видя в себе возгорание страсти мужелюбной и ощутив пламень сего, убегали в горы и пещеры, чтобы не иметь никакого обращения и собеседования с юными, чтобы не настигло их пламя похоти и не повлекло внутрь пламени огненного, которым наказуется сие проти-

[1] Т. е. внутреннего мужеложства — мужеложства помыслов.

воестественное беззаконие. Сие противоестественное беззаконие удаляет человека от Бога. Сие проклятое беззаконие удаляет от благодати Божией! Сие проклятое беззаконие удаляет от благодати Божественного Крещения! Сия проклятая любовь плотского деяния, ма́лакийного беззакония удаляет от благодати девства, растлевает елей целомудрия, гасит светильник молитвы и затворяет врата покаяния.

Когда человек окажется внутри пламени огненного, то взыщет он тогда милости покаяния и скажет: «Господи, отверзи нам». Господь же милостей и щедрот, являвший безконечное милосердие Свое, ответит ему так: «Аминь, аминь, говорю вам, не вем вас, отступите от Меня все делающие беззакония!»

Глава XXVIII

Бдите и берегитесь любостяжания

О, преподобнейшие отцы, живущие в сей Святой Горе, почему вы не бодрствуете в молитвах, ибо не знаете ни годов, ни месяцев, ни недель, ни дней, ни часов, т. е. не ведаете, когда наступит час смертный? Ибо се исполнение назначенного числа лет жизни приближается, и блажен тот раб, его же (Господь его) обрящет бдяща, недостоин же паки, его же обрящет унывающа; блюдите убо, о, преподобнейшие, в монашестве пребывающие, да не сном греховным отяготитеся, да не смерти преданы будете, но воспряните, взывая со смиренным и сокрушенным сердцем, т.е. восставайте на молитву пред Женихом Божественным, прибежищем нашим, Его же трепещут и трясутся херувимы и силы небесные; возопийте: «Приими нас кающихся». Явите покаяние свое пред безграничной милостию милосердия Его, с которым Он долготерпит и долготерпел вам доныне. Однако вы ныне прогневляете Его еще больше, усиливая против себя негодование Божие. Вы сами ищете того, чтобы пришел гнев Божий на вас. Бог долготерпит, но вы Его прогневляете. Бог вас милует по безграничной милости, но вы побуждаете Его негодовать на вас. Бог милосердует о вас по безграничному милосердию Своему, но вы навлекаете на себя гнев Его ради беззаконий ваших. Наказанием будете наказаны вы за деяния, которые содеяли и делаете доныне. Спросите: какое деяние мы содеяли, и какое возделывание возделываем? Что вопрошаете меня о сем?

Аминь, аминь, глаголю вам, никогда не имеете вы ока ва-

шего к праведности, т. е. никогда ни о вещах, ни о людях, ни о событиях не судите праведно и справедливо, но всегда пристрастно, прелестно или мнительно; никогда не имеете ока вашего в целомудрии; никогда не имеете ока вашего во смирении, т. е. ума; никогда не имеете ока в посте; никогда не имеете ока кротости; никогда не имеете ока любви; никогда не имеете ока безпопечительности; никогда не имеете ока нестяжательности; никогда не имеете ока милосердия; никогда не имеете ока взаимной любви. Соединяетесь и едино бываете в неправде; соединяетесь и едино бываете в нечистоте ума; соединяетесь и едино бываете во гневе, презорстве, враждоборстве, заботном многошумии, сребролюбии, стяжании сребра, злата и дел рук человеческих; соединяетесь и едино бываете в хищении неправедном, в осуждении взаимном, в оклеветании, в замыслах о предметах вещественных; соединяетесь и едино бываете во всех земных делах земли. Такое единение творите и так соединились вы со всем этим, как древо соединяется с плющом. Когда древо совокупится со плющом, то плющ будет господствовать над древом.

Спрашиваю я вас: когда совокупится плющ с древом, чье естество хилеет – древа или плюща? Ясно, что естество древа расслабляется, плющ же становится господином над древом.

И ныне люди совокупили монашескую жизнь с волнением о мирских предметах, соединились с сею заботою мирскою, как древо с плющом, соединились с попечением о многоразличных снедях, с многосозиданием палатных зданий, с мягкими ложами ради плотского угождения, чтобы укреплялась плоть, а душа в этих палатах заражалась бы проказою.

Глава XXIX

У монаха-любостяжателя лишь одежда овчая, а сердце волчье

Ныне о сем только и заботятся, т. е. о стяжаниях, насаждениях и сооружениях земных; из-за сего только и волнуются, и сими помрачаются; носят лишь одежду овечью, сердце же имеют волка; волк есть зверь неукрощаемый; так и они, т. е. любостяжатели, свирепствуют против монашеской жизни, подобно диким зверям, звероумышляют друг друга, как бы одному одолеть и низвергнуть другого, говорим: малый великого и великий малого; т. е. великие в монастырях притесняют малых келлиотов, а младшие

в обителях уничижают старших – так, что не различишь, кто здесь великий и кто малый!..

Воистину, право то сказанное слово, что придет время, когда не будет признаваться голова ногами и ноги головой... (т. е. иссякнет любовь и доверие между начальствующими и подчиненными).

Ох, ныне настало время, когда всюду творится беззаконное правонарушение, люди преступают права друг друга, сутяжничают друг с другом, стараясь опередить один другого в жалобе; один на другого старается первым напасть, а тот тому старается отомстить!..

Вследствие сего утратил человек сущность монашеской жизни, главизну спасения, т. е. взаимную любовь, мысленное преосияние; облекается лишь в шкуру овечью, сердце же у него – волчье, помысел – львиный, разговор – змииный, хотя в беседах и говорит по-овечьи.

Говорим: человек облекается в схиму ангельскую, чтобы вместе с этой схимой иметь дар кротости, т. е. дабы укротить себя чрез отречение от воли своей, от плоти своей и всего земного; однако ныне такого намерения не хранят, но удерживают некое человекоугодие по отношению к естеству человеческому, т. е. к плоти своей; ревнуют о благах вещественных; имеют только образ кротости, подобный овчему, сердце же и нрав их является волчьим, ибо нисколько не укрощается и не приходит в кротость. Говорим: в их сердце нет никакого покаяния; они знать не хотят о том, что называется праведностию – по дикости мысленного расположения своего, потому что мысль их помрачилась от тленных житейских вещей.

Из-за тьмы вещественной суеты люди до того помрачились, что одичали, по мысленному расположению своему уподобившись львам; ибо, как львы, свирепствуют против монашеской жизни; погибелью погубили ее, погубили самих себя и свое спасение.

ГЛАВА XXX

Обличение самооправдания любостяжателей

довитою беседою разговаривал змий с Евою, сказав: «Если сделаете, как я говорю вам, то будете богами»; исполнив сей совет, прародители омрачились, утратили божественные дарования и стали земледельцами. Так и ныне, кто покидает духовное делание и стремление к

созерцанию ради возделывания земли, тот сим являет, что принял совет змия.

Оправдываясь в своей заботливой многопопечительности, иноки говорят: «Хотя делом мы и возделываем земное, но мыслью мы чисты, страстями не соблазняемся». Если же занимаемся устройством прекрасных садов и громадных домов, то творим это ради того, чтобы в них иметь покой, ибо когда плоть покойна, то покойна и душа; если же плоть не будет иметь упокоения, не будет иметь упокоения и душа; спасение же от наддостатков вещественных не облегчится; все равно, как и искушения не прекратятся, а страсти не престанут нападать на нас». Такими змииными изречениями соблазняют они каждого человека, чтобы он упражнялся в земных попечениях и заботливом многосокровиществовании. Слушая такие рассуждения, и другие люди начинают возделывать земную суету, утрачивая подвижническое деяние, а спасение души совсем выкидывают из головы своей.

Выкинули из головы своей самое слово «спасение», облеклись в слово погибели. Говорим: прежде имели заботу о спасении, именовались подвижниками ради возделывания духовного подвижничества; ныне же именуются «строителями», так как всецело вдались в постройки... Ревнуют о насаждении плодоносных и прекрасных дерев, чтобы от этого жилище их стало еще более многоценным, чтобы от того была им великая честь и продажная цена жилища превосходила цену других жилищ. Когда, наконец, будет это жилище дороже других, то другие, видя, какую большую ценность приобрело оно ради древесных насаждений, и сами зачинают умножать продажную стоимость своих жилищ, т. е. разделывать сады; со взаимным осуждением препираются о стоимости, корят и порицают взаимно жилища друг друга, говоря: «Такой стоимости это жилище не имеет, как мое; мое больше стоит против жилища другого, ибо украшено церковью, систерной, садом, плодовыми деревьями различных сортов, а то жилище, что сосед имеет, за что его ценить так дорого, когда оно и равняться с моим не может?» Начинаются в человеке с такими мыслями змиины психлафизмы, т. е. мудрования лукавые и плотские, мысленными советами окружая его помысел; бывает с ними то же, что у Адама с Евой, которые, приняв те психлафизмы, изгнаны были из жилища своего; цель лукавых советов змииных одинакова и по отношению к монахам; она состоит в том, чтобы удалить их от уготованного им небесного вечного жилища, дабы, видя потом издали свое утраченное жилище, они горько плакали и вопияли, подобно Адаму с Евой...

Так и лишаются люди своего небесного удела...

ГЛАВА XXXI

Обличение скитян в увлечении садоводством

Ныне скитяне стали подобны садовникам, а посему заслуживают имена не подвижников, а садовников.

С великим трудом они удобряют и питают дерева, плодоносят разнообразные плоды; собирают с сада плоды насажденных древес, разносят их по келлиям, по монастырям, и этим отвлекают иноков тамошних от духовного делания.

Навязывают людям свои плоды, люди по человеколюбию принимают сей принудительный дар садовника; приняв же дар, человек затрудняется, чем вознаградить садовника, доставившего ему садовый плод, говорим: каким возмездием воздать аскету, принесшему из своего сада плодовые дары: румяные и желтые, говорим: апельсины, лимоны, укроп, спаржу, авруньо, всякие травы разных сортов; травы же эти они собирали с усиленным трудом и подвигом в свой мешок, т. е. в торбу, в которую старательно уложили их; нагрузили себе на спину и ходят, как нагруженные ослы, по келлиям и монастырям, туда и сюда, приневоливая людей (принимать их товары). Когда придут в какой-либо монастырь, то с великой осторожностью вынимают из своих мешков румяные и желтые плоды, разные травы, наполняя ими свои подмышки; столько же держат под полами рясы; с сими товарами обходят по монастырским проходам, говорим: по коридорам; кружась по сим мостам, находят какого-нибудь брата и спрашивают его: где келлия такого-то брата? Брат говорит: она там-то. Торговец же инок спрашивает: а такого-то и такого-то где? Брат указывает ему место каждого, отходит от него торговец и идет к одному из тех (указанных), входит в самую келлию, вручая дары брату; брат изумляется и говорит: отчего принес он мне такие подарки? Принесший отвечает брату: «Старец мой молится за вас и посылает вам дары сии». Говорит ему брат: «Кто таков старец “ваш”»? Говорит принесший: «В таком-то скиту живет»; называет старца по имени. Говорит брат: «Пусть так, хотя я и не знаю, кто этот человек, однако, добро пожаловать, поблагодари же его от меня». Принесший ждет получить кое-что от брата в (признательность), но так как у него одарить того было нечем, то он и не одарил его. Торговец бежит расстроенный, что ничего не получил, идет к другому, там терпит то же самое;

бежит и оттуда, идет к третьему, тот кое-чем вознаграждает его; принесший скорбит, что мало получил. Так и возвращается он обратно, не успев в своей неправде. Неправда же его заключается в следующем.

Любоодаряет неправолюбодавец какого-либо брата, ожидая получить от него много больше против своего подарка. Это и есть неправедность, ибо избыток, который торговец хочет получить от брата, давая ему нечто малое, чтобы взамен дара своего получить большее, есть неправедность. Посему и имя монахам, делающим таковая: неправолюбодавцы. С неправдою своею кружатся они по монастырям, чтобы любоодарять; делают эту неправду с лицемерием, тщеславием, с угрюмым лицом; придают себе образ кичливого смирения, кичась тем, что из такого-то скита, живут на месте скалистом, т. е. в скиту святой Анны, в скиту Кавсокаливском, или в других скитах, находящихся в Горе сей, сосуде спасения. Теперь же они стали – спасение-убивающими, спасение-умерщвляющими и погибель-воскрешающими; воскрешающими ту самую погибель, которую прежние отцы умертвили, нынешние же люди ее воскресили, восстановив в своей монашеской жизни.

Глава XXXII

Искательство милостыни от богатых. Закхей

Говорим: таскаются туда и сюда, ищут милостыни, заискивают ее от тех неправедников, которые зло творят и обижают бедных, говорим: братьев наших меньших; бедных обижают до такой степени, что похищают у них все, что есть. Брат наш, бедняк, бедствует смертельно, подвергаясь опасности погибнуть не только смертию телесной, но смертию и душевной. Сколь много бедняков погибли в аду из-за насилия тех неблагодарных богатых христиан. Эти хищники, обидчики, неправедники, несытые обидами, обидев братьев наших и, потом восчувствовав сию неправду, приходят к духовнику, исповедуя свое беззаконие; духовник же ныне, будучи непотребен, услыхав исповедь от неправедного обидчика, говорит ему: «Сотвори милостыню монастырям, дай и мне, чтобы я поминал тебя в молитвах моих, и помилует тебя Бог». Несытый неправдами говорит духовнику: «А если я так сотворю, то за это душа моя обретет милость?» Духовник говорит: «Если сотворишь так, как я говорю тебе, то обрящешь милость для души твоей, будет спасение дому твоему, – и

часть твоя будет с частью Закхея» (подобна Закхеевой).

Услыхав это, обидчик сотворил милостыню монастырям, дал также и духовнику, согласно обещанию духовника, что богач за это получит милость для души своей и будет спасение дому его подобно, как было Закхею.

О, несчастные духовники! По кичливости и ради вашей выгоды рассуждаете вы так. Да, Иисус Христос возвестил Закхею о спасении дома его, но каким образом сделался дом Закхея спасенным? Послушай и увидишь.

Услыхав, что есть спасение для людей, Закхей восхотел и сам спастись, но помрачен был житейской заботой, имея притом горделивейшую начальственную власть. Суета человеческая и греховное волнение становились преградой для Закхея в спасении его. Увидал Закхей, что запинается он в спасении своем, познал, что запинает его суета, говорим: неправды человеческие, из-за которых он не возмогал увидать спасения своего. Тогда сказал Закхей: если удастся мне увидать спасение мое, то отдам я четверицею тому, кого обидел, против обид его. Стал Закхей расспрашивать, как ему увидать спасение свое, говорим: Христа. Христолюбцы говорят Закхею: «Если не оставишь горделивейшего начальства своего, не станешь на путь смирения и не взойдешь на высоту самоунижения, не возможешь увидать Спасителя твоего, Который воплотился ради тебя». Услыхав такое слово, Закхей оставил горделивейшее дело обидчиков, говорим: откуп казенных даней, – и стал на путь спасения, по которому имел шествовать (прийти) Христос, Спаситель мира.

Когда Закхей там стоял, увидал, что идет Иисус с великим множеством людей; так как Закхей был мал ростом и не в силах был увидать Иисуса, то влез на смоковницу и пребывал на ней, ожидая когда придет Иисус. Таким образом, чтобы обрести спасение свое, Закхей возвысил чувство мысли своей на высоту смиренномудрия, тело свое он вознес на высоту древа, дабы увидеть Иисуса. Видит Закхей с вершины дерева, на котором находился, идущего Иисуса. Поравнялся с ним и Иисус, и говорит ему: «Закхее, поскорей слезай; сегодня в дому твоем подобает Мне быть». Не сказал ему Иисус продавать имение и раздавать милостыню, но Закхей сам от себя пожелал раздать милостыню и возместить обиды четверицею.

Услыхав слова Иисуса, Закхей «разоблудился» (т. е. разлучился от прелести злата и власти), и сказал с радостным сердцем: вот, Господи, раздам я имения мои нищим и, если кого оклеветал, возвращу четверицею – так как Ты милостиво принял меня и хочешь приити в дом мой, то я сотворю это любодарие, ибо я ищу Тебя, а Ты Сам взыскуешь (уже) меня;

я ищу (лишь) черты Лица Твоего увидать, Ты же и в дом мой хощешь прийти; да будет же воля Твоя, чтобы приять меня и в дом мой прийти!»

Видите ли, духовники, каков был Закхей и каков тот обидохищник, которого вы уподобляете Закхею, который грабит бедняков.

Да, хищник ищет исповедаться, но не так, как Закхей, не с сердцем сокрушенным, не с полным раскаянием. Закхей с сокрушением сердца своего восполнял неправды четверицею. Закхей не милостыню стал раздавать, а четверицею обиды возмещать. Ибо, если до малого не отдать того, что похищено, милостыня не принесет пользы человеку нисколько[1].

Вы же, нынешние духовники, как решаетесь (досл.: берете на себя) благословлять обидчиков, т. е. раздающих милостыню, но не возмещающих неправд, говорим: тех, которые пребывают в неправде?! Есть люди, безумные в мысленном рассуждении своем, которые заботятся не о том, чтобы милостыня их была спасительной, а лишь о том, чтобы быть хвалимыми за милостыню, кое-что малое жертвуют, а потом много похищают с хищнической неправдою своей. А вы, духовники, определяете таким давать милостыню по монастырям, просите милостыни от них и себе, якобы за молитвы. Цель ваша, собственно, та, чтобы у неправедников похищать неправды, а не та, чтобы исповедывать и исправлять человеческую душу.

Кто за исповедь даст сребро и злато, которое приимет духовник, то не будет толку, ибо ради этого, как человек, он опять впадет в тот же грех, в котором исповедался; начнется у такого человека брань с грехом, человек не стерпит брани и скажет: «Соделаю я сегодня сей грех, а духовник за подарок мне отпустит». И вот, согрешив, начинает он с того, что, во-первых, приготовляет дар духовнику, а потом опять соделывает свое беззаконие...

Глава XXXIII

Горе духовникам, небрегущим о спасении душ

«С человеки делающими беззаконие не сочтуся и со избранными их». (Избранными здесь именует святой духов-

[1]Преподобный настаивает, конечно, не на арифметически точном материальном возмещении материального же ущерба, а на силе покаянного настроения, хочет сказать, что надо живо восчувствовать «сердцем сокрушенным» нанесенные обиды, а не уповать на одну лишь денежную милостыню.

ников нечестивых). Увы тебе, который не исправляешь пороков в себе! Говорим: горе тебе, духовниче, если ты своих собственных пороков не исправляешь! Ох, увы тебе! Горе вам, духовники, духовное управление держащие не богоугодно. Вместо того, чтобы приносить пользу для душ, вы не оправдываете их. Говорим: подвергаете души осуждению во ад, вместо того, чтобы пользовать их, т. е. способствуете погибели душ. Скажете: чем же мы подвергаем осуждению во ад? Мы, напротив, стараемся исправлять душу во спасение, а ты говоришь, что осуждаем во ад; как это?

Аминь, аминь, говорю вам: не удерживаете[1] вы язык свой от исповедной тайны. Никогда во устах ваших не имеете вы молчания, т. е. должного молчания и должного удержания языка. Никогда не имеете в беседе вашей, т. е. в сообращении с духовными чадами, должного целомудрия. Никогда не имеете в себе должного страха Божия. Никогда не имеете должной заботы об очищении душ человеческих. Никогда не имеете должной заботы о присоединении заблудшей овцы, чтобы воссоединять со стадом душу человека; предоставляете им погибать в рассеянии погибели и они рассеиваются по аду. Никогда не имеете в себе должного благоразумия, чтобы приобрести какую-либо благоразумнейшую душу, т. е. человека, который желал бы услышать и вразумиться словом истины, который готов был бы последовать учению правому, – но оставляете их погибать от неведения в аду... Вы сердца людей наставляете на путь «словес, лукавствия», – «непщевати вины о гресех», т. е. учите людей пренебрегать грехом, а не хранить и очищать себя от него, – «с человеки делающими беззаконие» в союзе вы, и «не сочтуся со избранными их», т. е. за это не сочетается с вами Бог, как с нечестивыми избранниками человеческими.

Видите ли вы, ведаете ли, понимаете ли, как отстраняете вы души человеческие от единения с Всесвятым Духом, объединяя их во един союз с лукавыми грехами, – или нет? Соединились вы и стали союзниками с волком, содружившись с ним.

Некий человек сделал загон (овчарню); взяв свое отеческое достояние, израсходовал его на овец; собрал туда овец, которых купил для овчарни, и, поместив их внутрь, загородил овчарню; к дверям же овчарни приставил пса, чтобы он стерег овец. Собака с таким старанием сторожила и оберегала от их волка, что ни одна овечка не пропадала из овчарни; когда же волк подходил к овчарне, то она так шумела, т. е. лаяла на него,

[1]Конечно, разумеются здесь не все духовники, а лишь недостойные.

что волк пугался и убегал. Увидав, как волк пугается и убегает от собаки, домовладыка утвердил тогда собаку над овчарней, передав ей свою собственную домогосподственную власть над овцами. После сего волк уже и вовсе не смел приходить к овчарне; овчарня пребывала в покое и несмущаема была волком.

Родил пес чадо, чадо стало прекраснейшее, и прозвалось оно прозвищем «скорбящий», говорим: управление духовническое... Было и у волка семь чад всезлейших, говорим: семь смертных грехов, т. е. страстей смертных – греховных, начали эти чада волчьи всезлейшие проламывать тайно ограду и взошли внутрь к овцам, говорим: в мысль людей; стали тайно душить овец, брали кровь их, отдавая матери своей, говорим: аду; собака, увидав, как овцы погибают, похищаются из царской овчарни, говорим: из церкви апостольской, – поставила свое чадо внутрь овчарни, чтобы оно стерегло овец, когда всезлейшие волчата по обыкновению своему придут соблазнять овец, чтобы похитить их и убежать. Говорим: увидал архиерей, что губят тайно всезлейшие волчата чувство человека, что люди стали безчувственными и непокорными овчарне, говорим – Церкви, ибо всезлейшие волчата суть нечистые помыслы семи смертных деяний беззакония; архиерей избрал духовников из среды самих овец, поставил своего человека внутри Церкви, говорим: иерея, – чтобы он хранил овец от мысленного волка, дал иерею в руки и жезл железный, дабы, яко сосуды скудельничи, сокрушал их; говорим, дал и дает архиерей иерею власть, дабы имел управление духовническое и сокрушал помыслы человеческие.

Но пес овчарный начал мало-помалу сдружаться с волком, стал снисходить к нему, наконец, сделался другом волку. Видит дитя собачье, что стала собака другом с волком; начинает и оно сдружаться, и сдружилось окончательно с всезлейшими волчатами.

Спрашиваю я вас: когда станет собака другом волку, а дитя собаки другом всезлейших волчат, то не к рассеянию ли это будет овец? Каким тогда хищением будут они расхищаемы? Какому хищному нападению подвергнутся они от всезлейших волчат, говорим: от тайных, лукавых помыслов? Какими ранами поранены будут овцы овчарни вследствие дружбы пса с волком?

Когда домовладыка овчарни видит, что собака сдружилась с волком, а дитя собачье со всезлейшими волчатами, из дружбы собаки с волком овцы расхищены и поражены, когда увидит, что стадо исчезло из овчарни, то сколь сильно он прогневается тогда на собаку вместе с собачьими детями?!

Говорим: каким гневом прогневается Судия Праведный, когда будет судить архиереев, которые сделались друзьями с врагами, погубив сим столькие души?..

Глава XXXIV

Еще о духовниках, и картина гибели послушника по вине духовника

Особенно в нынешнее[1] время бес погибели до того преуспел в духовниках, что скиты низводятся из-за этого в жалкое, погибельное состояние. И в чем только не погубляют себя духовники?

Захвачены они, во-первых, ушами, слуха ради исповедного.

Духовник все, что слышал от исповедника, рассказывает с осудительным многословием, точно какую басню. Когда же раздосадуется на чадо свое духовное, то, назло ему, рассказывает его грех, который выслушал от него на исповеди.

Духовники стараются убедить исповедников быть с ними искренними, но сами не чистосердечны. Нечистосердечные духовники для досаждения человеку устраивают разные злобы: во-первых, ненависть, т. е. восстановляют одних против других; ненависть производит злопамятство, вражду, зависть, лихоимство и прочие иные подобные страсти.

Такие духовники не приносят человеку пользы, но причиняют один вред, празднословя и осуждая то, что слышали на исповеди. Исповедует иной грехи духовнику, а духовник это, как какую забаву, другому рассказывает, многословя с ложью и ненавистью.

Приходит послушник, исповедуется; начинает с того, что осуждает своего старца; духовник, имея некую злобу против сего старца, говорит исповедующемуся послушнику: «Поверь мне, чадо мое, сей старец твой многих послушников сделал бродягами. Смотри же, чадо мое, от сего дня сам за собой, чтобы тебе устоять, т. е. сторонись от него, не доверяйся ему, ибо состояние его таково, что нет ничего доброго в нем». Когда послушник услыхал таковые слова, то еще больше преумножилась в нем ненависть против своего старца; наконец, он окончательно не вытерпел, ушел от своего старца и пошел к другому. Однажды находит его несчастный тот

[1]Речь идет о XIX столетии.

духовник и говорит: «Как поживаешь, чадо мое?» Послушник отвечает: «Хорошо, молитвою твоею, святый духовник мой». Говорит духовник: «Твори терпение, чадо мое, и Бог, видя терпение твое, освободит тебя от сего человека». Послушник говорит: «Я ушел уже от того старца». Вопрошает духовик: «Ужели правду говоришь? Ужели ушел от него?» Говорит послушник: «Поверь мне, духовниче, не мог я терпеть обращения его». Говорит духовник: «Да разве, чадо мое, кому бы то ни было возможно переносить обращение его? У него такой злой нрав, что: садись, так сиди, а встань, так вставай; пошел, так иди; кто же в силах сносить такое строгое обращение». Говорит послушник: «Ради этого я и ушел от него». Говорит духовник: «Хорошо сделал, молодец ты. Но к кому же другому теперь пришел?» Говорит послушник: «К такому-то брату». Говорит духовник: «Ох, несчастный, отчего у меня не спросил? Что за несчастие приключилось с тобой, несчастный?.. Лучше было бы тебе у того прежнего сидеть, нежели у того, к которому ты пришел». Говорит послушник: «Этот хороший духовничек». Говорит духовник: «Какой он хороший – сам попробуй, сколько в нем добра. Я исповедовал его, а ты теперь говоришь мне, что он хороший? И ты с ним ныне живешь!» Когда услыхал это послушник, начало сердце в нем остывать к монашеской жизни. Приходит он в келлию свою, начинает размышлять и раскаиваться в том, что пришел в эту Святую Гору, сосуд спасения. Сожалея о сем, начинает ссориться со старцем своим, по содействию диавольскому, идет, наконец, к духовнику, чтобы сказать ему помысл свой. Слышит духовник, что поссорился он со старцем своим и говорит ему: «Ведь говорил тебе, чадо мое, что ты не для него; уходи, я помещу тебя к такому-то старцу; человек он хороший, богатство у него хорошее, деньжонок имеет много, сад прекраснейший с разными деревами, апельсинными, лимонными, смоквами и прочими плодами; какой же тебе рассчет быть у того неприветливого, у которого ты сейчас?» Говорит послушник: «Но этот возьмет ли меня?» Говорит духовник: «Я ему скажу, чтобы взял. Только погоди здесь, а я пойду скажу им, чтобы тебя взяли». Итак, идет он, говорит им, принуждает взять его; те говорят ему: «Пусть придет». Духовник же говорит: «Он стесняется прийти, но я его сам приведу сюда». Итак, идет, приводит его, представляет им, начиная при сем осуждать прежнего старца пред ними, что он-де такой и сякой. Наконец, послушника, ради любви к духовнику, принимают, и живет он некоторое время там. Однажды вышел у старцев с духовником спор из-за пустяков, духовник с ними рассорился. Отыскивает он послушника

и говорит ему: «Послушай, чадо мое, я тебя здесь поместил, но тебе здесь не хорошо, потому что они такие и сякие». Говорит послушник: «Мне и самому кажется, что мне нет добра у них». «Так ты и сам сознаешь, что здесь нет тебе добра, потерпи, пока я не найду тебе другого хорошего места». Терпит послушник в ожидании; еще пуще прежнего он начинает обуреваться; в таком борении ему приходит помысл и говорит: доколе будешь обуреваться и не пойдешь в место твое послужить родителям твоим, которые там остались и им угрожает опасность погибнуть от агарянина? Говорит послушник, сопротивляясь помыслу своему: духовник не пустит меня. Отвечает ему помысл его: не говори духовнику, что идешь служить родителям твоим; скажи, что надо справить одно дело, что идешь получить имущество свое. Идет он к духовнику своему и говорит так. Духовник говорит: «Хорошо, пойди, а когда придешь, к этому больше не приходи, я подыщу для тебя другое место к твоему приходу». Отправляется послушник и идет в место свое, жительствует там некоторое время в доме своем, под влиянием бесовским соблазняется желанием жениться, к этому его начинают соблазнять и люди, говоря: «Что смотришь на то, что ты монах? Если ты монах, то следовало бы тебе быть во Святой Горе, где нет женщин, а раз ты ныне в миру и похотствуешь на женщин, то что за польза с монашества твоего?» Услыхав такие понуждения от мирян, сбросил он с себя ангельскую схиму, женился, но счастия тем себе никакого не оказал, а только осквернил душу свою.

Спрашиваю я вас: кто будет иметь бремя сие? Падет ли на того духовника тяжесть противозакония сего или нет? Никто другой не будет иметь тяготы сего противозакония, как только тот несчастный духовник, который отвлек человека от места его пострижения. Подобные духовники не суть «пневматики» (духовники), но суть «писматики» (т. е. досадители), потому что зло деют на зло. Они худую славу делают скиту интригами, ненавистию, завистью, злобою, осуждением, хищением, неправдами, лицеприятием, лицемерием, безнадежием, яростию, гневом. Так некоторая часть духовников этим совлекают одежду спасения с духовных чад своих и облекают их в одежду погибели. Одежда погибели есть то, что я выше сказал вам, а одежда спасения есть сие: вера, любовь, целомудрие, кротость, смирение, сострадательность, правдоглаголание, пост, молчание многословия, молчание празднословия, молчание осуждения, нестяжание и неозабоченность хлопотами. Сие есть одежда спасения.

Итак, если от такой одежды спасения наги будут духовники,

то простой народ будет ли облекаться в одежду спасения?

Ох, слушатели мои, поэтому и говорю я вам, что духовники нынешние облекают себя в одежду погибели; досадительными своими действиями они низводят скиты в жалкое положение, чтобы сделать на зло один другому, одному низложить другого и подложить зло свое (т. е. помешать) на зло правдивому делу.

Из-за сего ежедневно погибли и погибают столькие души в аду; благоденствует ад и бедствует Церковь!

Глава XXXV

Пристрастие к земным благам угрожает священнику страшным осквернением

Как допустимо иерею входить во святилище с враждострастием, злопамятностию? Как может иерей входить во святилище и творить поминовение, если он питает злое расположение? Да, поминаются души, поминаемые им, но увы тому иерею, который во время богослужения держит злопамятство, зависть, вражду, ненависть, осуждение, плотскую любовь, пристрастие к чему-либо, ибо сим оскверняет чувство свое, с оскверненною мыслию входит внутрь святилища и приносит жертву.

Ныне иереи, особенно иеромонахи, входят во святилище со враждострастием; с этим враждострастием столь гневаются, что доходят до брани; когда берут сосуды святые и просфору, и говорят: «Благословен Бог», – мысль их еще препирается с противником своим. Когда они говорят: «В воспоминание Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа», начиная проскомисать, то и тут воспоминают оскорбившего их врага; иерей гневается на него и говорит (мысленно): «Я тебе сделаю так, что продашь ты дом свой и уйдешь отсюда, бес ты такой!» Дальше говорит: «Помяни Господи...», а мысленно: «Увидишь, бес ты такой, что я тебе сделаю, заберет тебя гнев Божий!» – «Помяни Господи...», а мысленно: «Не боишься ты Бога, проклятый Богом, что отнимаешь от меня место мое?..» – «Помяни Господи...» – «Столько времени я имел то дерево в моем владении, а теперь ты отнимаешь его у меня? Проклятие за это получишь...» – «Помяни Господи поклонника Мануила...» – «Этакий проклятый, оттеснил меня отсюда, а другой тебя оттуда вытеснит». Или: «Вы дом свой купили, а мне он достался даром, и такие проделки вы со

мною делаете? Ни в каком случае я с этим не помирюсь!..» – «Помяни Господи...» – «Заплати мне за все расходы, которые я на это израсходовал сегодня, и тогда я уйду!» – «Помяни Господи...» – «Уйду я, но сделаю и тебе, хоть и душу свою погублю, за то, что ты мне сделал и отобрал от меня дерево. Никогда не забуду я того. Говоришь, что место это собственное твое, а когда оно было твоим собственным, треклятый ты такой?! Какие твои права на него, бес ты такой! Говоришь, что место это твое собственное?»

Столь возмущенный иерей воздыхает и говорит: «Ах, когда я только выйду отсюда, чтобы тебя взял гнев Божий!» – «Помяни Господи...» – «Поверь мне, дом свой сожгу, но не поддамся этому бесу, чтобы он попирал меня!» – «Помяни Господи...» – «Послушайте, послушайте, мое это место, и не дразните меня, ибо гнев Божий заберет вас; и не запугивайте меня монастырем! Поверьте, что за это, вместе с ним возьмет и монастырь Божий гнев! Что мне делать? Послушайте, что я сделаю!.. Ах, когда же выйду я отсюда, чтобы показать тебе, что я сделаю!..»

С таким возмущением иерей приносит проскомидийное приношение. Спрашиваю я вас, какова будет проскомидия от такого иерея, и что приносит он Богу? Мерзость приношение его, или нет? Если бы он был духа и расположения благого, то следовало ему предварительно сделать разбор с противником своим, умириться в сердце своем, потом лишь вступать внутрь святилища, дабы делать милость мира жертву хваления, а не входить с гневным возмущением внутрь святилища, чтобы приносить жертву свою.

Глава XXXVI

О том, как должно литургисать, и что есть литургия

Подобает быть умиленным и воздыхающим пред жертвенником, и с такими чувствами раздельно хлеб и вино возносить, как бы самому Кровь от Тела отделять и Тело от Крови, т. е. переживать самому распятие Господне, когда отделялась Кровь Его от Тела Его, изливаясь на землю, и паки Тело и Кровь соединять, т. е. воскресение Его переживать, прочувствовать, чтобы при совершении проскомидии во святилище приносилась бы и жертва сердечная иерея.

Тому иерею, который приступает к проскомидии, подобает

иметь очи четверные – мысленные и чувственные, ибо я не знаю, как вам и представить величие таинства жертвенного приношения, т. е. Самого Бога и Господа руками нашими.

Скажу лишь вам такое подобие: некий человек по невниманию своему попался в западню, был посажен в темницу, сидел во узах; никто не в силах был его выкупить и велие время пребывал он в заключении. Пошел отец его, чтобы освободить его, но попался в западню; повели его на то место, где находился сын его, на место, называемое Голгофа; дали отца сыну и сказали ему: возьми и принеси в жертву отца твоего, если хочешь освободиться из темницы. Так как иначе невозможно было сыну освободиться из темницы, как только принеся в жертву отца своего, то он взял и заклал его, чтобы освободиться. Но как заклал он его в жертву? Заклал с жалостию, жалел и говорил: «Как мне заклать тебя в жертву, отец мой, за себя? Если бы ты не стал искать меня, то не схватили бы тебя и не дали бы тебя в руки мои, чтобы я принес бы тебя в жертву за освобождение свое». Говоря так, заклал он отца своего в жертву с величайшим вниманием, осторожностию (бережностию) и рачением, болезнуя, пока не совоскрес с ним, и возвеселился так, как бы не болезновал. Приносил его с великим вниманием и мирной жалостию, как говорится: «Милость мира, жертва хваления» (жалость мира).

Такая жертва угодна Богу; она подобна жертве Авеля; но кто литургисает с враждострастием, ненавистно, ложью, неправдою, ропотом, жертва того не угодна пред Богом. В страстном состоянии своем он доходит до великого гнева, просфору прорезает с яростию, сердится при воспоминании своей обиды, бранится и говорит: «Вот выйду я от литургии, сделаю тебе то, что возьмет тебя гнев Божий, проклятый Богом!»

Теперь спрашиваю я вас, слушатели мои, жертва, приносимая таковыми иереями, чему подобна пред Богом? Не подобна ли она жертве Каина? Каин, когда приносил жертву, завистливо поминал жертву Авеля, которая была богоугоднее его собственной, из-за сего сердился, возмущался и гневался, ибо сознавал, что жертва его есть мерзость пред Богом.

Подобна сему жертва того иерея, который с злопамятством, с злобным расположением входит внутрь святилища; выходя из святилища, поднимает смуту против того, на кого гневается, и ни во что ставит возмутить чувства у всего скита.

Такое возмущение производят иереи, которые, озабоченные коварными злоумышлениями, входят во святилище совершать жертву, думая в то же время про себя: «Вот, погоди, только выйду я отсюда, и увидишь ты, бес этакий, что я за человек».

Выходит, собирает партию, устраивает собор, т. е. поднимает в скитском собрании старцев дело или клевету против врага своего, возмущая собрание. Так как собор не в силах покончить дело миром, то удаляются они с собора и идут в монастырь, чтобы там устроить дело свое. Монастырь же нарочно не мирит их, ибо, если ему их помирить, то прекратятся подарки от ссорящихся сторон; так и пожирают тяжущиеся взаимно друг друга, как будто не аскеты. И до того ссорятся между собою, что грозит скитам опасность погибнуть из-за раздоров их.

Глава XXXVII

Воззвание к иереям; притча о некоей рабыне, обманно сделавшейся царицей

Иерей стал хищником и мнит о себе, что чист. С хищническим попрошайничеством он похищает чужие неправды и просит у других милостыню, чтобы очищать их.

О, несчастный иерей! Очисти прежде расположение свое, потом очищай других. Если скажешь: чем же осквернено расположение мое? Послушай и увидишь. Когда приступаешь ты к божественной литургии, чтобы сочетаться с Женихом твоим Христом, то так ли ты чист, как чист Жених твой, дай ответ мне. Скажешь: как могу я стать таким же чистым, как Жених мой? Но если ты тоже не будешь чист, не будешь кроток и смирен сердцем, то как смеешь приступать к священному жертвеннику (т. е. престолу) и сочетаваться с чистейшим Женихом? Возможно ли статься тому, чтобы взял за себя царь дочь цыгана? Цари и игемоны имеют обыкновение избирать невест чистых, красивых, кротких и смиренных для сыновей своих; каков сын царев, такой подобает быть и деве, которую он возьмет, чтобы, взирая на красоту царева сына, дева любовалась бы (вернее полюбила бы его дева), и сын царев, взирая на красоту девы, также полюбил бы ее. Как возможно царскому сыну иметь супругу из рода цыганского, чтобы дочь цыгана стала невесткою царя?

У некоего вельможи во дворце было много разных служанок; были мастерицы-вышивальщицы, были работницы, рабыни и другие подобные во дворце его; между этими кружевницами (или вышивальщицами) была одна дочь некоего цыгана; по внешности она была красива чрезвычайно; игемон сделал ее

дочерью своею; разнесся слух, что у игемона есть дочка наикрасивейшая и сияющая на вид. И подговорил игемон приближенных царя быть ходатаями за него и убедить царя взять его дочь за сына, в невесты ему, чтобы дочь игемона стала невесткою царскою. Царь, не зная того, что дева была дочерью цыгана, согласился и взял ее сыну своему в супруги. Была она чрезвычайно красива, точно и не дочь цыгана, но дела ее сделали это явным.

Спрашиваю тебя, иерей: какой возымел тогда царь гнев против игемона за то, что тот обманул его, загрязнив честь сына царского тем, что отдал ему в жены свою дочь? Какая кара будет и деве, обманувшей его красотою своей и осквернившей царскую кровь?

И ныне некоторая часть иереев делают подобное тому, что делал тот игемон. Как игемон выдавал дочь цыганскую за свою родную дочь, так и ты, иерей, представляешь загрязненную совесть твою за совесть якобы чистую.

Ты входишь во святилище с обманывающим твоим помыслом, якобы еси чист, но дела твои яве тя творят, что недостоин ты священства.

Скажешь: каким образом меня яве дела мои творят? (Т.е. явных грехов тяжких как будто не имею). Послушай, псилафистическое лукавнование (т. е. плотское мудрование) уже оскверняет иерея.

У иерея не должно быть взирания на псилафистическое лукавство, т. е. не должно быть во священнике никакого земного вожделения, дабы имел он очи, но зрения не имел, имел уши, но слушания не имел, имел уста, но разговаривания (т. е. о земных) не имел, имел руки, но делания не имел (т.е. рвения о земных), имел ноги, но расхаживания не имел, имел тело, но как бы не имел.

Спрашиваю я тебя, иерей, таков ли ты, как я говорю, или нет? Если в тебе сего нет, ясно, что ты недостоин.

Иерею подобает быть смиренным во взоре, смиренным в слухе, смиренным в беседе, смиренным в делании, смиренным до глубины сердца своего, как сказано: «Научитеся от Мене, яко кроток есм и смирен сердцем». Но ныне иереи не имеют такого смирения.

Ради этого прежние отцы не хотели рукополагаться во священную должность, вменяя себя за недостойных. Да, правда говорили, ибо кто может назвать себя достойным священства? Тот, который говорит, что он достоин, тот и есть недостоин священства. Поэтому у прежних отцов были монастырьки, а в монастырьках, при множестве братий, не было ни одного иерея, чтобы литургисать (но приглашали извне). Спрашиваю

я тебя, иерей: в монастырьке том, в котором много было братий, ужели не было ни одного, который достоин бы был во иерея? Ужели все были недостойны? Ей, все имели добродетель, все были достойными, а называли себя недостойными, каждый сам себя презирал, почитая себя недостойным неба и земли. Но сегодня люди (других) охуждают, а себя похваляют, якобы они достойные, чисты – нечистые, незапятнанны – запятнанные; делают сие ради того, чтобы звали их «батюшками». Говорят сегодня ему: «батюшка», и «батюшками» зовут их... «Что делает батюшка?» – Батюшка сюда. – Батюшка садись! – Где батюшка? – «Батюшка, тебя спрашивают!» Ради сего хиротонисаются иереями, чтобы их звали иереями и батюшками. Придают себе угрюмо-лицемерный вид, чтобы их и в духовники поставили. Для этого стараются поставить посредников в простом народе, чтобы им дали должность духовника. Таким способом достигают желаемого, получая название духовника, и оставляют прежнее название, «батюшки»; теперь его зовут: «духовник». (На востоке это звание особое): «Здесь духовник?» – «Где духовник?» – «Куда пошел духовник?» – «Тебя ищут, духовниче!» Слушая такое славословное имя, мнят о себе с льстящею, лживою мыслию, якобы приобрели нечто; ради этого начинают снисходить, тщеславясь и возгордившись именем своим, своим отступлением от Божественных канонов церковных.

Да, всякие способы употребляла цыганка, чтобы обмануть красотою своею, но по делам своим позналась, что она цыганка... Так и недостойный иерей, с лживою мыслию своею, успел проникнуть на должность духовника, но по деяниям своим познался, что недостоин неба и земли. Простой народ, увидев его недостойные поступки, начал покидать его и удаляться от него; те же, которые были подобны ему, продолжали сообщаться с ним и не удалялись от него, но исповедовались ему, и его словам следовали, потому что он был к ним снисходителен, снисходил ко всяким грехам человеческим (т.е. так же легко прощал и смертные грехи, как маловажные прегрешения); делались чрез сие люди погибшими с духовником, который был таким же погибшим (т. е. обременен смертными, не заглаженными грехами). С духом погибельным старается духовник погублять духовных чад своих, а в то же время воображает себе, что он кормчий их; других духовников обвиняет, как недостойных быть кормчими. Чрез эти обвинения тщеславящегося духовника проникает бес осуждения в среду духовников, ибо и другой, слыша, что тот обвиняет его, начинает осуждать сего таким же образом, начинает осуждать и других. Видя это, простой народ мнит, что осуждение

есть (добродетель) и путь спасения; начинает простой народ следовать путем осуждения, ради пути спасения; таким образом развивается проклятое осуждение, и делается язвою в человеке.

Глава XXXVIII

Обличение осуждения во время работ; наставление о том, как заниматься рукодельем и молиться

Сегодня добродетелью человека стало осуждение; где только не осуждают?

Во-первых, главизна осуждения (т. е. больше всего осуждают) за рукодельями аскетов (т. е. за общими монашескими работами вообще и в частности среди келлиотов).

Когда они берут в руки рукоделье свое, то тут же составляют един союз с бесами, работают рукоделье двух сортов: одно рукоделье – дело рук их, а другое – связующий язык их (т. е. как бы завязание ближних узами осуждения) в разговоре, устами клеветы...

Ради этого говорю вам: рукоделье аскетов бывает двух сортов: чувственное и мысленное; чувственное – это дело рук их, а мысленное – орудие делания бесовского (т. е. язык), сиречь клевета осуждения.

Сидят, протягивают неприлично пред собою ноги, ставят подле себя прялку, берут в руки веретено, служат им рукоделию своему, а языком, как ногами, начинают вертеть колесо осуждения; начинают разговор, раскачивая его языком, как ногами, колесо прялки...

Говорит один другому: «Такой-то ушел от старца своего». Говорит другой: «Почему ушел? Что он сделал? За что его прогнали?» «Нет, не прогнал он его, но, мне кажется, он налагает руки несправедливо на человека; из-за того и ушел человек». Спрашивают другие: «Правда?» Говорит другой: «Да, правду вам говорю». Говорит другой: «Не даром дал он ему столько грошей». Говорит другой: «Что меня не спросите, если желаете узнать подробно?» Говорит другой: «Расскажи-ка нам, как это было?» И начинается. Открывает тот нечистый уста свои, начинает работать языком своим, и пожирать брата своего, (очерняя его) как огонь котел; другие тоже попирают других, раскрываются здесь все грехи человека; он-де такой и сякой. Да, таков он есть, но сами вы каковы, что раскраи-

ваете, как ножницами, злое расположение человека? К собственному своему злому расположению вы присовокупляете и злое расположение другого, так как сами вы приобрели те же грехи с осудительным разговором вашим.

О, преподобнейшие отцы! Употребите средство, чтобы избежать осуждения, ибо оно есть червь диавольский, поядающий вас.

Когда садитесь за рукоделье, держите безпрестанную молитву в устах; если случится, что кто иной придет туда, где вы сидите за рукодельем, то сейчас же оставьте работу, исполните требование его, и пусть он себе идет. Потом возьмите рукоделье свое и работайте. Говорите молитву: «Господи, Господи, не отврати Лица Твоего от мене и Духа Твоего Святаго не отыми от мене!» – «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешника...» – «Пресвятая Богородице! Спаси бедную душу мою...» – «Кресте Христов! Спаси мя силою твоей...» – «Вси святии Божии, предстательствуйте о мне грешном!..»

Глава XXXIX

Сила монаха есть молитва

Сила монаха есть молитва. Если монах обезсилеет от молитвы, т. е. если не будет укреплять себя молитвою, – то обезсилеет и от дарований молитвенных, т. е. и добродетелей без молитвы не приобретет.

Младенец, если не будет сосать материнского молока, когда родится, умрет; так и монах, когда пострижется, если не будет говорить безпрестанно молитвы, т. е. Иисусовой, то погибелью погибнет.

Если младенец будет только делать вид, что сосет, а на самом деле сосать не будет, то будет ли с того какая польза? Так и монах, если примет ангельский образ, но не будет пользовать себя молитвой, что за польза ему со схимы?

Мать есть спасение; сосец – ангельская схима, а молоко – молитва. Если младенец будет звать мать свою, а молока ее сосать не будет, что пользы младенцу с матери его? Говорим: если поймет монах оправдание свое (т. е. схиму), а молитвы возделывать не будет, то чем попользует его ангельский образ.

Молитва есть дыхание. Если утратится дыхание, то как возможет жить человек?

Пусть прочитает хотя все минеи церковные, но, если молитвы глаголать не будет, то нисколько не попользуют эти

чтения; подобно тому, как и трапеза, если убрана различными видами яств и вин, но не будет здесь хлеба, то никакой пользы нет с такой трапезы.

Наоборот, если даже исчезнут с трапезы самые дорогие лакомства, но останется хлеб, трапеза нисколько не потеряет доброты своей.

Так и монах, если будет украшать церковь (т. е. читать в церкви) псалмопением, минеею и триодию – разных родов, молитвы же возделывать не будет, то не воспользуют его те чтения нисколько.

Употребляются в снедь разные кушания, вина и варева за столом, но если исчезнет хлеб, не вкусна будет трапеза. Так и с чтениями: хорошо, когда церковь украшается различными чтениями, но если молитвы не будет, то чтение одно пользовать не будет. Ибо если в церкви что-либо читается, ум же ваш в церкви не находится, но кружится там и сям, то какая вам польза с чтения?

Да, идешь ты в церковь, чтобы помолиться и послушать божественных словес, но подобает для этого, т. е. чтобы осуществилось намерение твоего прихода, и ум свой посвятить тому, и мысль свою заключить в божественные слова, чтобы не кружилась мысль там и сям, в попечениях о предметах земных, дабы не случалось того, что служба оканчивается, а монах и не заметил, когда она началась и когда окончилась.

Узда мысленным помыслам есть молитва; как только скинешь с себя молитву, тотчас же разнуздается и мысль твоя, станет бродить там и сям, как безсловесное без уздечки, отчего труд стояния твоего (в церкви или на молитве) делается пропащим.

Если же будешь держать мысль свою в молитве, то мысль твоя будет подобна скотине безсловесной, имеющей на себе узду, и ты можешь править ею, как захочешь, и будешь благодаря сему понимать божественные слова церковных чтений.

Много добродетелей у молитвы. Молитва терпит, долготерпит, удерживает целомудрие, приобретает любовь к Богу, просветляет душу и, какой бы грязью не загрязнена была душа, молитва очищает ее.

Если монах сделается безсильным в молитве из-за того, что обременит себя попечениями и мирскими кружениями (т. е. монашество вообще), то каков же станет мирянин, который и без того безсилен в молитве (т. е. мало молится) и дарований ее не имеет?

Глава XL.

О необходимости трехлетнего монашеского искуса прежде пострижения

Оставляет монах сущая в мире, приходя в монашество, чтобы спасти душу свою посредством подвигов аскетизма. Добре сотворил, хорошее дело – монашество, но что сделает монашеская жизнь послушнику, если отец его, говорим: старец, – будет спать (духовно), будет помрачен многими заботами о земных вещах? Попечение о сокровиществовании погрузило его в забвение и сего ради позабыл он о монашеской жизни.

Ангелом Божиим определено: пока не минут три года, не было бы дозволения делаться монахом. Если кто сделан будет раньше указанного времени, то не на радость будет старцу такой монах, так как он, старец, постриг его с противозаконием, т. е. зачал и родил с противозаконием, подобно родителям, противозаконновавшим во время чревоношения. Ныне же не только трех лет не соблюдают раньше пострига, но тотчас, по выходе из ложесн мира, делают монахами. Да, делают монахами, но радуются ли на них? Оставим радость, по крайней мере хотя бы назидали постриженного и объяснили жизнь монашескую[1], но его оставляют пребывать с мирскими похотьми, возделывать свое злое расположение мирского обыкновения возделывать дела мирские, и сим осквернять крещение монашеской жизни. Старец же его остается безпечным к делам постриженца своего, даже самомалейшего предостережения или порицания не делает. Стал постриженный возделывать дело мирское и всякое противозаконие, непокорство, спорливость, преслушание, ярость. Совершенно забыл, что он монах, так что, когда рассердится, выходит из себя, бросает схиму на землю, требуя, чтобы его отпустили в мир, творить там злые свои похотения.

Спрашиваю я вас, отчего это произошло с ним? Не есть ли это преступление старца его? Да, старец окрестил его, но не берег его, предоставляя злым его похотениям. Но не только постриженец осквернил крещение покаяния своего, но осквернился и старец десятерицею, за пострижение его (противозаконное без соблюдения срока искуса). Скажете: какая

[1]Увы! Сие пожелание преподобного очень приложимо и к монастырям российским (разумеем монастыри «средней руки»).

же вина старца его? Постриженец соделал противозаконие, как же старец осквернился десятерицею? Ей, осквернился, и не только десятерицею, но тьмократно, ибо если старец не годен к тому, чтобы исправлять души, то и не следовало бы ему и браться за то, чтобы делать монахов, но, раз сделал, должен был пещись со строгостию о пользе постриженного, заботиться о спасении его, а не предоставлять погибели. И творят ныне старцы, как гласит одна мирская пословица: «Окрещу и миром помажу, а там хоть живи, хоть не живи...»

ГЛАВА XLI

Для новорожденного необходимо омовение, новоначальному монаху – скорби и слезы

Осквернился младенец от зачатия первородным грехом, но крещение его очищает, очищается здесь младенец от нечистоты матери своей, про которую говорится: «Се бо в беззакониих зачат есм и во гресех роди мя мати моя» (Пс. 50). Прежде, нежели его крестить, младенца моют в воде, а потом крестят. После крещения ухаживают за ним, не дают ему делать, чего он хочет, но берегут от огня, от ножа, от падения и всякого другого вреда, пока не придет он в подобающий возраст.

Таков и человек, удалившийся из мира и пришедший в монашество. Выходит он из утробы мира (так же нечист), как младенец из утробы матери своей, приходит креститься, принимает ангельский образ. Но как он крестится? Не сразу по выходе из мира, но сначала покоряет себя под покров человека, который моет его «горчицей» (т. е. едким для глаз мылом). Ибо иначе не сойдет нечистота мира с человека. (Здесь игра слов, ибо «синапи» значит горчица, а «сапуна» – мыло). Нечистота мира весьма прилипчива; так она к человеку пристает, как полуда к меди. Сердце человека делается подобно полю, исполненному тернием, которое очиститься иначе не может, как только огнем. Как липкая нечистота (материнская) не отчищается иначе, как горчицей (т. е. мылом), так и нечистота мира не иначе отчиститься может, как горчичным трением; только тогда отлипнет нечистота и станет человек чистым. Горчица эта называется: «печаль к печали», «скорбь к скорби», «плач к плачу» (т. е. монах всю свою жизнь должен печаловаться о грехах, плакать, переносить скорби, никогда не успокаиваться от плача, но всегда быть

печальным, скорбящим и плачущим. Это и есть горчица, т.е. омывающая, как мыло, горечь.

Но, если горчица на лице, а источники воды не текут, то и тогда нельзя отчиститься человеку; опять, если и источники текут, а горчицы нет, и тут не отмыть человеку с себя нечистоту мира (т. е. одними слезами без скорбей). Источники суть – очи, горчица же – печаль, скорбь и плач. Итак, если очи не будут иметь слез, то что сделает им одна горчица? Хороша горчица для человека, но, когда нет слез, одна горчица не может очистить человека; как и мыло безполезно, если нет воды. Так и человек: если не будет плакать и источать слезы, то никогда не попользует его одна горчица; и опять же: если не будет иметь горчицы в сердце своем, не воспользуют его одни слезы. Итак, если не будет иметь горчицы и текущих ручьев, чтобы отмыть и снять с себя нечистоту мира, то как ему креститься?

Да, крещается человек (т. е. постригается безо всякого предварительного очищения души искусом), но, не имея горчицы и текущих ручьев, которые именно и приобретаются путем самоотверженного послушания, – оскверняет крещение свое. Если же будет отмываться ручьями и горчицею – тогда удалится от него нечистота. Поэтому всякому (грешнику) подобает непрестанно плакать. Но как возможно всегда плакать? Послушайте.

Если будет воспоминать человек бывшие свои грехи и тут же – вспоминать смерть и могилу, тогда все больше и больше будет плакать.

ГЛАВА XLII

Пристрастие к послушникам есть главная причина невзыскательности старцев

Где ныне такие архиереи, как тот Критский архиерей (см. ниже о ските Сервия), который заставлял много терпеть Сервия, усердно пекся о спасении души Сервия, и спас его тем; где сегодня и послушники, способные терпеть такую суровость? Они ныне не только не принимают никакой строгости, но даже слова перенести и выслушать не хотят. Где ныне такие старцы, чтобы пещись так (как старец Сервия, см. ниже) о послушниках своих, до трех лет подвергая их строгому искусу, и уже потом постригая согласно ангельскому извещению? Ныне не только не хранят

трех лет, но и трех месяцев не соблюдают. Часто старец потворствует безчинию и непокорству послушника. Это происходит от пристрастия к послушнику; тогда послушник становится старцем, а старец – послушником, окончательно подчиняя себя послушнику своему.

Так всю жизнь свою, т. е. монашескую, сотворили старцы наизнанку из-за пристрастия к послушникам своим; т. е. в древности послушники старцами дорожили, всецело покоряясь им, а ныне – старцы ухаживают и дорожат послушниками. Причина пристрастия старцев к послушникам бывает трех родов. Во-первых, если у послушника есть деньги, старец прельщается деньгами, становясь подножием ног послушника своего. Во-вторых, если послушник молод, старец прельщается плотским прельщением, дает полную власть послушнику своему и совершенно ему подчиняется. С этим пристрастием к послушнику проникает в старца бес, бес (мужестрастия), до такой степени начиная бороть его, что старец, наконец, побеждается страстию к послушнику, делая ему взоры; послушник, видя, как старец делает ему взоры, творит и сам взоры старцу; старец еще больше воспламеняется любовною страстию плотскою, пьянеет от сей любви плотской, начиная обнимать послушника; послушник, видя, что прельщается им старец (досл.: псилафизуется), начинает и сам прельщаться своим старцем; так увлекшись, боримы бывают оба, впадают в деяние свалeния, валяясь, как свиньи, один с другим[1]... Послушник, увидав, какое дело сотворил с ним старец, получает о нем худое мнение, даже за человека его не считает, считает уже за осла, больше не спрашивая старца, что надо делать и как. Старец же, видя, что не спрашивает его ни о чем послушник, сердится, волнуется, возмущается против послушника своего, но не смеет выговаривать ему, ибо, как только станет ему выговаривать, тотчас послушник начинает отвечать словами неприличными, т. е. грубостями. Тогда старец начинает каяться, плачет, гневается на себя, что так зло пострадал от послушника своего. Наконец, разгневавшись на послушника, хочет прогнать его за безчиние; прогоняемый послушник начинает ругать старца своего и говорит ему: «Вчера обещал ты мне отдать дом твой и все, что в нем, пока не исполнил со мною похотения твоего; вчера ты мне это обещал, вчера со мной творил похотение твое, а сегодня прогоняешь меня? Так знай же, что отныне и впредь не имеешь ты права ни на дом, ни на то, что в нем, ибо купил то я себе честию моей. Сам уходи и убирайся отсюда, так как преосквернил

[1]Само собой понятно, речь идет не о всех старцах, а лишь о недостойных.

ты меня, злой бес...» Старец, услыхав такие слова, печалится, скорбит и плачет.

Да, несчастный старец, ты плачешь, а вслед за этим еще острейшее будет. Что может быть хорошего для серного фитиля, когда сойдется он вместе с горячим углем? Уголь угасает, но фитиль истлевает. Так и старцы: поскольку будут они держать при себе молодых, всегда через них будут поруганы, молодой есть уголек, а старец – фитиль. Если старец с молодым будет иметь сообращение, то наверно будет тлеть, как фитиль на угле! Поэтому-то и не принимал Сервий в скит молодых (см. о ските Сервия), отчего скит избежал таких проклятых скандалов...

Кто имеет влечение к земному и не имеет влечения к духовному, тот никогда не будет приведен в страх Божий. Кто не приведен в страх Божий, тот никогда не будет приведен и в страх старца своего, всегда будет унижать его и безчестить, будет говорить старцу своему: «Я тебе, как раб работаю, тебя кормлю; какая еще нужда в том, чтобы ты мне и приказывал. Это приказанье я сам знаю, не заботься о том, что я делаю, не раздражайся, а сиди тихо и смирно...»

Старец, слыша, что дерзит с ним послушник, терпит его дерзкие слова, так как имеет пристрастие к нему и покоряется тому, что говорит послушник, – садись, так сиди, и встань, так вставай.

Если же послушник знает какое-либо рукодельное мастерство, тогда так смиряется пред ним старец, что становится послушником пред послушником своим... Послушник бранит старца, а старец смиряется под руганью послушника.

Глава XLIII

Опасность для общежитий от доступа в них молодых

Спрашиваю я вас, преподобнейшие отцы, горящий уголь, когда упадет с очага на пол, то что причинит? Очевидно, причинит вред, а если попадет на одежду, то сожжет ее. Говорим: если из мира придет молодой и попадет в скит, то что причинит он тому скиту? Осквернит он скит или нет? Ей, осквернит. Такой скит становится пред Богом как сожженное платье, т. е. платье есть целомудрие, которое страдает от допуска молодых лиц. Если же уголь попадет на сухую траву, то что причинит ей: вред или пользу? Конечно, вред, а не пользу.

Итак, сухая трава есть чин киновии. Если не попадет на это сено горящий уголек, т. е. не будет допуска юных, тогда в киновии будут жить богоугодно, по чину, не будут истлевать от плотских страстей; там никогда не произойдет соблазна.

ГЛАВА XLIV

Еще о монашеском воспитании

В жизни человеческой дети унаследуют пороки родителей. То же бывает с человеком, когда он приходит в монастырскую жизнь.

Возделывающие монашескую жизнь, т. е. подвизающиеся о том, чтобы родить в себе дух спасения, должны уподобляться чревоносящей, возделывать спасение свое с крайним целомудрием, благоразумием, тишиною и спокойствием; но всуе будут они трудиться, если при подвиге будут иметь три противоспасительных яда. Ибо эти три яда, кто возделывает их, производят забвение небесного ради земного.

Как миряне впадают в блуд, прелюбодейство и распутство, так в монашеской жизни развивается блужение духовное, т.е. впадают в многопопечения, в многосокровиществование металлов и т. п. Этот порок развивается в монашестве все больше и больше, ибо молодое поколение говорит, как дитя о родителях: отец мой и мать моя творили так же; отчего же и мне не делать того же?! Так и в монашеской жизни.

Кто становится монахом у старца, который возделывает такие злые дела, то по смерти старца каков станет сам? Очевидно, как навык, так и сам будет делать.

Отец его был старец, а мать – духовник. Если они творили такую пагубу, то что же может стать с послушниками, особенно с послушниками нынешнего времени, которые с такою легкостью уклонились и уклоняются в погибель? И откуда происходит такая легкость душевной гибели послушника? Происходит по вине старца, ибо послушник вверяет себя старцу, а старец не обличает его, не путеводит на путь монашеской жизни...

Не обличает же старец послушника и не наставляет на путь спасения – или вследствие того, что послушник принес деньги, и старец боится обличать его, чтобы он не ушел от него с деньгами, или вследствие того, что послушник красив и старец им прельщается. Тогда послушник, видя, что старец дорожит им, умножает свое зло, чтобы старец еще более к

нему пристращался... Вследствие всего этого послушник становится служителем страстей и делателем погибели. С духом многостяжания развивается в нем гордость. Он пребывает в мирских попечениях и спешит усокровиществовать вещества мира во власть свою; когда вдоволь насокровиществует, тогда начинает сокровиществовать самомнение, воображая о себе, что имеет славу мира. Мнит о себе, будто он есть державный властитель, что он нечто. Но что такое он? Смрад и зловоние. Он есть то, что он есть. Есть забвенный или забывшийся, потому что с возделыванием своим потерял путь спасения своего.

Глава XLV

Многоядение не только не подкрепляет, но расслабляет; почему теперь мы не можем так поститься, как древние отцы

Теперь люди берегут себя, как бы не простудиться и не повредить тела своего тленного, но чем больше берегут тело, тем больше оно истлевает.

Да, берегут, но как берегут? Бережение их в прожорстве, чтобы обкармливать себя различными трапезными снедями и напитывать ими тело свое тленное. Но тленное тело их, вместо того, чтобы откармливаться этими разными кушаньями, еще больше от них истлевает. Ей, растлевается человек, но почему растлевается? Растлевается тем, что ест и пьет до пресыщения, ибо обильная пища обращается у него в мужеское семя. Спрашиваю вас: когда накопляться будет это семя, сквернит оно целомудрие человека или нет? Спрашиваю я вас, преподобнейшие отцы: если от обжорства образуется столько семени, что оскверняет и целомудрие человека, то как же должно растлевать от такого образования семени тело человека? Как должна растлеваться кровь из-за сласти семенной, которую волею человек начинает изливать, не в силах будучи удержаться в сопротивлении сласти?

Но кто ест с воздержанием, у того никогда не накопляется семени, не растлевается целомудрие, не беднеет он кровию своею; бывает всегда телом светел и чист, всегда поэтому преизбыточествует кровию, т. е. не расходует ее даром, и никогда не грязнит души своей, т. е. блудными грехами.

Неумеренным ядением и питием человек помрачает сердце свое и погубляет сердечную силу. Итак, сердечная сила чело-

века погубляется обжорством, душа же этим самым удаляет благодать Всесвятаго Духа, ибо человек, изливая семя свое, делается блудником, прелюбодействует, рукоблудничает, занимается малакийным свалением, или лишь мысленною малакиею, т. е. услаждаясь блудными мыслями. От сего растления гибнет кровь в человеке, а страсть такую силу приобретает в нем, что ни горы, ни холмы не остановят ее, ни леса, ни чащи не воспрепятствуют. Но человек несчастный этого не замечает. Не замечает он того, что чем больше ест лакомой пищи, чтобы окрепнуть, тем больше слабеет от накопляющегося в нем семени, вследствие чего бывает не в силах удержать свое господство над плотскою бранию, делая вольные излияния во исполнение похотения своего, которое в нем становится господственным. Особенно же губительно прожорство и непощение для монаха, ибо этим прожорством он губит себя и спасение свое, сам того не замечая.

Некоторые говорят: мы не можем поститься. По какой причине не в силах ты поститься? Знаешь ли почему? Потому, что не имеешь благодати Всесвятаго Духа; ради этого и не в силах. Итак, понудь себя к посту, чтобы приобрести благодать Всесвятаго Духа. Когда человек ест многоразличные яства, тело услаждается, но благодать отстраняется от него, и сердце человека обмирает. Не может тогда человек поститься, ропщет, когда наступает постный день или Великая четыредесятница.

Чего ропщешь, несчастный человек? Постись и воздерживайся, если хочешь, чтобы в помощь пощению твоему пришла благодать Всесвятаго Духа.

Глава XLVI

О влечении обратно в мир

Итак, если ты, монах, не призван к чадородству, то с какою целью возделываешь это обжорство, обременяешь дело спасения твоего и обновляешь делание распутства? Очевидно, ты раскаиваешься в том, что стал монахом, но какая польза в том, что ты в этом каешься? Ведь ты дал слово – обещание пред царскими вратами алтаря, это твое обещание записано; как же возможно тебе каяться в том, что ты вписался? Попекись же о том, чтобы не быть тебе побежденным и не оказаться в плену Денницы.

Если ты, раскаявшись, вернешься в мир, то не думай, что возможно тебе сделаться хорошим мирянином, не выдержишь

ты возделывания добродетелей, не выдержишь пути мирского, не понравится он тебе; и не вожделевай его. Ей, говорю: не вожделевай. Но, что пользы, напрасно теряю я слова мои (т. е. кто уже настолько помрачился, что возмечтал о супружеской жизни в миру, тот не послушает слов сих). Вы объяты возделыванием жизни мира сего; если я вам и стану говорить, не попользуют вас слова мои, ибо помрачились вы возделыванием мирским. Час от часу все больше влечет вас мир и вы отправляетесь в мир за сбором, под предлогом нужды.

ГЛАВА XLVII

Уподобление осуетившихся монахов израильтянам в пустыне

Нынешние монахи, едя и пия до пресыщения, прожорствуя с многообразною пищею, собирают себе тяжесть, накопляют семя в части спинного мозга, и тогда это семя насилует человека; не в силах будучи терпеть, инок начинает роптать, сердиться и возмущаться, что отрекся от брачной жизни, подобно израильтянам против Моисея. Так как не в силах были израильтяне возвратиться в Египет, то уклонились в идолопоклонство. И монахи сегодня, едя и пия, усиливают свое плотское сладострастие и, не в силах будучи вернуться обратно в мир, уклоняются к попечительной жизни мирской; эта попечительная жизнь мирская пред Богом есть идолопоклонство. О, монаше! Оставь путь жизни мирской сей; смотри, чтобы тебе всегда шествовать по пути спасения и не презреть обетов жизни монашеской, как скит Сервия.

ГЛАВА XLVIII

Сказание о чудесном вразумлении одного скупого игумена, урезывавшего довольствие братии в одной обители Костамонитов

древнем общежитии Костамонитов был один игумен весьма сребролюбивый, если у него кто-либо из должностных лиц бывал тоже сребролюбив и обкрадывал (т. е. урезывал от братий недодачей должного) довольство, то игумен любил и почитал его как второго бога. В особенности

же такими были дохиар[1] и трапезар, сребролюбивые от природы. Сребролюбие их выражалось в следующем: когда полагалось на расход выдать 8 литров вина в день, они расходовали только 5, а воровали 3. Если полагалось израсходовать 7 ок сыра, они воровали 3. Если полагалось на расход 50 хлебов, они воровали 20. Почти все, что употреблялось за трапезой, они воровали и не давали братии насыщаться ни одного раза. И из-за этого – одни крали, а другие, не имея что поесть, – роптали; вопль братии дошел до Бога. Увидев такой вопль братии, Бог утешил их следующим образом.

Послал Бог ангела Своего, сошел ангел в трапезную дохиарню и сел на окне; была к этому окну подвязана корзина с разными сортами пищи; когда служитель накладывал сыра, и притом неправедно, тогда ангел простирал руку свою (к корзине), брал из общего запаса пригоршню и выкидывал вон за окно. Также брал вино и выливал наружу, брал хлеб и выкидывал вон. Потом протянул руку к верху (т. е. поднялся в верхнее помещение, где была казна), взял горсть золота и выбросил вон за окно. Увидал это один старец, именем Захария, и возвестил игумену. Игумен, услыхав это, выругал его и сказал: «Оглупел ты сегодня в старости твоей, несчастный. Убирайся отсюда, старый дурак». Старец, увидав, что игумен выбранил его, положил метание. Когда он положил метание, пришло к игумену письмо и гласило, что трое братий попались в плен к безбожникам, и что безбожники требуют за них выкуп. Пошел тогда игумен в казну, чтобы послать сколько требовали на выкуп, смотрит и видит, что казна совершенно пустая. Смутился он, поднял крик, что обокрали казну; смутилась весьма и вся остальная братия. Захария же говорит: «Не смущайтесь этим, ибо я знаю, кто взял деньги». Игумен зовет его и спрашивает: кто взял золото, если говоришь ты, что знаешь?

Говорит Захария: «Да, я знаю, кто взял золото». Говорит игумен: «Кто же взял?» Говорит Захария: «Тот, который сидит на окне; вот уже семь дней, как я его там вижу; до сего дня он там сидит; спрашивал я его и сказал ему: зачем ты это делаешь и хлебы вон выбрасываешь? А он сказал: “Делаю для того, чтобы ты видел, что я делаю”. И я сказал ему: “Зачем же ты так делаешь?” Он же мне отвечал: “Сребролюбия ради игумена я это делаю. Пусть он себе скопидомствует, а я буду выкидывать; посмотрим, кто в выигрыше останется”. Я сказал ему, что игумен не сребролюбец, а он говорит мне: “Да, ты хорошо сказал, для простых не сребролюбец, а для

[1] По-нашему кладовщик, т. е. заведующий кладовой.

лукавых сребролюбец, ибо простые только ропщут, лукавые же воруют и тайно едят. За это я, сколько раздатчик удержит от положенного на человека, в четыре раза больше выбрасываю вон из запаса. Тот же раздатчик, если даст полную порцию человеку и уйдет человек с благодарностью, тогда я в десять крат присовокуплю и внутрь положу.

Из-за лукавства игумена, ради выгоды своей урезывающего порции у людей, угасло страннолюбие. Он изгоняет страннолюбие, ворует братские порции; поскольку он печалится о том, что много расходуется, и по скольку он удерживает, за то я в десять раз больше выкидываю из монастыря, как ты своими глазами видишь. Выбрасываю же я все вон и не прибавляю внутрь, потому что не вижу, чтобы люди были благодарны. И как же мне поступить иначе с игуменом, когда он сребролюбец, заботится только, как бы сэкономить; видишь, какую выгоду он этим выгадывает и что я делаю, в возмездие за его скопидомство. Вчера же приходил один нищий, посланный от Бога и попросил милостыню; он ему нисколько не помог, еще обезчестил его и вон выгнал; когда я увидал это, то простер руку мою к казне и, сколько там было золота, все вон выкинул. Также, когда вижу, кто, без необходимости в том, ест особо от других, т. е. особую пищу, то, сколько потратится на отдельную трапезу, я в десять раз больше выкидываю, потому что от этого растлевается киновия". Сказал я ему: что ты за человек? А он мне говорит: "Я есм и именуюсь ангел Божий. Если игумен будет сам себя облагополучествовать сребролюбием своим, т. е. основывать расчеты благополучия своего на экономии, на урезывании бедных и братии, то я сделаю то, что он обеднеет, а если игумен будет расходоваться на страннолюбие свое, то я сделаю то, что он будет благополучествовать. Пусть не думает игумен, что может сам собою нечто сделать, ибо, чтобы он ни делал, без меня не может ничего сделать. Без меня люди ничего не могут делать; когда сребролюбец по сребролюбию своему изгоняет страннолюбие, тогда навожу я бедствие, с которым он не может справиться в общежитии". Вот что слышал я от человека и вот почему сказал вам, что знаю, кто взял деньги». Говорит трапезарь: «Поверьте мне, отцы мои, один мех с сыром расходовался бывало в три и четыре недели, а теперь его не хватает даже на одну неделю».

И многое другое подобное объявил трапезарь. Подобно тому и дохиар объявил о таких же убытках немалых. Игумен, услыхав таковые слова, немало изумился, яко человек согрешив весьма. И говорит игумен Захарии: «Видишь ли ты его доселе?» Говорит Захария: «Да, все еще на окне сидит,

безпрестанно берет всего горстями; выкидывая вон за окно». Говорит игумен Захарии: «Скажи ему, чтобы он больше не выкидывал и что игумен просит ангела сказать, что ему делать».

Итак, пошел Захария и возвестил ангелу. И сказал ангел Захарии: «Если игумен оставит лукавство сребролюбия, то будет видеть киновию всегда в благополучии; пусть он всегда бывает за общей трапезой; тогда не обеднеет киновия, но будет всегда благополучествовать. Пусть не изгоняет страннолюбия из киновии, пусть печется постоянно о братии своей, как о самом себе. Если он все это будет творить, то я осчастливлю киновию его, а если не послушает того, что я говорю, то сделаю киновию бедной еще больше».

Захария пошел и сказал игумену, что повелел ему ангел. Игумен, услыхав такие слова, покаялся, положил обет Богу не отступать больше от того, что сказал ангел, стал пещись о киновии великим попечением, весьма радел о страннолюбии и удовлетворении братии в киновии; поскольку он радел, постольку киновия паче благополучествовала и никогда больше не оскудевала.

Увидал ангел, что игумен исправился, но служители опять отступили от обета игуменского и делали беззакония. Пошел однажды Захария помочь трапезарю, ибо случилась тяжкая работа, и попросил его трапезарь о помощи; когда он там пособлял, пришел один брат и попросил поесть; трапезарь, будучи занят, не дал ему поесть; вдруг увидал Захария, что снова появился ангел, простер обе руки, взял все, что было на трапезе, и выкинул вон. Пришел другой брат, попросил у трапезаря провизии; так как трапезарь к тому времени дело свое окончил, то он дал ему продовольствие его и брат ушел с благодарностью; ангел, увидав, что брат возблагодарил, вынул из корзины своей в десять раз больше того, чем дали брату, и положил взамен того, что взял брат, в общий запас. Поскольку трапезарь право выдавал, постольку в десять крат от ангела получал; когда же не давал, то в четыре раза ангел выбрасывал. Захария, увидав это, возвестил игумену, и тот сейчас же повелел, под угрозой страшной эпитимии, выдавать братии сколько требуется и выдавать безропотно.

Ради этого и говорю я вам, если в киновии будут сребролюбствовать, то благословения Божия на ней никогда не будет. Если и чин будет, но заведется отдельное ядение без особой необходимости телесной, то даров благодатных никогда не будет на той киновии. Ныне все преступили; как растения теряют свой цвет, так общежития скидывают свой чин, т. е. красоту добродетелей.

Когда спадет чин с общежитий, тогда останутся они как

иссохшая трава. Живи они богоугодно, пребывали бы тогда зеленой травою, но так как не стали жить богоугодно, то уподобились иссохшей траве. Как увядшее растение теряет цвет свой, так общежития утратили цвет спасения и стали подобны иссохшей траве.

Глава XLIX

О раздорах в монашеских общинах

И бывает у них, т. е. в малых монашеских семьях, как в миру.

Вступает в семью бедная девица, делается невестой, венчается, вступает в дом и, мало-помалу, начинает гнушаться свекром своим и прекословить свекрови своей, т. е. бедная дева – поступающий молодой послушник, хотящий обручиться с монашеской жизнию; свекровь – старший в келлии после старца, записанный в омологию вторым и по смерти старца имеющий унаследовать келлию. Дева делается невестой – принимается, венчается – значит: старец вписывает послушника в омологию третьим.

Пока свекор жив, невестка только пренебрегает им и лишь прекословит свекрови, но, когда старец приближается к смерти, невестка перестает грубить старцу, но прекословия к свекрови до того усиливаются у невестки, что свекровь, не в силах будучи дольше терпеть этих прекословий невестки, оставляет несчастная свой дом, уходит из него и делается странницей в чужом доме, т. е. уходит старший от старца своего, где был записан вторым после него, из-за интриг вписанного третьим, издали взирает на труды всей жизни своей, которые присвоила невестка, теперь сидящая в доме на ее прежнем месте и хвалящаяся им, а свекровь бедствует в чужом дому, несчастная.

Все сие произошло, как справедливое возмездие, ибо она сама, т. е. ныне бедствующая свекровь, когда была невесткой, творила то же самое своей свекрови; теперь получает взаимно то же. Незачем печалиться о ней; печалиться надо о невестке, потому что и она точно так же пострадает. Итак, что делается у мирян, то начинают усваивать и в монашестве, навыкают к тому и в Горе сей.

Глава 1.

Сравнение избалованного монашества и избалованного послушника с конем – любимцем некоего вельможи

Приходит чужеродная сиротка, принимает монашество в одном из домов Горы сей честной и монашествует в дому том. Видят люди дома того, что прекрасна она красотою, цветет юностию и дают ей волю в дому том, т. е. начинают баловать новоначального; молодой забирает такую свободу, говорим: приобретает такую дерзость, что носится кругом по всей келлии, – и так скачет по дому, что уродует весь дом.

Сия сиротка подобна красивой лошадке, любимице некоего вельможи... Видят люди, что лошадка молода и красива; пленяются ею до того, что пускают лошадку совершенно свободно на прекрасное и возделанное поле. Лошадка, видя, что дали ей такую свободу на поле, завладевает всем полем, скачет по нем так, что делает его совершенно безобразным.

Видит вельможа дворца вместе с людьми, пустившими на поле лошадку, что обезчещено их любимое поле, однако вельможи и люди предпочитают, чтобы скорее стало поле безчестным и презренным, нежели унять лошадку и огорчить ее; говорим: остановить погибель послушника. Предпочитают люди, чтобы презирался и безчестился путь монашеской жизни, нежели, чтобы подтянуть послушника и огорчить его. Постоянное пребывание в благодушии и ласкательстве у старца ведет к тому, что послушник уподобляется коню, которого из любимцев отправляют на скотобойню под вьюк, таскать смрадные шкуры. Несчастный послушник не ведает того, что это будет и с ним.

Тасканием смрадных шкур со скотобойни именует здесь святой обращение монаха от чистой, боголюбезной и целомудренной жизни монашеской к жизни блудной, плотской и смрадной.

Видит вельможа дворца, что лошадка испортилась, утратила свою природную кротость, приобрела дикость, стала непокорной к барину своему и дворцовым людям, но долготерпит о ней, чтобы она сделалась кроткой, приводит ее к себе во дворец, дабы радовалась она у господина своего... Смотрит господин и видит, что лошадка не исправляется, не делается кроткой, даже во дворце стоит дикой; тогда грустит господин по поводу дикости лошадки, негодует на нее и продает ее на скотобойню

таскать смрадные шкуры битого скота (шкуры битого скота суть смертельные плотские грехи).

Так и сотворили с этой лошадкой, заставили ее таскать с бойни смрадные шкуры и заниматься зловонным шкурным делом. Однако не только зловоние и смрад пришлось ей терпеть, но также биения и понукания, чтобы она поспешала под таким грузом. Видит лошадка смрадную беду, которая напала на нее, стала припоминать прежний покой у хозяина своего, утраченный ею за дикость. Таская шкуры со скотобойни, встретилась случайно лошадка с господином своим; приняла она вид и образ просительный, но хозяин не обратил внимания на вид ее, только сказал: «Зачем показываешь ты мне теперь такой вид покорности? Этот вид надо было тогда делать, когда была ты со мной; ныне же это безполезно для тебя, т. е. в любимицы тебя не возьму больше; ступай и делай шкурное дело за непокорство твое». Как говорится, «во аде кто исповется тебе» (Пс. 6, 6). О, преподобнейшие и честнейшие иереи, священномонахи и честнейшие монахи, находящиеся внутри Горы сей, смотрите, чтобы и с вами не сделалось того же, что с сей неблагодарной лошадкой.

Господь Иисус Христос ввел вас крещением в обширную палату церковную, но люди презрели церковь, не каются в беззакониях своих, которыми грязнят крещение. Видит Бог, что потерял человек чистоту свою, а воспринял нечистоту – ложь, блуд, прелюбодеяние, убийство, воровство, хищение, обиды, предательство и все злобы миром возделываемые, долготерпел и долготерпит человеку, ожидая покаяния от людей; привел их, поставил во дворец, говорим: в жизнь монашескую. Монашеская жизнь есть божественный дворец, внутри которого живут люди, возделывающие жизнь монашескую.

Так как люди загрязнили божественную благодатную одежду крещения, попрали чувство свое, т. е. любовь к Богу, Бог дал им второе крещение покаяния, говорим, монашескую жизнь; в постриге ангельского образа явил Бог вторичное крещение покаяния.

Привел и поместил иноков в месте покойном, не возмущаемом, чтобы не тревожились они ничем и не о чем, говорим: попечениями и заботами.

Когда лошадка была на поле, имела ли она какие-либо заботы и попечения о воде, о пище, что есть и что пить? Она имела полное приволье, но сама пожрала место то и приволье сократилось. Видит хозяин, что поле съедено (т. е. потоптано) – и сократил волю. Пошел к лошадке, а она от него в кусты прячется. Видит хозяин, что стало с лошадкой, взял ее и привел в палату свою, чтобы она там приручилась вместе с

другими лошадками. Но почему же и у хозяина своего она не укротилась? Потому, что никогда, ни единого раза не воображала себе мысленно, что так пострадает, как терпит ныне, таская с бойни смрадные шкуры.

Говорим: видит Бог бедствия мира и пагубу, которою погубляет себя человек, истаптывая сердце свое, как лошадка то поле, берет Бог человека из мира в монашество, но, когда видит, что эту милость Его погубляют, прогневляют безграничное Божие милосердие нераскаянностию и неблагодарностию, тогда посылает людей на бойню таскать смрадные шкуры. И поделом за непокорство!

Видит Бог непокорство людей заповедям Его, долготерпит по безмерной милости милосердия Своего, принимая людей в обитель покаяния, на путь монашеской жизни, подобно тому, как хозяин лошадку во дворец. Переставил Бог человека в монашескую жизнь, чтобы не имел он другой заботы, а заботился только о душе своей. Но ныне ведущие жизнь в монашестве, подобно лошадке, стараются лишь о том, как бы погубить свою душу в муках адских из-за многопопечений о теле своем, как тело свое упокоить многоразличными смрадностями трапезы, за которой во время еды осуждаются и малые провинности братии.

Посылает Бог проповедников и учителей, дабы проповедовали и поучали из книг церковных истине евангельской: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). Сие сотворил Бог ради духа покаяния, не покаются ли, и не приобретет ли Он овцу погибшую. Но видит Бог, что человек не имеет покаяния. В первом состоянии своем не имел он покаяния, нарушив обеты крещения; и теперь, когда вступил на путь монашеской жизни, остается нераскаянным и чувственным.

Долготерпит Бог, но как долготерпит? Столь долготерпит, что и Сына Своего возлюбленного в жертву принес, как сказано: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих» (Мф. 3, 17). Благоволит Бог Сына Своего человеку, но человек не благоволит душою своею к Богу. Человек предпочитает благоволить душою своею к пагубе и земному тлению, нежели благоволить к Богу. Ныне люди предпочитают погибать, нежели спасаться. Предпочитают оставаться слепыми, нежели делаться зрячими. Предпочитают быть нечистыми, нежели чистыми. Предпочитают онеправдовать друга, нежели иметь свое оправдание, т. е. не быть судимыми за неосуждение; предпочитают осуждать и быть судимыми. Предпочитают, вместо беззаботия, иметь заботу и пещись о сокровиществовании всех смрадностей вселенной во чрево свое, подобное ненасытному чреву ада, нежели поститься и воздерживаться от страстей,

из-за которых становятся страстными и годными лишь для чрева адского. Предпочитают делать и трудиться, как каменщики (делатели башен), раскапывать гору сию от края до края, дабы благоукрасить ее, как земной рай, нежели вспоминать об уготованном и благоукрашенном рае на небе.

Глава LI

Какое ныне стало единение духа и союз мира

Единение духа ныне стало в любостяжании – как будто и не монахи они, несчастные монахи, туне бедствующие в погибельных волнах мирского обуревания.

Удалили себя от единения с миром, сочетались с монашескою жизнию, чтобы спасти несчастную свою душу. Да, удалились от обуревания мира, пришли в монашескую жизнь, но как удалились? Удалились по мудрованию плотскому, ради облегчения себя от мирских трудов, а не ради спасения души. Удалились якобы для того, чтобы загладить беззакония свои, но здесь преумножили и преумножают их еще больше, нежели в обуревании мирском. Удалились от обуревания мира, чтобы спасти несчастную душу, а ищут усердно мирского кружения, ищут веществ мира и денег; за это они не сподобятся обрести спасение свое, подобно израильтянам, которые удалились из Египта, но из-за египетского пристрастия не удостоились обрести доступ в землю обетованную.

Глава LII

Сравнение монашества с Израилем в пустыне

Да, удалились фараонского обуревания, вступили на путь к обетованию, но, вступив на путь обетования, не стали мирствовать, а начали с того, что имели сластного под египетским тиранством.

Стали требовать обуревания египетского: одежд, мяса, лука и чеснока.

Бог послал им манну, чтобы они мирствовали, но евреи возроптали на Моисея, так что, наконец, вознегодовал он на израильтян посреди пути их.

О, несчастные нынешние люди, не ощущающие спасения своего, преступившие заповеди монашеской жизни!

О, преподобнейшие, находящиеся в Горе сей! Моисей, преслушавший Бога в пустыне, при изведении воды, не вошел в землю обетованную; что же будет с вами, которые ослушиваетесь Бога каждое мгновение? Моисей из-за малого преслушания, содеянного перед Богом, не удостоился увидеть земли обетованной, вы же, не повинуясь Богу каждый день и каждое мгновение, можете ли благополучно совершить путь покаяния, т. е. монашескую жизнь, во спасение? Не являете вы Богу покаяния. Да и как увидеть Богу от вас покаяние, когда в вас и следа покаяния нет? Среди вас господствует одно гордостное презорство. Имеете вы друг к другу одну зависть, одно злопомнение, одно враждострастие, одну ненависть, так что и видеть один другого не можете. Вами обладает осуждение, вы осуждаете один другого. Вами обладает одно непокорство, вы не покоряетесь монашеской жизни, как израильтяне не покорялись Моисею.

Моисей означает Гору Афонскую, т. е. чин Св. Горы; Гора Афонская для монахов есть Моисей. Израильтяне – это монахи, живущие в Афонской Горе.

Моисей, мало прогневавшийся на народ, не удостоился увидеть земли обетованной, монахи же, непокоряющиеся один другому, идущие против монашеской жизни, подобно израильтянам против Моисея, как сподобятся увидеть Царство Небесное? Вы покинули монашескую жизнь, обладает вами одна жизнь непотребная, которую вы проводите так, как будто не монахи; чувства ваши помрачены; помрачились вы, как израильтяне, и прогневляете против себя Бога. Не сподобитесь вы видеть Царства Небесного, если не возьмете вы истинного покаяния, прежде, нежели наступит час вечерний.

До часа вечернего ожидает Бог, чтобы человек покаялся. Но покается ли? Не каялся он с утра до вечера, как покается к отпуску вечерни? Да, Бог ждет до самого отпуска, но если у человека и тогда не будет покаяния, то что сделает с ним Бог? Отлучит его от части благодатной, пошлет, как коня на бойню, таскать смрадные шкуры, т. е. свою оскверненную плоть; говорим: пошлет в преисподнейшее мучилище – да во тьме его пребывает во веки.

Моисей имел заботу о стольких тысячах народа, которые теребили его всякий день, каждый требовал чего хотел: один – одного, другой – другого; евреи так закружили его, что он, закружившись, по неосмотрительности отступил немного от повеления Божия – и за это был наказан Богом; не тем ли паче вы, отступающие каждый день от заповедей Божиих и

обетов монашеской жизни, данных вами пред вратами святого алтаря, ведущие себя так, как будто никогда никакого обязательства соблюдать монашескую жизнь не давали пред алтарем, не тем ли паче вы наказаны будете„ подобно Моисею, т. е. лишитесь земли обетованной? Еще в четыре раза больше подобает вам быть наказанными за нарушение вами обетов ваших.

ГЛАВА LIII

К чему довело скитян пристрастие к земному. Раздоры и коварство

Стоит некий скитянин в церкви, а ум его мечтает, как построить прекрасный дом; выходит он из церкви, не ощутив того, что был в храме, выходит с таким ощущением, как будто вышел из театра, потому что во время службы он точно в театре взирал на суетная и ложная, стоя в стойке своей. И вот, когда сделали отпуст, пошел он в келлию свою; вспомнил, что надо тянуть канон, тотчас встал, взял четки и начал молиться. И говорит: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», – а мысль его в это время говорит в нем другое: «Следовательно, деньги мои, которые я имею в росте, тот человек вдруг умрет, от кого я их тогда получать буду?»

Г. I. Х. С. Б. п. м. г. – «У него есть вещи; если умрет, возьму его вещи».

Г. I. Х. С. Б. п. м. г. – «Есть у него и маслинник, и столько дерев масличных в нем!»

Г. I. Х. С. Б. п. м. г. – «Есть у него и мельница, которая перемалывает столько-то ок муки». – «Кажется, не потерплю я убытка и не пропадет то, что я на нем имею».

Г. I. Х. С. Б. п. м. г. – «Следовательно, на том-то, на котором у меня есть 1000 грошей, в сколько лет станет 2000?»

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Тогда возьму 1000 грошей, разрушу дом, вместо него сделаю высокий и глубокий» (т. е. с подвалом, а образно – который сведет во ад).

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Внизу поставлю вино, пшеницу и положу дрова».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Положу масло, рыбу и сыр, сделаю печку для хлеба, и будет хорошо для подвала».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Наверху сделаю один архондарик» (т. е. гостиную комнату).

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Сделаю еще три комнаты, к дверям

приделаю задвижки, устрою кладовую, припасы кухонные в ней буду держать».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «На чердаке положу шерсть и ризари» (красильный корень для фесок).

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «В двух келлиях будут жить мои домашние, а в другой помещу станок, положу сработанную шерсть и орудия для работы».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «А себе что же не отделил я комнаты? Пусть так, возьму одну из комнат, пока не придет кто в сожители. Тогда надо бы для дома столько-то людей, столько-то вина, столько-то ряс и столько-то исподних рубах».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Ту бизулю надо исправить (т. е. стенку садовую), а пониже ее посадить лимон».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Сверху, повыше бизули, посажу апельсин, по сторонам – смоковницы; если я столько-то корней смокв посажу, то сколько смокв они дадут?»

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Посажу и лоз столько-то, сделаю столько-то крюватей; от стольких-то крюватей можно будет добывать столько-то вина и раки».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Но место, о котором я забочусь сделать постройку, принадлежит моему соседу, который есть "в язву мне"».

Г. I. Х. С. Б. п. м. – «Пойду, обработаю, пусть-ка потом придет и отберет из рук моих».

Так насчитывает он мысленно громадную сумму выгод от сего дела в ветренном попечении своем. Как не удержать ветер сетью, так неудержима и мысль у пекущихся о суетных и ложных мира сего... Озабоченный сими пещами, монах сейчас бросает канон на половине, швыряет четки свои на кровать, выходит из келлии, берет лопату, кошничный нож, говорим – нож кустарный, берет топор и отправляется на место, на котором мечтал во время канона своего устроить различные насаждения. Идет, срубает кусты и вскапывает со злою ревностию, чтобы сделать на зло соседу своему.

Сосед слышит шум вне келлии, выходит, видит соседа своего копающим и спрашивает: «Что ты делаешь, отче?» Тот отвечает и говорит: «Что делаю? На месте, которым владею, что хочу, то и делаю». Говорит сосед его: «Это место не твое, но собственное мое и моей каливы». Тот отвечает: «А чем ты докажешь, что твоя калива простирается досюда?» Говорит другой: «А ты чем докажешь, что досюда? Мое здесь право и моя вещь». Начинается между ними спор; один говорит: «Это моя», другой: «Моя, а не твоя».

И вот бегут они стремительным бегом в скит, обходят дома скитян, жалуясь друг на друга; это для диавола удобная ло-

витва, чтобы возмутить этих[1] и других слухом смущения их. И вот обсуждают дело, но как обсуждают? Обсуждают с лицеприятием, вместо человеколюбия и правды истинной, т. е. прекрасно видят, на чьей стороне правда, однако лицеприятствуют к обидчику по разным побуждениям. Созывают старцы тех владельцев на собор, чтобы помирить их, но каков собор их? Собрались якобы для того, чтобы единодушно решить, но решительного суждения не дают, не высказываются: «Да, да», или «ни, ни», т. е. это – твое место или не твое; каждый на соборе высказывает свое мнение, делая друг другу возражения, чтобы запутать дело и умножить скандал, а не для того, чтобы примирить. Ни к какому мнению и решению прийти на соборе не могут, происходит между ними скандал; один кричит другому: «Бери свою омологию, да отправляйся в монастырь, чтобы там тебе спорное место в омологию вписали и тогда кричи себе, осел!»

Видит истец на соборе старцев, что поруган он их решением, что рассудили они неправедно, и решает идти в монастырь, тем более, что его принуждают идти туда. Истец настаивает идти в монастырь, обидчик говорит: «Ступай туда, я и сам пойду в монастырь узнать, что вы там решили».

И идут они оба в монастырь, нагруженные, подобно ослам; обиженный идет в тот же вечер, нагруженный, как осел, разными травами, лимонами, апельсинами, подарками одному и другому; одарив эпитропов, объявляет им потом дело свое. Тогда говорят ему эпитропы: «Раз ты пришел в монастырь и объявил нам дело твое, то не бойся; место будет твое, ибо место это монастырское, а монастырь кому захочет, тому и отдаст; ты теперь пришел к нам, мы тебе и отдаем его. Давай твою омологию, чтобы нам там это поместить и чтобы тебя больше никто не искушал». Дает он омологию свою эпитропам, те вмещают место в границы его и не только прежние границы его владения подтверждают, но прилагают много больше земли, делая это нарочно, чтобы умножить скандал и чтобы не примирились враждующие стороны, ибо, если бы они утвердили за истцом справедливо им искомое, то обидчик отдал бы то захваченное место и успокоился; поэтому, чтобы поживиться от спорящихся, они нарочно вписали в омологию обиженного землю, по праву принадлежавшую обидчику, с тою целью, чтобы он не примирялся с таким решением и дело продолжалось бы.

Берет инок в руки омологию свою, кланяется эпитропам,

---

[1]Возмутить «этих» – т. е. скитян, судей, разбирающих тяжущихся келлиотов; возмутить «других», т. е. самих тяжущихся.

а они говорят ему: «Иди себе, мирствуй и в пределах твоих делай, что тебе угодно». Идет он назад со злою радостию, показывая омологию и говоря: «Земля моя, ибо я получил ее от монастыря». Другой, услыхав об излишке, помещенном в омологию против прежнего, весьма взволновался; рано утром идет он, нагрузившись, как осел, свежей рыбой, селенгозами (ракушки), лимонами, печеньем и отборными апельсинами; идет с великою стремительностию зла, приходит в монастырь, находит эпитропов и передает им любоодарения. Эпитропы, увидав такие подарки, говорят ему: «Добро пожаловать, садитесь сюда». Он садится, эпитроп приказывает слугам подать «карзозинон» (кофе) и в него положить тростникового сахара.

Приготовили слуги, эпитроп взял одну чашечку, взял чашечку и ответчик; стали пить и разговаривать о деле. Ответчик говорит эпитропу: «Так как вы письменно бумагой и подписью утвердили такой участок во владение за тем человеком, то большой от этого скандал произойдет в ските». Эпитроп отвечает: «Поверь мне, брате, мы это сделали только ради мира, а не ради скандала». Говорит ответчик: «Да, ты правду говоришь, что сотворили вы то ради мира, но тот человек такой скандальник, подобного которому нет в скиту». И еще нечто прибавляет к этому ответчик, наговаривает паче того; говорит, что тот ходит теперь с омологией в руках и кричит: «Мое место!» «Пусть оно твое, место то, но зачем лишнее поместили вы ему в омологии, теперь для дома моего нисколько и места не осталось?» Услыхав эти слова, эпитропы сделали вид, что возмущены и разгневаны, говорят бранные слова и с гневом восклицают: «Негодяй такой и шут, посмеялся он над нами с обманами своими, и еще нам бояться его? Пошлем человека привести его сюда, зададим мы ему, покажем ему, богомерзкому, как из нас шутов делать; лжец он и вор. Кто лжесвидетельствует, тот, очевидно, есть и вор». Другие эпитропы говорят: «Явное дело, он посмеялся над нами, обманно захватив место. Пошлем за ним, чтобы привели его». Тут замечает один эпитроп: «Да, приведем мы его сюда, но ведь он нам дал столько-то грошей, как же теперь быть?» Говорит другой: «Пусть нам ответит тот, кто желает принять присуждение». Говорит истец: «Сколько дал он вам за то, что поместили вы его в омологию?» Говорят эпитропы: «Он дал нам 150 грошей». Говорит он: «Я даю вам 200, поместите то место в мою омологию». Услыхав такое слово от ответчика, они тотчас требуют от него омологию, помещая туда спорное место и еще больший поднимают скандал, чтобы затянуть тяжбу и получить с тяжущихся побольше подарков. Потом подают трапезу, вместе они трапезуют теми любоодарениями,

сидят и едят, осуждая различными осуждениями; ответчик с осудительным своим празднословием сделался доносчиком на своих соскитян, подобно Иуде-предателю. После предательства встает он с трапезы, кланяясь, удаляется из монастыря, возвращается со злою стремительностью, с дерзостию предстает пред скитом и ругается над соседом своим. Увидав такое ругательство над собой, сосед идет к духовнику своему и возвещает ему все дело. Духовник говорит ему: «Не бойся, сейчас скажу тебе, что сделать, взойди сюда внутрь». Он взошел внутрь, духовник и говорит ему: «Ступай в монастырь и скажи, что сей брат весьма поругался над границами дома моего».

Тогда он по совету духовного отца идет в монастырь и заявляет эпитропам, как научил его духовник. Эпитропы, видя, что у этого истца нет в руках любоодарений, не приветствуют его, принимают зверски, с дикими взорами, говорят с ним презрительно, отвечают с безчестием и грубостию, делая это, чтобы устрашить истца, дабы он одарил их подарками, сребром и златом. Истец, услыхав от эпитропов, что они его бранят, безчестят и гонят от себя, испугался и сказал: «Что худого сделал я вам, что вы меня гоните? Я пришел вам возвестить мое дело, а вы прогоняете меня?» Говорят ему эпитропы: «Не пришел ты с приличным видом, но с обманом. Ты хищник, желающий похитить место у монастыря. Вчера приходил к нам тот брат, мы нашли его вежливым и правым, а ты являешься обманщик». Говорит истец: «Почему же вы нашли его правым, а меня лжецом и хищником?» Говорит эпитроп ему: «Правость и правота есть в том – заплати и получи. Он заплатил и получил, а не вертится, как ты, чтобы обманом захватить и ничего не заплатить». Тот говорит: «Сколько он вам заплатил, что вы ему землю уступили?» Эпитроп говорит: «Господь свидетель, он заплатил нам двести грошей». Истец, услыхав это, стал размышлять, сколько мог бы дать он сам, но нет у него ничего. Раздумывает, что ему продать и не знает что. Имеет он одну лишь собственность, омологию на дом свой; кладет себе на мысль взять денег под залог ее у кого-либо в монастыре, взять двести грошей и отдать монастырю, чтобы отмстить другому. Говорит он эпитропам: «Вот, даю я вам двести грошей, отдайте мне то, что вписано ему в омологию». Эпитропы ему отвечают: «Подобает тебе дать 300 грошей, тогда пусть будет так, если же дашь только 200 грошей, то какая нам польза с того?» Истец, услыхав это слово от эпитропа, начал размышлять. Настало время вечерни, эпитроп говорит ему: «О чем думаешь, и отчего странными тебе кажутся слова мои? Нам же твои поступки странными кажутся. Вот позволяем тебе обдумывать

до завтра, чтобы ты хорошенько поразмыслил и не говорил потом, что мы тебя принудили заплатить». Пошли в церковь читать службу вечерни, истец стоял в стойке, чтобы слушать молитвы, но его окружили псилафизмы и преследовали мысли, как выиграть тяжбу. Окончилась вечерня; он и не заметил, как она окончилась, вышел из церкви, сел на скамейку, раздумывая о тяжбе; пришел ему помысл и сказал: «Зачем тебе надо и то и то, бери свою омологию, ступай себе да мирствуй». В то время, как он это думал, прошел мимо него эпитроп; они поклонились взаимно, эпитроп сказал: «Что поделываешь?» Истец говорит: «Обдумывал я дело и не в силах дать столько». Эпитроп говорит: «Если не в силах, то ступай себе, мирствуй и не касайся границ». Взяли его омологию и вписали в нее, что он имеет право только на одну каливу и не больше. Истец опечаленный удалился в свою каливу, скорбит, воздыхает, бранит и гневается против своего соседа, видя, как его землю обрабатывает другой; до того возмущается дух его, что когда творит канон, то вместе с противником своим он творит, т. е. не перестает от злопамятства; когда стоит на службе, у литургии или вечерни, всегда ведет мысленно свою тяжбу с другим; поскольку видит радость противника, постольку гневается и печалится.

Видит другой, как это место, захваченное с такою легкостию, хорошо обработано, засажено плодовыми деревьями и благоукрашено, а до того было каменистым и тернистым, спрашивает захватившего и говорит: «Как это ты легко завладел?»

Тот отвечает и говорит: «Для чего спрашиваешь меня о сем?» Вопрошающий говорит противозаконнику: «Зачем, брате, сердишься? Спрашиваю потому, что и у меня есть такое одно место, которым владеет другой; я и хочу знать, какое средство ты употребил, чтобы захватить место то?» Говорит противозаконник вопрошающему: «Потратил я на это 6 торб подарков; в каждой торбе был отдельный сорт подарка. В одной торбе была свежая рыба, в другой – селенгозы, в третьей – пирожки, в четвертой – лимоны, в пятой – травы; 200 грошей еще дал; так удалось мне взять это место, обработать его; теперь смотрю на него и радуюсь». Говорит вопроситель: «Мое место еще лучше, чем твое». Говорит противозаконник: «Будь у меня такое место, я дал бы за него не только такие подарки, но еще вдвойне и грошей столько же, ибо я знаю, какой был бы сад на том месте». Услыхав вопроситель такое слово от противозаконника, сказал: «Да, место хорошо, но как бы нам сделать, чтобы захватить его во власть мою?» Говорит противозаконник: «Имей терпение; я постараюсь передать его тебе во власть твою». Говорит вопроситель: «Если сделаешь

так, то великую радость мне принесешь». Говорит противозаконник: «Не безпокойся, я так передам его тебе, что ты и не заметишь, каким образом завладел им; только сделай вот что: приготовь подарки, как я тебе сказал; когда потребуют тебя в монастырь, то иди с подарками, одарил бы архимандрита вместе с эпитропами. Одари также и портаря, ибо некоторые бездельники собираются в порте, подымают там разговор о разных делах; между прочими делами зайдет речь и о твоем деле; если найдется что-либо противное твоему делу, то портарь[1] может вставить словечко в твою пользу, чтобы не было тебе помехи».

Услыхав это, заинтересованный от противозаконника обещался сделать то, что тот ему сказал.

Видит противозаконник, что готов тот сотворить так, как он его научил; когда они расстались, он тайно пошел в монастырь, сообщив все в подробности эпитропам. Эпитропы говорят: «Отчего же он сам не придет к нам и не скажет своего дела, чтобы, рассмотрев тщательно, исправить? Чего он один сидит и утесняется?» Говорит противозаконник эпитропам: «Он имеет намерение прийти, но не знает отношения вашего к сему и какое ваше мнение о сем». Говорят эпитропы: «Мы таких-то и дожидаем, чтобы с них поживиться, а ты нам говоришь: какое ваше мнение? Пойди скажи ему, чтобы приходил, да поскорее, чтобы нам с него попользоваться». Услыхав это слово, противозаконник говорит эпитропам: «Вот иду, и пошлю его вам, только смотрите, удовлетворите его по нраву его». Потом сказал: «Благословите». Говорят ему эпитропы: «Добрый час тебе. Смотри же, склони брата, чтобы поскорей приходил. Склоняй и других, чтобы устраивали между собою тяжбы, чтобы нам открыть судебную работу, ибо мы этим поправляем свои расстроенные дела».

Итак, противозаконник удалился из монастыря, пошел в скит, возвестил заинтересованному все дело и стал склонять его идти в монастырь. Заинтересованный говорит ему: «У меня ничего не заготовлено; как же мне пойти с пустыми руками?» Говорит противозаконник. «Я все тебе приготовлю, только ты изготовься пойти». Противозаконник начинает тогда приготовлять подарки, ходит из дома в дом, просит (в долг) отборных лимонов, апельсинов, селенгоз, посылает собрать разных трав, готовит тесто, через шелковое сито просевает муку, заботясь о том, чтобы извлечь один пшеничный тук. Сейчас же замешивает его, усердствует в раскатывании теста, закатывает пирожки, делает их с разными разностями,

---

[1]«Порта» — ворота; «портарь» — привратник.

старается, чтобы они хорошо взошли, помазывает сочевицей, посыпает маком, выделывает на пирожках разные узоры; чистым полотенцем покрывает их, чтобы они поднялись. Наконец, после столикого труда и забот кладет их в печку, безпокоясь, как бы какой из них не покривился, чтобы вышли они из печки румяными и красивыми. После того меняет свою исподнюю рубаху, которая вся в поту от многого старания.

О, безумный, безумец во спасении своем и косный в сердце твоем!.. Спрашиваю я вас: отчего не подвизаетесь вы такие и в подвиге монашеском? Почему не (доводите себя до того), чтобы менять рубах своих? Почему не испускаете из себя пота подвижнического? Кажется, и капли нет на вас пота подвижнического, а потому незачем вам и белье менять. Спрашиваю я вас: почему вы не потеете в подвиге монашеском? И опять отвечаю вам: потому, что вы подвигом монашеской жизни совсем не подвизаетесь, всем расположением вашим склонились к возделыванию зла; всуе трудитесь, потея потом телесным над погибелью, над возделыванием злого расположения, от которого и погибаете. Одно только в вас злое расположение к погибели... одна только злая проповедь осуждения; почему миряне, видя такие ваши злые наклонности, получают о вас лишь худое мнение. Вы повредили мирян; миряне повредились из-за вас, из-за злоухищрений ваших, с которыми вы ухитряетесь завлекать в монастырь, как в западню, чтобы скитяне приносили вам разные подарки в монастырь, ради злосотворения брату своему. Вы стараетесь, чтобы один другому творил зло, печетесь о предательстве, чтобы друг друга предавали, взаимно осуждали, друг другу зло творили, друг друга обвиняли, низлагали и друг другу отомщали. Великое это непотребство пред Богом, что ходят скитяне в монастырь с пирожками, которые с такими стараниями преукрашают, укладывают (бережно) в кошницы, ищут людей, чтобы нанять, нагрузить их ими, как ослов, и доставить в монастырь...

Итак, отправляется заинтересованный в монастырь, идет к эпитропам; эпитропы говорят ему: «Добро пожаловать. Сюда пожалуйте». Заинтересованный приказывает навьюченным (отнести торбы) к эпитропам, там они развьючиваются; эпитропы посылают этих людей за общую трапезу, истец остается с эпитропами, объявляя им свое дело. Эпитропы говорят: «Сходи к архимандриту и к ризничему, заяви им о деле твоем, ибо мы без них ничего сделать не можем». Пошел он к архимандриту, снес несколько подарков, дал еще 200 грошей, и забрал место. Противозаконник же и предатель, когда удостоверился, что сей заполучил землю, бежит и сообщает о том другому; по совету предателя идет и этот с дарами в монас-

тырь[1]. Отдал он здесь 350 грошей, землю опять приписали ему; когда дошли оба соперника до спора, брани и оскорблений неподобных, тогда пошел архимандрит с эпитропами и со старцами в (скит), чтобы выгадать 200 грошей с первого и 350 грошей со второго; место было поделено между ними и сказал им: «Если не помиритесь, то прогоним вас с монастырской земли». Испугавшись, они помирились и взял каждый свою половину. Да, помирились, но каким образом помирились? Помирились таким образом, что смотрели друг на друга, как кошка на мышку (т. е. как бы соседа скушать), в сердцах их было такое злопамятство, что и видеть не хотел один другого.

---

[1]Относительно сутяжничества и кляузничества на Св. Горе Афонской делаем нижеследующую выписку из ставшей теперь библиографической редкостью книги Н. А. Благовещенского «Афон. Путевые впечатления» (СПб., 1864 г., стр.160-161): «Вся земля Афонского полуострова с давних пор разделена между монастырями и границы этих владений до наших дней служат предметом безконечных споров. Чуть разбогатеет какой монастырь, первым долгом он спешит предъявить свои права на землю; соседние обители, конечно, не уступают, и спорное дело завязывается. Оно сначала поступает на рассмотрение протата, которому, по этому случаю, каждая сторона подносит подарки; потом переходит к аге, тоже с подарками; от аги к солунскому паше, с подарками, и наконец доходит до Константинополя, где тоже нельзя обойтись без подарков. От ценности этих подарков, конечно, зависит весь успех спора, и кто больше даст, тот и выиграет. Иногда тяжбы возникают из-за нескольких сажен земли, или даже из-за одной кельи и тянутся по нескольку лет; кассы монастырские истощаются, драгоценные вещи идут в заклад, а между тем, каждый монастырь, как бы ни был он беден, ни за что не уступит противнику и бьется из последних сил, чтобы задарить начальство. Эти тяжбы — бич для Афона, и без преувеличения можно сказать, что большинство капиталов монастырских погибает за тяжбами и переходит в имение турецкой власти. Лет десять тому назад (в 1850-х годах), есфигменский сборщик привез из России около 50 тысяч руб. серебром и монастырское начальство сряду же после этого возобновило свою застарелую тяжбу с соседним Хиландарским монастырем о нескольких десятинах земли. Спор был проигран, но в нем Есфигмен ухлопал весь свой капитал и, кроме того, наделал множество долгов, для покрытия которых ему пришлось посылать за новым сбором».

В книге: «Русский монастырь св. Пантелеимона» (М., 1886 г., стр. 153), где рассказывается о посещении 16-17 июня 1867 года Св. Горы Афонской Его Императорским Высочеством Великим Князем Алексеем Александровичем, читаем следующее о посещении Великим Князем Хиландаря (сербского монастыря на Афоне): «Беседуя со старцем игуменом, Его Высочество выразил свое сожаление о несогласии между двумя соседними (поземельный спор) славянскими обителями (Хиландарем и Зографом), истощающем непроизводительно средства обоих, и высказал желание и надежду, что они поспешат примириться между собою».

Глава LIV

О злом навыке взяточничества в монастырях и к чему это приводит

Таким образом, установился в монастырях злой обычай и навык к тяжким любоодарениям, которые стали почти второю обязательною данью. Дарят для того, чтобы творить каждому злые свои похотения; ведется этот злой обычай и до сего дня; преумножает каждый любоодарения свои, каждый скит любоодаряет монастырь разными подарками, каждая калива дарит ежегодно по 200-300 пирожков, лимонов, апельсинов, трав и селенгоз без числа. Скитянин предпочитает весь свой дом разорить на подарки, чтобы другого низложить, нежели сохранить свой дом (целым) и дать одолеть себя в тяжбе другому. Таким образом скинули с себя подвижники терпение, восприяв возмущение, и возмущаются друг против друга. Скинули любовь, и восприяли злопамятство. Скинули нестяжание, и возделывают сокровиществование. Скинули молитву, и держат осуждение. Скинули истину, и возделывают отмщение с обманами; (заботятся) как бы друг другу отомстить. Скинули справедливость, возделывают лицеприятие в обиду праведника, обижают друг друга, (ревнуя о том) кто первый низложит другого с неправдою и отмстит с дарами любоодарения, кто первый одарит монастырь и сделает неправду праведнику. Так умножились мало-помалу злобы у аскетов (т. е. келлиотов и скитян); поскольку умножаются злобы их, постольку умножают они и свои любоодарения до сего дня. И навыкли монастыри злоухищрениям скитян, ударились они в хищения, похищают и обижают, лживо оправдывая неправедников, сокровcommittee неправды аскетов в воровские сокровищницы свои, (оправдывая себя тем, что) сокровиществуют (якобы) ради монастырских доходов.

О, несмысленные и косные сердцем! (Нет от этого дохода монастырю), только в ваши воровские сокровищницы сокровиществуете. Не ведаете того, несчастные, что за одного, которого вы сделаете несчастным чрез неправедный суд ваш, вы в десять раз больше будете сами наказаны на высшем суде.

Итак, если предложат тебе подарок, чтобы оправдать неправедного, воздержись от подарка, сделай суд праведный, так чтобы первого не обидеть, но и второму зла не сотворить. Если будешь принимать подарки, да еще от обеих сторон, и

разрушать благобытие скитян, то что делать тогда скитянам?

Если жизнь скитян расстроилась, то это по твоей вине. Что побуждает тебя давать им дозволения строить такие красивейшие дома; даже в Царьграде поищешь и не найдешь таких калив, как у твоих скитян. Столько в них сокровиществовано богатств, сколько нет и у агарянина, который находится в погибели душевной[1].

ГЛАВА LV

О плотоугодии и сравнение с агарянами

Вы уподобились агарянам, которые, находясь на пути ложном, погибельном, воображают о себе, что спасаются. Так и вы впали в тот же род погибели; вы говорите, как и они: если не будем прославлять чрева нашего сладострастною утехою плотских страстей, если не будем покоить плоти в сладострастном наслаждении, то горько нам без сего.

Вопрошает некто агарянина и говорит: «Если мне нечем заплатить, чтобы потешить сладострастие свое, то что мне делать?» Отвечает агарянин: «Продай чад своих и упокой сладострастие свое, как оно требует». Говорит вопрошающий: «А если у меня нет чад, то что мне делать?» Говорит агарянин: «Продай одежду твою». Т. е. пожертвуй всем ради сладострастия – так пристрастны к нему агаряне; также становятся пристрастны к нему и к плоти своей нынешние монахи.

Продал несчастный одежду свою, чтобы сходить упокоить сладострастие свое, и остался наг. Внезапно наступила зима, стал он весьма мерзнуть. Просит одежды у другого, тот не дает ему, но говорит: «Ступай лучше к продающим и купи». Пошел он на базар, чтобы купить, встречает его тягчайший холод и заключился базар. Кричит и говорит: откройте мне, чтобы мне одежду купить и одеться. Говорит ему продавец: «Когда я даром раздавать хотел, вы не приходили, а когда я запер дверь раздачи, тогда приходишь покупать? Ныне иди от меня, "не вем вас"».

То же делаете и вы сегодня, мечтая о плотском и чувственном пути погибели, как тот, всем пожертвовавший ради плотского сладострастия; таким же образом и вы погибнете.

---

[1]Мысль та, что при построении громадных, красивых зданий не надобно забывать и о созидании своего духовного дома (1 Кор. 3, 10-17).

Ох, беда вам, что делаетесь вы рабами чреву, тешите плотские страсти упокоением сладострастным и наслаждениями многодарений погибели, ревнуя о том, кто первый многоодарится и поселится в жилище, как дворец, украшенном, чтобы жить в нем и погублять себя. Пришла зима, заключились очи возделывания лжи и обманов мира; тогда останетесь вы голы и всенаги, поработившие себя ложным и обманчивым волнам мира, останетесь наги от всех дарований монашеской жизни.

Путем ея шествуете, но что за польза с того, когда не переизбыточествуете в добродетелях? Трудом трудитесь, но о возделывании добродетелей не заботитесь. Алчбу переносите, но потом не поститесь; и не только не прибыточествуете в добродетелях, но разорением разоряетесь, в погибель разоряя себя.

Глава LVI

О скопидомстве и ростовщичестве; картина того, к чему это приводит

Имеете вы у себя сребро и злато для того, чтобы давать дары, чтобы мстить один другому, стараясь и ревнуя о том, чтобы опередить один другого и, ублажив дарами власти монастырские, низложить его.

О, несмысленные и косные сердцем! Что тебя, о монастырь, заставляет принимать подарки скитян, осквернять доходы монастыря сими оскверненными и противозаконными дарами. Послушай и увидишь, что это такое. Они суть скверна, потому что чрез них снисходят и снизошли с монашества (т. е. преступают обеты нестяжания и воздержания), удалились и удаляются от монашеской жизни из-за рукотворенных погибели; мало того, что погибают и губят себя рукотворением, сокровиществованием и заботою о тленных мира сего, о сребре, злате и прочих подобных, но делают еще и противоестественное беззаконие, попирают противозаконники устав преподобного отца нашего Афанасия и устав скита... (т. е., разбогатев, принимают в услужение безбрадых).

Великая, великая, велика мерзость пред Богом, когда скитяне имеют сребро и злато в росте. А кто его ныне не имеет? Разве только самые малые, а то почти все духовники это делают, имеют сребро и злато в росте и сокровиществуют. Когда такого противозакония много накопят, начинают и много воображать о себе, не принимая ни малейшего слова (обли-

чения); возмущаются, если кто уничижит их даже и малым словом. Возмущаются друг против друга из-за малейшего противоречия, говорят: «Нет, мое это», и: «Нет, не твое это». Вследствие сего, никто из них мирен быть не может. Ходят тяжущиеся в монастырь, нагруженные пирожками и лимонами, чтобы сделать себя сильными в суетном деле своем; а вы, точно бешенные, как лишь увидите скитские пирожки, то до того вожделеваете их, как будто у вас и хлеба не было для еды; дожидаетесь того, чтобы скитяне между собою переругались, принесли бы вам пирожков, лимонов и прочего.

Оставив простор мира, пришли в тесноту ради спасения, чтобы здесь утеснить себя пустынным аскетизмом и обрести милость для души своей, как говорится: «Виждь смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя».

Но ныне суемудрствующие, оставив земная и придя сюда заглаживать беззакония свои пустынным подвигом, вместо этого наложили на себя и накладывают в седмь крат большую беззаконность.

Виноваты же в том вы (монастырские), сделавшие скитян суемудрствующими. Они стали подобны вам, у вас один союз с ними (т. е. у монастырских взяточников с подкупающими их, коварствующими скитянами). Собрав кое-что в казну, вы мните о себе, что нечто сделали и нечто делаете.

О, суетные и суемудренные! Разве не ведаете, что неправедным вашим сокровиществованием вы осквернили и оскверняете казну монастырскую? За каждую обиду (лихву) обижена будет казна монастырская (т. е. взыщется с нее) вчетверо против обиды; пока не вернетесь вы к прежней справедливости – казна будет бедствовать.

Насокровиществовав себе свои воровские ящики, вы еще противозаконничаете противозаконным возделыванием. Вы противозаконничали с денежным ростом, научив тому же и скитян ваших.

Вы стали хищниками доходов монастырских, соперничая, кто первый опередит, восхитит себе доходы и захватит их во власть свою. Монастырю угрожает погибель (т. е. разорение), а вы имеете доходы его усокровиществованными в келлиях ваших, щеголяете на монастырские доходы, имеете такие кубки, каких ни у одного игемона агарянского нет, дух ваш облачен в порфиру и в виссон, балуетесь вы с безбрадыми юношами. Говорим: прислуживают вам безбрадые мальчики, (красивые) лицом, вы же мысленно сквернитесь, как будто вы и не монахи монастыря. Воруете доходы монастырские и собираете их в каливах своих в железные шкатулки – один 50 мешцов, другой 100, третий и того больше, воображая о себе, что «мы

нечто». Псилафизуетесь в том, чтобы мешцами своими низложить другого, напоить ближнего чашей смертной и его годовую должность доходную похитить себе.

И вот одного из таких богачей – проэстосов монастырских – надумали вы убить, убили; стали рассматривать (по смерти его) богатство его, вещи, которые ему удалось усокровиществовать в келлии своей, и, взирая, стали недоумевать, дивиться и восклицать: «Что это за монах такой был, столько богатства». На самом деле, он разорен вконец, с должности смещен, выступил и не вступил (т. е. духовно все потерял, выступив душою из тела, в царство вечное не вступил, но душа его сошла во ад). Вместе с богачом он вопиет: «Мучаюся страшно!» О, безумный и суемудрый! В эту ночь душу твою истяжут от тебя, а то, что уготовал, кому будет?

Умерщвлен был сей монах и погребен. Когда его похоронили, взяли суемудрые годовое (т. е. его доходную годовую должность), мертвого взяли порфирные одежды, поделив их между собою так: какие – тайно взяли, какие – украли, а какие – распродали. Распродали (часть вещей покойного), но что продали? Продали отборные порфиры и сундуки с драгоценностями. Порфира значит: одежды многоценные и шубки дорогие. Порфиры же суть также ковры, скатерти и убранство ложа. Сундуки же – приборы столовые и кухонная посуда. Продали и собрали множество золота. Но познакомилась ли монастырская казна хоть сколько-нибудь с этим золотом (вырученным от распродажи и оставшимся в мешцах)? Нисколько казна и не познала о сей продаже. Продали и собрали злато, но что же сделалось с вырученными деньгами? Знаете, что сделалось? Сделалось многосокровиществование, оно опять усокровиществовалось (разошлось по келлиям братий), а казна, как и раньше, осталась опять пустой. Казна требует помощи, вы же, суемудренные, нисколько не печетесь о том, не милосердуете о бедствии казны монастырской, милосердуя лишь о шкатулках своих; даже малейшую помощь боитесь оказать казне, чтобы не опростались сундуки ваши, окованные железом.

О, бездумные и суемудрые! Что уготовали вы себе, кому это будет?

Горечь горечей и всяческую горечь уготовал ты этим себе; принесется пред тебя уготованное тобою в час твой последний, принесется тогда, когда вострепещут херувимы, серафимы, все святые ангелы, когда воссядет Сын Человеческий во славе Своей, когда никто не в силах будет приити пред Него и судиться с Ним, когда будет страх и трепет в тот час конечного решения, когда будет разобрана правота праведника и не-

правота неправедника!.. Но вы сегодня, суемудренные, превращаете правоту в неправоту; правым творите в неправде и неправым в правде из-за подарков, пирожков и всего другого, что приносят вам скитяне. За сребро и злато делаете неправоту яко правоту, оправдывая себя тем, что творите праведный суд. Справедливость же ваша зависит от подарков, вы всецело возделываете неправду, оправдывая себя, что вы нечто (т. е. что вам и подарки подобает приносить).

Посему покайтесь и исправьтесь в том, что вы таковы: горды, вспыльчивы, неуступчивы, враждоборны, коварны, злопамятны, злорадны, лжесвидетели, немилосердны, любостяжатели, неправедны, хищники, тщеславны, лицемерны, хвастуны, сластолюбцы, многопопечительные, многозаботливые, сребролюбцы, завистливые. Вы сделались отметниками слов преподобного отца нашего Афанасия; завидуете, предаете, убиваете друг друга, как будто бы не чада вы отца нашего Афанасия. За такие дела лишились вы водительства преподобного отца нашего Афанасия, стали мерзки и мирянам, как будто и не были потомками преподобного Афанасия. Востань же, преподобный Афанасий, погляди на потомство твое, как погубило оно путеводство спасения, руководствуясь погибелью.

Глава LVII

Воззвание о хранении себя от сообращения с безбрадыми. Картина развития сей страсти

Прошу вас и молю, чтобы вы исправились. Исправьтесь следующим образом.

Вспомните, при каких условиях держит магнит железо? Когда блестит железо, тогда держит его магнит (т. е. когда нет на железе ржавости); когда оно так крепко, как олово, припаянное к меди. Так же и медь посудная, тогда держит полуду, когда сама нова и чиста.

Если же (полудив) господин дома не будет беречь сосуд и поставит его подле огня, что тогда останется на меди от полуды?

Если ты поставишь медный сосуд на огонь и не доглядишь за ним, он сейчас же распаяется, станет таким безобразным, что противно будет и смотреть на него. Таково монашество и воспринятая с монашеством благодать монашеской жизни.

Поскольку человек чист в расположении своем, поскольку целомудр и праведен, постольку держится на нем и благодать

Всесвятаго Духа. Посему, если кто будет монашествовать, но не станет остерегаться от пристрастия к юным (или привязанности), тогда с благодатию Всесвятаго Духа, которую он получил, приняв монашеский образ, (сделается то же, что с полудой посуды, несохраненной от огня).

Если не будешь остерегаться от привязанности к юному, будешь любосластничать с ним оком или словом, или делом, то благодать Всесвятаго Духа тотчас удалится от тебя и вселится в тебя бес.

Если не будешь видеть юного, то и разговорами с ним заниматься не будешь. Если же не будешь собеседовать с юным, то как возможно будет тебе сделать злое дело с ним?

Блажен, кто не взирает на юного; треблажен тот, кто и не сообращается с юным, ибо сообращение с юным есть огонь, пламя реки огненной; сообращающийся с юными тотчас теряет сущность души своей и нисколько не бывает плодоносен пред Богом.

Не говорю я вам, что юный нечист, но говорю вам, что глаза ваши осквернены (т. е. от юности человек навыкает блуду очес и пристрастию к красивым лицам).

Говорю я вам, что вы безумны во спасении своем. Когда сообращаетесь с юными, то, взирая на юного пред собою, тотчас оскверняетесь в расположении своем. Чем виноват юноша, что ты, как животное и как жеребец, прельщаешься им, лаская его?

Юный, видя твое прельщение им, начинает и сам ласкаться к тебе, потешаясь над тобой, как над (глупой) овцой, а ты не разумеваешь сетей молодого и того, что он потешается над тобою, посмеиваясь над твоим увлечением. Посмеиваясь над тобою, юный ласкается к тебе, а ты его одаряешь нарядами, чтобы еще больше ласкать око твое, предаешь ему все чувства твои, делаешься безчувственным к Богу в расположении твоем, с нечувствием расположения твоего помрачаешься, не ведаешь спасения своего, мечтая о лице юного. Этим наряжением юного, ради ласкательства плоти твоей, прельщаешь ты юного вместе с собой.

Юный к тебе ласкается, ты украшаешь его нарядами, а он делается пред тобой как девица...

Когда же будешь взирать на такое девическое лицо, то что тогда будет делаться с тобою?..

Не только один ты этим оскверняешься, но, при виде красоты наряженого юного, и ближний твой оскверняется, взирая на него.

ГЛАВА LVIII

Гнев Божий готов разразиться над Афоном, и что предотвращает его

Вы думаете: напрасно говорит он это нам; если такая беззаконность иметь в монастыре молодых слуг и такой грех, почему же не покарает нас за это Бог (ибо исстари так уж заведено). Да, правду сказали вы; как не покарает вас Бог за то, что вы так суемудрствуете о суетных, подобно древним людям перед потопом. Ей! Накажет вас Бог, но, по безграничной милости милосердия Своего, еще долготерпит о вас ради покаяния во спасение. Так как вы преогорчили и преогорчаете Бога, то уже готова кара для наказания вашего. Но есть еще некие отдельные (подвижники) в этой честной Горе, которые заступают ее от гнева карательного; когда же исчезнут и эти отдельные с Горы сей честной, тогда, увы Горе сей, ибо грядет на нее великое ниспровержение (катастрофа)!

Увы вам, честнейшие отцы, грядет на вас великое нашествие, подобное раифскому (примером, это вскоре и сбылось). Но раифцы жили столь добродетельною жизнию, что были как земные ангелы... Спрашиваю я вас, если на отцов раифских, которые жили как бы (ангельскою жизнию), нашло такое нашествие, то что сделано будет с вами? Ох, увы, ибо из скорби скорбь грядет на вас!

О, преподобнейшие и честнейшие отцы! Молю вас и прошу, сделайте истинное покаяние, покайтесь ото всей души и сердца, пока еще не исчезли таковые (Божии люди) из вашей среды. Для предотвращения меча ярости восприимите истинное покаяние, подобно ниневийскому. Говорю вам: покайтесь, ибо час приблизился; если же не покаетесь, то последует на вас нашествие раифское.

ГЛАВА LIX

Воззвание о покаянии и неотчаянии. Сравнение монашества с хождением Петра по водам

О, суемудренные, преследующие друг друга, не имеющие жалости друг о друге, возделывающие свое суетное мудрование, а спасения своего не возделывающие! Вы ос-

тавили отцов, матерей и прочее подобное, заключив себя в спасительный сосуд, чтобы спасти бедную свою душу, исстрадавшуюся в суетных мира.

Вы отреклись от мирян, пришли сюда, чтобы побеждать страсти свои. Пришли и вступили в бой, как Израиль (с Амаликом в пустыне), но не сражаетесь по Богу действием боевым, а даете себя побеждать бездною своего суемудрия, в которое и погрузились; (волны суемудрые потопляют вас) как фараонитов Красное море. О, маловерные и косные сердцем вашим, из-за чего углубились вы в суемудрие (т. е. почему потеряли надежду на покров Божией Матери и Ее промышление о вас, что стали много заботиться о материальном)? Вы люди, вы человеки; как человеки, вы погружаетесь, но не утопайте, подобно фараону в Чермном море, а с Петром взывайте: «Господи, спаси мя».

Петр, возымев решимость пойти по водам моря, ради малого смущения от волн, (стал тонуть), испугался и возопил: «Господи, спаси мя». Не таковы нынешние люди: видят они монашескую жизнь; берут решимость, просятся, чтобы и их удостоили жить монашеской жизнию. Видит Бог такую решимость человека, взыскивает его и говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы». Пошли люди по водам монашеской жизни, шествуют к обетованному по волнам на обетах монашества. Но восстает буря ветряная в волнах, видят они (вздымающиеся волны) и ветры, говорим: помыслы, которые возмущают волны монашеской жизни; и вот убоялись они, подобно Петру, но с Петром не восклицают: «Господи, спаси мя», а погружаются и тонут во глубине погибели, суемудрствуя, подобно израильтянам, требовавшим Египта.

ГЛАВА LX

О манне в пустыне; сравнение с манной милостыни монастырям

Дал им Бог по прошению их манну, чтобы обрели они в манне утешение, которого желали. Но евреи опять восстали на Моисея; за беззаконность их разверзлася земля и поглотила всех безчинников...

Так и сегодня: не стремятся несчастные приготовлять себя к тому, чтобы достичь во славу Царствующего, чтобы прославиться с Ним, но возделывают суемудрие

суемудренных, требуя и себе того же, к чему стремится мир. Бог, видя переменчивый нрав ваш, исполнил и исполняет ваши прошения, как у путешествовавшего народа израильского... Однако мало евреям было того, что получили они манну, стали они еще добиваться того, чтобы собирать ее в сокровища, как и вы, суемудренные. Евреи усокровиществовали, но труд свой потеряли даром, ибо манна превратилась в червей. Так и у вас сегодня. Посылает Бог милость, как манну, на Гору сию честную, питает вас милостынею Божиею; безмерною милостынею христиан, как израильтян манною т. е. на каждый день посылая потребное и запрещая набирать про запас, но вы, неблагодарные, с ненасытностию израильтян осуемудрились мудрованиями суетными до того, что стали усокровиществовать милость Божию в воровские ваши ящички... Ей, в червей она и обращается. В каких же червей? Не так, как у израильтян, т. е. видимо, но червивыми делаются ваши помыслы, которыми вы побуждаетесь к тому, чтобы и дальше похищать и сокровиществовать милость Божию, расходуя ее для удовлетворения ваших злых наклонностей.

Евреи сотворили совет, чтобы сокровиществовать манну, но она делалась червивой; когда увидели евреи, что манна превращается в червей, перестали и не стали сокровиществовать. Вы же стали слепыми и жестокосердыми, подобно фараонитам, ибо ожесточили сердце свое к милости Божией.

Израильский полк, увидав, что манна вкусна, но сокровиществовать ее невозможно, восстал за это на Моисея; в наказание на восставших разверзлась земля и поглотила их. Так и ныне. Видите вы милость Бога, Который милует вас безмерной милостынею христиан, стараетесь усокровиществовать ее, но Бог, чтобы не скопляли, посылает дорогие траты, чтобы не сокровиществовали вы милость Божию; эта милость превращается как бы в червей, говорим: расходуется вами. Эти дорогие траты и есть червь для сокровиществований милости, которая чрез сие выкидывается вон, подобно червям, в которых превращались остатки манны израильской.

Так и сегодня. Видите вы милостыню христиан, что она хороша и вкусна, но сокровиществовать ее не можете; посему восстаете против монашеской жизни, дабы изгнать от себя Царицу Спасения. Таким восстанием восстал и полк Корея, чтобы изгнать от среды своей Моисея, но за это полк поглотила земля. И вы сегодня восстали восстанием на монашескую жизнь, но за это отверзлась бездна погибели и вы поглощаетесь сею бездною, подобно полку Корея. То же происходит и с милостыней, которую собирают скитяне с излишком против действительной необходимости; этот излишек, как только

его соберут, превращается в червей. Но как делается она червивой? В вас самих делаются черви; эти черви пожирают вас, как язва раковой болезни, и вы сами пожираете друг друга, как будто вы и не монахи. Ходите вы, скитяне, в монастырь, там, видя вас, пожирающих друг друга, отбирают от вас зачервившуюся вашу милостыню, чтобы за милость Божию предали в ваши руки брата, чтобы милостию Божией опередить другого в нанесении ему язвы, чтобы одному другого пожрать. Видя вас, каковы вы, монастырь отбирает от вас из рук ваших избыток милостыни Божией, как у полка Корея хищные птицы, но монастырь причиняет тем и своей казне одну язву. Эта язва казны пожирает помыслы и главу монастырскую, т. е. старших монастыря, а вы, приносящие, пожираете друг друга, кто кого опередит в победе; этою вашею войною начинаете опустошать казну и выкидывать из нее лихву, как червивую манну, на расходы ведения войны, чтобы тем победить и делать злые свои пожелания; но от этих любоодарений казною военные действия не прекращаются, выкидывание казны продолжается, на выкинутое набрасываются хищные птицы, пожирая это сокровище.

Говорим: видят иноязычные агаряне, как вы сами себя пожираете, как из-за милости Божией в вас сделалась одна язва; стали пожирать вас и птицы агарянские за то, что вы пожираете других с лукавством вашим.

О, безумные и суемудрые! То, что уготовали, кому будет? Что вас заставляет, о злые головы, суемудрствовать между собою из-за суетных и ложных мира сего, пожирать друг друга, как язвою, и раскрывать милость Божию пред птицами агарянскими?!

Хищная птица имеет обычай разыскивать падаль четвероногого, чтобы напитаться. Когда птица найдет такую падаль, тотчас собираются и другие птицы, чтобы напитаться ею. Спрашиваю я вас: когда соберутся птицы на падаль, оставят ли они на ней хоть сколько-нибудь мяса? Не только мяса не оставят, но и кости расклюют... Агаряне тоже подобны хищным птицам. Агарянин смотрит кругом, где бы ему накормиться неправдами, а вы перед птицами агарянскими выбрасываете милость Божию ради злых дел непокорства вашего, т. е. заводите тяжбы, даете им взятки, кормите и откармливаете птиц агарянских безмерною милостию Божией, которая приходит к вам с четырех стран мира, говорим: с запада, юга, востока и севера. Сии четыре ветра силою всесильного Бога льют, как из источника, милость Божию на эту Гору честную, но какая от сего польза, когда хищные птицы разносят ее и не дают напояться ею монашеской жизни; все пожирают хищные

птицы, т. е. течет милостыня отовсюду преобильная, но убогие бедствуют, будучи принуждены обременять себя заботами ради уплаты всяких поборов, милостыня же попадает в монастыри, расхищаясь лихоимцами, тратится на судебные тяжбы, которые всецело и пожирают ее, а монастыри разоряются, – что есть и на самом деле. Говорим: монастырские сделались друзьями с агарянами. Скитяне обирают сосельников своих, монастырские обирают скитян, у монастырских похищают птицы агарянские, другие похищают их у самих агарян.

О, злая главо, главизны скитян, т. е. старцы скитские! Почему не мирствуете вы между собою, но бегаете каждый час в монастырь, оскверняя его любодарениями, чтобы он оправдывал вас в злом расположении вашем. Монастырь старается умирить вас, но когда у вас между собою нет мира, то что сделает с вами монастырь.

О, злая главо монастырская, что заставляет прельщаться любодарениями аскетов и расстраивать скиты от пути монашеской жизни, какими любодарениями они стараются любодарить вас, дабы творить свои похотения? Т. е. получать дозволения на разные отступления от строгих скитских правил.

Глава LXI

О распущенности скитян, притча об увлеченном женою муже

Говорю тебе, скверная главо монастырская: некий молодой человек имел жену, был влюблен в нее, потому что она была красива, но никогда ее не стерег, не журил и малейшего слова никогда ей не выговаривал. Она же, увидав, что муж ей не выговаривает, что бы она ни делала, начала склоняться к злой страсти своей, т. е. любовникам, и изменять мужу. Когда же она уклонилась – исчезла ее красота, она стала такой безобразной, что отвратительно было кому бы то ни было и смотреть на нее. Начали говорить: «Отчего эта женщина стала такой уродливой». Каково было мужу слышать такие слова обвинения за то, что он никогда не выговаривал ей ради исправления ее, ибо был влюблен в нее.

Спрашиваю я тебя, злая главо монастырская: вина этих бесчестий и обвинений на кого падает? Обвиняют ли мужа или жену? Очевидно, обвиняют мужа. Если по вине жены обвинен муж, к чему ему такая жена? Отчего не исправлял он ее,

будучи ее мужем? Скажете, как же ему ее исправить, когда она неисправима? Послушайте и увидите: до тех пор, пока он будет ею прельщаться, она никогда не будет исправляться; до тех пор, пока она будет утешать плоть свою, наряжаться, – никогда не может она исправиться, до тех пор, пока она собеседования будет иметь с незнакомыми мужу ее – никогда не будет иметь в себе чистого расположения (т. е. к мужу чистой любви). Говорим и говорю вам: вы, монастырские, влюблены в новосозданные скиты из-за любодарения их; поскольку будете иметь эти любодарения и прельщаться ими, то не будете исправлять их, ибо того не допустит вам ваше увлечение подарками. Скитяне, видя, что вы падки к подаркам, начинают сами уклоняться в погибель любостяжания и сокровиществования, так, что это сделалось у них язвой; они пожираются между собою, как будто живут не в сей Горе честной, вместо прежней красоты своей стали так отвратительны, что гнусно каждому глядеть на них. Живут они в любостяжании, кто опередит других и больше насокровиществует... Они человеки суть и всуе мятутся, т. е. прельстились и грешат, яко человеки; почему же вы допускаете им суемудрствовать до такой степени? Любостяжание сделалось в них язвой; они взаимно друг друга пожирают. Вы же, вместо того, чтобы примирять их, наносите им еще другую, сугубую язву, т. е. они из-за любостяжания ссорятся, а вы это любостяжание еще поощряете взятками.

И с этой язвой скит ваш стал столь безобразен, что гнушается каждый и глядеть на него. Спрашиваю я вас: почему монастырь ваш, видя, что скит ваш стал столь гнусен и столь опорочен, не исправляет его? Спрашиваю я вас: безчестие это на кого переходит, на скит ли, или на монастырь? Очевидно, этим безчестится монастырь. А если безчестится монастырь, то зачем вы оставляете скит в таком положении и не исправляете его? Спросите: каким же исправлением исправить нам скит наш? Послушайте и увидите. Выслушайте подробно о сем.

Глава LXII

Благой виноградарь насадил виноград, но алчные наследники погубили его

Некто имел место пустое и запущенное. Пришел он, обработал его, своею обработкой и возделыванием сделал там прекраснейший виноградник. Он обламывал у него

лишние ветви, с рассуждением, на ветвях оставлял малое число почек ради плодоносия его на многие лета, ибо, если оставлять на лозе много почек, то лозы долголетствовать не будут; если же и ветвей совсем не обламывать, – тогда останется виноградник тощ.

Спрашиваю я вас: если вы лозы обламывать и обрабатывать не будете, какая будет она: многолетняя, или недолговечная? Очевидно, сделается недолговечной.

Итак, когда рачителю виноградника пришел общий срок, и отдал он общий долг, то достался виноградник чадам его. (Здесь подразумевается св. Афанасий, насадивший лавру).

Возобладала чадами его леность; от многого своего леностного нерадения оставили они рассуждение, стали обрабатывать виноградник безрассудно, стали обламывать ветви неразумно, оставляя на них много почек, чтобы лоза больше плодоносила и больше любоодаряла их гроздями; но лоза из-за этих ветвей захворала и стала давать весьма мало плодов.

Потомками же этих наследников возобладал еще дух любостяжания; они уже совсем не стали обламывать веток, виноград принес много гроздов, но безвкусных; виноградник стал бесплоден, а лозы из-за множества побегов своих не долголетствовали, но утратили свою силу. Виноградник одичал, пришел в запущенное состояние.

То же самое творите и вы с виноградником вашим, говорим: со скитами вашими и пустынниками.

Нынешние келлии, т. е. монашеское обиталище, имеющее церковь со значительным количеством земли, за которое платите немалую данку, и уступаемое за значительную цену владельцу с правом передачи сожителю своему по смерти, – эти келлии были раньше скитами (т. е. жилищами аскетов, без церкви, без прав земельных и без данки), именовались скитами, а нынешние скиты были прежде и именовались пустынями. Вы оставили их необработанными, необломанными, посему стали скиты келлиодарцами (т. е. данниками за келлию с присвоением им прав на землю); ныне они валяются в попечениях о земных вещах. Это и есть запустелый виноградник, так как спасение свое они оставили пустым и необработанным, для того, чтобы запасти чем насыщать вас, ненасытных драконов. Это и есть нерассуждение обработки (т. е. наследников св. Афанасия). Вы же не только обрабатываете безрассудно, но неправедным судом вашим совсем искоренили лозы, при безрассудстве вашем делаетесь святотатцами следующим образом: когда видите с лукавым вашим безрассудством, что нет у него (т. е. владельца келлии) чем вас любоодарить, то, как иноверцы, разоряете его, обнажаете даже церковь его,

похищая подсвечники, минеи, и прочую церковную утварь; посему я и говорю вам: по безрассудству вашему вы сделались святотатцами.

Другие же, видя вашу хищническую безразборчивость, которую вы к ним имеете (т. е. к келлиотам), начали и сами возделывать погибель и многопопечительность заботы, дабы заботиться о том, как насытить вас, безразборчивых, не разбирающих жизни (монашеской духовной, не делающих ради сего никаких снисхождений), но помышляющие лишь о том, чтобы разбирать и принимать (или взимать)...

Глава LXIII

Притеснения убогих подвижников. Уподобление жестокосердию фараонскому

Вы стали хуже агарян с вашею безразборчивостию. Царство агарянское с разбором (взимает подать), имея три бумаги для трех разрядов, которые называются: одна «атна», другая «эфсат», третья «эла». Согласно силе человека агарянин дает ему и хартию рабства (т. е. данки). Ради этого, говорю я вам, у агарянина есть разбор; вами же обладала и обладает неразборчивость; вы не имеете рассуждения, чтобы брать с человека по силе его, но безразборчиво относитесь к безсилию праведника (т. е. к убожеству его) и с таким насилием его грабите, как будто и не придется вам дать ответ за этого безсильного.

У агарянина есть разбор, немощным он дает «этну», т. е. налагает малую подать, а вы, по безразборчивости своей, даете такому безсильному высший разряд данки – «элу». Так притесняя (подвижников), рассуждая с таким безрассудством, судя с такою несправедливостию, вы неправосудием вашим осквернили Гору сию честную, сосуд спасения.

Если скажете: какая же в нас безразборчивость, что осквернили мы сию Гору? Вопрошу и я вас об одном деле, только дайте мне на него ответ правдолюбиво: наделяя людей участками, для чего назначаете вы такую высокую плату? На какие расходы вам эти взимания расходовать, если вы на людей столько много дани налагаете?[1] Скажете вы: место наше и за него следует нам получать. Пусть так; но, спрошу

[1]Действительно, покупка малого клочка земли на Афоне у греческого монастыря обходится в несколько тысяч; иногда и за деньги не продадут.

я вас, отчего же не налагаете вы сообразно человеку? Вы облагаете одинаково каждую голову. Почему не разбираете, что голова от головы имеет разницу? Есть головы здоровые, крепкие и есть больные, паршивоголовые, есть болящеголовые.

Больной головой есть тот, который не имеет средств. Есть у него имущество, но есть и тягчайший долг, он не может выкупить доходов имения своего и труда (т. е. все доходы поглощаются заимодавцами), а вы еще насилуете его, много с него требуете, а у него и малого нет; грабите его, забирая у него все, что есть в келлии, сие творите с намерением, чтобы заставить его продать келлию свою, дабы вам похитить доход от переделки бумаг, хищники вы такие!

Видит Бог истязания израильтян, посылает Моисея, чтобы освободить их от истязания, но фараон не слушает Моисея. Бог тогда налагает на фараона разного рода язвы. Фараон все-таки не слушает слов Божиих, которые говорит ему Моисей, требуя отпустить израильтян. Так как не слушался фараон того, что говорил ему Моисей, то Бог еще сильнее ожесточил его сердце, которое и от природы было жестокосердое. С жестокосердием своим погрузился фараон в Чермное море. То же самое творите и вы в Горе сей честной, угнетая бедноту – подобно тому, как фараон угнетал израильтян в Египте.

Бог видит ваше злое расположение, нерассуждение и неисправимость жестокосердия вашего к бедным, как у фараона к израильтянам, который им даже немного поработать Богу не давал, требуя, чтобы работали только на фараонитов. Одинаковое с этим творите и вы, ибо не даете людям работать монашеской жизни, но с неправосудностию вашей принуждаете людей работать для безразборчивого вашего нрава, чтобы исполнялись ваши злые похотения. И ради сего злого вашего нрава и злых пожеланий вы насилуете людей, препятствуя им спасаться. Видит Бог, что вы препятствуете спасаться людям, что с надменным вашим нравом вы ожесточились сердцем; вследствие такого вашего жестокосердия, послал меня Бог, подобно Моисею, в Гору сию честную для освобождения людей, ибо, по вине вашей, нынешние монахи пленились в погибель с многопопечительностию сокровиществования.

Глава LXIV

Послан я к вам от Бога, как пророк Нафан к Давиду

Итак, вот послан я к вам от Бога, подобно тому, как Моисей к фараону; те самые слова, которые изрекли уста

Божии, говорю и я вам. Не усомнитесь, (будто) я прибавил собственные мои слова к словам Божиим; я не сделал здесь прибавки даже с зерно горчичное; только то, что изрекли уста Божии, то я и изрек; посему, воплем глаголю вам, подобно пророку Нафану, который глаголал Давиду, обидевшему убогого.

Глава LXV

Разберите жизнь свою и чувства ваши, угодны ли они Богу?

О, нечувственные и косные в рассуждении вашем, доколе? Вот приблизился час вечерний! Вот почиешь и заснешь, а то, что уготовал, кому будет? О, преподобнейшие отцы! Что это за нечувствие в вас, что не чувствуете вы спасения своего? Ах, проподобнейшие отцы, что это нерассуждение в вас, что не рассуждаете цели пришествия своего? С какою целью вы пришли и вступили на путь монашеской жизни? Дивлюсь я, что живете вы такою жизнию. Недоумеваю и изумляюсь, как допускает ваше чувство возделывать такую гнусную жизнь? Покинули вы чистейшую спасительную жизнь, стали держаться суетных и ложных мира, загрязнили себя от влас главы вашей до ногтей ног ваших. От многого зловонного смрада, (восходящего) из жизни вашей, гнушается Бог и глядеть на нее.

Ей, имели вы хорошую жизнь, (но почему) не удержали ее? Скажете: какую жизнь мы имели и не удержали? Дивлюсь я вам. Поразмыслите сами о себе, разберите жизнь свою; такова ли жизнь ваша, чтобы ей благоугодною быть Богу? Размыслите сами о себе и разберите жизнь свою, которую имеете.

Если же в вас нет чувства, чтобы ощутить, какова жизнь ваша, если не имеете вы рассудка и рассуждения, чтобы разобрать свои деяния, то, очевидно, предстоит мне нужда представить ее вам, сопоставив жизнь вашу с жизнию монашеской.

Вот я представил и представляю пред вами жизнь вашу, но восчувствовали ли вы все это? Или мои слова только даром пропадут? Но, так как слова эти не суть мои собственные, а слова Пославшего меня, ужели они останутся втуне?

1) Если вы будете нечувственны, то слова мои к вам останутся втуне, но вы потом будете безответны.

2) Если не будете иметь размышления, чтобы размыслить о себе, то слова мои к вам останутся туне, но потом будете безответны.

3) Если не будете иметь рассуждения, чтобы разобрать слова мои, то безполезны будут слова мои вам, но потом сделаетесь безответны.

Глава LXVI

Призыв святогорцев к покаянию для предотвращения нашествия

О, преподобнейшие отцы, находящиеся в Горе сей честной, сосуде спасения, кайтесь и не соперничайте друг с другом в погибели. Ей, соревнуйте друг с другом, но в чем соревнуйте? Соревнуйте друг с другом во спасении, а не в погибели. Смотрите, чтобы иметь на себе оружие монашеской жизни, быть уготовленными покаянием, чтобы, когда найдет нашествие, обрело бы вас сие нашествие в покаянии. И, когда найдет нашествие на вас, то одно из двух должно с вами произойти (т. е. погибель нераскаянных и мученический венец каявшимся). Если застанет вас нашествие в покаянии, то вчинит вас Бог в лик мучеников.

Печалуется и много милосердует о вас Бог, но будьте и вы достойны печали. Печалюсь я, как бы не обрело вас нашествие нераскаянными, тогда потеряете вы венец и награды мученические покаяния (т. е. кающимся).

О, преподобнейшие отцы! Имейте хоть оружие монашеской жизни в руках, т. е. не слагайте оружия покаяния; тогда вы уготовите себя – «аможе радующиеся». Если же не имеете покаянных слез, то имейте хотя склонность к оружиям света монашеской жизни. Оружия же сии суть: да имеете безпопечительность о теле вашем, да печетесь о спасении своем.

То, что проглаголали уста Божия Нафану, то и сказал Нафан Давиду: «Вот послал меня Бог к тебе по причине беззакония, так как содеял ты два зла в беззаконии твоем (т. е. согрешил с женою и убил мужа); соделал грех исчисления народа, сделалось три беззакония, говорим: прелюбодеяние, убийство и исчисление народа; явились три язвы на главу твою, дабы поглотить тебя. Проси из трех (кар) одну, какую хочешь получить!..» И я, подобно Нафану, глаголю вам от уст Божиих: так как впали вы в любостяжание и, подобно Давиду, – в прелюбодеяние, то востаньте и так же искренно,

как Давид, кайтесь в беззаконии том. Вы убили и убиваете спасение свое, с сокровиществованием заботы, подобно Давиду, который убил Урию, а потом взял за себя Вирсавию для того, чтобы не назвали его противозаконником, если бы он взял жену при жизни ее мужа. Так и вы убили спасение ваше, (сочетались) с любостяжанием и, став любостяжателями, совершаете злое нашествие на (монашескую жизнь), подобно (восстанию) полчища Корея. Ибо любостяжание и сокровиществование есть причина беззакония; из-за них происходит два зла в монашеской жизни. Говорим: ненасытное любостяжание и барское или начальственное – игемоническое (досл.: любостяжание ненасытства и наряжение игемоническое), для тела гордостного. Делатели этих двух зол творят нашествие и из-за сего нападают друг на друга, стали язвою, и пожирают друг друга. Сверх этих язв обдержит вас еще одна – плотское пристрастие к юным. Вы пожираетесь этим пристрастием к юному, оно, как язва, пожирает вас. Из-за этих юных (т. е. из-за того, что держите их), совокупляетесь вы друг с другом, сваливаетесь в треклятой нечистоте; как же будет жительствовать в вас благодать Всесвятаго Духа! Сии беззакония сделались тремя язвами на главе вашей, дабы поглотить вас. Выбирайте за это одну из трех кар. Которую захотите понести, ту и получите.

Возьмитесь за первую (т. е. покарайте сами себя покаянием) – покажите истинное покаяние Богу, возделывайте отныне жизнь прежних отцов, исправьте настоящую жизнь вашу, которая не богоугодна, но омерзительна пред Богом.

2) Или найдет на вас ангел сатанин, то есть нашествие на главу вашу, подобно нашествию раифскому.

3) Или получите ниспогружение тела вашего и всех тех, что к телу.

Примечание: Второе уже сбылось, третье же – отчасти, ибо был многодневный дождь, произведший большие разрушения, но вполне это пророчение еще должно сбыться в будущем.

Много гневается на вас Бог, так как позабыли вы цель, ради которой пришли в сию честную Гору. Цель вашего пришествия сюда была спасаться, но вы пришли и убили спасение свое невниманием вашим. Пришли с тою целью, чтобы спасаться, но небрежение ваше сделало то, что вы погубили себя и стали погибающими. Ради этого и говорю я вам: много гневается на вас Бог за хищения, любостяжание, плотское наслаждение нечистотою, враждострастие и осуждение. Разгневали вы этим Бога против себя более, нежели фараон.

Дивлюсь я Богу, как это Он еще долготерпит вам с безмерною милостию милосердия! Дивлюсь я и вашему, при всем этом,

безчувствию! Что станется с вами потом за такое ваше безчувствие?! Но вы не ощущаете того, что вы безчувственны! О, если бы вы восчувствовали безчувствие свое, имели бы хотя малое рассуждение о безчувствии своем, но из дел ваших явствует, что нет в вас ни рассуждения, ни чувства спасения своего. Попечение же о спасении сие (т. е. тому, кто начинает пещись о спасении своем, доставляет) – неисследимое море благости, путеводительство покаяния. И это есть (т. е. этим достигается): прибежище, путевождь покаяния. Это есть: совершение неисследимого (т. е. достижение недомысленных благ духовных чрез начало попечения о спасении своем). И это есть: вера, кротость, любовь, целомудрие, смирение, молитва и (надежда) (*последнее – прибавление переводчика:* т.к. есть седьмая).

Если говоришь о Боге, что Он Бог истины, но кротости не будешь иметь, как возможешь приблизиться (придвоиться) к Творцу твоему, Который есть Бог и неисследимое море благостыни? Если имеешь кротость, а любви не имеешь, как возможет сожительствовать с тобою благодать Господа нашего Иисуса Христа, Который воплотился, был заушаем, бичуем и осмеян – кого ради? Не ради ли чрезмерной любви Своей пролил Он свою кровь за тебя? Как же тебе в царство Его прийти без всякой любви? Если же имеешь любовь, целомудрия же иметь не будешь, то как возможешь вкушать Пречистое Тело Его и пить Кровь Его, которые суть чистейшие и светлейшие паче чистоты и света солнечного! Если имеешь целомудрие, а смирения не имеешь, как возможешь молиться и приносить молитву твою, как жертву хвалы пред Него, Который есть смирен и смирил Себя, тебя ради, даже до смерти, и смерти крестной, Который вопиет и говорит: «Научитеся от Мене, яко кроток есм и смирен сердцем».

Глава LXVII

О лицемерии, кичении угрюмостию и милостыне христиан

Смирите же и вы сердце ваше, чтобы вам сделаться сосудом Всесвятаго Духа, ибо сказано: (Бог) «гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4, 6). Бог кому противится? Противится тому, кто имеет лицемерие с угрюмою гордостию (гордится угрюмостию). Таковым Бог противится, равно как и вам, лицемерам, ибо вы лицемерно принимаете угрюмые лица, в миру и в гостях у

людей столь восхваляете себя, что, если послушать вашу похвальбу, можно подумать, что вы земные ангелы. Цель же ваша та, чтобы похищать сребро и злато. С угрюмым вашим лицемерием просите вы и похищаете, хвалясь перед людьми; стараетесь быть хвалимыми за то, что вы добродетельны, кротки, смиренны сердцем, а, на самом деле, вы суемудрствуете и растлеваете спасение свое.

Да (уверяете других), что вы кротки и смиренны сердцем: почему же пожираете друг друга, точно не монахи? (Отчего же кротости нет) в ваших деяниях, но делаете вы враждоборство взаимное, точно не монахи, а по делам вашим сделались враждоборцами даже против монашеской жизни? С суемудрием вашим презрели вы монашескую жизнь, предпочли отступника диавола, семиглавого зверя беззакония, к нему воздымаете мысль вашу и подняли (т. е. упование возложили), как будто бы Бог и не покровительствовал вам с безмерною милостию.

Радость тем христианам, которые исполняют заповеди Божии (по отношению к вам), с безграничною милостынею, дабы обрести милость душе своей. Но горе и увы вам, преступившим заповеди Божии с безмерною вашею нерассудительностию и нечувствием вашим; вы безчувственны до того, что невнимательны к милостыне мирян-христолюбцев. Сею милостынею вы украшаете оскверненное ваше тело нарядами[1] и безценными кубками.

О, нечувственные и косные сердцем! В погибельном помысле своем вы (оправдываете искательства милостыни у христиан), говоря, что храму работающие от храма питаются.

Глава LXVIII

Воистину ли служите вы храму, чтобы от храма питаться?

Да, правду говорите вы, что служащие храму от храма питаются, но, спрашиваю вас, послужили ли вы хоть сколько-нибудь чистейшему храму монашеской жизни и преосиянию спасения? Да, христиане милуют вас милостыней, чтобы вы служили монашеской жизни, но вы это служение оставили, милостыню же от христолюбцев все-таки берете, как будто и на самом деле бого-

[1]Разумеются здесь, конечно, не все иноки и не все общины иноческие на Афоне, а лишь те, которые ведут распущенную жизнь.

угодно служите храму. Сегодня возделываете вы злая ваша, не чувствуя, ради какой цели и каким образом монашествуете; завтра же злые ваши деяния будут мучить вас в муках ада из-за нерассудительного вашего небрежения. Сегодня вы не чувствуете нашего зла и того, что находитесь в погибели; завтра вы это почувствуете в аду, но какая будет польза.

Да, любоодаряют вас христолюбцы безмерною милостынею, исполняя заповедь Божию, которая говорит: «Нищих Его насыщу хлебом», «преподобнии Его радостию возрадуются».

О, преподобнейшие отцы, чувствуете ли вы, как исполняют христолюбцы по отношению к вам заповедь Божию? Если же (еще) не чувствуете, то рассудите и разберите нечувствие свое, при котором вы суемудрствуете о себе, что вы нечто, что вы якобы преподобные. Но что вы такое на самом деле? Вы преступники – а не преподобные, ибо словом и делом преступаете заповеди Божии; вместо того, чтобы похваляться подражанием преподобным, вы хвалитесь (подражанием) преступникам, лихоимствуя неправду в сокровиществовании.

Глава LXIX

О соблюдении обета целомудрия

О, если бы пребыло в вас непоколебимо соблюдение заповеди целомудрия, о, если бы вы хранили целомудрие, как змей главу! Но храните ли вы таким хранением целомудрие? Вы преступили его, стремитесь духом к безбрадым мальчикам и все оскверняетесь ими. Сие преступление заповеди Божией невыносимо для Бога и долее Он переносить не будет. Посему Бог решил послать ангела сатанина, чтобы нашествием своим сей ангел сатанин истребил такое преступление среди вас, творящих его, – чтобы праведников увенчал, добродетельных оправдал, а грешников помиловал. (Обращаем внимание на эти слова: преступниками святой называет пребывающих в тяжких грехах, в хищничестве, плотских наслаждениях и пр.; праведники суть живущие свято; добродетельные – ищущие спасения, но совершенства еще не достигшие; грешники суть немощнейшие из монашествующих, не искусные в духовной жизни, но сознающие свое недостоинство и кающиеся). Сие есть то, о чем говорится: «Нищих Его насыщу хлебом, священники Его облеку во спасение и преподобнии Его радостию возрадуются».

Если христолюбцы насыщают нищих (т. е. монашествующих, обнищавших Христа ради) хлебом, то тем паче Бог даст ли

погибнуть праведникам? Не только погибнуть им не даст, но и увенчает их. Если христолюбцы священников облекают спасением, тем паче Бог даст ли добродетельным потерять их труд, которым они потрудились, возделывая спасение свое в жизни монашеской? Не только не оставит их, но оправдает и дарует им спасение. Если христолюбцы радостотворят монахов милостию безмерной, чтобы они без помехи возделывали спасение свое, чтобы по упокоении своем возрадовались с праведниками, то тем паче Бог хочет их очистить и посредством нашествия призвать в чистоту царствия Своего, как говорится: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы». И опять говорит мирская пословица: «Где слово не действует – подействует палка!»

О, преподобнейшие отцы, вместо того, чтобы получить палку нашествия, не лучше ли вам удалиться от зла, приять многомилостивое покаяние, покаяться от всего сердца и сказать: «Ни, Господи, да не яростию Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажеши нас. Исцели нас, Господи, яко немощны есьмы. Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу». Исповедайте пред Господом немощь свою, покажите пред Богом истинное покаяние, которое могло бы отвратить от вас гнев Божий, как отвратили сей гнев своим покаянием ниневитяне.

Глава LXX

Что порох для дома, то осуждение для добродетелей

О, преподобнейшие отцы! Не осуждайте друг друга. Монастырские! Не осуждайте келлии и скитов. Келлии и скиты! Не осуждайте монастыря. Проклятое осуждение привело вас в то состояние, в каком находитесь; ибо осуждение для человека подобно пороху. С каким трудом человек строит дом добродетели! Выстраивает сей дом в монашеской жизни, потом в добродетель кладет многословие осуждения. Как от пороха дом, так от осуждения мгновенно разрушается добродетельное состояние. Подобно тому, как если бы кто сделал дом, чтобы в нем жительствовать (а потом сам взорвал его). Разрушил дом следующим образом: когда окончили постройку, он подложил под низ пороху и огня, порох воспламенился, разорвал дом, и человек потерял свой труд, которым подвизался столько времени. Так и с монашествующими. И не только с монашествующими, но все христиане,

иереи, священномонахи и патриархи, все, возделывающие добродетель, да опасаются, если хотят спастись, соединять ее с осуждением; они тогда мгновенно ниспровергнут добродетель вместе со спасением своим и потеряют весь труд свой.

Глава LXXI

О взаимном осуждении монастырей и келлиотов

Вы, келлиоты, осуждаете монастыри, но сами разве лучше их в том, в чем осуждаете? Монастырь имеет пороки, но ты разве поставлен над монастырем, чтобы судить его жестокословным твоим осуждением? Не ты над ним, но монастырь поставлен над тобой; он должен воздать за тебя слово Богу, как получивший Божественную власть испытывать твою жизнь и исправлять ее. Ты осуждаешь монастырь за то, что в нем есть безбрадые мальчики, но почему еще красивейшие мальчики находятся в келлии твоей. Скажешь, в монастыре едят мясо, преступая монашеский устав; да, правда, но почему ты сам покупаешь на базаре мясо, откровенно несешь его в руке твоей, идешь в келлию с такою важностию. Если у тебя в дороге спросят: «Что это такое?» Ты с насмешкой отвечаешь: это «моруна» монашеская (т. е. соленая рыба). Спрашиваю тебя: кто здесь преступник жизни монашеской? Очевидно, оба вы преступники; зачем же осуждаешь монастырь?

Вы, келлиоты, не ведаете, сколь велико преступление, которым вы преступили против монашеской жизни, уклонившись в погибель суемудрия, обуреваясь из-за сокровиществования для плоти, а в сокровиществовании для души не подвизаясь; вы помрачились и осуемудрили себя в сокровиществовании для плоти (соперничая), кто первый усокровиществует больше виноградников, масличников, орешников, жеребят, пчел, уход за которыми дает одну помеху; ведь вы много препятствуете своему спасению заботою о пчелах.

Скажете: чем же это препятствует нашему спасению? Разве не говорит апостол Павел «Не трудящийся, да не яст»? (2Сол. 3, 10). Да, правду сказали, но что вам говорит апостол? Он говорит, чтобы тот не ел, кто сам для услужения плоти своей не трудится сверх того, что говорит он вам? (Не говорит ли), чтобы вы не имели пристрастия к имению вашему? Пусть имеет человек имение, но да будет яко неимущий, как говорит апостол: имущий жену, яко неимущий ее, требующие мира

яко не требующие (1 Кор. 7, 29-31). И опять: какая нужда монаху в имениях? Монах оставил все, что имел в миру, сделался монахом, чтобы просветить душу свою, принести ее в дар Богу; нынешние монахи сего не делают, но впали в земные вещества мира, растлевая сами свое спасение.

Глава LXXII

О прежних разрядах монашествовавших во Св. Горе, и что стало теперь

Скажете: неужели потеряли мы природу нашу (сущность). Да существа своего вы не потеряли (т. е. существует монашество доселе), но жизнь вашу потеряли, даже не ощущаете, какую жизнь вы ведете. Жизнь ваша была раньше аскетическая, вы назывались скитянами, ныне с сокровиществованием земных, сделались и называетесь келлиодорами, говорим келлиотами (келлиодор давший за келлию).

Прежде в Св. Горе было семь видов подвижничества, и у всех была одна сущность (т. е. подвижнический и аскетический дух); их звали: 1) общежитие, 2) пустынники, 3) гаскитяне, 4) безмолвники, 5) сидящие (на покое при монастыре), 6) пещерники, 7) вольнособравшиеся (т. е. живущие в монастыре каждый на собственном довольстве).

Общежития были таковы, что у всех вкупе в монастыре было одно чувство, одно существование, одно сокровиществование спасения души и тела, одинаковый ответ (т. е. обращение), одна одежда, одна трапеза, одна служба, одна купля, одно заведывание имуществом; сие называлось общежитием.

Аскеты были те, которые не соединялись в общество, в чин делания общежительного, но удалялись, чтобы (жить) особо, делая келлии вдали одна от другой. Келлии их были удалены одна от другой на 2 и 3 стадии; каждый сам возделывал жизнь свою (т. е. в одиночестве). Сегодня они утратили жизнь свою и вместо того, чтобы называться аскетами, называются келлиотами.

Безмолвники были те, которые жили (особо), как скитяне, но в то же время собирались в (общество); собрания их назывались скитами; этим безмолвники отличались от аскетов (т. е. в вещественном отношении, сами о своем довольстве не заботились, но заботился начальник скита). По существу они были одинаковы с аскетами, подобно им не общались между

собою; ради такого обособления своего делали себе жилища в местах спокойных, где спасаются и до сего дня. Спасаются, но как спасаются? Спасаются таким образом, что потеряли безмолвный свой аскетизм, восприяв жизнь суемудренную, говорим: сделались и они келлиодорами и называются келлиотами.

Блаженны келлиоты, которые не принимают милостыни, питаясь трудом рук своих, по Бозе и другим помогают, с любовью к богослужению подвизаются (т. е. радеют о богослужении в келейных церквах своих). И опять: горе аскетам, которые принимают милостыню, но не пекутся о том, чтобы за нее служить божественные службы. Ради сего им подобает имя не аскетов, но разбойников, ибо они, как разбойники, похищают чужие вещи и чужие труды, с самооправданием говоря: «Это – ремесло наше (т. е. взимание милостыни) и не вредит душе нашей». Это именно и творят аскеты ныне, говорящие: «Что мы делаем, то угодно Богу, так как мы служим Богу». Да, служите вы Богу, но служите Ему не по духу, вы служите мамоне (т. е. духом не Ему служите, но мамоне). Ради этого и говорю я вам, что аскеты сделались разбойниками.

Послушайте, честнейшие отцы: скитяне, келлиоты и прочие чины жизни монашеской, помыслите, есть ли где-либо, от края до края вселенной, в каком-либо царстве место, где можно было бы, как здесь, оставлять двери открытыми и почивать беззаботно? Нет нигде ничего подобного, как в саду Госпожи нашей Богородицы. Безпопечительны вы в уделе Пресвятой; без заботы и страха оставляете двери открытыми, почивая беззаботно, но из-за любостяжания вашего и ваших раздоров вы причинны будете в том, что двери ваши будете запирать, будете иметь страх между собою, ибо не будете доверять один другому; дело любостяжания вашего сделает вас дрожащими и день и ночь.

Сидящие на покое в пределах монастыря ныне называются уже виноградарниками. Тот, который немощен в помысле и не в силах переносить шума монастырского, посылается сидеть, чтобы исцелились помыслы его. Существование их единосущно с монастырем (т. е. в вещественном отношении), но жизнь иная; кто на покое, тому подобает жить подвижнически, подвизаться сверх силы и воздерживаться по силе. Но и эти теперь утратили свой подвиг вместе с воздержанием; видя погибель иных, погибают они и сами, подобно другим.

Пещерники были и назывались безплотными, из-за многого подвига. Ибо возделывали толикий чрезмерный подвиг, что существование плотского исчезало, они делались как безплот-

ные, жили в таком подвиге нестяжания, что не имели забот о плоти, не заботились даже о малом количестве сухарей и воды. Питались сухарями весьма мало, с воздержанием; ведя такую жизнь, одинаково воздерживались и от всего прочего подобного. Ныне такая жизнь исчезла.

Пустынники, которые раньше были и назывались аскетами, уцелели, но утратили аскетическую жизнь прежних аскетов, получили существование келлиодорское; вместо того, чтобы по имени своему вести жизнь пустынническую, они престали от аскетизма, и жизни аскетов не прияли. Раньше они жили аскетическим подвигом, шествовали спасительным путем, с веселием побеждая невидимых врагов спасения. Так они подвизались, дабы украсить себя подвигом аскетическим, чтобы возвеселиться там, в Сионе Горнем, идеже праведнии о Господе веселятся; теперь же утратили жизнь аскетическую, сделавшись преступниками аскетического подвига, уклонились в подвиг погибельный.

Вольносмешанные и жизнь идиоритмическая (т. е. штатная) была, и сегодня живут такою жизнью.

Общежития уцелели и до сего дня, но они не таковы, как были раньше. Утратилась сущность их. Говорим: утратилось послушание, и завелось непокорство из-за безбрадых мальчиков.

Безмолвники уцелели, но утратили сущность свою, говорим: безмолвие свое; суемудрствуют лишь о том, чтобы прокормиться. Пещерники утратились совершенно, вместе с сущностию своей; больше их не обретается (ныне – скитяне пустынных скитов).

Вольносмешанная жизнь уцелела, но и она утратила качество свое из-за безбрадых мальчиков, а также из-за неправд и сокровиществования беззаконий, которыми они занимаются.

Седящие на покое уцелели, но, видя погибель других, и сами погибелью погибли (т. е. увлеклись земными делами и пр.). Скиты уцелели, но как спасаются? Спасаются с безконечным суемудрием, из-за которого вдались в земное, возделывая земное с таким рачением и пристрастием и утратив аскетическую сущность. Пекутся об имении своем, как будто они не монахи и никаких иноческих обетов не давали.

Пустынники уцелели до сего дня. Уцелели, но жизнь их не есть пустынная, даже монашеской жизни они не имеют на себе, одно только возделывают – земное дело! Спасение свое они оставили, подвизаются, соперничая, кто первый усокровиществует земные металлы; из-за этих земных металлов они возделывают (т. е. развивают в себе) безстрашие к Богу. Говорим: развивают в себе безстрашие ради того, чтобы сокровищество-

вать сребро и злато. Но, поскольку будут они возделывать металлы земли, постольку и страха Божия не будут иметь в себе; будут делать одно зло и, возделывая зло, – ниже Бога убоятся. Зло же их есть сие: зависть, ярость, гнев, злопамятство. О, завистливые, немилосердные, немилостивые, сребролюбивые, любостяжательные, нерассудительные, безчувственные, суемудрые, с нечувствием своим суемудрствующие о ложных и суетных мира! Вы подвизаетесь на земле, как бы делать злоухищрения, чтобы усокровиществовать металлы земли; из-за сего сокровиществования вознамерились (усоветовались) погружаться в погибель и сокрушили спасение свое, как сосуд скудельный.

Глава LXIII

Одна из главных причин упадка монашества есть взаимное осуждение, ибо оно влечет впадение в те же грехи. Воззвание к св. Петру Афонскому

Вы, пустынники, говорим – аскеты нынешнего времени, скажете: чем же сокрушили мы спасение свое, как сосуд скудельный? Что вопрошаете меня о сем? Вы сами весьма хорошо знаете, как отступили вы от жизни монашеской, затерявшись в суемудрие тленного мира сего. Послушайте и увидите, что вы сокрушили монашескую жизнь, как сосуд скудельный.

Прежние отцы, оставив аскетическое существование, приняли пустынническое, т. е. из келлий, находящихся вблизи жилищ, ушли в пустыни. Ныне же, наоборот, оставили аскетическую жизнь и взялись за жизнь суемудренную – жизнь суеты и лжи мирской. Развилось в вас осуждение, которым осуждаете вы друг друга.

И это осуждение особенно деется в трапезном кругу, среди аскетов, собеседующих во время еды и пития усладительною беседою осуждения, которая для аскетов все равно, что сладкая снедь. Так и тянется осуждение в беседе за столом трапезным, причем объедаются, как агаряне. У иноплеменников-агарян не принято такое осуждение за кругом трапезным, там едят и пьют с изобилием, молчат, не произносят ни одного слова – ни доброго, ни худого – за трапезой. Агаряне едят и пьют в величайшем молчании. Молчание украшает трапезу их. Сии, закона не имущие, равное с законными творят, но, монаше, где же закон твой? Он ежедневно говорит: не судите, да не

судимы будете! Как смеешь ты судить, пустынник? Говорим: вы, называющиеся ныне аскетами и осуждающие за беседою на трапезе? По-видимому, у вас нет закона, ибо, если бы вы имели закон, то не навыкли бы такому беззаконию.

Утратив пустынническую сущность, прияв жизнь келлиотскую, сотворив себе ее закон, говорим: устав аскетической жизни, – на самом деле, с этим осуждением вашим вы сбросили с себя и аскетическую и пустынную жизнь. Ради этого, говорю я вам: иноплеменники-агаряне закона не имеют, но по закону возделывают; вы же, сей закон имущие, преступаете его, оставаясь помраченными, во тьме и сени смертной сидящими.

Востани, преподобне Петре, дабы посмотреть на аскетов твоих, какова стала сущность пустынная, которую ты передал им в жизни монашеской. Не только не удержали они пустыннической сущности, но и аскетическую утратили, живут в погибель, подобно диким козлам. Сии козлища вступают в аскетическую жизнь, но, так как они козлища дикие, по равнине шествовать не в силах, то оставляют ровное место, устремляясь по скалам и каменистым местам. Таковы суть и аскеты нынешнего времени, которые не желают равнины монашеской жизни, преосияния путей спасения, но приходят туда и сюда в суетных попечениях, заботясь о земных металлах; при многосокровиществовании металлов сделалась для них пустынная жизнь и аскетизм – безсмыслицей.

Востань, преподобне Петре, чтобы посмотреть, как поставили на место монашеского аскетизма мирскую сущность, стали жить, подобно мирянам, как будто и обещания пред вратами священного алтаря не давали. Однако и у мирян нет такой суемудренной сущности, они имеют страх Божий в сердцах своих, чувствуют, что еще есть христианство. Но вы, будучи монахами и назвавшись аскетами, скинули с себя страх Божий, презрели заповеди монашеской жизни, как будто и не отрекались от земных благ, суетных и привременных, ради того, чтобы поминать тот вечный покой и истинное веселие. С суемудрием своим вы мните о себе, что вы – нечто? Да, вы есте, т. е. монахи, но что с вами потом будет? То разберет покаяние. Если же не покаетесь – нашествие потом разберет. Но что за польза будет с этого разбора? Прежде, чем постигнут вас удары нашествия, не лучше ли вам самим себя разобрать чрез подвиг покаяния, удалиться от зла, возненавидеть суемудрие мира сего тленного, озаботиться всецело возделыванием спасения, но не гибели своей. Но сегодня за лучшее считают погибать, нежели спасаться.

Востани, преподобне Петре, чтобы посмотреть на сопустынников твоих, твоих правнуков, которые скинули с себя пус-

тынный аскетизм, восприяв погибельную погибель! Скажете, аскеты: неужели мы совсем погибли, что ты так осуждаешь нас пред преподобным Петром? Что спрашиваете вы о сем? Возмущаетесь, что я так разговариваю о вас с преподобным Петром? Если возмущаетесь, то подобает вам исправиться, ибо вы именно таковы, как я разговариваю о вас с преподобным Петром. Исправьте же жизнь вашу. Вы скажете: ты несправедливо охуждаешь нас преподобному Петру. Да, я охуждаю вас, но справедливо ли или нет, будем разбирать, разберем свет от тьмы. Тьма есть то, что вы помрачены чувством вашим, не ощущаете той тьмы, которою помрачились. Из-за этого ваши иереи не имеют чистого расположения в священствовании своем. И в монашеской жизни никогда вы не имеете чистой совести. Никогда не имеете чистого духовного руководства над собою. Осуждение при рукоделии стало у аскетов неисцельной язвой; работая, пожирают друг друга, не чувствуя, несчастные, что этим сами себя разоряют.

Глава LXXIV

Безпечность о спасении, впадение в сластолюбие. Увещание сравнить свою безбедную жизнь с бедственною жизнью мирян

Суемудрствуют суемудрые, что ничего им за это не будет; о, если бы вы имели око ваше просветленным, чтобы видеть волны, которые вздымаются, чтобы переставить вас в преисподнюю, то никогда не стали бы вы заботиться многопопечительно ни о куске хлеба, ни о чем другом для тела, стали бы довольствоваться пищей, которую едят свиньи, говорим: тем, что называют желудями. Но вы не думаете того, что придется вам сказать на судилище, при осуждении вашем в преисподнюю. Вы же не только потребности телесные удовлетворяете, но употребляете еще яств столько, сколько не имеет и мирянин, который есть чадородец, т. е. семейный. Где найдет мирянин вино? Где найдет мирянин чистейший хлеб? Где найдет мирянин хорошее кушание? Все это производит мирянин, собирая в житницы свои, но обуревания мира не дают ему живопитаться таким многоценным живопитанием, из-за мирских обуреваний он от сего воздерживается. Сеют, жнут, сокровиществуют, живопитаться же этими сокровищами своего производства не смеют, но воздерживаются; если вожделение их хочет вина, они удерживают

себя и пьют воду. Воздерживают от чистого хлеба, едят хлеб черный, на который монаху и смотреть противно, а не то, что вкушать. Найдет ли мирянин упокоение кушаньями за трапезой? Он берет немного черного хлеба, немного сыра в руки свои, ест все это на ходу, чтобы не обратилась на дом его та буря мирская. Говорим: воздерживается от вкушения того, что возделывает день и ночь, не тратит сего на живопитание свое, но продает и отдает местным обуреваниям, т.е. агарянским властям; таким образом он защищает дом свой от рук агарянина, который истязает его безпрестанно день и ночь, даже до смерти, все высасывая из него. Ради этого говорю: подобает вам иметь мысленное зрение свое просветленным; тогда лишь будете видеть дикие волны мира, в которых бедствуют и мучаются немилостиво христиане, в обуреваниях немилосердия агарянского, подобно израильтянам в обуреваниях фараона. Тогда не стали бы вы иметь многопопечительства о теле своем.

Глава LXXV

Бог послал меня к тебе[1], как скрижали Моисею

Бог, ведущий греховность человека и злое расположение людей, послал им с Моисеем скрижали с десятью заповедями; так как Моисей был косноязычный, то имел он брата Аарона, который сказывал народу заповеди, написанные на скрижалях, передавая их речью в чувство человека. Так и меня Бог послал, яко скрижаль к тебе, косноязычному в речи грамматичной, дабы ты передал это твоему советнику отцу Герасиму, как Моисей Аарону, а советник твой передал бы сие чернильным писанием в чувства слушателей, подобно тому, как Аарон.

Да, пусть передаст отец Герасим, но пусть передаст с вниманием и кратко, ибо от многого разговора и противословий слова делаются для человека великим смущением. Аминь, аминь, глаголю вам, противословия (препирательства) причиняют вред, а не пользу. Пусть сказанное передаст он чернильным писанием в чувства людей; потом пусть идет, куда ему нравится, ибо будут стараться погубить вас от лица земли, обоих вас убить[2], хотят сотворить слова мои бесовской болтовней.

---

[1]Т. е. как Феофану.

[2]Т. е. Феофана и Герасима.

Моисей, прияв скрижали, сказал их Аарону, Аарон пересказал их народу; но люди приняли сие только слухом, потом положили скрижали под стопы ног своих, вменили их ни во что. Так не вменят на сей Горе и слов моих, которые я промолвил тебе.

Глава LXXVI

Пристрастие к исхождениям в мир, сборы. Блажен, кто не покидает Св. Горы

Блажен, кто, придя в Гору сию честную и святую, никогда не исходит вне ее до конечного успения смертного; хотя он и грешник, но Святая Гора есть охранение его; Всецарица соблюдет его от всякого осквернения – если он и сам будет блюсти себя и не покинет Св. Горы.

Ныне все блюстительство спасения оставили; когда отправляются в мир, то идут, точно в рай. Да, идут; но как идут? Одни идут для того, чтобы показывать свое угрюмое лицемерие, другие идут, чтобы превращать сребро в рост на рост; миряне же, видя, как монахи возвращают свое сребро, получают о монахах столь худое мнение, что и слышать не хотят про ангельскую схиму, особенно, когда видят, как ведут себя аскеты в миру. Когда аскет бывает в миру, миряне разнообразно испытывают его. Испытали и увидели, какое он дал о себе мирянам худое впечатление пьянством, многословием, прожорством, ложью; увидав, что он таков, миряне говорят: если этот аскет таков, то и все аскеты таковы; когда кто читает о житии какого-нибудь аскета, то мирянам сейчас же припоминается и приходит на ум безчиние аскетов, которое они видели, а житие чтомого принимают, как болтовню.

Ради этого, да не ходят аскеты в мир таким образом, чтобы не давать худого мнения. Сегодня ходят в мир под предлогом продать свое рукоделие, – цель же их та, чтобы похищать угрюмым лицемерием своим неправды мирские[1]; потом приходят они в скит и приносят неправды мира; аскеты, увидав, что эти люди много собрали и принесли много злата, принимают их в свои объятия, и слово их бывает веским во всяком деле; такого человека они снова убеждают отправиться по сбору. Опять идет и собирает, но всего не отдает; отдает лишь часть, прочее ворует; после этого начинают аскеты впа-

[1]«Мирские неправды», очевидно, деньги.

дать в заботу, как сделать бизулю, стенку для насыпки террасы, как сделать огород, как сделать церковь, как сделать погреб, чтобы холодилось вино и снедные припасы. Обуреваясь душою и телом, совершают сии дела; когда окончится постройка, снова идут в мир с угрюмым своим лицемерием, обращаясь опять к сбору.

А, лицемерящий монах, чем ты был и чем ты стал! Где суть первая твоя? Спасся ли ты тем, что облегчал мир от грехов, и что за данные мирянами тебе милостыни им прощались грехи? Да, простились им грехи, но твоя несчастная душа, что стала? Она сделалась, как дым, ветром развеянный. Сказано: «Видех нечестивого, превозносящася и высящася, яко кедры ливанские; мимоидох, и се не бе; взысках его, и не обретеся место его». Монах, который исходит из жилища своего, сообращается с миром, не может не повредиться. Также тот, который хотя и не покидает Горы, не имея возможности по должности жизни монашеской отлучиться, но всегда вожделевает мира, слыша о кружениях мира, имеет часть, подобную израильтянам, которые, освободившись от фараона, потом вспомнили чеснок и лук египетский, возроптав на Моисея, зачем он вывел их из Египта.

Глава LXXVII

О вреде допуска юных в штатные монастыри

Если упадет горящий уголь на доску, то причинит ей вред. Если в штатном монастыре будут находиться юные, а ныне во множестве, вы своими глазами видите, наполнены ими штатные монастыри, – то есть ли от них польза? Очевидно, от них один вред, и никакой пользы.

Идиоритм пред Богом стал походить на хижину лесорубов; если она во время лесного пожара сгорит, то и признака от нее никакого не остается, остаются только щепки, по щепкам лишь познать можно, что здесь стояла хижина лесорубов. Такими же ныне стали идиоритмы. Все преступили, только целомудрие оставалось еще неповрежденным и неискушенным, т. е. о послушании, нестяжании, посте – и речи уже нет; из всего монашеского обета только целомудрие открыто не нарушалось, и стояло, как одинокая хижина лесорубов в лесу стояло. Спрашиваю вас: если в штатном монастыре окажется молодой, и видеть его пред собою будут каждый день, то не осквернится ли целомудрие от взирания на молодого? Пусть бы имели целомудрие чистым, но ныне

и его растлили вместе с молодыми... Что же у них остается? Остается одна черная ряса и никакого признака монашеской жизни. Черная ряса, как обуглившаяся щепка хижины лесорубов, будет показывать, что здесь была хижина; со временем и щепки истлеют, так что совсем познать нельзя будет, что здесь была хижина лесорубов. (Это сравнение штатных монастырей – картина, ибо они владеют большими лесами, занимаясь лесопромышленностию.) Такими и стали сегодня штатные монастыри; одни черные рясы означают, что они монахи, но и это свое чернорясие они погубили безценными шубами, многоценными своими одеждами, одеждами шелковыми и бумажными, которые для монаха суть одежды разврата, распутства, сладострастия и мужестрастия. Но не одни лишь штатные это творят; келлиоты тоже завели и носят тонкие рясы, которыми наряжаются, точно какие девицы, этим наряжением погубили убогорясия, а вместе с этим пропала и монашеская жизнь.

ГЛАВА LXVIII

Что есть наряд монашеской жизни. «Вот я послан от Бога»

Наряд монашеской жизни есть: смирение, любовь, кротость, милосердие, послушание, милостивость, целомудрие, воздержание, безпопечительность. Но сегодня люди, скинув с себя монашескую жизнь, ведут такую жизнь, которая есть путь погибели.

Вот я послан к вам от Бога, уяснить вам, явным сотворить и в чувство ваше представить, что вы сделались безчувственными, не чувствуете, что такое наряд монашеской жизни, которую сбросили с себя.

Скинули вы с себя смирение, развили в себе тщеславную гордость. Скинули любовь и развили зависть. Скинули кротость и развили ярость. Скинули милосердие и развили немилосердие. Скинули послушание и развили непослушание. Скинули человеколюбие и развили алчность к злату; скинули милостыню и развили сребролюбие. Скинули целомудрие и завели мужестрастие. Скинули воздержание и развили прожорство. Скинули безпопечительность и развели многопопечительность, чтобы вместе с этим прельщаться своими юными учениками, дабы они слушали вас по нраву вашему.

Ей, любуйся на ученика твоего, но не любуйся на его зем-

ное, а старайся полюбоваться его духовным, ибо все тленное, земное, телесное сегодня есть, а завтра не будет. Ей, не будет. Ныне не говорят ученикам, что земного на завтра не будет, но наставляют послушников своих так: кто насладится земными благами, тот насладится и спасением. Слыша такое наставление, ученик прельщается и впадает в безстрашие.

Глава LXXIX

Как ворвался семиглавый зверь на монашескую ниву

О, преподобнейшие отцы! Ныне исполняется слово, изреченное прежними отцами: придет время, когда ноги станут головой, а голова ногами; ныне это и стало; игумены не изъявляют сами себя как игумены, т. е. не проявляют власти своей, старцы не проявляют себя как старцы. О, несчастные старцы! Что это с вами? Почему вы сделались послушниками послушников своих? Ни разу не сказали вы послушникам: когда говорю тебе встать, – то вставай, садись, – то сиди; теперь уже послушники стали командовать над вами? Не сделались ли теперь послушники добродетельнее старцев своих? Нет, не добродетельнее стали, но еще противозаконнее, ибо возделывают жизнь монашескую навыворот, с превратным деланием своим погружаясь в погружение погибели, изгоняют Царицу Спасения и приглашают семиглавого зверя беззакония.

Спрашиваю я вас: когда скотина взойдет на засеянную ниву, распутает там свои путы, то что произойдет хорошего для нивы той? Не потопчет ли, и не погибнет ли плод? Таков и семиглавый зверь, который развернул сегодня семь голов своих в разных видах, т. е. извиваясь длинными шеями своими, как змея... Обрел сей змий себе место в жизни монашеской, разбил чувство ее, и исчез плод спасения. Первая шея семиглавого зверя есть многопопечительность мира: 1) многозаботливость; 2) многосокровиществование; 3) прожорственное чревобесие; 4) многообразная и многоразличная пища трапезы; 5) осуждение; 6) мужестрастие и осквернение целомудрия. Распростертие же им в следующем.

Развернул он первую свою шею, отверз завистливые свои уста, извлек коварствующий свой язык, отверз очи злопамятства, простер сию шею, в разнообразных видах воображаемый (т. е. подражаемый людьми, творящими по подобию его).

Простер вторую шею любостяжательную, отверз лжесвиде-

тельственные свои уста, открыл немилосердующий свой язык, открыл воровские глаза и распростер (или распространился), в различных видах воображаемый.

Простер третью шею невоздержности, отверз уста разврата, испустил язык блуда, отверз очи прелюбодеяния и распространил, в различных видах воображаемый.

Простер и четвертую шею обжорства, отверз хищнические уста, извлек взяточнический язык, открыл ласкательные свои глаза, и распространил, в различных видах воображаемый. Простер и пятую свою шею тщеславящую, отверз уста преслушания, извлек надменный свой язык, открыл угрюмые очи лицемерия и распространил, в различных видах воображаемый.

Простер шестую шею безнадежия, отверз уста уныния, извлек язык нерадения, открыл глаза обвинения и распространил, в различных видах воображаемый.

Простер и седьмую шею сумасшествия, отверз уста малодушия, извлек язык безчиния, открыл глаза хулы и распространил в различных видах воображаемый.

Таким-то разворачиванием развернул семиглавый зверь клубки шей своих, обрел себе место и распространился в монашеской жизни, разбив вдребезги чувство монашеского делания.

Глава LXXX

Как въехала царица погибели в удел

Видит царица, именем Пагуба, что монашеская жизнь разбилась вдребезги, приказала привести львоглавого зверя, именем Рост. И привели его, запрягли в царскую колесницу, которая называется *зависть*; взошла царица погибели на сию колесницу пагубную. Повез ее львоглавый зверь, именуемый Рост. Царица погибели поставила впереди колесницы трех злейших рабов: первый из них называется *попечение* и держит (за повод) Роста, зверя львоглавого, двое держат трубы в устах своих, один называется *забота*, другой – *сокровище*; существуют они посреди безчувствия человеческого, ибо люди не чувствуют, что есть монашеская жизнь. За такое нечувствие нашел себе место у них семиглавый зверь и бегает по чувству человека к монашеской жизни, как скотина, забравшаяся на возделанное поле и растоптавшая стебли посева. Видит царица погибели, как открыл ей дорогу семиглавый зверь и разбил вдребезги чувство монашеской

жизни, повелела запрячь львоглавого зверя в колесницу, запрягли его; взошла она в колесницу, впереди ее были три всезлейшие воина, один держал узду и назывался – *попечение*, другие два держали трубы в устах своих; один назывался *заботой*, а другой *сокровиществованием*; они кричали великим криком в чувства расстроенных монахов; здесь обрела себе место царица погибели, и стала шествовать вперед по чувству монахов, с кликами (воинов), трубящих и кричащих впереди колесницы громким голосом: «Сия царица есть многообразие и многопопечение заботы о сокровищах жизни мирской». Когда чувство расстроенных монахов услыхало это, все почти пали, поклонились, поставив ее над собою, как царицу славы, и прославляют, как царицу. Ей, прославляют ее, но чем прославляют?

Глава LXXXI

Чем прославляют монахи царицу погибели

Прославляют ее следующим образом: пекутся в заботах мирского жития, заботятся о веществах мира, сокровиществуют их в воровские свои закрома, ежедневно приходят, смотрят собранное и говорят: «Сей мой бог, и прославлю его». Когда же увидят, что один воровской закром опустел, то прилагают все силы к наполнению его; с попечениями, заботами и сокровиществованием наполняют пустой сосуд, еще продолжают, пекутся, заботятся и сокровиществуют. Да, сокровиществуют, но сосудов не имеют, чтобы наполнить. Тогда стараются и пекутся, как добыть ящиков. Добыли множество ящиков, наполнили их припасами, но вот несколько сосудов остались пустыми. Тогда опять собирают сосуды большей вместимости и, видя, что несколько не наполнились, вновь собирают, видят, что осталось пустых сосудов еще больше. Покидают возделывание монашеской жизни, пекутся с многозаботливым многообразием, заботятся со столькими трудами и со столькими потами, чтобы усокровиществовать это вожделенное сокровище; сверх сил озабочены этим, наполняют множество сосудов, но, в то время, как одни сосуды наполняют, видят, что с другого конца опорожнился полный. Начинают снова наполнять. Так как сосуды безпрестанно опорожняются, то они и пекутся (безпрестанно о наполнении), заботясь, сокровиществуя, никогда не находя свободного времени от обуревания мира, никогда не разомрачаются;

с таким кружением и помрачением изгнали они Царицу Спасения и пригласили царицу погибели.

ГЛАВА LXXII

О долготерпении Царицы Спасения и о мятежном городе

Видит это Царица Спасения, но, как Матерь, долготерпит о чадах, (продолжает) млеком вскармливать удел свой, чтобы они не погибли. Но люди сделали попечению, заботе и сокровиществованию тройственное заявление, говоря: «Мы пеклись и пещись будем; мы заботились и заботиться будем; мы сокровиществовали и сокровиществовать будем в попечениях жития сего мирского, мы никогда не оставим попечений, заботы и сокровиществования».

Спрашиваю я вас: что делает царь, когда увидит, что гарнизон города поднял против него восстание? Не постарается ли он тогда разобрать, чем недоволен гарнизон, и удовлетворить его? И вот сделался разбор, но какой? Чем удовлетворил недовольных царь? Удовлетворил царь сим: прибавил им достатка с избытком, говорим: жалования, – чтобы мирствовали. Но злоумышленные граждане, говорим: святогорцы, – стали коварствовать против царя даже в тех самых достатках, которые он им прибавил, говорим – в жаловании. Берут они жалование с прибавкой, и все-таки изменяют царю, не хотят признавать его царем; наконец, они совсем отложились от царя, поставив на царство женщину-цыганку, на зло царю.

Увидав такое дело, царь стал долготерпеть в крепости города и ждать, что будет дальше. Граждане же в городе возвели на трон цыганку и короновали ее; когда цыганка получила царскую власть, повелела привести колесницу, чтобы взойти в нее и прокатиться по городу; сотворили, что она приказала. Привели царскую колесницу, взошла она в нее, стала кружить по всему городу; видит, что в городе никаких цыганских ремесел нет, говорим – пачкотни (т. е. грязнящих работ). Спрашивает и говорит: почему никаких нет мастеров пачкотливого ремесла в сем городе? Граждане говорят: «Есть всякие мастера, как же ты говорить, что нет мастеров?» Говорит царица-плясунья: «Где же те, которые делают кования, угли, и решета, и прочее подобное им?» Говорят граждане: «Нет привычки и обычая нет, чтобы все это возделывали здесь». Говорит царица: «Да исчезнут в городе все мастерства, да заведут те ремесла многочестные, да работают с углем, да заведут решета

и делание железных изделий». Так настаивала она; граждане почти всего города склонились на ее требования; она приказала, чтобы ничего иного в городе не возделывали, а только изделия пачкающие (т. е. чернящие лицо): решета, угли и железо. Сказала, и по слову ее стало. Оставили безсмысленные граждане прежнюю свободу, с которой раньше сидели в покое, с таким упокоением; вопреки прежнему царю стали ни единого слова прежнего царя не слушать, сделались отступниками. Изгнали его с трона, поставив над собою царицу, возвели на трон некую цыганку ради того, чтобы творить свои злые похотения, и все сделались рабами ее в деле цыганском, поработили себя ей в рабство, стали возделывать работу цыганскую день и ночь, чтобы представлять угоднейшее изделие царице, и при этом высказывали ей благодарность за порядки. Слышит царь, что они благодарны цыганке, сделавшей их как бы каторжниками, работающими цыганское дело: уголь, говорим – попечение (железо) и сокровиществование (решета). Видит царь, что они так озабочены и пекутся в деле сем, что прежние свои занятия совершенно оставили, завели цыганские делания, которые возделывают с благодарностию и веселием. Видит это царь; не в силах будучи терпеть такой пагубы города, оставил город и удалился; ушел жить в другую страну. Поселился в другой стране, но как поселился?

Поселился не как презираемый, но как прославляемый царь, воцарившись в той стране. (Здесь намек на богоизбранничество России на православном Востоке вообще и на Афоне в частности.)

Халпииты, увидав, что запустел город от царя, и что царствует некая жена-цыганка, устремились, чтобы сотворить набег; сделали набег, и разорен был город халпиитами, говорим – безбожниками.

Спрашиваю я вас: по какой причине пленен был город халпиитами? Не было ли тому виною восстание гарнизона против своего царя? Не за отступническое ли непокорство их произошло такое истребление, истребившее могущество их? Так и сегодня: отступили вы от Царицы Спасения. Видит Царица Спасения, как изменили вы монашеской жизни; посему старается умирить ваше непокорство (т. е. удовлетворить ваши желания). Повелела Она обратить и преумножить море милостыни еще более, чтобы вы были мирны и покорялись монашеской жизни (т. е. не пеклись ни о чем), работая одному спасению своему. Повелела Царица Спасения, чтобы приумножилось море милостыни, и приумножилось оно; напоились иноки досыта из того моря милостыни, но, имея такое благодеяние, все-таки остались отступниками, не по-

корились Царице Спасения, изгнали Ее с царственного трона, а на царский трон посадили царицу погибели. Видит человек несчастие свое (нищету духовную), но оправдывает себя, говоря, что некогда Богу молиться, «не успеваем мы и на тело наше поработать, когда же нам молитвой заниматься? Сделаем снисхождение (уставам) монашеской жизни». Уже одно это снисхождение (или опущение) есть отступничество от монашеской жизни.

Видит Царица Спасения, как хотят они оправдать себя нуждами своими телесными, не в силах якобы обезпечить тела своего; послала им Царица Спасения милость милостынную. Но опять видит, что и теперь не покоряются они монашеской жизни, опять стали промышлять о себе и преумножать милостынную милость.

Сошла благословенная Царица, удалилась от (града) Своего, но от удела Своего еще не устранилась, долготерпя, как Матерь детям Своим и ожидая от них покаяния.

Благодаря Царице Спасения и Ее помощи, оставалась Гора сия честная избавленной от всех угрожавших ей зол, но сегодня Ее изгнали из-за сокровиществования металлов земли, из-за еды и пития и сделались отступниками от Царицы Спасения.

ГЛАВА LXXXIII

Плач Царицы Спасения о людях Своих

Долготерпела и долготерпит Царица Спасения, печалится Она о безчиниях, которые творят люди в противность Ей, и печальными словами говорит: «Людие Мои, что сотворих вам, или чем вас опечалих? Ответствуйте Мне? За то ли возненавидел ты Меня, народ Мой, что Я из мира тебя извела и освободила из дома рабства, поставила на путь спасения пред Лице Мое в жизнь монашескую? Людие, послушайте Меня, и благая снесте; воскурится тогда благими душа ваша (т. е. заблагоухает, как кадило). Вонмите, люди, слухом вашим, черпайте воду с веселием из источника спасения. Людие Мои, что сотворила Я вам, вместо спасения вы отплачивали и отплачиваете Мне злобами вашими? Людие Мои, что сотворих вам, и что воздали вы Мне? Вместо благодарности, воздаете Мне неблагодарностию. Народ Мой, что сотворила Я тебе, и что воздал ты Мне? Из убежища мира сделали вы убежище смуты. Народ Мой, что сотворила

Я тебе, и что воздаешь ты Мне? Вместо любви, воздаешь Мне ненавистию. Народ Мой, что сотворила Я тебе, и что воздаешь ты Мне? Вместо покорности, воздаешь Мне непокорством. Народ Мой, что сотворила Я тебе? И что воздаешь ты Мне? Вместо хранения безмолвия, стали творить и творите похотения осуждения, языком от диавола подвизаемым. Почто творишь ты сие против Меня, народ Мой? Не промышляла ли Я о плотских ваших нуждах? Не сохраняла ли Я вас от бед и не хранила ли Я вас и до сего дня? За что же ты это сотворил Мне, народ Мой? Не ограждала ли Я и не ограждаю ли и до сего дня от всепагубы, которой всесожигается внешний мир (т. е. от агарянских неистовств), но здесь и вести о том нет, что происходит вне мира. Почто же сотворил ты это Мне, народ Мой, в противность Мне? Или не посылала Я и не посылаю вам пищи разного рода до сего дня, и со всех сторон? Что же сотворил ты Мне, народ Мой, и позабыл Меня, после тех благодеяний, которые Я тебе оказала и оказываю их доселе? Но не только Меня забыли, но и слушать Меня не желают. Они не желают Меня, но Я им добра желаю, и не только желаю, но и милосердую о них. Но они сами не милосердуют о себе, о душе своей, что же Мне сделать им? Справедливость Сына Моего есть сия, (что не может спастись человек, если сам не будет желать своего спасения). Если сам человек не будет милосердовать о себе, то что может сделать ему другой, хотя бы кто и милосердовал о нем? Я милосердовала о них и всегда милосердую, но они презрели Меня и презирают. Я им благодетельствовала и всегда благодетельствую, но они отогнали Меня, и отгоняют. И как при этом оставаться Мне, когда они Меня не желают? Ей, благодетельствовала Я им и благодетельствую, но они не желают Меня слушать; как же может быть, чтобы Я осталась? Они знать Меня не желают; как же может быть, чтобы Я им терпела? Они готовы изгнать Меня и отгоняют, как это может быть, чтобы Я осталась? Итак, да приготовлюсь Я уходить; пусть они остаются с царицей погибели, которую избрали себе».

Глава LXXIV

Воззвание к святогорцам, дабы удержали Царицу Спасения

О, преподобнейшие отцы, нет ли нам возможности возбранить отшествию Ее, так как приготовилась Она уходить? Если же не желаете воспрепятствовать Ей уйти, то дадим

весть прежним святым отцам, чтобы они так же проводили Ее, как прежде встретили.

Препятствия же, которые мы можем сделать, чтобы возбранить Ее приготовлениям к уходу, это показать истинное покаяние, покаяться в прегрешениях ваших, которыми вы виновны пред Царицей Спасения, словом, делом, мыслию, волею или неволею, совершенно отступить и больше не делать тех гадостей, которые делали.

Если же не желаете покаяться, как я вам говорю, то дадим весть прежним святым отцам, чтобы пришли и проводили Царицу Спасения, Которая не по произволению Своему удаляется отсюда.

Преподобнейшие отцы! Востаньте, и окажите милость сей Горе честной, чтобы воспрепятствовать Царице Спасения удалиться с Горы сей, сосуда спасения; но нет возможности воспрепятствовать, так как не пожелают они покаяться; ради сего нет возможности воспрепятствовать.

Если же покаются чистым покаянием, припадут к ногам Царицы Спасения, говорим: станут жить монашескою жизнию – с чистым сердцем, с подобающею чистотою спасения, с возделыванием пути спасения, но не пути погибели, если сие сделают, то я ручаюсь вам, что воспрепятствована будет Царица от Своих приготовлений к уходу.

Если же не покаетесь чистым покаянием, то никак не может быть воспрепятствована Царица Спасения от уготовлений Своих к уходу.

Если люди будут оставаться нераскаянными, сидеть во тьме и сени смертной, не станут каяться в возделывании ими путей погибели, дабы прийти на путь жизни монашеской, на путь спасения, то будет невозможно воспрепятствовать уходу Царицы Спасения.

Востаньте же, преподобные отцы, чтобы проводить Ее так, как вы Ее и предусретили, не удерживайте Ее.

Востань, преподобне Гаврииле, чтобы проводить Царицу Спасения, так как ты предусретил Ее в пришествии Ее (т.е. востань, дабы проводить Иверскую икону Божией Матери, как ты ее встретил).

Востаньте, горы и холмы, теснины и пещеры, чтобы проводить освободительницу вашу, благодетельницу, которая вас освятила, избавила вас от вселения демонов, господствовавших над вами, благословила вас, и стали вы вселением спасения.

Глава LXXXV

Святогорцы, обратитесь к покаянию!

О, иноки Афона! Что это сотворили вы! Горы, холмы, ущелья и пещеры печальны, вследствие того, что спасение приготовляется удалиться отсюда, а вы погружаетесь в путь погибели, путь спасения с себя скидываете. Почто сложили вы с себя попечение спасения, погрузившись в житейские попечения мира сего?

О, иноки сей горы! Что сотворили вы сие? Сокровище молитвы с себя скинули, а усокровиществовали о суете мира сего?

О, честные отцы! Возвратитесь вспять! Назад! Назад! Ибо перед вами пропасть! Ей, пропасть, да какая пропасть? Глубокая пропасть погибели! Глубокая пропасть тьмы! Глубокая пропасть пагубы! Поэтому, говорю вам, обратитесь вспять. Молю и прошу вас, обратитесь вспять, да не сретит вас пагуба (губительство), да не погубит вас до конца губительство отмщения, губительство мздовоздаяния. Чем вы воздавали – то и получите. Итак, обратитесь вспять, чтобы не постигло вас то отмщение, которое имеет воздаться вам за Царицу мира. Ей, мир Она, но вы Ее отогнали? Какой же мир будете иметь без Нее? Она еще готова примириться, нисколько не имеет против вас (т. е. гнева). Ей, нисколько не имеет, только печалится; но о чем печалится? Печалится о пагубе, чрез которую вы гибнете душой и телом. Душою, тем, что помрачились из-за попечения мира сего, и не в силах взирать на Солнце Солнц; телом же заботясь, сокровиществуя и губя себя этими трудами и заботами. Ей, губите, но как губите? Губите себя прожорственным питанием, сластолюбием, мужестраствуете в кровосмесительной пагубе, т. е. доходя до крайних грехов.

Так как погубили вы монашескую жизнь, то с этою пагубою, сделавшись отступниками от монашеской жизни, подняли вы восстание против Царицы Спасения, презрев обещание Ее, которым Она обещалась вас спасать и промышлять о всем, что потребно для телесных нужд ваших. А вы задумываете собирать то вашими прибытками, говорите: «Если мы пещись не будем, то никогда не наберется что для нас нужно»; так, вместо благодарности, воздаете вы неблагодарностию и, вместо воздаяния за благодеяние, проявляете ожесточающую вас суету!

Глава LXXXVI

Пример милостивой царицы Екатерины к покаявшимся казакам, поясняющий, чтобы святогорцы не отчаялись в получении прощения, если покаются в мятеже своем

В стране Российской был род варварский, именем «какисти» (т. е. самые злые), как их называют – казаки. Сей род был паче естества досадителен; когда забирала их злость, не боялись они ни Бога, ни Царицы Екатерины, покоряясь ей лишь с угрюмым своим лицемерием, т. е. имея в душе всегда желание отложиться. Однажды восстали войска треклятого агарянина; между их казаками и казаками царицы произошла схватка; одни говорили: «Отчего вы передались Екатерине?» Те им отвечали: «Отчего оставили вы нас одних, когда она пришла и забрала нас во власть свою?» Первые говорят: «Вы виноваты, что передались Екатерине»; а те говорят: «Нет, виноваты вы, что оставили нас одних». С этого начался среди них великий бунт, так что казаки перестали воевать против треклятого агарянина, но обратили войну против Екатерины, повоевав друг с другом. Так и вы, монахи, противоборствуя и воюя друг против друга, обращаете войну против Царицы Спасения, Которая называется «Госпожа наша, Богородица Мария».

Екатерина, услыхав, что казаки сделались изменниками против ее царства, послала тотчас новые войска на место казаков-отступников; войска Екатерины бились, сражались; с Божией помощью был побежден треклятый агарянин, обратился вспять, и казаки остались одни перед войсками благословенной России. Екатерина, услыхав, что треклятые агаряне побеждены, прославила Всемогущего Бога и послала приказание своим благословенным войскам истребить казаков с лица земли. Услыхали казаки, что быть им всем неминуемо истребленными, скидали шапки с головы своей, пали все к ногам Екатерины, молили даровать им жизнь, плакали, каялись в том, что сделали, и говорили: «Мы сделали зло тебе, но ты, как царица, не делай сего зла нам. Отныне мы не будем иметь никакого злого помысла против царства твоего: если же в другой раз восстанем против царства твоего, тогда потреби нас от лица земли. Молим и просим, не гневайся на нас за провинность нашу, которою провинились против царства твоего».

Увидела милосердая царица России моление и просьбу ка-

заков, пожалела их, смилосердовалась о них, имея потом казаков, как детей родных, в пределах своего царства.

О, преподобнейшие отцы! Слышали вы милосердие человеческое! Екатерина была человек, но показала такое милосердие к противникам своим, тем паче благосердая Царица Спасения не покажет ли милосердия Своего к тому, кто покается, подобно благоразумным казакам. Ей, смилостивится, но смилостивится лишь к тому, кто имеет чистоту и всегдашнюю любовь к Всецарице Богородице, кто будет хранить заповеди монашеской жизни. Любящий Всецарицу Богородицу соблюдет и заповеди монашеской жизни; Всецарица Богородица будет любить его, милосердовать о нем, покрывать его кровом крил Своих. Но тот, кто не имеет любви к Всецарице Богородице, не соблюдает заповедей монашеской жизни, с того снимает Она покров крил Своих, пока сей человек снова не покается. О, преподобнейшие отцы! Имея еще на себе покров крил Ее, старайтесь и смотрите, как бы с вас не снят был этот кров крил Ее, чтобы не увидали халпииты, как остались вы раскрытыми от покрова крил благодати Всесвятаго Духа.

Глава LXXVII

Еще о царе и мятежном городе

В то время, как обнажаются души ваши от крил благодати, свергается Царица Спасения с Ее трона у вас, возводится треклятая лже-царица погибели, которая погубила спасение людей. Ей, ее на троне вы коронуете, но что есть сей трон, и где? Трон есть помысел человека. Снизошел человек с помысла своего, снизошел и со спасения своего, возведя на трон свой погибель. Тогда этот царь – помысел погибельный – задает вам возделывание одной погибели. Так и вы отстали от возделывания свободы, возделывая делание погибели, но губите себя, подобно городу некоего царя, который царя своего с трона низвел, а на трон возвел царицею цыганку. Его развенчали, а цыганку короновали. Увидел царь, что пропала сущность города, стал готовиться покинуть город. Халпииты же, услыхав, что царь готовится уйти из города, стали приготовляться к тому, чтобы опустошить город. Видит один боярин города, что приготовляется царь удалиться из города, видит и халпиитов, готовых по уходе царя опустошить город вместе с дворцом вельможи. Говорим: имеют опустошить Гору сию честную и святую вместе

с монастырями и святыми их литургиями спасения. Видит вельможа такое дело, весьма восстенал об опустошении города. Пока царь в городе, халпииты пленить его не в силах. Видит вельможа, что халпииты имеют уважение к царю и из-за сего уважения не в силах сделать разбойнический набег на город, идет к царю (так как он был друг царю), и говорит ему: «Царь, много лет живи! Прошу тебя, не готовь удаления твоего, но потерпи ради любви ко граду твоему; примирись, не оставь нас сирыми от царствования твоего». Говорит царь: «Ты ли один здесь во граде, или есть еще и другие?» Вельможа говорит: «Я имею почти весь город со мной!» Отвечает царь: «Если весь город с тобой, почему же не приходят они, чтобы воспрепятствовать мне в приготовлениях?» Вельможа говорит: «Не в силах выйти пред тебя, так как ты готовишься удаляться отсюда, т. е. узнали гнев твой и боятся, только посылают к тебе каждый день письма». Царь говорит: «Я ни одного письма не получал. Я получаю одни неисписанные бумажки и больше ничего». Вельможа, услыхав такое слово от царя, опечалился и пошел в город склонить граждан, говорим: святогорцев, – дабы припали они к царю и воспрепятствовали его уходу. Горожане говорят боярину: «Мы заняты работой и не можем терять времени попусту; ступай, куда хочешь, и делай, что хочешь». Видит боярин, что горожане предались, как каторжники, цыганской работе, трудясь в этой работе день и ночь, за возделыванием угля, железа и решет; говорим: ложек, фесок и прочих кропотливых рукоделий, – возделываемых ныне по келлиям.

Видит боярин, что дело их возобладало над ними, говорит им: «Пойдем помешать уходу царя; я дам вам вдвойне против того, что вы за день заработаете; не ради себя просите его, но попросите ради меня, чтобы не уходил царь из города». Горожане, услыхав это и увидав, что боярин заплатит им за потерянное время вдвойне, начинают склоняться на увещания боярина, идут к царю, просят его и говорят: «Пожалей ты нас; не дай осиротеть от царствования твоего». Царь говорит: «Если вы меня жалеете, то и мне жалко вас». «Я вам благодетельствовала (святой опять здесь начинает говорить от имени Царицы Спасения), а вы Меня безчестили! Я вас хранила, а вы Меня отгоняли. Я вас имела как детей Моих, а вы Меня имели как врага. Я вас питала, доставляя городу все, что было для него потребно, а вы Меня опечаливали, порабощались под начальство царицы погибели, которую короновали, которая дала вам одно дело, и вы его стали возделывать. Видя такое рабство, каким вы поработились, Я печалюсь о, город, и из-за этого готовлюсь уйти, чтобы не видать пагубы

города». Горожане, услыхав такой печальный ответ от Царицы, опечалились и, воспоминая благодеяния, которые Она им делала, все в один голос воскликнули с великим воплем к царю: «Нет у нас другого царя, кроме тебя!» И так те, которые послушали слова царские, остались под его царством, а те, которые не послушали слов его, – пребыли в возделывании цыганского дела.

Видит царь, что некоторые из граждан покаялись и пребудут подданными его, остался и сам в городе вместе с кающимися; ибо говорится: «Аще будут пятьдесят праведницы во граде погубиши ли я? Не пощадиши ли сего места пятидесяти ради праведных, аще будут в нем?» Отвечал и сказал, что не только ради пятидесяти праведников, если найдутся во граде сем, но и ради сорока, если найдутся, не погублю града сего; после сорока сошел до пяти праведников, сказав, что и ради пяти праведников не уничтожу города». Сего ради, говорю вам, остался царь в городе вместе с кающимися.

Примечание. В притче сей под Царицею Спасения разумей Матерь Божию, а под Царем – благодать Святаго Духа; посему соединены вместе царствование и уход Царя и Царицы. За мятеж царь, хотя и не признаваемый горожанами, все же из города не ушел, пребывая в городской крепости; сие означает, что благодать Святаго Духа и покров Божией Матери еще продолжают покрывать обители и всю Гору, несмотря на безчиние безчинных. С отъятием же покрова Матери Божией отступит и покрывающая благодать Всесвятаго Духа.

Уделили граждане Царю шесть мужей; Царь, увидав, что отобрали шесть мужей, говорим: шестьдесят кающихся, – остался с ними в городе. Поскольку Царь пребывал в городе вместе с кающимися, дотоле город не имел вреда. Но вот не кающиеся горожане подняли восстание, чтобы изгнать Царя вместе с кающимися. Видит Царь распутство горожан, опечалился о безчинии города и стал готовиться к своему уходу. Взмолились к Царю кающиеся и говорят: «Пусть другие творят злобы, – что коснется царству Твоему? Не печалься о том, что делают они против Тебя, но попечалься о граде, ибо халпииты только и ждут Твоего удаления, чтобы прийти и опустошить город. Умоляем Тебя, не оставь нас сирыми удалением Твоим. Не вмени им того, что злотворят они Тебе, но вмени нам. Мы Тебе злотворим, а не они. Мы Тебя преогорчали и преогорчаем каждый день; молимся и просим Тебя, не прогневайся на нас, не оставь нас сирыми с удалением Твоим!» Царь, услыхав от кающихся такие плачевные молитвы, долготерпел, пока не отдали кающиеся общего долга; после же кончины кающихся Царь остался один. Видят горожане, что

Царь остался один, усоветовались между собою, чтобы никто больше не слушался Царя. Царь, услыхав, как горожане злоумыслили на зло ему преумножать распутство в городе, и что в городе никого верного ему не осталось, удалился в другую страну, где и утвердил царство Свое. Ибо говорится: «Утверди, Боже, Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго великаго Государя нашего, и святую православную веру православных христиан во век века». (В рукописи слов: «Благочестивейшаго Государя» – нет, но, по возгласу церковному, приводимому святым, и по смыслу притчи они должны быть, ибо, как мы видели, святой сначала говорит, что удалился Царь, то есть благодать Святаго Духа, в другую страну, потом говорит: «Утверди»; значит притча здесь имеет в виду царство греческое, а под другой благословенной святой страной подразумевает Россию; справедливость сего толкования видна еще и из того, что царицу Екатерину он привел в пример, а Россию назвал благословенной. После этого отклонения святой опять обращает речь на Афон).

Видят халпииты, что удалился из города царь, устремились на город, как дикие звери, побили разбоем граждан, поселились там, и сделался город жилищем халпиитов; говорим: из-за многих грехов людских имеет он сделаться жилищем демонов. Грехи человеческие суть сии: ненависть, зависть, вражда, злопамятство, злорадство, неблагодарность, насмешливость, немилосердие, ложь, лжесвидетельство, святотатство, любостяжание, сокровиществование, денежный рост, т. е. лихоимственное нарощение денег, сребролюбие, или, как говорят, идолопоклонство, надменность, прелюбодеяние, блуд и блуд малакийный, мужеложство, свалeние, похваление зла или льщение злу, сластолюбие чревобесия, распутство, хищение, алчность, лихоимство – все сии представляют в безстрашие Божие, т. е. превращают в безстрашного. Спрашиваю вас, горожане, говорим: святогорцы, – к чему вас приведет безстрашие? Доведет оно до опустошения города или нет? О, несчастные горожане, где будет тогда ваша угольная работа? Говорим: где будет дело попечения, ибо это житейское попечение, как уголь, сожигает душу человека, но не замечает того несчастный человек! Где делание железа, т. е. делания забот? Эта забота есть тьма для чувства человека, ею человек помрачается, делаясь безчувственным. Где делание решет, говорим: сокровиществования, – которое путеводит человека на путь погибели, так что человек и душою и телом погибает. Погибель души в том, что с сокровиществованием земных металлов душа нищает благами спасения. Погибель же тела в том, что с сокровиществованием металлов земли оно всегда имеет страх.

Скажете: почему имеет страх тело человеческое? Спрашиваю я вас, слушатели мои: когда у кого будут накоплены деньги, а злые люди это заметят, то не сговорятся ли они между собою и не придут ли к накопившему человеку? Они спросят его: где сокровище твое? Если он не сознается, то не убьют ли его за то, что не сказал, а если скажет, то убьют, чтобы их не выдал, и убегут? Ради сего говорю вам, что сокровиществование губит человека и душою, и телом.

Глава LXXVIII

Зачем пришли вы в пустыню? И во что обращают пустыню из-за любостяжания

О, преподобнейшие отцы! Ведь для того вы и удалились из мира, чтобы не погублять души (в суетах мирских)! Ибо сказано: «Бежи, монаше, в пустыню, аще хощеши спастися». Ей, истинно есть сие. Но сегодня люди бегут из мира, от его кружений, закруживаясь однако еще больше, в десять крат больше закруживаясь против того, чем были в миру. У прежних отцов не было мирских кружений; они имели крайнее спокойствие ради спасения своего; сегодня же смотрят не на спасение свое, но на погибель свою (стараясь в этом друг друга опережать), кто погубит себя раньше попечениями и заботами любостяжательного сокровиществования, кто первым слихоимствует. Чтобы еще более лихоимствовать, строят храмы Божии (при келлиях келлиоты), творят их воровскими сокровищницами, обкрадывая храм Божий; говорим: возделыванием воровской своей торговли церковью своей (т.е. собирая жертвы поминальные и не поминая, как должно).

Не довольно того, что столь тяжкий грех взяли на душу, – с любостяжательным рукодельем своим берут еще и сей грех святотатственный. С лихоимственным рукодельем своим преступили обеты, которыми обещались пред священными вратами царскими: алчбу, жажду, наготу, нестяжание, целомудрие, в кротости сердечной и мысли праведной (досл.: в праведности мысли); это и иное, многое подобное, обещались вы пред священными вратами святого алтаря соблюдать в точности. Да, обещались соблюдать, но сегодня отреклись от обещаний. Обещались, но сегодня с такою легкостию возделываете погибель души своей, как будто ничего пред алтарем и не говорили. До того погубили себя, как будто никогда не были аскетами; и не только аскетами, но и монахами как

будто не были; не только монахами, но и христианами как будто не были; миряне такого погибельного пути не возделывают; посему и миряне не имеют к вам уважения, ибо добрую свою славу вы растопили и растопляете раздорами, враждою, ненавистию, попечениями, заботами о сокровищестовании; лихоимствуете и сокровиществуете в воровскую свою сокровищницу, чтобы помещать в рост, наращать рост на рост; ради этих денежных нарощений в храмах Божиих творят торговлю со лживою (обманною) куплею и продажей. Говорим: принимают и собирают различные сборы, с обманными просительствами просят в многоразличных и разнообразных прошениях, просят у мира милостыни и сами же посмеиваются над ним (т. е. не обслуживают молитвою, как должно); мастерят рукоделья (и соперничают) в том, кто кого опередит в производстве наибольшего рук делания; кто опередит в прибытках стяжаний, кто больше наберет в любостяжательную сокровищницу свою. Но и при этом не мирствуют, ибо любостяжание не дает успокоиться им, но еще более понуждает их. К чему же оно их понуждает? Понуждает (продолжать) лихоимствовать, чтобы налихоимствовать еще больше. Строят церкви якобы ради благоговения, цель же их есть любостяжание. Производят разные сборы, говорим: на литургии, молебны, проскомидии, сорокоусты; напрашиваются на то, чтобы поминать. Да, поминают, но как поминают? Поминают за рукодельями своими, вместе с осуждением (празднословий своих). Рукодельничая и осуждая говорят: такой-то имеет столько-то записанных в церкви нашей имен, а ничего не посылает нам, осел он безрассудный! Таким образом ропщут и осуждают, вместо того, чтобы поминать[1]. Да, поминаете вы, но Бог от поминовения вашего, которым вы поминаете (т. е. жертвователя, или душу усопшую, записанную вами), не имеет никакой вести. Воссылаете поминальные возношения ваши, но они не идут к Богу, ибо поминовение, которое вы делаете, есть одна лишь мерзость перед Богом, вследствие того, что делаете его без всякой взаимности (т. е. без всякой теплоты сердечной).

(К богослужению не благоговеют), накинув наметку на плечо, во время литургии стоят вне церкви и, как торговцы, с многословием и осуждением торгуются, не ведая того, что сняли наметки с головы своей не ради того, чтобы стоять с безстрашием, но ради того, чтобы стоять с великим благоговением и множайшим страхом Божиим, дабы смилосердовался над ними Бог и оставил им грехи их.

---

[1]Разумеются не все монастыри Св. Горы, ибо поминовение усопших на Св. Горе ведется внимательно и благоговейно; разумеются общины и келлии распущенные.

Глава LXXXIX

Молитва святого к Богородице

О, благословенная Церковь! В какое состояние поставили тебя, и до какого состояния еще доведут.

О, Богородительнице, Девице, Царица Дево Всепетая! Сия Гора Святая, сосуд спасения, радуется о Тебе.

Церковь к Тебе вопиет: освяти оправдании Твоими (идиомата) нынешних людей, вемы бо, яко хранила еси нас и храниши присно. Мы же, аще и изгоняхом Тя грехми нашими, обаче Ты, яко чад Твоих нас имела еси и имаши, аще и враждовахом на Тя, яко не чада Твоя. Ей, Всецарица, Госпоже, вемы, яко питала еси нас и питаеши до сего дне, мы же опечаливахом Тя, злыми делами нашими, яже соделовахом в возделывании земных мира сего. Ей, Всепетая Богородице и Приснодево Марие! Не умолчим никогда, Богородице, яко странных слышание еси! Послушай нас и не остави яко уснухом в смерть, даждь руку помощи скорбящим, источи струю благодати ко оживлению, просвети нас в повелениих Твоих, и изглади множество прегрешений наших, о, Всецарице, Госпоже, отраду всем подавающая, восприими молитву нашу и избави нас от всякия нужды и печали!

О, преподобнейшие отцы, священницы, священномонахи и вы, честнейшие монахи, ведаете ли вы, как предстательствуем мы за вас у Всецарицы Госпожи, Которую вы опечалили даже до царствия Ее. Мы же ради Ее сущи, предстательствуем, чтобы приняла Она моление ваше с прошением помиловать вас, возносимое вами к царству Ее, но от вас молитвенных прошений Она никаких не получает (досл.: не ведает), получает лишь разные бумажки: одни – сожженные, другие – подпаленные, иные – зачерненные, – таковы суть прошения молений ваших; мы же молимся, дабы приняла Она прошение ваше и моления. Получив от вас ваши моления (т. е. якобы просительные письма), приняв наше предстательство – открывает их, глядит на письма ваши, рассматривает их, но что видит? Видит то, что я вам выше сказал, печалится еще большею печалью, чем раньше. Сожжение бумаги – неправда (или также обида). Подпаление – любостяжание (лихоимство – тож). Замарание – нечистота плотского наслаждения. Разодрание – ненависть, осуждение. Помятие – прожорственная трапеза ядущих и пиющих в сытость и лающих, как псы, с многословием осуждения в кругу трапезном. Зачернение есть попечение

сокровиществования веществ мира сего. Таковы суть различные (истребители) молитвы вашей, которою вы молитесь и просите, (пребывая) во тьме закружения миром сим... Вы молитесь и просите, но чему подобна молитва ваша к Царице Спасения? Молитва, которою вы молитесь ныне, подобна лозе неплодной. Эта лоза на прекраснейшем месте, на вид могучая, но плода не имеет, ибо ветви чересчур свои распространила, листья ее преумножились, а посему плод утратился. И зрят предстоящие, что лоза столь могуча и ветвиста, ублажают домовладыку, что он имеет такую прекраснейшую лозу; но видит домовладыка, что лоза осталась безплодна, из-за множества побегов, которые распустила; видит, что утратился плод ее. Ей, утратился, но почему утратился? Потому, что (листья) и побеги вытянули плодный сок; вместо того, чтобы наливался плод, налились листья, и лоза осталась безплодной от плода своего. Тогда задумал домохозяин ее искоренить (видя, что она могуча лишь на вид и безсильна на плод), но смилосердовался о ней и сказал: «Пусть постоит, я подолготерплю, не увижу ли плода от нее». И стал долготерпеть некоторое время. Ей, долготерпел, но плода на лозе нисколько не увидел. Тогда разгневался домовладыка, приказав искоренить лозу с корнем; стали искоренять лозу; когда ее искоренили, домовладыка сказал: «Иссеките ее на куски и ввергните во огнь, да сгорит, как неплодная». И сотворили слуги, как сказал им домовладыка.

Итак, уже посланы слуги на место, где стоит лоза; место называется Гора Афонская, лоза посеклась... Говорим: нашло на Гору нашествие халпиитов. Ей, нашло нашествие, но почему нашло? Нашло за то, что здесь никакого плода не показали Царице Спасения (*прим.:* здесь вместо будущего – прошлое). Предстоятели же ублажали Царицу Спасения, видя, как мощна сила их, как сильны они телом, украшены благами земными; ублажали Ее, что монашество здесь имеет такую свободу, получая все, что ни пожелает. Но Царица Спасения видит, что при всем этом нет на них плода спасения, что из-за многих попечений, которыми они пекутся о земных, утратился плод спасения. Ей, утратился у них плод спасения, но как утратился? Утратился из-за раздоров и земных обуреваний, из-за сокровиществования веществ мира сего, из-за многословия осуждений с празднословием предательства. Сия противозаконная сущность растопила и растопляет плод спасения; из-за нее остается монашеская жизнь безплодной в человеке.

Царица Спасения, видя, что люди в монашеской жизни стали безплодны, задумала искоренить безплодное человечество

с Горы сей, однако помилосердовала и сказала: «Пусть постоит, подолготерплю некоторое время, не увижу ли плода». Ей, долготерпела и долготерпит, но плода в человеке на сей Горе не видит никакого. Видит Царица Спасения, что не плодоносят люди, не имеют и признака спасения, затмевают (листвою своею) внутренность Горы (от Света Солнечного) – и больше ничего. Видя такую безплодную тень, Царица Спасения опечалилась и печалится о плоде спасения, что погибло спасение у людей (т. е. потерян людьми путь совершенствования духовного в монашеском аскетизме).

Люди же не только погубили свой плод спасения, но даже восстание подняли против Царицы Спасения; свергнув Царицу, низложили с Ее Царской кафедры!

Глава XG

Что такое трон Царицы Спасения, и что значит низложение с трона

Трон Царицы Спасения утвержден на четырех кафедрах, нишах проповеди покаяния... Говорим: с четырех раковин проповедуют покаяние четыре евангелиста, каждый тезоименно имени своему. Первый называется *Матфей*; сие имя означает *научитесь*: «Научитесь от Меня, яко кроток есм и смирен сердцем».

Второй называется *Марк*; имя сие означает *макариос, блаженный*: «Блажен тот, который возделывает слова Евангелия и хранит с чистым расположением божественное Крещение Истины.

Третий называется *Лука*; сие имя означает и говорит *лусесе, омойтеся*: «Омойтеся, и чисти будете». Говорим: если, яко человецы суще, действием похотения вашего или действием лукавого загрязните божественное Крещение, то паки омойтесь и очиститесь слезами покаяния. Омойтеся и паче снега убелитеся. До скольких крат? До седмидесяти крат седмерицею, пока суд не обрящет вас в том, как говорит: «В чем застану, в том и сужу».

Четвертый называется *Иоанн*; сие имя означает и говорит: «Прииде к нам свыше благодать Всесвятаго Духа ради спасения людей, да возделываем спасение наше!..»

Посему говорится: «Уклонися от зла и сотвори благо». Сии суть (глашения) четырех ниш кафедры Царицы Спасения[1].

[1]Касательно толкования имен евангелистов следует заметить, что преподобный ру-

Но сегодня нет послушающих сего, нет способных к тому, чтобы уклониться от зла и творить благо; наоборот, уклонились от добра и сотворили делание злое. Говорим: согнали четырех проповедников из ниш трона Царицы Спасения, поставив в этих нишах четырех проповедников великого отступника, а на трон возвели великого отступника, называемого *любостяжание*. У проповедников великого отступника, которые тоже находятся в четырех нишах, есть имена, тезоименные проповеди их; первый называется *попечение*, ибо печется о мире, истребляя у людей попечение о спасении и делая их безплодными. Второй именуется *забота*, которого слушаются заботящиеся о погибели своей, а не о спасении своем. Третий называется *сокровиществование*, которого слушаются сокровиществующие металлы земли в лихоимственную свою сокровищницу с любостяжательным хищением неправд. Четвертый называется *путь погибели*, которого люди слушаются и погибают с такою легкостию. Сии суть отступники, проповедующие из четырех ниш трона царицы погибели. Раньше сей трон был троном Царицы Спасения, но, так как евангелистов, проповедающих Евангелие, изгнали, то тем самым изгнали и Царицу Спасения, а возвели на Ее место царицу погибели.

Видит Царица Спасения, что сделались они отступниками и сказала: «Подолготерплю Я еще некоторое время, не увижу ли плода покаяния». Так она долготерпела некоторое время, но не видит в человеке вожделенного плода покаяния, видит лишь усилившееся беззаконие; тогда вознамерилась Царица Спасения удалиться из города Своего, чтобы не видеть распутства людей. Ей, задумала Она удалиться из города сего, говорим: из Горы сей, – но мы предстательствовали пред Ней и теперь предстательствуем, чтобы Царица Спасения не удалялась из града сего; однако не довлеет Ей одного нашего предстательства, но желает Она и требует прежде всего покаяния и молитвы умоляющей от вас; потом уже примет и наше собственное предстательство. Но раз вы покаяния умилостивительного не имеете, то как возможно быть принятому нашему о вас ходатайству.

Итак, молю я вас, преподобнейшие отцы! Молю и прошу вас: сделайте истинное покаяние моления вашего, чтобы мы возмогли просить и упросить Царицу Спасения, дабы не удалялась Она из Града сего. Ей, преподобнейшие отцы! Из-за ваших нужд телесных пребываете вы в обуревании мирском; сего ради молю вас и прошу: мирское кружение оставьте, делайте одно истинное покаяние умоления вашего, а я, и не

ководится здесь не филологией, а внутренней (идейной) стороной евангельской истины.

только я, но и все преподобные, в подвигах просиявшие в Горе сей и на небеси живущие, все нужное для телесных потребностей ваших мы пополним; только оставьте кружение, которое имеете, принесите истинное покаяние и молитву к Царице Спасения; мы также со своей стороны будем ходатайствовать, не уговорим ли Ее не удаляться из Горы сей? Если же Царица Спасения удалится с Горы сей, увы и горе будет тогда сей Горе, горе не только людям, но также животным, птицам и древесам насажденным... Почему же горе будет насажденным древесам? Потому, что халпииты возьмут власть и поселятся в древесах.

Глава XCI

Что происходит с человеком, когда снимается с него покров Царицы Спасения, и что произойдет со Св. Горою. Кто халпииты. Продолжение приточного изложения истории Св. Горы

Итак, утратился людьми путь спасения. Стали сокровиществовать лихоимство в воровскую свою сокровищницу неправды, исчез путь мира и любовь тишины. Утратили путь спасения и пропало преосияние спасения, которое было и есть – честность девства; из-за таких погибельных дел грозит опасность для Горы лишиться Царицы Спасения (досл.: *обнищать*), Которая была и есть вся – тишина и преосияние мира. Итак, ради сего говорю я вам: когда удалится Царица Спасения от Горы сей, тогда – увы Горе сей, ибо последует великое смущение (переворот) в Горе сей честной и святой. Спрашиваю я вас: что за переворот имеет последовать с сей Горою? Если не покаетесь, то Царица Спасения удалится; когда же Она удалится, то получат доступ халпииты, распространятся как им будет угодно, мысленно и чувственно. Мысленные халпииты суть демонские искушения, чувственные же халпииты суть злобы человеческие, и те, которые ныне называются корсарами, т. е. морскими разбойниками; (между прочим, недавно турецкое правительство переселило в Македонию 100000 семей злобнейшего и жесточайшего племени из Малой Азии и поселило близ Афона). Второе же их имя – воры. Таковые воры суть мысленные и чувственные халпииты. Вселятся мысленные халпииты в насажденных древесах, говорим: в деревах освященных, – так как раньше дерева были осквернены, ибо жили в них люди беззаконные; потом,

по приходе Царицы Спасения, сделались дерева освященными, поселились здесь люди освященные и освятилось место вместе с людьми. (Действительно, до самого прихода иконы Иверской в X веке, который святой называет приходом Царицы Спасения, на Афоне были мирские поселения, но после сего мало-помалу уничтожились. Константин же Погонат по VIII веке выселил отсюда коронное население, после арабских набегов. Константин Погонат отдал Афон монахам, но мирские селения еще существовали и монашество не было благоустроенным до построения лавры Афанасием Великим; тогда же вскоре пришла икона Иверская по морю: с тех пор иссякли миряне и расцвело монашество.)

И не только тогда освятилось место, но и всякий последующий, приходя жительствовать в месте сем, освящается. Ныне же человек с пришествием своим не только не освящается, но почти оскверняется мирскими беззакониями; осквернилось место сие вследствие того, что приход их был не с правотою, но почти всегда с лукавством. Из-за этого вашего лукавства будете вы истреблены с Горы сей, как говорится: «Лукавнующие потребятся, терпящие же Господа, тии наследят землю». Сего ради говорю вам: увы древесам насажденным! Когда Царица Спасения удалится с Горы сей святой, тогда обрушатся на Гору халпииты чувственные.

Но кто понудит халпиитов прийти и совершить нашествие на Гору сию? Никто иной, кроме одного вашего лукавства. Лукавство же ваше есть сие: любостяжание, с которым вы заботитесь стяжевать в ваши воровские сокровищницы, с которым вы хвалитесь один перед другим, что у такого-то столько золотых, у такого-то столько, а у того скоплено больше всех других. Некогда ублажали подвиги древних отцов, а ныне ублажают того, у которого насокровиществовано больше других. Когда же халпииты услышат о Горе сей, что на ней сокровищ набрано в избытке, то что сотворят они тогда на Горе? Халпииты уже готовы идти сюда, но не в силах пока этого сделать, так как в Горе сей есть еще Царица Спасения. Они только и ждут того, чтобы удалилась с Горы сей Царица Спасения; тогда придут и сделают то, что имеют сделать.

О, преподобнейшие отцы! Принесите усердное покаянное моление; мы тоже будем предстательствовать, чтобы ваше моление было принято, дабы не удалилась Она отсюда; ибо, пока находится Царица в Горе сей, то если за грехи ваши и приключится нечто, найдет на вас нашествие, пленение мысленное и чувственное, Царица в силах выкупить вас из плена халпиитов. Если же Она покинет Гору сию, найдет на вас нашествие пленения и будете пленены мысленно и чувствен-

но, кто тогда может искупить вас из плена халпиитов. Ей, пленены будете, но выкупить некому будет из плена халпиитов. Скажете: по вине кого будем мы пленены халпиитами? Если желаете знать, то послушайте меня.

Некий Царь утвердил Мать Свою Царицей и дал Ей город благой, чтобы Она царствовала в нем, говорим: в Горе сей Афонской. Благою – называется монашеская жизнь, а городом – Гора Афонская. Ибо поставил Ее Сын царствовать во граде сем, что Сама Она просила сего ради спасения людей. По желанию Своему пришла Она сюда; граждане приняли Ее с великою радостию и веселием. Но потомки их потом возненавидели Ее и царствование Ее. Увидели мысленные халпииты, что возненавидели люди в городе Царицу, и тогда дали бой городу, чтобы побить его разбоем. Увидела Царица города, что уготовались халпииты разорить город; повелела Царица и Своим войскам уготовиться к бою, говорим: монашеской жизни уготовиться к подвигу. Повелела Она войскам изготовиться к сражению (т. е. занять позицию), повелела, чтобы изготовились к бою на месте приморском, песчаном, и там поставили свои палатки. Увидели халпииты, что изготовились городские войска на морском побережье, испугались и прекратили войну; но городские войска не прекращали войны, продолжали воевать и победили. Очевидно, кто непрестанно воюет, тот и победит. Говорим: благо получит тот, кто подвизается неослабно. Войска впоследствии опять подняли восстание на свою Царицу. Увидела Царица непокорство воинов, подолготерпела их безчинию, но халпииты, заметив восстание и измену войск, устремились на город, разгромив также палатки (т. е. военный стан) вместе с войсками. Увидала и Царица, что разгромлен стан и что в войсках такая гибель, опечалилась о гибели той, поспешила на помощь, и делает ее, но что делает? Различные способы употребляет, чтобы высвободить воинов из пленения чувственных и мысленных халпиитов. Высвободила их непамятозлобная Царица, какова Она была и есть, но сказала так: «Да будут пленены, ибо отступниками сделались царства Моего», – но с незлопамятностию Своей и безграничным Своим милосердием умилосердилась и сказала: «Освобожу Я войска Мои, ибо за то, что служат они царству Моему, пленены они». И таким образом выкупила Она их, снова собрала их в то же состояние, как раньше, и стали они верными воинами Царицы. В другой раз опять изменили войска Царице Спасения; отступническое непокорство их дошло до такой степени, что против самой Царицы подняли они восстание, чтобы Ее изгнать из города. Царица же, видя, что войска отступают от Нее, старалась

умирить их и долготорпела, ожидая, не покаются ли, исправления же в войсках отнюдь никакого не было; продолжали изменять, творили безчиния в городе, и такое распутство, которое гнусно было и видеть Царице, говорим: безчиния, возделываемые монахами в Горе сей. Безчиния же их суть: раздоры, непокорства, хищения, неправды и прочее; одного только дела с бабами не водится и то лишь потому, что не благоприятствует сему местоположение города; зато прельщаются юными; прельстившись молодыми, возделывают с ними бабье дело. Царица Спасения, видя такое гадостное дело в войсках Ее, удалилась со стенанием и печалью из града. Увидели халпииты, что удалилась Царица Спасения из града, и город запустел; устремились они, как дикие звери против города, разгромили его вместе с народом его и опустошили городскую силу. Слышит Царица, что разграбили город, пленили народ и говорит: «Что могу Я им сделать? Они Меня изгнали с безчинием непокорства своего. Я промышляла, а они Меня презирали. Я их оберегала, а они сами Меня изгнали. Что Мне с ними сделать? Пусть уйдут они от Меня с гадостным деянием своим. Великую печаль имею Я о нашественном их пленении, но так как они сами не жалели погибели своей, – то что мне с ними сделать?» О, преподобнейшие отцы! Когда в городе Царица, то, хотя бы город со всем народом и был взят в плен, Царица в силах искупить городской народ из плена халпиитов: когда же удалится Царица из града, то гневен будет Ее уход, ибо разгневается Она, и город будет пленен халпиитами. Спрашиваю я вас, кто тогда в силах будет освободить их от пленения халпиитского?

О, преподобнейшие отцы! Разумеете ли вы, что означает город, народ города, Царица Спасения, что значит боевой стан и что значит приморский песок? Город означает Гору сию честную, воскрешающую вас от греховного, мирского умертвия. Люди городские суть жительствующие в Горе сей, то есть монахи; а Царица Спасения есть Всецарица и Богородица, Приснодева Мария. Но вы, вместо того, чтобы чтить Ее, величать, возносить и прославлять, вы Ее безчестили, презрели и изгнали, не воздав Ей чести и славы. Ее, препрославленную, вы имеете, как презренную, презираете, но и сами будете презрены за то, что Ее не чтите. Палатки боевые (т. е. стан боевой) есть аскетический подвиг; прибрежный песок – крайнее безмолвие или спокойствие аскетов; ибо, если отступят они крайнего спокойствия, – делаются отступниками от Царицы Спасения. Услыхали войска халпиитов, говорим: войска папы римского, – что отступили горожане от Царицы (т. е. подвиглись и склонились к латинянам при

Палеологе) – устремились халпииты внутрь города и разгромили боевые палатки. Говорим: опустошили крайний покой пустынников (т. е. напали на Гору, изгнав своим нашествием пустынников из пустынь), потом опустошили и город нашественным своим устремлением, одних усекли, других замучили, иных утопили, третьих ножом уст своих убили, т. е. склонили в латинство и лишили спасения. Гарнизон города совершенно обнажили, во власть свою взяли; тех же, которые поклонились папе, любоодарили; сделали гарнизон города нагим, оставили город пустым и удалились. Видит Царица город Свой пустым, опечалилась о гибели его, собрала оставшийся народ города, который был в живых, а умерших соединила на месте злачнем, на месте светлом, на месте покойном, идеже несть болезнь, печаль и воздыхание... Но, когда Царица Спасения уйдет с Горы сей, кто примет меры, чтобы выкупить Гору сию из пленения халпиитов.

ГЛАВА XCII

Воззвание к св. отцам востать для проводов Царицы Спасения с Горы

О, преподобнейшие отцы! Вместо того, чтобы подвергать себя гибели, не лучше ли сделать истинное молитвенное покаяние, каяться и молиться об освобождении своем, чтобы избавиться вам от искушения мысленного и чувственного? О, преподобнейшие отцы, даром теряю я слова мои, ибо вы неспособны к покаянию; даже к сему намерения не имеете. Имеете лишь один путь погибели, который есть возделывание беззакония. Так как вы остаетесь нераскаянные, не имеете намерения каяться и не в силах примирить с собой Царицу Спасения, то попросим святых отцов, чтобы они проводили ее при удалении ее; они встречали ее со славою и честию во время прихода ее; так с честию и славою опять да проводят ее при удалении ее (подразумевается икона Иверская, ее чудесный приход и будущий чудесный уход).

Востаньте, преподобные отцы, чтобы проводить Царицу Спасения, Которая домоустроила спасение ваше в Горе сей! Востаньте, святые отцы, чтобы проводить Царицу тишины! Востаньте, святые отцы, чтобы проводить Царицу мира! Востаньте, преподобные праотцы, чтобы проводить Царицу целомудрия! Востаньте, святые отцы, чтобы проводить Царицу девства, преосияние спасения! Востаньте, праотцы, чтобы

проводить Царицу окормительницу, Которая окормляла (т.е. как кораблем правила) спасение человеческое до сего дня в Горе сей! Востаньте, преподобные праотцы, иереи, архиереи, отцы, патриархи, и прочие святые, просиявшие подвигом спасения аскетического, в Горе сей честной, сосуде спасения! Ей, востаньте, преподобные праотцы, чтобы проводить Царицу Спасения! Востани и ты, преподобне отче Гавриилe, с отцами преподобнейшими, чтобы проводить прежде встреченное тобою спасение (т. е. чудотворную икону Иверскую), спасение ваше, которое вы некогда встретили такою славною встречею, с такою славой и чином. Востаньте же, чтобы проводить ее ныне с такою же славою и торжеством духовным, ибо отвергли ее потомки поколения вашего, презрели, изгнали ее из части Ее, чтобы иметь лишь погибель свою и пещись о ней. Ей, преподобнейшие отцы, попросим также преподобных отцов, чтобы они пришли и, как встретили, так и проводили Царицу Спасения. Да, изгнали вы Ее из части вашей, но Она все еще вас не отгоняет, а ждет покаянного моления вашего. Ей, отгонит Она вас из части вашей, если останетесь такими нераскаянными, какими пребываете сейчас. Ждет покаяния от вас Царица, а если не раскаетесь, тогда Она изгонит вас из части Ее. Так как сами вы изгоняете Ее из части вашей, то и Она изыдет из части вашей. Но каким образом изыдет Она из части вашей? Ей, уйдет от вас, восчувствуют безчувственные уход Царицы Спасения, чувство же будет помраченным и не ощутит удаления Царицы. (Т. е. природа неодушевленная ощутит, а люди не ощутят), ибо помрачится чувство монахов в попечениях о жизни сей. Сего ради не почувствует чувство монахов, когда будет отсюда удаляться Царица Спасения. Сие подобно тому, как евреи распяли Царя своего, сделались безчувственными к распятию Его и не познали Благодетеля своего. Наконец, распяв, изругались над Ним, хулили и хулят до сего дня, говорят, что ученики Его украли... Так и вы сегодня делаете, не познав Царицы Спасения вместе с благодеяниями Ее; наконец, изгоняете Ее из части Ее так же, как изгнали иудеи Иисуса Христа из части своей. Иудеи не восчувствовали, Кто есть Иисус Христос, но камни и погребальные вещи восчувствовали. Ради этого, говорю вам, нечувствие почувствовало Творца своего, что Его распяли, но чувственные не почувствовали, не познали Благодетеля Своего и распяли Его по нечувствию своему.

Ей, преподобные отцы, удалится отсюда Спасение; тогда горе тем, которые положили начало пути погибели и отогнали отсюда Царицу. Итак, сделайте благое начало пути моления покаянного, дабы остановить Царицу Спасения. Если же не

покаетесь от всего сердца, то хорошо ведайте, что покинет вас Царица Спасения и уйдет. Но как уйдет? Уйдет с громом и страшными ударами? Спрашиваю вас, откуда изыдет такой страх и трепет? Страх и трепет будут исходить от нечувствия. Безчувствие будет чувствовать удаление спасения, будет страшиться и трепетать о том, что остается[1] вдовым и сирым.

Глава XCIII

Притча о жене и ее двух мужьях

В некоем месте была женщина весьма прекрасной наружности. Муж ее был гадкого поведения, занимался худыми делами. Постиг его гнев царский, разлучили жену от мужа ее; молодица оставалась некоторое время вдовою и сирой. По прошествии малого времени взял ее за себя некто, называемый «чадо царское»: вступила она в супружество с тем юным, двое стали плоть едина; проходили прекрасную жизнь; если какая боль причинялась телу одного, то одинаковою болью болезновал и другой; радостную жизнь проводили они в такой любви. После некоторого времени молодой умер, пошла она его хоронить; когда из дому вынесли покойника, то женщина видит, что идет муж к ней, ее прежний муж, которого отлучили от нее. Вспомнила она, какого худого поведения был первый ее муж и весьма опечалилась об утрате нового. Ей, опечалилась, но как опечалилась? Опечалилась печалью чрезмерною; когда вынесли мертвеца из дому, она билась головой своей от печали, волосы из головы своей выдирала, волосы растрепала, члены свои о землю сокрушала, лицо свое руками закрывала и говорила: «Увы мне! Увы мне, бедной! Вдовой и сирой оставил ты меня! Возьми и меня с собою, чтобы не пришел мой первый муж, который был злого расположения, и не стал бы меня опять мучить, как раньше!» Еще и другие, больше того жалостные, слова говорила она, (обращаясь к покойнику) мужу своему, с плачем, со страшным воплем: «Не оставляй меня, муж мой, вдовой и сирой, чтобы не пришел мой прежний *безчинный* муж, и не стал бы меня опять мучить, как раньше, с безчинием своим». Ведаете ли, преподобные отцы, кто тот муж и кто жена? Муж и жена суть сии: прежде в Горе Афонской жили люди злого расположения, постиг их гнев царский, изгнали их из

[1]Т. е. безсловесные животные будут трепетать при грядущей катастрофе.

Горы сей; Гора осталась вдовой от людей (по-видимому здесь говорится о выселении мирян в Чеканию при Константине Погонате в VIII веке). А вслед за тем поселилась здесь благодать монашеской жизни, потом пришла благодать Госпожи нашей Богородицы вместе с Пречистым Ее Ликом (т. е. в X веке пришествие иконы Иверской). И освятилась Гора сия благодатию Всесвятаго Духа и Госпожи нашей Богородицы Приснодевы Марии; благодать Божия не только сие место освятила, но изгнала сопротивных, стало одно единство (т.е. остались одни монахи), освятились тогда все горы и холмы, древа плодоносные и все кедры. Супружество же сие есть: молодая жена – сия Гора, злого расположения муж – прежние люди. Потом пришло царское чадо, говорим: благодать Всесвятаго Духа, – освятило Гору сию, вместе с Ликом Госпожи нашей Богородицы, освятило и освящает до сего дня. Ныне же отогнали благодать Всесвятаго Духа гадкими делами; отогнали хищением, ложью, нечистотою, позабыв о деле спасения; так как дело спасения было забыто, то изгнали и само Спасение из Горы сей; таким образом, люди Горы сей стали отступниками от Царицы Спасения.

Видит Царица Спасения, что изменили Ей люди Горы сей; вознамерилась Она и Сама удалить Лик Свой, вместе с благодатию Своею. Но каково имеет быть это удаление, когда Он (лик) будет удаляться с Горы сей?!

Глава XCIV

Как произойдет отшествие иконы Иверской с Горы?

О, преподобнейшие отцы, удаление Спасения будет таково.

Во-первых, за малое время вперед потрясется монастырь, в котором жительствует Лик Царицы Спасения. Значит, безчувственная земля восчувствует, что имеет обнищать от хранителя своего, Которая хранит ее до сего дня. После трясения будут весьма трястись все древа насажденные и будут наклонять всех насажденных, говорим: всех укорененных ради Царицы в полон (т. е. будет мученическое истребление православных монахов в Горе). Афон будет биться страшным шумом, будет исходить тонкий глас; когда будет уходить Лик Госпожи нашей Богородицы, то будет знамение страшное и трепетное. Знамение будет такое: все церкви будут наклонены ради удаления Спасения, как проводы Спасению и поклон (т. е. их разрушат безбожники

или землятресение?) Ради этого, говорю вам, нечувствие будет ощущать, а чувство будет помрачено, и не будет сознавать, что удаляется Спасение. Итак, говорю вам, преподобнейшие отцы, до тех пор, пока находится Лик Госпожи нашей Богородицы внутри Горы сей, да не подвигается никто уходить из Горы сей честной; как только подвигнется уйти с Горы сей честной, тотчас имеет найти на него наказание душевное и телесное (попущение). Когда же увидят, что удалилась икона Всесвятой с Горы сей честной, тогда уходите и вы, куда угодно; только обет монашеской жизни сохраните целым и чистым.

Глава XCV

Заключительные слова святого святогорцам; притча о учителе и учениках

Не подумайте, преподобнейшие отцы, что осуждал я вас, уничижая. Нет, не для уничижения, но для исправления высказал я вам; с зерна горчичного высказал вам (пороки ваши); как зерна горчичные, высказанное мною горько для слуха. Слово это, зерно горчичное, горькое не я сам высказал вам, но только послан есм с этими словами, чтобы представить их вам. Я представил их вам, как хороший учитель для чувств ваших (т. е. описал верно и живо с понятными примерами).

Некий учитель, по безмерному своему попечению об учениках, ведая, что должно произойти со школою из-за распутства учеников, которые сделались безчинниками, послал лучшего ученика своего и сказал ему:

«Иди и скажи безчинным ученикам, чтобы они хорошенько одумались и засели за мои учительские фразы (уроки), ибо по их вине (вся) школа пропадет. Они же, с самоуправлением отступнического своего безчиния, в ответ на это скажут: что такое делаем мы, что школа пропадает по нашей вине? Прежде, нежели они это спросят, ты им перескажи все их гадкие дела, чтобы уразумели они свое нечувствие и поняли, что пребывают в деянии гадких дел». Сие приказал Учитель ученику Своему; ученик удалился от Учителя Своего, пошел к безчинным ученикам, сказать им, что повелел Учитель его. Идучи же, говорил сам с собою: «Когда приду к безчинным ученикам, с кем мне беседовать из среды этих безчинников?» (Т. е. кому явиться, кого удостоить явлением и передать

слова обличения). Когда он так думал, повстречался ему один человек, опозоренный учениками, и сказал. «Они меня избили, изранили, оскорбили, опозорили. Я стал погибший! Нечего мне оставаться на пути спасения! Пойду на путь погибели» (здесь разумеется Феофан, пришедший в отчаяние от преследования его врагом обличений святого, ибо, в отместку, Феофан решил перейти в магометанство, когда его и встретил преподобный Нил). Посланный ученик, услыхав это, дал ему лекарство для уврачевания тела от ран, передал ему и слова учителя безчинным ученикам, как некую воду питную внутрь державы памяти мертвеца (т. е. как бы напоил этими словами слух его, укрепив слова державно в памяти, надолго и в подробности).

Итак, ныне для того мы и воспроизвели беседу ученика с учителем, чтобы вы не подумали, что ученик все это от себя вымыслил; он передал только то, что ему было заповедано передать.

ЧАСТЬ IV

ПОВЕСТЬ О СЕРВИИ И СУДЬБЕ СВИТЯ ЕГО

Глава I

О, преподобнейшие отцы! Попечальтесь о спасении вашем, и душах ваших, ибо вы губите спасение свое. Если же не скорбите вы о погибели ваших душ, то пожалейте, по крайней мере, братьев ваших, род христианский, который горестно обуревается в волнах жестоких мук агарянских, разнообразными муками и терзаниями мучимый день и ночь[1].

О, преподобнейшие отцы, имейте и держите скорбь в сердцах, так как скорбь вам предстоит. Три вам будут скорби; из этих трех хотя об одной поскорбите. Поскорбите о душе своей; если же не жалеете души свой, то поскорбите по крайней мере о роде христианском, который немилостиво и смертельно бьется в волнах агарянских. Если же не жаль вам и рода христианского, пожалейте и поскорбите по крайней мере о жизни вашей, так как накликаете вы на себя погибельное нашествие (досл.: нашественную погибель), час деяния злого расположения вашего.

Тогда глаголанное, т. е. возвещенное мною, исполнится, но

[1]Мысль та, что в скорбях христиан, страждущих под агарянским игом, повинны и святогорцы, грехами своими наведшие гнев Божий (агарянское иго) на себя и на всех христиан-греков, за коих святогорцы молятся и должны молиться Господу. Если бы афонцы усиленно стали вести борьбу со своими грехами, то Господь мог бы значительно ослабить и агарянское иго.

какая в то время будет вам польза, если мир весь вы приобрящете, жизнь же свою погубите? Где тогда будет плотская ваша похвальба, с которою возделываете дела суемудрящие, т. е. какая польза будет от ныне деемых вами дел тщеславных, ум осуечающих? Будет ли тогда враждование вам на помощь? Будет ли ненависть на помощь? Будет ли осуждение на помощь? Будет ли злато и сребро на помощь? Будет ли вам помощь от проклятого тщеславия с угрюмо-лицемерною похвальбою, т. е. кичением своим и угрюмо-лицемерным видом? О, не только не будет тогда от сих вещей никакой помощи вам, но они-то и превратятся в нашествие воинское на вас и на главу каждого из вас устремятся с такою же стремительностью, как на скит Сервия.

ГЛАВА II

Сервий и чудесное его крещение через архангела Михаила

Сей Сервий был родом с острова Крит. Узнав о Боге и божественной благодати, сообщаемой крещением истины, Сервий молил Бога, чтобы вывел Он его из места сего, т. е. языческой страны, и привел бы на место благо, где он мог бы принять божественное Крещение. Желание Сервия исполнилось следующим образом.

Бог послал к нему ангела Своего во образе рабочего. Ангел пришел к Сервию в этом образе и стал просить работы. Сервий спрашивает его, не зная еще, что это ангел: «Как звать тебя?» Ангел, явившийся во образе рабочего, говорит: «Михаилом». Говорит Сервий: «Какую работу умеешь?» Работник отвечает: «Какую дашь мне работу, ту и буду работать». Сервий спрашивает: «Какого ты рода и какой веры? Михаил отвечает: «Из рода христианского есм». Говорит Сервий: «Итак, ты христианин?» Михаил отвечает: «Да, христианин православный есм; Христу работаю и служу». Говорит Сервий: «Нет ли какой возможности, чтобы и меня сделал бы ты христианином?» Михаил говорит: «Твой слуга есм; готов послужить и этому твоему благому желанию». Сервий говорит: «Вот тебе работа: сведи меня к тому, кто сделал бы меня христианином». Михаил отвечает: «Тот, кто меня крестил, далеко». Сервий говорит с пылкостью сердца: «Как далеко? Не далее края света? Я обещаюсь за тобою следовать, хотя бы на край света, ибо дальше невозможно идти». Михаил с улыбкой говорит: «Нет, не так далеко, как ты думаешь, но

близко». Сервий отвечает: «Если близко, то почему же нам не пойти?» Михаил: «Если с любовию сие вожделеваешь, то пойдем; есть и лодка, которая плывет к месту тому». Сервий: «Если есть лодка, то давай собираться». Михаил: «Сборов никаких не надо, только пойдем к лодке». Сервий: «Пойдем». Пошли они тогда к пристани в час полуденный. Михаил спросил на пристани, где та лодка, которая должна возвращаться, чтобы идти на такое-то место? Присутствовавшие же говорят: «За тем садом». Было же то место на расстоянии около четырех миль. Говорит Михаил: «Не дадите ли вы лодки, чтобы нам туда пойти?» Моряки говорят: «Берите лодку, плывите туда и возвращайтесь». Михаил говорит Сервию: «Что скажешь?» Сервий: «Пойдем, посмотрим, не возьмет ли он нас».

Вошли они вдвоем в лодку; Михаил стал на весла. Достигли они Критских садов на той стороне (бухты), где, как думал Сервий, должна была находиться лодка, в саду начальника гавани. Опознавшись, Сервий увидал, что пристали не к тому месту, и сказал Михаилу: «Мы сделали ошибку, не тот это сад». Михаил говорит: «Ошибки нет, тот самый». Сервий: «Теперь ты ли станешь меня ныне учить, когда здесь внутри я вскормлен?» Михаил: «Так как мы ныне сюда пришли, то пойдем поклонимся архиерею, потом, если пожелаешь, возьмешь лодку, пойдешь куда захочешь, и я вместе с тобой».

Пошли они к архиерею. Был день Преображения, архиерей был в церкви, псалмопели вечерню, совершался вход, служили все клирики. Тогда говорит Михаил, указывая на архиерея: «Это тот, который меня крестил». Сказал же он так про архиерея потому, что архиерей есть образ Владыки нашего Иисуса Христа. Говорит Сервий: «Ты нашел хорошего человека, сделавшего тебя христианином». Когда вечерня окончилась, Сервий говорит Михаилу: «Теперь что сотворим?» Михаил: «Имей терпение». Нашел Михаил одного слугу и сказал ему: «Скажи архиерею, что один иеродиакон ищет тебя[1], желая повидаться с тобою».

Слуга сказал архиерею то, что повелел Михаил, и архиерей сказал: «Пусть войдет». Пошел Михаил к архиерею; после приветствия говорит ему архиерей: «Кто ты, откуда и куда идешь?» Михаил: «Из Иерусалима, я архидиакон Великого Архиерея. Этот человек посылал прошение к Великому Архиерею и просил Крещения: вот Он и послал меня, как своего верного раба, послужить таинственному делу сему; я отправился

[1]Св. архистратиг Михаил наименовал себя «иеродиаконом» (букв. с греч. «священнослужителем») в знамение великой истины, что все ангелы суть служебнии дуси, в служение посылаемые захотящих наследовати спасение (Евр. 1, 14).

в путь таинства, нашел желаемого в самих внутренностях дракона, т. е. в нечестии», и рассказал все Михаил архиерею про Сервия. Архиерей весьма удивился, выслушав этот рассказ. Говорит архиерей Михаилу: «Священствуешь ли ты во диаконстве?» Т. е. можешь ли служить. Михаил: «Да, служу во священнодиаконстве». Архиерей: «Скоро я буду литургисать, т. е. утром, готовься и ты литургисать со мной; тогда и окрестим сего брата перед литургией, ибо праздник Господский и мне подобает литургисать». Михаил: «Да будет воля твоя». Когда архиерей услыхал, что Михаил согласился литургисать с ним, то исполнился величайшей радости и сказал: «Господин Михаил, настал час вкусить нам с тобою от трапезы телесной». Михаил: «Твори ты по чину твоему, по уставу, какой навык иметь для своего живопитания; меня же этим не безпокой, ибо, если принудишь меня утешиться телесно, то не буду и иметь чести вскоре литургисать с тобою». Архиерей: «Мирствуй, господин Михаил, и да не сеются в помысл твой препятственные плевелы, чтобы сделать какую-либо препону к твоему священнослужению». Михаил: «Лукавых помыслов нет во мне, ни чувства имею (т. е. не имею пристратия к чувственным наслаждениям, чтобы ощутить утеху от трапезы), благодушие мое в том, чтобы окончить дело этого человека». Архиерей: «Отдохни на ложе, а сей брат да сядет и утешится с нами». Михаил: «Мой отдых – беседа с тобой». Потом Михаил обратился к Сервию и сказал: «Если ты голоден, то ешь, а если не голоден, то ступай молиться, усердствуй в молитве твоей, бодрствуй, да примешь крещение истины». Сервий говорит Михаилу: «Не голоден я и не имею пристрастия к еде». Михаил говорит ему: «Ступай же и делай то, что я тебе сказал». Архиерей повелел слугам поместить Сервия в комнату. Говорит Михаил Сервию: «Сделай метание архиерею и молись, как я тебе сказал, пока не устанешь от молитвы твоей», – и научил Сервия, как надо молиться. Сервий сделал метание и ушел. Остался архиерей с Михаилом.

Во время беседы архиерея с Михаилом слуги уснули; один стол оставался с вилками и скатертью, даже хлеба не принесли и ничего другого на столе не было, Михаил начал беседу об Иерусалиме и постепенно перенес разговор на Горний Иерусалим. Архиерей услаждался рассказом Михаила до такой степени, что пробеседовал с Михаилом до рассвета. Приходит служащий в церкви (иерей) взять благословение служить и, увидав, что они все еще сидят за трапезой, удивился сему. Говорит ему архиерей: «Берегись рассказать кому-либо то, что видел». Михаил говорит служащему: «Убери трапезу»; и убрал трапезу служащий. Говорит архиерей служащему:

«Разбуди слуг, чтобы они встали». И разбудил их. Говорит им архиерей: «Приготовьте что следует для крещения того брата». Говорит архиерей служащему: «Ступай в церковь, благословляй чтение утрени, а такому-то священнику скажи, чтобы пришел сюда послужить». Служащий сделал метание, пошел в церковь, послал архиерею священника, благословил чтение последования; начали читать утреню, и по окончании утрени окрестили брата.

Приходит иерей по обыкновению, взял архиерея и повел его в церковь. Настало архиерею время облачаться для литургисания. Когда он облачался, Михаил держал кадило вместе с другим диаконом архиерейским по обыкновению церковному, и прочел Михаил, стоя перед архиереем, положенные слова: «Да возрадуется душа твоя о, Господи», а затем, при возложении на архиерея эпитрахили: «Благословен Бог, изливай благодать на архиереи Своя». Народ, услыхав приятность и благозвучность голоса Михаила, был весьма поражен, и говорили один другому: «Кто это, откуда он, какие отец и мать породили такого?» И сказали некоторые, что он диакон иерусалимского архиерея. Лицо Михаила было весьма прекрасно, но не соблазнительно, кротчайшее и смиренное. Когда же стал он говорить мирную эктению, то раздался столь мелодичный голос, что даже сам архиерей весьма изумился, а когда Михаил стал читать Евангелие, то читал столь благозвучно, что все пришли в чрезвычайное изумление, подобно тому, как изумлены были иудеи, слыша Господа нашего Иисуса Христа, учившего в храме. Когда же Михаил сошел с амвона, отдал Евангелие в руки архиерею и начал поминать на сугубой эктении, то поминал с такой выразительностию и любовию к каждому, что богомольцы заговорили: «Это не человек, но ангел». Когда же началось Таинство и принял Михаил на свою главу Св. дискос, то лицо его просветилось, как солнце. Когда же он произносил: «Да помянет...», то архиерей заметил, что Михаил не ступал на землю. Когда же Михаил принял в руки потир, то держал его с таким страхом, что весь дрожал, пока не отдал потира обратно, в руки архиерею, по обычаю[1]. Наконец, совершили божественную литургию и сделали отпуст.

Когда все выходили из церкви, чтобы идти домой, то все богомольцы стали на дороге, чтобы увидать Михаила. Но Михаил теперь не показывал в себе никакого вида ангельского, т. е. имел вид, как и прочие люди, разве только отличали

---

[1]Дай Бог, чтобы сие место послужило для диаконов (и вообще для священнослужителей) назидательным уроком литургисать добре, со страхом Божиим и верою.

его достоинство беседы и походки; все дивились ему. И сказал Михаил архиерею: «Пусть не входит никто в дом и не окажет мне безпокойства, так как я весьма утомлен, желаю отдохнуть немного с тобой и побеседуем вместе». Говорит архиерей: «Никто не войдет, господин Михаил, только три есть человека; пусть они придут и утешатся вместе с нами за трапезой». Сделал же это архиерей, дабы и они вместе с архиереем упросили Михаила, чтобы он остался бы с ними навсегда и не уходил бы.

Итак, когда они еще разговаривали, пришли и те три человека. Михаил говорит этим трем: «Вы садитесь, но другой пусть никто больше не взойдет, закройте ворота, чтобы не вошел бы еще кто и не доставил бы нам безпокойства». И повелел архиерей слугам, чтобы не пускали никого входить внутрь. Заперли ворота и стали приготовлять трапезу, в то время, как Михаил беседовал с архиереем и теми тремя человеками. Были же эти три человека местные предстоятели, т. е. начальствующие и богачи, первый назывался Андреем, второй – Павлом, третий – Иоанном. Павел говорит Михаилу: «Очень ты обрадовал нас сегодня, господин Михаил. Спрошу я вас, господин Михаил: не останетесь ли здесь вместе с нашим архиереем?» Отвечает Михаил: «Если пошлешь ты раба своего по делу к другому, а тот его отнимет у тебя, то сотворишь ли по сему, ибо писано есть: чего себе не хочешь, не твори другому?» И был Павел сему удивлен. Говорит Андрей: «А если на то будет согласие архиерея Иерусалимского?» Отвечает Михаил: «Сговорись сначала с хозяином раба, и, если он того пожелает, тогда уговаривайся с рабом. Если же еще не имеешь согласия хозяина, то как смеешь уговариваться с рабом? Не знаешь разве, что безсоветие рождает коварство? Благословение почивает на тех делах, на которые оно испрошено; проклятие же падает на творимые без спросу, как говорится: муж безсоветен сам себе враг». Услыхав это, Андрей тоже замолк. Тогда говорит Иоанн: «Вот мы и советуем тебе». Говорит Михаил: «Хорошо твое советование, но только раньше пошли уведомление к архиерею и с ним советуйся; когда архиерей согласится, тогда уговаривайся со мною». Замолк и Иоанн. Тогда говорит архиерей: «Полюбился ты нам, господин Михаил; нам хочется, чтобы ты здесь несколько побыл, дабы нам передать чин иерусалимский, ибо увидал я образ твоего служения и весьма им любовался; нам было бы приятно, чтобы ты некоторое время побыл здесь и нам его передал». Говорит Михаил: «И мне любо было бы передать его вам, но трепещу Архиерея Великого и потому не в силах исполнить угодного вам требования». Говорит архиерей: «От-

чего так ты страшишься? Видал я за божественной литургией, как дрожал ты, когда я клал дискос на главу твою и порицал тебя». Говорит Михаил: «Как же мне не дрожать, когда я принял небес обширнейшее (а, держа потир в руках, держал Того), который есть Господь и Великий Бог Вседержитель? Как это возможно, чтобы кто-либо не трепетал во время божественной литургии? Достоит всегда великим трепетом объяту быть человеку, когда он приступает к божественной литургии». Говорит архиерей: «Пусть так при литургии, но к архиерею отчего у тебя такой страх?» Говорит Михаил: «Правду ты сказал, что человека бояться не следует, но ошибаешься и в сем, ибо, если кто видит архиерея[1] каждый день и если я не буду бояться такого человека, то как скажу я, что боюсь Бога? Кто так делает, тот лжец есть, и ты, говоря сие, делаешься как один из них пред моим Архиереем». Услыхав эти слова ангела, архиерей изменился лицом. Михаил говорит: «Не посевай печали на сердце твоем, ибо не сказал я тебе ничего унизительного, но по правде высказался, ибо Архиерей мой есть Великий Архиерей Горнего Иерусалима. Слово воплощенное, Сын рожденный от Приснодевы Марии, Господь вочеловечивыйся, Царь Небесный, Сын Единородный Иисус Христос, Единосущный Отцу, Бог Слово со Духом Животворящим, Ему же покланяйтеся, яко Свят есть».

По сих словах вдруг вознесся от них Михаил, и тотчас пришел к ним глас от Михаила, говорящего: «Сего человека, которого мы крестили, порадейте о спасении его, от тебя взыщу я его душевно и телесно, ибо передаю тебе его в послушники».

После исчезновения Михаила архиерей и те три человека до того были изумлены, что стали, как мертвы. Слуги же приготовили трапезу, ожидая, когда позовут их поставить стол.

Так ожидали слуги до самого полдня, пока, наконец, один из слуг не пошел посмотреть, что они делают; взглянув, увидал, что сидят вместе, но беседы между ними нет никакой. Говорит слуга: «Приготовлять ли трапезу?» Те не дали никакого ответа. Опять говорит он архиерею: «Владыко святый!» Архиерей, услыхав голос, пришел тогда в себя, но, как бы пробудившись от сна, долго не мог дать ответа слуге; наконец, спросил слугу: «Который час?» Говорит слуга: «Полдень, владыко святый». Говорит архиерей: «Идите, приготовляйте».

[1]Мысль та, что архиерей (конечно и пресвитеры), совершающие великое таинство Безкровной жертвы, вступают в общение с Верховным Архиереем, Прешедым Небеса (Евр. 9, 12), Сыном Божиим, Иисусом Христом, являясь Его образами.

Слуга пошел приготовлять. Говорит архиерей: «Господин Андрей!» Услыхали те трое голос архиерея и пробудились. Говорит Иоанн Андрею: «Что случилось с нами такое сегодня?» Стали недоумевать и удивляться друг пред другом. Говорит архиерей: «Недоумеваю я и изумляюсь о сем; позовем Сервия, чтобы рассказал он нам, кто такое Михаил сей». Позвал архиерей слугу и велел ему привести новокрещенного, чтобы расспросить его. Слуга пошел и нашел Сервия молящимся, как наказал ему Михаил. И сказал Сервию, что его требует архиерей. Сервий пошел к архиерею; говорит ему архиерей: «Диакон, с которым вы вместе пришли, что он за человек? Где вы с ним познакомились и как пришли сюда?» Говорит Сервий: «Он – работник, просил у меня работы, а я спросил у него, какой он веры». Так Сервий рассказал далее попорядку все, что с ними было (о чем говорилось вначале). Говорит архиерей: «Где же ваша лодка?» Отвечает Сервий: «На пристани, у сада мы поставили ее». Архиерей приказал подавать трапезу и говорит Сервию: «Садись кушать». Когда они кушали, спрашивает Иоанн у Сервия и говорит: «Скажи нам, господин Сервий, с самого начала, как все произошло с тобой». Сервий подробно рассказал все дело. Архиерей говорит: «Пошлем тщательно сберечь лодку, ибо, как видится, это дело – божественное». После обеда послали двух слуг вместе с Сервием прибрать лодку; они пошли, но лодки уже не было. Нашли людей и спросили: «Где лодка, которая была здесь?» Говорят те: «Пришел один монах, похожий на диакона, взял ее и поплыл». Говорят слуги: «Куда поплыл он в такую бурю? Лжете!» Все отвечали: «Мы видели, как вошел он в лодку, и говорили ему: куда пойдешь ты, несчастный диакон, не видишь разве, какая буря? Он же нам никакого ответа не дал, но только отчалил и поплыл. Мы видели, как дошел он до середины моря (т. е. вышел из залива в открытое море), оставил весла, вышел вон из лодки, потащил ее руками; так шел по морю и тащил лодку, вдруг исчез; теперь не знаем, что это было: привидение ли или демон – не ведаем!» Говорят слуги: «Пусть один из вас пойдет с нами к архиерею рассказать ему как видел». Один пошел с ними, пришли к архиерею, и говорят слуги: «Вот привели вам человека, чтобы удостоверил вас, что он своими глазами видел». Архиерей спрашивает человека: «Как было дело, которое мы слышим и которое вы видели? Человек говорит: «Вот как было, владыко святый, то, что мы видали своими очами». Начал он рассказывать все подробно. Архиерей, выслушав о событии сем, послал, чтобы привели к нему и тех трех людей, чтобы они услыхали, что произошло с лодкой; когда они пришли и выслушали о

происшествии с лодкой, то остались изумлены. Андрей говорит: «Вот я, отныне и впредь, да не владею ни домом, ни женою, ни иным чем-либо. Вот у меня трое детей, пусть берут они все имение мое и заботятся о матери своей, я же пойду в монастырь и там скончаю остальную жизнь мою».

Те трое ушли, архиерей же остался с Сервием, и воспевали они Бога, пославшего ангела Своего, который участвовал в литургии и освятил весь народ церковный[1].

ГЛАВА III

Сервий пожелал одиночества. Михаил возбранил сие, повелев архиерею подвергнуть Сервия суровому трехлетнему искусу

Сервий остался у архиерея и служил ему. Архиерей заботился о спасении его, день и ночь поучая его о пользе душевной. Сервий сделался прекрасным послушником; все, что архиерей ни приказывал ему, душевное ли или телесное, он с величайшею готовностию и усердием выполнял. Когда же так прожил Сервий 17 лет с архиереем, попросил он дозволения удалиться на место покойное, чтобы безмолвствовать. Архиерей согласился и сказал ему: «Твори, чадо, как просвещает тебя Бог»[2]. Как только промолвил это архиерей, сделался нем на три дня и не в силах был говорить, а также слышать. По трех же днях явился архиерею во сне Михаил (архангел) и говорит ему: «Не давай Сервию творить воли своей, ибо желаемое им (чего он домогается) есть от лукавого, так как лукавый хочет низвести его в прежнее его состояние. Итак, от сего времени испытывай Сервия суровейшим испытанием до трех лет; если потерпит он суровость человеческую безо всякого ропота, тогда сотвори то, что вожделевает он; пусть Сервий поселится в южной части, в пределах монастыря Честного Успения Богородицы и Матери Света. Там есть место, называемое Васмос; там пусть он живет, но не один, а с каким-нибудь братом». Тогда отвечал архиерей Михаилу и сказал: «Если я стану сурово держать Сервия и он

---

[1]Ср.: Евр. 13, 2 — «Страннолюбия не забывайте, ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство ангелам».

[2]Эти слова архиерея Сервию, как новоначальному послушнику, были непригодны, могли увлечь Сервия на путь самонадеянности и гордыни; отсюда архиерей понес наказание (немота на три дня).

убежит, то что я тогда буду делать?» Михаил говорит: «Ты твори только мое повеление и не будь озабочен тем, что он убежит. Суровость твоя будет лишь ко спасению его». Потом сказал Михаил архиерею: «Востань и твори так, как я повелел тебе». Архиерей проснулся и потребовал к себе Сервия; Сервий пришел, и сказал ему архиерей: «Что делаешь? Как поживаешь». Говорит ему Сервий: «Хорошо, владыко святый, молитвами твоими». Говорит ему архиерей: «Твори послушание кухонное, да будет оно тебе навсегда, и да будешь чист». Сервий говорит: «Хорошо, владыко святый, но я поварить не умею». Архиерей говорит: «Делай так, как я буду тебе говорить, и да возделываешь с усердием служение твое». Тогда Сервий положил метание и взял ключи от кухни. Архиерей сказал ему: «Что бы ни стал делать или варить, спрашивай первее меня, а потом принимайся за работу твою».

Пошел Сервий на кухню, смотрит, и не знает что и как делать: идет он к прежнему повару, тот научил его, как обращаться с каждою вещию. Сварил Сервий обед, и, хотя научен был, однако кушание оказалось до того вкусно, что архиерей удивился, но, чтобы не потщеславился этим Сервий, говорит ему архиерей: «Что это за кушание, несчастный? Для кого ты его сварил? Для людей или для свиней?» Отвечает Сервий с дерзостию: «Говорил я тебе, что варить не умею, чего же ты сердишься? Поставь другого на кухню»! Говорит архиерей: «Другого я поставлю, но тебя в сад пошлю воду таскать из колодца!» Говорит Сервий: «В руках твоих я, куда захочешь, туда и пошлешь». Говорит архиерей: «Так как ты в моих руках, то делай то, что я тебе повелеваю. Ступай, возьми у такого-то курицу и свари ее»[1].

Сервий пошел и взял курицу; на обратном пути встретилась ему одна женщина и спросила его: где дом такого-то? Сервий говорит: «Иди отсюда вот по этой дороге, и придешь прямо к дому». Пришел Сервий на кухню и сварил курицу, не спросил архиерея, как ее надо приготовить. Когда настало время вечерней трапезы, говорит он архиерею: «Повели подавать трапезу?» Говорит архиерей: «Ходил ли ты туда, куда я говорил?» Говорит Сервий: «Да, ходил, дали мне курицу, и я сварил ее». Говорит архиерей: «О, что за превратная такая душа нашлась! Доколе будешь со мной так делать, несчастный! Я тебя посылаю за делом, а ты идешь дорогою и разговариваешь с женщинами? Не слушаешься меня, не спросил, как надо сварить? А теперь приносишь мне нечистое варево свое и становишь на стол предо мною?» Сервий отвечает:

---

[1]На востоке архиереи вкушают мясо.

«Ты беседовал с человеком, и потому я не имел удобного времени спросить тебя».

Говорит архиерей: «Еще у тебя, морда, находится смелость разглагольствовать предо мною?»

С этими словами архиерей схватил котелок, выкинул его вон вместе с курицею и сказал: «Подлец ты такой! Куда мне деть тебя! Я тебя на дело посылаю, а ты с женщинами разговариваешь? За то, что разговаривал ты с женщиной, ступай таскать воду три дня из колодца для поливки сада».

Пошел благословенный Сервий в сад таскать воду; таскал трое суток из сорокапиховой (5 сажен) глубины; когда он таскал воду и вращал черпательное колесо, то безпрестанно воспоминал память смертную и говорил: «Какого рода смерть будет мне несчастному? Как меня в землю зароют, меня, который и малейшего укора от архиерея перенести не может? Как покроют меня землей, меня, который совсем наг от всяких дел благих! О, несчастный! О, несчастный я; как мне землей сделаться, когда я разговаривал с женщиной сегодня? И еще сейчас я прекословил! Как я еще живой человек! Я не умолчал от прекословия и не удержался от разговора; как отрешится[1] мясо мое от костей моих? О, несчастный я, обезсиливающий и изнемогающий от сего дела – вращения, водокачки; как возмогу я переносить муки, которым нет конца? Терпи же, Сервие, терпи, ибо смерть приближается, землею засыпан будешь и земля покроет тебя! Терпи, Сервие, терпи, ибо суд приблизился. Терпи, Сервий, жестокость архиерея, чтобы снова не попасть сюда и не вращать больше колеса, как осужденник, сам себя вини, ибо злое духа твоего привело тебя сюда; если бы ты потерпел от архиерея, то не подвергнулся бы такой пытке! Терпи же прочее, Сервие, чтобы терпением твоим избегнуть тебе кары вечной!..»

Это и иное многое подобное говорил себе Сервий благословенный.

Через три дня архиерей позвал Сервия; как только Сервий пришел, архиерей говорит ему: «Как провел ты службу свою?» Отвечает Сервий: «Хорошо, молитвами твоими». Говорит архиерей: «Смотри же хорошенько, ибо, если другой раз провинишься, то будешь присужден к тому же, но только не на три дня, а на сорок».

Потом опять послал его на службу на кухне.

---

[1]По восточному и особенно афонскому воззрению, истлевшее тело в могиле свидетельствует о святости, а не истлевшее — о греховности.

ГЛАВА IV

Другое великое наказание, понесенное Сервием от архиерея

Однажды пришло несколько мирян из властей места того, и повелел архиерей Сервию приготовить кушание. Говорит Сервий: «Чего сварить?» Отвечает архиерей: «Положи немного октопода в воду, чтобы размок, а когда размокнет, положи на малое время в огонь, заворотив в мокрую пеньку и засыпь золой, чтобы октопод испекся». Сотворил Сервий, как было приказано, но ошибся в двух вещах: во-первых, не спросил архиерея, когда клал, столько ли положил, во-вторых, передержал октопод на огне, и он подгорел; архиерей понял по запаху, что горит октопод; пошел на кухню и видит, что октопод дымится. Спрашивает архиерей Сервия: «Где же октопод? Положи его отмокнуть». Говорит Сервий: «Я его на огонь положил». Тогда архиерей показался как будто сильно разгневанным и сказал Сервию: «О, злая главо! Что мне за мучение с тобою! Отчего не показал ты его мне, чтобы я посмотрел, сколько положить, и вот то, что ты положил, подгорело вследствие преслушания твоего».

Вынул Сервий октопода, октопод был хорош и прекрасен, но Сервию показалось, что он подгорел. Говорит архиерей: «Ныне, злая главо, что мне с тобою делать? Что за злодей был тот человек, который привел тебя сюда мучить меня. Убирайся отсюда, болван и лжец!» Говорит Сервий: «Прости меня, но я сделал так, как ты мне сказал». Говорит архиерей: «Значит, по словам твоим выходит, что я виноват? Не говорил разве я тебе, чтобы ты обо всем спрашивал меня, а ты меня здесь спрашивал ли? Ты мне октопод не показал; за преслушание это сделаешь следующее! Иди, 40 дней таскай воду из колодца черпалкой, или трое суток простой по середине кухни, или кастрюлю себе на шею повесь, и так стой перед трапезой, пока она не окончится. Выбирай же одно из трех».

Размыслил Сервий, видит, что все три наказания тяжки; в конце концов благословенный выбрал себе кастрюлю. Была одна такая кастрюля с дужкой, как у ведра; он наполнил ее водою, надел эту кастрюлю себе на грудь, как эпитрахиль и стал с распростертыми руками крестообразно перед трапезой; так он стоял все время, пока слуги не начали убирать со стола, архиерей же между тем, как бы не замечая его, бесе-

довал со своими друзьями и, наконец, сказал Сервию: «Зачем ты пришел сюда и стоишь, сумасшедший? Пришел ты сюда выказывать пред друзьями моими безумия твои? Убирайся отсюда!»

Благословенный же Сервий, не понимая смысла слов архиерея, не сходил с места своего. Архиерей видит, что Сервий не уходит, притворился разгневанным, схватил жезл, который имел около себя, замахнулся им очень гневно и сказал: «Я тебе говорю, а ты не слушаешь? Послушай же теперь жезла!» И ударил его семь раз по ребрам, в знамение (биения) семиглавого зверя высокоумия, потом снял кастрюлю с его шеи, вытолкал Сервия вон, как какого злодея; вышел тогда благословенный Сервий; архиерей же вслед ему бросил кастрюлю, потом сел на место свое, как будто взволнованный, и говорит друзьям своим: «Сосуд сей превратный пришел сюда морду свою нам казать!»

Друзья говорят ему: «Столько времени он здесь стоял, отчего же ты не говорил ему, чтобы он убирался?» Архиерей говорит: «Я из-за разговора не замечал его, но отчего же вы мне не сказали?»

Говорят ему друзья его: «Мы думали, что ты нарочно его поставил, смущались о тебе, так как весьма тебя за это мысленно порицали и говорили в себе: что это за безчестие нам?» Отвечает архиерей: «Если вы меня порицали, почему же не говорили? Это – сумасшедший, который измучил меня своими проделками».

Когда сказал это архиерей, пришел и Сервий, чтобы подмести пол в трапезе. Архиерей говорит чиновным гостям: «Видите вы этого сумасшедшего, который один столько делает мне мук своим дурачеством? Что бы я с ним сделал, если бы не ваше присутствие; не будь бы вас, убил бы я его и этим сам себя бы погубил!»

Говорят гости чиновные: «Не хорошо, владыко святый, такой гнев иметь архиерейству твоему». Отвечает архиерей: «На раба своего гневаюсь и наказываю его в науку ему, ибо, если не наказывать ученика с доброю строгостию, то сделается он подобным необузданному коню, каким он и стал. Но что делать? Бог да помилует того, кто привел его мне сюда, вот я мучаюсь с ним».

Гости, услыхав такие слова, весьма стали сожалеть архиерея, начали ему говорить слова утешительные и беседы. Говорит архиерей: «Бог да подаст терпение тому, кто имеет такого ненаказанного раба, какого я имею, так же и мне».

Опять гости начали беседу и, побеседовав с архиереем, удалились.

ГЛАВА V

Третья и четвертая суровость архиерея с Сервием

Другой раз архиерей приказал Сервию испечь яиц. Говорит Сервий: «Сколько яиц положить?» Отвечает архиерей: «Семь». Он же положил восемь, так как показалось ему, что архиерей сказал «восемь». Когда он пек их, пришел архиерей, видит, что яиц восемь, и что они прекрасно спеклись. Говорит архиерей: «Пусть постоят еще и попекутся». Архиерей приказал слугам поставить трапезу; были тогда у архиерея некоторые знакомые, сели за стол. Сервий принес яйца, которые были слишком перепечены, вследствие того, что архиерей сказал, чтобы они еще постояли; так повелел архиерей для того, чтобы подыскать повод выбранить Сервия за то, что он понерадел и яйца подгорели.

Спрашивает архиерей: «Это что такое?» Сервий: «Яйца». Архиерей: «Почему они такими сделались?» Сервий: «Потому, что ты не дал мне их вынуть из огня, вот они и подгорели». Архиерей: «Сколько ты положил?» Сервий: «Восемь». Архиерей: «Не говорил ли я тебе, чтобы ты положил семь? Отчего же ты положил восемь? Не явно ли из сего, что из-за преслушания твоего они подгорели? А ты на меня вину сваливаешь!» Сервий: «Восемь ты мне сказал положить». Архиерей: «Значит, я виноват, и ты меня еще пред людьми лжецом выставляешь?» Архиерей сделал вид, будто разгневался на Сервия за прекословие, схватил чашку, в которой были яйца, бросил в Сервия, как будто желая разбить ему голову; чашка ударилась о дверь и разбилась. Сервия же, когда он увидал сие, объял трепет.

Архиерей позвал слуг и сказал: «Возьмите этого злодея, привяжите его стоймя к колонне, приподняв ему правую ногу и подвязав к шее; пусть так стоит он на одной ноге до трех дней, чтобы научиться разуму и увидеть, как меня выставлять лжецом перед людьми». Слуги сделали так, как им было приказано, претерпел благословенный Сервий такое суровейшее наказание с благодарностию. Через три дня архиерей повелел развязать Сервия и его отвязали. Пошел Сервий к архиерею делать метание, ибо у архиерея такое было правило: класть метание архиерею со смирением после окончания наказания, чтобы получить прощение.

Другой раз приказал архиерей Сервию поставить трапезу; Сервий убрал стол на кухне, чтобы подать его готовым, ар-

хиерей же, видя убранство стола, стал придумывать, что бы такое подыскать, за что бы обругать Сервия. В то время, как архиерей о сем размышлял, поскользнулась нога у Сервия, и упал он вместе со столом. Тогда архиерею представился повод обругать его, и говорит он: «Что, злая главо, теперь опять я виноват в этом? Почему ты не внимателен? Доколе будешь дураком?..» Архиерей приказал слугам, чтобы они связали Сервию руки и ноги, положили его в канаву так, чтобы вода мочила его с животом; в канаве оставили Сервия до утра. Был же тогда канун Богоявления. И перенес благословенный Сервий с благодарением весь холод ночной. Наутро архиерей приказал его вынуть. Слуги спрашивали Сервия и говорили ему: «Как не замерз ты в такой сильный холод?» Сервий отвечал: «Если бы ведали мы тот тартар вечный и хлад его, то никогда не обратили бы внимания на здешний холод; но, так как я не ведаю того вечного холода, то перемерз чрезвычайно, с нетерпением моим...» По обычаю, пошел опять Сервий и положил метание архиерею.

Глава VI

Страшная кознь диавола, предпринятая им для того, чтобы подорвать в Сервии доверие к отцу духовному и восприемнику, архиерею. Суровая кара

Однажды архиерей послал Сервия на рынок за провизией для кухни; Сервий взял, что требовалось, и дорогой повстречал юношу; юноша спросил его: «Поступаю к владыке, примет ли он меня?» Сервий, не зная лукавства мальчика, сказал: «Не в силах будешь переносить обращения архиерея». Говорит мальчик: «Это ты не в силах, я же буду в силах справиться с архиереем потому, что я красив лицом и ловок в услужении, тебя же он не хочет держать, потому-то истязает тебя чрезмерно, чтобы ты убежал от него. Ибо ты уродлив и преклонен в летах». Сказав это, мальчик присовокупил к сему и другие лукавые слова, которые объяли мысль Сервия, и Сервий начал псилафизоваться ими, т. е. верить сим прелестным помыслам плотского лукавого мудрования. В то самое время, когда он разговаривал с юношей, случилось самому архиерею пройти мимо (архиерей шел к одному покойнику), и сказал архиерей слугам: «Видите вы этого злодея, разговаривающего с юношей? Знайте же,

что лукавая у них беседа». Архиерей прошел мимо. Сервий же, как только увидал его, тотчас затрепетал, но архиерей сделал вид, что не заметил Сервия.

Пришел Сервий домой, стал делать свое дело на кухне и сготовил то, что архиерей ему приказал.

Через некоторое время архиерей возвратился с похорон, прошел в свои покои, чтобы немного отдохнуть, и сказал слугам: «Скажите этому злодею, чтобы он пришел сюда». Слуги сказали Сервию, Сервий пришел к архиерею. Говорит ему архиерей: «О, злая главо, я тебя на послушание посылаю, а ты с молодыми разговариваешь? После разговора что ты делал? Какое послушание?» Говорит Сервий: «Готовил накануне, и готово у меня». Говорит ему архиерей: «Скажи-ка мне хорошо, правду, о чем ты разговаривал с юношей? Я знаю, о чем вы говорили, но желаю, чтобы ты мне сказал, чтобы видеть, так ли ты мне передашь, как сказал мне юноша или, быть может, не так. Если скроешь от меня хотя одно слово, то знай хорошо, что я поставлю тебя стоять на одной ноге 10 дней».

Услыхав такие слова, Сервий передал все, что разговаривали они с юношей, сверх того сказал еще архиерею и сие: «Когда я слушал это, то весьма соблазнялся помыслом моим о тебе в двояком отношении: во-первых, порицал тебя за страсть влечения к юным, думая, что ради сего вы меня мучаете, дабы я убежал, чтобы избавиться от меня, ибо я некрасив, а ты домогаешься взять себе юного, который был бы красив». Архиерей говорит: «Еще что другое говорили?» Сервий сказал: «Другого ничего больше не говорили. Во-вторых, стали соблазнять меня помыслы (нечистые) от слышанного в беседе с юношей».

Архиерей, услыхав, что Сервий соблазнился в помыслах от того, что слышал, весьма встревожился и сказал ему: «О, злая главо, сам ты нечист. И обо мне помышляешь, что я такой же? О, сосуд нечистый, разве не знаешь, что тот, который знакомится с юными, будет оскверняться и в чувствах своих, как и ты ощутил в себе осквернение и нечистоту от собеседования с юношей? Так как ты нечистотою этой беседы осквернил мысль свою, услаждаясь мысленно от собеседования с юношей, то умой тело твое нечистое казнию человеческою, дабы не была мучима вечно душа твоя демонами».

Сейчас же повелел архиерей слугам и сказал: «Выройте одну яму, поставьте его в ней стоймя, внутри, закопайте его в землю до груди, а нечистое его кушание (т. е. купленное на базаре и осквернившееся от собеседования) выбросьте перед ним, вылейте на Сервия семь кадок воды, чтобы не провоняло

это место от нечистого тела его; пусть он будет совершенно наг, руки у него да будут связаны, чтобы он не вылез; голову и прочее тело его пусть вымажут коровьим калом, пойдите в церковь сказать служащему, чтобы он созвал церковь, чтобы все люди шли и оплевали его, как нечистого, каков он и есть. Если же к утру он умрет, то пусть его не поминают, как нечистого. Чтобы никто не подходил и не разговаривал с ним, но пусть он один издыхает, как нечистая скотина».

Слуги сотворили, как приказал им архиерей, и вернулись назад, оставив благословенного Сервия одного до следующего дня.

И начал тогда говорить себе Сервий: «Чужд ты, Сервий, и так чуждообразно умерщвляешься ты. За то, что беседовал с юношей, посадили тебя, как безстыдного, в землю. Чужд ты, Сервий, и не надейся больше выйти отсюда! Терпи, Сервий, чтобы избежать тебе той огненной реки! Терпи, Сервий, чтобы освободиться тебе от той тьмы вечной! Терпи Сервий, чтобы временными муками освободиться тебе от вечных мучений, которые не имеют конца, муки! Терпи Сервий, подними очи мысленные твои к небу и молись за несчастную душу твою!» Это и другое многое говорил благословенный Сервий, пока не рассвело. Говорил и сие: «Воззвах к Тебе, Господи, тепле из глубины души моея, и да будут мне на послушание божественная Твоя ушеса». И еще сие: «В юг сеющие слезами божественными жнут радостию класы присноживотия». И еще: «На небо очи пущаю моего сердца к Тебе, Спасе, спаси мя Твоим осиянием» (гл. 2). И еще: «Внегда скорбети ми, услыши, моя болезни, Господи, Тебе зову» (гл. 1). И еще: «Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя от всех гонящих мя и избави: да не когда похитит яко лев душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу» (Пс. 7, 2-3). Так всю ночь молился благословенный Сервий.

Архиерей послал слугу посмотреть, что делает Сервий; слуга пошел и увидал Сервия таким, каким его оставил вечером; услыхал его мелодичную молитву, вернулся к архиерею и сказал ему: «Владыко святый! Человек этот святой и ты наказываешь его несправедливо». Архиерей воскликнул: «Замолчи, несчастный, да не изыдет в другой раз из уст твоих такое слово, иначе зло изгоню тебя. О, злая главо! Какая святость имеется в нем? Прекрасно знаешь, что он сосуд нечистый, еще меня испачкал к тому! Или у тебя больше рассуждения, нежели у меня? Смотри же хорошенько, чтобы я не услыхал больше похвал ему от уст твоих. Оставь его, пусть он издыхает, как нечистое животное; ступай готовить на кухню и не будь больше озабочен касательно смерти Сервия».

Архиерей остался один в комнате, славя Бога, который не попустил Сервию возроптать, ибо Сервий вместо ропота благодарил Бога разными песнями и славословиями. Когда так думал в себе архиерей, некто пришел и спросил архиерея об одном деле, архиерей дал ему ответ и тот ушел. Архиерей говорит слуге: «Пойди, скажи такому-то человеку, чтобы он шел сюда, а если его нет, тогда скажи эпитропу, чтобы пришел».

Отправился слуга, нашел эпитропа именем Матфей и сказал ему. Матфей пошел к архиерею; поздоровались они друг с другом. Архиерей сказал Матфею: «Одну тайну имею я тебе сказать». Матфей: «Говори, святый владыко». Говорит архиерей: «Вот есть к меня один развратный слуга, обезчестивший меня в миру». Говорит Матфей: «Что он сделал тебе, святый владыко?» Архиерей: «Я его по делу посылал, а он ходит да мальчиков соблазняет; какую женщину ни найдет, садится с ней на дороге и шутит с ней». Матфей: «Нехорошо то, что он делает, святый владыко. Надо тебе наказать его». Архиерей: «Иди, господин Матфей! Посмотри, какое ему у меня наказание и как наказан он. Сходи в огород, чтобы там увидеть его и скажи ему, что если он даст обещание не разговаривать больше ни с каким юным и ни с какою женщиной, то я освобожу его оттуда, а если нет, то оставлю там, пока до костей не истлеет на месте том». Матфей пошел сказать это; искал Сервия в саду, но не находил: вдруг услыхал впереди себя одно стенание, смотрит и видит Сервия в страшном виде, в земле, зарытым до груди; весь он замазан коровьим калом.

Задрожал Матфей, трясясь, прибежал к архиерею и говорит ему: «Что это сделал ты со мной сегодня, владыко святый? Или совсем с ума свести хочешь?» Поведал Матфей архиерею, в каком ужасном положении он видал Сервия и о страхе, который при этом испытал. Архиерей говорит: «Иди и не бойся». Матфей говорит: «Не в силах я идти. Хотя бы ты одарил меня всеми сокровищами церковными». Архиерей говорит ему: «А если слуга пойдет вместе с тобою?» Матфей говорит: «Пойду». Архиерей повелел слуге идти вместе с Матфеем. Сервий казался Матфею диким и безобразным, когда Матфей стал говорить с ним. И сказал Матфей Сервию: «Архиерей послал меня сказать тебе: если ты сделаешь обет не разговаривать впредь ни с каким юношей и ни с какою женщиною, ниже на приветствие отвечать, то я освобожу тебя отсюда». Сервий: «Но, если они сами со мной будут говорить, что мне тогда делать?» Матфей: «Не говори с ними и не давай им ответа. Сделаешь ли то, что я говорю тебе?» Сервий: «Сделаю, если того желает владыка. Если архиерей

хочет, пусть вынимает меня; если не хочет, пусть не вынимает, я же больше ни с юношей, ни с женщиной разговаривать не буду».

Матфей пошел и сказал архиерею, что Сервий обещался все соблюдать. Архиерей повелел тогда слугам вынуть Сервия, омыть, одеть и привести его к архиерею. Сервий сделал по обычаю метание. Архиерей говорит ему: «Как понравилась тебе яма, в которой ты был закопан?» Сервий: «Не хорошо, владыко, но что делать, раз так случилось!» Архиерей: «В другой раз будешь знакомиться с юношей или разговаривать с женщиною?» Сервий: «Отныне и впредь никогда больше не буду разговаривать ни с юношею, ни с женщиною». Архиерей: «Смотри же, несчастный, чтобы я не слыхал больше когда-либо того, что беседуешь ты с женщиной или с юным. Смотри хорошенько, иначе я посажу тебя в сток городских нечистот, чтобы осквернял тебя весь город, чтобы там внутри ты издох и пропал, как скот. Тогда избавлюсь я от тебя сумасшедшего!» И соблюдал благословенный Сервий повеление архиерейское до самой смерти, никогда не разговаривая больше ни с юношей, ни с женщиной. За беседу с юношей архиерей жестоко наказал Сервия потому, что страшился ответа пред архангелом Божиим Михаилом, который, передав ему Сервия, сказал: «От рук твоих я взыщу его, да возвратишь мне его спасенным душою и телом». Сего ради архиерей так наказывал его, не из-за страсти враждебной, а ради спасения его.

В три года сделал архиерей благословенного Сервия таким, что остались у него кожа да кости, ибо за эти три года не проходило ни одной недели без какого-либо наказания; от многих наказаний Сервий сделался столь безобразен, что каждому противно было даже глядеть на него.

Ради такого мужественного терпения Сервием стольких мук вострепетали весьма демоны и замыслили новую кознь на благословенного Сервия.

Глава VII

Диавол воздвиг на Сервия страшную клевету. Торжество истины и конец искуса

Однажды архиерей послал Сервия на рынок за покупками; когда Сервий шел туда, повстречался на дороге с юношей из инославных; юноша начал соблазнять Сервия; когда он так с Сервием заигрывал, то поскользнулся и упал

в грязь. Поднявшись из грязи, запачканный юноша пошел к архиерею и сказал ему: «Вот какой у тебя слуга, владыко святый, смотри, что он со мной сделал». Спрашивает архиерей: «Как это случилось?» Юноша говорит: «Не зная нрава его, я проходил мимо него без опаски, он же схватил меня, обнял, поцеловал, кроме того, укусил меня в лицо; от сильной боли я рассердился, старался вырваться и убежать, но он не выпускал меня, втащил в переулок и стал валить на землю, чтобы меня обезчестить; видя это, я вырвался, чтобы убежать, упал в грязь, он же, увидав меня испачканным, оставил меня и убежал. Хорошо ли это, владыко мой, не безчестится ли этим честь твоя?» Архиерей, не ведая злости этого юноши, разгневался вельми на Сервия и спросил у юноши: «Чей ты сын?» Мальчик отвечал: «Отца у меня нет, веры же я арианской». Говорит архиерей мальчику: «Иди с миром, а когда Сервий придет, то я накажу его, как следует». И удалился мальчик с лукавством своим.

Когда же Сервий возвращался с рынка, встретилась ему лукавая молодица; по действию диавольскому она влюбилась в Сервия и с лукавством сказала ему: «Благослови меня, отче, чтобы мне родить, ибо не могу родить, пока ты меня не благословишь». Сервий, имея в уме своем обещание, данное архиерею, ничего не отвечал ей; она же, видя, что он не дает ей ответа, взглянув вверх и вниз (по дороге) и никого не видя, схватила вдруг Сервия, повалила его на землю, упала на него и начала сейчас же кричать; люди, услыхав крики, сбежались с палками и накинулись на Сервия, предполагая, что Сервий хотел ее изнасиловать; избили его до того, что стал он, как мертвый, и принесли к архиерею связанным. Когда архиерей увидал такое дело, то страх овладел им; воскликнул архиерей и сказал людям: «Разве не знаете вы, что он смыслом дурак и сумасшедший?[1] Видя, что он такой сумасшедший, зачем вы его так избили? Почему вы его сейчас же не привели, как только поймали? Теперь что я с ним буду делать, когда вы его убили?» И на самом деле у благословенного Сервия все ребра были сокрушены. Сказав это, архиерей прогнал людей, которые принесли Сервия, и запер двор свой.

Однако всевидящий Бог вскоре же явил чистоту души и сердца благословенного Сервия.

Архиерей сказал слугам: «Да придет сюда Сервий». Хромая,

---

[1]Архиерей очень часто именует благословенного Сервия «сумасшедшим», давая прикровенно понять, что Сервий имеет «мудрость от Бога», и, наоборот, «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 18-19).

пришел благословенный Сервий к архиерею. Архиерей говорит ему: «Что это, злая глава? Что я слышу о тебе? Доколе будешь безчестить меня пред людьми?» Говорит слуга: «Послушай, владыко святый! Нимало не верю я тому, чтобы благословенный Сервий сделал такое дело». Говорит архиерей: «Спроси у него, и если сам он скажет, что это он сделал, что мне тогда подобает сотворить с ним?» Слуга говорит: «Если он это сделал, то пусть 40 дней будет зарыт в отхожей яме до шеи, а я пусть сорок дней буду таскать воду в саду». Спросили Сервия, правда ли то, в чем его обвиняют? Сервий, несмотря на великую болезнь свою, по простоте своей, а наипаче ради любви ко Христу, сказал: «Да, все это сделал я». Говорят слуги: «Допустим, что соблазнял ты молодицу, но что тебе за нужда была (трогать) мальчика?» Говорит благословенный Сервий: «Взглянув на его лицо, я победился по немощи человеческой, сделав с ним то, что поведал он вам, возвращаясь же, встретил по дороге молодицу и, имея в сердце своем страсть еще после того мальчика, был побежден бранию плоти, повалил молодицу и сделал с ней то, что вы слыхали от людей, которые меня избили. Когда меня били, то от страсти плотской я ничего не чувствовал; теперь же, когда страсти во мне больше нет, бока мои болят так, что я не в силах и встать от боли». Архиерей говорит слуге: «Теперь, злая глава, что с тобой следует делать? Ступай в сад и до сорока дней исполняй обещание свое, потом приходи положить метание и получить прощение за дерзость твою». Архиерей приказал другим слугам, чтобы они обнажили Сервия и поставили его на сорок дней в отхожую яму, чтобы он был бы погружен в нее до шеи, а другой человек стоял бы сверху над ним, имея при себе один большой камень, который держал бы на краю ямы над головою Сервия, чтобы, если увидит, что Сервий будет вылезать, сейчас же положил бы камень на голову ему, чтобы придерживать его в яме.

Сотворили слуги, как повелел им архиерей, и, оставив Сервия одного, ушли. Потом сказал архиерей одному рабу, который был верен ему и им любим. «Пойди, посмотри, что делает Сервий, не окажет ли Бог милости ему? Великий камень пусть будет у тебя в руках, согласно словам моим, но бросать камень в Сервия не надо, а только держи камень при себе ради устрашения; неси эту службу до сорока дней; за терпение тобой (труда сего) я одарю тебя трехлетним жалованием и да будет служение твое во страхе Божием». Раб обещался исполнить это, взял благословение и пошел. Говорит ему архиерей: «Смотри же, никуда не уходи оттуда до сорока дней, а пищу я буду посылать тебе».

Слуга пошел, нашел Сервия так, как его оставили и сказал: «Возмогай, Сервие, но только не вылезай наверх, потому что камень стоит на весу над головой твоей и готов совсем тебя погрузить. Крепись же, кричи и говори, что тебя напрасно оклеветали». Еще многое другое, слова утешительные и убедительные говорил он ему, но благословенный Сервий ни одного слова ропота не вымолвил против архиерея и только молил Бога, чтобы эта кара была к очищению души его, дабы невозбранно войти ему в вечные кровы.

Так провел Сервий семь дней в том зловонном месте. Когда посадили Сервия в наказание, в тот же час стали бесноваться мальчик и молодица; жалостнейшим образом кричали они день и ночь. Отстояли друг от друга далеко, около двух миль. Они мучались горчайше, и никто не знал причины. На седьмой день своих терзаний мальчик воскликнул и сказал (его устами бес): «Если не поведете вы меня ко владыке христианскому, то не выйду я и не оставлю его, а буду его мучить, пока не умерщвлю». Родные употребляли, было, всякие средства, чтобы исцелить его, но он еще хуже терзался и говорил: «Если сейчас же меня не поведете к владыке христианскому, то я задушу его». Родные, видя стоны мальчика, повели его связанным ко владыке христианскому. Архиерей увидал мальчика и узнал, что это тот самый, который оклеветал Сервия. Мальчик возопил и сказал: «Выйми Сервия из ямы нечистоты; неправедно оклеветал я его, так как он меня и рукой не тронул и никакого слова мне не отвечал».

Промолвив это, мальчик был сейчас же повержен бесом на землю; смотрели на него архиерей и все там бывшие. Архиерей сказал: «Оставьте его, пусть он лежит, пока не прочтем мы вечерни». Когда говорил это архиерей, раздался еще другой крик со стороны дома; смотрят и видят, как ведут одну молодую женщину, связанную цепями и кричащую: «Злой владыка! Выйди, да скажу тебе! Где ты, владыка? Выйми Сервия из зловония, ибо я сама его толкнула, я сама сделала то, в чем неправедно оклеветала его; он же отнюдь не соблазнял меня, даже слова мне ни одного не сказал». Вымолвив это, молодая женщина была тотчас повержена бесом на землю, как и мальчик, сделалась, как мертвая, и потом билась трое суток.

Архиерей повелел вынуть Сервия из места наказания, омыть его теплой водой, надеть на него белье и потом привести к себе. Слуги пошли вынимать его, но не в силах были даже заглянуть в яму от невыносимого зловония, слышали лишь некое благозвучное пение со словами: «Приидите, возрадуемся Господеви» и другие иные разные песнопения. Когда они

говорили между собою, Сервий воскликнул: «Что такое?» Слуги говорят ему: «Нас послал архиерей вынуть тебя». Сервий говорит: «Да будет воля архиерея». Спустили лестницу, вышел по ней Сервий до половины и стоял, пока его не облили водою и не омыли; потом поднялся выше, его еще лучше обмыли мылом, потом обмыли отваром из васильков; вымыв, намастили тело разными благовонными мирами; потом одели и, возложив на одр, принесли (в дом) к архиерею; с ним вместе пришел и сторож его. Сторож возвестил архиерею все подробно, как Сервий молился и как благодарил за все, все терпя и нимало не ропща. Архиерей сказал слугам: «Пойдите, отдохните, а через три часа приведите его мне сюда».

Архиерей пошел в церковь, разодрал свои одежды и, став пред иконой Иисуса Христа, возопил: «Господи Иисусе Христе, щедрый и милостивый ко всем во истине Тебе призывающим, Царю Небесный, Вседержителю! Того, которого Ты послал ко мне, недостойному рабу Твоему, с чиноначальным рабом Твоим, да соблюду его чистым и неоскверненным, я, по злому своему и немилосердому расположению, поставил в зловония нечистот. Прости меня, Блаже, и помилуй по великой милости Твоей».

Когда архиерей это вымолвил, то услыхал вне церкви крики и шум; вышел посмотреть, и видит обоих бесноватых, которые кричали и говорили: «Куда пойдем? Идет жезл железный на главу нашу, увы нам! Идет, идет с велией силой Сервий, чтобы изгнать нас! Умоляем тебя, Сервий, не приходи сюда, пока мы не убежим!» Видит архиерей, идет Сервий положить по обычаю метание; тотчас же архиерей первый положил земной поклон прежде, нежели успел положить поклон Сервий, и воскликнул архиерей велиим гласом: «Прости меня, возлюбленный раб Божий! Ради злой моей жестокости и немилосердия перенес ты столько разных смертоносных мук и казней, чуть не до смерти, несправедливо. Прости мне мои прегрешения, возлюбленный раб Божий!»

Просит и Сервий по обычаю прощения, просит и архиерей у Сервия прощения за наказание; так остаются они ниц на земле до трех часов, прося прощение друг у друга и ни один не желая первым встать. И вот опустился на них голубь златокрылый, стал между ними, положив одно крыло на главу архиерея, а другое на главу Сервия; голубь сказал им: «Бог да простит вас обоих; мир вам». Перелетел голубь, мало присел на молодой женщине; потом возлетел высоко и стал невидим. Поднялись с земли архиерей и Сервий, обнялись и облобызали друг друга духовным лобзанием. Взглянул архиерей на обоих бесноватых, которые бились на земле,

пожалел о них и сказал Сервию: «Прости, благий рабе Божий, и сих людей, которые, по навождению диавольскому, оклеветали тебя». Сервий, вняв словам архиерея, сделал трижды крестное знамение и сказал: «Бог да простит вас». С этим словом усилилось их беснование и крики; до трех часов кричали они, терзаемые бесами; через три часа встала молодая женщина, тотчас пала к ногам Сервия и просила прощения. Сервий говорит: «Бог да сохранит тебя от беса блудного и да сокрушит будущие (лести) тщеславия» (сие сказал Сервий, провидя ее будущее преуспеяние в подвижничестве). «Встань и ходи!» О, человеколюбие Спасителя Христа! Тотчас встала молодица и пошла.

Видит и мальчика Сервий, что мучается он, и сказал: «Блаженни непорочнии в путь ходящие». Пошел Сервий к архиерею; мальчик сделался мертв; взяли его родные и похоронили. Молодая же женщина отправилась в дом свой, оставила все мирское возделывание суемудренных и ушла в женский монастырь. Там облеклась она в монашескую схиму, славя и воспевая Бога, Который сподобил ее монашеской жизни.

ГЛАВА VIII

Приготовление Сервия к монашеству. Поучения архиерея Сервию и его будущему старцу. Передача его этому старцу

До трех недель оставался Сервий посему у архиерея; архиерей излагал ему поучения о монашеской жизни с разными сказаниями из жизни древних отцов о ревности их подвижничества: когда они так собеседовали друг с другом, уязвлялось сердце благословенного Сервия любовию к монашеской жизни, и сказал он: «Позволь, отче, и мне успокоиться в монашеской жизни и поревновать о пути спасения». Архиерей говорит: «Хорошее дело избрал ты, благословенное чадо мое, но трудное; боюсь я, как бы ты в беду не попал бы в нем». Говорит Сервий: «Доброе слово изрек ты мне, отец мой, так как это и должно последовать со мной, ибо человек я грешный». Архиерей увидал смирение Сервия, подивился ему и сказал: «Поищем места благоприятного, мирного, тихого для помыслов. Вот и духовник тоже желает безмолвствовать, идите вместе; лучше вам находиться вдвоем, нежели быть тебе одному. Вот духовник, о котором я знаю, что он так господствует над страстями своими, как никто другой; он целомудр в мыслях и воздержан

от страстей; если же, яко человек, имеет какие-либо слабости человеческие, то тебе подобает терпеть, дабы не потерять труда своего. Только внимай, чадо мое, так как путь сей есть узкий и прискорбный; сего ради подобает тебе побеждать терпением, ибо диавол никогда не успокаивается, никогда не ест и не отдыхает, но постоянно стремится победить и схватить душу человека. Так должен безпрестанно бороться и монах, чтобы победить и войти в Царствие Небесное. Ибо диавол постоянно ведет брань, чтобы победить (ревность) монаха и не допустить иноку войти в Царствие Небесное.

Итак, соберемся, чадо мое, поискать какого-либо спокойнейшего места, чтобы там безмолвствовали вы с духовным вашим отцом. До трех лет твори ему терпение (т. е. неси от него монашеский искус), потом приими премногочестнейшую и святую схиму монашеской жизни, ибо ненаказание безобразит ее; поэтому послушайся меня, чадо мое (и потерпи искус), так как научение монашеской жизни постигается гонением, алчбой, жаждой, наготой, клеветой и другими многими скорбями, случающимися в жизни. Если ты в силах переносить все эти скорби без всякого ропота и побеждать их наукою терпения, тогда принимай монашескую жизнь с божественной и ангельской схимой. Постригайся не только для того, чтобы красоваться черной рясой, как лицемеры; да будут и одежды твои траурные; не услаждай себя никогда новенькими рясами, но, как странник (каков ты еси), носи и одежду120 странническую, пока не достигнешь отечества небесного и тогда облечешься в ризы, которые купил себе терпением твоим во время земного странствия твоего. О, чадо мое, что за польза от очернения только тела нашего с угрюмым лицемерием, если возделывания терпения иметь не будем? Нетерпение наше погружает нас во глубину непокорства и всяких словооправданий. Послушай меня, чадо мое, прошу тебя я, недостойный! Если ты не намерен творить терпения, переносить скорбей и теснот, то не принимай преукрашающей ангельской схимы, ибо потом, за нетерпение твое, эта благоукрашающая сделается для тебя[1] уродящей.

Ради сего я говорю тебе, чтобы ты твоим терпением пребыл бы в искусе у духовного отца, бывал бы от него огорчаем богатящими огорчениями каждый день до трех лет, чтобы потом сделаться монахом благоукрашенным и душою и телом». Этому и многому другому наставлял его архиерей в течение вышеупомянутых трех недель. Когда прошли эти три недели, архиерей сказал слугам: «Пойдите, скажите духовнику, чтобы

[1]Т. е. будет тягостной.

он пришел сюда». Слуги пошли и позвали духовника. Пока они за ним ходили, архиерей спросил Сервия: «Отчего ты сказал мне тогда ложь, что соблазнял молодую женщину и мальчика, сделав себя без вины виноватым? Я поверил тому и ты безвинно принял столькие муки». Сервий ответил: «Во-первых, ради любви к Господу нашему Иисусу Христу; во-вторых, потому, что если бы я сказал тебе правду, то ты мне не поверил бы». Архиерей говорит: «Да, правда, не поверил бы». Сервий: «А так как все равно ты не стал бы верить, если бы я сказал тебе правду, то я сказал тебе ложь, приняв на себя неправедную клевету, которой ты верил, но вышло к лучшему, так как ты убедился, что я не мог быть таким преступником».

Во время этой беседы пришел духовник; после взаимного приветствия архиерей взял духовника, посадил перед собою и, побеседовав, сказал Сервию: «Выйди немного вон, ибо мне надо исповедаться». Сервий вышел, и они остались вдвоем. Тогда говорит архиерей духовнику (сказав ему предварительно о своем намерении поселить его в пустыне с Сервием): «Что скажешь, духовниче, окажешь ли сию любовь, так как я сказал?» Говорит духовник: «Тяжко и преопасно это дело приходится мне владыко святый». Говорит архиерей: «Представь мне тяготы и опасности твои, сам же пекись лишь о душе брата твоего и о теле его; о душе, – стараясь спасти ее духовным окормлением, о теле, – стараясь не жалеть его, не давать ему вознерадеть, наказывать его, следить за ним и требовать с него.

Итак, до трех лет испытывай Сервия с божественною суровостию, пока не сделаешь его монахом. Не давай ему ни малейшей смелости, отнюдь не давай ему покоя и безпрестанно проявляй свою власть над ним, не попускай ему тщеславиться, ни свободно обращаться с тобою, ибо свобода обращения делает послушника подобным разнузданному коню, ибо поскольку конь прекрасен, когда у него уздечка на голове, поскольку же и безобразен, когда узда с него снимется, подобным сему делается и послушник, когда возьмет смелость и свободу в обращении (наипаче, к своему старцу), тогда в нем не останется вовсе благопристойности и почтения.

Послушай, духовниче, когда наложена узда на животное, сделает ли оно какое безчиние? Очевидно, оно безчиния не сделает, но постоянно будет смиряться и терпеть, что бы ты с ним ни делал. Если же его совсем выпустить из рук, что оно тогда сделает? Очевидно, вред, а не пользу. То же и с послушником. Послушник прекрасен, когда слушается старца своего, смиряется и терпит, когда старец не дает ему творить

волю свою. Но если старец не будет обуздывать послушника, послушник будет попирать своего старца, будет старцем повелевать, старец же сам станет послушником своего послушника. Потом, когда Бог взыщет отчет от старца, что тогда делать будет старец, не владевший ни своею волей, ни своею властью, но сам бывший послушным послушнику своему? Если у старца нет никакого пристрастия (внешнего, или внутреннего, или малого, или большого) к послушнику своему, то он никогда не даст послушнику творить воли своей, но всегда будет держать его во власти старческой. Ради сего, прошу я тебя, чтобы ты Сервия держал бы во власти твоей, с величайшею суровостию, до совершения трехлетнего искуса.

Испытывай непрестанно помыслы его, трижды и четырежды в день; да будет испытание твое вечером, в полночь, утром и в полдень; подробно испытывай его относительно тщеславия, не искушается ли он им, не бывает ли им побеждаем. Называй его всегда «нечистым»; тогда он будет вспоминать свое осуждение, когда был в грязи нечистоты. Если же он проявит нерадение, тогда да поставлен будет тобою на трое суток на молитву, причем опять испытывай, с какими помыслами он стоит. Если он будет стоять с благими помыслами, то пусть так и стоит до трех дней, в противном случае, если будет у него какой лукавый помысл, тогда поставь его только на одну ногу, а другую подтяни ему веревкой к шее. Тщательно испытывай всегда о осуждении; если он кого осудит, намажь ему все лицо коровьим калом, чтобы вспомнил он, как был наказан, когда стоял закопанный в земле и намазанный калом. Обращай внимание на то, чтобы он никогда не наедался досыта хлебом, дабы не обновился в нем дух (стремления) к погибельной блатности и дух непокорства. Отнюдь не давай ему носить новеньких ряс, ибо если будет хорошо одет, то будет тщеславиться. Пусть всегда пребывает в молчании; пусть ни мало, ни много, никогда не возражает, ибо это проклятое прекословие становит человека спорником, спорливость же делает его непокорным, непокорство же доставляет конечную погибель душе и телу. Погибель же вводит в бесстрашие к Богу. Небоязнь же Бога вводит во тьмы развратных страстей и в тьмы злых дел. Посему я и говорю тебе, чтобы ты отнюдь не предоставлял его воле своей, чтобы потом не быть тебе вместе с ним осужденным. И ласкового лица ему не кажи. Поскольку ты сам кроток, постольку суров с ним будь и всегда его испытывай. Когда же минет три года, тогда сделай его монахом. Прошу и молю тебя, духовниче, порадей, чтобы брат не погиб душою и телом; я же постоянно буду иметь заботу о всем телесном для вас, ты же всегда заботься

лишь о душевном вашем спасении». После сих наставлений архиерея духовник, сказав: «Да будет воля твоя, владыко мой», – встал и положил метание архиерею. Архиерей же весьма возрадовался, видя, что духовник принял его внушения, прослезился и сказал: «Прошу тебя, духовниче, позовем Сервия, чтобы мне передать его тебе в руки твои; да будешь ему, как отец чаду, да правишь им, как отец чадом». Тогда привел архиерей Сервия пред духовника и сказал ему: «Вот передаю я тебя в руки духовнику, слушай же его. Слушая его, будешь меня слушаться, если же преслушаешь, как он тебя ни накажет за что, что он с тобою ни сделает, то я тебе делаю. Только ты переноси все с терпением, что бы ни делал он с тобой, хорошо зная, что, терпя ему, терпение будешь творить мне. Итак, чадо мое, положи метание отцу твоему». Положил благословенный Сервий метание, и облобызались они с ним; после того, как облобызались, сели. Говорит духовник: «Встань и положи метание архиерею». Тотчас встал Сервий, положил поклон, поцеловал руку, опять положил поклон и сказал: «Кланяюсь я тебе, владыко, за окормление меня, странника, каков я есм. Как окормлял ты меня странного, так ныне не оставляй меня в молитвах твоих: молись о нас, чтобы мне претерпеть суровость духовного отца моего, как согласились вы в вашем согласии». Этими словами Сервий хотел сказать, что он сам желает того, о чем перед тем втайне говорил архиерей духовнику, и что Сервий проразумел.

Глава IX

Поиски места для скита Сервием

Архиерей говорит духовнику: «Будем собираться, чтобы поскорей отправиться искать спокойное место для вашего поселения». Архиерей приказал слугам приготовить семь животных (верховых) на утро, чтобы отправиться в южную часть. Слуги говорят: «Откуда нам их взять? Кто нам даст их?» Архиерей говорит: «Идите к Иоанну, скажите ему, чтобы он нашел семь животных, ибо архиерей хочет отправиться в южную сторону; скажи ему, что если он хочет, то пусть и сам поедет». Слуга пошел к Иоанну, достал семь животных и привел их к архиерею. Архиерей говорит: «Где же Иоанн?» Слуга говорит: «Сейчас ему некогда, но вскоре придет». Архиерей говорит: «Поставьте животных, чтобы отдохнули, дайте им корму и готовьте все потребное».

Воссиял день и тронулись в путь. Людей было: архиерей, духовник, Сервий, Иоанн, Павел и слуга. Перевалив, достигли они южной стороны и остановились в одном местечке, называемом Питорион; там стали расспрашивать о искомом месте, но никто не знал о нем; только один престарелый стодесятилетний старик нашелся, который сказал: «Когда я был еще маленьким мальчиком, то пас овец; по преданию от отцов, то место называлось *Васмос*. Однажды, когда мы потеряли двух овец, искали их наверху и внизу и не находили, некто сказал нам: «В Васмосе пресвятом есть две овцы, одна черная, а другая белая; они так красивы, что всякому было бы в сладость поглядеть на них. Когда же мы на них смотрели, то одна белая вдруг почернела и до того стала красива, что нам было приятнее любоваться ею, чем делать свое дело, какое следовало. Услыхав эти слова от человека, мы подумали, что это наши собственные овцы, щедро заплатили человеку, чтобы он довел нас туда посмотреть; когда пришли на место, именуемое Васмос пресвятой, то увидали двух овец – одну черную и другую белую; когда мы подошли ближе, белая сделалась черной и до того стала красива, так засияла ее шерсть, что от вида ее померкли очи наши: вокруг ее было множество ягнят, и все черные; мы подумали, что это целое заблудшее стадо и вознамерились одну поймать, но раздался голос: "Не искушай овец, Иакове: сейчас пойду к игемону и он накажет вас". Услыхав, подумали мы, что это их пастухи оставили овец, ушли; на дороге, когда возвращались, нашли мы наших овец, которые были потеряны. Это только и ведаю я, владыко святый, и это тебе говорю». (*Прим.:* Это видение, как видно, было промыслительное; две овцы прообразовали: черная – духовника (т. е. монаха), а белая – Сервия, который еще не был монах, потом же сделался монахом (т. е. белая овца сделалась черной и засияла полученной благодатию. Множество черных барашков означало множество имевших здесь собраться монахов).

Архиерей говорит: «Я дам тебе жалование за целый год, если ты покажешь нам то место; но берегись, чтобы никому не рассказать о тех овцах, которых ты видел» (т. е. чтобы Сервий и духовник, узнав о сем пророческом видении относительно их, не вознеслись бы самомнением). Отыскали еще одно животное для сего старика и отправились на искомое место. Архиерей, раздумывая про изреченное архангелом Михаилом о месте будущего обиталища Сервия, сказал старцу: «Знаешь ли то место, где был монастырь? Мне известно, что здесь внутри был где-то монастырь Пресвятой, но где именно, не знаю». Старик говорит: «И я не знаю сего». Нашли (в

долине Васмос) один старый домик и остановились в нем на три дня. Местность понравилась; стали совещаться, и захотелось архиерею самому поселиться здесь с Сервием, ибо возымел он намерение оставить архиерейскую должность и остальное время жить в подвигах. Когда он уже готов был (исполнить это), явился ангел и сказал ему: «Не помышляй о деле сем, но заботься и паси овец церковных, довольно с тебя и этого дела. Постарайся же о том, чтобы здесь сделать несколько келлий, одну церковь во имя Богородицы и одну хлебную печь, ибо здесь соберется множество монахов ради этих двух». После сих слов ангел тотчас вознесся. Говорил он как отрок, а вознесся как голубь. Тогда оставил свое намерение архиерей и сказал духовнику: «Вот я оставляю тебе все необходимое, сам же теперь возвращусь, пришлю я тебе людей сделать несколько келлий и одну церковь во имя Успения Богородицы; устрой кухню с хлебною печью, пусть будет она попросторнее, мирствуйте здесь. Поверьте мне, не будь на мне архиерейства, не ушел бы я обратно отсюда. Теперь же мирствуйте; когда услышу я про вас добрую славу, буду радоваться, как будто и сам был вместе с вами». Сделали взаимное целование; заплакав горькими слезами, удалился архиерей. Стал он пещись день и ночь, чтобы промыслить для духовника и Сервия все необходимое, так как место было очень отдаленно. Послал мастеров, но потребного не знал как туда посылать. Тогда спросил он Иоанна: «Каким образом будем посылать им потребное?» Говорит Иоанн: «Я, святый владыко, советую тебе купить таких полей, имений и масличных садов, которые были бы вблизи их, чтобы могли они чрез это легко получать свое пропитание, ибо легко ли найдешь каждый раз человека, чтобы послать его в такую даль». Говорит архиерей: «Поверь, господин Иоанн, ты стал для меня подобным Иосифу Прекрасному; фараон сделал Иосифа Прекрасного господином над всеми делами своими, а я делаю тебя распорядителем над всем этим делом и даю тебе денег, чтобы ты купил разных имений, как сказал, и был бы начальником над мастерами. Итак, вот получай два ока золота на расходы, которые будешь делать». Иоанн взял золото, положил метание архиерею и пошел исполнять назначение свое; когда же окончили мастера дело свое, привел их к архиерею, тот щедро заплатил им, и они остались довольны.

Говорит архиерей Иоанну: «Как устроил ты хозяйство, господин Иоанн?» Иоанн: «Набрал разных участков, виноградников, масличников и отдал их на три года первому местному помещику, чтобы он выдавал всякого рода довольствие бра-

тиям; если угодит, то всегда за ним останется». Говорит архиерей: «Сделал ли ты хороший контракт, чтобы потом не устроил он какого безчиния?» Иоанн: «Мы все хорошо обусловили, но еще тебя спрашиваем, даешь ли ты на сие свое благословение?» Архиерей говорит: «Все, что ты сделал, хорошо устроено; только устрой навсегда, чтобы вам не иметь каждое трехлетие стольких хлопот устраивать соглашение. Он же пусть владеет и на следующие трехлетие, согласно раз навсегда утвержденному уставу владения, если не нарушит договора; иначе отдадим другому». Иоанн: «Поверь, святый владыко – весьма понравилось мне это слово». Архиерей: «Если понравилось, то и сотвори, как я тебе сказал». Иоанн сотворил, как сказал архиерей, устроил договор о трехлетиях; братия стали к нему посылать каждую пятницу и брать, что было условлено; каждую субботу и воскресение имели они общую трапезу, в воскресение же вечером брали в свои келлии довольствия на пять дней, на двоих или на троих, потому что в каждой келлии братия жили по двое и по трое (в одном домике); но комната у каждого особая, ибо жить одному в доме не позволяли.

Впоследствии, когда распространилась слава Сервия, собралось множество братий, при духовнике же еще никого не было, кроме сих семи насельников: Андрея, Павла, Иоанна, слуги, который сторожил Сервия в сточной яме, и еще того послушника, который, увидав терпение Сервия, сказал архиерею, что он несправедливо мучает его, и еще другого, который таскал из колодца воду в саду по случаю самооклеветания Сервия. Был же Иоанн экономом, Андрей – поваром, Павел – трапезарием; так исправлялось дело хозяйства, пока не освободился Сервий от послушания.

Глава X

Трехлетний монашеский искус Сервия и кончина духовника

После трех лет духовник постриг Сервия в монахи-великосхимники, но имени его не изменил, как не изменено оно было и при крещении, но оставил ему прежнее имя, т. е. Сервий, чтобы он вспоминал свою жизнь, помнил к какой вере раньше принадлежал и в каком устроении находится ныне, чем был и чем стал.

Но прежде, нежели миновали эти три года, какою бранию боролся Сервий с собою и с диаволом, какими жестокостями

карал его духовник и какую налагал на него суровую жизнь!.. Никогда не сказал он ему ласкового слова, всегда говоря только с угрюмостию и строгостию; никогда не дал ему досыта хлебом наесться; Сервий вкушал только объедки и остатки от трапезы, которые трапезарь собирал и давал ему; если подавалось какое варево, то остатки сливали ему в чашку, и он ел, пока не придет духовник, не выругает его, не назовет «скотом ненасытным», скажет: «Вставай и убирайся отсюда!» Потом сделает выговор трапезарю, зачем дал ему есть много пищи, и скажет, чтобы в другой раз давали ему поменьше, иначе Сервий от сытости будет дремать (Сервий был типикарь-церковник).

Однажды Сервий читал и задремал. Духовник говорит ему: «Оставь псалом и пойди почий!» Сервий не понял смысла слов духовника, пошел и лег. Духовник, не находя Сервия на его месте, пошел искать его и нашел спящим. Духовник: «Сервий!..» Тот говорит: «Что угодно?» Духовник: «Прочел ты последование твое?» Сервий: «Нет, стал дремать и прилег немного». Духовник: «Пойди, позови эконома, чтобы пришел сюда». Пошел Сервий и привел его. Духовник сказал эконому: «Прошу тебя, господин Иоанн, поймай мне этого пленника, привяжи к дереву, подвяжи ему одну ногу к шее, пусть до времени утрени стоит на одной ноге, чтобы освободиться ему от плена сонного...»

В другой раз, накануне праздника Ваий, в субботу Лазареву, пришлось Сервию читать в трапезе с некоей напыщенностью. Говорит духовник одному брату: «Спроси у Сервия, с каким помыслом он совершал чтение?» Говорит брат Сервию: «Сегодня ты очень нас обрадовал чтением...» Сервий: «Я знаю, что читаю с особенно трогательным выражением, и мне кажется, что я этим отличаюсь...» Говорит брат: «А какую отменность ты имеешь?» Сервий: «Если бы я не отличался этим, то не сделали бы меня церковником и чтецом, чтобы предлагать чтение в трапезе...» Услышав это, брат поведал духовнику. Духовник говорит: «Скажи Иоанну, чтобы пришел сюда». Пришел Иоанн и говорит ему духовник: «Возьми Сервия, намажь ему лицо коровьим калом, пусть так пойдет он в местечко Китры принести оттуда ваий, ибо Сервий отменный, а для того, чтобы знали, что он отличен от прочих, намажь его калом...» Иоанн сделал как повелел духовник, и когда Сервий вернулся назад с ваиями, духовник говорит: «Не дай, господин Иоанн, Сервию снять с себя кало; пусть остается оно на нем до завтра, утром пусть берет он чтение в трапезе, такой, какой сейчас есть, намазанным, чтобы известно было, что он отличный чтец».

Одним словом, Сервий перенес от духовника еще более тяжкий канон, нежели от архиерея.

Когда окончились те три года, духовник сделал ему снисхождение, побеседовал с ним ласково, целую неделю утешал его повествованиями о святых отцах, наставляя разными божественными примерами; после же пострижения излагал ему, как следует вести монашескую жизнь и говорил: «Избегай осуждения, имей всех в одинаковой любви; чем хуже брат, тем больше его люби, чтобы не погиб он во зле своем, т. е. молись, всегда наставляй его на путь спасения повествованиями от святых отец, божественных Писаний и поучений церковных; если исправится – приобрел ты его, а если не исправится, тогда отлучи его от братства, чтобы не заразились и другие. (Т. е. духовник наставлял Сервия по пострижении как править братством). Испытывай о каноне их и о последовании[1], чтобы от службы никто не удалялся, разве благословной причины, чтобы не похитило его, как лев, нерадение, не размололо бы его своими зубами отчаяние, не стиснула его глотка лености и не погрузился бы он в чрево небрежения, а тебе потом не дал за него ответа, как пастырю, за грехи церковных овец». И многому другому подобному поучал он его божественными поучениями.

После трех недель по пострижении духовник позвал Сервия и сказал ему: «Послушай, чадо мое, имею побеседовать с тобою последнею беседой. Берегись того, чтобы принять когда-либо молодого человека в братство, дабы не проник внутрь семиглавый зверь мужестрастия, не похитил бы, как лев, кого-нибудь из братий и не размолол бы его малакией. Отнюдь не принимай также когда-либо и женщин, чтобы зверь прелюбодеяния не похитил кого-либо из братий и не смолол его челюстями безстрашия Божия».

Сервий ответил духовнику: «Невозможно это соблюсти, так как мы посреди мира; как может статься, чтобы не ходила никакая женщина или отрок? Если я не стану их принимать, то это будет поводом к соблазну. Прошу тебя, старче мой, сотворим деннонощную молитву к Богу, чтобы Он оказал нам сию милость и избавил от молодых и от женщин». Старец сказал: «Но как сделаем, если нас потребуют в это время братия?» Сервий говорит: «Скажем братии, что у нас есть дело на трое суток, чтобы нас не требовали». Старец: «Хорошее это слово. Пойди же и позови Иоанна, чтобы пришел сюда». Пошел Сервий и привел Иоанна. Говорит ему духовник: «Послушай, господин Иоанн, мы с Сервием имеем дело на три

---

[1]Т. е. наблюдай, чтобы все исполняли свои иноческие обязанности.

дня; скажи братии, чтобы нас не требовали». Потом заперлись в одном обособленном месте духовник и Сервий, и умоляли Бога о том; такое рвение показал при том Сервий, даже бесы содрогнулись. На рассвете четверга оба они задремали и немного закрыли глаза; Сервию явился ангел Господень и сказал: «Дерзай, Сервие, и не бойся. Принял Бог моление ваше и послал меня за тем, чтобы объвить вам это; я возьму старца твоего; ты же оставайся на место его; ни юный, ни женщина да не ступят в скиту сем; тот же, кто захочет взойти из них, сделается прокажен». Тотчас пришел в себя Сервий, стал размышлять и, когда совсем очнулся, через некоторое время воззвал к старцу своему и сказал: «Старец, рассвело!» Старец же не отвечал; приблизился Сервий к нему и повторил то же самое. Старец опять ничего не ответил. Сервий понял, что он скончался. Тогда поднял Сервий старца со скамьи, на которой он лежал, положил на землю, пошел сейчас же к Иоанну и говорит ему: «Старец мой умер». Отвечает Иоанн: «Что случилось с ним, что он почил?» Сервий пересказал тогда все то, что произошло у них за это время и что говорил он со старцем.

Глава XI

Чудесное явление ангела во образе иерея для похорон духовника

Говорит Иоанн: «Нет у нас иерея, что будем делать? Есть иерей, да далеко. Пойдем, отпоем его, прочитаем псалтирь и похороним как можем по силам нашим. Порадеем о похоронах и Бог да упокоит его». Итак, когда шли они хоронить, нашли на дороге одного священника, на вид как будто плененного разбойниками, который поэтому просил милостыню, чтобы откупиться из плена. Говорит ему Иоанн: «Имеешь ли священство твое?» (Т. е. право священнодействовать). Явившийся иерей говорит: «Имею священство и эпитрахиль, но только имею нужду крайнюю и претяжкую». Говорит Иоанн: «Умеешь ли мертвых погребать?» Отвечает иерей: «Да, умею, но только у меня с собою эпитрахиль и фелонь, а остального потребного нет». Иоанн говорит: «У нас есть все потребное, пойдем же только и похороним его». Итак, приготовил Иоанн все потребное для погребения, собрались и остальные братия. Тогда иерей вынул из-за пазухи своей фелонь и эпитрахиль, облачился в них, сделал начало: «Благо-

словен...», затем прочел: «Блаженны непорочнии» столь плачевно и трогательно, что все люди прослезились. Потом погребли покойника в могилу, вылили на него масло из лампады по чину церковному; иерей сказал все, что полагается по чину церковному, потом взял кадило и сделал поминовение «Трисвятое», т. е. высыпал содержимое кадила на могилу, потом, по обычаю, в знак братской любви, для проводов покойного протянули все одну четку. Затем иерей произнес дивное слово о смерти человеческой и прекрасно поучал монахов отрешаться от всего земного.

После того он сделал отпуст и сказал: «Бог да упокоит душу усопшего сего». Затем снял фелонь и эпитрахиль свою, на которых было много золота и драгоценных камней. Иоанн говорит: «Поверь мне, отче, если бы у меня была такая фелонь и эпитрахиль, то не стал бы я пещись о долге своем». Отвечает иерей: «Хотя оне многоценны, но если я продам их, чтобы восполнить долг мой, то потом без них что делать буду?» Иоанн говорит: «Я сказал в шутку». Отвечает иерей: «Не шутка была это твое слово, но так как я дал тебе такой ответ, то ты обращаешь теперь в шутку. Пусть так. Идите, я сейчас пойду». Иоанн подумал, что он за чем-нибудь пошел и стерег его, чтобы одарить, но он больше не появлялся; так ждали его три дня. Отсюда поняли, что явление это было божественное, ибо и фелонь его с эпитрахилью так были прекрасны, что не было им цены.

Глава XII

Игуменство Сервия. Преуспеяние в подвиге Андрея

Итак, Сервий остался игуменом и стал править братией с великим тщанием.

Он послал к архиерею извещение, что старец его отдал общий долг, и просил архиерея позаботиться о другом иерее и духовнике, ибо, говорил Сервий, без духовника никакого преуспеяния мы иметь не можем. Архиерей, получив письмо, премного возрадовался о блаженной кончине духовника и чудесах Божиих, сопровождавших кончину; затем стал разыскивать во всей округе; наконец, нашел иерея, поставил также духовного отца и послал их в скит; возрадовался Сервий радостию превеликою, когда увидал духовника и иерея. Отдал же Сервий все помыслы братства духовнику, чтобы он правил ими, иерею же сказал: «Твое всепреподобие

да будет иметь на себе богослужение церковное». Услышали по окружности Крита, что Сервий стал старцем скита и правит им с величайшею рассудительностию; к Сервию стало собираться множество братий. Одиннадцать лет пекся о них Сервий, делая их монахами, т. е. испытывал каждого, назначал соответствующие послушания, воспитывал духовно, карал и пр., помыслы же свои они говорили духовнику.

В это время Андрей, который при крещении Сервия по благоговению своему вознамерился сделаться монахом, оставил все имения свои и детей своих; потом поселился в скиту вместе с Сервием; здесь с благоговением некоторое время подвизался и получил благодать Всесвятаго Духа целить всякий недуг и всякую немощь.

Подвиг же его был следующий: никогда никакого брата он не опечалил, ни словом, ни делом; если который брат бывал опечален, он приходил, утешал его и говорил: «Брате, сия печаль от пластыря. У тебя была рана, и на ней до сих пор лежал, прикрывая ее, пластырь; посему ты раньше и не болезновал, хотя язва страсти в тебе продолжала существовать. Ныне же Целитель снял пластырь, чтобы тебе видеть рану, какова она, и, в случае чего, положить другой пластырь. Потерпи, ибо распознавают, каким пластырем надо тебя лечить; терпи, чтобы не приложили тебе еще другой, сильнейший пластырь; и тогда болезновать будет язва еще больше». Никогда не надевал он новенькой рясы, никогда не роптал, но всегда был благодушен. Никогда не осуждал, никогда не обращал внимания на какое бы то ни было злое слово, если кто таковое ему скажет; внимал лишь самому себе. Никогда не ложился на подстилку, но после подвига своего прислонялся к стене; отдохнув немного, опять брался за дело служения своего. Послушание его было всюду подметать, всюду вымывать, воды на кухню наносить и другие подобные работы, которые он всегда возделывал с благодарностию, причем и богослужения нисколько не упускал, ни канона когда-либо оставлял, хлебом никогда не насыщался, воды без меры никогда не пил, пил только однажды в день и лишь столько, чтобы промочить горло, некоторые из братии начали злословить Андрея, как будто прельщенного, и тайно мучили его: однажды насыпали ему горчицы в нос; другой раз насыпали ему горчицы в чашку; рассыпали на ступенях лестницы горох; Андрей, сходя с лестницы, наступив на горох, поскользнулся, упал вниз и так сильно расшибся, что от болезни не мог подняться; в то время, как он усиливался встать, вылили на него еще кадку воды. И терпел все это благословенный Андрей, даже никогда не сказал Сервию ни одного о том слова, что братия

его искушают. Другой раз налили ему за шею рыбного рассола. Однажды намазали ему шапку смолой и так на него ее надели. Другой раз намазали смолой бороду, потом стали кричать и говорить: идите, посмотрите на прельщенного, в каком он обретается подвиге. Его спрашивают: «Зачем ты так сделал, Андрей?» Он же отвечал и сказал: «Оттого, что мне очень жарко; вот я и сделал это, чтобы простыть». Братия говорят ему: «Как же ты теперь ее снимешь?» Говорит он: «Сама отпадет, когда жар спадет», умалчивая, что это ему сделали другие. Сервий же, хотя знал, но не говорил ничего, пока сам Бог не явит делом праведности Андрея. Бог и явил сие следующим образом.

После злой проделки той заснули злонравные вечером, но наутро, проснувшись, оказались прокаженными; покрылись у них проказою головы, щеки и ноги, т. е. те именно места, которые они намазали смолой и дегтем Андрею, а Андрей оказался наутро совсем чист; дегтю не было на ногах, ни смолы на голове его. Так избавлен был Андрей от гонителей своих, противники же его сделались прокаженными и были удалены из скита, так как не принял их Сервий, ибо, за злые дела свои сделавшись прокаженными душою и телом, могли они заразить других братий.

Начала с того времени и проказа действовать; не смели ступить в скит ни женщина, ни юный, моложе 33 лет, ибо тотчас же делались прокаженными. Даже самки животных подвергались тому же. Таким образом, скит оставался чистейшим и блистал добродетелями.

Бывало же сие. Если кто-либо из братии выходил наружу без дозволения предстоятеля и видал женщину или юного, тотчас делался прокаженным. Сего ради никто не выходил наружу без благословения, лица всех сияли девственностию и чистотою.

Благословенный же Сервий бдел день и ночь о спасении братии и с величайшею тщательностию оберегал их.

Глава XIII

Впадение Кунава в прелесть и его погибель

Пришел также в этот скит некто, именем Константин, положил начало, но подвизаться стал в добродетелях без дозволения духовника, желая достичь меры Андрея и сравняться с ним в добродетелях (т. е. в подвигах),

ибо Константин завидовал Андрею, получившему благодать исцелять всякий недуг и всякую немощь.

Вопросил Константин одного брата, каким образом Андрей получил благодать сию? Брат говорит ему, что для получения сей благодати Андрей употребил большой подвиг. Спрашивает Константин: «Какой подвиг он для этого употребил?» Брат говорит ему: «Подвиг его был сей: хлебом не насыщался никогда, воды никогда вдоволь не пил, двое суток простаивал неподвижно на молитве, полагая по 1000 и по 2000 поклонов, не знал ни вкуса варева, ни вина». Константину показалось это легко, но для виду он притворился, что ему это представляется трудным и сказал брату: «Ну, где мне возмочь таким подвигом подвизаться, да поможет мне Бог, хотя таким, каким я есм, пребыть». Удалился он от брата, пришел в свою келлию и взялся за подвиг Андрея, описанный в беседе (братом).

Через три дня после того его постригли в монахи, наименовали Кунавом. Спустя некоторое время по пострижении он по своей гордости начал подвизаться самочинно, без дозволения духовника. Пошел он тайно в одно скрытое место, там подвизался в одиночестве, с такою ревностию подвизался несчастный, что превзошел Андрея, но цель у него была не такая как у Андрея, но гордая, чтобы достичь чудотворения. Так продолжал он пять месяцев производить суетный подвиг свой, ел однажды в седмицу несколько сухарей и выпивал немного воды; сон же принимал, только приклонясь к стене на малое время.

Когда так прошло пять месяцев, пришел Кунаву помысл и сказал ему: «Такой великий подвиг ты совершаешь и, почем знать, может быть, Бог уже принял молитву твою? Вымой же лампаду, вложи в нее новую светильню, возьми чистого масла и поставь перед собою во время молитвы твоей; если лампада зажжется сама собою, тогда, значит, исполнилось желание твое и принял Бог молитву твою, а теперь, почем ты знаешь, каким имеет тебя Бог». Принял несчастный такую злую мысль, сделал как подсказал ему помысл, три дня молился пред этой лампадой, но светильня не загоралась. Тогда стал говорить несчастный: «Господи, даждь мне благодать, чтобы сделаться мне целителем, лечить всякий недуг и всякую немощь! Даждь, Господи, просимое и не хочу я спасения! Даждь мне только одну эту благодать, а потом мучай меня! Даждь мне благодать исцеления, а потом сожги в огне негасимом!» Когда так говорил несчастный, вдруг, по мечтательному действию бесовскому зажглась лампада, появился бес во образе Андрея и говорит ему: «Радуйся, отче Кунаве,

превзошел ты меня в добродетелях (т. е. в подвиге). Ибо был я на молитве вне келлии моей; во время молитвы моей увидал сияние светящегося света, которое искало, кружась, на чье бы жилище опуститься, не находило сияние достойного ни одного чистого сосуда, чтобы поселиться на нем, так дошло до тебя и взошло в жилище твое; вот почему я пришел посмотреть на тебя и спросить тебя, какое средство употребил ты, чтобы получить такую благодать от Бога. Когда я шел к тебе, встретил меня на дороге ангел и сказал мне: "Зачем печалишься, Андрей, что Кунав получил такую благодать? Получил он за то, что превзошел собственные добродетели (т. е. подвиги) твои"». И стал пересказывать бес во образе Андрея все подвиги, которые совершал Кунав в течение этих пяти месяцев.

Когда он еще говорил это, пришел и другой бес, сильно сияющий светом, которым блистал, как солнце, и сказал ему: «Радуйся, Кунаве, потому что угодил ты Царице Небесной; она сама идет посетить тебя, посмотреть на ангельскую жизнь твою и твой великий подвиг. Выходи же встретить ее и поклониться ей как царице». Услыхав это, несчастный пошел встречать царицу. Говорит лукавый Кунаву: «Берегись, чтобы не назвать ее по имени, ибо она скромная и, если услышит от тебя свое имя, то разгневается и не даст тебе благодати исцелений». Спрашивает Кунав: «Как же мне ей говорить?» Отвечает бес: «Говори слова: "Радуйся, царица земли, добродетель мою удостоившая! Виждь труд мой, подвиг мой, скорбь мою, и даждь мне благодать исцелений"».

В то время, как он говорил это, пришел другой бес светящийся и сказал: «Приготовим трон царице, ибо идет она». Говорит другой бес: «Мы пойдем с Кунавом, чтобы встретить ее, а ты приготовляй трон». Пошел несчастный Кунав с бесом и поклонились оба бесу, якобы Царице Спасения; Кунав сказал так, как научил его бес. Бес же во образе царицы, увидав, что Кунав, поклонился ему, восстал с трона своего, обнял, поцеловал его и сказал: «Желательно было мне, чадо мое, только взглянуть на тебя и удостоилась сего слава моя. Требуй же теперь от меня чего желаешь». И уступила она ему трон свой, бес возвел Кунава на трон, сам сел пониже и сказал Кунаву: «Вот я даю тебе славу мою вместе с благодатию моею; даю тебе и дар исцелений. Сиди на троне, достойном тебя; я же, как недостойная, буду сидеть пониже на троне». И сидел несчастный на проклятом троне. И сказал бес другим бесам: «Отныне недостойна я владеть вами, но пусть он имеет власть над вами здесь на земле, и да повинуетесь ему. Сего ради поклонитесь ему, как вашей царице».

Тотчас мечтательно пали все бесы и поклонились Кунаву. Тогда говорят бесы несчастному Кунаву с мечтательною (т.е. с возносящею) лестию: «Вострепетали херувимы и серафимы, увидев славу твою, и мы чудимся, как сподобился ты такой славы». Бедный Кунав говорит со вздохом: «Ах, какой труд мне был и какую скорбь я имел, чтобы получить такую славу!» Бесы говорят: «Весьма потрудился ты, потому и получил такую славу с благодатию исцелений. Ее дала тебе царица, но если ты не пойдешь и к сыну ее, то не возможешь принять благодати исцелений». Царица говорит: «Возьмите, снесите его, чтобы он поклонился сыну моему, да примет благодать исцелений, ибо после того, как примет сию благодать, имеет еще прожить шестьдесят лет на земле». Как только сказала это проклятая царица, сейчас схватили Кунава бесы вместе с троном его, представляя себя ему во образе ангелов, один во образе Гавриила, другой во образе Михаила; вознесли они его до первого неба и оттуда вдруг сбросили Кунава, как Денницу; упал он на каменную плиту и вместо того, чтобы жить еще 60 лет, несчастный обратился в шестьсот кусков. Была полночь, когда он упал.

Такое же высокоумие было и у другого брата в скиту Сервия; сей тоже подвизался, чтобы получить благодать исцелений, в течение 15 дней выходил по ночам из келлии в полночь, молился и, когда молился, увидал свержение Кунава.

Увидав это жалостное зрелище, брат удивился и сказал: «Что означает сие? Мечтание ли это было, или какая праведная душа сверглась?» Когда так размышлял о сем, послал Бог ангела к нему, и тот вдруг явился перед ним, как будто инок-скитянин. Сказали они друг другу молитву; по совершении молитвы ангел говорит: «Что такое сверглось, авва?» Говорит брат: «Не знаю!» Ангел говорит: «Послушай меня, авва: ни привидение это, ни душа праведная, но это человек, именем Кунав, монах Сервия; он низвергся за то, что утаевал свои помыслы от духовника, возмечтал подвизаться ради чудес, просил себе у Бога чудес, о спасении же своем нисколько не думал, за это забвен он оказался Богом и возобладали над ним бесы».

И сказал ангел: «Блажен, кто не таит никакого помысла от духовника, и горе тому, кто подвизается самочинно, по собственному произволу, без совета с духовником». Ангел сотворил молитву и сказал: «Иди, объяви гордостный помысел твой и гордостный подвиг твой духовнику, чтобы и тебе не прельститься, как и Кунаве, ибо подвиг твой не угоден Богу». Ангел вознесся на небо, а брат остался один в размышлении.

Утром пошел он к Сервию, возвестив ему все попорядку.

Когда Сервий услыхал такое дело, то вздохнул и сказал: «Позвони, чтобы сошлась вся братия».

Позвонили в погребальный колокол, братия подумала, что кто-нибудь умер; собрались иноки, Сервий возвестил о погибели Кунава. Вся братия содрогнулась, услыхав о сем.

И сказал Сервий: «Поняли ли вы, чада мои, какою погибелью погиб Кунав?! Смотрите же, чтобы и из вас кого-либо не похитил лев тщеславия!»

ГЛАВА XIV

Кончина Сервия и архиерея. Прощальное поучение и завещание Сервия

Так пекся благословенный Сервий о братии своей, яко пастырь добрый, и воцарилось среди них полное единодушие, общее друг друга честию больша себя творение, непрестанный спрос на всякое дело, какое кто хотел начать; без спроса ничего не делалось. Сервий, видя такое хорошее настроение братии, прославлял Бога и молил Его, да сохранит их такими до конца, дабы не находил себе в них место мысленный волк и не вырвал бы из сего стада еще какой овцы, подобно Кунаву.

Перед смертию Сервий позвал Иоанна и стал совещаться с ним что делать, так как ослаб он от трудов своих и просил, чтобы Иоанн принял на себя правление скитом и управлял обителию с подобающим тщанием, чтобы не унесла волна самоволия кого-либо из братии (т. е. не снесла бы с корабля в море). Иоанн отвечал: «Послушай, отче, ведомо да будет тебе, что я не годен для этого дела, поищи другого». Говорит Сервий: «Не знаю я другого. Пошлем же, если ты отказываешься, к архиерею, пусть он промыслит о сем, как просветит его Бог».

Иоанн написал письмо, и послали его к архиерею. Сервий сказал Иоанну: «Пусть поторопится вернуться, чтобы успел бы ответ».

Архиерей, получив донесение, написал тотчас ответное письмо Иоанну и просил его принять управление скитом. Когда Иоанн получил письмо и увидал, что все бремя возлагается на него, задумал бежать, но, как только принял сей помысл, сделался тотчас прокаженным и пал на подстилку свою, как мертвый. Сервий, узнав о сем, весьма опечалился, пошел к нему и нашел его лежащим. Вопрошает Сервий: «Что сделалось

с тобою, господин Иоанн? Не многое ли нерадение пристало к тебе, что ты лег?» Иоанн говорит: «Нет во мне телесного нерадения, только постигла меня болезнь преслушания, и эта болезнь сделалась проказою тела и души моей». Говорит Сервий: «Какое преслушание ты сделал?» Говорит Иоанн: «Архиерей назначил меня править скитом во внутреннем его управлении, над внешним назначил заведывать Павла; я же, устрашившись бремени, решился бежать, но тотчас появилась у меня во всем теле судорога и соделалось оно сплошною язвою». Сервий говорит: «Не язва это, но проказа». Говорит Иоанн: «Прошу тебя, отец мой, сделай мне милость». Говорит Сервий: «Какую милость тебе сделать? Ты не слушаешься ни меня, ни архиерея?» Говорит Иоанн: «Сделай мне милость, чтобы я поправился; что мне будете говорить, сделаю с благодарностию». Говорит Сервий: «Если освободишься, то примешь ли внутреннее управление скитом?» Говорит Иоанн: «Сделайте мне милость и, если не приму я, то пусть болезнь сия будет мне вдвойне».

Сервий, услыхав, что Иоанн принимает назначение с благодарностию, стал на колени, поднял руки к небу и сказал: «Господи, Господи Боже мой, вожделе Тебе душа моя! Господи, помози мне! Ей, Господи, Владыко, Любоблаже, да не яростию Твоею обличиши раба Твоего, ниже гневом Твоим накажеши его, но даждь славу имени Твоему Святому, изглади преступление сие брата сего, дабы славил он Всесвятое Имя Твое! Ей, человеколюбче Господи, молюся Ти, не отрини моления моего; Духа Твоего Святаго не отыми от мене, и исцели раба Твоего, монаха Иоанна».

Вслед за тем, после молитвы сказал Сервий Иоанну: «Смотри, чадо мое! Вот Бог делает милость с тобой! Смотри, чтобы пока я жив, ты не сказал бы никому о сем ничего». Потом перекрестил он тело Иоанна крестообразно и сказал: «Востань во Имя Господа нашего Иисуса Христа». И востал Иоанн. Потом он дунул Иоанну в лицо и сказал: «Изыди из раба Божия». Тотчас сошла проказа с Иоанна; через три дня он совершенно поправился, стал ходить, как все прочие братия. Тогда Сервий созвал всех братий и сказал им: «Чада моя! Вы видите, что я состарился, изнемог и не в силах больше пасти вас; итак, выберем другого, который бы годен был быть вашим пастырем; слушайтесь его, как меня самого. Да не скажет кто когда, что меня постригал другой, а этого я слушать не стану. Кто так думает, пусть выступит сейчас». Было же среди братии семь безчинников, которые дерзнули и сказали: «Другого лица мы не признаем; если поставишь другого, то мы оставляем все, что имеем, все, что приняли

на себя при тебе» (т. е. считаем себя свободными от всякого обязательства подчиняться ему). Но, только успели они эти слова вымолвить, вдруг остановились. Говорит Сервий: «Это ли только имели вы сказать, не имеете ли еще сказать чего?» Но они с того часа сделались немы и ничего ни говорить, ни слышать не могли; посему гневными знаками требовали от Сервия, чтобы он исцелил их; не сознавали несчастные дерзости своей, даже делали Сервия виновным в их наказании. Говорит Сервий: «Ваше исцеление, да будете немыми и глухими, одежда ваша да будет проказа. Когда же услышите погребальный звон обо мне, тогда освободитесь от проказы и глухоты, но беседования не будете иметь до последнего вашего часа смертного». Потом Сервий сказал Иоанну: «Возьми их отсюда, помести в таком-то месте и пусть никто не соприкасается с ними». Иоанн повел их, как было сказано, и опять вернулся к слушанию поучения Сервия.

Говорит благословенный Сервий остальной братии: «Видите, братия мои, до чего дерзость доводит человека? Смотрите же, не дайте себя в дух непокорства, но да имеете любовь к тому лицу, которое поставил архиерей. Кого же архиерей поставил? Слушайте».

Затем Сервий приказал Андрею принести письмо и прочитать его пред всеми; в письме было сказано: «Предоставляется отныне заведывание внутренним управлением Иоанну, распоряжение же внешними – Павлу. Да будет тот, кто не покорится слову моему, наказан проказою Гиезия. Кто же будет послушен словам моим, буди благословен отныне и до века». Говорит Сервий: «Принимаете ли вы то, что написано в письме?» Тогда все в один голос сказали: «Принимаем».

Завещание Сервия

Послушайте, чада мои, прошу и молю вас, имейте мир между собой.

Не имейте пристрастия к новым рясам, ибо, кто станет украшать себя новою рясой, украсит себя и вожделением блудного сладострастия.

Остерегайтесь сладких яств; если будете услаждать себя и гортань свою прихотливыми яствами и наполнять чрево свое до пресыщения, то это есть знамение обручения мукам.

Не ропщите никогда на послушание. Вы сделались послушниками ради любви к Господу нашему Иисусу Христу, по собственному изволению; чего же ропщете? Кто находится в общежительном послушании, становится или земным ангелом, или земным четвероногим. Ибо, кто возделывает послушание

безропотно, на какое бы служение общежития его ни поставили, тот есть земной ангел. Непорочен делается тот, который во время работы общей всегда держит внутреннюю молитву.

Четвероногий же есть тот общежитчик, который безпрестанно чем-либо возмущен, безпрестанно гневлив, клеветник, ропотник и единодушен всегда во зле, т. е. всегда сочувствует злу. Спрашиваю же я вас прочее: платится ли сколько-нибудь монастырскому животному за суточный труд, который оно работает для монастыря? Нисколько не платится животному, оно только выгадывает себе одну пищу и подковки для ног. Таков монах, который с ропотом проходит свое послушание. Платят ли монаху за возделывание монашеского общежительного послушания? Задаром ли работает он? Не туне он работает, оплачивается, но духовно, а не чувственно. Кто же ищет оплачивания чувственного, расточается духовно.

Грешен монах, который, находясь в общежительном послушании, не несет его безропотно, на общем послушании, т. е. совместной работе, не заграждает уст своих молитвою, но празднословит и осуждает все, что только придет ему на мысль, например: «Почему такой-то не пришел на всеобщее послушание?» Так несчастный все осуждает, воображая, что это осуждение, которым осуждает, есть добродетель, не ведая того, что оно – главизна греха, составляет оглавление, т. е. первую главу греховной книги или введение к книге грехов. Ради осуждения человек оставляет очистительное молчание, которым очищается сердце, принимается за нечистое многословие, которое препятствует молитве присвоиться человеку. Кто многословит, тот вместе с тем и псилафизуется, т. е. впадает в мудрования плотские и самомнение, говоря: «Разве я один ем, а другой не ест? Один я разве одеваюсь, а другой не одевается? Отчего же я пришел на общее послушание, а тот не пришел? Почему мне приказали, а ему не приказали? Разве я один хожу в трапезу, а он не ходит? Почему же мне не дали рясы, когда я просил, а ему дали? Почему мне говорят: носи старую рясу, а ему того не говорят и он носит новую?»

Такой инок подобен четвероногому животному, ибо спасительное послушание он измеряет мерою чувственных благ. Когда он идет на дело, то и там не успокаивается, устраивает одни соблазны для прочих братий, и говорит им: «Что вы думаете о сегодняшней трапезе? Было ли в ней что хорошее? Иди и пропади он совсем, вместе с трапезою своею, т. е. игумен, или эконом. Мы работали, как скоты, а он не может нас даже трапезой утешить?» Когда же окончит эту болтовню, начинает сейчас уже новое многословие, осуждая одного,

обвиняя другого, порицая третьего и восхваляя самого себя.

Путь спасения есть сей: терпение любви, целомудрие, кротость, смирение, молчание, пост, молитва, приводящая ко смирению, и смирение, приводящее к покорности. Кто будет исполнять это, тот будет обладать спасением своим. Если будет так держать эти добродетели, как-будто не имел их, то будет иметь спасение свое, т. е. если соблюдет все эти добродетели, но будет о себе полагать, что не соблюдал ни одной, то получит спасение свое. Если же будет соблюдать, якобы имеющий, тот погибнет, подобно Кунаву.

Не повергайте святая псам и не пометайте бисера перед свиниями – святая и бисер суть добродетели, псы же и свиньи злые помыслы тщеславия гордости. Если будете держать сии добродетели, благо вам будет. Если же заповеди мои презрите, то меч нашествия вас поест. Если будете ради спасения вашего возделывать то, что слышали, то будете иметь благословение архиерея и молитву мою. Встаньте же и преклоните колена, чтобы услышать мою последнюю молитву.

Все стали на колена и преклонили главы свои пред Сервием. Сервий отверз свои уста.

«Владыко, Господи Вседержителю, се в руки Твои предаю я чад моих! Соблюди их, Человеколюбче, Блаже! Ей, Господи, Отец Небесный, и Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный и Святый Душе. Боже отец наших, и хвально и прославленно Имя Твое во веки. Аминь. Буди, Господи, милость Твоя на живущих в ските сем, сохрани их под кровом Твоим, покрый от всякого лукавого похотения, отжени от них всякого врага и супостата, отверзи им уши и очи сердечные, даруй умиление и смирение сердцам их».

«Всепетая Владычице Богородице, Приснодева Мария и всесострадательная Божия Матерь, Богородительнице Чистая, просвети нас! Рождшая Свет неприступный, помилуй рабов Твоих сих и ко спасению детоводи их!»

Сказав это, Сервий сейчас же, как смиренномудрый, положил земной поклон всем бывшим там, после поклона облобызал братию, всех до единого, они же сделали Сервию последнее целование. Когда прощался он со всеми отцами, пришло письмо от архиерея, которое гласило: «Готовься, любимиче мой, да отправимся в путь, ибо дорога нам дальняя, путь тесный и прискорбный. Поторопись же прочее прийти, да отправимся и свершим это конечное путешествие».

Сие написал архиерей, тонко давая понять о смерти своей, с тем, чтобы не было шума, Андрей только один понял. Андрей отвел Сервия в сторону, тайно начал его просить, чтобы и ему пойти к архиерею. Сервий смиловался о нем ради

многих просьб его и сказал: «Готовься, сейчас пойдем».

Говорит Сервий Иоанну: «Напиши письмо архиерею и скажи в нем, что сейчас мы идем с Андреем вместе». Сотворил же Иоанн так, как ему сказал Сервий, и, когда окончил Иоанн письмо, сказал ему Сервий: «Пусть приготовится иерей литургисать, чтобы нам вместе с Андреем приобщиться и отправиться, так как архиерей нас дожидает». Иоанн не понял, в какой путь собирается Сервий. Иерей совершил литургию, приобщились Сервий с Андреем; после Евхаристии Сервий говорит Андрею: «Пойди, чадо мое, почий немного на ложе твоем». Потом говорит Иоанну: «Пойду и я, немного отдохну; ты же готовь все нужное и без всякой суматохи проводи нас. Смотри, чтобы тебе управлять хорошо, как доброму кормчему; непрестанно правь, т. е. не снимай руки с руля, как добрый кормчий». Сказав это, Сервий поклонился, вошел в келлию и почил о Господе.

Вскоре пришло письмо, гласившее, что архиерей тоже почил о Господе.

Иоанн постучался в дверь к Сервию, чтобы сообщить ему о смерти архиерея, но в ответ не слышно было ни голоса, ни звука. Постояв немного, он снова постучался, но опять ответа никакого не было. Сотворив молитву, он взошел внутрь, смотрит и видит, что благословенный Сервий лежит на одре, а на подушке бумажка, где написано: «Возьми тела наши и погреби с подобающим миром». Иоанн, прочитав бумажку и увидав, что Сервий почил о Господе, пошел к Андрею и нашел его тоже почившим. Тогда, взяв било, он ударил на погребение и, как только раздался звук била, тотчас отверзся слух у наказанных и избавились они от проказы, но разговаривать не могли до последнего своего часа смертного.

ГЛАВА XV

Преемники Сервия и начало упадка скита

Так отдал благословенный Сервий общий долг вместе с Андреем. Иоанн остался наследником и преемником во внутреннем строении. Павел же над внешним управлением. Когда Иоанн умер, Павел стал управлять внутренним строением, а над внешним управлением поставил некоего именем Симеон. По смерти Павла остался Симеон над внутренним, а над внешними делами – Илларион; после смерти Симеона остался строителем Илларион, а над внешними

делами – Паисий. По смерти Паисия сделался строителем один злонравный, начал делать послабления, отступил от заветов Сервия и впал в беззакония.

Погибель же его была сия: малодушие, суетное попечение, любостяжание, сокровиществование, сребролюбие. Несчастный оставил спасительный путь общежительной жизни и стал возделывать сребролюбие, т. е. отступил от заповеди неимения денег и, быв игуменом, стал копить их. Отбросил смирение, которое было в скиту, и развил дерзость. Отъял кротость и восстановил гневливость. Все, что только было доброго в скиту, он погубил, а на месте сего развил противоположное злое.

Глава XVI

Картина последовательного развращения скита Сервия

По смерти того недостойного игумена стал игуменом другой, начавший делать еще большие отступления от монашеской жизни; скитяне до такой степени уклонились в погибель, что, наконец, сделались самоглавными, т. е. без игумена, сами собой начали управляться. Ибо после смерти этого второго игумена не поставили больше никого игуменом, остались самочинными; если один тащил в гору, другой тащил – под гору. Один выразился так: «Устав Сервия есть душеспасительный, поэтому мы признаем только то, что есть в этом уставе, и больше ничего». Согласились все на том, чтобы покоряться уставу Сервия. Однако единодушие это в них было не божественное, а сатанинское; они лишь тогда прибегали к уставу Сервия, когда хотели кому сотворить зло и найти придирку, что он преступил устав скита. Но кто же именно преступал сей устав на самом деле? Никто, как только все должностные. Тайно преступали, а явно благоговели. Так как должностные были противниками устава Сервия, то и не желали ставить игумена. Причина была та, чтобы свободнее делать злые похотения свои; ради того говорили, что у нас игуменом – устав Сервия, ему мы и покоряемся. Да, покоряетесь, но только тогда, когда это вам на руку; когда устав был им не на руку, они и слышать об уставе не хотели, как ткачи, т. е. на основе устава ткали какие угодно узоры. Устав скитский говорил, чтобы никто не выходил наружу во время богослужения, но должностные духовники и прочие проэстосы выходили, да еще как выходили! Предпочитали стоять всю ночь вне богослужения, снаружи церкви, чтобы исполнять

злые дела свои, чем быть внутри и слушать последование. Младшие же боялись выходить наружу во время богослужения, чтобы должностные не покарали их по уставу скита.

Был у одного брата некий знакомый, упрашивавший брата прийти в селение. Брат, узнав, что просят его прийти в селение, решился не ходить, потому что устав запрещал, и послал письмо, что не придет. Был же некий другой брат, который намеревался идти в селение по окончании богослужения, т. е. утрени. Первый, услыхав, что сей идет в село, вывел его из церкви во время службы и спросил, когда пойдет он в село? Брат говорит: «Как только окончится служба, немедленно пойду». Тот говорит ему: «Если пойдешь, то скажи такому-то, что я не приду, хотя и просит он, ибо я не свободен». Должностные увидали, что они разговаривают снаружи, вне богослужения, сейчас же подозвали их и говорят им: «Как посмели вы, несчастные, разговаривать снаружи во время службы?» Брат говорит: «Простите мне, отцы, необходимость была нам; ради этого мы разговаривали». Говорят тщеславные: «Не могли вы разве потерпеть до отпуста церковного, и тогда разговаривать? Как осмелились вы преступить устав скита»? Брат говорит: «Тем ли преступили мы его, что вышли сказать нужное слово? Вы всю ночь собеседуете между собою о суетных и ложных, не применяя к себе устава, а теперь во мне нашли вину, чтобы применить к действию устав скита». Тщеславные, услыхав, что так разговаривает он с ними по правде Божией, сейчас же сотворили ему зло, изгнав его из скита. Так они и всегда делали, т. е. прибегали к уставу, чтобы творить злые свои пожелания.

Исполняя свое зло, они преисполнили (меру долготерпения Божия); тогда сбылась над ними клятва Сервия, и обитель подпала вражескому нашествию. Начали должностные скита попирать устав. Чин скита был разорен, как только стали приниматься молодые и были допущены женщины в скит. Один говорит: «Это сестра моя», другой – «Тетка моя», третий – «Крестная моя» и т. д.; вследствие таких отговорок скит никогда не освобождался от женщин; начали принимать и безбрадых. Пришел один юный, проэстос (первый скита) принял его в свои послушники, и тот служил ему. Юноша был столь красив, что превосходил красотою самую красивую девицу Крита; давал такой соблазн скиту, что все братия осквернились и начали говорить о необходимости его изгнания. Но проэстос о сем и слышать не хотел; когда он услыхал, что честь устава требует удалить юношу, то возмутился, весьма разгневался и сказал: «Какое мне дело до устава? Такого устава я не признаю!» В скиту образовалось две партии. Од-

на, презирая устав Сервия, столь уклонилась, что стала есть мясо, другая же так постилась, что воздерживалась и от масла. Погибель есть скат, по которому всякому легко сбежать в пропасть; посему стали и другие уклоняться в погибель (т. е. из числа добродетельных постников); осталось лишь немного избранных, державших устав Сервия, их в насмешку называли: «уставщики», а «уставщики» называли тех «скоромники» (ибо они разрешали себе есть мясо). Державших устав осталось весьма мало, как говорится: много званных, но мало избранных; те же, которые ели мясо, умножались в числе; осталось благословенных «уставщиков» всего семь келлий, а других («тщеславных» или «скоромников») было шестьдесят три келлии. Итак (из семидесяти) только семь продолжали держать устав.

Глава XVII

Истребление развратившихся скитян нашествием неприятеля

В одной из этих семи келлий был один послушник, именем Акакий; согласно имени своему он был незлобив. Но, будучи незлобивым, он был обманщиком старца своего, тайно нарушал его заветы: на глазах старца являл любовь к нему, а втайне сообщался с другими (т. е. «скоромниками»). Однако старец продолжал пещись о спасении сего послушника, не ведая его внутренней нечистоты. На глазах он постился, а втайне скоромничал и ел мясо; совместно с ядением мяса возделывал и другие злые дела вместе со скоромниками, скоромники же не остановились на одном нарушении устава Сервия, но начали и догматы соборов отрицать, говоря: «Почему так и почему так? Для чего пост? Бог человека благословил все есть, дабы тем человек славил Бога. А, когда человек постится, как он может славословить Бога?» Да, истину вы говорите, что Бог все сделал ради человека, но ты, человече, держишь ли заповеди, которые дал тебе Бог? Если бы человек нерушимо удержал заповедь Божию, то, несомненно, ел бы всегда блага земли, но так как преступил он заповедь Божию, то и низвесился над ним за это меч обоюдоострый (т. е. всегда угрожающая опасность погибнуть от всевозможных страстей, получивших доступ к душе нашей, почему и сделался для человека необходимым пост). Так, за нарушение заветов Сервия на сих скитян ниспал губительный

меч. Они говорили, что и женщину дал Бог, стали уклоняться к женщинам, допустили молодых, с ними творили злые свои похотения, оскверняя ангельскую схиму вместе с жизнию монашеской.

Бог, видя, что они так осквернились, не каются и впадают еще в горшее беззаконие, послал ангела сатанина со всем войском, искоренять те безплодные лозы из скита Сервия. И вот как эти лозы были искоренены.

В скиту был такой обычай: когда приходили поклонники, звонили в колокола, и все отцы собирались для встречи поклонников; прежде, когда держали устав Сервия, денег от поклонников не принимали, но только встречали их с ясными лицами и затем опять провожали со светлыми взорами и братской радостию. Когда же устав Сервия отвергли, стали принимать от поклонников злато и сребро, под предлогом якобы удовлетворить нужды скита. Да, нуждались они в деньгах на расходы, но на какие? Нуждались для злых прихотей своих. Чтобы возделывать этими деньгами злые свои похотения и расходовать их на досаждения (сутяжничество).

И вот собрались всезлейшие войска и во образе поклонников устремились к скиту, как дикие звери. Скитяне же, подумав, что это поклонники, позвонили в колокол и по обычаю собрались для встречи. Но собрались не все, а лишь скоромники, (т. е. нарушители устава); из соблюдавших устав и называвшихся «уставщиками» не пошел никто. Когда скоромники вышли встречать нашествие гнева Божия, как будто поклонников, то и попались под гнев, были пленены, схвачены и связаны узами. Разбойники разрушили церковный иконостас, собрали в кучу за порогом церковным все иконы, выбили двери и окна, порубили стойки[1], все зажгли в один костер; они нанесли еще много других окон и дверей и бросили туда же, разгорелся сильный огонь; когда же дрова перегорели, то кучу горящих углей разгребли к сторонам из середины, стали монахам, собравшимся для встречи, ломать члены и безжалостно бросать их между двух куч углей; брошенные в сильный жар монахи скончались в страшных муках.

Про сих замученных никто не весть, спасется ли кто из них (т. е. успел ли кто покаяться при последнем издыхании, было ли принято такое покаяние и будет ли ради сего и сих страшных мук помилован он на Страшном суде), или все погибнут? Весть то один лишь Бог и явит в час Суда.

Ради этого и говорю я вам: теперь же кайтесь[2], чтобы,

---

[1]Т. е. «формы» или «стасидии» (места для братии).

[2]Обращение к афонцам. Сие предсказание сбылось при нашествии албанцев, а в наши тревожные времена может сбыться и еще не раз.

когда найдет на вас нашествие, обрело бы вас в покаянии; если будете каяться от всего сердца, то Бог, увидав ваше пламенное покаяние, подобное покаянию ниневитян, отменит нашествие, обратит (врагов) вспять и избавит вас, как Ниневию; если же не покаетесь, то пленены будете нашествием, подобно скиту Сервия.

ГЛАВА XVIII

Поучение святого Нила монашествующим по поводу гибели скита Сервия

Итак, видите ли, преподобнейшие и досточтимейшие отцы? Какой претерпели конец те люди, возделывавшие злые свои похотения?

То же делается и ныне. Подвизаются иноки, но как подвизаются? Подвизаются из-за благ привременных. Привременные же блага называются тлением потому, что растлевают душу человека. И все земные сокровища суть блага оставляемые, потому что по (смерти) оне все здесь останутся.

Люди скита Сервия стремились возделывать остающиеся здесь земные блага, но покинули их, блага остались здесь, а иноки из-за них оказались в небесном отечестве без благодатной одежды благодати, явились наги от дарований монашеской жизни, пришли нищи пред Жениха Славы. И вопросил их Жених Славы: «Где одежда Славы, которую Я даровал вам, чтобы вы носили ее и пришли бы сюда в чертог Мой облеченными? Вы пришли сюда пред Меня наги и нищи. Я милосердовал о вас, но вы сами себя не жалели. Я вам помогал, но вы сами не вспомоществовали душе вашей. Теперь пришли вы пред Меня наги и нищи. Недостойны вы взойти в чертог славы Моей, ибо дела ваши преставляют вас в вечную тьму туда, где плач и скрежет зубов».

Видите ли, преподобнейшие отцы, каким был раньше сей скит Сервия и как потом ниспал?

Стяжание тленных сокровищ подобно собиранию масличных выжимок, (лишенных масла) и хранению их на земле. Когда эти собранные выжимки будут лежать на земле, то, пока они там будут лежать, может ли на земле той что-либо произрасти? Очевидно, где они собраны, невозможно будет произрасти и одной дикой травке. То же бывает и с тем, который порабощен собиранием веществ мира сего; не дадут

они плодоносить в нем спасению. Проклятое сокровищестование не только душу человека делает нищей в спасении, но и телу его не дает успокоиться, возбуждая в человеке множество житейских забот и попечений и заставляя волноваться день и ночь.

Хорошо воздержание, но хорошо лишь в тех, которые воздерживаются не ради того, чтобы сокровиществовать вещества мира, а для очищения и спасения души.

Глава XIX

Спасение от разгрома семи добродетельных келлий. Исповедь послушника

Те семь келлий, которые имели страх Божий и держали устав, нисколько не пострадали от нашествия, ни телесно ни душевно; когда разбойники ушли, они, не ведая того, что гнев Божий настиг скит, почувствовав некое стеснение духа, вышли вон (на воздух) из своих келлий; увидали, что скит сожжен и все келлии разорены. Спрашивают они друг у друга, что это такое? И удивляются. Отправились осматривать следы разорения и увидали изумительное дело: увидали церковь разоренную, людей, сожженных на углях. Изумились благословенные, увидав это, и, недоумевая, говорили друг другу: «Разве мы были в таком глубоком сне, что не заметили, как произошло это дело?» Другие говорят: «Поверьте, мы сегодня не спали, но, как это сделалось, мы понять не можем». Когда они так разговаривали, послышался из груды тел стон. Увидали человека, извлекли его и ужаснулись: руки и ноги у него были переломаны, глаза исторгнуты; уцелел он сам потому, что угли костра погасли. Отнесли его в одну из семи оставшихся келлий, а сами пошли хоронить мертвые тела. Идущим им повстречался один юноша, который сказал: «Куда идете?» Говорят братия: «Идем хоронить те святые тела». Говорит юноша: «Не святые они, но нечистые; берегитесь же и не кладите их в усыпальницу, чтобы не осквернить чистые тела, которые там почивают; порадейте о вынутом из огня сожителе вашем, который в келлии, он все вам скажет в подробности; через три дня я имею прийти взять его». Говорят братия: «Куда же отведешь ты его?» Говорит юноша: «Туда, куда повелено будет Богом». Тотчас юноша вознесся от них. Иноки сотворили, как повелел юноша, погребли те тела на другом месте; стали

ухаживать за уцелевшим, он немного ожил. Тогда старец спросил его: «Что постигло вас, чадо мое?» Говорит послушник: «Прости меня, отче, мое преслушание привело меня под это нашествие». Говорит ему старец: «Расскажи нам, как это произошло?» Говорит послушник: «Пришел ангел сатанин со всем войском своим, чтобы напасть на нас за те нападения, которые мы производили на жизнь монашескую, и вот нашло на главу нашу за наши нападения воздаяние четверицею. Если бы я слушался тебя, то не пострадал бы сего, если бы соблюдал устав так, как ты говорил мне; но я только на глазах хранил то, что ты мне говорил, втайне же исполнял внушение скоромников. Когда я услыхал звон, то пошел, не спросясь тебя; мы собрались в соборе, чтобы встретить войско ангела сатанина, (пришедшее) под видом поклонников; мы подошли к ним, чтобы приветствовать их, они же нас вдруг схватили и одного за другим перевязали. Мы сначала подумали, что это ради шутки; потом увидели, что одна часть войска стала поджигать каливы, другая – в церкви выбивать двери и окна, выносить иконостас церковный, сваливать иконы в кучу у порога церковного; наконец, принесли огонь и зажгли. Мы думали, что они золото ищут, но увидели, что они бросают иконы в огонь вместе с ризами. Все они при этом были безгласны, переговариваясь друг с другом знаками. Когда же окончилось пламя и остались уголья, то разгребли они угли, стали нас одного за другим хватать, ломать руки и ноги и потом бросать на раскаленные угли. Прошу тебя, старче мой, прости меня, что я не слушал тебя. Прошу и молю тебя, старче мой, приими меня, как раньше (послушником своим, т. е. не отрекись ныне от меня); поскорее сделай меня монахом, и да приобщуся я Пречистых Таин, ибо худо мне и обещался я сие сделать во время нападения. Прошу тебя, не возбрани мне дело сие!»

Услыхав это, старец принял его, как и было явлено ему, что через три дня послушника возьмет (ангел); старец сделал его монахом и приобщил Пречистых Тайн; через три дня во время вечерни, по окончании службы, отдал сей страдалец общий долг, и старец похоронил его в землю. Вернулась братия в келлии свои, и каждый соблюдал устав так, как хотел того сам устав (т. е. по духу, а не только по букве). Так они слушались устава, что был он для них как второе Евангелие; сначала слушались Евангелия, потом устава, как и ныне слушают поучения преподобного отца нашего Феодора Студита. Так держали они устав до самой смерти своей. Но никого не находилось больше, чтобы подражать их суровой жизни, ибо скит опустошился по снисходительности человеческой (т. е.

монахов скита к порокам, ибо трудно было влить новое вино в старые мехи). Пока жили те обитатели семи келлий, до тех пор соблюдали весь устав; после же смерти их скит остался пуст и обнажен от всех благодатных дарований.

ГЛАВА XX

Заключительное воззвание святого Нила

О, преподобнейшие отцы! Представляете ли вы себе, с каким трудом и болезнями достигал преподобный отец наш Сервий того, чтобы привлечь на скит благодать Всесвятаго Духа, однако скит не только остался пуст от всяких благодатных дарований, но и людьми совершенно запустел.

Востань, преподобный Сервий, чтобы посмотреть на скит твой, таков ли он, каким ты установил его, или напрасными сделались труды твои? Не только не тщетны оказались труды твои, но плодопринесли они в тех, которые боялись Бога и соблюдали устав, который ты установил им. Те и плодоносили во всяком роде, плодонося из рода в род. Отчего же ныне род столь уклонился к погибели и отпал от плода спасения?

Востань, преподобне Сервие, посмотреть, какой стала келлия твоя тростниковая; ныне здесь вместо этой келлии – такой дворец, что даже и в Риме нет; вместо соломенной крыши устроена крыша дорогая, под которой кутаются в мягкие одеяла, покрываются дорогими тканями, чтобы не простудиться и не погубить свое тленное тело.

Но, чем более хранят себя, чтобы не повредить, тем более повреждаются.

ЧАСТЬ V

ОПИСАНИЕ ЯВЛЕНИЙ СВЯТОГО НИЛА ФЕОФАНУ

ГЛАВА I

Первое явление святого Нила Феофану в 1813 году. Искушение Феофана. Впадение в беснование. Нападение бесов. Святой не дает бесам убить Феофана и затем, в сонном видении, исцеляет Феофана от побоев, грыжи и беснования. Новое искушение. Предварительное явление святого. Нападение бесов на каливу Феофана

«Не только в древности чудесно являлись по смерти святые угодники и творили чудеса, но и поднесь являются и чудотворят, источая свои благодеяния не только на усердных подвижников, но, что особо знаменательно, творят свои чудеса и над таковыми, которые спят глубоким сном греховным. Сие делают святые для того, чтобы возбудить их от греховного сна, исхитить из рук уловившего их в свои сети врага миродержца и избавить от порабощения диавольского.

Это именно и сотворил преподобный отец наш Нил Мироточивый Афонский с одним монахом Феофаном, которого освободил от пленения бесовского, вывел на спасительную стезю покаяния и руководствовал потом на пути спасения, наставляя и поучая многими поучениями и притчами. Все это и составляет предмет настоящей рукописи».

Такими словами начинает Феофан свое повествование.

Монах Феофан прибыл их Каппадокии во Св. Гору и был принят в послушание одним старцем Кавсокаливского скита; потом восприял постриг. Прожив у старца несколько лет, он соблазнился своим старцем, разочаровался в нем и ушел в общежительный монастырь Руссик. Здесь встретило его новое искушение на метохе, куда его однажды послали, и где он пал тяжким падением, как видно ниже из обличения святого и из признания самого Феофана. Пооледствием этого падения было беснование, которым Бог покарал Феофана; мучимый сим недугом, Феофан не в силах был долее жить в обители и вернулся на родину. Там, в Назианзе, один благоговейный иерей несколько облегчил недуг Феофана и отогнал, было, беса, но посем Феофан, как видно из обличения святого, впал в новые искушения и тягчайшие грехи; видя пред собою конечную душевную гибель, он сделал последнее усилие и, вырвавшись из мира, решил искать убежища во Святой Горе, чтобы здесь всю прочую жизнь свою посвятить покаянию.

Однако на Афоне Феофан встретил почти непреодолимые препятствия осуществить свое благое намерение, ибо ввиду дурной славы Феофана никто не хотел принимать его. Это вынудило Феофана отказаться от своего благого намерения и возвратиться в мир; Феофан со скорбью стал собираться к отъезду и начал запасать себе продовольствие в путь. С этой целью пришел он однажды на ясную полянку, невдалеке от Кавсокаливского скита, изобиловавшую травой укропом. Феофан думал нарвать укропу, чтобы выменять его на хлеб для дороги. Но труды Феофана были напрасны, ибо перед тем стояли холодные дни и трава померзла.

На полянке той стояла заброшенная ветхая хижина, около которой Феофан увидал незнакомого старика-монаха, который как бы искал тоже укроп. Они поздоровались; Феофан заинтересовался ветхой хижиной и направился к ней, чтобы осмотреть ее. Святой последовал за Феофаном и, видя, что он с любопытством рассматривает хижину, сказал: «Зачем ты ее осматриваешь? Разве поселиться в ней хочешь?»

Феофан: «Где мне здесь выжить. Я и в великих палатах[1] не ужился. Да и жили ли когда здесь люди?»

Святой: «Если бы не жили, то и не строили. Скажу тебе лишь одно: если тебе угодно, то поселяйся в ней, а я обещаю промышлять для тебя о всем необходимом». Сказав эти слова, старец вышел из келлии и исчез; Феофан, тотчас вышедший вслед за ним, тщетно искал его повсюду, пока не убедился, что ему было чудесное явление неизвестного по имени угодника

---

[1]Очевидно, намек на Кавсокаливские корпуса и Руссик, где раньше жил Феофан.

Божия. Чувством необычайного мира и радости наполнилось сердце Феофана; у него явилась твердая решимость поселиться в этой пустынной хижине, в надежде на неложность обещания святого пещись о всем необходимом.

Немедленно же Феофан приступил к исправлению хижины и водворился в ней. Условия жизни показались сначала ему такими трудными, что он наконец пришел в уныние и стал сомневаться в возможности продолжать жизнь в пустыне, ибо к хижине вела глухая тропинка; от Кавсокаливского скита надо было подниматься к хижине вверх по труднейшему подъему, все материалы для постройки приходилось носить на себе; с такими же затруднениями было соединено хождение за водой в скит. Если примем во внимание, что Феофан страдал сильнейшей грыжей, тогда понятно будет изнеможение Феофана.

Больше всего затрудняла Феофана трудность подъема от скита; каково же было его удивление, когда однажды утром, будучи в самом удрученном настроении и отправляясь за водой, он увидел, что какие-то неизвестные ему монахи разделывают тропу и исправляют самое трудное место подъема. Таким образом, устранилось то, что больше всего затрудняло Феофана. Эта неожиданная помощь уверила Феофана в том, что обещавшийся пещись о нем угодник действительно печется о нем, и он бросил мысль об уходе.

Семь месяцев мирно прожил Феофан в пустынной своей каливе, занимаясь вязанием шерстяных шапок, пока, наконец, завистнику-диаволу не удалось смутить его покой, прельстив мыслию, что шапки вязать дело малодоходное, а лучше заняться вырезыванием узорных ложек. Феофан увлекся этой мыслью и, оставив рукоделье, начал посещать келлию Спанон, где некоторые занимались сим мастерством, начал учиться ему. Несмотря на ревность и старания Феофана, труды его были неуспешны, искусство не давалось ему; он раздражался и скорбел. Однажды один из братий, желая подшутить над Феофаном, хлопнул его по спине в то время, как он сидел за верстаком. Феофан, который и без того был раздражен неудачей, весьма разгневался от неуместной шутки, вышел из себя и начал поносить брата ругательными словами. За этот неистовый гнев Феофан был немедленно наказан: к нему возвратилось беснование, и он упал, корчась в страшном припадке. Когда у Феофана пробудилось сознание, он пришел в себя и возвратился домой, где припадок повторился; после сего бес каждый день терзал Феофана, причиняя ему сильнейшие мучения, и Феофан один страдал в своей каливе.

В один вечер припадок был особенно сильный; когда же около девятого часа ночи Феофан пришел в себя и несколько

успокоился, то бесы внезапно с особою силой напали на него. Вокруг каливы его вся местность озарилась необыкновенным светом; калива наполнилась вооруженными людьми с копьями и саблями в руках, которые, сверкая глазами, яростно взирали на Феофана и, наконец, схватив его, потащили из каливы. Начальствовавший над бесами свирепо крикнул: «Бейте его!» Бесы, ухватив Феофана за ноги, кружили его по воздуху и, размахивая телом, ударяли Феофана о землю и о камни. Феофан, когда начали бить его, потерял всякую надежду спастись и сказал: аминь, т. е. конец. Бесы, ударяя Феофана, приговаривали: «Раньше обещал нам одно, а теперь творишь другое?» Наконец, начальствовавший бес воскликнул: «Тащи его сюда!» Феофана тогда потащили к пропасти, но вдруг бесы бросили его на землю и побежали от него, одни вверх в гору, а другие вниз; на тропинке показался святой Нил, во образе старца Игнатия; Феофан, увидав его, весьма обрадовался и, думая, что он возвращается с рыболовства в скит, решил идти с ним; собравшись с силами, встал и пошел запереть каливу, но бесы, не желая оставить в живых свою жертву, сбросили на Феофана большой камень, который смертельно поразил Феофана в бок. Феофан при обыкновенных условиях должен бы был пасть мертвым, но благодать святого сохранила ему жизнь, и он имел силы встать. Не имея сил позвать Игнатия на помощь, Феофан из последних усилий пошел вслед за ним по тропинке к скиту, пытаясь догнать его, келью же свою он оставил открытой. Игнатий продолжал тихонько идти по дороге, не оборачиваясь; Феофан, несмотря на все усилия, никак не мог догнать его. Так, наконец, дошли они до Кавсокаливского скита и поравнялись с келлией благорасположенного к Феофану духовника Тимофея. Здесь мнимый Игнатий исчез. Феофан, узнав знакомую келлию, постучался; когда его впустили, вошел он в келлию, повалился на пол без сил и, хотя оставался в памяти, однако не мог двинуться ни одним членом, ни промолвить слова и объяснить братии, что с ним случилось. Он сильно страдал от нанесенных бесами побоев, заснуть же не мог. Братия оставила Феофана и продолжала совершать утреню, не надеясь, что Феофан выживет. К концу утрени, перед рассветом, Феофан уснул; тут ему опять явился святой Нил во образе старца Игнатия и исцелил его.

Феофану представилось, что он в своей каливе и беседует с Игнатием. Указав рукой на огород, который разделал Феофан, Игнатий сказал: «Хорошо ты сделал, что расчистил это место».

Феофан: «Хорошо-то хорошо, да хорошо может ли быть в пустыне?»

Святой: «Твое ли жилище пустыннее моего?»

Феофан удивился этим словам мнимого Игнатия, ибо его каллия была богатая, и возразил: «Кому другому можно бы пожаловаться на убожество, но не Игнатию, у которого столько бизуль» (т. е. огородных и садовых террас на склоне горы).

Святой: «Отчасти ты прав, но не все знаешь (т. е. не знаешь пока, что я св. Нил и что жизнь моя в пещере была гораздо суровее твоей)». Затем святой сказал: «Терпи и живи».

Феофан: «Рад бы здесь и жить и все переносить, но очень это трудно с такой болезнию, как моя».

Святой поднял руку, перекрестил Феофана и сказал: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, да не мучит тебя отныне бес». Феофан, не зная, что это говорит святой Нил, усомнился в словах Игнатия и сказал: «Столько заклинательных молитв было надо мною читано, столько святынь, к которым я прибегал, не помогли мне, а теперь, неужели Игнатий одним своим благословением исцелит меня?» Феофан засмеялся, но вдруг почувствовал, что его грыжа ощутительно увеличивается, и испугался. Святой же сказал: «Это тебе, чтоб не смеялся. Однако сию болезнь терпи благодушно, ибо она способствует отвращению другой страсти (т. е. полового хотения). Всеми силами старайся стяжать терпение, так как тебе от людей предстоят многие искушения». Затем святой вышел из каливы; Феофан пошел за ним проводить его. Дойдя до конца разделанной под огород площадки, святой сказал: «Хорошо, так и будет с тебя, чего тебе еще надо?»

Феофан: «Отцы советовали мне возделать еще больше, да я не послушал их».

Святой: «Слыхал и я сие (т. е. такие любостяжательные советы), но всего дороже терпение». Сказав это, святой повернулся лицом к Феофану и промолвил: «Зайди как-нибудь ко мне, подмети мою келлию и зажги лампаду, сам я стар и слаб». (*Прим.:* терпение дороже всего; святой говорит о том, что для души подвижника претерпевание некоторых недостатков и скудости гораздо полезнее, нежели обилие всех земных благ).

Феофана удивило предложение святого прийти подмести ему келлию, ибо под начальством Игнатия находилось немалое братство, и он сказал: «Такое у тебя братство, а ты мне говоришь, чтобы я пришел подмести твою келлию? Да разве это возможно, и разве дадут мне это сделать?»

Святой: «Все они так осуетились попечениями о земных, что им нет больше дела до меня, существую я или нет». (Святой намекал на келлию Спанон.)

Феофан: «Как же мне им сказать, когда я приеду к тебе, что я пришел подмести келлию отца Игнатия? Разве не

прогонят они меня с бранью? Не прийду я к тебе».

Святой: «Не бойся, если они попробуют помешать тебе исполнить мое повеление, то я накажу их; я знаю, как с ними надо поступить. Терпение. Отныне Бог освобождает тебя от этого страдания. Не бойся, имей терпение».

Феофан: «Ужели и на самом деле освободит меня Бог ради одного только благословения монаха Игнатия? Напрасная надежда».

Святой: «Вот это именно неверие и губит тебя. Но, чтобы ты уверился: се, да исцелится грыжа твоя, и да возвратишься в здравое состояние. Если же ты и этим не уверишься, то сугубо пострадаешь. Не зови меня Игнатием, мое имя не Игнатий, а Нил, жилище мое над Каравостасом[1]». Сказав это, святой Нил пошел от Феофана и, выйдя на тропинку, повернул в сторону, противоположную скиту. Феофан же возвратился в каливу; в это мгновение он пробудился, и, о чудо, встал совершенно здрав; от только что нанесенных побоев не осталось и следа, грыжа пришла в здравое состояние, беснование прекратилось. Братия, оставившая незадолго перед сим Феофана в безнадежном состоянии, и, видя его вдруг исцелившимся, удивилась свершившемуся чуду, прославив Всесвятаго Бога и угодника Его Нила. Чувства мира и необычайной радости исполнили душу Феофана; благодарный святому, он поспешил добыть свечей и масла и пошел в пещеру святого. Там он расчистил спуск в пещеру, устроил лампадку, возжег свечи и стал приходить каждый воскресный день возжигать масло и свечи. Прежние обитатели келлии Спанон весьма почитали пещеру святого, которая находится в пределах их владения, постоянно возжигали они здесь масло и свечи, приходили также служить литургию; последние же обитатели осуетились разными предприятиями и перестали посещать пещеру, так что тропу завалило камнями, а паломничество в пещеру прекратилось. Ныне же чудеса, происшедшие с Феофаном, вновь привлекли многих поклонников. Требующие молитвенной помощи искали ее у святого Нила, служили литургию, возжигали свечи и масло.

Через 20 дней после своего исцеления, на день свт. Николая, Феофан пришел в скит, сначала к духовнику Тимофею, а потом вместе с ним пошел на бдение в келлию старца Филарета, где был храмовой праздник. На празднике его попотчевали весьма радушно и отпустили Феофана восвояси, нагрузив его торбу всякими оставшимися от праздника припасами.

---

[1]Пещера с храмом преподобного находится над заливом, именуемом «Каравостас» (см. о сем подробнее в последней главе: «Житие св. Нила»).

На следующий день по возвращении домой Феофан, покушав досыта и выпив вина, почувствовал вдруг сильнейшее разжжение плоти и, чтобы успокоить кровь, вышел в лес поискать укропу. Возвращаясь домой, увидал он у дверей своей келлии святого Нила во образе старца Игнатия, но не догадался, что это святой. После взаимного приветствия святой спросил: «Где ты был, чадо угорелое?»

Феофан: «Ходил пособрать укропу. Собираюсь позвать братий-мастеров помочь сложить каменную стенку вокруг огорода, а то дикие козлы приходят по ночам и поедают мой лук».

Святой: «И я вижу это, однако терпение – и Бог поможет».

Феофан открыл дверь в келлию и они вошли. Святой сотворил крестное знамение и поклон перед иконою Пресвятой Богородицы, сел на скамью, указал Феофану рукою на эту икону и сказал: «Прибегай к этой иконе, и она защитит тебя».

Обведя взором келлию и увидав в ней верстак для делания ложек, святой спросил: «Это что такое?»

Феофан: «Верстак для ложек».

Святой: «Разве ложки делаешь?»

Феофан: «А ты разве только сегодня услыхал о том, что я делаю ложки?»

Святой: «Брось это дело и твори рукоделие отцов. Желание, явившееся в тебе, изучить это мастерство, внушено тебе диаволом с той целью, чтобы увлечь тебя сим делом и не дать тебе прийти в мирное устроение».

Феофан: «Что же прикажешь мне делать, старче Игнатие? Не видишь разве, что калива мала, а двух станков для расчески шерсти и для свивания ниток в ней не поместить».

Святой: «Твори рукоделие отцев, и хватит тебе на прожитие».

После этого святой спросил: «Что кушаешь ты, чадо угорелое?»

Феофан: «А что мне кушать?»

Святой: «Всеми силами воздерживайся от вина, рыбы и прочей живности. Сходи к подобию образа моего (т. е. к старцу Игнатию, ибо в его образе явился святой), и прикажи ему от меня помочь тебе окончить поскорее стенку твоего огорода, ибо спустя несколько дней, в седьмом часу ночи (т.е. по-нашему, зимой в два часа), тебя должно постигнуть великое искушение, но ты яви терпение. Востанут на тебя семь смертных грехов, в которых ты раньше согрешал (т. е. те нечистые духи, которые некогда ввели Феофана в смертные грехи), кровь твоя потечет рекой из твоего носа. Эти смертные грехи и впредь во всю жизнь твою не отступят от тебя и будут бороть тебя, так как ты некогда поддался им; поэтому, от совета духовника да не отступиши (т. е. не предпринимай

ничего, не посоветовавшись предварительно с духовником, и не верь помыслам твоим, ибо ты, по причине прежней греховности твоей, подвержен мысленному влиянию страстей, мысль твоя превратна и легко доступна лукавым помыслам)».

При этих словах Феофан начал догадываться, с кем он говорит, ибо вспомнил, что недавно являлся ему святой во образе того же Игнатия, и сказал: «Ты не святой ли Нил?» Святой отвечал: «Ты говоришь». И – исчез.

Феофан послушался святого и поспешил окончить стенку; ему помог Игнатий; через пять дней стена была окончена. В эту самую ночь, проснувшись в полночь, Феофан встал и начал по обыкновению совершать утреню на четках, как вдруг услыхал за дверью мяуканье кота. Подумав, что это кот скитский просится впустить его, Феофан пошел было открыть дверь, но тогда за дверью раздался голос осла, потом собаки, коня, верблюда, затем пустыня огласилась диким ревом всех зверей вместе; Феофан в ужасе бросился к постели и от страха спрятался под одеяло, закутавшись в него с головой. Рев зверей сменился шумом и топотом множества людей, которые окружили каливу и по-турецки восклицали: «Чего стоите?» – «Где он?» – «Внутри?» Среди восклицаний вдруг раздался начальственный голос: «Что же вы стоите и не тащите его оттуда?» Вслед за этими словами разлетелось вдребезги окно каливы, бес же, разбивший окно и сунувшийся было в него, отскочил назад, воскликнув: «Как мне войти туда, там царский телохранитель?» Но начальствовавший свирепо и громко возразил: «Хотя бы там был и царский телохранитель, как посмеет он помешать мне? Столько времени жил я с ним, пусть же теперь расплатится за все, в чем задолжал мне». И опять воскликнул он повелительно: «Разрушайте каливу и тащите его оттуда!» Тогда бесы обрушились на один из углов каливы и начали разрушать ее, причем с грохотом летели камни и плиты с крыши, раскидываемые бесами. Вся калива дрожала: Феофан в ужасе ожидал, что сейчас обвалится потолок и его задавит. От страха и ужаса помутилось у него в голове, кровь устремилась в голову и вдруг потекла из носу обильным потоком. Тогда вспомнил Феофан, что сказал ему святой про икону Божией Матери и воскликнул: «Пресвятая моя! Пресвятая моя! Святче Божий, помози мне!» В ответ на это тотчас раздался голос святого: «Не бойся, я здесь, несмысленный; чего испугался? Не страшился раньше того, когда слушался их, и не боялся их тогда, а теперь что в них страшного? Се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет». Раздавшийся голос святого обратил бесов в бегство, все они мгновенно исчезли; наступила полная тишина, и Фе-

офан мирно уснул до утра. На рассвете он пошел в скит и рассказал братии все приключившееся с ним. Многие ходили поглядеть на произведенное бесами разрушение; видели также на полу каливы следы обильно истекшей из носу Феофана крови и убедились в истинности слов его.

Несколько дней спустя Феофан чуть не был раздавлен обрушившейся скалой, и святой опять чудесно спас его. Он добывал камни у подножия ее, как вдруг услыхал голос: «Уходи поскорей отсюда». Феофан вышел посмотреть, кто зовет его, но, не увидев никого, хотел было вернуться к своему делу; вдруг скала с грохотом обрушилась, завалив камнями то самое место, под которым только что работал Феофан, и где он должен был неминуемо погибнуть, если бы не позвал его святой.

Вскоре после этого святой опять чудесно явился Феофану, показав ему, где взять известки, чтобы исправить разрушения, произведенные бесами.

Когда Феофан впервые поселился в своей каливе, то для исправления ее взял известки самовольно в одной близлежащей печи, хотя потом сказал о сем владельцу, имея намерение расплатиться с ним, но владелец весьма разгневался на поступок Феофана, не хотел даже принимать платы, требуя, чтобы Феофан возвратил ему взятую известку. Снова потребовалась Феофану известь, и, так как никто не давал ее Феофану, несмотря на просьбу его, то он решил, будь что будет, взять опять там же, где взял и первый раз; с этой целью, вооружившись необходимыми орудиями и взяв мешок, Феофан отправился к печи. Это, на вид незначительное, дело могло иметь для Феофана роковые последствия, ибо владелец был и без того гневен на него за прежнее; теперь же он и вовсе не простил бы Феофану и стал бы судиться с ним, а это могло бы в конце концов привести к выселению Феофана из лесной заброшенной каливы, на которую он никаких формальных прав не имел. Нужда Феофана и угрожавшая ему опасность вызвали вновь чудесное содействие святого.

Выйдя из каливы и подойдя к большой дороге, Феофан встретил неизвестного ему старика-монаха, который шел в том же направлении. Феофан поздоровался с ним и из вежливости предложил ему следовать впереди, но неизвестный монах не согласился, предоставив сию честь Феофану. Это был святой Нил, которого не мог пока узнать Феофан. Дорогой они начали беседовать и святой спросил Феофана: «Для чего у тебя дикей (т. е. кирка о двух лопастях) на плечах? Куда идешь?» Феофан, не обинуясь, рассказал то, что раньше с ним произошло, и как он теперь хочет добыть себе известки. Святой выслушал его и сказал: «Не доброе дело творишь».

Феофан: «Что же мне остается больше делать?»

Святой, таинственно намекая на свое обещание промышлять о всем потребном для Феофана, отвечал: «Попроси еще у кого-нибудь, не даст ли он тебе».

Феофан: «Имеется у некоторых, да не дают. В чем другом здесь не отказывают, только известки не достать

Святой: «Это их дело, каждый хозяин над своей собственностию». Наконец, они дошли, беседуя, до одной заброшенной известковой печи, и святой, остановившись, сказал: «Вот здесь есть известь, куда тебе еще идти?» Печь вокруг заросла густым кустарником, внутри ее дно было загромождено камнями; Феофан усомнился и сказал: «Возможно ли быть здесь известке?» «Как не быть, есть». С этими словами святой подошел к печи и сказал: «Имеется ли у тебя чем посечь эти кусты?» Феофан вынул круглый нож и святой сказал: «Срезай эти ветви». Когда Феофан расчистил доступ к печи, святой сказал: «Перекрестись и полезай внутрь». Феофан перекрестился, святой тоже; оба они спустились в печь, начали расчищать дно и освобождать от камней.

Святой сказал Феофану: «В той стороне нет, где ты ищешь, а вот здесь есть», – и указал рукою место, где следовало искать; место было завалено великим камнем, который святой с необычайной легкостию отвалил на сторону. Феофан изумился такой необычайной силе и сказал: «Откуда у тебя, старика, взялась такая сила, что ты с такою легкостию ворочаешь такие камни?»

Святой же, с улыбкой взглянув на Феофана, сказал: «Не будь так любопытен, ибо любопытство не полезно». Затем, указав рукой где именно следует копать, сказал: «Копай здесь».

Феофан: «Хорошо, сделаю, но только какая может быть здесь известь? Пока я вижу одну лишь землю».

Святой: «Сними эту землю; под ней окажется сухая известь, которую и употреби на свою потребу; под ней есть еще лучшая известь, которой воспользуйся, чтобы устроить цистерну, но сделай ее не как-нибудь, а тщательно и прочно».

Когда после сих слов Феофан поднял голову, чтобы взглянуть на старика, его уже не было, он исчез.

Феофан, раскопав землю, действительно нашел известь и исполнил то, что намеревался сделать.

В течение 1813 года, через четыре месяца после поселения Феофана в лесной каливе, было еще одно чудесное явление святого Нила Феофану, но, так как это событие находится в связи с тем, что говорил святой во время явления его Феофану в следующем 1814 году, то оно там и описывается.

ГЛАВА II

Явление святого Нила Феофану в 1814 году во образе пастуха. Данные Феофану заповеди. Возвращение котелка, взятого святым в 1813 году

По исправлении каливы Феофан некоторое время прожил мирно, но доброненавистник диавол, воспользовавшись тем обстоятельством, что Феофан поселился в местах, обильных укропом (где скитяне обычно зимой собирали эту траву), воздвиг в некоторых из скитян зависть к Феофану и вражду за то, что он якобы обирает весь укроп и прочие травы, что им ничего не остается. Феофан сильно вознегодовал на несправедливые притязания скитян; диавол, смутив его, воспламенял Феофана злобой против обижающих его и желанием отомстить им. Итак, Феофан был опять на краю погибели, ибо, с одной стороны, вражда к нему скитян могла привести к тому, что его изгнали бы из его спасительного убежища, и он принужден был бы вернуться в мир; с другой стороны, будучи пленен злобными и мстительными помыслами, он мог совершить какой-нибудь безумный шаг. Но и на этот раз святой Нил пришел на помощь в решительную минуту и спас Феофана.

24 февраля, находясь под влиянием злопамятных помыслов, Феофан до того расстроился, что всю ночь от обиды плакал и не мог нимало уснуть; так промучился он до утра, когда, наконец, рассветало и Феофан сел за рукоделье. В это самое время раздался стук в дверь и голос: «Отче, эй, отче!» Феофан отпер дверь и увидал перед собою старика, одетого так, как обыкновенно ходят лаврские пастухи. Старик был в черном подряснике, на плечи был накинут козий мех, за поясом было заткнуто несколько ножей, в руках была палка. Это был святой Нил, но Феофан не догадался и подумал, что это старец над лаврскими пастухами. Святой сказал: «Есть ли у тебя огонь, погреться?» Феофан, ответив, что есть, пригласил взойти и стал поправлять костер в очаге, но святой продолжал стоять перед открытыми дверьми, в каливу не входил и шепотом читал наизусть Псалтирь, по-видимому справляя великопостные часы (вместо которых некоторые пустынники прочитывают всю Псалтирь). Феофан разобрал стихи 144 псалма: «Царство Твое царство всех веков и владычество Твое во всяком роде и роде»[1]... «Верен Господь во всех делах Своих и преподобен

[1] В Великом посту каждая вечерня оканчивается также сим псалмом.

во всех словесех Своих»... и, заключив, что старец оканчивает часы, попытался было прервать молитву старца, начал звать его в келлию, но святой не отвечал на зов Феофана, пока не окончил всей Псалтири и не сделал отпуста; тогда лишь святой вошел в каливу и сказал: «Давай прочтем акафист Богородице». Феофан возразил: «Иди, согрейся сначала, а потом прочтешь». Но святой ответил: «Не вспашешь, и пшеница не взойдет, не польются бразды дождем, не нальется и зерно в колосе», – сказав это, начал он с великим благоговением читать акафист, творя на каждом припеве: «Радуйся Невесто неневестная» – земной поклон. (Чтение святым Псалтири и акафиста должно было, по-видимому, служить к обличению нерадения Феофана, который эту ночь, обуреваемый помыслами, не совершил следуемых молитв, положенных за утреню, и прямо сел, встав с постели, за рукоделье). Когда святой дошел до последнего кондака: «О, всепетая Мати».., то сначала он прочел его обычно, но во второй раз сказал так: «О, всепетая Мати, сохрани противолежащий Кавсокаливский скит, монаха Амвросия и всю о Христе братию»; в третий же раз сказал: «О, всепетая Мати, сохрани сие новое обиталище монаха Феофана и всех благодетельствующих ему». Потом святой обратился к Феофану и сказал: «Теперь ты прочти "Взбранной Воеводе"». Феофан ответил, что не умеет, но святой подсказал ему и сделал следующий отпуст: «Господи Иисусе Христе, молитв ради святых отец наших, иже в сей Горе Афонской, молящих Матерь Твою, приими сие моление и отжени сопротивников, воставших на нас, от которых страждет Гора сия». (Воставшие сопротивники были тогда шайки разбойников, нашедшие на Святую Гору и умыслившие разорить и ограбить монастыри и келлии. Гора была в великом страхе, ибо они уже начали приступать к исполнению своего злодейства, но сия молитва святого отогнала их; неожиданно через два дня после сего они сами удалились со Святой Горы.)

Окончив молитву, святой сказал: «Благослови».

Феофан: «Добро пожаловать, сюда пожалуй, погрейся».

Святой: «Нет, я пойду».

Феофан: «Куда пойдешь? Зачем же тогда входил, если уже и уходить хочешь?»

Святой: «Зашел было погреться, но время ушло, скотина, верно, разбрелась, и надо пойти поглядеть».

Феофан: «Какая беда, если и разбрелась; после успеешь прийти».

Святой: «Ладно, присяду, ибо в другой раз не приведется, пожалуй, больше нам с тобой повидаться и побеседовать уста к устам» (т. е. лицом к лицу).

Феофан: «А разве до этого мы с тобою когда-либо встречались или беседовали где?»

Святой: «И встречались много раз и беседовали, но ты не узнаешь меня. Скоро узнаешь, кто я таков».

Феофан: «А кто можешь ты быть таков, чтобы была нужда знать тебя? Пастух – ты, пастухом и будешь; нечем тебе похвалиться, разве только что мехом твоим козьим. Впрочем, бывало, что и на вас иногда, как с крыши на голову, обрушивалось счастие, и из вашего брата пастухов делались цари, как например тот, который когда-то пас ослов (иконоборец Конон). Поэтому, может быть, и ты когда-нибудь царем сделаешься; ну тогда придется узнать тебя, кто ты таков». Сравнение с иконоборцем весьма прогневало святого; он гневно взглянул на Феофана так, что тот испугался, но святой, снова кротко взглянув на Феофана, сказал: «Ну, что делать с тобой? Погодя немного, я тебя исправлю». Феофан ободрился. Святой обвел взором каливу и, увидав в ней множество разных сосудов с припасами, сказал: «К чему тебе все это? Разве ты поселился здесь, чтобы лавку заводить, а не для того, чтобы безмолвствовать?» Затем, переменив предмет разговора, спросил: «А что, не боишься жить здесь один? И как ты решился поселиться в сей каливе, в которой никто не мог жить? Кто тебе это посоветовал? Как живется тебе? Как переносишь безутешность пустынного жительства?» В ответ на все эти вопросы Феофан подробно рассказал все, что с ним произошло, и как помог ему святой Нил. Святой выслушал внимательно и сказал: «Видишь ли, брате, как Бог, благодетельствующий человеку, сотворил тебе то, чего ты и не чаял, что и людям не верится. Смотри же, чтобы тебе не оказаться неблагодарным Богу». (Как видно, святой именно с той целью и начал речь о сем с Феофаном, чтобы испытать, признателен ли Феофан Богу и святому за все чудесное промышление о нем. Оказалось, что Феофан не забыл благодеяний Божиих и не вознесся ими, но смиренномудрствует о своем недостоинстве и исполнен чувства благодарности; поэтому он явился достойным и дальнейших чудесных промышлений и откровений).

Феофан: «А что мне следует делать, чтобы сотворить угодное Богу, явить себя благодарным Богу и святому, расскажи мне».

Святой: «Для чего ты спрашиваешь? Если ты обещаешься исполнить на самом деле то, что я скажу, а не на словах только, то я готов научить тебя».

Феофан: «Скажи, что следует делать мне, я запомню и исполню».

Святой: «Обещаешься ли исполнить то, что я скажу?»

Феофан: «Да, как ты мне скажешь, так я и буду делать».

Святой: «От души ли это говоришь, или устами только?»

Феофан: «От всего сердца и от всей души обещаюсь исполнить все то, чему ты меня научишь. Да будет этому свидетелем святой Нил, и если я не исполню обещания, пусть меня он накажет, как я того буду стоить».

Услыхав от Феофана такую клятву, святой строго сказал: «О, человече! Как решился ты дать мне такое клятвенное обещание, не узнав раньше, ни что я за человек, ни чего я от тебя потребую? Каково было бы, если бы я оказался коварным прельстителем, умыслившим ввести тебя в хулу, сделать причастником каких-либо хульных догматов, хулящих чины небесные, Пресвятую Троицу и Пресвятую Богородицу, ибо тебя, как неграмотного и несведущего в Писании, весьма легко ввести в подобную хулу? Не следует всякому доверяться. Мог бы оказаться на моем месте и демон, который, может быть, внушил бы тебе следовать за ним, подвел бы тебя к пропасти и, сбросив в нее, убил бы тебя. Или повел бы тебя к морю, представил бы тебе мечтательно водную поверхность твердой, как суша, и пошел бы по ней впереди тебя, ты же последовал бы за ним и потонул бы. Это я тебя предупреждаю на всякий случай, чтобы ты впредь был осторожен. Итак, отныне берегись (доверяться лицам, которые неожиданно, или чудесно явились бы тебе), впредь никому не доверяйся, ничьих советов не принимай и ничьих приказаний не исполняй (т. е. хотя бы во образе светоносного ангела кто явился). Пресвятая Госпожа наша Богородица и Владычица мира да сохранит тебя и да покроет от врагов видимых и невидимых и от их искушений».

Затем святой сказал Феофану: «Желание твое я исполню и скажу тебе то, о чем ты просил, только смотри, исполни твою клятву и не окажись клятвопреступником, потому что, если не соблюдешь заповеди, которую я тебе дам, то неминуемо впадешь в великое искушение. Первая из сих заповедей есть следующая: "Чти отца твоего и матерь твою и, взем крест, следуй за мною". Разумеешь ли смысл?»

Феофан: «Нет, совсем не понимаю».

Святой: «Это означает, что ты должен так чтить отцев и братий, как родных отца и мать, чтобы, если кто оскорбит тебя, то принять от него оскорбление так, как ты принял бы от отца или матери, т. е. не считал бы для себя оскорбительным услышать от них какие-либо оскорбительные слова, не злобился и не мстил бы. Как по отношению к родному отцу и матери совесть не позволила бы тебе мстить, враждовать или злопамятствовать за какое-либо полученное от них поношение, так блюди сердце и помыслы твои, чтобы не дать

войти в них какому-либо злому расположению против обидевшего брата; пусть совесть твоя не допускает тебя предпринять что-либо мстительное против оскорбившего тебя. Когда же кто тебя опечалит, пойди к нему, поклонитесь друг другу и простите друг друга».

Феофан: «Но что же мне, отче, с ними делать, когда они беспричинно нападают на меня и вводят этим в искушение, а я гневаюсь на них?»

Святой: «Чем же именно они соблазняются, из-за чего нападают на тебя и чем вводят тебя в искушение? Что сделал ты?»

Феофан: «Я ничего противного им не делал, они же понапрасну нападают на меня и кричат, что я будто бы всю траву обрываю, а им ничего не остается».

Святой: «До сего времени всегда ходили много людей и собирали, недостатка в траве не было, а теперь оказывается, что из-за тебя одного стало не хватать им травы? Разве не понимаешь, что это есть наваждение диавола, который восстановил их против тебя с тем, чтобы ввести тебя в беду. А ты предложи им противоядие, и они умирятся».

Феофан: «Какое же противоядие предложить им?»

Святой: «Перестань от сего дня и впредь собирать травы: укроп, дикую спаржу, авруныю, от сего места и до скита, и не только не собирай, но и в пищу употреблять их перестань. Пусть ими досыта наедаются противники твои и пусть отравят (в себе действие диавольской клеветы, которою отравились)».

Феофан: «Не поможет. Теперь, собирай я, или не собирай, все равно будут говорить, что собираю; поэтому пусть кричат, а я буду себе собирать по-прежнему»

Святой: «Нет, перестань собирать травы отселе и до скита; если они и от этого не уймутся, а будут продолжать нападать на тебя, тогда сходи и скажи обо всем духовнику».

Феофан: «Он-то больше всех и востает на меня».

Святой: «Знаю я это, но ты все-таки к нему обратись и скажи; если же он слов таких не примет, тогда пойди в монастырь, пожалуйся эпитропам и поступи так, как они тебе скажут. Есть ли из-за чего душе твоей обуреваться, вздыматься и ниспадать, когда дело это так легко поправимо? Будь мирен и не бойся. Поминай их на каноне твоем, говоря: «Помяни, Господи, востающих на мя, ненавидящих и обидящих мя». Берегись еще богобородого Мефодия, потому что он великую бурю подымет против нас».

Феофан: «Отчего ты говоришь: против нас? Что может он иметь против тебя? Допустим, что я безпутный и немысленный (могу восстановить его против себя), но у тебя с ним какие могут быть сношения?»

Святой: «Не знаю, чем мог я его обидеть, но я его знаю, а он меня не знает, я вижу его, а он меня не видит, и тем не менее я для него так же невыносим, как дым от серника, так что он не только глядеть, но и слышать про меня не хочет». (Словами *я знаю*, – святой хочет сказать, что он ему молитвенно помогает; словом *вижу*, – что взирает сострадательно).

Феофан: «А тебе что, пусть себе творит, что хочет».

Святой: «Тебе злого он ничего сделать не возможет, но на свою голову сотворит злую волю свою; поэтому, что бы он против тебя ни сделал, ты переноси с терпением, не возмущаясь, не смущаясь и не волнуясь, восходя и нисходя (т. е. не возносись злобою и не нисходи в отчаяние), но возвращай мысль твою к твоим грехам, прежде соделанным тобою, которых у тебя такое множество».

Феофан: «Откуда знаешь ты, что я таков?»

Святой: «По крови лица твоего видно, что ты убийца, отрекся Христа и пал в страстях».

Феофан: «Поверь мне, что воистину я, окаянный, сотворил все то, что ты сказал», – и Феофан стал рассказывать всю жизнь свою и исповедывать все свои грехопадения.

Святой: «Сделанного не воротишь, только теперь берегись, берегись, чтобы тебе отныне и впредь больше не оскверниться. А что другие умыслят против тебя, – этого не бойся: пусть творят, что хотят; что они возмогут сотворить тебе? Поэтому будь спокоен, заботься лишь о том, чтобы собирать помыслы свои во главу свою» (т. е. не давать себе грешить мысленно и мечтать). От этих слов у Феофана на душе сделалось радостно, он утешился и умилился сердцем.

После этого Феофан сказал: «Еще об одном спрошу тебя?»

Святой: «О чем хочешь спросить?»

Феофан: «Что значит слово "богобородый", которым ты прозвал Мефодия?» Святой отвечал: «Богобородым я прозвал его потому, что он безбожник, для него его борода есть бог, он чтит ее, как бога, но не чтит Бога небесного. Не Богородица его упование, но борода; она его утешение, она его упование. Ее почитает он своей промыслительницей, своей спасительницей, но не у Бога надеется обрести покров и спасение. Поэтому и зову я его богобородым. Ты же, если хочешь спастись и не впасть в убийство, смотри, тщательно береги себя от него; не принимай никаких его подарков, никаких его советов, не имей с ним никаких сношений; когда встретишься, то поклонись и тотчас же отходи от него, ибо он всецело поработил себя злу и стал образом нечестивого иерея. Смотри же, тщательно храни себя от него, чтобы и тебе не сделаться

жертвой диавола. При всех же враждебных его проступках против тебя соблюдай следующее правило: переноси с терпением. Не бойся, вреда тебе сделать он никакого не возможет; ты же переноси все Христа ради, и Бог, видя твое терпение, отвратит его от его злого умысла, или пресечет его злой совет.

Берегись еще, чтобы тебе, ни отсюда не посылать никаких писем в мир, ни другу, ни родному брату, ни родственнику, ни знакомому, ни из мира никаких писем не получать.

Запомни же хорошенько слова мои и смотри хорошенько, чтобы тебе исполнить их в точности; хорошенько внимай себе, чтобы не явиться клятвопреступником и ни в чем не преступить заповеди сей. Еще остерегайся того, чтобы дерзать тебе входить в алтарь и прислуживать священнику.

Остерегайся еще вообще всякого повода, который мог бы восстановить против тебя скитян, чтобы не нашли бы они благословной причины за злобу твою изгнать тебя отсюда и чтобы тогда диавол опять не угнал тебя в мир и вновь не поработил бы себе.

Когда шествуешь с кем дорогой, как, например, когда идешь совместно с кем-нибудь к литургии в скит, уступай иногда спутнику твоему честь идти впереди[1].

Когда приходишь в скит, не дерзай взирать на лица братий, но смотри всегда на землю, воспоминая ту персть, из которой ты создан Богом. Не входи в скит без подориона (т. е. рясы) и наметки и не ходи по скиту в одном подряснике.

Вот первая заповедь, старайся всеми силами соблюсти ее.

Скажем вторую. Она выражается сими словами: "Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе. Мария же благую часть избра". Понимаешь ли, что это значит?»

Феофан отвечал: «Не знаю».

Святой: «Сие есть: храни себя от многоядения (чревоугодия), ибо оно помрачает ум человека, делает его дебелым, неспособным для духовных созерцаний, нерадивым, ленивым к Богослужению и молитве, небрежным к канону; особенно треклятый враг чрез эту страсть, обременяя ум (сонливостию) и отягощая все тело великой тяготою, препятствует ночному бдению. Остерегайтеся есть бобовые растения: ревит, фасоль, бобы и т. п. Остерегайтеся есть сырые фрукты: виноград, груши, яблоки и т. п. Из всех плодов можно тебе есть сии четыре: орехи – простые и волоцкие, маслины, изюм и смоквы, причем, последние только сушеные, а не сырые. Эти плоды можешь запасать себе».

---

[1]На Афоне дороги – узенькие тропинки; двоим рядом идти нельзя, а надобно одному идти впереди, а другому позади.

Феофан: «Следовательно, выходит, что и хлеба есть не смей».

Святой: «Хлеб ешь с луком, но не поджаривая его, или ешь с горькими травами вместе с чесноком. Изредка можешь есть пшеничный рис».

Феофан спросил: «Что такое пшеничный рис?»

Святой: «Это значит пшеничная крупа (вареная как рисовый пилав с маслом и называемая "плигури"). Можешь есть и все прочее, что делается из пшеницы, но не объедайся. По субботам, воскресным и праздничным дням и в дни памяти святых, когда есть разрешение (на вино и елей), разрешай и ты себе (елей) во славу Божию и святых Его; в эти дни ешь с маслом, вари плигури, и ешь маслины, в прочие же дни вари куркут (т. е. отварную в воде пшеницу, неободранную и без масла), или орехи, или смоквы, или изюм, или мед, но не все зараз, а в переменку: один день – одно, другой – другое. Старайся блюсти девятый час (т. е. не вкушать ничего до трех часов пополудни).

Без особой нужды, праздно никуда не ходи, чтобы не ваиться тебе опять, как свинья в болото. Да будет твоя походка умеренна и скромна.

Ничего не предпринимай, не посоветовавшись. Все это выражает слово, подразумеваемое *Марфой*; разъясним теперь подразумеваемое *Марией*. "Мария благую часть избра, яже не отымется от нея".

Понимаешь ли что я этим хочу сказать?»

Феофан: «Не понимаю, растолкуй мне и это».

Святой: «Сие относится к богослужению: не смей выходить из церкви наружу, чтобы с кем-нибудь побеседовать. Старайся уже находиться в храме, когда произносит священник "Благословен Бог..." – и не выходи, пока не услышишь отпуста: "Молитвами святых отец"... Так же поступай и во время (всенощных) бдений, старайся всеми силами собирать ум свой, не давай ему рассеиваться, скитаться туда и сюда, но вникай умом в божественные слова, как вникала Мария, которая "благую часть избра".

Не вознеради о бдении еженощном, келейном, т. е. посвящай ночь молитве, не давай себе дремать, но бодрствуй.

Соблюди же все, что я сказал, и будешь безопасен (т. е. не пленишься никакой страстью, не постигнет тебя никакое гибельное искушение). Пекись о душе твоей, ибо о всем телесном, нужном для тебя, печется святой, как он обещался тебе, душу же твою он снабдить не может (без твоего собственного труда), он может только указать тебе путь спасения, дать заповеди и наставления на разные случаи: если ты все исполнишь, как он сказал тебе, то стяжешь себе сокровища

для души». После этого святой переменил разговор и спросил: «Ходишь ли когда в пещеру (св. Нила) и возжигаешь ли там когда лампаду?»

Феофан ответил: «Хожу».

Святой: «И ходи... А что спуск в пещеру удобен?»

Феофан: «Молодые спускаются, а старики не могут».

Святой: «Исправь тропу, чтобы можно было и старикам спускаться для здравия души и тела. Когда собираешься сходить туда?»

Феофан: «Обыкновенно всегда хожу по субботам, воскресным и праздничным дням».

Святой: «Хорошо делаешь, ходи, святой не оставит тебя и наградит тебя».

Феофан ответил: «В надежде на это я и хожу, а иначе стал ли бы кто туда ходить, спускаться и подниматься по таким трудным скалам, ибо это великий труд».

Святой: «За этот труд ты получишь от меня награду».

Затем святой опять переменил речь и стал расспрашивать, как живет братия на келлии Спанон, которая над его пещерой.

Святой: «А братию когда посещаешь? Как они поживают и что поделывают?»

Феофан: «Что им делать, когда они совсем с толку сбились».

Святой: «Отчего же они с толку сбились?»

Феофан: «Оттого, что старца их никогда дома нет, так как он постоянно уезжает на остров Тассо».

Святой: «Неужели он не оставил еще своих мирских промыслов? Скажи им, что если они не бросят этих мирских сует, если не возвратятся к своим прежним рукоделиям, то понесут большие убытки. Поэтому, пусть послушаются моего совета: пусть продадут судно и пчел[1], а вырученными от продажи деньгами заплатят часть своего долга; пусть все, старшие и младшие, садятся за свое рукоделье; так мирно, мало-помалу они придут в силу (расплатиться с долгом). Кое-когда могут и в мир послать (по сбору), но только, чтобы основанием их занятий было бы домашнее рукоделье, а не погибельные внешние морские предприятия, от которых разоряется их дом и чрез которые даже рукодельем теперь некому у них заниматься, богослужение оставляется, кел-

---

[1]«Пусть продадут судно»; от пещеры Спанон до острова Тассо будет не менее 50 верст морского плавания. Очевидно, для поездки на остров Тассо (ради пчельника) употреблялась не лодка, а более крупное, парусное «судно» (по тамошнему «брацера»). Конечно, за продажу такой «брацеры» (а не лодки) можно было получить немалую денежную толику; посему святой и говорит, чтобы вырученными от сей продажи деньгами уплатили часть долга за келлией Спанон.

лейный канон опускается. При таких условиях какое духовное сокровище могут они стяжать на день старости своей и для доброго ответа на день смерти своей? Кроме того (бедствуют они) и теперь: чем уплатят они данку свою и права, на что купят хлеба? Видишь, к какому разорению довело их море?

Старец же их, ради пристрастия своего к морю сокращает даже молитвы в литургии, не чувствуя, несчастный, какой страшной ответственности он за это подлежит; так укачало его море. От любви к морю и к мирским суетам ум его до такой степени помрачился, что когда он служит литургию, то не вникает в смысл того, что совершает, заботясь лишь о том, как бы поскорее окончить ее и спешит; для этого даже пропускает некоторые молитвы, а именно: "Сотвори с нами богатые милости и щедроты Твоя..." – *молитва 1-го антифона*; "Господи Боже наш, спаси люди Твоя..." – *молитва 2-го антифона*; "Подая нам познание Твоея истины"... – *молитва 3-го антифона*; "Боже наш... сподобивый нас смиренных и недостойных раб Твоих"... – *молитва во время Трисвятаго*; также и другое многое опускает; меня ужасает ответ, который он должен будет дать за это по кончине своей.

За подобное сокращение литургии, сделанное по повелению Константина, последнего греческого царя, Бог предал все его царство иноязычникам.

Сей царь имел страсть к пиршествам, проводя время в разных пирах и празднествах. Однажды он устроил большой праздник и очень был озабочен им, так что, присутствуя, как полагалось, на литургии, в нетерпении хотел, чтобы литургия поскорее окончилась; поэтому он послал в алтарь сказать служащему, чтобы иерей скорее ее кончал, потому что царь спешит на праздник. Но иерей не дерзнул сокращать чина литургии, продолжая служить с благоговением и не торопясь. Царь, видя непокорство иерея, весьма разгневался и послал за палачом; когда палач пришел, царь послал его к иерею со следующим приказанием: "Пойди, прикажи иерею немедленно сделать отпуст". Палач пошел в алтарь, передал приказание иерею; иерей, убоявшись по немощи человеческой, сделал отпуст, не дослужив половины литургии. Но сия опущенная половина искупилась дорогой ценою: всем своим царством заплатил за нее Константин, сделав отпуст своему царствованию, так как заставил сделать отпуст, не докончив литургии; царством его (греческим) завладели иноплеменники, а царь обнажился и лишился всех царских благ, ибо разоблачил иерея, не дав ему докончить литургии.

Так и сей старец Дионисий окажется при исходе души его из тела в день смерти – нагим, лишенным всех литургийных

благ, не сподобится он носить на себе знамение сего таинства, дающего добрый ответ на Страшном суде, но услышит страшные слова страшного Судии: "О, рабе лукавый, где твоя брачная одежда, которую Я даровал тебе?" О, несчастный, что ты тогда на это ответишь?

Видишь ли, видишь ли, к чему привело сего погибающего человека многопопечительное пристрастие к пчеловодству, которое губит его душевно и телесно, ибо и в телесном потерпел он великие убытки? Но как мне помочь сему угорелому, когда он совершенно угорел от своей суеты. Что мне с ним делать? Такие и такие убытки нимало не отрезвили его; прельщаемый диаволом, он продолжает увлекаться разными мечтами, воображая себе пропасть равниною, а море сушею, и еще сильнее пристращается к нему (т. е. к морю), в котором сей прелестник ищет потопить его.

Скажи им, чтобы они с честию покоили старца иеромонаха Иону и не уничижали его, ибо они забывают и не помнят того, что они его хлеб едят, и так грубо с ним обходятся. Положим, что этим они душе его повредить не могут, но свои души они безчестят теми безчестиями, которые наносят старцу. Смотри, берегись, чтобы тебе когда-нибудь не пришло бы на мысль похвалиться промышлением о тебе святого и не сказать себе: мне помогает святой; каких мне еще бояться искушений, что может быть теперь опасным для души моей? Нет, нет, выкинь из головы этот помысл. Когда же воспоминанию твоему станут представляться различные яства, тогда приводи себе на память, что чрез сии яства ты соделал, когда был в Руссике и восточных пределах».

Феофан: «Хорошо, я передам твои слова братии, но разве они меня послушают?»

Святой: «Ты только передай им: если же они не послушают тебя, то пожалеют о сем; когда один из них погибнет и тщетно будет их раскаяние, тогда они поневоле бросят все это. Если же они хотят избежать сей беды, то пусть исполнят слово мое и тогда проживут мирно».

После этого святой опять перевел речь и спросил: «У кого останавливаешься, когда приходишь в скит?»

Феофан отвечал, что у Филарета.

Святой: «А в келлию покойного Кир Тимофея когда заходишь?»

Феофан: «И к ним захожу, но часто не смею».

Святой: «Хорошо делаешь». Помолчав немного спросил: «Как поживает он, старец Тимофей, преемник покойного Кир Тимофея? Мирствует ли?»

Феофан: «А какие у него заботы, чтобы не мирствовать?

Ест себе и пьет в волю, ублажает душу свою и тело, и в добром здравии пребывает».

Святой: «Отчего ушел от него иеромонах Феодорит? Ужели не мог себе найти в скиту иного прибежища, что счел необходимым совсем уйти из скита? Ведомо да будет тебе, что от этого он столько же потерял, сколько тот земледелец, который, потрудившись над обработкой поля и засеяв его семенами, когда семена прекрасно взошли, и при благорастворении воздухов ожидалось изобилие плодов земных, бросил свое поле, а ему оставалось только сжать и сложить в житницу, пошел себе искать другого места, а его пашней воспользовался другой, который, поселившись на ней, пожал прекрасную жатву и собрал обильно плоды. Тот же первый земледелец, найдя себе иное место, вспахал его и засеял, но семя не взошло. Так поступил и сей иеромонах. Своим уходом он причинил много соблазна и смущения братии. Вестно да будет тебе, что иеромонах Тимофей так скоро умер из-за скорбей, причиненных ему иеромонахом Феодоритом.

Господь наш Иисус Христос не скорбел из-за того, что евреи подвергли Его всем мукам, но молился за них, говоря: "Отче! Отпусти им, не ведят бо что творят". О погибели Иуды Христос весьма скорбел, ибо имел его в доверии, любил наравне с прочими апостолами. Господь скорбел, что предается именно тем, который был у Него в таком доверии и любви. Подобно тому, как Господь Иисус Христос столь сильно скорбел об Иуде, впавшем в порабощение диаволу, так и старец Тимофей скорбел из-за того же».

Феофан возразил: «Он (Феодорит) ушел с благословения своего старца, а не так, как ты говоришь».

Святой: «Мало пользует благословение, вынужденное, похищенное с обманом, данное с воздыханием; таково было благословение, причинившее великую скорбь душе бедного иеромонаха Тимофея». Сказав это, святой прослезился, затем продолжал речь и сказал: «Допустим, что у него мог быть повод скорбеть на покойного старца, а теперь какую причину он находит, чтобы быть недовольным сим иеромонахом Тимофеем, уничижать, осуждать и гневаться на него? Случилось же все это вследствие того, что иеродиакон Герасим (впоследствии иеромонах, списатель сей книги) отдал ему деньги, которых ему не подобало бы иметь, и которые он, скрывая от старца, хранил спрятанными в пеньке».

Феофан: «Как мог ты все это узнать, что так подробно рассказываешь?»

Святой: «Не только это, но и все я знаю про них. Да будет вечно признателен иеродиакон Герасим Кир Тимофею и не

забывает того, что он избавил его от ада преисподнейшего. Зачем был он так неразумен, что отдал их (т. е. деньги Феодориту)?.. И зачем он тайно хранил их»...

Феофан: «Что же худого сделал сей бедняга тем, что доверился и под влиянием братской любви отдал деньги? Разве мог он предвидеть, что из-за этого произойдут те скорби, о которых ты говоришь?»

Святой: «Братская любовь? Это прелесть диавольская, а не братская любовь. Т. е. те, по-видимому, братолюбивые чувства, ради которых отдал деньги Герасим Феодориту, происходили не от истинного братолюбия, но были искусственно подогреты диаволом, умыслившим этим погубить их обоих. Знай хорошо, что этим они оба чуть не уловились в капкан; пусть они поминают того, который помог им освободиться от сей западни и да будут благодарны ему. Но по смерти его ненавистник добра диавол расставил им новую сеть, внушая покинуть братство и совершить первоначальное свое намерение; один из них уловился в нее (т. е. Феодорит, который вторично ушел из келлии и из скита), Герасима же спасли молитвы его родителей. Диакон, т. е. Герасим, явив терпение и не покинув своего метания (т. е. места пострига), победил этим семиглавого зверя, попрал его сеть, и теперь мирен. Да мирствует он, да пожинает плоды с пашни, да собирает в свою житницу и да вкушает их».

Феофан: «Да, теперь у них нет раздоров в братстве, и они живут мирно».

Святой: «Дай Бог. И да пошлет им преблагий Господь мир, чтобы они еще более мирствовали. Но только да блюдут себя, чтобы не принимать мысли, что им в ином месте может быть лучше и спокойнее. Нет, нет, пусть совсем выкинут эту мысль из головы. Кто может наперед поручиться, что если пересадить деревцо, оно и на новом месте будет расти? Это неизвестно; посему, если на каком-либо месте дерево хорошо вкоренилось и приносит плод, то какая нужда пересаживать его?

Некто принес в дар своему богатому барину один сосуд, вазу, для украшения палат сего вельможи. Ваза сия, хотя несколько поизносилась, но все же была хороша; барин полюбил ее. Будучи благоутробен и долготерпелив, он скорбел о порче вазы, размышляя, как ее исправить; решил, наконец, отдать вызолотить ее позолотчику, который вызолотил ее, исправил все изъяны и возвратил владельцу палаты. Вельможа поставил вазу во дворце, на видном месте; люди его, глядя, любовались ею и радовались, что приобрели такой красивый сосуд для палат своего барина. Но вот, тот, который подарил

вазу во дворец барина, стал требовать, чтобы владелец палат возвратил ему его дар обратно, говоря: “Верни мне вазу, ибо я ухожу от тебя”. Вельможа спросил: “Почему, подарив вазу раньше, стал ты ее назад требовать?” Отвечал злообразный: “Я тебе подарил ее, надеясь, что ты по достоинству оценишь ее, как самый красивый сосуд в твоих палатах, и будешь дорожить ею более всех прочих ваз”. Тогда вельможа сказал: “Хорошо, я поставлю ее на самое видное место в моем дворце”. От этого умирился на некоторое время злообразный, но, если в сосуде вино закиснет, то ничем не сохранишь его от того, чтобы оно окончательно не прокисло, хотя бы ты позолотил сосуд. Так и прельстившийся какой-либо мечтой: не остановится, пока не осуществит мечты своей, тогда только убедится, что мысль была гнилая. Как гранаты не узнать по наружному виду, что она гнилая, так и прелестной мечты; как гнилая граната кажется прекрасной, пока не разрежешь ее; потом по нестерпимому смраду, который из нее изойдет, убедишься, что она гнилая, так и обманчивая мечта кажется благообразной (т. е. полезной), пока не осуществится.

Сей злообразный, прельстившись позолотой своей вазы, возмечтал, как Денница, самому сделаться барином и свои палаты украсить еще краше палат его вельможи. Разыскав для себя в некоем месте палату, успел при помощи коварства приобресть ее и стал мечтать: “Устрою себе залу и унесу тайно вазу из дворца вельмож, ибо я имею на это право, так как она моя собственная, раздобуду себе еще вторую такую же, вызолочу ее и поставлю обе в зале”. Но Бог расстроил его замысел. Вельможа, узнав, что он купил поместье, и предвидев, что он станет пытаться унести свою вазу, приказал спрятать ее в кладовую. Тогда злообразный, видя, что не удалось ему тайно унести вазу, начал с гневом поносить вельможу за то, что он убрал вазу с прежнего почетного места, и говорил: “За что снял ты с места вазу? Что я сделал тебе? Верни мне ее, я ухожу от тебя”. Вельможа же отвечал: “Не имеешь ты более прав собственности на вазу, ибо ты добровольно подарил ее во дворец. Но, раз ты требуешь, то бери ее себе, только позолоту я сниму с нее, ибо я позолотил ее”. Тогда злорасположенный воскликнул: “Не смеешь снимать позолоты с моего сосуда”. Вельможа же отвечал: “Могу и снять позолоту, и оставить ее, ибо я позолотил вазу”. Тогда коварный начал препираться с вельможей, чтобы он не снимал позолоты; наконец, сказал: “Пойду к позолотчику, и если он возьмется снять позолоту так, чтобы не повредилась ваза, то пусть снимает”. Пошел он к златарю, сказав ему все дело; златарь же начал его уговаривать и говорил: “К чему тебе

отбирать вазу, оставь ее у господина, там хорошо ей будет". Но от этих слов коварный еще более озлился, дал волю злобному языку своему, и начал устами своими пожирать вельможу, понося его перед златарем и всеми бывшими там.

Когда вельможа услыхал, каким поношениям он подвергся, то крайне огорчился, печаль уязвила его до глубины сердца, так как он уже тогда болел и страдал чахоткой; от скорби болезнь приняла роковой оборот. Тогда коварный, уразумев, что смерть вельможи близка, притворно раскаялся, перестал требовать свою вазу и стал просить прощенья...

Так поступил Феодорит с Тимофеем. Старец (Тимофей), видя благую перемену в Феодорите и думая, что он кается искренно, принял его, как блудного сына, не ведая скрытого его лукавства, почтил его, доверился ему в три раза больше прежнего, только бы он был мирен и не стремился бы опять уйти. Но, как он был неблагодарен, и есть таков, то не удовлетворился всем этим и все-таки ушел, вынудив старца дать ему благословение перед смертию на это; уходя, унес он грабительски и воровски даже такие вещи, которые составляют священную собственность келлии (т. е. вписаны в омологии)».

Феофан: «Грабительски и воровски он ничего не уносил, но старец добровольно отдал ему все те вещи».

Святой: «С ведома мог ли он отдать вещи, принадлежащие келлии по омологии, зная, что тот, кто отдает их, и тот, кто берет, повинны в святотатстве? Вещи, посвященные скиту, суть священная собственность скита. Если старец когда и давал их Феодориту, то не с тем, чтобы он унес их из скита, но только чтобы пользовался ими в скиту.

Все, покинувшие скит и перешедшие из него в другое место, впоследствии весьма в этом раскаивались. И кто из таковых, покинувших скит, был потом благополучен в жизни, или успел в подвигах, как мечтал, уходя? Все они сделались заблудшими, помраченными (потерпевшими ущерб) душевно и телесно. Не к тому говорю я это, чтобы выхвалять свой скит и уничижать все другие монастыри и скиты. О, нет, не буди сего, Боже Всецарю, – и святой возвел очи к небу, – но я говорю это про всех, которые ушли оттуда, где полагали начало, как это часто бывает в нынешнее время; таким поступком утратили они все, что приобрели».

Феофан: «Скажи мне теперь: вот я пойду к ним и передам все слова твои, как назвать мне им тебя? Кто ты таков?»

Святой: «А ты и до сих пор еще не догадался, кто я таков? Столько раз беседовали мы вместе, и ты все еще не узнаешь?»

Феофан: «Пожалуйста, скажи мне, кто такое ты, и почему

ты говоришь, что мы столько раз вместе беседовали? Не Нил ли ты святой?»

Святой: «Вглядись хорошенько, может быть и узнаешь».

Феофан: «Как мне его узнать, когда он является то во образе одного, то во образе другого. Ныне же вижу тебя во образе пастуха. Каким вижу, за такого и принимаю».

Святой: «Каким видишь, за того и принимай, но все-таки исполни то, что я заповедал тебе творить, и вскоре узнаешь, кто я».

В это время вдруг на дворе что-то загремело, как будто стенка повалилась. Феофан выскочил за дверь посмотреть, что такое упало; все стояло по-прежнему на месте, он вернулся в каливу, но святого в ней уже не было; он исчез, на месте же, где святой сидел, лежал небольшой котелок. Феофан взял его в руки, осмотрел и узнал, что это тот самый, который 8 месяцев тому назад у него взял в дороге неизвестный оборванный старик-монах и чудесно потом исчез с ним.

Случилось это за три месяца до беснования Феофана и чудесного исцеления его святым. Произошло сие таким образом.

Когда Феофан, возвратившись из Анатолии во Святую Гору, был целый год в неопределенном положении, потому что никто не желал брать его в послушники, то большую часть времени прожил он в Кавсокаливском скиту, в келлии Кир Тимофея, который приходился ему земляком. Когда, наконец, он решился уехать с Афона и вернуться в мир, тогда впервые явился ему на поляне у пустой хижины святой Нил, обещал ему промышлять о всем необходимом для жизни его и советовал поселиться в ней. Святой тогда не назвал себя Феофану, а назвал себя лишь в следующее свое явление, когда бесы избили Феофана, и святой дважды явился во образе монаха Игнатия: 1) около каливы и 2) в сонном видении в келлии Кир Тимофея, исцелив Феофана от грыжи, беснования и увечий, нанесенных бесами.

Вслед за поселением в лесу Феофана Кир Тимофей заболел и через два месяца скончался. Имуществом своим распорядился, распределив его между братиями по духовному завещанию; одарил каждого, в том числе иеромонаха Феодорита, которому оставил несколько денег и кое-какие вещи. В завещании покойник упомянул, что если Феодорит будет уходить, то ни на какие более вещи он заявлять притязаний не должен. Завещание было утверждено проклятием против тех, кои бы нарушили его. Так скончался и отошел ко Господу Кир Тимофей, иеромонах же Феодорит после его смерти, забрав все, что ему следовало по духовному завещанию старца, ушел совсем из Кавсокаливского скита и перешел в Ксенофский,

где купил себе келлию, причем, уходя, сверх положенных вещей, стал требовать еще другие, вопреки завещанию старца. Братия решила отдать их, чтобы не тягаться с Феодоритом. Наконец, из Ксенофского скита Феодорит опять прислал требование переслать ему тот котелок, в котором он раньше варил всегда клей. Братия решила и котелок отослать ему; котелок отдали Феофану, который собрался идти на Карею, чтобы он передал его в Ксенофском скиту Феодориту. Взяв котелок, Феофан положил его в сумку и отправился в путь. Ценность котелка сама по себе была ничтожна, но братия, отдавая котелок, и Феодорит, принимая его, делались повинными в святотатстве, ибо вещи, значащиеся в омологии, неотчуждаемы. Во-вторых, за сие святотатство тяготело проклятие, ибо нарушилось завещание старца. Посему здесь выступил преподобный Нил с вразумлением против святотатцев. Положив котелок в сумку, Феофан вышел из скита и стал подниматься в гору. Дойдя до келлии св. Антония, он присел отдохнуть и, увидав около дороги дерево, пригодное для выделки ложек, решил срубить его, ибо незадолго перед тем взял у одного брата в долг подобное дерево, чтобы учиться делать ложки, пообещав ему вернуть такое же, для чего попросил у владельца сей келлии дозволения вырубить себе дерево, обещая ему заплатить за него. Владелец дозволил, но с тем условием, чтобы Феофан вырубил его себе на высоком и скалистом месте. Последним условием однако пренебрег Феофан и, решив срубить дерево, которое намеревался захватить на обратном пути, пошел в соседнюю келью, попросил топор, срубил дерево, положив его невдалеке от дороги. Затем стал он подниматься в гору и, взойдя на подъем, сел отдохнуть и закусить у источника.

Сняв с себя торбу, он вынул хлебца и сел на солнечном припеке, так как вспотел и боялся простыть, торбу же положил на каменном корыте; начал он закусывать, поглядывая на торбу, чтобы ее кто-нибудь не стащил. Вдруг в чаще деревьев показался какой-то оборванный старик-монах. Феофан, подумав, что это какой-нибудь блаженный (т. е. живущий в пещерке, или скитающийся в лесах), и побоявшись, как бы он не стал требовать от него хлеба, который ему самому был нужен в дороге, встал и поспешно убрал хлеб в торбу. В это самое время подошел старик, который был святой Нил, и сказал: «Час добрый».

Феофан: «Взаимно здравия желаю».

Святой: «Чего на солнце сел?»

Феофан: «Вспотел и прозяб, вот и хочу согреться».

Святой: «Что работал, что так вспотел?»

Феофан рассердился и сказал: «Тебе какое дело знать? Какое право имеешь допытываться?»

Святой: «Отчего так рассердился? Оттого ли только, что я спросил тебя? И ты из-за этого одного так рассердился?»

Кроткий ответ старца успокоил гнев Феофана, и он отвечал: «Один брат одолжил мне дерево, и я срубил другое, чтобы ему вернуть; на возвратном пути захвачу его с собой и отдам кому должен».

Святой: «На каком месте сказал тебе брат срубить его, и на каком ты срубил? Не сказал ли он тебе, чтобы ты вырубил его на горе, на скалистом месте, а ты срубил его на низу? Как скажешь теперь брату, когда вернешься в скит? Скажешь, небось, что срубил на горе, на скалистом месте? Вот за ложь твою ты так и страдаешь и так наказуешься. Ну, а сейчас куда пойдешь?»

Феофан: «Зачем спрашиваешь?»

Святой: «Разве спросить нельзя?»

Феофан: «Не нельзя, а зачем тебе знать?»

Святой: «Пусть так, иди себе куда хочешь, только сперва мою вещь мне верни».

Феофан, подумав, что он просит хлеба, отрезал хлеба, дал ему и сказал: «Не хочешь ли и маслин?»

Святой: «Ничего мне не надо, человече, только я требую, чтобы мою вещь ты мне вернул».

Феофан: «Какой вещи можешь ты от меня требовать? Разве мы с тобой видались, чтобы ты мог мне что-либо дать и теперь требовать возврата?»

Сказав это и увидав, что выражение лица старика сделалось весьма грозным, Феофан испугался (и, чтобы доказать, что у него не может быть чужой вещи), стал вынимать все вещи из торбы и показывать ему. Святой смотрел на вещи, интересовался о каждой, весьма удивившись, когда Феофан вынул селенгозы (род съедобных улиток), и спросил: «Это что такое?»

Феофан отвечал, что селенгозы.

Святой опять спросил: «Куда же ты их несешь и зачем?»

Феофан отвечал, что несет их в подарок в Руссик, и что они съедобные. Потом Феофан остановился было вынимать; святой же спросил: «Еще что есть?»

Феофан: «Ничего больше нет».

Святой же ответил: «Нет, есть еще нечто, вынимай». Феофан, рассердившись (на недоверие старика), начал вынимать и остальное, святой же сказал: «Я знаю, что у тебя та вещь, которую я ищу; знаю, где она лежит, и взял бы ее сам, но не желаю прикоснуться к твоей торбе: поэтому сам давай мне вещь поскорей, иначе выброшу вон все из твоей торбы».

Феофан сказал: «Ладно, все выну, и если только окажется у меня твоя вещь, то бери ее», – начал выкладывать и остальное. Святой же со вздохом сказал: «Змиеязычный... Неблагодарный... Хищник... Осужденный... столько забрал, а все еще ему мало, побольше беззаконности беззаконнику надо...» Феофан спросил, про кого это он говорит? В это мгновение лицо святого засияло, как солнце, так что Феофан не мог смотреть на него, и, пригнув голову к торбе, опять спросил: «Про кого ты это сказал, и что ты за человек?»

Наконец, Феофан вынул котелок, который лежал на дне торбы, завернутый с травой фаскомиля, которую на Афоне пьют вместо чая, и, когда вынул траву, обнаружился котелок; святой протянул к нему руку и, ухватив его, сказал: «Вот та вещь, которую я ищу». Феофан в свою очередь ухватил за котелок, чтобы не дать унести его, и сказал: «Отдай, зачем берешь? Он не мой, а чужой, оставь его». Но святой отвечал: «Ты чужд еси, ибо держишь его у себя в торбе». Феофан стал опять говорить: «Оставь, он чужой, а вовсе не твой, как ты говоришь», – и стал усиливаться отнять его из рук старца, но святой слегка потянул котелок на себя, и котелок так легко отстал от пальцев Феофана, как если от теста кусочек кто пальцами отщипнет[1].

Вслед за сим старик стал невидим.

Чудесное и внезапное исчезновение старика на глазах у Феофана так ужаснуло его, что у него затряслись колени и он без сил опустился на землю. Наконец, придя в себя, он продолжал путь и, возвратившись, рассказал все случившееся с ним братии, которая изумлялась и недоумевала, кто бы мог быть сей ревнитель скита и блюститель завета их старца, но не могли представить себе, что это был святой Нил, ибо он, явившись перед тем за четыре месяца Феофану на лесной поляне, не открыл своего имени, а открыл его, лишь спустя еще три месяца, когда, явившись дважды во образе Игнатия, спас Феофана от бесов, потом исцелил от побоев, беснования и грыжи. Тогда святой сказал: «Имя мое Нил, живу я над Каравостасом». Одно только было для всех несомненным, что последнее чудесное явление с котелком не могло быть от силы бесовской, но было небесным явлением какого-либо угодника Божия.

Итак, ныне открылась тайна, кто был тот, который тогда отнял котелок и исчез. Это был святой Нил, и теперь, когда он через Феофана передавал слова свои братиям келлий

---

[1]Сия борьба Феофана со святым Нилом напоминает библейский рассказ о борьбе Иакова с Богом (Быт. 32, 24-32).

Дионисия и Тимофея и Феодориту, то в удостоверение истинности и божественности слов оставил сей котелок, чудесное исчезновение которого было всем известно.

Феофан передал кому следовало все слова святого и сам стал тщательно соблюдать все его заповеди, а также с помощью некоторых братий исправил спуск в пещеру, согласно повелению святого, чтобы и старики могли посещать ее во здравие души и тела.

После этого около года мирно прожил Феофан в своей пустынной каливе, тщательно стараясь исполнять все заповеди святого.

Глава III

Феофан нарушил заповедь святого и впал в тяжкое искушение. Святой карает Феофана, является ему в сонном видении и спасает. Открытие мощей святого 8 мая 1815 г.

Первое время по последнем явлении святого Феофан тщательно следил за своими помыслами и усердно подвизался в соблюдении всех заповедей, данных ему святым, но мало-помалу стал допускать отступления, начал пренебрегать некоторыми из заповедей, а поэтому неизбежно должен был подвергнуться искушению, что и не замедлило случиться.

Первая заповедь, которою пренебрег Феофан, была заповедь о неисходном пребывании в келлии, о невзирании на лица при встрече, о взирании в землю и памятовании о персти, из которой состоишь как сам, так и все люди, старые, молодые, красивые и некрасивые, мужчины и женщины... Феофан стал находить всякие благовидные предлоги, чтобы покидать келлию, и не хранил очей своих от взирания на лица; увидав однажды в лавре красивое лицо юноши, – влюбился в красоту его лица; вернувшись домой, вспоминал лицо, которым прельстился; у Феофана явилась потребность повидать его еще раз. Поддавшись сей прелести, Феофан стал учащать свои посещения в лавру и, усладив свои чувства видением издали юного лица, возвращался восвояси.

Здесь считаем долгом заметить, что страсть – прельщение красотою лица – страшно распространена в человечестве. Мы ее в себе мало примечаем, однако недугуем ею с отроческих лет. Кто из нас чист вполне от сего греха, пусть только тот бросает камень осуждения в Феофана. Платоническое прист-

растие к красивому лицу, впадение в тяжкие противоестественные грехи блудные – суть лишь различные степени одного и того же греха, действие одной и той же страсти.

Не победив в себе по безпечности своей первых греховных помыслов – младенцев вавилонских, не разбив их о камень Имени Иисусова, Феофан был уведен ими в пленение вавилонское, не мог противиться им, по-рабски повиновался, делая то, что они ему внушали, т. е. мыслью всегда вращался около предмета страсти, учащая все более и более свои хождения в лавру, так что, наконец, находил предлоги ходить туда по два раза в неделю. Наступила первая седмица Великого поста. Хотя в эту седмицу всякие дела прекращаются, Феофан нашел благовидный предлог, чтобы идти в лавру, ибо один брат в скиту обещал укропу архимандриту лавры Нафанаилу и собрал его, Феофан же брался снести. Итак, в среду первой седмицы, прийдя в скит и нагрузив сумку свою укропом, Феофан пошел в лавру, стал подниматься вгору, но когда дошел до креста св. Нила, то вдруг услыхал за спиной громкие шаги нескольких человек, поспешно догонявших его и говоривших: «Оставим его идти вперед». Феофан подумал, что кто-либо из скитян вышел вслед за ним из скита и остановился, вспомнив, вероятно, заповедь святого, чтобы при совместном шествии в пути предоставлять предшествие спутнику. Феофан подождал, чтобы пропустить говоривших вперед, но оказалось, что никто не шел; Феофан продолжал путь, не вразумившись сим знамением, которое святой, по-видимому, нарочно дал, чтобы напомнить Феофану и о прочих данных им заповедях, которые Феофан готов был так тяжко нарушить.

Когда Феофан дошел до моста *Ямы*, снова услыхал за собою топот, быстро оглянулся посмотреть, кто идет, но никого не увидал, и пошел дальше. Открывая ворота у подъем к келлии Спанон, что над самою пещерою преподобного Нила, он снова услыхал позади себя следующий разговор: «Вот когда дождались, наконец!.. Вот когда попался он нам в руки!» Феофан стал смотреть, но никого не увидал, и все-таки продолжал свой путь, спустившись на нижнюю дорогу. Дойдя до *Плака*, он вдруг упал на самом краю страшной пропасти, так что сумка его слетела с плеч и повисла над пропастью, зацепившись за камень. От страха угрожавшей смертельной опасности Феофан так ужаснулся, что у него помутилось в голове, сердце замерло; в это время он опять услыхал голос: «О, как хорошо! Так тебе и надо!»

По-видимому, падением на краю страшной пропасти святой хотел дать понять Феофану, на краю какого страшного падения он духовно находится. Феофан, поднявшись, стал глядеть кру-

гом, кто говорил; никого не было, и он пошел дальше. Дойдя до Кафизмы, в лесу около Кир Исаии, он снова упал и ушибся так сильно, что потерял сознание; когда же пришел в себя, то услыхал прежний голос: «Вот хорошо, так тебе и надо!»

Феофан взглянул вокруг себя, но никого не увидал. Тогда в душе он начал колебаться относительно первого своего намерения, ибо другой помысл говорил ему, что все необычайно происходящее в сей день не могло быть принятым, как хорошее предзнаменование, и советовал Феофану вернуться домой; но другой помысл противился первому и говорил: чему суждено было случиться – то и случилось, теперь к чему возвращаться, когда такое расстояние прошел? Чего теперь бояться?

Феофан послушал, было, первого побуждения – вернуться; повернул обратно, но, пройдя так некоторое расстояние, стал жалеть первого пройденного пути, и опять повернул к лавре. Дойдя до трех крестов, Феофан там на спуске упал еще более тяжко, чем в предыдущие разы, и совсем расшибся, так что лежал между ветвями кустарника, и опять услыхал таинственный голос: «Так тебе, безумному, и надо, чтобы не шлялся по таким дням вне твоей каливы!»

Феофан посмотрел, но никого не увидал; поднявшись с трудом, тихо поплелся к лавре, сокрушенный этими падениями, и шел в полусознательном состоянии. Дойдя до лаврского кладбища, он несколько пришел в себя, стал размышлять, что означали эти паденья и отчего все это с ним произошло, чего раньше никогда не бывало? Остановившись у источника, над входом в лавру, Феофан был поражен встречей с предметом своей страсти; в душе Феофана явилось страстное желание побеседовать с юношей. Юноша же сам подошел к Феофану и приветствовал его словами: «Добро пожаловать». Однако Феофан, не поддаваясь страстному желанию, ничего не отвечал. Тогда юноша опять обратился к Феофану с речью и сказал: «Издалека ли, что так устал?» На это Феофан отвечал только: «Из Кавсокаливы». Юноша начал шалить и шутить с Феофаном, приставать к нему с вопросами: что он принес, зачем пришел; от сего страстные чувства еще больше распалились в Феофане, так что он поспешил встать и уйти, не отвечая на вопросы юноши, и направился к воротам монастыря, но, будучи помрачен страстными своими мыслями, он, не заметив, прошел мимо дверей и, миновав монастырь, шел по дороге к пристани, пока не остановил его один встречный брат вопросом: «Куда идешь?»

Тогда только Феофан, оглянувшись, опознался и, не давая брату заметить его ошибки, ответил ему, что идет на арсану. Пропустив брата, он присел несколько у дороги и потом по-

шел обратно к монастырю. Но вторично, не заметив, прошел мимо ворот, опомнившись только тогда, когда у кафизмы пророка Илии ему в ногу глубоко вонзилась колючка, и так уязвило ногу, что нога онемела, и он не мог больше ступить ни шагу. Это новое несчастие настолько огорчило Феофана, что будь тогда при нем нож, он покончил бы с собой. Наконец, боль утихла и он мог опять идти. Повернул опять к воротам, но и на сей раз не попал в них, а прошел мимо, дошел до кладбища, где обознался; вновь пошел к воротам, но опять минул и заметил это только тогда, когда стукнулся об решетку, которая на краю обрыва, около беседки, что над морем; не будь этой ограды, Феофан свергся бы в пропасть, ибо не видел, куда идет[1].

Очнувшись, он опять повернул к воротам, шел полусознательно; минул бы их и на сей раз, если бы не стукнулся о косяк ворот и от этого не пришел в себя. Увидав ворота, он наконец вошел в них и направился к лестнице, которая ведет к келлии архимандрита. Подымаясь по лестнице, он снова повстречался с юношей, и тот воскликнул: «Приятная встреча! Опять встречаемся с тобою, отче!»

От звука голоса юноши в сердце Феофана снова закипели страстные чувства, но он не дерзнул ответить на восклицание и, молча пройдя мимо, прошел в келлию архимандрита. Отдав укроп, вышел, пошел в гостинницу, чтобы отдохнуть, но на лестнице в архондарик вновь встретил того же самого юношу, который опять заговорил с Феофаном и шутил с ним, говоря: «Наверное, ты мне что-нибудь принес в подарок? Давай, что принес?»

Феофан серьезно отвечал, что ничего не принес, и что нечего принести, но юноша не унимался и говорил: «Я уверен, что ты хочешь мне что-нибудь подарить, – недаром же мы с тобой так часто встречаемся. Давай, что хотел дать, я возьму и сумею тебя отблагодарить».

Феофан: «Ничего нет у меня, чтобы дать тебе».

Юноша: «Попомни мое слово; мы с тобой об этом еще потолкуем».

На этих словах они разошлись. Феофан пришел в гостинницу, поел и лег, но не мог уснуть, ибо скверные помыслы обуревали мысль его, в очах стоял неотступно образ красивого лица, в ушах раздавался приятный голос юноши. Феофан боролся с этими страстными воспоминаниями, но никак не

---

[1]Очевидно, у Феофана произошли эпилептические припадки, каковое обстоятельство, конечно, стоит в связи с действием сатаны, ибо прп. Нил, в наказание, предал Феофана «сатане во изможденне плоти, дабы дух спасся» (ср. Кор. 4, 5).

мог отогнать их от себя. Однако ради молитв святого Господь сохранил его от более тяжкого поражения; враг восторжествовал только о победе в мысленной брани. Так промучился Феофан до самой утрени. Когда ударили в колокол, то он пошел в церковь, но вступить в нее не возмог: на его глазах, один за другим, шли монахи в церковь и входили в двери ее, Феофан же сколько раз ни старался тоже войти в те же двери – не мог обрести их, и каждый раз, думая, что входит в дверь, – упирался в стену. Наконец, отчаявшись, он пошел к Портаитиссе (чудотворная икона Матери Божией, которая стоит среди монастыря в часовне). Здесь Феофан, опустившись на ступеньки, стал всем сердцем молиться ко Пресвятой Богородице, чтобы Она спасла его от сей страсти. Там находился он, пока не рассвело, когда подошел к нему один монах и спросил: «Откуда ты, отче?»

Феофан: «Из Кавсокаливы».

«Чего безпрестанно сюда шляешься? Видно, нет у тебя старца, чтобы в строгости держал тебя? Доколе будешь таскаться сюда в обитель? Или у тебя своего хлеба нет, что сюда таскаешься?» Феофан обиделся и сказал: «Чего расходился? Я по делу хожу!»

«По делу? Какие могут быть у тебя дела в монастыре? Кто поручал тебе здесь что? Обитель не есть постоялый двор, каким ты имеешь ее; входить в нее следует скромно, со страхом Божиим, с трепетом и с великим благоговением, а не так безстрашно и безсознательно, как ты – приходишь и уходишь. Не видишь разве, что здесь невидимо присутствует Царица, т. е. благодатию почивая с Ее чудотворной иконою?»

При этом старец ухватил Феофана за рукав и потащил его за ворота. Феофан не противился и, взяв в воротах оставленную там свою торбу, вышел из лавры и пошел в скит. Следующую неделю он провел дома, испытывая сильные нападения нечистых помыслов.

В день сорока мучеников (9 марта) Феофан ходил в скитский собор к преждеосвященной литургии. В тот же день возвратился домой и вечером отошел ко сну спокойно (т. е. почувствовав в себе успокоение блудной брани), и заснул. Проснувшись, он увидал, что за ночь выпал снег и покрыл землю толстым слоем, вершка на полтора. Феофан совершил утреню. Когда рассвело, сел за рукодел. Вдруг кот Феофана начал беситься, стремительно бросаться на Феофана, прыгать на него, стараясь достать лица его когтями. Наконец, с ужасом взвизгнув, кот бросился прямо в очаг, где горел костер, чтобы через трубу выскочить из келлии. Феофан выхватил кота из очага и крепко держал его в руках, не давая ему доставать

до лица когтями и не пуская его вырваться. В это самое время Феофан услыхал за дверьми голос: «Старец, дома ты?»

Феофан: «Чего тебе здесь надо в такое время?»

«Не видал ли, где стадо?»

«Разве я ходил туда, чтобы мог знать, где стадо?»

«Не могу никак найти его, чтобы волки их поели!»

При этих словах пришедший отворил дверь и вошел в келлию (т. е. без молитвы и без благословения Феофана).

Феофан взглянул и увидал юного отрока, весьма схожего лицом с тем юношей, к которому имел пристрастие в лавре. Феофан подумал, что это сын ланаря, т. е. покупщика и продавца козлов, который часто приезжал на Афон и в лавру, продавая молодых козлят на выпаску и покупая откормленных; поэтому Феофан спросил: «Давно пришли?»

Явившийся же под видом юноши был бес, умысливший, воспользовавшись пристрастием Феофана к тому красивому лицу, погубить его.

Бес отвечал: «Вчера вечером».

Феофан: «Кто из вас еще пришел? Отец пришел ли?»

«Пришли еще братья, старший и младший».

В это мгновение кот[1] вырвался из рук Феофана и выскочил за дверь; Феофан сказал: «Что сделал ты моему коту, что он так боится тебя?»

Бес: «Разве я когда трогал твоего кота, что ты меня спрашиваешь? Что мог я ему сделать?»

Феофан: «Нет, так он не стал бы тебя бояться; наверное, ты с ним что-нибудь сделал?»

Бес, не отвечая на эти слова, подошел к очагу и без стеснения поднял полы своей одежды, якобы с целью просушить их на огне костра, сел у огня на корточки, оголив ноги. Феофан смутился от такого беззастенчивого поступка и сказал: «Безстыжие твои глаза! Пропади ты совсем! Разве не совестно тебе так делать?»

(Здесь считаем уместным прервать дальнейшее откровенное

---

[1]Означенный кот, ревностно боровшийся с диаволом, является обличителем нас, грешных, не всегда мужественных в борьбе с сатаной. В журнале «Ребус» (1911 год, № 12, 7 стр.), в статье «Призрак, виденный одновременно человеком и кошкой», рассказывается, как одна кошка, бывшая в комнате со своим хозяином, увидела вместе с ним призрак самоубийцы, несколько лет назад покончившего с собою в сей комнате (т. е. сделавшегося слугой диавола). Дремавшая до появления призрака кошка, увидев призрак, сразу изменила свое положение, перестала мурлыкать, вскочила, сгорбила спину, распустила хвост; вся ее поза выражала ужас и угрозу... Кошка делала отчаянные усилия, чтобы пуститься в бегство; наконец это ей удалось. Чудовищным прыжком обезумевшее животное перескочило через стол, через кресла и через все предметы, преграждавшие ей путь к двери, и убежала

исповедание Феофана о том, с каким лукавством и безстыдством старался бес погубить Феофана, причем, когда увидел, что красота его отроческого лица недостаточна, чтобы соблазнить Феофана, то, обнажившись, оказался девицей, к великому удивлению Феофана, который все еще не догадывался, что это бес).

В конце концов, однако, Феофан, который доблестно боролся со своей страстию, стал ослабевать в душевной своей непреклонности на грех, мысленно готов был соизволить на грех, и несомненно жестоко был бы поруган врагом, как это и случалось с некоторыми подвижниками, что нам известно из житий святых, если бы изнемогающему в брани Феофану не помог своею помощью святой. В то мгновение, когда Феофан стал колебаться и начал склоняться мысленно на грех, вдруг раздался стук в дверь и голос: «Несчастный, что хочешь ты сделать? Вследствие неосторожности твоей постигло тебя все это».

От этих слов великий страх и трепет объял Феофана, кровь застыла в его жилах, мороз пробежал по коже; некоторое время он стоял безгласен, наконец, решившись выпроводить пришедшего искусителя, сказал ему: «Нечего тебе у меня делать, бесенок (т. е. убирайся вон)». Тот же отвечал: «Я сам знаю, есть ли мне что делать, и не уйду». Тогда Феофан открыл дверь и, глядя на порог, чтобы посмотреть, не подходил ли кто к двери, был весьма поражен тем обстоятельством, что никаких следов на снегу не было. Удивляясь сему, но все еще не догадываясь, что во образе отрока бес, Феофан воскликнул: «Ах ты бесенок, как же ты прошел ко мне, что и следов твоих на снегу нигде нет? Не диавол ли принес тебя по воздуху ко мне, чтобы соблазнить меня и сделать последним подлецом в мире?»

Тогда бес вдруг превратился в великого змия, ползал, извиваясь, по келлии и, наконец, исчез. Феофан пришел в ужас, уразумев, какую коварную кознь устроил ему диавол, и увидав, какая страшная погибель ему угрожала... Потрясенный всем этим, он сидел, размышляя, – и заснул. И вот во сне святой следующим образом наказал Феофана за нарушение им раньше данной заповеди и потом помиловал его, взяв с него обет: никогда не входить в лавру, никому не помнить зла и не гневаться.

Во сне Феофан увидал себя входящим во врата лавры, причем, как только он вошел, какие-то семь монахов устремились на него и, грубо схватив, потащили к старцу Нафанаилу, который, не говоря ни слова, дал только знак рукой; эти семь потащили Феофана в башню, заключили его там в темнице, наложив тяжкие оковы на руки и на ноги, заковали

колени, шею же так туго стянули железной цепью, что Феофан чуть не задыхался. Феофан в отчаянии молил заключавших его о пощаде, но они отвечали, что не могут в определенной каре ни ослабить чего, ни усилить, ни освободить его, сколько бы он ни просил их о том, ибо в точности должны исполнить повеленное. Феофан продолжал умолять и говорил: «Что сделал я вам? За что вы кандалы на меня надели?»

Монахи же те отвечали: «Вопроси о сем совесть свою, вспомни все содеянное тобою, тогда и поймешь за что заключили тебя». Сказав это, они вышли и оставили Феофана одного. Он пришел в такую скорбь, что громко стал рыдать и плакать, пока не вошел к нему какой-то старец-монах (который был святой Нил). Старик спросил Феофана: «Кто ты и чего вопишь?»

Феофану показался вид монаха знакомым, он заметил, что монах сочувственно относится к нему. Святой с состраданием повторил свой вопрос, и Феофан отвечал: «Я – Феофан».

На лице старика выразилось еще большее сострадание к нему и он сказал: «Как попал ты сюда? Что ты натворил, что тебя заключили в темницу?»

Феофан: «На дворе, около ворот монастырских я стоял, а они схватили меня и посадили сюда в темницу».

Святой: «Я могу поручиться за тебя Нафанаилу и выручить тебя, но что ты мне за это обещаешь?»

Феофан: «Что же могу дать я тебе? Ты сам знаешь, что денег у меня нет, и что бы дать тебе, не знаю».

Святой: «Монаху денег и не надо, но вот какие три вещи я от тебя потребую: во-первых, непамятозлобия, во-вторых, безгневия и, в-третьих, нехождения больше в лавру, чтоб отныне тебя более здесь ни один монах не видал и чтобы нога твоя на порог бы не ступала лаврский». (Эти три условия, предложенные святым Феофану, как необходимые для того, чтобы быть помилованным, имеют знаменательный духовный смысл, ибо первое есть оставление долгов ближним, без сего не может отпуститься и собственный долг; второе же необходимо, чтобы не утратить испрошенную милость вслед за получением ее и не быть вверженным во тьму кромешную, как тот помилованный немилосердный евангельский должник; третье же необходимо как свидетельство искренности покаяния и как отсечение поводов для господствующей страсти, которою искушается). Феофан, сознавая безвыходность своего положения, обещался все требуемое исполнить, лишь бы только освободиться из темницы, и сказал: «Исполню, исполню, только избавь ты меня отсюда, я все сделаю, что ты мне ни скажешь».

Святой: «Только эти три я требую, их исполни, больше я не требую».

«Исполню, только избавь меня отсюда».

«Исполнишь ли?»

«Исполню».

Святой вопросил еще в третий раз: «Исполнишь ли?»

Феофан: «Я тебе уже сказал, что исполню, зачем еще спрашиваешь?»

Святой: «Хорошо; так как ты обещаешься исполнить, то я освобожу тебя сейчас, только поминай сие оказанное мною тебе благодеяние и будь за это благодарен».

Феофан: «Яви мне эту милость, и я всегда буду помнить тебя».

Святой: «Да, изредка, ты поминал мои прежние тебе благодеяния и поминал меня, однако я знаю, что сегодняшнее благодеяние и ту беду, из которой я ныне избавляю тебя, ты вскоре совсем забудешь, нимало не помянешь всего этого, и вместо благодарности отплатишь мне неблагодарностию; но Бог знает все, и знает, что не от превратных людей, подобных тебе, ищу я похвалы».

Сказав это, святой вынул ножницы, которые были у него при поясе, и, разрешив цепи, сказал Феофану: «Вставай и иди за мной!»

Феофан же помыслил, что на дворе монастыря его опять схватят те монахи, если увидят, и засадят обратно, и, боясь сего, сказал: «Не выйду отсюда, ибо боюсь попасться тем монахам, так как за это они на меня еще больше разгневаются».

Святой: «Чего испугался? Иди за мной и не бойся».

Феофан встал и последовал за святым, который повел его в какое-то подземелье. Они стали спускаться вниз, по узкой подземной дорожке, шириной в один охват рук и очень низкой, так что должны были идти пригнувшись; на пути следования их перегоняли низкорослые и черные, во образе человеческом, существа; с великой поспешностью и большим старанием они волокли каждый по одному связанному человеку, иного за шею, иного за ноги, иного за руки, иного за волосы, иного за бороду, а одного тащили, зацепив крючком за ребра. Эти черные люди так быстро влекли своих узников, что Феофан едва успевал разглядеть их; слышал только хорошо их вопли, причем разобрал следующие. Так вот, которого тащили за шею, вопиял: «Горе мне, нечестивому иерею, дерзнувшему принять священство, будучи столь окаляным плотскими грехами, – се ныне гряду получить заслуженное возмездие».

Другой, которого волокли за веревку, привязанную к тайным удам, вопил: «Увы мне, непокорному монаху, ненавистнику

старческих приказаний, завистнику подвизавшихся и нерадивцу к собственному монашескому подвигу, не старавшемуся стяжать наследие на небесах Отчее, не старавшемуся восходить и усовершенствоваться в добродетелях и за это самое ниспавшему в бездну блудных грехов: мужеложства, сваления, малакии, – се ныне низвергаюсь в бездну ада».

Один вопил: «Увы мне, положившему доброе монашеское начало, раздавшему все имущество бедным, чтобы подвизаться в нестяжании, но в монашестве ставшему многостяжателем, клавшим все силы свои на приобретение хищением и неправдою всяких вещественных благ, презревшему подвижничество ради стяжания благ духовных и стяжания добродетелей! Из-за этого, вместо того, чтобы взойти на высоту блаженства, куда мне был открыт доступ, я, впав в хищения, неправды и многостяжательность, нисхожу в бездну адскую».

Другой вопил: «Увы мне, безумцу! Покинул я отца, мать, родных, друзей, братьев, сестер, рабов, служителей, все имение движимое и недвижимое, скрылся от мира под спасительный кров монастыря, но здесь, вместо того, чтобы подвизаться, подражая святым отцам, я удовольствовался тем, что положил доброе начало. Да, положил я истинное начало, но не продолжал подвизаться на пути монашеского спасения, не искал спасительной свободы от страстей и от всяких попечений, но опутал себя многими заботами и житейскими попечениями о умножении своего имущества, о постройке красивых зданий и стяжании прочих привременных благ, оставив ради этого всякое попечение о подвиге иноческом, всякую заботу о стяжании духовных благ, следуя путем беззаконников, вместо добродетелей стяжевая пороки, ревнуя и стараясь превосходить других не добродетелями, а успехами в стяжаниях злата и прочих благ тленных, в разведении садов и в постройке домов. Этими заботами диавол так меня опутал, что я и не замечал, что позабыл Бога и безполезно трачу жизнь в суете, но был несомненно уверен, что стою на пути спасения, как никто другой. Содействием диавольским я так был прилежен и ревностен в трудах ради стяжания сих временных благ, что никогда не ощущал в себе даже усталости, в сих великих суетах ноги мои никогда не утомлялись. И ныне вот куда довели эти многопопечительные и многостяжательные заботы – из-за них меня теперь волокут за ноги по сему адскому пути в бездну, ибо я и жизнь всю свою работал на пользу ада, а не на пользу душевную».

Еще один вопил: «Увы мне, монаху-фарисею, который сначала имел доброе намерение, желая поступить в убогую обитель и там подвизаться в смирении, но впал в лицемерие и ханжест-

во, стал заботиться о своей наружности – бороде и волосах, стараясь быть привлекательным и искусным в лести, в чем преуспел, и вознесся самомнением. Увлекаемый им, покинул я обитель и отправился в Царьград, там начал завлекать людей своей наружностью, бородой, волосами и обхождением, ища славы человеческой и доискиваясь звания духовника. (На востоке это особое звание и не все священники могут быть ими). Когда же достиг, то уподобился змию, соблазнявшему Еву и обвившемуся вкруг древа познания добра и зла, отгрызшему собственными зубами запретный плод, отравившему его ядом языка своего и тем умертвившему весь род человеческий, сделав людей безчувственными к страху Божию. Так и я – собственными зубами отгрызал запретные плоды, смертельные для людей, и манил языком своим вкушать от них, и те, которые принимали их от меня, – отравлялись. Так и я делал людей безчувственными к повелениям Божиим (т. е. безстрашными ко греху), отравляя их превратными толкованиями и ложными истин духовного ведения древа познания добра и зла (т. е. ложным толкованием заповедей и слова Божия). Старался я привлечь к себе как можно больше духовных чад и, чтобы приманить их, льстил им, как змий, хваля их не только в глаза, но и заглаза; но вместе с тем осуждал духовников иных и духовных чад за грехи их. За это ныне нисхожу на дно ада, в хлад тартарский, чтобы быть вечно мучимым мучителем драконом во чреве ада, где Диосфор».

Такими воплями оглашалась та адская стезя, по которой бесы волокли тех людей.

Наконец Феофан со святым Нилом дошли до одной, боковой, весьма узкой дорожки; святой сказал: «Следуй за мной», – и повел его до конца ее, где виднелся как бы закрытый люк от цистерны, из которого, когда святой открыл его, вырвалось пламя и озарило их. Феофан испугался, но святой сказал: «Не бойся, но только смотри же хорошенько, чтобы ты больше не входил в монастырь, а то я собственными руками кину тебя сюда». Феофан испугался еще больше, как бы он сейчас не привел бы в исполнение своей угрозы и не вкинул его туда, и стал умолять, говоря: «Никогда больше в монастырь не пойду, только не кидай меня сюда». Святой: «Смотри же хорошенько, берегись, чтобы не нарушить тебе слова, ибо тогда здесь мучиться будешь». Феофан спросил: «Что это такое? Колодец сухой или цистерна?» Заглянул в люк, и его глазам представилась глубочайшая пропасть, на дне которой кипела и клокотала расплавленная огненная масса. На поверхности этой массы появлялись тела человеческие, обнажаясь то той, то другой частью тела и вновь погружаясь, – как

фасоль, кипящая в воде, восходя наверх и сходя на дно, причем появлявшиеся лица их были уродливы, подобно собачьим и ослиным мордам; из глубины же исходили ужасные стоны и вопли; так одни вопили: «Горе нам, многостяжателям», другие: «Увы нам, злым мстителям», «Увы нам, лжецам», «Увы нам, хулителям», «Увы нам, мужеложцам», «Увы нам, иереям прелюбодействовавшим»; и другие подобные возгласы раздавались оттуда.

Наконец, святой сказал Феофану: «Иди за мной»; Феофан последовал за святым. Они вышли на прежнюю дорогу и, поднявшись наверх, возвратились в темницу, где, посадив Феофана, святой надел ему снова оковы на руки и на ноги, как вначале, и сказал: «Посиди здесь, пока я схожу к старцу Нафанаилу, чтобы взять на себя твое бремя и твою тяготу, но смотри же хорошенько, берегись, ибо, если ты нарушишь обет, то меня посрамишь, ибо я ручаюсь за тебя эпитропам, что ты никогда больше не придешь сюда; и тогда уже не избавишься от сей бездны».

Святой вышел, замкнув за собой дверь; Феофан услыхал его обратные шаги; он открыл дверь и, взойдя, сказал Феофану: «Вставай, ступай в свою каливу, но смотри хорошенько, чтобы впредь ты не только не смел в монастырь входить, но чтобы очи твои и порога монастырского более не видали. Вставай».

Феофан возразил: «Как мне встать, когда я связан?»

Святой: «Вставай, я говорю тебе; зачем прекословишь?»

Повеление старца, казавшееся Феофану невыполнимым, начало сердить его и он грубо отвечал: «Я уже раз сказал тебе, что не могу; чего же ты все твердишь: вставай да вставай? Разве не видишь, что у меня и руки, и ноги связаны? Разве возможно мне встать?» (Повеление святого встать означало восстание от сна, в котором был Феофан во время видения). Феофан, попробовав сделать движение и убедившись, что встать ему невозможно, сказал: «Вот видишь, как я связан, а ты все говоришь: вставай да вставай! Не знаю, что ты за человек такой!» При этих словах Феофан пробудился, но не мог первое время понять, где он и что с ним, не знал, было ли все виденное с ним во сне, или наяву. Наконец, ощупав руки и ноги и убедившись, что они не связаны, он пришел в себя и уверился, что то, что он только что видал, было с ним в сонном видении; однако руки у него болели, как будто после оков, и не могли свободно действовать; в носу же до трех недель все ощущался тот страшный смрад, который исходил из бездны. Святой, явившись в этом сонном видении Феофану, хотя и не назвал себя ему прямо, но из

его речей можно было познать его, а впоследствии преподобный, укоряя Феофана за несоблюдение им заповедей его, винил его и в нарушении сего данного Феофаном обета не ходить в лавру, упоминал о том, как он освободил его из темницы, укоряя за неблагодарность, которою Феофан воздал ему за оказанное благодеяние, что святой раньше предвидел.

8 мая 1815 г., т. е. два месяца спустя после описанного выше видения, неожиданно были обретены св. мощи преподобного отца нашего Нила, были обретены, хотя и с попущением святого, но не с соизволением его на то, ибо святой заклял в предсмертном завещании, чтобы никто не дерзал отрывать его останки. Произошло это вследствие того, что, когда распространилась во Св. Горе слава о чудесных и необычайных явлениях святого Феофану и когда по повелению святого Феофан разделал спуск в пещеру, так что стало возможным и старикам, наравне с молодыми, приходить туда на поклонение – «ради исцеления души и тела», и паломничество в пещеру возросло, то некоторые братия вознамерились построить на карнизике, что под самой пещерой и на отвесной скале, подымающейся от моря, церковь во имя святого. Это намерение, как видно будет потом из обличений святого, не было вполне чистым, но вызвано было отчасти и денежными соображениями[1]. Лавра дозволила; были наняты рабочие и приступили к закладке фундамента. При этом открылась и та пещерка могильная, находившаяся под пещерою, в которой жил святой, где почивали его мироточивые святые мощи. Из этой именно гробовой пещерки истекало некогда обильно чудотворное и всецелительное миро чрез малую трещину в скале. С высоты нескольких сот футов оно стекало в море у Каравостаса, и так продолжало истекать, пока все святое тело не обратилось в миро благоуханное и святое, почерпнуть которое из дальних стран православные стекались к Каравостасу. Но остальные священные останки оставались неприкосновенными в гробу; некие два брата однажды попытались было отрыть мощи, но при самом начале их поисков на одного из них обрушился большой камень и раздавил ему ногу. Тогда другой, оставив раненого в пещере, поспешил в монастырь за помощью и за мулом, но, когда он удалился, оставшемуся

[1]В свое время С.-Петербургское епархиальное начальство устроило комиссию для выяснения вопроса о монастырских подворьях в столичных городах. Комиссия высказала суждение (конечно, не совсем верное), что монастырские подворья с храмами, устрояемые иноепархиальными монастырями в столице, строятся единственно для приобретения денег в кассу монастырей, являются как бы одними лишь сетями, неводами и удочками для уловления денег. Конечно, это не совсем верно, но все-таки при постройке храма надобно избегать коммерческих побуждений.

явился некий благолепный старец, т. е. сам святой Нил, в образе старца-монаха, и спросил: «Что с тобой случилось?» Тот отвечал, что хотел с товарищем отрыть святые мощи, но на него обрушился камень; святой исцелил раздавленную ногу, но заповедал, чтобы впредь никто не дерзал бы больше искать его мощей, и исчез. Тогда исцеленный побежал в догонку за ушедшим братом, нагнал его в местности Хаир, к великому удивлению последнего, и рассказал ему все случившееся.

Запрещение святого стало известным всей Св. Горе, передаваясь из рода в род по преданию, так что до последнего времени никто не дерзал более возобновлять попытку взыскания св. его мощей. Ныне же, ради Феофана, как объяснил потом святой, попустил он совершиться столь неугодной для него вещи и не возбранил незаповеданной им постройке церкви. Св. мощи неожиданно были обретены и торжественно перенесены в лавру; в соседней же с пещерою св. Нила келлии Спанон была оставлена лишь часть святого для почтения места, где раньше подвизался святой. Так, вслед за одним делом, противным святому, совершилось и второе, не менее противное его воле, а именно перенесение его священных останков из возлюбленной им безмолвной пещеры в многолюдный монастырь.

За все это, как мы увидим ниже, пришлось дать ответ Феофану и пострадать за свое самочиние, ибо он сделал сие, не имея на то повеления святого, и на него пала клятва, положенная в завещании святого. За эту клятву Феофану впоследствии пришлось понести тяжкую эпитимию перед своим пострижением в схиму.

Святой также сказал, каковы были слова той клятвы, которою он заклял, умирая, не касаться его мощей, а именно: «Не воскреснут нечестивии на суд», т. е. те, которые дерзнут нарушить клятву. Сие завещание, как мы видим из слов святого, было написано на дощечке его возлюбленным учеником Илией и утверждено над изголовьем гробницы, в предостережение тех, которые захотели бы отрыть останки по прошествии трех лет, как то водится на Афоне, и взять их себе в молитвенную память.

Открытие св. мощей привело Феофана еще к одному злосчастному последствию – к нарушению данной им клятвы не ходить никогда в лавру, ибо он счел себя вправе при перенесении мощей сопровождать их, за что снова подпал под власть злого духа. Наконец, Феофан прогневал святого еще тем, что роздал некоторые бывшие у него частицы мощей прп. Нила на сторону.

ГЛАВА IV

Искушение, постигшее Феофана за нарушение им заповеди. Святой является в сонном видении, обличает грех, объявляет наказание и берет свои мощи. Вторичное явление его Феофану во время соборования и исцеление Феофана. Явление в храм во время бдения, когда святой Нил вернул мощи Феофану

Как мы видели выше, Феофан дозволил себе сопровождать мощи святого в лавру во время перенесения их и этим нарушил ту заповедь святого, которой он запретил ему посещать лавру под каким бы то ни было предлогом. Грех есть смерть; так и в данном случае: как только совершил сей грех Феофан, благодать отступила от него, диавол возобладал снова сердцем его, так что на следующий день, переночевав в лавре после перенесения мощей, Феофан, когда, получив свою часть мощей, отправился восвояси, то почувствовал в сердце сильное уныние и злобу. (*Прим.:* обращаем внимание читателя на это характерное явление и свойство греха; победил враг Феофана, заставив нарушить одну заповедь о непосещении лавры, и вот, оказывается, Феофан не в силах соблюдать другие заповеди о безгневии и непамятозлобии). Прийдя в скит, Феофан остановился в келлии Филарета, причем ощущал в себе такое смущение и злобу, как никогда. К счастию его, в этот вечер один из братий благой беседой своей рассеял несколько злобные и мрачные чувства Феофана, но когда тот удалился и Феофан остался один, то злоба снова закипела в его сердце. Положив (на стол) св. мощи, Феофан лег, но уснуть не мог, так как голова его была полна воспоминаниями о тех обидах и оскорблениях, которые когда-либо перенес Феофан; сердце его пылало злобой и желанием отомстить. Наконец, перед самой утреней он заснул, и ему явился преподобный Нил в следующем видении.

Представилось Феофану, что он идет из лавры в скит, а навстречу ему идет старец Анания, лавриот, в лавру, который был, как потом мы увидим, святой Нил. Поравнявшись с Феофаном, святой, на приветствие последнего, укоризненно покачал несколько раз головой и промолвил: «Так-то воздал ты мне за оказанное мною тебе благодеяние, неблагодарный человече?»

Феофан: «А что я тебе сделал худого?»

Святой: «А что еще хуже мог ты мне сделать? Ты, может быть, думаешь, что так и следовало разобрать меня на куски, чтобы они почивали завернутыми в грязном мирском белье?» (Последнее святой сказал потому, что, когда открылись его мощи, то бывшие при сем мастера-миряне взяли себе части мощей и, за неимением места для хранения их, поклали в сумки свои, завернув в белье.)

Феофан: «Ты не предупреждал меня, чтобы я не сотворил сего» (т. е. не отрывал бы твоих мощей).

Святой: «Из-за твоей неблагодарности разобрали и растащили меня. Это ты растаскал меня, неблагодарный».

Затем святой повел речь о Феофане. «Доколе злобиться будешь? Доколе огорчаться, доколе оскорбляться будешь? Разве мало повторял я тебе, чтобы ты, когда найдет на тебя огорченье и гнев, побеждал их терпением? Не говорил ли я тебе, как поступать впредь и столь подробно, как действовать в том и в другом случае? Не обещался ли ты мне никогда не ступать больше на порог монастыря? Не предупреждал ли я тебя (что в противном случае беда будет)? Теперь же ты еще меня винишь во всем и в твоей гневливости!» (По-видимому, Феофан, страдая ту ночь от воспламенения в нем злобы и огорчения, роптал и винил святого). Феофану стало жалко благого старца, он раскаялся в своих словах, упал ему в ноги, просил прощения, и так лежал ниц, пока тот не сказал: «Не меня жалей, но собственную свою душу пожалей, несчастный», и затем: «Буди прощен; и да почиет на той части (мощей), которая у тебя, моя благодать». Феофан восстал от земли и увидал святого уже в некотором отдалении от себя и страшно изменившимся: святой шел нагой, тело его было растерзано, отдельные же суставы и части валялись по дороге позади его, справа и слева; Феофан воскликнул: «Остановись, вернись, куда идешь в таком виде? Давай сначала соберем?»

Святой: «Это ваш долг, ибо вы самовольно раскидали их; я же не поручал вам переносить меня в монастырь и не требовал от вас сего. Итак, немедленно же соберите то, что раскидали, чтобы мне возвратить все в целости, когда я за ними прийду, чтобы возвратиться обратно». (Этими словами святой пророчествует, что впоследствии его св. мощи перенесутся обратно в его пещеру.)

Феофан: «Ну, теперь, попав в монастырь, едва ли возможно будет тебе вернуться целым обратно».

Святой: «Отчего же ты полагаешь, что мне не отдадут (мощей) в целости обратно?»

Феофан: «Разве ты впервые с лавриотами познакомился, что меня спрашиваешь?»

Святой: «Я их знаю, но и они меня узнают» (если воспротивятся моему возвращению).

Феофан: «Прежде, чем дашь им себя узнать, они разошлют тебя в поездки со сборщиками, и дожидайся тогда, когда вернешься назад».

Святой: «С поездками я не знаком, ибо никогда не покидал своей пещеры, и не пойду (по сбору); если же они сотворят мне это, то понесут великий урон. Болезнь и пожар постигнет их обитель».

После этого святой сказал Феофану: «Смотри же хорошенько, смотри, хранись и берегись, если хочешь, чтобы моя благодать хранила бы тебя». Сказав это, святой повернулся и подвигся в путь, подымаясь в гору, а Феофан пошел к скиту – и проснулся. Пробудившись, он почувствовал, что от св. мощей преподобного, которые положил на стол, когда ложился спать, исходит чудное благоухание. Сердце Феофана было преисполнено такого умиления, что слезы неудержимо струились из глаз, а от бывшей злобы и огорчения – и следа не осталось.

Оставив св. мощи на хранение при церкви келлии Филарета, Феофан вернулся в свою каливу, около 8 месяцев мирствовал и посильно подвизался.

Но в начале 1816 года Феофан, позабыв прещения святого за раздробление его мощей, вновь прогневал этим святого, ибо паломничество в пещеру св. Нила по открытии и перенесении его мощей еще больше возросло. Многие поклонники посещали Феофана, причем были и земляки с родины его. Феофану дарили деньги, прося его уделить им частицы мощей от его части, и Феофан уступил настояниям некоторых. По-видимому, и лавра[1] тоже уделила некоторые части, чем был весьма недоволен святой. Наконец, Феофан стал впадать в страсть человекоугодничества и сребролюбия, т. е. ухаживал за поклонниками, копил деньги, которые ему давали, и таким образом оказался снова на пути погибели. Он совершенно погиб бы, если бы святой не вернул его на путь спасения, обличив его грех и покарав его.

13 января 1816 г., в первом часу по заходе солнца, уснувшему в своей каливе Феофану явился святой Нил, во образе архимандрита Нафанаила, игумена лавры и потребовал, чтобы Феофан подал ему его ковчег с мощами. Феофан подал ковчег; святой же, открыв его и взглянув, сказал: «Где же остальное?» (Т. е. куда девались прочие части?)

---

[1]На греческом востоке существует весьма греховный обычай продавать за большие деньги частицы мощей — «нужды ради», как тонко выражаются лукавые продавцы, забывающие, что благодать Божия не продается, и тем навлекающие на себя гнев Божий.

Феофан: «Я раздал».

Святой: «Разве для того дал я тебе мощи, чтобы ты их раскидал?»

Феофан: «Нужда была и отдал».

Святой: «Какая могла быть нужда? Испытал ли ты когда-либо с самого твоего поселения здесь нужду в чем-либо? Кто же доставлял тебе доселе все это, неблагодарный? (Т. е. разве не исполнял я обещания своего промышлять о всем потребном для жизни твоей, а ты говоришь, что ради нужды отдал часть мощей моих за деньги?) Но ты нимало не признателен мне за это».

Феофан: «Какой же признательности ты еще от меня требуешь?» (Т. е. ведь кажется, я все заповеди твои исполняю.)

Святой: «Не наказывал разве я тебе, чтобы ты не связывался с ними, а ты зачем связался с ними?» (Т. е. с мирянами и земляками.)

Феофан: «Я и не связываюсь с ними».

Святой: «Да, ходить ты к ним – не ходишь, но лукаво ухаживаешь за ними. (Т. е. льстишь и угодничаешь, когда они приходят поклониться в пещеру.) Я велел тебе только спуск в пещеру разделать, и не заметил ты разве, как все это как бы само собой сделалось? Ты и не почувствовал, как все совершилось. Но кто приказывал тебе церковь строить? Разве когда говорил я тебе, чтобы ты сделал церковь? Но пусть так, построили вы ее, но где же ваше богослужение в ней? Построили вы ее не ради спасения душ ваших, а втайне рассчитывая получать доход от нее, как от торгового заведения».

Феофан: «Так отчего же, если это так неугодно было святому, он не остановил сего чудом?»

Святой: «Тебе ли еще требовать чуда? Мало с тебя разве тех чудес, которые ты видал, что еще просишь и требуешь? Мало разве оказал я тебе милостей и долготерпения, до сего времени терпя и милуя тебя, не взирая на твою злопамятность?» (Памятозлобие пресекает действие благодати.) «Получи же заслуженное наказание, чтобы и другим оно было в пример, и одумайся хорошенько!»

При последних словах святого Феофан увидал, слева от него, устремлявшегося громадного дракона и, громко закричав, перевернувшись на ложе своем, на котором спал, упал с ложа, пробудившись в страхе и трепете. Вспоминая потом подробности видения, Феофан убедился, что это святой Нил являлся ему и вспомнил, что он отдал ему ковчег с мощами и не получил его обратно. Феофан обезпокоился, не случилось ли что с его мощами, которые хранились в келлии Филарета.

На следующее утро пошел посмотреть, целы ли они. Прийдя в келлию Филарета и отомкнув сундук, он нашел ковчег нетронутым, но мощей в нем святого не нашел – осталась лишь вата, в которой они были завернуты. Все эти события до того потрясли Феофана, что пять ночей он нисколько не мог уснуть и безпрестанно дрожал. Тогда позвали трех священников совершить над ним елеосвящение. Это ему несколько помогло, ему стало легче, и он мог заснуть, но ломота осталась во всех членах. По временам боль делалась такой острой, что он кричал. Подобные припадки острой боли продолжались с ним до четверти часа. В ночь на воскресенье 23 января, когда Феофан был у заутрени в церкви, с ним сделался обморок; упав, он вывихнул себе совершенно руку в плече, так что из плечевого сустава она выскочила назад, рот его так свело судорогой, что он не мог нисколько открыть его, чтобы что-либо съесть или выпить, и не мог проговорить ни слова. Это произошло на келлии Филарета. Братия, подняв Феофана, снесли его в готовую комнату, где и положили его. Феофан, хотя и пришел в сознание, но владеть ртом не мог, страдая от жажды и голода, не мог открыть рта для принятия пищи, и мучительно страдал от вывиха, а еще более тяжко страдал душевно. От этих невыразимых страданий он пришел, наконец, в такое отчаяние, что увидав висевшие близ себя ножницы, протянул к ним правую руку, схватил их, решив покончить с собой и вонзить их себе в живот; держал их уже готовыми в руке, соображая только, каким образом удобнее это исполнить, – но вдруг, в это самое мгновение, забылся и очутился, в видении, заключенным в темницу в лаврской башне и накрепко закованным в железные тесные кандалы, которые причиняли ему такую нестерпимую боль, что он в отчаянии грыз зубами свое тело на руках и на ногах. В это время вошел к нему какой-то старец монах, держа в руках бумагу, перо и чернильницу. Это был святой Нил. Увидав, как Феофан яростно грызет свою плоть и терзает себя, святой укоризненно произнес: «О, маловерный и косный сердцем. Кому этим отмщаешь? Не себе ли самому досаждаешь?»

Феофан: «Что же мне делать, когда страдания невыносимы? Не видишь разве, как я связан?»

Святой: «А кто в этом виноват, как не ты сам? Ибо ты и не исполнял того, что повелел тебе, и не удерживался от того, что запретил тебе. Мало разве я терпел тебя?»

Феофан: «Но тебе что я сделал худого?»

Святой: «А что еще хуже мог ты мне сделать? За то именно и засадил я тебя сюда, и посему в моей власти и выпустить тебя отсюда, но так как ты не достоин того, то я и не желаю,

чтобы ты освободился. Впрочем, если за тебя попросят три ходатая, то тебе возможно будет освободиться, но только наперед скажи, как будешь потом жить?»

Феофан: «Как я буду жить? Как все живут, так и я буду жить».

Святой: «Ты на других не гляди».

Феофан: «Ну, так как же мне надо жить, чтобы освободиться?»

Святой: «Сам должен знать: за что тебя посадили? Значит, впредь живи так, чтобы в этом больше не провиняться. Как жить, тебе в особенности хорошо должно быть известно, ибо я столь крат вразумлял тебя, как следует жить, чтобы не попасть сюда. Несмотря на то, что ты все это прекрасно знаешь, ты все-таки следуешь влечению развращенного желания твоего, представляя себе свет тьмою и тьму светом, ибо ко тьме влечет тебя твое греколюбие, как свинью – кал тинный».

Феофан: «Ты только выпусти меня, я пойду в свою каливу, все буду соблюдать и не буду больше приглядываться к другим – что делает тот, и что делает другой».

Святой: «Ты это уже много раз обещал мне и слово давал, но потом попирал данное обещание, ибо мысль твоя непостоянная. Но, будь по-твоему, только напиши сперва на сей бумаге все то, что отныне обещаешься исполнять».

При этом святой подал Феофану бумагу и перо, чернильницу же продолжал держать в своих руках.

Феофан: «Что же именно писать?»

Святой: «Запиши все, чему я тебя учил».

Феофан: «Чему же ты меня учил?»

Святой: «Ты сам хорошо помнишь, чему я тебя учил».

Феофан: «Поверь мне, что ничего не помню».

Святой: «Лживому ли верить, или истинному? Я говорю тебе, что ты помнишь, а ты говоришь мне: поверь, что ничего не помню. Посему, предай письму все, что я с тобой раньше говорил, что ныне говорю и что впредь скажу, не утаевая слов, не делая так, чтобы одни слова хоронить, а другие являть.

Никогда ни в чем не лукавь. Никогда не говори себе: когда похоть влечет на грех, авось сойдет, или будь что будет, а я все-таки исполню желание свое; ибо за это самое многие попали в темницу и не освободились больше оттуда.

Без совета ничего не начинай, ни во внешнем, ни во внутреннем, т. е. ни предприятий каких, ни начинаний каких в келейной жизни и в духовной. Не посоветовавшись, ничего не твори. Слышу я еще, как ты озабочен попечениями и хлопотами о заготовлении и запасении себе разных припасов для пропитания. Ужели доселе ты не уверился в том, что я

пекусь о тебе, и не заметил, как я промышляю о тебе, не взирая на неверность твою и на развращение мыслей твоих, что я, впрочем, предвидел.

По праздничным дням и в субботы дозволяется тебе есть рыбу, но не больше того. Однако ешь только, если случай будет, но отнюдь не запасай вперед.

При каждом смущении в мыслях ты должен ходить к твоему духовнику».

Феофан: «Нет у меня духовника и взять негде».

Святой: «Что же со всеми случилось?»

Феофан: «Ты, как монастырский, накажи которому-нибудь из них принимать мои помыслы».

Святой: «Не могу я никого назначить тебе, чтобы он не возомнил потом о себе, что он всех лучший, ибо тогда и овца сия, т. е. духовник, может погибнуть; поэтому того, что ты говоришь сделать, – невозможно, но ты сам сходи и попроси; если тебя не примет – отряси прах ног твоих, и иди к другому».

Феофан: «Буди по слову твоему, ты только освободи меня отсюда, а я сумею как-нибудь устроиться».

Святой: «На сей раз ты освободишься, но только смотри, берегись, чтобы тебе вновь сюда не попасть, ибо тогда не выйдешь больше на свободу.

Для того, чтобы освободиться, тебе следует пригласить семь иереев, дать каждому на литургию, т. е. отслужить литургию о здравии, раздать всем отцам на четки, т. е. чтобы протянули четки за исцеление Феофана; чтобы не вообразил бы ты потом, что своими силами освободился. Нет, нет, и не воображай, что тебе самому, т. е. без посторонней молитвенной помощи, возможно освободиться, только ради предстательства трех ходатаев это может состояться, чтобы тебе выйти на свободу».

Феофан: «Кто же ты таков и какое твое звание в монастыре?»

Святой: «Я тот, который освободил тебя, пленного. Я тот, который напитал тебя, алчущего. Я тот, который одел тебя, нагого, но ты каким был неблагодарным, таким и остался. Ты рассек меня, за все мои тебе благодеяния, на куски и раскидал повсюду; как будто на злодея, скрывающегося в пещере, напал ты на меня, и, как какого вора пойманного, потащил в монастырь, стремительно, как вихрь, налетел на мою пещеру, и внезапно унес меня в монастырь».

При этих словах святого Феофан заметил, что руки святого повреждены и поранены, на пальцах недостает ногтей, и в ужасе спросил: «Что случилось с тобой, куда девались твои ногти?»

Святой: «Об этом ты лучше сам себя спроси, куда ты их подевал».

Феофан: «Когда видал я их, как могу знать о том, как тебя изранили?»

Святой: «Тебе это хорошо известно, но, смотри, помни, чтобы ты опять собрал меня, ибо ты виноват в том, что меня сокрушили».

Феофан: «Те ногти, которые унесли, – пропали, и где мне разыскать их? Не заказать ли кузнецу новые?»

Святой: «Разве ты носил когда медные ногти, что предлагаешь мне сделать такие?»

Феофан: «Ну, а как же мне быть, если, в случае, я тех не разыщу?»

Святой: «Спроси тех, которые были при открытии мощей, чтобы и им не пострадать так же, как те, упавшие и разбившиеся». Т. е. каменщики, клавшие церковь у пещеры святого, которые, взяв частицы мощей при открытии их, не хотели потом отдать их по требованию святого, переданному им Феофаном». За это святой покарал их; они упали со стены, расшиблись и тогда, устрашившись, вернули взятые части мощей.

Феофан: «Положим, что я знаю, у кого они, но разве отдадут мне те части (мощей, которые имеют)?»

Святой: «Ты только расскажи им, как меня видел; скажи, если они не принесут частей, которые у них, туда, где лежат и прочие (т. е. в лавру), то их часть будет с теми, о которых сказал царь Давид: “Не воскреснут нечестивии на суд”[1]. Этими самыми словами заклял я (умирая) своих учеников, чтобы они не раскидали моего тела; возлюбленный мой ученик Илия запечатлел это на дощечке, которую поместил над моим изголовьем, для сведения прочим, чтобы не упала на чью-либо душу тягость (клятвы)».

Феофан: «А разве не нравится тебе место, куда ты ныне перешел?»

Святой: «Тем только оно хорошо, что я удалился от той суетной келлии» (разумеется Спанон, которая над пещерой, и которую преподобный обличал).

Феофан: «Так отчего же ты недоволен тем, что здесь находишься?»

Святой: «Недоволен оттого, что не в своей пещере».

После этого святой сделал исключение для четырех частей своих мощей, а именно: своей челюсти, которая была отделена лаврой для келлии Спанон, позвонка, данного Феофану, и который, как мы видели выше, святой у него отобрал, и еще

---

[1]Пс. 1, 5 (по русскому переводу): «Не устоят нечестивые на суде».

двух частиц, которые святой через несколько дней после этого вручил Феофану вместе со своим позвонком. Сии части получили благодать святого и благословлены им их владельцам, причем он распорядился о них следующими словами: «Дай одну часть в кириако (т. е. скитский собор) на память почитающим нас; другую часть отдай внутрь (т. е. в скит игумену скита). Эти две отдай внутрь (т. е. в скит), часть же позвоночную имей у себя, на память моего промышления о тебе, как отца о сыне, в воспоминание того, о чем говорится в псалме (Пс. 102, 7): "Сказа Господь пути Своя Моисеови, сыновом Израилевым хотения Своя" (т. е. в память промышления святого о Феофане, изведения Феофана на пути спасения из греховного Египта в землю обетованную святым, уподобившимся по кротости Моисею, терпевшему столькую неблагодарность и непокорство евреев и неперестававшему умолять за них Бога, как и ныне творил святой, терпя жестокость и греховный нрав Феофана и не покидая его). Сия три прощены» (т. е. благословлены быть отделенными от мощей преподобного). Феофан переспросил: «Которые три?»

Святой: «Во-первых, челюсть, которая пусть будет в пещере на память обо мне (т. е. во владении келлии Спанон, где она и поныне обретается). Во-вторых, тебе позвоночную часть, и, наконец, две части, которые ты должен отдать в кириако (собор)».

При этих словах видения в келлию Феофана вошел один из братий взять из очага горячих углей для кадила, чтобы покадить в церкви; от его шагов пробудился Феофан. Увидав в руках своих ножницы, он вспомнил, на краю какой погибели только что перед сим находился; от сей погибели его чудесно сохранил святой. Феофан воздал славу Богу и всем сердцем возблагодарил святого Нила, спасителя своего.

В понедельник вечером Феофаном было роздано на четки скитским отцам и на литургии священникам, как повелел святой; во вторник 25 января Феофана стали соборовать, причем, как только началось соборование, Феофан потерял сознание, будто бы уснув, так что все усилия разбудить его были тщетны; Феофан ничего не чувствовал, что ему говорили, как его толкали, и лишь по дыханию его можно было заключить, что он жив. Так продолжали соборование. Феофан же имел в сие время такое видение.

Представилось ему опять, что он сидит в лаврской башне закованный, голова его обтянута цепью, рот оборочен цепью так, как у свиней, когда их надо куда тащить. От цепи шло несколько концов, из коих каждый был приколочен или к стене, или к одному столбу. Левая рука Феофана прикована

к столбу, а правая свободна. Этою последнею от отчаяния Феофан терзал себя и бил; когда он был в таком отчаянном состоянии и так страдал, вошел юный монах (т. е. ангел в образе монаха) и, отбив конец цепи, которой была скована рука, от столба, освободил ее, затем отбил прочие концы цепи и, схватив ее, потащил Феофана, как скотину на оброти, из башни. За дверями толпились бесы, и говорили про Феофана: «Голова его обвернута цепью – значит, его повесят на мосту Вела». Другие же им возражали: «Не повесят его, а на кол посадят». Некоторые из них обращались к Феофану и говорили: «Потурчись, тогда избавим мы тебя от казни; великих почестей от нас удостоишься». Феофан от страха казни начал было уже мысленно колебаться и думать: не согласиться ли и в самом деле на их предложение, но в ответ на эти мысли ангел дернул его за цепь и сказал: «Молчи и не бойся». Они прошли мимо фиала[1] и подошли к церкви (собору лавры), двери которой были отверсты; из церкви неслось чудное пение, а из алтаря исходило светлое сияние. На церковной паперти, в великом благоговении стояло много монахов. Когда Феофан с ведущим его приблизился, от толпы монахов отделился один, который был святой Нил. Подойдя навстречу им, остановился (на краю паперти) перед Феофаном и, указывая рукой к алтарю, произнес: «Се, ради сих молитв церковных к Богу о помиловании (твоем)», потом, указав рукой на монахов, стоявших на паперти: «Се, ради келлейных молитв святых отцов», и затем: «Се, ради свойственного мне благоутробия и кротости, которые побуждают меня на милость, ради сих (трех ходатаев за тебя), побуждающих меня помиловать тебя, побуждаемый, с понуждением себя, соизволяю на то, чтобы ты был освобожден от уз и от заслуженного наказания». При последних словах святого узы с Феофана мгновенно спали, цепи рассыпались по земле; святой же сказал: «Смотри хорошенько, смотри, смотри! Видел? (Т. е. последствия греха.) Не твори же вновь, что, как видишь (так гибельно). Ибо больше с тобою не увидимся (т. е. помни то, что я заповедал и о чем научал тебя, потому что более не прийду и не буду больше поучать тебя), не побеседуем более с тобою ни вечером, ни утром, ни в полночь, ни в полдень. О потребном для тела твоего я буду промышлять; ты же пекись о душе твоей, и подвизайся, чтобы стяжать сокровища для души твоей несчастной, чтобы по кончине твоей избавилась она от мук». Когда святой говорил это, Феофан заметил, что в руке своей он держит части своих мощей, от которых исходили лучи

[1]Бассейн каменный для водоосвящения.

сияния и неслось чудное благоухание. Феофан попросил святого дать ему их, но святой сказал: «Тебе надлежало сорок дней терпеть кару; поэтому жди срока, ибо, ради побуждения благости и кротости моей и ради просьбы прочих ходатаев, освободился ты раньше срока, но (мощи) пусть ждут. Когда же исполнится 40 дней, тогда я вручу их тебе в день воскресный, в присутствии многих людей». Феофану захотелось войти в храм, он тронулся с места, чтобы взойти внутрь, но святой остановил его у крайней колонны на паперти, не дав подойти ближе; Феофан, взглянув на себя, увидал, что он до крайности загажен; святой же сказал: «Там, куда ты стремишься (т. е. в большие монашеские центры, как, например, в лавру и в скит, куда тянуло всегда Феофана из его пустыни), встретятся тебе люди несмысленные и неразумные, которые, увидав тебя в такой запачканной одежде, выгонят тебя (т. е. не имеющие духовного смысла соблазнятся, видя Феофана столь павшего в грехи), другие же будут осуждать, поносить и злословить тебя; поэтому ты не приближайся к ним, ибо они не ведят, что творят». Затем Феофан пошел к выходу из лавры; выйдя из ворот, пошел по дороге в скит, и очнулся. Открыв глаза, он увидал стоящих над ним иереев и услыхал слова последней молитвы при елеосвящении: «Боже, Спасителю наш! Не пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениях оставление даровавый...», – и в это самое мгновение сведенные судорогой уста Феофана отверзлись. Рука его, вывихнутая, которая выскочила совсем было из плечевого сустава назад, исцелилась и чудесно вошла в свое место на глазах всех священников еще раньше сего, а именно, при самом начале соборования, когда Феофан потерял сознание (следовательно, когда в видении ангел во образе юного монаха пришел к нему в темницу и отрешил руку его от оков). Феофан востал с ложа совершенно здравым. Таким образом, наказание продлилось всего 12 дней – от 13 января, когда святой явился ему в сонном видении во образе архимандрита Нафанаила, отобрал свои мощи и объявил наказание (сказав), чтобы оно послужило в пример и прочим (т. е. тем, которые неблагоговейно и безстрашно станут распоряжаться его мощами), и до 25 января, когда, явившись ему в видении во время соборования, святой совершенно исцелил его и снял наказание.

После своего чудесного исцеления Феофан был совершенно здоров, как и раньше, ожидая истечения сорокадневного срока, чтобы получить обратно от святого отобранные мощи, как тот обещал ему. Сороковой день приходился как раз на неделю Просвещения; 21 февраля 1816 г. Феофан отправился на бдение в кириако (собор). Когда началась третья песнь канона,

он пришел в исступление; ему в видении явился посланный из лавры с письмом, в котором Феофана немедленно требовали в лавру, чему Феофан весьма удивился и испугался, не зная, как отвечать посланному, но отцы скита понудили его идти, и он пошел. Войдя в лавру, перед зданием ризницы увидал он святого Нила во образе монаха Макария, раньше жившего в скиту и незадолго перед тем перешедшего в лавру; Феофан поклонился ему, не догадываясь, что это сам святой Нил; последний же спросил: «Как дела?»

Феофан: «Вашими святыми молитвами, хорошо».

Святой: «Как поживают отцы?»

Феофан: «Как им поживать? Что им делается? Тебе их жизнь известна, от которой ты ушел, перейдя сюда; какое теперь тебе до них дело?»

При этих словах святой укоризненно покачал головой и сказал: «Как это ты говоришь, что нет мне никакого дела до них? Не ради ли того, чтобы выкупить тебя, пленника, попался я сам в заключение в монастырь?» Феофан не понял, что этими словами святой намекал на то, что, милуя Феофана, допустил он отрыть свои мощи и перенести их в лавру. Святой укоризненно покачал головой на слова Феофана, что ему нет дела до скитян, ибо прп. Нил не переставал пещись и предстательствовать молитвенно о каждом из них.

Феофан: «Желал бы и я попасть в такое заключение, как твое».

Святой: «Положим, что и здесь я не в остроге, но все же мне здесь не так приятно, как в прежнем моем тихом жилище; впрочем, я вижу, что и там теперь суета человеческая и суматоха; поэтому дух мой мирствует здесь».

Феофан, все еще думая, что говорит с Макарием, который жил в Новом скиту и ушел оттуда в лавру во время нашествия разбойников на Св. Гору, и понимая последние его слова в том смысле, что он доволен тем, что здесь ему безопаснее, сказал: «Воздай славу Богу, промыслившему о тебе, за то, что тебя приняли; этим ты избавился от превратных людей, ибо в нынешнее время люди стали таковы, что недостойны и имени человеческого, а не только звания монашеского, ибо и малейшего подобия монашеского не имеют».

Святой: «Оставь это. Они-то все хороши, но ты столь развращенный сосуд (диавольский), что хуже тебя грешника быть не может, и никогда не бывало равного тебе».

Феофан: «Поверь мне, отче, воистину грехи мои таковы, как ты говоришь; я действительно таков, каким ты меня называешь».

Святой: «Если ты сознаешь себя таковым, то как же осмели-

ваешься судить других? Постишься и воздерживаешься от едения плодов древесных, а плод братий твоих пожираешь? Ради поста (т. е. покаяния) не вкушаешь маслин и плодов, а мяса человеческие жрешь?

Поста ради не вкушаешь от плода лозного (т. е. не пьешь вина), а кровь человеческую пьешь? Много безумцев творят так же, как ты, безумец, подвизаясь не во оправдание и спасение свое, а в свое осуждение. Вы подобны рыбам, больше всего любящим глубину вод; красота гор, холмов, лесов и деревьев – не в силах привлечь их взора (т. е. грешники, как рыбы, – темную пучину предпочитают красоте берегов, предпочитают темную глубину порочной жизни созерцанию красот Небесного Царствия).

Зная это, рыбак, умудренный Богом, поймав рыбу в сеть, не извлекает ее тотчас из воды, чтобы она не билась, но оставляет ее до времени в воде, пока длится ловитва, чтобы с одной стороны она плеском своим не пугала бы других рыб, а с другой стороны, чтобы не задохлась, не загнила, не сделалась бы годной лишь в отброс и пищу чайкам от жара солнечного и теплого южного ветра; посему держит рыбак сеть в воде, пока не подплывет к берегу. (*Прим.:* этой притчей святой Нил высказывает, как грехолюбивы наши души, как мало в них любви к горнему, как велика привычка их ко греху и привязанность к дольнему, так что от рыбака требуется великая премудрость уловить душу грешника в сеть спасения, т. е. веры, надежды, любви, покаяния, соблюдения заповедей и постановлений церковных; рыбарь не требует от них сразу духовного совершенства и свободы от всякого греха, не извлекает сеть с рыбой из воды, но оставляет с сетью в греховной стихии, ибо не в силах они перенести ни жара лучей солнечных, ни теплоты южного ветра; если раньше времени извлечь их, то они погниют и станут годными в пищу чайкам, т. е. бесам; например: подвижник, освободившись раньше совершенной любви от страстей, не вынесет сего осияния, но умрет, возгордившись, и, воссмердев гордостию, сделается годным лишь в отброс. Поэтому, да не осуждают спасающихся за явные их грехи, как только что осудил Феофан братий-скитян, сказав, что в них и подобия монашеского нет, ибо это тайны премудрости Божией, уловившей рыбок в сеть спасения, но до времени оставившей сеть с ними в греховной воде).

Святой: «Итак, благополучны ли отцы?»

Феофан: «Здоровы пока».

Святой: «Дай Господи. Да дарует им Бог мир, единодушие, любовь взаимную; однако ты ошибаешься, полагая, что они

здоровы, ибо не могут быть они здоровы, так как не ревнуют о стяжании монашеских добродетелей, не стараются подражать монашеской жизни отцев, не свои грехи и души испытывают, но испытывают дела небесные, т. е. тайны суда Божия (т.е. восхищают суд Божий и вместо того, чтобы укорять самих себя, оставив свои грехи, занимаются пересуживанием ближних и осуждением).

Вот им пример, показывающий, сколь невозможно знать наперед суд Божий о человеке. Вместо того, чтобы судить людей, кто хорош и кто худ, пусть они положат пред собой гранату и состязаются, судя по внешности ее, какова она внутри, хороша или худа (т. е. гранату по внешнему виду не узнаешь, гнилая она или хорошая, а только когда разрежешь ее; если она согнила, то изнутри выйдет смрадный дым).

Если по внешнему виду невозможно правильно судить даже о гранате и наперед узнать хороша ли она, то возможно ли предрешать небесные таинственные суды Божии о людях?

(Пример о сей гранате святой привел в ответ на суждения немоществовавших страстью осуждения скитян, осуждавших Феофана, считавших его недостойным таких чудес, которые явил на нем святой Нил, ибо порочность и глубина его греховного падения была всем известна. После сих слов святой в притче о некоем пленнике описывает историю Феофана и те причины, которые побудили святого открыто помогать Феофану).

Некто попался в плен разбойникам – предстоятелям лукавого; так как в то время некому было его выкупить, то и увели они его на чужбину. Но пленник, будучи хитер, перехитрил лукавого, убежал из плена, прибежал к одному знакомому, чтобы он скрыл его, а тот для большей безопасности отослал его обратно в вертоград, откуда его раньше увели, когда пленили. Когда он пришел в вертоград сей, которому покровительствует владычествующая Царица, то стал искать себе пастыря и обходил всюду, но никто не желал его принять, все поносили и гнали; в таком затруднительном положении он не знал, что ему делать. Воспользовавшись этим, лукавый вор снова подкрался к своему бывшему пленнику и стал нашептывать ему: «Доколе здесь страдать будешь? Уходи вон из этого огорода: наверное в другом месте найдешь отраду». Пленник же отвечал: «Это ты истину говоришь, что вне сего сада мог бы я обрести покой, но я никого там не знаю». *Вор:* «А кто же здесь в саду принял тебя, как своего знаемого? Уходи отсюда, а там найдешь себе многих друзей». *Пленник:* «Я бы и сел на корабль, да хлеба нет на дорогу; что я буду делать?» *Вор:* «О хлебе ли заботишься? Я научу тебя, как

достать; только ты обещайся исполнить мой совет. Чтобы хлеба достать, пойди на поляну, нарви первых отпрысков укропа, снеси их в любой монастырек; за него тебе дадут вдоволь хлеба на дорогу; тогда садись немедленно на корабль, и поспеши это сделать».

Пленник согласился сделать все, как советовал ему вор, пришел на поляну, куда и я (св. Нил) пришел, делая вид, что тоже ищу укроп близ одного запустелого крова (т. е. хижины); видел я, как пленник в то время страдал душою, недоумевая, что ему делать. Поэтому, когда мы сошлись и он поздоровался со мной, я спросил его: «Что? И корешков нет, не то что зелени?» Он же отвечал: «Да, был холодный северный ветер и все поморозил». Я отечески осведомился о причине его печали, но он не отвечал мне; тогда, испросив его вторично, я, как иерей, священной властию, мне данною, запретил лукавому вору, т. е. отогнал от Феофана беса, завладевшего умом его; бес, скрежеща зубами, как бешеный пес, выскочил от него, и освободился пленник от беса. Когда же после этого я увидел, что пленник стал осматривать тот пустынный кров, вопросил я его в третий раз: «Что с таким вниманием рассматриваешь? Не поселиться ли здесь хочешь?» Пленник же отвечал: «Под великими кровлями жизни не вынес, – как же возмогу в таком месте? Не дай Бог тут жить». Я же сказал ему: «Это прекраснейший кров, поселяйся здесь, не предпочтительнее ли это, чем путь непостоянный (т. е. жизнь в миру)?»

Эти слова подействовали на пленника и он сказал: «Но разве здесь кто жил когда?» Я же отвечал: «Если бы никто не жил, то и не построил бы сего крова». От этих слов пленник в душе стал склоняться на то, чтобы поселиться под сим кровом. Увидав в нем эту перемену внутреннего произволения, я, чтобы облегчить ему решение, выразил словесно готовность мою помогать ему в сем и дал ему следующее обещание: «Поселяйся здесь, а я берусь промышлять о всем потребном, внешнем» (т. е. для тела). Сказав это, я его покинул и ушел восвояси. Итак, теперь, дав обещание пещись о нем, не обязан ли я и исполнить его? Могут возразить: ты, может быть, не знал, каков он; избави мя Боже от такого слова; они не знают его, но я знаю его и исправлю его. Я не лицеприятствую никому и никого не презираю, ибо, кто так творит, тот чужд есть Христа, и не от единого стада, и не от чад Христовых. Так как сей погибший искал себе отца и не мог найти, то я принял его как блудного сына.

Примечание первых списателей. Эта речь святого относится к тем, которые не веровали чудесам, происходившим с

Феофаном, злословили, гнали и преследовали его. Поэтому святой и описывает, как он освободил его от беса, понудил поселиться в каливе, обещав пещись о нем и заботиться о всем телесном, – все согласно с тем, как описано в начале книги. Затем святой говорит, что он не лицеприятствует Феофану, якобы предпочитая его другим, и не уничижает других, это в ответ тем, которые говорили: отчего является он Феофану, а не иному кому? Какая такая добродетель есть в Феофане? Отвечая тем, которые мыслили подобным образом, святой говорит, что он никого не предпочитает и никого не осуждает, но все для него равны, как едино стадо Христово, Феофана же принял он в свои объятия, как возвращавшегося блудного сына, который погиб и был мертв; стал ему являться святой и путеводить ко спасению, не ради его добродетелей, но ради великих язв души его. Так как враг особо усиливался поглотить Феофана, то святой в противоположном сему – множайшим долготерпением и многократным поучением спасал его. Были и такие, которые, видя происходившие чудеса, не только не славили о них Бога и не благодарили угодника за такое промышление о спасении человека, но, сверх того, еще хулили и говорили, что это не суть явления святого, но суть действия диавольские, или коварные обманы Феофана, обманывающего людей. Так и эти, вместо того, чтобы сорадоваться спасению брата, искали умертвить его и довели его своими гонениями до отчаяния, так что он прибег к содействию бесов, чтобы отмстить врагу, как то будет описано в конце книги. Самое чудесное в обстоятельствах сих событий то, как могли сохраниться в памяти Феофана все его разговоры со святым, происходившие и в сонных видениях, и наяву, и как они живо помнились им, как будто были напечатаны в его памяти. (По написании же их – чудесное, благодатное действие силы памяти пропало, и Феофан не мог более пересказать подробно то, что только продиктовал. Память открылась в Феофане, когда святой дал ему бумагу и перо в видении и повелел все записать, сказав: «Я говорю, что помнишь»).

Все это святой говорил Феофану, сидя на скамейке; при последних же словах встал и затем сказал: «Теперь пойдем в церковь, чтобы мне передать тебе часть мощей для дикея (настоятеля скита) и в кириако». Они направились к церкви. Святой спросил Феофана: «Какое звание твое: мирянин ты или монах?» Феофан, взглянув на себя, увидал, что он в мирском платье, и потому молчал, не зная, что ответить. Святой вопросил о том вторично и, наконец, сказал: «Что ты – глухой или немой, не слышишь, или отвечать не можешь?»

Феофан: «Сам не знаю о себе – кто есм, и кто несм».

Святой: «Что означает сей ответ: сам не знаю, кто есм, и кто несм? Если ты говоришь, что сам не знаешь своего имени и не отвечаешь на зов, то ты, следовательно, хуже скотины, ибо, как известно, каждая скотина имеет свое имя и обращается на зов. Ты так же безчувствен, как безсловесные твари, имеющие имя – и не ведущие его; поэтому я говорю тебе: ты глух, как дерево, нем, как безсловесный зверь, нет в тебе постоянства и разумной воли, тебя, как ветер траву, клонит – куда захочет и как хочет. Итак, если желаешь исправиться от этого шатания и непостоянства, то исполни то, что я тебе сказал, и живи так, как я тебе скажу.

Подвизайся в монашестве с великим вниманием, ничем не пренебрегая.

При исходе марта и наступлении апреля прими пострижение в великий ангельский образ. Да будет тебе имя *Пленник* (Эхмалотос), чтобы это имя напоминало тебе обо мне и о том, что я освободил тебя из плена лукавого миродержца; при этом вспоминай слова антифона, творения Иоанна Дамаскина «Плен Сион ты изъял еси из Вавилона...» – *Степенны, глас 3.*

Берегись того, чтобы снова не впасть тебе в плен, ибо тогда освободиться будет невозможно из плена».

На повеление святого принять схиму Феофан возразил: «Кто же примет меня (т. е. кто согласится быть подводящим старцем) и кто станет меня постригать? Все меня прочь гонят, и никто не желает принять меня». Святой обратился лицом к Феофану и сказал: «Об этом я знаю, но ты потерпи (т. е. прости им). Вот иеромонах Герасим Цареградский, не примет ли он тебя?»

Феофан: «Он послушник (т. е. живет под началом старца), характером непостоянен; как мне знать, согласится ли он принять меня, или нет?»

Святой: «Если он откажется, то всячески наследователь твой должен принять тебя (т. е. постричь)».

Феофан, думая, что святой называет наследователем преемника келлии, т. е. второе лицо, записанное после владельца в омологию, которое по смерти первого наследует келлию, отвечал: «Нет у меня наследника».

Святой: «Как нет? У тебя есть монастырь, наследующий по тебе твою келлию, а ты говоришь, что не имеешь наследника». [*Прим.:* по местному обычаю, владелец келлии, если не в силах пропитать сам себя, возвращает келлию (или каливу) монастырю, а тот должен его принять и упокоить до смерти].

Феофан: «Положим, что так. Но скажи еще, что означает то, что ты сказал про апрель, и про который апрель ты говорил?»

Святой, обратившись к Феофану, сказал: «От дня окончания

месяца вод (водолея-января), нынешнего – свесь (т. е. точно отсчитай) месяцев – в 37. В сих свешанных месяцах будет заключаться недель – 162. В сих свешенных неделях будет иметься дней – 1135. В сих свешенных днях будет иметься часов – 13618, – и наступит день недельный. Т. е. через три года, когда скончается вербная седмица, в неделю ваий, во время литургии, сотвори обеты твои, приими со страхом и трепетом пострижение в великий ангельский образ, совлекись ветхого человека вместе с принятием нового образа и облекись в нового.

Не принимай помысла, который будет тебе говорить так: пока ношу образ ветхого, т. е. пока еще не постригся в схиму, – поживу в свое удовольствие, а когда приму образ нового, тогда уже заживу по-новому. Нет, нет, отвергни от себя эти мысли, не допускай и в мыслях твоих возможности тебе жить, следуя похотям плоти. Предупреждаю тебя, что тебе предстоит сильная брань с похотениями плоти и с лукавыми помыслами; поэтому сиди в своей каливе, с терпением побеждая сих и ожидая исполнения сказанного срока, для облечения в нового человека; будь непоколебим, как столп, т. е. неприступен, как крепость, против находящих на тебя помыслов; ибо, пока не достигнешь гавани, т. е. смерти, морю подобает быть безпрестанно возмущаемым всевозможными ветрами, которые стараются топить корабль, т. е. церковь, и всякого плывущего по нему, т. е. всякого христианина, плывущего на челноке своем по морю житейскому; но если слова мои будут для тебя рулем, и ты будешь управляться сим кормилом, т. е. творить то, что я тебе заповедал, – то не бойся.

Старайся всеми силами избегать вольности в обращении, ибо от вольности рождается многословие, от многословия – злословие, а злословие порождает осуждение; за осуждение же человек предается блуду, блуд же рождает отчаяние, отчаяние – зависть (праведникам), а зависть – убийство, т. е. ненависть праведников. Убийство же – смерть, смерть безконечную во огне вечном.

Смерть же, прежде смерти телесной, есть грех, за который душа грешника предается в рабство и в поругание мучителю-демону, являющему свое владычество; в неверующем – хулою над верою, в еретике – гордыней, дословно – похвальбой, в человекоугоднике – лестью, в гордеце – прозорством, в сребролюбце – поклонением (злату), в неблагоговейном – дерзостию, в воре – алчностию к хищению сокровищ, в блуднике – неистовым разжением, в непостоянном – забвением, в злопамятном – злобою. Безсилие же душе причиняет леность. Безпечность и леность нерадящего о душе своей делают его

душу безплодной. Обращение монаха к суетам, многим попечениям и многим стяжаниям расточают его духовное сокровище, подобно тому, как у имеющего житницу и нехранящего ее весь хлеб растаскивают муравьи, мыши и птицы. Житница означает духовное сокровище, которое приобретает монах, отрекаясь от мира и становясь на тесный иноческий путь ради совершения покаяния и с пострижением получая отпущение прежде содеянных грехов, как бы второе крещение; это сокровище и есть житница, которую посем каждый может или преисполнить пшеницею, т. е. добродетелями и добрыми делами, или расточить, т. е. обнищать духовно и не только не собрать добрых дел в течение жизни своей, но утратить и прежние добродетели, какие имел. Большею частию утрачивают монашествующие свою пшеницу, когда предаются суетным заботам и стяжаниям; (поэтому святой Нил и говорит: "Как расхищают житницу: птицы (т. е. помыслы, мечты о всяких приобретениях и имуществе), мыши (т. е. кропотливые хозяйственные заботы) и, наконец, муравьи (т. е. дух ревностного и многотрудного многостяжания)". Храни же себя от всего этого, что сейчас говорю; соблюдай все, что ныне сказал и что раньше говорил, ибо время снимания гроздов приблизилось; смотри же, чтобы тебе не оказаться незрелым, когда срежут тебя; чтобы не оказались бы плохими ягоды на тебе, чтобы не выкинули их вон из точила, не повергли бы на попрание демонам, а самую лозу не исторгли с корнем и не ввергли в пещь огненную; "идеже плач и скрежет зубов"».

При этих словах святой и Феофан дошли до дверей церковных. Святой, остановив Феофана словами: «Постой тут», – пошел в храм; Феофан же стоял у паперти, ожидая когда он выйдет. Наконец, святой вышел и, покачав два или три раза головой, сказал: «Что мне с вами делать[1] – многих частей мощей не хватает. Обладающие ими, т. е. лавра, небрегут о сем, т. е. раздают части, но за это я накажу их, наведу бедствие, и истяжу с них. Если я долготерплю доселе, то значит ли это, что я забываю (свой запрет)? Впрочем, главная вина лежит не на них, а на тех, которые первые овладели ими и похитили (из пещеры)». Затем святой вручил Феофану одну часть, ту самую, которую (раньше благословил, т. е. позвонок) и которую 40 дней перед тем отнял, явившись в сонном видении и наложив наказание – болезнь. Передавая ему эту часть, он сказал: «Сия да будет тебе защитником и

[1]«Что мне с вами делать?» Восклицание сие имеет смысл, подобный восклицанию Христа: «О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас» (Мф. 17, 17).

промыслителем твоим; имей ее с собою в каливе твоей. Сей промыслитель попечется обо всем необходимом для тебя; поэтому ты не требуешь ни собственных забот о себе, ни помощи и заискивания у других людей, так как сей промыслит все и попечется обо всем, ты же все заботы свои, все попечение и все помыслы имей лишь о спасении души твоей». Затем святой вручил Феофану вторую небольшую часть и сказал: «Сию передай дикею» (настоятелю). Феофан, увидав, что часть, определенная дикею, такая небольшая, сравнительно с его частью, взволновался, ибо испугался, что это послужит поводом к новым укорам со стороны скитян, и воскликнул: «Как, эта моя, а эта дикею?» На это святой с великим спокойствием ответил: «Чего вспылил и зачем кричишь? Где ты находишься? Разве ты один в поле, что так громко кричишь?» Но Феофан еще раз так же вскрикнул: «Не согласен принять ее (для передачи); передай с кем-либо другим». На это святой спокойно произнес: «Что же остается мне делать с тобой, как не то только, что делают с неистовствующими, – ни что иное, как засадить тебя в пиргу? Я так и поступлю с тобой, чтобы ты научился, как вести себя, находясь в обители, и не кричать, когда разговариваешь со мной». Услыхав о пирге, Феофан испугался и смирился. Тогда святой вручил ему еще меньшую часть и сказал: «Передай ее в собор». Потом, указав на самую большую (т. е. позвонок), сказал: «Имей себе сию и храни ее, как я тебе сказал». Феофан сказал: «Буду чтить и хранить (позвонок прп. Нила); будет гореть пред нею неугасимая лампада; когда же буду совершать последование (дневных служб), то буду возжигать пред нею свечку».

Святой: «А как совершаешь ты свои службы, по книге?»

Феофан: «Я некнижный – на четках справляю».

Святой: «Сколько же четок считаешь? Т. е. сколько полагаешь Иисусовых молитв с малыми поклонами за весь суточный круг служб?»

Феофан: «Разве я считаю?»

Святой: «Как же ты тогда называешь это последованием?» (Т. е. совершая как попало, не по установленному чину.) Суточное богослужение совершай следующим образом: за сутки считай 77 четок, т. е. 7700 молитв: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» – с крестным знамением и поясным малым поклоном. Совершай это (последованием), старательно и неопустительно. Остерегайся еще впускать в келлию свою юного и безбрадого, чтобы не сделал из тебя враг прах и попрание ног своих».

Феофан: «Что же мне делать, старче, когда все проходящие заходят ко мне и просят пить?»

Святой: «Имей для этого всегда на крыльце у дверей кувшин с водою и пусть там пьют. Если зайдет к тебе муж зрелый, то остерегайся произносить какие-либо поучительные речи или принимать от него какие-либо наставления, или вступать с ним в словопрение; если же он что от тебя потребует, т. е. или что заставит сделать, или ему дать, или станет тебя укорять, то яви свое смирение, нестяжание и кротость, исполни то, что он от тебя требует; с терпением снеси его укор, но в спор с ним отнюдь не вступай. Так научил нас поступать Господь наш Иисус Христос. Если он станет поучать тебя чему, то дав ему окончить речь, скажи: "Отче, моя голова несмысленна, как у скотины, т. е. поучений словесных не могу понять, если же что могу усвоить, то только из примера".

О таковых учителях, которые наставляют примером собственной жизни, и Господь сам сказал: "Кто сотворит и научит, тот великий наречется в Царствии Небесном" (Мф. 5, 19).

Храни свою цистерну, кладезь с водою – сердце, чистой и береги ее, как зеницу ока». Т. е. соблюдай себя от всякого лжеучения превратных наставников, дабы сохранилась чистота и неповрежденность веры, а также храни сердце от всякой мути страстей.

Феофан понял последние слова в прямом смысле и сказал: «Что мне делать, отче? Крыша у меня худая?» Т. е. с нее вода стекает в цистерну.

Святой: «Покрой новой, хорошей, чтобы было безопасно».

Феофан: «Давно уже стараюсь найти материал для нее, да никак не достану».

Святой: «Попробуй достать в скиту; если же не найдется, обратись к эпитропам монастырским, объясни им свою нужду, они найдут и дадут тебе на крышу. Остерегайся подавать повод к соблазну отцам, ибо они, видя тебя столь возвеличенным среди всех святогорцев, т. е. тем, что удостоился таких необычайных и небывалых небесных явлений святого Нила, – негодуют, пересуживают, осуждая тебя и хуля дела, содеянныя мною над тобой. Ходи на литургию в параклис, т. е. не в собор, чтобы не показываться на глаза отцам скита, чтобы они тебя не видели, не смущался бы их дух, и не возмущались бы».

Феофан: «Не понимаю, за что гневаются они на меня?»

Святой: «Они имеют повод негодовать на тебя, но ты какое право имеешь негодовать за это на них? Какое оправдание можешь ты иметь в том, что злобишься на них за это и оскорбляешься сим? Из этого видно, что ты себя не почитаешь равным малому зерну, но считаешь себя горой Афонской.

Посадил огородник редечное зерно в землю, выросла пре-

красная зелень, но листья эти никому не нужны, а нужен корень. Когда же огородник вырыл редьку, то оказался корень подгнившим, вонючим и изъеденным червями. Что же сделает с ней огородник? Не выкинет ли ее (с грядки) на сторону? (Это приточное изображение Феофана, впавшего в тяжкие грехи – загнившего и поеденного червями в бытность его в общежитии и за это изверженного с общей грядки и поверженного на сторону, т. е. в пустынную каливу.) Так, или нет? Подобен ей и ты. Поэтому не оскорбляйся и не злобся, т. е. считай себя достойным всяких поношений. Старайся всеми силами ходить путем мира, т. е. не давать себе чем-либо возмущаться, чтобы дух твой мирствовал. Это я сказал тебе раз навсегда, т. е. в последний раз. Больше мы с тобой не повстречаемся. Твори то, что я сказал тебе, и не бойся».

На этом беседа окончилась, и Феофан пошел от церкви к монастырским воротам. Здесь вторично встретил его святой, но уже не в первом своем образе, а во образе лаврского врача (Анатолия). Святой приветствовал Феофана словами: «Как поживают отцы, и как поживает отец Герасим?» (Это второе явление и было ради Герасима, а не ради Феофана, ибо Герасим был горячий почитатель святого Нила, всегда молился ему, и ныне, впав в скорби, усиленно просил его помощи. Поэтому святой и явился отдельно во образе врача, чтобы передать через Феофана Герасиму слово обличения и наставления.)

Феофан: «Что ему сделается».

Святой: «Как его немощь? Он просил меня помочь ему в немощи его, но что больше могу я ему сказать, кроме того, что сказал? Пусть творит то, что я ему сказал, и не боится (т. е. что раньше передавал через Феофана, как мы видели выше); пусть держит себя как можно дальше от Феодорита, ибо диавол вложил в последнего великую ревность, чтобы увлечь в злое дело и Герасима, дабы этим сделать Герасима прахом и попранием ног своих (т. е. диавольских). Сей лжеязычный (т. е. Феодорит) прельщает его (т. е. уговаривает лестно покинуть скит и переходить в его новую келлию), убеждая в сем всякими благословными доводами, а в то же самое время, с другой стороны (т. е. в отношениях братии келлии к Герасиму), диавол, ненавистник мира, способствует (уговорам Феодорита иным путем), подстраивая разные тонкие ловушки (т. е. столкновения). Но как я могу помочь ему, когда у него внутреннее (предложение) одно, а поступки противные; он склоняется на советы лисьи, т. е. поступает согласно непостоянному характеру своему. Когда же, вследствие этого, попадается, как лиса в капкан, тогда прибегает опять к Ана-

толию. Скажи ему, чтобы он делал так, как я ему раньше наказывал, и передай то, что я сейчас сказал; если исполнит, то все хорошо будет. Я имею к нему любовь (т. е. предстательствую о нем пред Богом и покрываю его своею благодатию). Поэтому, пусть он (не смущается в скорбях, находящих на него), но переносит скорби с терпением, ибо ему предстоит еще в два раза больше того перенести, сколько он доселе перенес; иначе я отниму мою любовь от него, и тогда, хотя бы тысячи тысяч раз и тьмы тем раз молил, не изменит больше Анатолий своего решения. Такова воля Анатолия, так он поступит, если сей то сотворит (т. е. если Герасим поддастся на лесть Феодорита и, вопреки запрещению святого, покинет скит и перейдет к нему). Приветствуй его от меня». Потом Феофан вышел из ворот, пошел к скиту и очнулся. В руках он держал те самые части мощей, которые 40 дней тому назад чудесно исчезли из запертого сундука и ковчега, и которые посем во время соборования он видал в руках у святого во время своего исступления, когда святой сказал ему, что возвратит их ему в присутствии многих. Великое умиление нашло на Феофана, из очей его неудержимо полились слезы, и он от всего сердца возблагодарил святого за все.

Итак, обещание святого возвратить мощи свои в присутствии многих исполнилось, ибо Феофан очнулся, окруженный братией-скитянами, которые, будучи во время богослужения встревоженными криком Феофана, когда он противился святому во время своего исступления и не хотел принять части мощей для передачи в скит, сбежалась к нему. Предполагая, что он уснул и бредит, они стали толкать его, будить, кричать ему в ухо, зовя его по имени, чтобы он проснулся, но все усилия были тщетны, ибо, будучи в исступлении, он не мог воспринимать никаких внешних ощущений, так как весь был поглощен созерцанием видения. Когда же видение окончилось, он опустил руки с мощами святого Нила, пришел в себя и, на вопросы изумленной братии, рассказал все, что только с ним произошло. При этом от мощей святых исходило весьма сильное неизреченное благоухание, исполнившее собою весь храм. Феофан тут же передал части дикею и в собор. Так произошло чудесное вручение Феофану св. мощей святым Нилом в самом соборе, в присутствии всех братий, дабы они чрез это убедились в истинности явлений его Феофану и всех сотворенных над ним стольких чудес. (Такое очевидное и несомненное чудо) должно было заставить скитян отвергнуть от себя всякий помысл сомнения или неверия.

Вторичное же явление во образе врача Анатолия было ради молитв ко святому некоего иеромонаха Герасима, которого

постигли многие скорби и он горячо молился святому о заступничестве. Сей Герасим с самого начала чудесных происшествий с Феофаном являл особую веру и усердие к святому Нилу. Братия-скитяне, бывшие свидетелями чудесных исцелений с Феофаном, услыхав от него слова, сказанные святым, желала, чтобы все это было записано. Посему Герасим, будучи хорошо грамотен, помог в этом Феофану и записал все со слов Феофана (т. е. все явления, вплоть до последнего события в 1816 году). Феофан же сам был малограмотен. Так по порядку были записаны Герасимом со слов Феофана: во-первых, избиение Феофана бесами и последовавшее затем его исцеление от грыжи, побоев и беснования; вслед за этим Герасим записал явление святого Феофану наяву после Николина дня и последовавшие затем события, разрушение каливы бесами, спасение Феофана голосом святого; потом было записано явление святого (во образе пастуха), данные им Феофану заповеди, запрещение есть рыбу и прочее. Имея веру в святого, Герасим молил его о себе, дабы он наставил его на путь спасения. Когда, по смерти старца Тимофея (о котором святой упоминал в беседе с Феофаном так почтительно и любовно, называя его «Кир-Тимофеем», т. е. Господином-Тимофеем), под началом которого жил Герасим, среди братии произошло смущение. Виновником смущения, как мы видели из слов святого, был Феодорит, который ушел из братства келлии, перешел в другой скит и манил к себе Герасима. Герасим, бывший еще в сане иеродиакона, удержался. За это и похвалил его святой, когда беседовал с Феофаном в 1814 году во образе пастуха, порицая Феодорита и передавая Герасиму следующие слова: «Как мирствовал (т. е. как сей раз мирно перенес смущение и не подвигся), так и впредь да мирствует, да пожнет, да снесть плод, и пусть не принимает помысла, что в ином месте для него будет покойнее». Приняв от Феофана эти слова святого, Герасим тогда же дал клятвенное обещание пред св. престолом неизменно пребыть на месте пострижения. Но вслед за этим восстали на него еще большие напасти, и Феодорит, пользуясь ими, усиленно убеждал Герасима перейти к нему. В туге сердечной, не зная, что делать, Герасим прибегал к святому. В ответ на это, святой явился Феофану в измененном против первого образе врача Анатолия и приказал передать Герасиму вышеприведенные слова, укоряя его за неустойчивость помыслов. На Герасима до этих скорбей восставали подобные напасти, немедленно вслед за тем, как он поклялся не уходить с келлии, но тогда он просил помощи святого и устоял. Исцелил святой также Герасима от (заикания), которое весьма смущало Герасима, ибо ему предстояло принять священство; он усердно

просил святого об исцелении от сего, и святой исполнил его просьбу. (Позволим себе высказать здесь несколько слов по поводу отношения святого Нила к открытию и разделению его святых мощей, вызвавших его негодование. Из жития святых мы видим, что они двояко относятся к своим св. останкам: одни предоставляют себя на раздробление и благодатное пользование, являя сим свою любовь «до конца» к братиям, бедствующим на земле, другие же, проведшие жизнь свою в совершенном удалении от мира, не допускают даже открыть своих мощей, как, например, прп. Антоний Печерский и многие другие прославленные угодники, мощи которых находятся под спудом. Известны случаи, как они возбраняли попыткам открыть их могилы чудесным исхождением огня и опалением покушавшихся. Такое же отношение к своим останкам мы видим и во святом Ниле. Обладая смиренномудрием в глубочайшей степени, он не желал быть чтимым и по смерти своей; посему, против обычаев Афонских, согласно которым принято отрывать кости усопших по прошествии трех лет и складывать их в особую гробницу, святой клятвою запретил касаться его мощей. Впрочем, это он сделал по особому внушению Духа Святаго, ибо Богу угодно было прославить угодника Своего мироточением, чего не могло бы быть, если бы его открыли через три года.)

Глава V

Преследования Феофана ненавистниками приводят его в отчаяние, он решается спалить судно Дионисия и уйти с Афона. Благодать св. мощей св. Нила возбраняет Феофану сие осуществить. Последовавшее исступление Феофана и видение им покрова Матери Божией над Св. Горой и спасение Св. Горы от погубления ради молитв преподобных Афонских Ее заступничеством

Как мы сказали выше, Феофан передал определенные святым Нилом части дикею Кавсокаливского скита Леонтию. Тот принял их с великим благоговением, обделав в серебро и положив в ковчеге с прочими мощами, почивающими в соборе скитском ради поклонения им. (*Прим. переводчика.* Эти две части и поныне находятся в том ковчеге; толкователь и последний списчик сей книги сподобился лично их видеть и поклониться им, как и челюсти святого, храня-

щейся в келлии Спанон). Свою же часть (т. е. позвонок), Феофан взял с собой для положения в своей каливе; так повелел ему святой, обещая, что она будет промыслителем и хранителем души и тела его, что вскоре оправдалось на самом деле.

После последних чудес Феофан подвизался некоторое время успешно, безмолвствуя в своей пустыне, отражая лукавые помыслы, терпением побеждая нападки завистников и сопротивников, помня, что святой предсказал ему неизбежность сего преследования людьми и востания страстей, и поступая во всем так, как научил его святой. Со стороны врагов особенно преследовали Феофана два человека, один из них был Дионисий, владелец келлии Спанон, которого, как мы видели выше, святой обличал, повелевая ему через Феофана продать свое судно и пчел, разведенных им на острове Тассо, и угрожая, в противном случае, большими убытками. Другое лицо, преследовавшее особенно яростно Феофана, не названо по имени в книге сей, но, по-видимому, это был Мефодий, названный святым «богобородым», от которого святой предостерегал Феофана, предсказывая, что Феофану много придется претерпеть чрез него. Как мы видели, Дионисий не исполнил повеления святого. За это, незадолго до описываемого времени сильная буря оторвала судно его от пристани и разбила его. Дионисий не вразумился сим знамением, не покаялся в своем преслушании святому и не внял его обличениям, но, ожесточившись сердцем, всю злобу свою сосредоточил на Феофане, выставляя его виновником сего злоключения и клевеща на него, что он нарочно разрезал канат и погубил его судно, чтобы оправдать свои лживые пророчества. Феофан, вспоминая заповедь святого: «Чти отца твоего и мать твою», – и толкование ее, сначала переносил кротко все нападки Дионисия и прочих, злословивших его, но, так как ненависть Дионисия и другого скитянина (Мефодия) не умалялась, но все возрастала, то он, наконец, подвигся сердцем и, поддавшись гневу, был охвачен им, утратил мир душевный, впал в ненависть к врагам, безвинно преследовавшим его, и, поддавшись злопамятству, дошел до того, что, наконец, решился на отчаянный и погибельный для себя самого шаг: отмстить Дионисию так: спалить его новое судно и бежать в Царьград, где оклеветать Мефодия перед турками. Так, нарушение заповеди о безгневии привело Феофана на край погибельной пропасти, и если бы не чудесная помощь святого немощному в борьбе со страстями Феофану, то Феофан стал бы несомненно жертвой диавола.

В ночь на 20 августа 1816 г. Феофан, вознамерившись осуществить злой гибельный умысел, вышел из своей каливы и направился к пристани у Каравостаса, где стояло судно Дио-

нисия, чтобы спалить его. Пройдя некоторое расстояние, вспомнил, что забыл захватить огниво; и посему вернулся за ним в келлию, но не доходя до келлии, оступился в темноте, упал с высоты двух сажень вниз, потерял на некоторое время сознание и весьма был испуган, но, оправившись, возвратился к прежнему намерению и не отказался от своего греховного предприятия. Прийдя в келлию, он стал разыскивать огниво. Когда отыскал, вышел из келлии, стал запирать дверь, но оказалось, что ключ он оставил в келлии. Вернулся за ключом и, войдя, услыхал какой-то странный стук, исходящий из того места, где стоял ковчег со святыми мощами преподобного Нила. Феофан высек огонь и засветил свечку, чтобы посмотреть, что такое стучит, но когда подошел к ковчегу, откуда раздавался стук, то застучало как будто на дворе; когда же он отошел от ковчега, то стук снова стал раздаваться из него. Так повторилось несколько раз. Наконец, Феофан, занятый мыслью об исполнении своего умысла, не обратив внимания на сие знамение, которое являл святой, чтобы Феофан опомнился и вспомнил бы заповеди его и слова его, затушил свечку, вышел и замкнул дверь, но, отойдя немного, вспомнил, что оставил и на сей раз огниво в келлии, вернулся снова за огнивом. Открыв дверь, он увидал, что вся келлия освещается сиянием, исходящим с крышки ковчега, стекло же этой крышки все пламенело, и на нем ясно сияли огненные буквы какой-то надписи, блестя, как золото, на светлом пламенном фоне. Изумленный сим чудом, Феофан первоначально решил бежать в скит и оповестить о сем братию, чтобы они пришли бы и убедились в сем. Захлопнув дверь, побежал в скит, но, выскочив за ворота, переменил решение и вернулся, чтобы сначала описать надпись, блиставшую на стекле. Когда на сей раз вошел в келлию, то прежнего света уже не было, сияли лишь буквы золотой надписи. Феофан зажег свечку и, взяв карандаш, хотел писать, но, взглянув на надпись, не увидал ее больше на стекле и был этим огорчен, думая, что она совсем исчезла. Скорбя о сем, сел на скамейку. В это время свеча догорела и потухла. Тогда в темноте надпись опять сделалась видимой, и Феофан понял, что причина исчезновения ее был яркий свет свечи; потом он поставил свечу за дверью, чтобы она освещала бумагу, а надпись оставалась бы в тени; тогда он ее начал списывать. Надпись была в три яруса, между рогами трех крестов, расположенных один над другим, причем верхний и нижний – маленькие, а средний – большой. Вокруг первого малого креста значились четыре заглавные буквы слов: «Жив Господь Бог мой» (т. е. безумие мстит за себя, когда жив Господь Бог, отмститель всякой

неправды). Над левым рогом второго креста было написано: «Умыслил сотворить нечто втайне. Твори себе, что хочешь сотворить, твори себе, но, если сотворишь – плачем восплачешь, помраченную голову свою оплачешь и будущей жизни не обрящешь».

Под левым рогом второго креста была следующая надпись: «Тайно сам за себя отмстить хочешь оклеветавшим тебя огненною клеветой, но небратолюбно злословящим и ненавистно клевещущим – огненный меч». (Т. е. их и без того ждет страшная кара).

Над правым рогом второго креста: «Если хочешь отмщение сотворить всуе злословящим тебя, – сотвори, но тогда не будешь иметь части со мною (т. е. меня помощником тебе). Если же за дело злословят, то зачем оскорбляешься? Исправь соделанные беззакония». Под правым рогом креста: «Если же поносят безвинно, – зачем оскорбляешься сим? Благодари Бога, что сподобился понести такую клевету, ибо сия скорбь есть блаженство, которого жаждут другие». Под серединой второго креста – та же надпись, что и сверху, но не одними заглавными буквами, а полностию: «Жив Господь Бог Мой».

Вокруг нижнего, третьего креста: над левым рогом – «Заушен»; под левым рогом – «Бичеван»; над правым рогом: «Поруган»; под правым рогом: «Кого ради?» На поле слева и справа против середины нижнего креста – «Отпустите – и отпустится вам». Под нижним крестом – «Распят».

Когда Феофан дописал до слов будущей жизни (вторая надпись слева на среднем кресте), то заметил, что те слова, которые он записал, исчезли со стекла. Феофан стал торопиться, чтобы списать поскорее остальное. По мере того, как он это списывал, буквы исчезали, так что, когда он окончил списывать, то вся надпись исчезла. Это чудо было прообразом того чуда, которое совершил святой Нил с памятью Феофана, ибо действием его благодати все слова, которые произнес святой в беседе с Феофаном, запечатлелись в его памяти так, как будто кто их там напечатал. Когда же святой, явившись наяву, 18 часов говорил с Феофаном о предметах высоких, духовных и таинственных, превосходящих ум Феофана, и повелел записать все это, то все эти слова, составившие рукопись в несколько сот страниц, так живо помнились Феофаном, как будто сейчас он их слышал, и он в течение года диктовал их Герасиму. Тогда с памятью Феофана совершалось то же, что со стеклом сей крышки ковчега, – как только он что записывал, оно изглаждалось из памяти, и он не мог связно пересказать даже малого из того, что только что так отчетливо продиктовал.

Когда Феофан кончил списывать, он сел на скамейку с написанной бумажкой в руках и задумался, размышляя о том, что должна означать сия надпись. Просидев так некоторое время, он был выведен из своего раздумья шумом и свистом поднявшегося сильного ветра, от которого затряслась вся калива; это впечатление заставило его забыть о только что происшедшем чудесном явлении и возвратило его мысль к прежнему намерению, для исполнения которого этот ветер был как нельзя более благоприятен; Феофан промолвил: «О, вот какой подходящий ветер, чтобы спалить судно». Встав с места, он собрался опять идти к морю, вышел из келлии, продолжая все еще держать в руке листок, замкнул дверь каливы и, стоя у дверей, взглянул на небо. Увидал к своему удивлению, что над самой его головой растилается что-то белое, как будто густой туман; вглядевшись ближе, убедился, что это не туман, а полотно как будто растянутого паруса, плывущее так низко над землей, что почти что можно бы достать рукой; это Феофан и попытался было сделать, но немного не достал. Желая узнать докуда простирается этот покров, покрывает ли он также и лежащий под горою Кавсокаливский скит, Феофан вышел за ворота, чтобы взглянуть на скит, но, выйдя, пришел в исступление, увидав под собою не Кавсокаливский скит, а Богородичную церковь, что у верхушки Афона; себя же увидал стоящим в той роще, что на склоне верхушки, над Богородичной церковью. Над церковью возвышалась высокая мачта; к сей мачте одним концом прикреплен был громадный треугольный парус, покрывавший весь Афон, а двумя остальными своими концами – одним Ивер, а другим Ксиропотам; Феофан понял, что это то самое полотно, которое было распростерто над его келлией и которое он пытался достать рукой, но не мог.

Церковь Богородичная была окружена множеством виноградников, больших и малых, но плода на лозах никакого не было – все были безплодны (несмотря на то, что было время сбора винограда). На виноградниках стояло множество монахов в мантиях, с наметками на клобуках, держа в руках земледельческие орудия и недоумевая о такой безплодности виноградников. Монахи беседовали между собой: отчего такая беда приключилась с их виноградниками. Они говорили: «Не знаем, отчего произошло это несчастие, и какая болезнь постигла наши лозы». «Разве не видите отчего? Не видите, что земля одичала, поросла сорной травой и черви пообъедали ростки у лоз?» «Теперь уже их не поправишь, остается только перекопать весь виноградник, от края до края» (т. е. насадить вновь). «Это мы, отцы, все видим, что следовало бы так

поступить, как вы советуете, но нельзя ли потерпеть ему еще, не даст ли он побегов покаяния». «Да, побеги покаяния надежнее нового насаждения и поэтому желательнее; про новую же посадку нельзя наперед сказать, будет она расти или нет. Корни же этих лоз хороши, и если выкопаем их, то можем совсем утратить виноградник, ибо в нынешнее время весьма трудно принимаются новые виноградники. Поэтому нам жаль трогать его». «(Действительно жаль), ибо не знаете разве, что когда загорается степь, то гибнут от огня не только высохшие стебли, но и те, которые имеют сок (т. е. зеленые), и тех пожирает огонь». Такие речи и подобные им говорили те преподобные монахи, беседуя между собою. Вдруг Феофан заметил, что нашла грозовая туча, из которой сверкнула такая блистающая молния, что ослепила глаза Феофану; грянул такой сильный гром, что все стоявшие монахи пали на землю, из грома послышались следующие слова: «Отнимите покров, ибо нет более для виноградника нужды в покрове сем». Вслед за этим повелением Феофан заметил, что какие-то люди спешно спускаются с верхушки и затем, охватив канат от паруса, начинают тянуть его; парус стал мало-помалу собираться на мачту. Как только земля обнажалась от его покрова, тотчас же там подымался страшный ураган, от которого все лозы постилались по земле. Увидав последнее, монахи ужаснулись, недоумевали и говорили: «Откуда взялся такой вихрь, который повалил все лозы на землю?» Заметив же, что это произошло вследствие отъятия покрова собиранием паруса на мачту, и что чрез это виноградник подвергся такому губительному ветру, бросили они на землю садовые орудия, которые держали в руках. Сбежавшись к краю поднимавшегося на мачту паруса, они ухватились за него, стараясь удержать его, а в то же время умиленно и слезно, в один голос начали взывать и молить: «Пощади, пощади, Господи, и укроти гнев Твой против виноградника сего». «Пощади, пощади, Господи, и да не яростию Твоею обличиши виноградник сей, ниже гневом Твоим накажеши его». «Пощади, пощади, Господи! Молим Тя: не отврати Лица Твоего от виноградника Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от винограда сего». «Пощади, пощади, Господи! Вонми гласу моления нашего и укроти гнев Твой против виноградника сего, ибо мы много потрудились над виноградником сим». Но вот снова сверкнула ослепительная молния, и из раската грома раздался глас: «Что вопиете ко Мне? Не видите разве, и не знаете, что давно уже упадает виноградник сей все больше и больше, а теперь разве есть возможность исправить его? Сего ради судил Я наслать на сей безплодный виноградник аггела сатанина, дабы он

искоренил его, ибо не плоды приносит он Мне, но одни поругания». Услыхав сей грозный суд, преподобные стали еще умилительнее и жалостнее взывать: «Пощади, пощади, Господи! Призри на моление наше, не лиши, Господи, виноградник сей благодати Твоея». «Пощади, пощади, Господи, отврати от виноградника сего ярость восстающих на него». Но Господь не внимал их молению, парус продолжал мало-помалу подниматься на мачту; но монахи, несмотря на это, не выпускали из рук края его, так что, наконец, вместе с ним сами стали отделяться от земли и повисли на нем, не переставая в то же время умилительно взывать и молить за осужденный на посечение виноградник, причем из очей их струились слезы так обильно, что уносимые ветром, они, как брызги морских волн в бурю, падали на землю. Феофан, увидав такую пламенную молитву тех преподобных за виноградник и умилительные слезы, сам тоже не выдержал и стал плакать, стоя в роще. Но вот, из храма Пресвятой Богородицы вышла Богоматерь с Младенцем на руках и промолвила: «Перестаньте, преподобнейшие и честнейшие! Не видите ли вы сами, во что превратился виноградник сей, как он уклонился (на путь погибели), какие развращенные души стал плодоприносить?» Услыхав голос Богоматери, монахи обратили к Ней взоры свои, с великим воплем и слезами умоляя Ее и говоря: «Пощади, Всецарица и Госпожа (Владычица), давшая дыхание Жизнодавцу, обнови дух и в сем винограднике, Тобою насажденном». «Пощади, Всецарица, Владычица. Утверди виноградник сей». «Пощади, Господи, Господи, ради Млекопитательницы Матери Твоей; приими моления нас, недостойных раб Твоих, и не предавай виноградника сего пленению и искоренению; не погуби собранных нами в нем ради покаяния под кров Ее». Но Младенец, глубоко вздохнув, мужеским гласом промолвил: «Ах, и где же, где же они каются?» Сказав это, Младенец приподнял руку, чтобы сделать ею повелительное мановение убиравшим парус, дабы убирали парус скорее, но Богоматерь Своею левою рукою удержала ручку Младенца, а правую длань Свою приложила к устам Его, не дав Ему вымолвить решительного суда и сделать решительного мановения тем, которые убирали парус.

В это самое мгновение Феофану представилось, что на него повалилась сосна и задавила его до смерти. Очнувшись от своего исступления, в ужасе и страхе он увидал себя стоящим за воротами своей каливы, куда выбежал было поглядеть на скит, простирается ли и над ним то полотно; в руках своих он все еще держал списанный им листок с надписью на стекле.

Все это привело его в великий страх, и намерение свое спалить судно он оставил.

Первые списатели книги так истолковали сие видение: «Приточное значение сего видения, как мы, так и большинство, полагает быть следующим: парус, прикрепленный к Богородичной церкви и простиравшийся над всем Афоном, есть святой покров Богородицы над сею Горою, и Ее промышление и попечение о ней, благодаря которым Св. Гора и существует доселе невредимой. Множество монахов в мантиях и наметках, которые стояли на виноградниках с орудиями в руках, – суть преподобные отцы, подвизавшиеся на сей Святой Горе и просиявшие по смерти. Виноградники большие и малые суть монастыри, скиты, келлии и прочие жительства монашеские в Горе сей, насажденные с великими трудами и скорбями сими преподобными, которым они и по смерти покровительствовали. Лозы – суть монахи. Безплодие лоз произошло от нерадения монашествующих о духовной жизни и подражании житиям отцев, что повело к уклонению в нынешнюю нашу скверную и нечестивую жизнь. Черви, пообъевшие побеги у лоз, суть многозаботливые попечения о временных и тленных вещах, и прочие, различные, из которых происходят страстные помыслы, омрачающие духовное око. Глас, сопровождавшийся раскатом грома и блистающей молнией, был глас Владыки Христа, Который из-за грехов наших повелел, дабы был отнят покров над Горой. Сильный же и губительный ураган, нашедший на виноградник, были злоумышления тех татей, которые именно в то время умыслили совершить нападение на Св. Гору, т. е. албанцев и римлян (папистов). Так как это грозило гибелью Св. Горе, то преподобные отцы и умоляли так слезно, чтобы Господь не отнимал от Св. Горы благодатного покрова Божией Матери, ибо, в противном случае, Св. Гора сделалась бы жертвой татей. Жена с Младенцем, исшедшая из храма, была Пресвятая Богородица со Владыкою Христом. Она-то и не допустила Ему дать повеление убрать покров Ее от Св. Горы. Падение сосны на Феофана имело целью устрашить его, чтобы, устрашенный сим, он отказался бы от своего намерения сжечь судно и бежать в Царьград. Вообще же, видение было, как ради Феофана, чтобы смирить его сердце и вселить в него страх, дабы помочь ему в отсечении злых помыслов, так и ради нас, чтобы мы познали бедственность нашего положения, опасность его, и пришли бы в чувство, узнав какому осуждению быть преданными на погубление албанцам и римлянам мы чуть не подверглись, и что воспрепятствовало сбыться сему. Бог, Владыка Человеколюбец укротил гнев и отвратил бедствие ради слезных молитв угодников

Его и Пресвятыя Богородицы, продлив долготерпение и расточив врагов державною мышцею Своею. Но, если мы не исправимся, престанет терпеть нам, но по достоинству покарает и по правосудию потребит творящих беззакония[1].

---

[1]Здесь в видении Феофана разумеются нашествия римлян и албанцев, которые постигали Афон в начале XIX ст. и которые могут повториться и впредь (при нынешнем напряженном политическом состоянии). А вот описание катастрофы над Афоном, бывшей во время печатания сей книги.

В ночь с 13 на 14 сентября над Афоном пронесся страшный ливень с сильной бурей и грозой, продолжавшийся более пяти часов и причинивший на Св. Афонской Горе громадные убытки. Уже за несколько дней пред ливнем в воздухе чувствовалась влажность, густой туман поднимался с моря и со всех сторон окутывал гору, а тучи неслись с запада и, казалось, неподвижно стояли над Афоном. Послышался гром, начала сверкать молния и, наконец, пошел дождь, постепенно увеличивающийся и превратившийся в настоящий ливень. Вода шла в 4-5 аршин поверх земли на ровном месте.

Тысячепудовые камни под напором воды с грохотом отваливались от скал и со стремительной быстротой уносились бурными потоками в бушевавшее море. С крутых гор вода лилась рекой, ничто не могло устоять против водной стихии, которая безпощадно вырывала с корнем вековые деревья и разрушала на пути своем убогие жилища афонских насельников. Буря и сильные удары грома с молнией, которая озаряла своим ярким ослепительным светом всю гору и море, — не прекращалась, так что получалась величественная и вместе с тем страшная картина для созерцания... Такой сильной грозы и такого страшного разрушительного ливня не помнят старцы, прожившие на Афоне 60-70 лет. Если бы ливень продолжался еще несколько часов, многие монастыри были бы разрушены.

Нет здесь такой обители, которая бы не пострадала от этого ливня, более же пострадали те обители, которые находятся на берегу моря.

Особенно много (более, чем на 20 тысяч лир) пострадал Пантелеимонов монастырь. В новом монастырском корпусе (что над морем) вода поднималась до второго этажа; арсана (пристань) снесена в море, а бывшие около нее 15 лодок и Пантелеимоновский пароход были засыпаны илом; кожевенный завод (корпус) разрушен до основания. Разрушена «хлебная». Из нее унесено в море сто готовых хлебов, сорок мешков сухарей, много пшеницы, масла, рыбы и бочек с вином. Унесено в море много запасов и материалов, также четыре быка и два мула. Много нанесено с гор в Пантелеимонов монастырь камня и ила. Весь огород монастырский завалило камнями, так что многочисленная (тысячная) братия монастыря и в год не освободятся от этих камней. В монастыре св. Павла снесло в море два больших каменных корпуса. Половина келлии «Трех святителей» (около Кареи) разрушена.

Обитель Благовещения Пресвятыя Богородицы, расположенная в полугоре (настоятель — схимонах Парфений) тоже получила значительные повреждения, исправление которых обойдется не менее 20000 руб. Некоторые из зданий настолько подмыло водой, что они угрожают падением. Много пострадал у сей обители масличный сад с хутором, находящийся на морском берегу, в 5 часах пути от Кареи. Целых десять вековых маслин здесь вырвало с корнем. Здесь же занесло песком весь виноградник, принадлежащий обители. Убытки надобно считать десятками тысяч... В Протатской церкви (на Карее), было на аршин воды. Находящиеся в Карее лавки затопило водою. Дорожные мосты размыло водою. У келлии св. Николая (на Белоозерке) снесло в море близ Ивера до

ГЛАВА VI

Явление святого Нила Феофану 18 января 1817 года – наяву – на дороге, и 18-часовая беседа

После событий 2 августа 1816 года Феофан некоторое время мирствовал и безмолвствовал в своей каливе, но, так как нападки того лица, имя которого умолчено в книге и которого, мы предполагаем, было Мефодий (богобородый), не прекращались, то Феофан был снова выведен ими из себя; им овладела злоба и желание отомстить безвинно преследовавшим его. Подпав чрез это во власть диавола, он задумал отчаянное дело: написал на бумажке страшные заклятия на своего врага с призыванием на него сил бесовских, затем бросил эту записку на воздух против жилища своего ненавистника; тотчас явился бес во образе ворона и, схватив записку, унес ее. Феофан же решил, не медля, покинуть Св. Гору и отправиться в Царьград, отчаявшись в возможности продолжать жительство на Афоне, имея также намерение оклеветать своего ненавистника в Царьграде перед турецким правительством. С этой целью он стал приготовляться к отъезду.

Одновременно со злополучием Феофана впал в беду и другой человек, особо опекаемый святым Нилом, а именно Герасим, которому, как мы видели выше, святой запретил покидать место своего пострига (когда явился Феофану после вручения частиц мощей во образе врача Анатолия, во время исступления его на бдении в скитском храме). Герасим не вынес скорбей, несмотря на то, что святой предупреждал его о них, и ушел было из келлии; к счастию, поспешил одуматься и возвратиться, но тут ему встретилась новая скорбь: в число братии был принят один благоличный юноша. Герасим начал смущаться женственным видом его лица и весьма скорбел о том, что оказался подверженным такой низменной страсти. Поэтому он начал требовать от старца и братии, чтобы вновь поступивший юный брат был удален, в противном случае сам гро-

---

сорока тонн каменного угля «Кардифу». У монастыря Ставроникиты унесло потоком мельницу, повредило мост. На Дафне снесло два моста и каменные стены. У Ильинского скита унесло в море лодки и могуны (парусные судна). От грозы загорелся было лес на хребте Афона, но дождь залил. Убытки, причиненные Св. Горе ливнем, надобно измерять несколькими миллионами. Поистине, все пророчества прп. Нила о Св. Горе сбываются; остаются пока не исполненными (точнее, не повторенными во всей силе) два: меч и огонь...

зил уйти. Это повело к раздору среди братий келлии, ибо одни стали на сторону Герасима, требуя вместе с ним удаления молодого брата, другие, в том числе и старец, не считали нужным уступать их требованию. Феофан тоже вмешался в эту ссору среди братства келлии Тимофея и, находясь в дружественных отношениях с Герасимом, стал настаивать, чтобы он отступил от своего требования.

В описываемое утро, побывав в скиту и горячо поспорив с Герасимом, Феофан позволил себе, ввиду его несогласия, заклять его словами: «Не смей же, если не примиришься с юным братом, ни епитрахили надевать, ни литургисать, ни – благословен Бог – говорить...»

Гибель, угрожавшая, как мы видим, Феофану и Герасиму, вызвала новое явное и чудесное вмешательство преподобного, несмотря на то, что при последнем своем явлении год тому назад он сказал, что больше не побеседует с Феофаном ни наяву, ни во сне. Впрочем, эти слова имели некий таинственный смысл, ибо, во-первых, это должно было побудить Феофана внимательнее быть к своей духовной жизни и не надеяться на то, что святой будет и впредь так же часто являться ему и чудесно спасать; с другой стороны, эти слова преподобного имеют отношение и к нам, чтобы мы не ждали бы ныне от святого таких же чрезвычайных и небывалых чудес, не презрели бы их, но благоговели бы перед ними и ценили бы слова, сказанные нам посланником Божиим с неба.

Разойдясь с Герасимом, Феофан вернулся в каливу. Нарубив вязанку дров, взвалил ее себе на плечи и понес к свальщику шапок, дабы свалять две шапки, которые он связал, для того, чтобы на вырученные от продажи сих шапок деньги уехать в Царьград. Отойдя несколько от своей каливы, он встретил святого, который шел к нему на встречу во образе духовника Матвея со Свято-Аннинского скита.

Было около восьми часов дня по местному зимнему исчислению времени, что соответствует нашему полдню; беседа же их продолжалась до двух часов утра, т. е. до рассвета или, по-нашему, до шести часов утра следующего дня, причем, вследствие чудесного действия святого, Феофан, несмотря на необычайность беседы, не догадывался до самого конца ее, что говорит со святым Нилом, а не с духовником Матвеем. Стоя и слушая святого с тяжелой вязанкой на плечах, он нимало не ощущал тяжести ее, не ощущал продолжительности беседы и наступления ночи; только когда святой покинул его, заметил, что занимается рассвет и что на плечах его ноша. Другое чудо, явленное во время этой беседы святым, было необычайное изощрение памяти Феофана, благодаря

которому он помнил в подробности и в последовательности все, что говорил ему святой, помнил в течение нескольких лет, пока не записал всего, как повелел святой; по написании же, он постепенно, по мере списывания, забывал речь святого и не был в состоянии последовательно повторить даже немногое, что только что перед тем подробно продиктовал.

Когда Феофан поравнялся со святым, они приветствовали друг друга, и святой спросил: «Что нового? Как поживаешь?»

Феофан: «Иду шапки сваливать и набрал дров, чтобы снести туда».

Святой: «А я намеревался посетить тебя, чтобы взглянуть на твою каливу».

Феофан: «Хорошо, я положу дрова здесь, и пойдем».

Святой: «Нет нужды возвращаться – и без того повидались».

Феофан попросил дать ему благословение и подать ему руку, чтобы поцеловать ее, извиняясь, что будучи обременен ношей, не может положить поклона, и сказал: «Прости, не могу поклониться тебе, так как нагружен». Святой же не подал ему руки, чтобы поцеловать, но отошел в сторону с дороги, на поляну, потом снова приблизившись к Феофану, сказал: «Ради чего ты, несчастный, творишь такие соблазны?»

Феофан: «Ни с кем я ничего не говорил (т. е. ни с кем не имею сношений и творить соблазнов не могу)».

Святой: «Кому ты это говоришь? Разве не ты сказал нашему иеромонаху Герасиму: если так, то да не служишь более и да не литургисаешь, если только не перестанешь изгонять того человека из братства, и да не дерзаешь благословлять начало и говорить – благословен Бог – ни ектении говорить, ни епитрахили надевать. Вот завтра или послезавтра приедет отец твой на поклонение на Афон; пускай он видит, что ты такой (т. е. под заклятием) и не можешь служить, и пусть узнает из-за чего. Ему-то дадут дорогу (т. е. юношу-то отправят из-за тебя), но пусть же и тебе узда будет (т. е. но за это буди и ты связан клятвою), чтобы и ты боялся впредь. И как осмелился ты так говорить с таким человеком и сказать ему такие слова? Не знаешь разве, что он человек немощный, несчастный, в скорбях, а ты, вместо того, чтобы утешить его, творишь ему скандал (закляв не служить и не литургисать – публично разглашаешь распрю). Худо, худо, что мы живем среди камней, – сказал ты ему, но себя не видишь, что ты, живя в поле (т. е. в пустыне), столь оскверняешь поле сие?» (Т. е. Феофан позволяет себе осуждать жизнь братства).

Феофан: «Поверь мне, не для того, чтобы сделать соблазн, сказал я ему это, но чтобы заставить их примириться».

Святой: «Ты говоришь, что не хотел делать скандала, а

чтобы устрашить его этим? Но какое тебе дело до их внутренних состояний и дел? Не видишь разве своего собственного состояния (бедственного) и своего несчастия? Ты не сидишь в каливе своей и не творишь той молитвы, какую следовало бы тебе творить, т. е.: “Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, мерзость запустения”, – и не устремляться в чужие дела, вмешиваться в совершение божественного Таинства (т. е. запрещать иерею литургисание)».

Феофан: «Я этим ничего не повредил, и что я этим повредил?»

Святой при этих словах перекрестился и воскликнул: «Господи помилуй! Да какое твое дело вмешиваться, о, человече? Как осмеливаешься ты, не взирая на свое зловоние, несчастный, браться примирять других и запрещать совершение богослужения?!! И что имеет сей человек (т. е. какое препятствие нашел ты в нем для продолжения служения), что ты так судил его? Хотя он, сознавая в себе сию страсть, и сам не служит, но что такое эта его страсть? Ничего нет, одна тень, одно лишь паутинное плетение завистника (диавола). Не следует ему только смущаться от сего зловония, которое видит и ощущает в себе, т. е. нечистых мыслей и смущений, наводимых на него врагом против его воли, – закрыл нос рукой, прошел мимо – и прошло, и ничто есть; он же так смущается от этого, что уходить хочет, но куда же он от искушений и диавола уйдет? Если уйдет, то все утратит, ибо кто, покинув самовольно место метания (т. е. место пострижения и обетов покаяния), не вышел потом и совсем в мир? Так случилось и с тем иеромонахом нашим (т. е. Феодоритом), которого мы столь старались умирить и не могли успокоить; он все-таки ушел и купил каливу, чтобы якобы мирствовать; пусть бы и мирствовал себе там; но отчего же, вместо того, чтобы мирствовать, пожелал съездить в мир? Когда он вернулся из поездки в мир, мирна ли его совесть? Не осквернена ли его мысль? Не жалит ли его ежедневно мирское жало? (Т. е. воспоминания, впечатления, похотения суетных и пр.). Так бывает и с каждым, покидающим место своего покаяния, – он впадает в эти страсти, как мы сказали. Не знаю, чего ему недоставало, что он не мирствовал, и что его принудило уйти. Чем он здесь смущался настолько, что считал невозможным мирствовать и спасаться? Повинующие (т. е. начальствовавшие над ним, или старец и старшая братия) повиновались ему, т. е. уступали ему, подобно Евлогию, описанному в житии прп. Антония Великого, подобравшему Христа ради прокаженного на улице и посвятившему себя на служение ему, но, вместо признательности со стороны

последнего получившему ненависть и, наконец, решительное требование прокаженного отнести его обратно на улицу, туда, где подобрал, ибо ему нравилась базарная толпа, и не хотелось находиться вдали от сей толпы.

Пусть же Герасим возблагодарит Бога и воздаст Богу славу, как за то, что имеет эту страсть и не может от нее избавиться, так и за то, что он в общежитии, ибо, не будь этого, он, имея склонность к любоначалию, совершенно погиб бы, сознание же в себе постыдной сей страсти смиряет его. Не будь сего, не только в скиту ему не удержаться, но и в монастыре, и во всем Афоне, тогда облекся бы он в гнилую одежду мира. Поэтому, да благодарит он Бога, что Он не отнимает от него сей страсти. Однажды, по молитвам преподобного отца нашего Нила избавил его Бог от страсти, подобно этой, мучавшей его, сделав это ради того, чтобы он не пришел бы в уныние и не возроптал бы, а также, чтобы восчувствовал бы милость Божию, возблагодарил бы Бога за это избавление и прославил бы Его, но он оказался неблагодарным, позабыл и Бога, и то благодеяние, которое Бог ему оказал. Так как отвращение сердца от Бога не может укрыться от Него, ибо Он – сердцеведец, то за это Бог послал ему обручение сей страсти (т.е. неотступно попустил преследовать сей страсти его). Так Бог сотворил с ним, чтобы не погиб он от своей страсти (псилафизма любоначалия) и чтобы это препятствовало его погибельным намерениям, которые имеет несчастный».

Внимая этим словам святого, Феофан в уме спрашивал себя: за что сей человек так любит Герасима? Святой же в ответ на эту мысль тотчас сказал ему: «Если хочешь знать, из-за чего Бог так печется о нем, то слушай и узнаешь. Божественное попечение о людях бывает двояким: во-первых, вообще печется Господь о каждом человеке, чтобы он не погиб, во-вторых, сугубо промышляет о том человеке, коего родители благоугодили Ему благоутробием своим, состраданием к бедным и милостынями. Так, например, за страннолюбие родителей Всецарица Богородица, когда следовала с Богомладенцем Христом в Египет, явила особую милость к их дитяти, которое Она утешила на руках Своих и накормила девственным молоком Своим. Благодать сего млека не утратила силы до самой смерти разбойника и явилась в исповедании истинным Богом Ее Сына[1].

Но какого примера тебе еще нужно? Возьми пример с лавры. Если бы она не пожалела тебя и не оставила бы тебя жить в пределах своих, дозволив поселиться в границах своих,

---

[1]Выше (в первой части, глава X) о сем сделано изъяснительное примечание.

на земле своей – получила бы она, думаешь, мощи преподобного? Но, так как они поступили благоутробно, то за это они и удостоились получить святые мощи преподобного.

Так же точно и келлия Безбрадых: не оказывай они тебе приюта и не помогай тебе несколько в твоих нуждах – не получить бы им такой большой части пресветлых и святых мощей преподобного. Ну, а где же видишь ты дар Кавсокаливскому скиту? Почему они не приобрели благодати святых мощей? За несострадательность их к тебе и за неверие к святому. Однако сей сострадательный преподобный все-таки пожалел их и воспомянул о них; поминая их малую память о нем, помянул и их малой частью мощей своих (т. е. уделил и им часть малую).

По этому самому, если родители Герасима столь пекутся, чтобы не попустить погибать беднякам, которые суть чада Божии, помогая им и словом и делом (т. е. милостынею и заступничеством перед турецкими властями, словом утешения и назидания), то возможно ли Богу оставить погибнуть дорогому их чаду, тем более, что оно посвящено ими Богу? И Бог, поэтому, старается исправить его от высокоумия, любоначалия и самомнения, но Герасим никак не хочет расстаться со своим высокоумием, и чем только он не прельщается? Идет и прельщается собою (псилафизуется), сидит – прельщается (псилафизуется), говорит – прельщается, псилафизуется; не имей он такой привычки, имел бы он часть (т. е. сподобился бы благодати святых, или причастия Святаго Духа); это и для родителей послужило бы большим радованием, но лукавство его препятствует исполниться на нем намерениям Божиим (т. е. готовности Божией даровать ему сию благодать). Если же он оставит свое лукавство и склонность к высокоумию – избавится и от своей страсти; великою радостию возрадуются о нем его родители, в противном же случае надлежит понести его родителям весьма большую печаль о нем.

Что же это за высокомерие в нем, которым он, несчастный, прельщается, сам того ни мало не сознавая (псилафизуется)?

Прелесть эта (псилафизм) есть сие: когда он идет, то помысл в нем говорит: “Я хожу с такой скромностию, нет здесь в скиту другого подобного мне, я служу хорошим примером всему братству”. Когда сидит и с кем беседует, то говорит с тем же псилафизмом, то есть высокомерно; если собеседник скажет что, не угодное его властительскому уму, он тотчас гневается. Когда сидит за трапезой, тоже насыщается своим псилафизмом (т. е. пребывает во власти той же страсти высокоумия), ищет ропотливым, склонным к осуждению и властительским разумом какого-либо повода (т. е. празднословия

и, перебирая недостатки ближних), и найдя благословную причину осудить кого, – гневается, как никто другой. Когда читает в церкви, – таким же образом прельщается, псилафизуется. Когда кто посетит его, тотчас возносится над пришедшим, считая долгом начальственно поучать его, и сим прельщается (псилафизуется).

Пусть Герасим не прельщается мечтой спасаться в одиночестве».

Здесь святой привел ряд примеров, чтобы уяснить сколь предпочтительнее спасаться в общежитии и сколь много теряют те подвижники, которые, успешно подвизаясь в послушании, ловятся на прелестную диавольскую удочку вожделения пустынной жизни, которая им не по силам; бросив свой посильный подвиг послушания, удаляются они в пустыню и погибают. В общежитии страсти, как посторонние подмеси в масле горящей лампады... «перегорают, души очищаются, просвещаясь, как солнце, и светятся в лике преподобных».

Выслушав эти слова, Феофан сказал святому: «Из твоих слов я могу заключить, что ты хочешь убедить меня покинуть мое нынешнее жительство и вступить в общежитие, но ты напрасно стараешься; я этого не сделаю, ибо узнал что за добро общежитие – только одна слава, что общежитие. Ты же расхваливаешь так общежитие за то, что мой бывший игумен Савва – земляк тебе (Мореец), оттого-то ты так его и восхваляешь».

Святой: «Да разве ты пригоден для общежития, несчастный? Ты для общежития, – что подошва для грядки, которая только и может, что топтать свежие побеги и портит молодые растения огородника, за это огородник и изгнал тебя вон. Итак, будучи изгнан огородником, – куда ты больше денешься, как только в пустынное место (*досл.:* непотребное место). Таков и ты, непотребная подошва общежительская, которую изгнали оттуда, чтобы не отравляла других, изгнали в место никому не нужное, чтобы ты смердил себе там, где живешь, и смердишь величайшим смрадом.

Впрочем, для тебя послушание общежития заменяет сие: исполняй все то, что сказал тебе святой; без совета и без спроса ничего не предпринимай и никуда без совета не ходи, ибо как сказано: муж безсоветен – сам себе враг.

Выслушай, о, уединенник, еще одну притчу, как прекрасно блестят камешки на морском берегу...

Невозможно постичь искусство монашеской жизни и обрести мир душе (т. е. свободу от страстей), без пособия послушания...

...Ушедший из общежития в одиночество потом возропщет

и скажет: “Зачем не остался я в общежитии, ибо я теперь страдаю от внутренней мысленной брани” (гл. 2, часть 3)». На это Феофан возразил: «Что же ты-то, расхваливая так общежитие, живешь одиноко и не поступаешь в него? Наверное оттого, что деньги имеешь, не хочешь лишиться их, и много у тебя всякого добра». Святой же продолжал: «Да, предпочитают одиночество общежитию именно ради того, что дорожат своими деньгами и своими кастрюлями... то есть следованию своей воле и помыслам...» Посем, завершив свою речь о преимуществах общежития, святой коснулся и главного порока в нем, многословия, и, сравнив многословие с ехидною, рождающею только подобных ей ядовитых ехидн, истолковал троякое девство души, и отсюда, сравнив добродетели с голубем, горлицею и соловьем, голубь – образ чистоты и незлобия, горлица – целомудрия и молчания, соловей – любви к Богу и молитвы, начал многие свои поучения и слова о разных предметах.

Толкование преподобного, как неверие и похоть[1] рождают грех и как грех рождает смерть; толкование грехопадения прародителей и сказание о том, как Бог готов был простить людей, если бы они покаялись, и как люди ожесточились сердцем, после чего святой сказал: «Вот и ты с твоим советником творите то же самое: предпочитаете путь погибели. Как Бог дал Адаму заповедь, чтобы он спасся чрез соблюдение ее, так и преподобный отец ваш Нил дал вам спасительную заповедь, чтобы она послужила бы для вашего спасения, но вы так же презрели спасительную для вас заповедь преподобного, как Адам и Ева презрели заповедь Божию...»

Истолковав грехопадение Адама, святой уяснил, сколь великою благодатию обладали люди, как они были светосиянны, и сколь прекрасен был рай, посем изъяснил братоубийство Каина (часть 2, глава 2). При сем святой открыл, что Авеля Бог облек первого благодатию молиться за брата своего.

Посем святой изобразил, как после Адама грех перешел во все человечество, как овладел человечеством, подобно тому, как плющ овладевает деревом. При этом он разделяет грехи на 33 главные ветви, подразделяемые на три категории, причем поясняет, как вера, надежда и любовь соединяют человека с Богом, и как наоборот: неверие, отчаяние и злоба соединяют и уподобляют человека диаволу. Говорит здесь также о том, что побудило Господа сойти на землю, учредить Церковь и снабдить ее Телом и Кровию Своей, подобно как соком лозным

---

[1]Здесь делается краткий обзор, пересказ (или конспект) речей прп. Нила, выше изложенных подробно.

– грозды, и, как наоборот, диавол передает грешникам свою сущность и пятиобразие греха. Как ведут борьбу из-за спасения и погибели каждого человека добро со злом (подразумевается благодать со ангелом-хранителем и злой дух). Сравнение греха с азбукой, о книге жизни, и о том, как в делах людских перемешиваются добродетели с пороками, то есть добрые и худые побуждения, вызывающие какой-либо поступок, соединяясь в один звук, как буквы в слоге; будущий их разбор на Страшном суде. При этом святой сказал: «Тот, который отпадает от Церкви, чрез несохранение трех чувств соединяется с адом, ибо беззаконники, т. е. нечистые духи, оплетают беззаконного человека всевозможными оплетениями... и вполне овладевают им, иссушая все его соки и изнуряя душу его всевозможными грехами.

Подобно сему, впал в бедственную власть беззаконников и ты с твоим доверенным (другом), вследствие неверия вашего; они оплели вас и сделали нечувственными».

Услыхав эти последние слова, относящиеся до него, Феофан засмеялся, святой же Нил сказал: «Смеешься, несчастный? Завтра будешь плакать». Затем он продолжал речь свою: «Итак, каковы же должны быть те несчастия, которым подвергает себя беззаконник, впав во власть мучителей?.. Сие ведомо лишь тому, кто впадает во власть греха... сиречь бесов, как, например, ты, беззаконник, изведал сие, впав во власть их».

Затем святой говорит о том, как пал Денница, какова зависть его к людям, как борят злые духи грешников грехами, а праведников лестию; также сравнивает двоякое упоение грехом и Святым Духом, приводит в пример св. Иакова Персянина и других святых и говорит, сколько непобедима в людях сила благодати Св. Духа, и как призрачна сила отверженных злых духов, уловляющих людей прельщениями и запугиванием...

Затем святой раскрывает, что именно открывает диаволу доступ в душу человека для искушения его, а именно: неверие сердца, т. е. не только выраженное неверие догматам, но и в верующем – нечувствие живой веры, затем – нечистота и отчаяние, и сравнивает их с тремя дверьми дома, которые, когда бывают заключены, то неприступна душа для татя и в ней воссиявает благодать... Затем приводит пример уловления души диаволом чрез лесть некоего подвижника.

Далее святой убеждает грешников ни в коем случае не отчаиваться и обращаться с покаянием к Всещедрому Искупителю, Который распялся за нас, а также поясняет, почему невозможно покаяние для злых духов.

Затем излагает, как произошел потоп, как Бог давал время

на покаяние, и как возненавидели люди Ноя... Затем преподобный указывает на степень растления нынешних людей, обличая монашествующих в нерадении к богослужению, затем взывает к посвятившим себя Богу, дабы внимали себе, хранили бы себя от пороков и соблюдали монашеские добродетели, причем приводит притчу о паре, о самопожертвовании горлицы за горлицу, о последующем самоотречении и о скорбной жизни горлицы (часть 3, главы 5-4).

В заключение сей притчи святой взывает к иереям, иеромонахам и досточтимейшим монахам, дабы старались подражать сей горлице, также хранили бы себя от празднословия, особенно по св. Причастии, особенно иереи, которым подобает весьма обдумывать и размерять слова свои... Затем святой спросил: «Феофан! Ходил ли ты когда, хотя раз, в пещеру?»

Феофан: «Не хожу, ибо святой запретил мне ходить».

Святой: «Хорошо делаешь, что не ходишь, и не ходи, пока не сделаешься монахом; когда же примешь схиму, тогда ходи в пещеру, и приими возвещение преподобного Нила, т. е. возьми на себя обязанность передать возвещенные им слова людям, а также заботу о возжигании лампадки в пещере. Когда же примешь схиму, да не упустишь когда-либо надеть ее на себя»...

Вслед за сим святой выяснил значение монашества, как воинствования Царю Небесному, сравнив разные степени монашества с разными степенями боевой готовности войска; привел пример доблестного и малодушного воина и, наконец, снова обратился к Феофану: «Ходи в пещеру и приими завет преподобного Нила; потом приходи, и уходи и не замедляй, но будь лишь – заходя и выходя – ибо, видя тебя там, смущаются, хулят сострадание и безмерную милость Божию, которую Он сотворил тебе, недостойному созданию Своему, явившему такую неблагодарность в недостоинстве твоем благодетелю твоему».

Феофан же сказал: «Не буду ходить, ибо впадаю в искушения». *Святой:* «Ходи и не бойся, ибо к тому времени успокоятся производящие соблазны, но только, когда ходишь, да не умедляешь, но уходи поскорее из окрестностей келлии».

Глава VII

Продолжение восемнадцатичасовой беседы. Обличение Дионисия, наставления Феофану

Причина, почему святой сказал Феофану, чтобы он не

ходил в его пещеру, пока не станет монахом, теперь же сказал, дабы ходил в пещеру, но не умедлял в ней, а был бы только входя и выходя, – причина сего заключалась в следующем.

Иеромонах Дионисий, игумен и старец келлии Спанон, что близ пещеры святого, не верил в подлинность чудес святого, не верил, что святой на самом деле являлся Феофану и беседовал с ним, и посему не соблюл завета преподобного, переданного ему чрез Феофана, продать его судно и пчеловодство; Дионисий полагал, что все это лишь выдумки Феофана и поступал с Феофаном враждебно.

Ввиду этого и заповедал святой Феофану не ходить в пещеру, пока не сделается монахом; посему и Феофан отвечал святому: «Не стану ходить, ибо впадаю в искушение»; святой же сказал: «Ходи и не бойся – к тому времени успокоятся производящие». Эти слова были предсказанием святого и означали, что к тому времени имеет умереть иеромонах Дионисий. За неверие в чудеса и явления прп. Нила Дионисий был ужален ехидною в голень, согласно пророчеству святого, как увидим ниже; спустя двое суток по ужалении умер в лавре и похоронен, как странник на чужбине, по предсказанию прп. Нила; итак, когда Феофан пошел в пещеру и сделался монахом, то Дионисий был уже мертв.

Продолжая речь о Дионисии, святой сказал: «Не соблюл он заветов преподобного Нила, ибо счел их, как за слова, сочиненные тобой, стал противником преподобному и не только поспешил преступить заповеди преподобного, но воспламенил и ядоужалил неверием своим всю внутренность (т. е. обитателей Св. Горы).

Неблагодарное неверие Дионисия сделалось господствующим во внутренности (т. е. внутри Св. Горы, картинно называемой святым внутренностию организма, а неверие Дионисия, – ядом ехидны, отравляющим весь организм чрез язву в ноге). И стали они (т. е. насельники Св. Горы) нечувственны к благодеяниям преподобного, ибо он отравил их ехидниным ядом своего[1] неверия.

Когда ехидна ужалит лишь в ногу, яд ее входит во все тело, до всех глубин (т. е. до внутреннейших органов тела), все тело человека ядонапояется, совершенно умерщвляется и погребается в землю; потом тело разлагается, остается только мертвый скелет. Тому же подвергается и сей ядовитым жалом своим (т. е. такой же участи подвергает Дионисий, своею ху-

---

[1]Как бы в знамение сего греха, Дионисий умер чрез ужаление в ногу от ядовитой ехидны.

лою и неверием, монашество на Святой Горе, которое, если не примет увещаний святого, должно неминуемо утратить духовную жизнь и стать духовным скелетом), отравляет чувствительность, да не восчувствуют предстоятели слушающих (т. е. старшая братия монашествующих на Афоне) чудес преподобного. И, на самом деле, вследствие хулы Дионисия, святогорцы не вняли угрозам святого и его призыву к покаянию и вот, через 3 года после приводимых изречений святого, Св. Гору постигла страшная кара; она совершенно запустела, насельники ее большею частию лишились погребения во Св. Горе, ибо принуждены были бежать со Св. Горы и умереть на чужбине. Этого бедствия не случилось бы, если бы проповедь преподобного, переданная чрез Феофана, была принята святогорцами со смирением и верою. Так как, по словам святого, главным виновником этого был Дионисий, то вот какую кару объявляет ему святой.

«Так как сему он подвергает Св. Гору и сего деятельно достигает ядом своего неверия, то и себе да ожидает такой же кончины, т. е. на чужбине, от жала змия, – нечувственный сей! Да ждет он себе ехидну, которая чуждоизгонит его чрез укушение в голень. Но не только он один подвергнется каре, но и другие, которые находятся в келлии сего мамонта (т.е. тучного и слонообразного, каким был, по-видимому, Дионисий), являя подобное неверие и презирая монашеский подвиг. И всякий таковой, находящийся в келлии сего мамонта, да не чает избавиться от ядовитой сей чаши и быть погребенным на своей келлии, – но чашею сею будут ядонапоены они и погребены на чужбине!..[1]

Что поделать мне с ними, несчастными! Жалко мне их, но им души своей ничуть не жалко!.. Предают они себя погибели... Бог жалеет человека, но человек не жалеет души своей... Что можно пособить твоей душе, что может сделать тебе Бог, когда ты добровольно предаешь душу свою аду?.. Если человек сам желает себе муки, – то что будет делать ему Бог? Он и определяет ему: “Ступай туда, где ты сам себе уготовал место”. Лучше было бы не родиться человеку тому, нежели услышать от Бога таковые слова!..

Да остерегаешься же – да не входишь внутрь лавры. Ибо твоя воля превратная. Т. е. легко соблазняешься, когда представляется случай ко греху, неустойчив в добродетели; посему многолюдство является для тебя опасным, око твое лукаво с лукавым помыслом твоим... Имей сию свободу праздновать

---

[1]При нападении на Св. Гору албанцев, когда многим инокам (конечно, и обитателям келлии Спанон) пришлось умереть не на Афоне, а за его пределами.

вне, т. е. ходить на праздники в большие обители и проводить там праздник, – три раза в году: в Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, в Честное Успение Богородицы и праздник архангелов. Там, где будешь проводить праздник, глаза свои вчетверо устрой[1]. Т. е. как говорится: смотри в оба.

Ибо враг не спит, но безпрестанно коснодействует, дабы поглощать несчастных людей, подобных тебе... Как действует и рыбак... Рыба же, приходящая туда, т. е. в сеть или на приманку, погибает.

Да хранишь себя от того, чтобы иметь монету в келлии твоей или носить при себе».

Глава VIII

Увещания, обращенные к Тимофею и Герасиму, о том сколько отмщает Бог, если кто коварно вытеснит кого из места, назначенного тому Богом для спасения; притча о некоем царе-братоубийце

Напрасно ты обезчестил доверенного твоего друга, Герасима, закляв его не служить. И что имеет он, чтобы не смел служить? Разве имеет он что в себе такого, что ищет отсечь себя от богослужения? Ничего такого в нем нет, а если и есть нечто, то от завистострастцев, как говорю я тебе. Но только пусть они сего не делают, пусть потерпят человека того: пусть пока живут вместе, как и раньше. Если желает Герасим искоренить корень страсти, то да исповедует ее, страсть свою, пред собратиями своими, ибо сам допустил ее укорениться в себе. Они же, т. е. братия келлии Тимофея, которая намеревалась выжить Герасима с келлии, – да не сопричислятся к части Каина. Герасим же, да не вменяет себе того, что пострадал, т. е. да не поминает тех обид и скорбей, которые перенес от некоторых из братий, помня обещание, которое он изрек пред жертвенником. Пусть помнит коленопреклонения и те склонения рук к земле, которыми он склонялся, творя обет свой: не покидать места своего пострига, что бы ни случилось, иначе болезненнейшее страдание постигнет внутренности его... И тогда не получит он себе исцеления ни от человека, ни от милосердия Божия, кроме смерти, смерть же будет ли целебна для болезненного

[1]Это наставление хорошо годилось бы и для русских иноков на их монастырских праздниках.

страдания того[1], – сие ведает Бог. Да изберет себе из тех двух одно. Во-первых, да повергнет на землю высокое мнение о самом себе, да отдаст свою волю другому человеку, да вверит себя в послушание, да искоренит из сердца своего страсть завистострастную, да переносит всякие оскорбления и от всех любя, а не только от тех, кого любит, или то, что любит. Если кто любит людей, люди же его не любят: какой ему от этого ущерб? Дословно написано: какая ему польза, – но по смыслу, очевидно, следует перевести «ущерб». Это и есть первое из двух. Да творит же благое и богоугодное пред всеми людьми и бысть ему Бог Помощник и Покровитель... Если же нет, если не сделает сего, но удержит волю свою себе, т. е. не подчинит себя в послушание, будет продолжать возноситься самомнением, – то да пожнет плод своих страстей... и да не говорит в себе, что Бог спустит; Бог не забывает ничего, но лишь долготерпит, как долготерпит и ему... Бог пребывает на высоких и верви каждого, т. е. как бы веревки от руля ладьи каждого человека, содержит в руке Своей и силою Своею правит веревками теми. Того же, кто сам отчуждается от Бога и веревки других желает спутать, Бог имеет в руце Своей, и за это желание по справедливости карает того, кто идет отрезать от руки Божией веревку другого. С тем случается то, что выпускается из рук Божиих его собственная веревка; отсечь же веревку другого ему не удастся.

Если же веревка отсечется, есть путь и средство снова привязать ее. Кто же это?! Это есть жизнь, т. е. Господь Иисус Христос: «Аз есм Живот», и покаяние со стороны грешника. Пример этому мы видим в преподобной Марии Египетской.

Что такое исторгание веревки из руки Божией? Выпущение веревки Богом из руки Своей, т. е. предоставление человека погибели есть отречение от Бога, как было с тем иереем, который искал, как бы отсечь веревку другого от руки Божией, но вместо того вырвалась его собственная веревка. Потом сказал святой Феофану: «Знаешь ли ты его?»

Феофан же сказал: «Не знаю, кто он».

Святой ответил: «В скиту был один иерей, подчинивший себя двум братиям, т. е. посвященным монахам, которые владели келлиею и, приняв сего иерея, согласились вписать его третьим владельцем ее в омологию; за это он обещал им великую признательность и безропотность. После сего делал он метание святой Анне. Когда происходил обряд принятия

---

[1]Разумеется страдание не только тела, но и души (угрызения совести).

его в число братии скита святой Анны, обещал быть прахом подножия ног сих двух братьев, пока не похоронит их. Однако несчастный позабыл свое обещание, начал сеять в себе злое семя, которое произвело злой плод в его сердце следующим образом. Возомнил он о себе, что, как иерей, он не может подчиняться двум братиям (простым монахам), а должен быть правителем жилища. С этим самомнением вошла в него страсть заботы о том, чтобы изгнать другое лицо, а самому остаться в доме вторым. Никому не открывал иерей этой страсти, и мало-помалу укоренились в нем две страсти, т. е. зависть и злопамятство. По великой своей зависти, он начал жаловаться, что терпит несправедливости, объявляя, что его выживают, цель же его была отрезать веревку другого из рук Божиих, т. е. выжить второго владельца. Мало того, он еще и литургисал с такою сокровенною страстью, литургисал, пребывая во враждебной страсти к своему брату!..

Однажды пошел он литургисать с таким чувством; кончил литургию и вышел из храма. Но Бог не мог долее держать такую веревку в руке Своей – и она выпустилась из руки Его!.. Мановением Господа Бога иерей сокрушился следующим образом. Перестала идти вода по водопроводу к нему в келлию. Пошел, несчастный, исправить водопровод, но тут выпустилось беззаконие его, т. е. пришел час воздаяния беззаконию его, он низвергся со скалы, убился насмерть».

Феофан сказал: «Не говоришь ли ты про о. Косьму, который свергся?» Святой же сказал: «Да. Видишь ли, какой смерти он был предан! Хотя чашу эту, т. е. смерть, и все мы вкусим, но несчастны те люди, которые порабощены, т. е. так порабощены грехам, что умирают во грехе, без покаяния!.. Когда же Бог принимает в руки Свои веревку от (руля ладьи) человека? Т. е. особо промыслительно начинает править судьбою человека? Со времени крещения Господь берет крещаемого в руки Свои.

Пусть Тимофей сходит на мельницу и пусть вытащит из мельницы мешок пшеницы. Если мельник воспротивится, чтобы было оказано такое презрение к мельнице, т. е. такое правонарушение, то тем более Бог не допустит нарушить права человека, говорим – изгнание брата из обители Его, но того, который находится в непокорстве и безчинии и никаким образом не может исправиться, такой человек да изгонится и да искоренятся, да не присоединятся к его злу прочие братия!..

Но он, т. е. Тимофей, да остережется, как бы ему не сопричислиться с некиим царем, который был умерщвлен людьми; Тимофей же будет наказан Богом Спасителем.

Сей царь имел одного брата, которого рукоположил в диа-

коны, цель же поставления в священную жизнь была: да не случится, чтобы он воцарился и не захватил бы его царства. Однако, рукоположив его в священный сан, царь не успокоился. Страсть зависти гнездилась в сердце царя; мало-помалу дала она ростки и плод. Царь столь помрачился, что повелел умертвить брата.

Когда умертвил царь брата своего, Бог повелел душе убитого, чтобы она, как тень, являлась каждую полночь в священном облачении, держа чашу с кровию в руках, и говорила бы: "Брате, пей кровь мою!" – подносила бы чашу к устам его, и всегда говорила бы: «Брате, пей, да насытишься царством твоим!» Душа делала так, как повелел ей Бог; с великим шумом она приходила каждую ночь и со гласом: "Брате, пей кровь мою, да насытишься царством твоим", – прикасалась чашею к устам его и говорила: "Пей, брате, не бойся, что оскудеет – полна есть!" Душа продолжала безпрестанно являться, так что царь совершенно не имел ни сна, ни покоя... Переменил он свою комнату на другую, не успокоится ли там; но и там увидал то же самое: "Брате, пей..." Переменил он опять дворец, не виновата ли в сем местность дворца; но то же самое: "Брате, пей...", – не мог найти и там покоя. Наконец, оставил он царские дворцы в запустении, удалившись в дальнюю страну, говоря себе, что это от воздуха и местности так действуют сны, и не соображая, что это есть кровь брата его!.. Но и там, в дальней стране, брат предуспел раньше его. Когда царь после утомительного пути прилег мало почить, то послышалось опять: "Брате, пей, ибо из-за этой чаши ты великий подъял труд!.." Царь пробудился смущенный и встревоженный.

О, царю! Отчего так расстраиваешь себя, смущаешься, и не загладишь содеянного беззакония? Зачем бежишь ты с места на место, а не соберешь духовников, которые подвластны тебе, и не воскликнешь перед ними: "Согрешил я, отцы, на небо и перед вами всеми", – почему не откроешь пред ними страдания твоего и не скажешь, как Манассия и Давид: "Господи! Да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене... Исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя и душа моя смятеся зело..."»

Потом святой сказал: «Видел ли сего бегавшего, чтобы избежать чаши? Так и Тимофей, если выживет Герасима со своей келлии, не только испиет, но и ядонапоится, как царь тот».

Затем святой обратился снова к учению о духовных явлениях и о том, что человеку свойственно быть искушаему, что Господь попустил диаволу соблазнять и Его Самого –

Несоблазняемого; о силе покаяния и кто есть блаженный и треблаженный.

Затем святой открыл, кто был разбойник, помилованный на кресте, и кто был разбойник, похуливший Господа.

Глава IX

Обличение святым нечувствия и забвения своих грехов Феофаном и объяснения его, почему св. Нил явился ему, а не другому

Окончив речь о двух разбойниках, святой сказал (как бы собираясь уходить): «Довольно, время прошло, пойдем».

Феофан, выслушав то, что говорил святой, пришел в умиление (раскаялся, что вмешался в распрю Герасима, осудил и оскорбил его) и сказал: «Чего мне от них надо? Что имеют – да имеют, а мне теперь страдать из-за их соблазнов!» Святой же сказал: «Не знаешь разве, что кто вмешивается в таковые и наследует их, тот сам стремглав ввергается в искушение, становясь посмешищем для других». Феофан же сказал: «Это я знаю. Но только что же поделаешь, хотел я примирить его дух, сказал ему одно – два слова. Почем я знал, что он так сильно смутится, и какая ему была нужда говорить тебе!» (Т. е. Феофан, не узнав святого, подозревал, что Герасим пожаловался на него сему духовнику и что поэтому именно духовник и пришел к нему). Святой же сказал: «Ты ли нашелся миротворец для людей? Малыми разве наставлениями наставлял его отец Савва из Руссика? Мало ли слов сказал и я ему некогда? Строжайше приказывал ему (Савва) возвратиться назад (т. е. когда он было ушел к Феодориту), "ибо другой (т. е. Феодорит) не может управить тебя с помощью твоею; они знают твою немощь (т. е. братия келлии Тимофея) и ты их знаешь, мирствуйте так, как научил и заповедал вам ваш покойный старец Савва – Тимофей). Я верю, что братия любит тебя и управят тобою по немощи твоей". И другими наставлениями наставлял он другого (т.е. Феодорита), но тот оправдывался разными оправданиями. Сказал ему Савва: "Оставь эти оправдания, ибо это искушение" и он склонился было на желание его (т. е. на совет Саввы), направился идти к своему метанию, удалился из Руссика; дорогою напал на него непостоянный помысел, как лисица (сделавшая круг и вернувшаяся опять к своей норке), обратил его снова к прежнему и к теснейшему, чтобы утеснить его

там, не дать ему слушать людей и духовных их советов, и стал он мерзостию человеческою... Но возвратившемуся в наш скит (т. е. Герасиму) отчего не мирствовать?»

Затем святой привел в пример Иуду и предательство, вплоть до самоубийства его, чтобы показать, сколь долготерпелив Господь, как готов Он миловать и принимать покаяние даже от окаяннейших грешников. После речи об Иуде святой, обращаясь к Феофану сказал: «Спрошу я тебя, с каким намерением пришел ты сюда во Святую Гору? Ради спасения твоего, или чтобы погибнуть? Если для спасения, то отчего так погубили тебя (т. е. во стольские грехи ты впал) с неверием твоим? Отчего вихрь непостоянства сокрушает тебя на всякий день? Оттого, что вора ты делаешь себе другом, а друга своего творишь себе вором и гонишь его... (т. е. лукавые советывания мысленных татей приемлешь, советов же и заповедей Божиих и святого не соблюдаешь и тяготишься ими)... Ты подобен Феопемту, который, прельщаясь мудрованиями мерзкими, нисколько не гнал их от себя (см. житие Пахомия Великого о Феопемте, прельщавшемся всякими прилогами греха и скрывавшем помыслы свои от св. Пахомия). Они же (т. е. помыслы скверные), приходя, не бывали изгоняемы; приближаясь, были принимаемы...» (Этот оборот речи святой употребляет, чтобы указать на то, что прилоги греховные приступают ко всем, но ведущие духовную брань их тотчас отгоняют, а, кто не отгоняет, тот бывает ими побежден).

Услыхав эти слова, Феофан засмеялся, святой же сказал: «Не смейся, несчастный, но воздыхай, воздыхай о беде, которая грядет на тебя!» Тотчас загорелось лицо у Феофана, как будто он получил пощечину.

И опять сказал святой: «Воздыхай, несчастный, великие смехи твои воскипят великими горечами!

Воздыхай, несчастный человече, сделавшийся мерзостью запустения!..

Воздыхай, несчастный человече, о беде, в которую ты предался отречением (т. е. принятием некогда магометанства)!

Воздыхай, несчастный, о том, что рукописание твое, которое ты написал, есть хула на Божественную силу, и оно передано в руки проныр Денницы!..

Воздыхай, несчастный, обременивший руки убийством!..

Воздыхай, несчастный, в общежитии в мерзости вовлекавший!..

Воздыхай, несчастный, простиравшийся к подлостям в общежитии!..

Воздыхай, несчастный, утративший целомудрие, и о погибели девства!..

Воздыхай, несчастный, находившийся, как свинья, во блате нечистоты!

Воздыхай, несчастный, отлученный от Таинственной Жертвы!..

Воздыхай о нововозобновляющейся немощи твоей (т. е. о новом виде беснования, которое, как видно будет, и постигло его за нарушенную точность заповеди прп. отца нашего Нила).

Воздыхай, несчастный, о препятствиях, которыми запинаешься в спасении твоем.

Воздыхай, несчастный, о превосходных степенях монашеской жизни, не исследующий их (т. е. скорби, что не стремишься к совершенству монашеской жизни).

Воздыхай, несчастный, раскидавший мощи!..

Воздыхай, несчастный, поправший заповеди!

Воздыхай, несчастный, ветвями потрясающийся... (т. е. колеблемый помыслами).

Воздыхай, несчастный, воскипающий в сердце твоем страшными болезнями!..

Воздыхай, несчастный, закон отвергающий!..

Воздыхай, несчастный, в Доме Божием расслабляющийся, долготерпением Божиим долготерпимый, но не оправдывающий его, на покаяние ожидаемый, но в худшая предающийся...»

Услыхав все это, Феофан сказал святому: «Откуда знаешь ты все это?»

Святой же сказал: «Жаждущим был я и жажду имел, чтобы найти тебя в твоей каливе и сказать тебе еще больше того, однако, найдя тебя здесь, скажу малое.

Спрашиваю я тебя, отчего св. Иоанн-евангелист был призван к одной жестокой, испорченной, злобной и неукротимой женщине? Потому что не было больше опутанной (сетями диавола) женщины, как та Романа. Так и Христос распутал от сетей демонских блудницу (Самарянку) своими премудрыми словами.

Спрашиваю я тебя: отчего не иному какому монаху явился преподобный отец Нил (а тебе)? Потому что не бывало более такого греховного и злообразного человека, как ты, и потому, что ты находишься в сетях демона. Употреблял и употребляет усилия святой, чтобы распутать эти сети, как распутал их апостол Иоанн, с великим терпением и кротостью; сердце Романы умилилось и очистилось, твой же дух отвращался от боголюбнословия преподобного отца Нила».

Святой после сих слов начал слово о том, каков был подвиг пророка Елисея, который чуть было не погиб, несколько возомнив о себе, когда получил сугубую благодать с милотию Илии, как он спасся тем, что в простоте сердца своего смирился

пред Богом, призвав молитвенно помощь пророка Илии. После этого святой привел в пример второй случай Павла Препростого, который тоже чуть было не погиб, несколько возомнив о себе, и тоже спасся тем, что молитвенно призвал помощь наставника своего Антония. Затем святой привел слово Антония о двоякой гибели монаху, от нерадения и самомнения. Затем сказал о Страшном суде – *в доме Давидовом*. Феофан при последних словах улыбнулся, святой опять стал обличать его нечувствие...

Глава X

Святой назначает Феофану эпитимию за нарушение им своих обещаний

Затем святой начал говорить об отечестве небесном и о том, как труден, далек и опасен путь к нему; Феофан же, слушая эти слова, лукаво размышлял в душе своей, намереваясь вопросить святого, что ты за человек, что таковые слова говоришь? Но святой предупредил и предварил Феофана вопросом: «Что варишь себе и что ешь? Имеешь ли какие бобовые брашна, чтобы кушать?» Феофан же сказал: «Не имею». Святой: «Раздобудь себе несколько чечевицы, чтобы кушать». Феофан: «Не имею дозволения есть бобовые». Святой сказал: «Ешь чечевицу и не бойся, что огорчишь (досл.: обременишь) святого, если же боишься, то взвесь (т. е. сравни) печеную смокву с чечевицею и подумай, что более тяжко для Бога?» Святой дозволил раньше Феофану есть смокву, а чечевицу не дозволил, но Феофан изобрел способ особенно вкусно изготовлять себе смокву. «Несчастный человече! Верблюдов поглощаешь, а комаров сохраняешь?» Затем святой начал говорить о том, что такое монашеское самоотречение, дающее свободный доступ в *дом Давидов*, сколь дорога для Бога в человеке простота и, между прочим, опять намекнул на Герасима, сказав: «Как излукавился твой доверенный друг, который доверяется тебе? Он рискует разорить самого себя с лукавством своим». И сравнил святой лукавство Иуды с простотою Иоанна Богослова. Феофан же, выслушав, сказал:

«Как видно, я погибший? Да и ты говоришь, что я пропащий? Следовательно, если я пропащий, к чему мне и торчать в скалах (чтобы спасаться), и осквернять, как ты говоришь, собою окрестности». Святой же сказал: «Не говорю тебе, что

ты погибший, но говорю тебе, что ты безответен оправдаться в делах твоих. Только сотвори, как тебе повелел преподобный отец Нил, приими (слово его), но да примешь не на словах (обещаясь), а делом делая двояко. Да будешь ты в покаянии, как Петр, и принят будешь.

За сорок лет деяний, содеянных тобою, следует остаться тебе в месте, откуда не видно небесных изменений, сорок дней на неквашенном хлебе, без соли и мало пия воды».

Слушая это, Феофан положил в уме вопрос: куда же я пойду, чтобы не видеть небесных изменений, т. е. ни дня, ни ночи; и начал даже говорить об этом, но в это самое мгновение оторвался кусок утеса сверху над дорогой, низвергаясь с большим грохотом, пронесся между святым и Феофаном и покатился под дорогу. Святой же сказал ему: «Сие есть во исполнение желания твоего (т. е. в ответ на вопрос твой, где найти место, не видящее света солнечного). Пойди, посмотри, где остановился камень; там одна ветвь малины; подними ветвь, взойди внутрь пещеры, рассмотри и узришь искомое место[1]. Посем же да примешь, как тебе было наказано; (в предыдущем явлении Феофану было повелено святым в Вербную неделю, первого апреля принять схиму). Однако, по вступлении в отеческие объятия, т. е. по принятии схимы, до 40 дней и трех недель пребудешь (*досл.:* установишь) в мирном состоянии; после же праздника Святыя Троицы, в среду, ночью во время сна, в четвертом часу с половиной схватит тебя возобновление страдания твоего, страшно и жалостно будешь ты преследуем им до 40 дня безпрерывно, согласно апостолу: “Предадим его сатане во измождение плоти, да дух спасется в день Господень” (1 Кор. 4, 5). Это за то, что ты сделался проступником обета, данного тобою пред преподобным отцом нашим Нилом. Держи это знамение: если по 401 дне нос твой будет исполнен кровью, воздай Богу славу и прославь Его, что принял Он ходатайственную нашу просьбу. Выслушай и сие: да не погребется по смерти твоей тело твое в усыпальнице, чтобы не осквернилась могила отцов, говорим, отеческая усыпальница».

Феофан же сказал святому: «Что ты говоришь такое? Святой сказал мне, что никогда больше бес не будет тебя мучить (досл.: искушать)».

Святой же отвечал: «Сие возобновление беснования не есть

---

[1]На следующий день Феофан пошел, увидел камень, а под ним ветвь дикой малины, как сказал ему святой; приподняв ветвь, Феофан заметил одну подземную пещеру, вошел в нее и увидал, что она, как печь, имеет стены кругом; сверху стекала вода. В этой-то пещере и повелел ему святой сидеть 40 дней, вкушая неквашенный хлеб и не видя изменений неба.

подобно прежнему, но это чуждо – посетительное битье (т.е. беснованье) – за преступление заповедей. Старое было прерывающимся днем и ночью, это же беапрерывно тебя будет преследовать, поражая страшно, неистово и ужасно. Старое весило – жизнь (т. е. вес прежнего страдания не превышал сил человеческих), было терпимо, и ты жил с ним; сие же весит смертоносное смерти, т. е. с этим страданием жить долго невозможно, если Господь не исцелит. Только не кружись с места на место, т. е., когда постигнет тебя беснование, не уходи с того места, где оно тебя постигло, так как тот злобный будет стараться погубить тебя. Держи только в памяти это знамение: когда заискрятся твои очи (по смыслу – загноятся), то там и оставайся, дондеже будет воля Божия...»

Так и произошло: после Троицина дня глаза у Феофана начали наливаться кровью, слезить и гноиться. Предупрежденный святым, он остался на том месте, где это с ним случилось. На четверг же поразило его страшное, мучительнейшее беснование. 28 мая явился ему опять во сне святой, несколько облегчивший его страдание, но не исцеливший. Через сорок же дней было Феофану страшное видение всех греховных дел своих. Когда он очнулся, пошла у него кровь носом, и он исцелел.

Глава XI

Заповедь Феофану о рукоделии, дабы не предавался ему всецело

«Радей о рукоделье твоем, чтобы угодно оно было для покупателей, т. е. чтобы было сделано хорошо и прочно, каким и подобает быть рукоделью отцев. Продавай же его за две пары 1 коп. Дешевле обычной цены, чтобы избавиться от заботы по продаже его и от пристрастия к сокровиществованию злата и сребра. Да будет у тебя забота лишь о стяжании милости Божией и спасении души твоей, ибо злато и сребро как дым рассеивается, ты же останешься тощ в час смерти твоей. Имея такого управителя, промышляющего о всем телесном для тебя, к чему так всуе волнуешься и так тщетно трудишься? В желательном не преуспеваешь, т. е. в духовном деле, ради которого пришел спасаться; весь ты находишься в вихре суетных попечений. Если же будешь отдавать рукоделье так, как я сказал, то ничуть не будешь волноваться, ибо его будут брать у тебя рань-

ше, чем начнешь ты волноваться из-за него. Ныне же когда отдашь и когда возьмут – заботишься; когда снесешь его, – волнуешься; и опять волнуешься: когда тебе уплатят. Впадаешь в такую заботу, какой не имеет и великая Церковь, т. е. Вселенская Патриархия о вселенском управлении... Если бы такая же забота была у тебя о душе твоей, то сподобился бы ты части прп. отца нашего Петра Афонского. Но ты не имеешь таковой заботы о душе твоей. Ты презираешь с ветроволнением о плоти твоей, т. е. презираешь, во-первых, обещание преподобного обезпечивать тебя всем потребным для жизни, а, во-вторых, обещание Владычицы Богородицы обезпечивать жизнь каждого, спасающегося в уделе Ее.

Кто может что-либо поделать с тобой, когда суетными делами исполняешь ты руки свои и не можешь рассуетиться? Рукодельничай только одно рукоделие, т. е. один какой-нибудь вид рукоделья; но не рукодельничай разных сует. Более трех шапок не мастери в неделю; не волнуйся о том, когда они снесутся и когда продадутся... Никто из отцов не бывал в убытке от того, что отдавал рукоделье за столько, сколько ему дадут за него, чего же тебе бояться? Многая забота о рукоделье становится препятствием для духовной жизни и есть подстрекательство вражеского искушения, чтобы монах осуетился как можно больше и отступил бы от монашества.

Берегись торговать; да не посредничаешь, говорим: да не торгуешь чужим рукодельем, ибо такое занятие не может сделать тебя мирным. Действуя так, как теперь действуешь, – неблагодарен ты, несчастный, тому, который благодетельствует тебе во всем, согласно данному им тебе обещанию; ты же, несмотря на это, погрузился в одну лишь заботу о теле твоем, как будто преподобный отец наш Нил и не говорил тебе ничего. Изнуряешь себя заботами твоими – и ничего не выходит. Ничего не делаешь путного, но на воздухе плавает состояние твое. Ты, как будто имея миску с мукой в руке твоей, кидаешь ее на воздух, подымаешь миску вверх руками своими, чтобы опять подхватить муку в миску, но ветры восхищают ее, развевают, и ты остаешься тощ... Ради этого, говорю я тебе, по ветру плывет все состояние твое.

Ах, если бы и я имел такого человека, обещавшегося промышлять о жилище моем, то ни о чем ином не имел бы я заботы, заботился бы лишь о душе моей, говорим: о каноне моем, о последовании моем, о литургии моей и чтении моем! Но не имел я такого человека и трудно доставались душе моей эти четыре ступени лестницы; душа моя подвергалась многим лишениям в телесных потребностях, но не оскудевала в духовных! Ты же имеешь человека, который избавил тебя

от всех твоих телесных потребностей, т. е. взял на себя всю заботу о них. Зачем же мятется душа твоя?»

ГЛАВА XII

О воздержании в пище

Выслушав обличения святого, Феофан восскорбел на то, что святой уподобляет его Иуде, и сказал: «Что я такого сделал, что ты меня считаешь как Иуду?» Святой же тотчас спросил его, говоря: «Что ешь? Разрешаешь ли себе что-нибудь?» Феофан же с гневом ответил и сказал: «Навоз ем! Чего мне есть, и к чему спрашиваешь? И то вам надо знать, что я ем?» И сказал тогда святой: «Чего же раздражаться? Видишь ли, как превратно твое расположение и как склонно злобиться, говорим: так легко раздражился ты». Феофан же сказал: «Чего мне есть? По суббото-воскресеньям разрешаю масло, маслины и рыбу». Святой же сказал: «Ну вот, и рыбу разрешаешь». Феофан же сказал: «Всякое суббото-воскресение и в иные дни, по Владычным праздникам – ем». Святой же сказал: «Хорошо, достаточно с тебя; но ты разрешаешь не с благодарностию, но с ропотом и бранию». Феофан же опять с гневом сказал: «Какой ропот в том, что я ем рыбу? Или и это псилафизмом ты считаешь?» Святой же сказал: «Не псилафизм это, но неблагодарность, ибо не то ешь, что придется и где придется, но заготовляешь себе впрок; замысловато вращая, печешь на огне, переворачивая на угольях и поливая пряным соком... Не довольно тебе того, что добываешь ты себе[1] икру, но ты еще и в печку ее кладешь, толчешь в ступке с разными пряностями, чтобы страсти твои укреплялись сильнее, утучняешь себя, как агарянского праздничного курбана (т. е. жертвенного барана). Они, т. е. агаряне, стараются раскормить его, чтобы уготовить ко времени жертвы, чтобы его, как тучнейшего, легко купили агарянские предстоятели. Ты же не труждаешься, как они, чтобы укрепить и утучнить молитвою несчастную твою душу, дабы ее легко восприяли бы предстоятели Божии, говорим: архангелы – Михаил и Гавриил; твое старание все лишь о развращенном теле твоем. Вся твоя забота о том, как утучнять плоть разными яствами, чтобы окрепли страсти твои ко времени жертвы, говорим: смерти твоей, – когда встретят тебя предстоятели Денницы».

[1]Вероятно, икра из морских ежей.

Затем святой начал речь о том, что подвижнику следует собирать мысли свои, и привел в пример кипарис, имеющий ветви свои направленными горе, собранными воедино и за это ценимого людьми, и другой пример — кипариса дикого и растрепанного, которого тотчас же уничтожают, где он окажется...

ГЛАВА XIII

Откуда произошло непостоянство в Герасиме. Заповедь Феофану: да не погребен будет в общей усыпальнице, если умрет во время имеющей постигнуть его кары, и завет уходить по освобождении от нее со Св. Горы

После слова о кипарисе святой опять обратил речь свою на Герасима: «Ну, и что же сделает он тем, что уйдет из келлии Тимофея на пустыньку? Какое будет его положение? Он делает то, что делает, ты же к чему пытаешься умирить его? Какая ему нужда, что он час от часу держит бегство в барском своем помысле? Или есть какое достоинство и честь в том, чтобы каждый день таскаться по дорогам, как какой потерянный и погибший человек? Ради кого же сделает он то, что сделает? Который иерей делал то, что он делает?» (По-видимому, здесь святой намекает на то, что Герасим ради нечистых ощущений, возбуждаемых в нем от зрения некоторого лица, лишил сам себя литургисания). «Ни один иерей не делал того из скита нашего, сей же несчастный сделал... Никто отсюда не уходил на благо себе... Не имей он барского самомнения и высокомудрия, стал ли бы он делать то, что делает? Но имеет ли что с того? Ничего не имеет. Один лишь помраченный помысл неверия. Как же рождается сия страсть? (Т. е. самомнение и высокоумие)».

Затем святой начинает слово о том, что самомнение развивается в человеке в затворе и от праздности, что безмолвие души достигается смирением себя трудами послушания, причем приводит в пример боярина, поступившего к св. Савве, не желавшего смиряться и покоряться, но чудесным явлением обличенного ради молитв Саввы и исправившегося.

Посем святой говорит о том, сколь потребно хранить целомудрие, как единственное еще, что уцелело из добродетелей монашеских; пророчествует, какие будут времена, когда монашество утратит и эту добродетель. Затем обличает старцев, нерадящих о наказании и научении послушников, приводя

страшный пример ласкосердого старца и послушников его, страшно развратившихся и по смерти грозно обличенных. Затем святой снова обращается к Феофану: «Поэтому и говорю я тебе, если случится тебе смерть под гневом Божиим, т. е. до освобождения от тяготеющих грехов, то да не хоронят тела твоего на кладбище отцев, ибо от тела исходить будет смрадное, нечистое зловоние.

Они постараются убить твое нечистое тело, ибо, доколе видят тебя пред собою, беснуются и хулят силу духа благодати (т. е. чудеса спасения и попечения св. Нила, а также вещательные слова, переданные преподобным Нилом чрез Феофана), ищут случая содеять это (т. е. убийство). Хотят сделать благодеяние Божие обманом бесовской болтовни, т. е., убив Феофана, хотят все речи святого, переданные Феофаном, выставить болтовнею бесноватого и прельщением бесовским. Они неблагодарны Богу за благодеяния Его, т. е. за чудеса, явленные над Феофаном, и речи преподобного Нила и, в противность милосердию Божию (т. е. завидуя тому, что милует Бог Феофана), стараются содеять кровь жертв. Ради сего они будут проповедывать, что все это творили демоны, т. е. все бывшие чудесные явления святого Феофану, и что демоны убили его. Поэтому ты не говори им откровенною речью (т. е. не обличай злых словами преподобного); на их мечтательное любопрение не давай никакого ответа, не любопрись с ними, дабы не подыскали они какой вины в споре к попранию тебя, дабы не соделалось беззаконие сие, дабы они не убили бы тебя... Поэтому, если освободишься от гнева Божия, то сотвори сие: со свободою ступай, куда тебе нравится, и храни ее (т. е. свободу свою от тяжести грехов), храни себя от того, что нравится, говорим: от тленных лиц, которые растлевают душу... (По-видимому, подразумевается взирание на красивые лица). Не ешь живности, говорим: мяса, не касайся сала, вина, раки[1]. Не касайся при искушении тела твоего, ибо среди сих четырех огнетельных раскаляется чувство человека, с этим огненным нечувствием он соступает с пути спасения на путь погибели.

Не пекитесь[2] о потребном в пути вашем (т. е. преподобный обещал и обещается промышлять о всем необходимом для жизни). И не заботьтесь о сем: держитесь только пути спасения вашего (т. е. Феофан и Герасим). Что сказывал раньше тебе преподобный, и теперь он говорит тебе, держите, как багор; как за багор, удерживайтесь и поражайте, как острогою, им.

---

[1]Особый вид водки, по-русски «ракичка».

[2]Речь направлена здесь уже не к одному Феофану, но и к Герасиму.

Подобное сему да творит и советник твой, говорим, восприемник твой» (т. е. Герасим, который имеет воспринять его от пострижения в схиму).

Феофан, услыхав о восприемнике, сказал: «Кто это, о котором ты говоришь, что он восприемник твой?» Святой же сказал: «Обещавшийся преподобному, давший обет пред жертвенником и не сохранивший сего, подобно тебе, неблагодарному, который обещался пред преподобным, а потом, вместо благодарности, воздал преподобному неблагодарностию и ничего не соблюл из того, что заповедал тебе преподобный»...

Далее святой приводит в сравнение вечности благодати и гиблемости зла пшеницу земледельца и мельника: первая живет и плодит безконечно, вторая же стирается мельником в муку и погибает в бытии своем.

«Посему старался и старается преподобный, подобно земледельцу, который становит пару волов в плуг, обрабатывает поле и сеет пшеницу, поставить и вас пару[1] в плуг Христу, чтобы возделывать поле мира и муку тишины.

Иакову легче было покинуть дом отца своего, чем враждовать с братом своим и, как Авель, быть убитым им. Посему и я говорю тебе: ступай, куда тебе нравится, вместе с советником твоим. Да хранит же себя твой советник от того, что нравится, говорим: да возненавидит псилафизмы (т. е. плотское мудрование и мечту), да презрит славу человеческую, да бежит похвалы человеческой, ибо сии три язвы человеческие губят спасение человеческое. Сотворите же между собой и сие, несите тяготы друг друга и тако исполняйте закон Христов. И потерпите взаимно друг друга».

Глава XIV

Почему святой избрал именно Феофана для передачи слов его

После того, как святой пересказал Феофану множество духовных и монашеских поучений, также обличений и воззваний к покаянию с возвещением того, какая кара постигнет святогорцев, если не покаются, святой снова перевел речь на Феофана и высказал ответ на могущий возникнуть вопрос: почему именно избрал он для передачи воли своей такого падшего и всеми презираемого че-

[1]Т. е. Герасима и Феофана в плуг.

ловека, как Феофан. «Искал я и смотрел кругом, чтобы найти человека, кому бы передать такие глаголы, но никто не озарил очей моих, только этот мертвый (т. е. на нем остановился выбор мой). Вчера в могиле погребенный, в расположении оскверненный, во тьму страстей ввалившийся; о нем живые не радели, мне же озарили его мои очи. Увидав его лежащего во прахе при смерти, я уразумел, что внутренне он мертв, а наружно жив; я порадел о нем, чтобы внутренне воскресить его. Я наставлял его, как востать с одра болезненного, но он познать сего не хотел. Я все же (продолжал) руководить им, а он на боку лежал и вставать не хотел (*досл.:* только на кровать свою смотрел). Я ему проповедывал слова мои, но он нерадел о том, что я ему говорил. Тогда велиим гласом я промолвил: "Дерзай и не бойся. Встань и гряди вон со смертного одра твоего, ходи в путь спасения". Услыхав глас мой, он востал и спросил меня: "Чего ты от меня хочешь?" Я сказал ему: "Востань с одра твоего и ходи". Услыхав глаголы мои, он востал с одра своего и стал ходить. Когда же он еще малое время ходил на пути спасения, некоторые, непотребные нравом, востали против него, стали оскорблять его и не только оскорбляли, но изобидели совсем. Довели они его чуть не до смерти, душевною смертию умертвили его. Кто же они? Люди недуховные сотворили ему такую смерть душевную, а глаголы мои обезценили и обезценивают (*досл.:* промотали или растратили и проматывают), в болтовню вменяя и пренебрежительно о них между собою болтая, не ведая они, что такое суд Божий.

Не вынося оскорбительного обезчещения, забушевал сей мертвец, не в силах будучи противоборствовать обуревающим его помыслам. Ожесточился он и положил себе на ум уйти в царствующий (т. е. Царьград), разоблачиться от убора своего крещального, сменить его на одежду чуждую (т. е. магометанство принять) ради отомщения, чтобы при этом своих врагов оклеветать и навлечь на них турецкий гнев. Бог же, воззрев на такую его погибель, послал меня к нему для того, чтобы помешать ему, да возбраню ему в уготовлении его к отомщению.

Не только для того пришел я, чтобы ему помешать (погибнуть), но да реку и крайнейшее монашеской жизни (т. е. падения ее и близость погибели), да реку что есть монашеская жизнь и что такое жизнь монахов (т. е. какова она быть должна, и как ныне живут).

Глаголал же я для пробы (т. е. попытку сделал, согласно повелению Божьему, не исправятся ли от слов этих и не покаются ли). До салепийного зернышка я сказал (т. е. до

мелочи разобрал); имею еще сказать немного, а в другой раз таковых глаголать не буду.

Глаголал я мертвецу сему ради пользы, вы же глаголали ему ради вреда. (Эти слова понять можно двояко: св. Нил вещал на пользу монашествующих, а несмысленные стали словами его соблазняться; другой смысл: грозно и немилостиво обличал преподобный все пороки в Феофане ради исправления его, люди же по ненависти хулили его.) Да, грешник есть мертвец. Вы же не только не пожалели его, но еще изобидели и преставили его оскорблениями своими на путь безнадежия. Мертвец отчаялся. Слыша вопли отчаявшегося мертвеца, постарались мы воскресить его, бывшего при последнем издыхании от умерствия адского, ибо мы до конца жизни не гнушаемся им, что он мертв есть (т. е. святые не гнушаются прежде содеянными грехами, как бы тяжки они ни были, если только сердце грешника сокрушилось и раскаялось в них).

Да, мертвец он, но мы милосердуем о нем, до последнего издыхания терпим ему. Если он исправляться не будет, то лукавая смерть похитит его; тогда мы возгнушаемся им; но до тех пор не гнушаемся.

Да, гнусен он вам, но разве знаете вы, чем он будет при последнем издыхании? Многим из тех, которыми мы гнушались, поклонились мы потом при последнем издыхании их.

Спрашиваю я тебя, чисто ли твое сердце, ибо ты гнушаешься другими. Не другого осуждаешь, но осуждаешь самого себя.

О умерщвлении же сего мертвеца вот что я говорил и говорю: мертвец этот насильно был отправлен на некое монастырское послушание, говорим: на метох; там, во время служения своего, осквернился с сосудом женским (*досл.:* Драхили) – оженился (*досл.:* одрахилился) и растлился с нею. Вкушая там плотское наслаждение, порабощен был любовию к плотским страстям; плененный в эту болотную пропасть, валяется он в ней и поныне. Спрашиваем мы вас. Кто из вас искупил его из этого плена? Не только нет у вас желания искупить его, но вы еще убиваете его непрощающим нравом вашим, говорите, что он осквернен и не подобает с ним сообщаться. С таким глаголом вы все не прощаете ему. Да, вы не отпускаете ему, но я служу ему опорою на пути спасения; до смертного издыхания его буду его ободрять и порадею о нем, чтобы он не погиб, как погибал доселе.

Но почему же в таком случае, скажешь ты, должен он уходить с Горы сей, если печешься ты о нем? Аминь, аминь глаголю вам, несмысленные и косные сердцем! Не мы его принуждаем уходить, но действия зависти вашей, ибо действия зависти вашей побуждают вас убить его. Вы все против него

возмутились и подвиглись на лукавый умысел убить его, а глаголы мои сотворить, якобы лукавые гнусности (т. е. распустить молву, что слова небесного посланника Нила были словами диавола, который и задушил в конце концов Феофана). Из-за этого и побуждаем мы его уйти вон, чтобы не приобщились вы к делу сему[1] и не сотворили бы сего лукавого деяния. Итак, мы побуждаем его уходить, чтобы вы кровию брата сего вашего не осквернили себя, подобно Каину».

Глава XV

Заключительные слова святого и его исчезновение

«Никого я не оскорбляю, но все, что проглаголал, проглаголал ради исправления. Имеющии уши да слышат. Если же не послушаетесь, останетесь безответными в день суда: и не только в день суда, но и в час обвинения (т.е. предварительного посмертного суда и прохождения чрез мытарства).

Да, высказал я и о попе твоем (т. е. Герасиме), но ты не говори ему ничего (т. е. до времени, и то, что может быть лестно ему), потому что он немощен и бедствовать будет, несчастный, из-за глаголов моих, которые я высказал.

Иди же, ибо час минул».

Феофан, услыхав, что упомянул святой о попе Герасиме, сказал святому: «Разве ты заходил к нему в дом» (т. е. о нашей ссоре узнал). Сказал святой: «Проходил мимо, но внутрь не заходил». Говорит Феофан: «Где же тогда ты нашел попа, что разговаривал с ним?» (Т. е. все узнал, что у нас было.) Говорит святой: «Что спрашиваешь о сем, где я его нашел? Не хочешь ли (опять) оправдываться в смущении, которым ты смутил его». Сказал Феофан: «Нет, только я тебя спрашиваю». Говорит святой: «Нет нужды спрашивать, а лучше пойди, примирись с ним, так как ты смутил его, не стой нагруженный». Потом сказал: «Смотри, будь осмотрителен, чтобы не возненавидели тебя человеки» (т. е. не обличай без нужды и кого не подобает). Феофан же сказал: «Теперь я пойду в каливу». Феофан пошел в скит и тут познал, что нагружен дровами (т. е. почувствовал тяжесть их на своих плечах, раньше же не ощущал тяжелой вязанки на плечах, пока беседовал со святым, не замечал даже и продолжитель-

[1] Т. е., обвиняя Феофана в союзе с диаволом, вы сами можете дойти как раз до союза с диаволом, до диавольского дела, — убить Феофана.

ности сей беседы). Прошел он некоторое расстояние ко скиту, оставил дрова и вернулся к каливе, чтобы повидать еще святого, все еще думая, что это о. Матфей, но не нашел его больше; ждал, не придет ли кто, но никто не явился. Потом вернулся, пошел в скит, увидал, что солнце уже восходит, и удивился; ибо, когда он начал разговаривать со святым, было 8 часов дня (т. е. четыре часа до захода солнца по-зимнему, как здесь принято считать; по-нашему – около часа дня). Потом пошел он к попу Герасиму и, когда все рассказал ему, то они оба узнали в являвшемся святого Нила.

Пояснение упоминания о хульном рукописании Феофана. «Эхмалотос» сей (прежде называвшийся Феофан), преследуемый главным лицом скита, т. е. духовником, не в силах будучи переносить сего, решился идти в Константинополь, там потурчиться и отречься от Христа, чтобы злосотворить противникам. Диавол, боясь, как бы Феофан не раскаялся в сем умысле, вложил ему мысль написать хулы, чтобы, если Феофан не пойдет в Царьград, то из-за этих многих хулений стал бы он чужд Христа и предан в руки диавола. Феофан сделал так, как внушил диавол, многие и разные хулы написал на бумаге, привязал к сухой траве и подбросил на воздух. В это мгновение налетел бес во образе ворона и схватил рукописание. Феофан, думая, что это ворон, тронулся и пошел к себе в скит, где принялся за рукоделье, чтобы на вырученные деньги отправиться в Царьград. Святой, намекая на это, и говорил во время сего собеседования, что пастыри умертвили его душевно, то есть тот духовник. Относительно же того, что прп. Нил советовал Феофану уходить, святой объяснил, что необходимо уходить со Св. Горы, чтобы не убили его и телесно, как убили душевно (т. е. те же лица). Велел Феофану удалиться с Горы, говоря, что уготовал и жилище ему.

Глава XVI

Исполнение эпитимии. Принятие схимы и нашествие возвещенного недуга

В 1816 г. – в феврале месяце – св. Нил, являвшийся Феофану, назначил ему в схиме имя Эхмалотос. Когда преподобный вручал ему в соборной церкви Кавсокаливского скита святые мощи свои, то сказал Феофану, чтобы через три года он сделался бы монахом, т. е. великосхимником, ибо до сего был уже мантийным, и

чтобы принял имя Эхмалотос (т. е. пленник), чтобы Герасим его постриг и принял от схимы, как это и было описано выше. По прошествии же одного года, в 1817 г., когда святой опять явился ему 18 января во образе свято-Аннинского Матфея на дороге и 18 часов разговаривал с ним, то опять сказал ему, чтобы он исполнил заповеди прп. отца Нила. «Приими, Освещу и осветит Освещающий сердечную тьму» – т. е. приими ангельскую схиму; показал Феофану около дороги пещеру, повелел сорок дней пробыть в ней, питаясь сухим неквашенным хлебом без соли, вкушая по заходе солнца, и немного воды; по исполнении же сего, да пойдет в пещеру святого Нила, чтобы там принять святую схиму. Через сорок дней и три недели найдет на него возобновление страсти, (в наказание) за преступление заповедей преподобного отца нашего Нила, и будет его мучить (беснование) дней сорок. Если по истечении сорока дней пойдет у него из носу кровь, то да воздаст славу Богу, ибо это значит, что услышано посредствующее моление о нем. Если же кровь не пойдет, то опять, да воздаст славу Богу, так как тогда скоро имеет он избавиться от тьмы мира сего (т. е. умереть).

Итак, Феофан в 1819 году, во вторник первой недели св. Четыредесятницы вошел в пещеру, которую указал ему святой, имея с собою неквашенные пресные сухари и одну воду. Там он сидел сорок дней до субботы св. Лазаря, каялся, плача и молясь, как повелел святой. Вышел из пещеры в Вербное воскресение; вошел в церковь, что в пещере и, согласно обычаю, во время божественной литургии принял там святой и великий ангельский образ и был переименован Эхмалотосом. Воспринимал Эхмалотоса от схимы по повелению святого о. Герасим. Все время Феофан провел до Святой Троицы в мире. Во время бдения на Святую Троицу получил он предзнаменование о прореченном святым, стали у него глаза искриться, а во время бдения из глаз его как будто искры посыпались. То же самое случилось в воскресенье на вечерне и в ночь на понедельник, когда он спал. Все это были предзнаменования и признаки, что находит болезнь, по предсказанию святого. Итак, во вторник ночью на рассвете среды после Святой Троицы, в 12 часов ночи, когда Эхмалотос спал в одной из калив скита, нашло на него (беснование) в день и час, как предсказал святой; глаза у него начали выворачиваться; он стал бить руками и ногами, валяясь по земле, и рыкал, что видели все бывшие там. Так страдал он, пока не рассвело. После же того, как наступил день, он успокоился и перестал биться, но крестец имел как переломанный, встать не мог, весь дрожал, рот его был сведен; не мог весь день ни говорить, ни

есть. После же захождения солнца отверз он свои уста, поел и рассказал, как являлся ему святой во образе некого Прокопия-иеромонаха киновии, именуемой Руссик; многое изглаголал ему, и заповедал идти под начало.

ГЛАВА XVII

Явление святого Нила во сне Феофану 28 мая 1819 года

Представилось во сне Феофану, что он плывет в лодке по морю, в Царьград. И вот он подплыл к городу, вышел из лодки и направляется в город, дошел до городских ворот, называемых Соливрия, здесь остановил его хараджа (т. е. взиматель подати), потребовал податную бумагу (т. е. расписку в уплате харача). Оказалось, что у Феофана такой бумаги нет. Хараджа спросил его: «Отчего нет у тебя такой бумаги»? Эхмалотос говорит, что потерял. Отвечает хараджа: «Если ты потерял, то я дам тебе другую». В то время, когда они так говорили, изнутри города вышел некто, подобный попу Прокопию, киновиату Руссика. Это был святой отец наш Нил, спросивший Эхмалотоса: «Что такое у вас?» Отвечал хараджа и сказал: «Требую от него бумагу харачную, а он говорит, что потерял ее; внушаю ему взять другую, а он спорит и говорит, что нет у него денег». Святой сказал Эхмалотосу: «Правду ли говоришь, что нет у тебя бумаги?» Говорит Эхмалотос: «Что мне ложь говорить?» Сказал святой: «Где же ты утерял или оборонил ее?» Говорит Эхмалотос: «Не знаю, где обронил. Я рассердился, разорвал ее и бросил...» Услыхав эти слова, святой разгневался на Эхмалотоса и сказал ему: «О, неблагодарный, какая такая беда причинилась тебе, что ты настолько рассердился, что разорвал обязательственную бумагу? О, неблагодарный, не исполнял ли я обещание, которое обещал тебе, а ты сотворил такое дело? (Т. е. презрел данное святому обязательство ни на кого не гневаться за обиды, отчаялся в покровительстве святого до того, что решил потурчиться, чтобы отмстить врагам). О, неблагодарный, как мог погибнуть ты в самой пристани вместе с бумагой обязательства твоего?! В денежной нужде разве не промыслил бы я о тебе? Чего ради сотворил ты сие, это одно злое похотение злого расположения твоего? Алкал ли ты когда? Покупал хлеб, чтобы есть? Покупал ли одежду? Не одевал ли я тебя, когда ты был наг? Не кормил ли тебя, когда ты алкал? Что же стало с тобою, что ты воздал мне вместо

благодарности неблагодарностию?» (*Примечание:* Видение это приточно изъясняло Феофану степень его греховности, за которую в наказание и постигло его мучительное беснование, чтобы, пострадав здесь плотию, дух его спасся в день Господень. Так как Феофан недостаточно познавал тяжесть преступления заповедей святого, то святой здесь и укоряет его в сильных выражениях за нарушение им обещания никого не осуждать и ни на кого не обижаться, каковой грех довел Эхмалотоса до отчаяния, ярого чувства мести и конечной погибели, если бы не вмешался святой.)

Услыхав эти слова святого и видя его, якобы премного гневающимся на него, Эхмалотос сказал святому, думая, что говорит с Прокопием: «Какое тебе дело, что так ты гневаешься и возмущаешься? Не хараджа ты; хараджа не требует, а ты взыскиваешь? Разве ты здесь в монастыре твоем, что так шумишь? Здесь не примут твоего величия, только меня им соблазнишь. Ступай за своим делом; не говори мне того, что ты меня накормил; ты дал мне немного пшеницы, а здесь теперь в Константинополе хвастаешься и величаешься надо мною, что кормил меня и кормишь? Не слыхал ли, что говорит Писание: когда даешь, да не ведает шуйца твоя, что творит десница твоя? Старец твой давал мне пшеницу и ни одного укорного слова мне не говорил, а ты сюда в Константинополь пришел, чтобы мне говорить, что меня кормил и кормишь».

Святой же сказал: «Когда старец давал тебе пшеницу, я воздействовал на него, и он дал ее тебе; в благодарность я возмещаю ему четверным возмещением, а ты, вместо благодарности, воздал мне неблагодарностию. Не говорил ли я тебе, чтобы ты был внимателен, ибо, когда будешь шествовать, встретишь некиих людей, которые тебя будут гнать, иные злословить, другие безчестить, третьи прогонять, а ты на это не должен обращать никакого внимания, ибо не ведают они, что делается с ними? Зачем же теперь дал ты слух твой к словам таких безсильных[1], смутился угрозами их, разорвал харачную бумагу твою и без нее не в силах войти в город?! О, неблагодарный! Старец тебя прогнал, но я смиловался о тебе, взял тебя на себя, чтобы тебя исправить и привести в хорошее состояние. Ты же, оказалось, был гнилым деревом, которое сломалось прежде, чем нажали на него. О, неблагодарный! Ты поступил со мною, подобно тому, как Иуда со

---

[1]Диавол безсилен пред силою Божией. Посему, враги Феофана, действуя против него по внушению диавола, безсильны без попущения Божия нанести и малейший вред Феофану.

Христом! О, неблагодарный, ты оказал мне неблагодарность, подобно тому, как израильтяне Богу! О, неблагодарный, что есть сие, что сделал ты мне, подобно Авессалому, воставшему против отца своего Давида? О, неблагодарный, что это с тобой за потопление (т. е. из-за чего ты так отчаялся, что вдруг принял злейший совет и так внезапно погиб)? Если станешь говорить и оправдываться, что не знал я, не знал я, что так пострадаю, то я раньше тебе предрекал, что от недуга своего ты освободишься, но бремя поношений от людей имеешь на себе тащить, и какие бы искушения они не творили, ты бы творил терпение. Где ныне терпение, которое я заповедал тебе иметь?! Не ты ли сказал мне в лаврской башне, что все обещаешься исполнить, лишь бы тебе освободиться отсюда?»

Глава XVIII

Продолжение речи святого и повеление Феофану удалиться[1] с Горы

«...Дал я тебе дарование глагола моего, представив сей глагол в чувство познания твоего словом и делом (т.е. слова пояснил притчами и примерами), подобно хорошему учителю, преподающему уроки ученикам своим. Вы же оказались злонравными учениками. Вы не познали путей моих (т. е. не приняли святогорцы его слов). Да не познаете же отныне жилищ своих и ты да не познаешь отныне жилища твоего (т. е. святогорцы вскоре будут изгнаны из жилищ своих агарянским нашествием, что вскоре и сбылось. Гора Афонская запустела; также Феофан должен будет удалиться из того жилища, которое устроил ему святой). Как утратил ты бумагу обязательства твоего, так да отстанет и жилище твое от тебя, да не жительствуешь здесь больше; отправляйся, куда пожелаешь и где понравится, ибо здесь стараются убить тебя по делам твоим. Есть один потаенный враг, который хочет убить тебя, и потом разгласит, что ты был бесом убит, и этим объяснить милость Божию (т. е. божественные вещания небесного вестника – силою бесовскою, а не Божиею). Ох, несчастные, не ведают они того, что сами прельщены бесами; потому и творят демона сильным, а Всесильного Бога без-

[1]В данной главе речь святого касается попеременно то Эхмалотоса, то святогорцев.

сильным! Одержимы они страстию иудейской (т. е. завистию и лжеименною ревностию о чести Святой Горы, которую обличительные слова святого якобы унижают и святогорское иночество якобы может от них разориться); они и не чувствуют, что такое милосердие Божие, стараясь соделать великое беззаконие – кровь и смерть, представить переданные мною глаголы им – бесовской болтовнею и ложью человеческой».

Эхмалотос спросил святого: «Кто такой, который хочет меня убить?» Святой сказал: «Тебе нет нужды знать это; одно только скажу тебе: берегись от разных снедей и напитков, особенно в дороге. Есть один безчинник безчиния, готовый на то, чтобы и в нынешнее время сделать такое же дело, какое содеяно было однажды здесь в скиту, с дерзостию, до которой бесы доводят человека. Если спросить, что это такое, то послушай и увидишь».

Глава XIX

Повесть о коварном убийстве одного ревнителя целомудрия, обличенного в страсти мужеложства

Некий человек имел в скиту одного безбородого юношу, который был весьма красив лицом и давал много соблазна скитянам. Был же и еще один человек, безсильный бороться с тою страстью, неудержимый в своем злом желании, который услаждался мысленно юношей; мысленно и постоянно был воспламенен мужелюбно страстию к тому юноше.

Так как юноша давал великий соблазн скиту, то некоторые скитяне решили удалить юношу из скита; другие же не хотели того, ибо были влюблены в юношу. Особенно старец юноши предпочитал лучше самому удалиться с Горы, нежели расстаться с юношей; до такого влюбления в юношу дошел старец. Те же, которые не желали юноши, производили большое смятение, чтобы изгнать юношу из скита. Один из них, называемый Лука, смелый нравом, дерзал (т. е. смело настаивал), чтобы изгнан был юноша из скита. Видит некто, безсильный человек (т. е. один небогатый и неславный скитянин, но влюбленный в юношу, которого держало старшее лицо в скиту), видит, что хотят изгнать юношу; что же он тогда делает? Однажды, когда отцы со смелым Лукою должны были собраться, чтобы изгнать юношу, сей мужелюбный подстроил Луке такую штуку, чрез которую надеялся погасить

возмущение против юноши. Притворился он пособником Луке. Лука должен был проходить мимо его дома, чтобы идти на собор; безсильный, увидав, что идет Лука, подозвал его и сказал: «Добрый час, старец Лука». Лука говорит: «Будь здоров. Благослови». Говорит безсильный: «Бог да простит тебя. Отчего ты печален?» Говорит Лука: «Не спрашивай; сам знаешь, отчего я печален: оттого, что этот молодой, безбородый перепачкал скит». Говорит хитрец: «Да и я хотел тебе это сказать; взойди ко мне внутрь». Не ведая хитрости, Лука взошел внутрь. Говорит хитрец: «Поверь, старец Лука, одному Богу только известно, что я терплю из-за этого мальчика». Говорит Лука: «Почему же ты не исповедуешь твоей болезни пред собором, чтобы мы сделали постановление изгнать его из скита». Говорит хитрец: «Что делать, Лука? Боюсь старца его. Не знаешь разве, какой старец его? Лучше иди ты и сделайте постановление, чтобы изгнать соблазн из скита, ибо многие из-за этого соблазна перепачкались». Когда он это сказал, Лука встал, чтобы удалиться; хитрец же говорит: «Постой, выпьем по рюмочке раки». Говорит Лука: «Не хочу; если же хочешь угостить меня, то приготовь немного шербета (варенья с водой). Если мне сейчас выпить раки или вина, станут говорить, что хмель возбуждает Луку делать такую смуту». Говорит хитрец: «Посиди, Лука, пока я сделаю». Лука, не ведая хитрости, присел немного; хитрец же, приготовив шербет, положил в него то, что ныне называют сулемой, положил такую меру, чтобы она подействовала в то время, когда Лука будет на соборе. Лука, не ведая сего, выпил, затем удалился от злодея и пошел на собор, собранный в одной из калив для решения дела о юном. Услыхал Лука, что юношу защищают, хотят, чтобы он оставался в скиту, пока не вырастет борода, не выходил бы из дома и не ходил бы в соборный храм, Лука весьма возмутился этим; одновременно с гневным волнением подействовала во внутренностях его и отрава. Только что поднял он руку свою, чтобы сказать, что не должно быть в скиту юноши, и едва открыл свои уста, тотчас ударила ему в голову отрава, закружилась голова, он упал к ногам собора и скончался там же, на соборе; у ног собора лежало его мертвое тело. Увидав эту внезапную смерть, заседатели собора изумились и подумали, что Божественный гнев нашел Луку и убил его за то, что он немилостиво требовал изгнания юноши.

О, несмысленные и косные сердцем! Разве Богу нужно было вожделевать, (дабы пребыл в скиту) сей юноша, разве нужно было делать Богу из-за юноши таковое чудо? Тогда подобало бы отменить слова преподобного Павла, который

говорит решительно: «Кто сообщается с безбрадыми, не узрит Лица Божия». Тогда нужно было бы отменить правило, по которому от сообщающегося с безбрадым или молодым удаляется благодать спасения. Пришлось бы тогда уничтожить не только слова преподобных Павла и Афанасия, но и всех прежних отцев и патриархов, говоривших, что от сообращения с молодыми человек впадает в душевшую смерть. «Вследствие сего, и я внушаю тебе, чтобы ты больше не жил здесь, так как смерть Луки была делом рук человеческих (т. е. иначе с тобой могут то же сделать); иди отсюда, куда тебе нравится. Но без советчика твоего (т. е. о. Герасима) никуда, никогда не ходи, чтобы не говорили, что бесы изгнали тебя, как это теперь говорят. Относительно путевых расходов – не имей заботы, заботься лишь о спасении своем. О том, где поселиться, не заботься, ибо жилище для тебя уже уготовано, только побеги твои похотливые отсекай, волю твою в послушание воле другого покоряй, будь послушен, а не самоглавен»[1].

ГЛАВА XX

Повторение повеления записать все, что говорил святой, и передать святогорцам

«Изглаголал я тебе глаголы, от создания мира и доселе: от "да" до "нет", и от "нет" до "да", от начала до конца, и от альфы до омеги. Я говорил с тобою, недостойным неба и земли, самым нечистым во всей вселенной, мерзостью среди людей и гнусностью для ангелов. Таков еси ты, хотя я и говорил с тобою; не мудрствуй о себе, не считай себя за нечто, но да будет мнение твое о самом себе таково, как я изглаголал о тебе.

Сказал я тебе путь неба и земли и вложил мои слова державно в орган памяти твоей для того, чтобы ты передал их в чувства человеков тростию писальною, чтобы восчувствовали они свое безчувствие к своему спасению, ибо они не чувствуют того, что с ними делается, одичали, как потерянные овцы, сделались, как дикие козлы (т. е. ссорливы и драчливы) посреди Горы сей. Кроткие – одичали, а дикие – погибли.

Скажете: отчего и дочего кроткие одичали? Дикость кроткого есть сие: добро обратили (т. е. сочли злым, и худое –

[1]Феофан с о. Герасимом удалились с Афона в обитель прп. Саввы Освященного (см. предисловие).

сладким); услаждаются во зле, отстранились из-под ветви спасения и сидят под ветвию зла. Сидят на кафедре кичливой гордости, лжи неправды, хищения, сребролюбия, сокровищенствования, непокорства, разврата, зависти, на кафедре ревности об имениях, отмщения... (Сидят на кафедрах – значит не только так живут, но и проповедуют такую жизнь, якобы за хорошую). И, сидя, думают, как бы отмстить другому, в хищении чрез осуждение, непокорство, предательство, ложью, безчестием, с воровским хищением, с дарами судиям, с гонительством немилосердным; помышляют и пекутся лишь о том: кто первый соберет сокровища сребра и злата, кто первый устроит человеческое рукоделье, кто унизит другого, кто первый получит рукоплескание зла, кто первый поработится плотским наслаждением.

И ты скорее, скорее, со стремительною поспешностию поспешая, да передашь людям тростию письменною то, что я тебе говорил и высказываю ныне; потом же удались с Горы сей честной. Пока же ты здесь, сиди смирно с глаголами моими (т. е. не проповедуй, чтобы не умножить прежде времени ярости врагов). Для простых людей, жаждущих моих глаголов[1] среди тьмы и сени, эти глаголы будут утолением жажды. Итак, вот посылаю я тебя с водою напоить седящих во тьме и сени. Пия эту воду, обрящут они истину.

Многим людям ты представляешься подобным сосуду нечистому; посему они смущаются пить эту воду от тебя; сего ради я говорю тебе: со стремительною поспешностию передай эту воду и иди (уходи с Афона).

При отшествии же твоем в путь добрый, да идешь с рясою, в монашеской одежде твоей, не волнуйся ни о каких других волнениях, т. е. захвати только одежду, о прочем же для дороги не безпокойся. И без совета с будущим старцем твоим, т. е. в том месте, которое святой тайно уже уготовал Феофану, да не ходишь. Да будешь послушен старцу своему во всем, что он будет тебе говорить, дабы послушание твое старцу было богоугодно. Старец же твой да имеет к тебе подобающую повелительность. Нет никакого другого греха в монашестве столь недопустимого, как повелевание послушника старцем своим. Подобает монаху, тем более послушнику, терпеть с крайним смирением и крайним послушанием, до самой смерти, старца своего, кроме только двух вин зла, ереси в вере или плотской любви. Кроме сих двух вин зла, спасение послушника не есть иное, как только послушание: если же он слушаться

[1]Т. е. простые и смиренные сердцем, не мудрствующие лукаво иноки получат немалую пользу душевную от словес преподобного среди «тьмы» находящих искушений.

старца не будет, то да не ждет себе спасения, но да ожидает муку.

Без совета со старцем да не сотворишь чего, ниже да прогневишь его. Преслушаешь его – меня преслушаешь; прогневишь его – меня прогневишь. Если старца твоего, которого видишь каждый день пред тобою, не будешь слушать, тем паче меня, которого не видишь, станешь ли слушаться и стараться не прогневать (меня)? Как я тебе ныне оказываю терпение, так и ты за это потерпи старца, т. е. как я немощи твои переношу, так и ты, якобы мои немощи, потерпи немощи старца твоего будущего меня ради. И до конца слушайся его».

Глава XXI

Обличение старца Тимофея и о коварном Усекновении Иоанна Предтечи

«Старец твой нынешний, под началом которого ты ныне находишься, у которого обретаешь приют и покров, самоглав в послушании, в чувства свои восприял шум человеческий, т. е. возлюбил суету, стал безчувственным и не чувствует, что делается с ним. Вынимает камни из кармана своего и дает их людям ради похвалы, чтобы они собственными его камнями метали в него, т. е. дает милостыню тщеславно, чтобы быть за нее хвалимым; превозносится ею и, следовательно, своими же камнями бывает побиваем. От многого шума своей заботы как мерзость является он предо мною, несчастный. Как он осмеливается литургисать, безсовестный, пребывая в стольких попечениях заботы, в такой барской гордости, в таком мечтательном самомнении? Он так бывает сердит и возмущен от шума заботы своей, что теряет достоинство свое, становясь безпокойным, т. е. совершенно утратил монашеское мирствование души и всегда находится в тревоге. Ради сего и говорю я тебе: как дерзает он литургисать, безсовестный? Так как он, неблагодарный, подобен тебе, неблагодарному; так как оба вы одинаковую неблагодарность показали мне, то скажи ему, что до тех пор, пока будет он иметь такой шум, т. е. пирование в дому с гостями, да не литургисать и, пока находится в дому тот безбрадый юноша, да престанет Тимофей от литургисания своего, ибо, когда слышит голос юноши, тотчас волнуется в нем внутренность его, помрачаются очи его, тем паче, когда он сообращается с сим юным. И как возможно так ругаться

над Тельцом Питомым и жрети Его в алтаре церковном[1]? Ради сего и говорю я, чтобы перестал он от священнослужения литургии. Итак, имеет он в сердце своем смущение юношею; поскольку будет пребывать в шуме попечения заботы и шуме похвалы гордости, постольку будет истлевать душа его, как железо от ржавчины.

Родители его с таким трудом, в стольких волнениях и страхах за продолжение жизни своей, едва возмогая, как управиться, при всем том нечто посылают ему, чтобы мирно было состояние его, чтобы думал он об одном спасении своем, а он раскидывает это ради одной похвалы своей, а не ради милостыни, не ради спасения своего. Однако я стараюсь о его спасении; он же озабочен лишь о том, чтобы его хвалили за то, что он якобы нестяжателен и щедр. Таковая нестяжательность и милостыня пред Богом есть все равно, как жертва идолопоклонника. Не ищу я от тебя милостыни, зачем шлешь ты мне милостыню? Я ищу от тебя спасения и мира в душе твоей, пекусь о том, чтобы устроение твое было целомудренное, без всякого шума, заботы и искания похвал человеческих. Если же он возделывает именно таковое, то не помогут ему милостыни его. Пусть остерегается посылать мне такие милостыни, но да посылает мне моления о спасении своем[2], да исправит устроение свое, чтобы мне порадоваться о нем. Растаяло на ложе упокоения плоти и тщеславия покаяние его, растаяли на ложе том и обеты его. Пусть же подумает о спасении своем: чего он хочет и что ему нравится, т. е. пусть отрезвится и рассмотрит, чем именно он увлекся. Да не бродит туда и сюда и не губит души своей, так как подвергает себя опасности погубить свое спасение с тем юным безбородым. Ибо, как предана была честная глава Иоанна Предтечи в руки блудницы, так предается дом попа Тимофея в руки злого расположения к сему молодому.

Да, отдана была честная глава Предтечи в руки блудницы, но как отдана? Отдана была по воле Ирода с Иродиадою. Так сотворилось тоже самое и в доме Тимофея по умыслу его (т.е. Герасим-иеромонах был коварно принужден уйти из келлии Тимофея, как изъяснено будет ниже).

Так как советник твой, говорим: Герасим, – задевал их в злом расположении их, то они и завистно сотворили, изобрели способ изгнать его в отместку из дому. По действию беса, явился к ним один юноша злого расположения, чем весьма возмутился той советник. Видя это, злоумышленники советника

---

[1]Т. е. совершать безкровную жертву.

[2]Т. е. пусть усилит молитвенные подвиги.

твоего обрадовались сему, начали говорить между собою: скоро узрим отмщение наше вожделенное. Советник же твой, не ведая того, что они имеют завистную страсть к нему, стал говорить им: устраним юного, ибо я тяжко соблазняюсь на него. Старец же сказал Герасиму: "Допустим, удален будет он от меня; кто же тогда спасать меня будет в потребностях тела моего, т. е. кто станет мне, старику, прислуживать, как он, и помогать старости моей? Ты, имея барский нрав, скажешь: не могу, другой сотворит то же; с кем же я буду жить?" Услыхав такие слова, советник твой замолк о сем деле. Начали же влепляться, т. е. влюбляться, и другие в юношу. Юный, видя, что старец и другие влюблены в него, начал умножать соблазн, т. е. кокетничать против советника твоего до того, что Герасим решился удалиться. Старшие, узрев, что Герасим удаляется, рукоплескали юноше в погибели его; так и погиб юноша. Но не только юноша погиб, но и сами старцы погибли в погибели юноши, да и многие другие души чрез это повредились в скиту.

Так как простой народ не желал усекновения Предтечи, то Ирод изобрел особое ухищрение с Иродиадою и таким образом извел Предтечу из жизни сей. То же и советнику твоему. Так как скит не хотел, чтобы Герасим покидал дом, то жильцы изобрели ухищрение с молодым и тотчас извели из скита советника твоего.

Когда скитяне стали спрашивать старца Тимофея: "Из-за чего изгоняете попа из дому", то старшие ответили: "Ужели станем мы его прогонять? Что же нам делать? Он блазнится молодым и сам удаляется. Мы говорили ему: не убегай от метания твоего, – он не слушает, что же нам делать?" Противники Герасима говорят старцу: "Смотри, старче Филарете (Филаретом называют Тимофея за его якобы милостивость, льстя ему), не выпускай молодого из рук твоих, потому что он способен ходить за тобою в старости твоей, а кто сидит, т. е. оставаться хочет, – пусть сидит, лишь молодого не изгоняй". Отвечает старец: "Слово сие – дельное!" Говорят противники: "Только ты его, (Герасима) убеждай, чтобы он не уходил из дому, т. е. для виду уговаривай, потому что в соборе у него есть помощь (можно понять так, что у него есть в скиту заступники, или что он полезен для богослужения в скитском храме). Если послушает вас – хорошо, не послушает – пусть отправляется куда хочет". Старец далее говорит противникам такой навет про Герасима: "Недавно я не мог и пить красного Кумиотского островного вина; сошел вниз в погреб, достал из бочонка часть кружки и выпил его; оно было келлиотское, т. е. хорошее белое; в то самое время,

когда я пил, пришел Герасим и, увидав меня пьющим, прямо взбесился, да еще так меня отделал, что все вино из моих ноздрей вытащил; чего только он не наговорил, как только меня не унизил, и не обезчестил...”

О, человече, старче! Ты плачешься на Герасима, восклицая: “Что он со мной делает”. О, несчастный! А ты сам Богу что делаешь? Ты говоришь, что он тебя унизил, а сам Бога каким только презрением не презрел в заповедях Его? Говоришь, что Герасим тебя обезчестил, а сам какой творишь позор пред Богом с тем молодым? Говоришь, что Герасим тебя отделал так, что все вино вышло из твоих ноздрей, а сам ты каков пред Богом? Что сделалось с тобою, несчастным, что ты тайно стал вино пить? Что же станут делать другие, когда узрят, что ты тайно пьешь? Вот уже и молодой, видя, что ты тайно пьешь, сам начал тайно пить вино, взяв эту злую привычку у тебя. О, старец, спрашиваю тебя: “Что рождает волк? Рождает ли он ягнят?” Нет, он рождает не ягнят, но волчат... А поядает, т. е. твой молодой волчонок, твоих старших овец, т. е. старших братий.

Ирод, усекнув главу Иоанна Предтечи, потом представлялся якобы опечаленным о смерти честного Крестителя, тогда как сердце его радовалось и взыграло.

Теперь спрашиваю я тебя, о, старче, пастырю, кто виноват в удалении попа Герасима? Ни юноша не виноват, ни поп сам, только ты виновен вместе с человеком твоим, с которым сотворил сей коварный совет. Поп обличает вас в вашем безчинии. Посему тотчас вы сотворили ему отмщение, сотворив совет вместе с тем человеком, как Ирод с Иродиадою, об изгнании Герасима.

Да, изгнали вы его из дому, но я не изгнал его, т. е. хотя в предыдущих моих явлениях через Феофана я строго запретил Герасиму уходить из его келлии под угрозою лишения заступничества святого, но в данном случае оправдываю его уход; я не изгнал его от части благих, а вы подыскали к тому хитростный способ с молодым. Поп удалился из вашего дома, как прекрасный Иосиф, чтобы не повредить душу свою, как уже повредились души других.

Ты, старче, любуешься безчинием молодого, но что он дальше будет творить в своем безчинстве? Поведение его, возбуждающее похоть, будет растлевать души людей, как уже и растлились души некоторых мысленным соблазнением. Хотя виноват в сем сей молодой, однако горе и тому, кто, имея его под начальством своим, не исправляет его состояния и не подтягивает, чтобы через строгое исправление юноша исправился.

Что мне с ними делать? Раз они заповеди старца своего

не исполняют, тем более не станут исполнять моих собственных вещаний (т. е. Тимофей не побоялся преступить завещания добродетельного покойного старца своего аввы Тимофея, на что и намекает святой). Вследствие сего преслушания – сколько душ в скиту растлеваются. (Здесь намек на преступление завета афонских отцев и патриархов вселенских не держать молодых и безбрадых.) Увы! Увы им! Это повлечет за собой великую смуту; они сами ищут смуты себе. Да, старцы воздадут великий ответ за повреждение душ человеческих из-за невоспитанности (*досл.:* непостоянства) их послушников...»

Сие и еще иное многое сказал святой Нил Эхмалотосу, которое я выпустил ради сокращения (т. е. на этом видение окончилось). Феофан, по определению святого, продолжал сорок дней страдать от беснования, но не так тяжело, как в первый день болезни.

Глава XXII

Видение Феофаном всех грехов своих, состязания о нем между ангелом и бесами

Феофан за грехи свои получил кару по проречению святого и мучился сорок дней, как предрек святой. На сороковой же день Феофан проснулся в полночь, тотчас закружился, упал вниз и померкли очи его. Ему казалось, что он заснул. Феофан увидел себя совершенно нагим, якобы бродящим туда и сюда по оврагам в чаще лесной. И вот его, бродящего, там поймали корсары, т. е. морские разбойники, и взяли в плен. Эти корсары были ростом низкие и пузатые; какой они были длины, такой были и толщины, тела их были весьма безобразны, видом они были черны. Корсары поймали его, чтобы отвести в темницу и засадить. Когда они шли к тюрьме, встретил их один юноша, молодой, весьма прекрасный лицом. Как только юноша увидел их, тотчас повернулся назад и вошел в одну большую дверь. Дверь эта была как будто от крепостных ворот, т. е. вела как бы в крепость. Снова вышел молодой из двери навстречу корсарам и сказал им: «Стойте». Тотчас они остановились. Юноша спросих их: «Куда идете?» Говорят: «На дело свое идем». Говорит юный: «Оставьте человека и идите себе, куда хотите». Говорят они: «Как нам его оставить, когда он наша собственность?» Говорит юноша: «Не ваш он, ибо вы коварством своим сделали то, что он стал ваш». Тогда говорят корсары: «Он

сам, по своей воле, пришел к нам; мы не просили его; чем же мы виноваты пред ним?» Юноша сказал им: «Оставьте его». Они отвечают: «Как нам его оставить, тем более, что он по своей воле пришел к нам?» Сказал юноша: «По воле пришел, или по неволе, но я говорю вам: оставьте его». Отвечают косары: «Во веки никогда не можем мы его оставить; сейчас поставим его на весы; как весы решат, так пусть и будет». Тотчас были поставлены весы пред Эхмалотосом. Тогда юноша вынул из-за пазухи нечто небольшое, подобное ореху, и положил его на одну сторону весов (это нечто тяжеловесное было, по-видимому, покаяние схимнического пострижения, равное второму крещению). Увидав это, корсары сейчас же побежали и стали вдали. Только начальник их и еще семь других остались близ Эхмалотоса.

Эхмалотос стал посреди весов, те семь накладывали на другую сторону множество бумажек, разнообразно свернутых, но положенное ангелом на одну из чашек не поднималось с земли. Нанесли корсары еще других бумаг; наклали на весы так, что совсем наполнили их, но то нечто не поднималось с земли; корсары тогда начали отчаиваться, что придется Эхмалотоса оставить.

Когда корсары недоумевали, что им делать, и стали удаляться, то начальник воскликнул: «Идите сюда, куда уходите? Возьмут его у нас, ничего тогда мы с ним не поделаем и труд наш весь пропадет даром. Чего бежите вы и меня одного оставляете? Чего торопитесь бежать? Что за беда такая, что вы даете победить себя, как каких трусов?» Когда он так говорил, подошел один корсар, держа в руках своих рукописание Эхмалотоса, т. е. то хульное письмо, которое в отместку врагу своему Эхмалотос бросил у его жилища на воздух, а бес подхватил во образе ворона. И положил его корсар на ихнюю сторону; тотчас весовая чашка ангела поднялась с земли, а на которой было рукописание, – опустилось на землю. Увидав это, корсары так возрадовались, что с радости целовали рукописание.

Юноша сказал: «Подайте мне сюда рукописание». Говорит начальник шайки: «Зачем давать тебе рукописание?» Отвечает юноша: «Не для того говорю с тобой, чтобы ты меня вопрошал, но говорю затем, чтобы ты отдал мне рукописание». Возражает начальник: «Зачем заставляешь меня отдать его тебе, когда справедливость определила, что он, Эхмалотос, есть собственный мой? Зачем пытаешься праведность весов сделать неправедной?» Говорит юноша: «Тогда я пойду внутрь, пожалуюсь на вас». Говорит начальник корсаров: «Иди, куда хочешь, но мы никоим образом не отдадим его тебе, хотя бы и изнутри

кто пришел». Юноша сказал: «Не отдашь? Увидите сейчас, что я с вами сделаю».

С этими словами он повернулся и двинулся, чтобы идти внутрь. Тогда старший сейчас же закричал ему и сказал: «Иди, дам тебе». Юноша повернулся, чтобы взять, но они, корсары, опять не стали давать и говорили ему: «Если есть праведный суд, зачем не держишься праведного суда?» Отвечает юноша: «Не тебе так говорить мне, я власть имею повелевать, почему и говорю я тебе, чтобы ты отдал бумагу». Говорит старший корсар: «Не отдам ее тебе, ступай куда хочешь». Услыхав это, юноша тотчас повернулся, чтобы идти внутрь; когда пошел ко входу внутрь, сейчас же закричал старший корсар: «Иди, бери». Юноша, полагая, что получит, повернул назад, но корсары опять не стали давать. Тогда юноша снова повернулся и пошел, однако корсары не дали ему подойти к двери, но кинули ему бумагу. Юноша взял бумагу в руки свои, т. е. рукописание Эхмалотоса, и сейчас же сказал: «Оставьте человека». Услыхав то, старший из корсаров разгневался и сказал: «Мало с тебя того, что ты взял его рукописание себе в руки; теперь еще чего тебе надо от нас?» Говорит юноша: «Я желаю, чтобы вы оставили человека». Корсары рассердились и сказали: «Чего тебе надо? Что хочешь делать? Взял рукописание, и иди себе по своим делам!» Говорит юноша: «Мое дело в том, чтобы я получил от вас человека».

Пока так юноша препирался с бесами, Эхмалотос трепетал от страха, как рыба, стоя посреди весов совершенно наг и ничего не видя пред собою, кроме злых дел своих, разно изображенных на разных бумагах.

Это только и видел он перед собою и ничего больше не видел, т. е. ни одного доброго дела в утешение себе не мог припомнить. Вспоминались ему одни только грехи, содеянные им; грехи сами велиим гласом вопияли пред ним. Каждый грех говорил о своем содеянии, когда был содеян, как и каким образом. Из земного мирского Эхмалотос тогда ничего не припоминал, ни отца, ни мать, ни братьев, ни друзей. Одни только грехи свои припоминал и видел пред собою, с ужасом ожидая, что вот сейчас корсары уведут его от весов и похитят во власть свою. Эхмалотос трепетал от страха. О, кто тогда мог бы помочь, по крайней мере, ободрить его утешительным словом или чем иным? В таких душевных муках стоял он перед корсарами и юношей, который покровительствовал ему.

Говорит юноша корсарам: «Ступайте за своим делом и оставьте человека. Ступайте туда, куда вам приказано». Корсары сказали: «Зачем приказываешь нам идти в другое место, ког-

да нам приказано идти сюда?» Говорит юноша: «Теперь это дело окончилось, ступайте себе на другое». Отвечают корсары: «По твоим понятиям окончилось, а по нашему разумению еще не окончилось». Говорит юноша: «Ступайте, ступайте, и не противьтесь». *Корсары:* «Куда пойдем? У нас нет другого места, только здесь жилище наше». *Юноша:* «Довольно с вас того, что вы пожили здесь, ступайте же теперь на другое место». *Корсары:* «Нам некуда идти; сам скажи, куда мы пойдем?» И сказал им юноша: «Идите туда, где попечения, заботы о сокровиществовании». Корсары ответили: «Там другие есть, борются с ними и не бывают побеждаемы, а мы побеждены. Те приобретают, а мы потеряли. Что за беда такая постигла нас?!»

Вдруг корсары побежали прочь, остался один старший около Эхмалотоса и воскликнул: «Увы мне! Я остался один. Затем убежали вы и оставили меня одного? Идите, идите сюда и не стойте вдали. Идите скорей, иначе его у меня возьмут и уже взяли! Я зло накажу вас за то, что оставили меня одного; я побежден, и он делает со мной что хочет». Потом обратился он к юноше и сказал: «Ты думаешь, что мы так и пойдем туда, куда ты хочешь? Не пойдем ни за что!» *Юноша:* «Я сказал: оставьте человека и ступайте, куда вам приказано, а вы все еще противитесь». *Корсары:* «Велика обида, которою ты нас обижаешь; но, как ни старайся, мы этого человека не отдадим никоим образом; делай что хочешь». *Юноша:* «Если не оставите человека, то собственными руками возьму, а вас я ввергну в огонь. Вот я иду сейчас (т. е. внутрь), увидите, что будет с вами».

И двинулся юноша, чтобы идти внутрь. Тогда корсары премного устрашились и столь смутились, что сейчас же толкнули Эхмалотоса к юноше, сказав: «Иди, бери его. Иди и не ввергай нас во огнь». Юноша сделал вид, что не хочет возвращаться назад; корсары, увидав, что он не поворачивается, перепугались до крайности и поспешно говорили Эхмалотосу: «Ступай к нему, ступай». Юноша, увидав, что они отпускают Эхмалотоса, повернулся назад, но вид его не был уже такой, как перед тем, кроткий и смиренный; вид его был страшный, приводящий в трепет. Юноша был вооружен так, что от одного вида его противники пришли в великий страх, бросили Эхмалотоса, собрали свои весы, забрали бумаги и толкнули Эхмалотоса к юноше, сказав: «Ступай, ступай, скандалотворный человек и лжец». И сказали юноше: «Берите неправедного, вы, которые хвалитесь тем, что вы праведные. Берите лжеца, вы, которые хвалитесь тем, что вы правдивые. Берите нечистого, вы, которые хвалитесь тем, что вы чистые». Тогда воскликнул юноша

противникам, т. е. корсарам: «Не говорите мерзостей, болтуны (или мерзкие болтуны)», – и замахнулся на них своим копьем. Тотчас корсары исчезли с глаз Эхмалотоса; Эхмалотос остался один с юношей. Юноша показал Эхмалотосу рукописание его и сказал ему: «Это твоя рукопись? Узнаешь ли ее?» Эхмалотос, сказав: «Да, она», – простер руку, чтобы взять ее, и сказал: «Отдай ее мне». Юноша же ответил: «Не дам ее тебе, так как ее требуют внутри; пойду сначала внутрь, а потом ее отдам тебе». Пошел он внутрь; через малое время вышел наружу и сказал Эхмалотосу: «Ее там задержали, сказали мне внутри: пусть остается здесь до часа смертного его». Потом сказал Эхмалотосу: «Внимай точнейше, ибо великую беду приять имеешь в час смерти твоей (или вернее: имеешь подвергнуться опасности). Внимание твое да будет попечительным (т. е. о спасении своем). Внимай добре, чтобы впредь не попасться тебе в плен, так как потом не будет тебе более возможности освободиться. Итак, гряди в путь мира».

Юноша, сказав сие, тотчас вошел внутрь и закрыл дверь. Эхмалотос остался один. Пред ним показались две дороги, из коих одна была восходящая, а другая нисходящая. Он раздумывал, какую дорогу взять, и взял нисходящую; когда прошел по ней некоторое расстояние, она оказалась неудобной; сколько ни напрягал он силы, все оказывались препятствия. Эхмалотос тогда вернулся назад, взял восходящую дорогу, пошел по ней и стал восходить. Утомившись от пути, присел немного отдохнуть. Когда он отдохнул, то чихнул; ему показалось, что у него вышла из носу кровь. Тотчас он пришел в себя, увидав себя совершенно нагим; из носа его выходила желчь, во исполнение слов святого Нила, который предрек ему, что, если по истечении сорока дней страдания выйдет у Эхмалотоса из носу кровь, то Эхмалотос должен воздать славу Богу, Который, значит, внял «посредствующему нашему молению». Однако вышла не кровь, а истекла желтая желчь из носу. Сие промыслительно было сделано святым, чтобы кто не подумал, якобы кровь пошла просто от того, что Феофан ударил себя рукою в нос.

Эхмалотос исцелел благодатию святого и стал здрав. Но все-таки преступил заповедь святого записать все то, что говорил ему святой, и не записал, так как на это требовался громадный труд и многое время; утаил это повеление святого и от Герасима. Они удалились тогда вместе с попом Герасимом со Святой Горы в Константинополь, ибо Герасим ничего не знал о сем повелении все записать. Может быть Герасим и смалодушествовал, услыхав от святого о ярости тех, коих обличения заденут за живое.

Однако оба они не возмогли дойти до Царьграда от препятствий, приключившихся им в пути по изволению святого. Они повернули назад во Святую Гору, так как бури и всякие противности не пускали корабль, на котором они должны были дойти до Царьграда; корабль вернулся на Афон. Эхмалотос возвестил попу Герасиму о заповеди святого Нила, повелевшего ему записать все, что святой с ним говорил. Тогда почти целый год они сидели и записывали, т. е. Эхмалотос диктовал, а Герасим и несколько других ревнителей записывали слова его изо дня в день.

Потом в июне 1820 года они удалились со Святой Горы.

Эпилог Феофана-Эхмалотоса

Окончилась эта книга, т. е. написалась со многою болезнию (т. е. трудом) 8 июня 1820 года. Простите мне, отцы и братия, недостатки мои, так как человек я неграмотный; по забывчивости многое оставил, а после, вспоминая, добавлял, написал неграмотно; еще и язык у меня не поворачивался (т. е. косноязычен был, чтобы написать правильно). Чудо же сие есть то, что все-таки написал это, ибо три года спустя, после того, как говорил с ним святой Нил, слова эти он ясно помнил, а после того, как записывал их, больше не помнил[1].

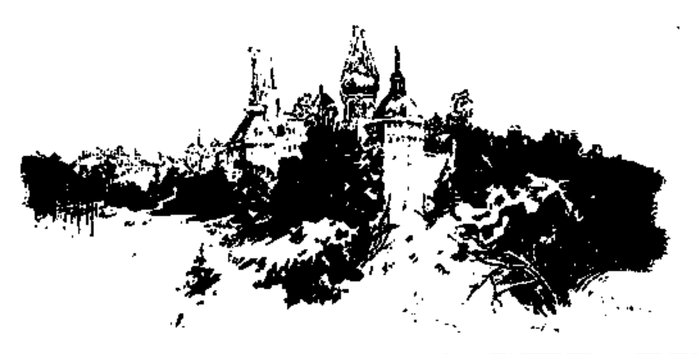
Богу нашему слава!

---

[1]Считаем не излишним добавить здесь несколько разъяснений по поводу такого необыкновенного «подъема памяти» монаха Феофана. Феофан, вследствие слишком утонченного состояния своей нервной системы, всегда находился в состоянии так называемого «транса», т. е. усиленной работы «подсознательных» (трансцендентальных) сил и способностей души, обычно скрытых, подобно солнечным лучам за облаками, за напряженною работою нашего обычного, обыденного (эмпирического) сознания. Таким образом, для всякого очевидно, что мы здесь имеем дело с памятью трансцендентальною, подсознательною, которая работает всегда с такою напряженностью и силою, о которых обычная память и мечтать не может. Можно сказать, трансцендентальная память, воспроизводя прошлое до мельчайших подробностей, является фотографом по отношению к припоминаемому, воспроизводимому предмету, тогда как обычная, рассудочная память лишь живописцем с этой же фотографии. Поясним сказанное примером. Во сне наша душа часто впадает в трансовое состояние и воспроизводит иногда прошлое в таких мелочах и подробностях, какие никогда и не припомнились бы нам в бодрственном состоянии.

Пишущий эти строки однажды видел во сне воспроизведенный факт из своего прошлого (лет десять назад) с такими мелочами и подробностями, каких он, конечно, не мог бы воспроизвести и припомнить в бодрственном состоянии, тем более, что от этих мелочей его отделяли целые десять лет.

Теперь, самое главное, — трансцендентальная область нашей души или «дух» есть, по выражению Московского митрополита Филарета, — «вершина нашего существа, которою оно соприкасается с Духом Божественным»...

ЧАСТЬ VI

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА МИРОТОЧИВОГО[1]

Святой и блаженный Нил, воссияв в поздние времена, подвигами своими превзошел многих, даже древних подвижников. Новое доказательство, что добродетель, благочестие и любовь к Богу не определяются временами и годами, но имеют свое основание в нашей воле и произволении.

Святой Нил был сын благочестивых и православных родителей, имевших свое жительство в Морее, или нынешней Греции, в селении святого Петра, Законийской епархии. Воспитание его ограничивалось пределами места его рождения. В ранних еще летах лишился он своих родителей, но нашел отца в дяде своем иеромонахе Макарии. Этот дядя был бдительным и любящим надзирателем за всеми движениями ума и сердца сего будущего сосуда благодати Святаго Духа. И нетщетными оказались многозаботные попечения пестуна над его воспитанником. Племянник, обладая прекрасными природными дарованиями, при неусыпном и искреннем о нем старании дяди, оказывал быстрые успехи в умственном и нравственном

Как в морской воде неизбежна химическая примесь разных минеральных веществ, так в трансцендентальной области нашего духа всегда действует участие высших, сверхъестественных сил, хотя мы сего обычно не замечаем... Следовательно, до какой силы и напряженности могла дойти трансовая (а не обычная) память Феофана, усиленная еще прп. Нилом!..

[1]С лаврской рукописи келлии преподобного Нила.

отношениях. Поэтому, достигнув законного возраста, юный Нил принял монашеское пострижение и удостоен был рукоположения во иеродиакона, а потом и во иеромонаха. Таким образом, достопочтенный дядя и достойный его племянник единодушно подвизались подвигом добрым. Но сии высокие и девственные души, быв уязвлены пламенною и всецелою любовью к пресладкому Небесному Жениху, – во славу его, возгорели желанием подвигов больших. Нашедши настоящее свое местопребывание недостаточным для осуществления такого пламенного своего желания, они, удалившись из своего отечества, пришли на Святую Афонскую Гору. Посетив здешние обители, скиты и пустыни с целью обрести местность, удобную для безмолвия и высоких подвигов, наконец, пришли они в одно место, издревле называемое *святые Камни*. Это место тогда было еще пусто и не заселено, ибо отличалось чрезвычайною дикостью и безводностью. Блаженный Макарий и божественный Нил, нашедши его однако ж весьма удобным для глубокого безмолвия и совершенно соответствующим святым намерениям, исполнились такою радостию, какую ощущают люди, обретшие многоценное сокровище. Полные этой неподдельной радости, они явились в лавру, испрашивая благословения на владение этим местом[1] и на устроение там келлии. Игумен лавры со старшею братиею, видя чистоту и божественное житие просителей, которые и самою своею наружностью внушали к себе почтение и уважение, с радостью согласился на их прошение; в знак своего согласия на то лавра дала им письменное удостоверение. А священный Макарий, по обыкновению Святой Горы, внес в лавру небольшой денежный вклад, как дань дружбы. Получив таким образом право на владение местом, блаженные труженики приступили к расчищению его. Каких стоило им это трудов; сколько при этом пролито ими поту! Но души, разженные ревностью по Боге, не замечали своих трудов; вскоре востал, как бы феникс, святой храм с помещениями при нем для земных ангелов, имеющих славословить Его во дни и в нощи. Блаженный Макарий устроил при келлии престол и церковь, освятил ее во имя св. Петра, Афанасия и Пресвятыя Богородицы. Расписали церковь иконами сами, так как были искусными иконописцами; утварь же и книги приобрели на последние, взятые из дому деньги.

Перед смертью Макарий написал духовное завещание, по которому Свято-Петрийскую келлию (ныне Спанон) и все, находящееся в ней, передал, как свою собственность, на правах келлии, ученику своему иеромонаху Нилу. Завещание

---

[1]Оно находится в области лавры.

сие сохранилось. Скоро, по устроении келлии, божественный Макарий мирно почил о Бозе от бремени праведных трудов своих, сделав племянника своего преемником, наследником во всем и достойным правителем келлии.

После сего блаженный Нил, более и более разжигаясь пламенем любви ко Христу, желая совершенной неразвлекаемости в подвигах своей любви, стремясь слить свою любовь с Превечною Любовию, находит и это место не совсем соответствующим святым стремлениям пламенной его души. Посему, он отыскивает другое, более способное удовлетворить его стремлению, и поселяется в нем. Место это в то время, по своей дикости, суровости, обилию наводящих ужас исполинских скал и стремнин, было недоступно не только для людей, но даже и для зверей, имеющих обыкновенным прибежищем высокие горы и камни (Пс. 103, 18). Во впадине пещеры прп. Нил освятил престол во имя Сретения Господня.

Истинно любящие Бога и живущие по Богу всячески стараются скрывать свои добродетели, плач и слезы, опасаясь стрел тщеславия и похвалы людской; они желают, чтоб ум их не был стесняем заботами о суетном и мирском, но чтобы был постоянно устремлен к Богу. Так точно и божественный Нил, желая, чтобы и самые сподвижники не слышали сердечных его воздыханий и молитв к Богу, не видели подвигов и слез, чтобы ум его и сердце постоянно заняты были Богом, чтобы никто не мог прерывать небесных его упражнений, для своего уединения нашел место неприступное почти ни для какого живого существа, нашел и, не обращая внимания на невыразимые трудности и даже опасности жизни, поселился в нем. Поселившись, мужественно терпел он до конца своей жизни всякую тесноту и бедствие, презрев всякое телесное упокоение и человеческое утешение. Какие же подвиги видела пещера, вместившая сего мужественного подвижника! Коликим она оросилась излиянием теплых слез плакавшего пред Богом и день и ночь! Какой борьбы с демонами и каких побед над ними была она свидетельницею! И после побед над темными силами, коликими она освятилась небесными видениями и ликостояниями ангелов, являвшихся сюда для утешения равноангельского подвижника! Всего этого хорошо мы не знаем; это известно только Всеведцу. Но для нас самое место его подвигов есть безмолвный и громогласный проповедник о величии их; не менее того свидетельствует о том и прославление мертвенных священных его останков.

Вот настало время и окончания земных злостраданий сего славного подвижника, и упокоения его там, где ни плача, ни вопля, ни болезни не будет к тому (Апок. 21, 4). Умерщвляв-

ший по вся дни свое тело безболезненно отдает общий долг смертности и отходит к Тому, Коего душа его желала от юности, возносясь на небеса в песнопениях и ликовании ангелов. В теснейшей своей пещере, ознаменованной и освященной столькими дивными подвигами, он мирно предал в руце Божии мирный свой дух. При пещере же братия его келлии благоговейно предали земле многопобедное и многотерпеливейшее его тело.

Убегавший человеческой славы при жизни, прп. Нил не восхотел ее и по смерти. Посему, умирая, сделал клятвенное завещание, чтобы никто не дерзал отрывать его останков (как то водится во Святой Горе, где кости умерших отрываются через три года). Согласно этому, почитатели святого похоронили святое тело в небольшой пещерке, под его пещерою, утвердив над изголовьем надпись с запрещением отрывать тело преподобного.

Но Господь, по неложному слову Своему поставляющий светильники на свещницах, прославил святого угодника Своего тем, что его девственное и от юности посвященное Богу тело, очищенное и утонченное постами, омытое слезами, облагоуханное молитвами, – сие святейшее тело Бог превратил в миро и благоволил ему истечь в явление людям, из гроба, чрез малое отверстие и по отвесной скале стекаться к морю. Неслыханное чудо такого небывалого истечения мира сделалось вскоре известно всему православному востоку; отовсюду стали нарочно приходить корабли почерпнуть мира из чудесного потока. Место, куда стекало миро и куда сходились корабли почерпать его, тоже весьма знаменательно в истории Афона; оно называется *Каравостас* (ибо некогда против него остановился неподвижно среди моря корабль с плывущим на нем святым Петром Афонским, не двигаясь вперед до тех пор, пока не высадили Петра на берег, где он должен был положить начало афонскому пустынножительству). Итак, теперь, много лет спустя, избраннейшее чадо, подвизавшееся в пещере по образу отца своего, в благодарность отцу почтило место его высадки на афонский берег благоуханным миром. Безчисленные исцеления и чудеса, последовавшие от мира преподобного Нила, побудили святую Церковь причислить его к лику святых, с присвоением ему имени Мироточивого.

Рассказывают, что ученик, оставшийся после святого Нила и бывший очевидцем скромности и глубокого смирения своего старца при земной его жизни, не вынося молвы от множества стекающихся мирян, тревоживших покой Святой Горы, будто бы решился жаловаться своему прославленному старцу на него самого, что он, вопреки своим словам – не искать и не

иметь славы на земле, а желать ее только на небесах, – скоро весь мир наполнит славою своего имени и нарушит через то спокойствие Святой Горы, когда во множестве начнут стекаться к пещере для исцелений? Это так подействовало на святого мироточца, что тогда же миро иссякло. В недавнее время некоторые из кавсокаливских отцов, получившие исцеление от различных болезней через благоговейное молитвенное призывание святого, по чувству глубокой благодарности решились построить при его пещере храм. 7 мая 1815 года от Р. Х. было приступлено к постройке. Копая место для оснований храма, открыли незамечаемый дотоле свод, из которого вдруг вышло неизреченное благоухание. Надобно сказать, что до того времени все были уверены, что гроб преподобного и мощи его находятся при его пещере, но никто не знал определенно, в каком именно месте. Для непытливой веры достаточно было только знать, что там находится чтимая ею святыня. Итак, разломав этот свод, нашли под ним безценное сокровище – священные мощи святого, благоухавшие неизъяснимым райским ароматом. Тотчас же сообщили об этом лавре. Лавра немедленно послала туда иереев. Иереи, взяв с величайшим благоговением из-под свода святые мощи, перенесли их в лавру, где в то время находился Константинопольский патриарх блаженный Григорий V, который и участвовал при встрече святых мощей.

Лавра, прилично украсив череп и челюсть святой главы, первый оставила у себя, положив его во святом алтаре вместе с другими святыми мощами, челюсть же отослала в келлию святого Нила, во освящение пребывающих там и приходящих туда, ради благоговения к святому и почитания его памяти.

Между тем, окончен был устройством и священный храм при пещере святого Нила. Он, сообразно с пространством места, может вместить не более 10 или 15 человек. Позади алтаря сего храма означено место, где был гроб святого.

Следы потока мира и тепер заметны в скале (особая ложбинка).

Память преподобного празднуется 7 мая в честь перенесения его мощей и 12 ноября в день кончины.

Преподобному отцу нашему Нилу

Тропарь, гл. 1

Монашествовав Богоугодно в Горе Афонстей, в молитвах и постах Бога взыскал еси. И стал еси приятелище чистое Духа, облиставая верным добродетелей лучи, ими же осияваеши, Ниле, вопиющих тебе: Слава прославльшему тя Богу,

слава венчавшему тя, слава действующему тобою всем исцеления.

Кондак, гл. 3

Еже от земли явление священных мощей твоих, Ниле, совозсияло сиянию[1] Креста, того бо вожделел еси тепле от младенства. Кости твоя, сораспявшияся Христови, воскресшему, яко превечному Богу, того прияша благодать.

Нил орошает водами землю египетскую,
Нил же напояет афонских монахов,
Нилова слава воссияла в день седьмый.
Того святыми молитвами, Христе Боже,
помилуй и спаси нас. Аминь.

---

[1]Как сказано выше, мощи преподобного были обретены 7 мая 1815 года. В этот день (7 мая) Православная Церковь празднует явление в Иерусалиме на небеси знамения Честного Креста Господня (бывшее 7 мая 351 года, в царствование Императора Констанция; очевидцем сего чуда был и св. Кирилл, епископ Иерусалимский, описавший его; о нем говорит и церковный историк Созомен). Обретение мощей преподобного Нила, бывшее в 1815 году, произошло 7 мая, совпало с этим праздником. Посему в кондаке преподобного Церковь воспевает вышеприведенные слова. «Еже от земли явление священных мощей твоих, Ниле, совозсияло сиянию Креста».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О предметах духовных вообще

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О монашестве

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Обличение грехов святогорцев XIX столетия

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Повесть о Сервии о судьбе скита его

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Описание явлений святого Нила Феофану

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

